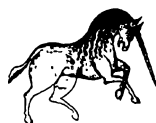

The background of the image is a medieval illustration. The upper portion shows a dense cityscape with various buildings, including a large domed structure on the left and several multi-story buildings with red and grey facades. A balcony with a wooden railing is visible on the left. The lower portion shows a street scene with several figures. On the left, a group of people, including a man in a red tunic and a woman in a blue tunic, are standing near a horse. In the center, a man in a blue and red tunic is riding a brown horse. On the right, a group of people, including a man in a yellow tunic and a woman in a pink tunic, are standing near a horse. The overall style is that of a medieval manuscript illumination.

ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ГОРОДСКИЕ
СООБЩЕСТВА
ЗАПАДНОЙ
ЕВРОПЫ
В СРЕДНИЕ ВЕКА

МОСКВА «ИНДРИК» 2018

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
в рамках проекта «Самоорганизующиеся структуры
средневекового города: генезис, классификация,
механизмы функционирования»
(грант № 16-18-10393)

Под редакцией
П.Ю. Уварова, Г.А. Поповой

**Городские сообщества Западной Европы
в Средние века. — М.: Индрик, 2018. — 560 с.**

ISBN 978-5-91674-533-7

В книге рассматривается ряд проблем, связанных с появлением, становлением и функционированием сообществ в городской среде Европы в Средние века и раннее Новое время.

Отправной точкой для исследовательских гипотез в первой части книги стала ревизия основных социологических понятий, используемых в историографических традициях европейских стран для описания социальных структур прошлого. Намечена модель предметной области с опорой на собственные эмпирические изыскания авторов и данные предшествующих исследований, свидетельствующие об удивительном разнообразии самоорганизующихся и саморегулирующихся сообществ Средневековья и раннего Нового времени.

Вторая часть монографии объединяет исследования, посвященные различным примерам средневековых городских общностей. Предпринята попытка описать возникновение, становление и развитие общих и частных типов социальных структур в городе.

В третьей части сделана попытка выйти за рамки отдельных сообществ, обратив внимание на сферу их взаимодействия, тот контекст, в котором происходило это взаимодействие. Также ставится вопрос об осознании специфики самоорганизующихся городских сообществ в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени, о путях их встраивания в более крупные политические структуры.

СОДЕРЖАНИЕ

Ч А С Т Ь I

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СООБЩЕСТВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ УРБАНИСТИКИ

П.Ю. Уваров, Г.А. Попова	
Почему социальные системы западноевропейского средневекового города?	11
А.А. Анисимова	
Изучение «общностей» в английской городской историографии: основные тенденции и направления	34
А.А. Майзлиш	
В поисках институционализации: городские сообщества и надгородские структуры Исторических Нидерландов в современной историографии	53
П.Ю. Уваров	
Общины, приходы, диоцезы и другие общности в современной французской историографии: социальные следствия «пространственного поворота» ...	75
А.А. Королев	
Проблема происхождения каноников в исторической мысли	103

Ч А С Т Ь 2

САМООРГАНИЗУЮЩИЕСЯ СООБЩЕСТВА
СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ТРАНСФОРМАЦИИ, ФУНКЦИИ

Г.А. Попова	
«Добрые люди», кабальеро, клирики, мосарабы, кастильцы и другие жители кастильских средневековых городов	127
А.А. Анисимова	
Общности в малом городе: Организация горожан в монастырских городах Юго-Восточной Англии	165
А.А. Королев	
Сообщества секулярных каноников: формы организации и парадоксы осмысления	198
И.Н. Мастяева	
Школы «долгого XII века»: На пути к самоорганизации	249
П.Ю. Уваров	
От школ к университету: рождение корпорации	277
Е.Н. Кириллова	
Ремесленные и торговые корпорации во Франции	306
Н.В. Срединская	
Контрада как самоорганизующаяся структура средневекового итальянского города (на примере Венеции, Феррары и Сиены)	351
А.А. Майзлиш	
Союзы сукноделов и стрелковые гильдии в Исторических Нидерландах: стратегии выживания и принципы взаимодействия	367
Д.И. Вебер	
Братство черноголовых в городах Ливонии	390

Ч А С Т Ь 3

СОЦИАЛЬНАЯ ТКАНЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Н.Б. Срединская	
Механизмы формирования и развития средневекового городского права Северной Италии (по материалам нотариальных актов Феррары XIV века)	407
Н.С. Назарьева	
Топография Парижа начала XVI века глазами нотариуса	459
Е.Н. Кириллова	
Общие собрания ремесленных корпораций в Реймсе XV–XVIII веков	477
П.Ю. Уваров	
Адвокаты времен абсолютной монархии о средневековых городских сообществах	491
П.Ю. Уваров, Г.А. Попова	
Средневековый город. Сложность как критерий	541
Библиография	548

Ч А С Т Ь 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ
И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ПРОБЛЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
СООБЩЕСТВ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ УРБАНИСТИКИ

ПОЧЕМУ СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА?

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГОРОД ГЛАЗАМИ ОТЦОВ-ОСНОВАТЕЛЕЙ

Для классиков социологии западный город интересен в первую очередь своей автономией и наличием саморегулирующихся структур. Прежде всего вспоминают Макса Вебера и его книгу «Город». Созданный им идеальный тип города¹ привлекателен моментальной узнаваемостью, создающей иллюзию целостности и ясности. Дальнейший анализ может показаться избыточным — историку остается либо иллюстрировать положение о западном городе, либо вычленять из этого универсального концепта один или несколько элементов и описывать их на основании источников, как правило, письменных. Но характеристика города как социальной структуры при таком подходе неизбежно сводится к разговору о сообществе полноправных горожан, что составляло специфику Запада, где, в отличие от Востока, «город превратился, хотя и в различной степени, в автономное и автокефальное правовое объединение, в активную «местную корпорацию», а должностные лица города стали полностью или частично органами этого учреждения»².

Еще ранее проблематику социальной природы города затронул Фердинанд Тённис, предложивший широко известную оппозицию *Gemeinschaft/Gesellschaft*. Российские социологи так и не смогли договориться об адекватном переводе

¹ Не следует забывать, что *идеальный тип* — это теоретическая конструкция, предназначенная для выделения основных характеристик социального феномена; она не имеет референции в действительности. Понятие идеального типа играет роль своего рода измерительной шкалы, линейки при изучении конкретных исторических событий и ситуаций. Идеальный тип получается посредством мысленного усиления определенных элементов действительности.

² Вебер М. Город // Избранное. Образ общества / Пер с нем. М.И. Левиной. М., 1994. С. 341.

этой оппозиции на русский язык (предлагая то общину/общество, то общность/ассоциацию), поэтому в отечественной литературе эти термины порой употребляют без перевода — «гемайншафт» и «гезельшафт»³. Данная оппозиция призвана была подчеркнуть различие традиционной и современной фаз истории. Это тоже идеальные типы, в реальности не существовавшие в чистом виде. «Гезельшафт» основан по принципу свободной ассоциации; таковы современные Тённису политические партии, предприятия, правительства, добровольные общества и союзы, где независимые друг от друга люди оказываются связаны договорными отношениями, выстроенными на рациональной основе. «Гемайншафт» предполагает единство «крови, почвы и духа» и характеризуется тем, что человек оказывается членом общины в силу самого факта своего рождения. Наиболее приближенным к данному идеальному типу является семья, основанная на кровной и эмоциональной связи. Но, как указал Тённис, общины сами могут порождать ассоциации, и здесь в качестве примера он приводит средневековые гильдии, церковные приходы, монашеские ордены. Эти ассоциации основаны на дружеских связях, духовной близости, узах соседства, общих верованиях. Но важно, что в этих случаях так или иначе сохраняется идея семьи, а внутренние отношения выстраиваются как связи между родственниками, между учителем и учеником, хозяином и слугой и носят персональный характер.

Таким образом, для патриарха немецкой социологии социальный строй средневекового города представляет особый интерес, занимая важную позицию если не в эволюционном, то хотя бы в логическом ряду. Представляя собой усложненный тип общинной организации, он все же остается в рамках идеального типа «гемайншафт», прежде всего из-за важнейшей роли религиозного фактора⁴.

Религиозный фактор общинной жизни оказывается краеугольным камнем и для теоретических построений

³ Филиппов А.Ф. Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Георга Зиммеля // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 65–81.

⁴ Не следует забывать о том, что Ф. Тённис писал свою книгу во время Культуркампфа, призванного по возможности отделить современное прусское государство от конфессионального наследия.

французского современника Тённиса и Вебера — Эмиля Дюркгейма. Религиозные церемонии, ритуалы рассматривались им как главное средство единения общины древнего города. Ритуал, цементируя единство общины, проводил границу между нею и внешним миром. Только культ гарантировал права собственности и физическую защиту на ранних стадиях коллективной жизни. Но именно в рамках города, согласно Дюркгейму, происходил переход от механической солидарности к более сложной солидарности — органической. Гражданская религия вытесняет на периферию родовые культы. Постепенно утрачивая эмоциональную насыщенность и связь с повседневной жизнью, гражданская религия городов-государств становится более отдаленной от людей. В средневековом обществе происходит более четкое, по сравнению с античностью, выделение социальных институтов, ответственных за управление, религию, образование и экономику. В связи с этим христианская религия становится более абстрактной, что ведет к еще большему освобождению индивида от власти коллективного ритуала. Поиски природы социальной солидарности Дюркгейм вел во всех своих фундаментальных работах, начиная от «О разделении общественного труда» (1893) и кончая «Элементарными формами религиозной жизни» (1912).

Итак, отцы-основатели современной социологии единодушно, хотя и каждый по-своему, отводили городу, в особенности городу средневековому, очень важное место в общей теории становления современного общества.

Но обратим внимание на то, что тогда природа городского строя, и в особенности происхождение городов, не менее интенсивно обсуждалась историками. Однако их дискуссии шли без отсылки к социологическим теориям⁵. Историки «золотого века научной историографии» пока еще не нуждались в авторитете социологических теорий. Скорее наоборот, социологи вдохновлялись работами историков. Тот же Дюркгейм не скрывал, что главным импульсом для его исследований стало знакомство с творчеством Фюстеля де Куланжа.

Позднее ситуация поменялась. По-видимому, начало этому процессу было положено в нашей стране. Уже в 1923 г.

⁵ Белов Г., фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии / Пер. с нем. Е. Петрушевской; предисл. и ред. Д. Петрушевского. М., 1912.

А.И. Неусыхин подчеркивал превосходство Макса Вебера над современными ему германскими историками в изучении города и призывал советских историков следовать веберовской эмпирической социологии⁶. Однако вскоре ему и его коллегам объяснили, что источником вдохновения советского историка может быть только одно генерализирующее учение.

Для марксистской медиевистики проблематика социальных структур средневекового города приобретала несколько неожиданное значение⁷. Противостоял ли европейский средневековый город своему феодальному окружению? Для тех, кто противопоставлял город феодализму, были важны его коммунальное устройство и горизонтальные связи, его чуждость феодальной природе и его динамичное развитие. Но противники этого направления также указывали на корпоративизм, присущий городским сообществам и собственности горожан, что, с их точки зрения, делало города органичной частью феодального общества, в самом оптимальном случае даже отводя городам роль коллективного сеньора. Марксистская медиевистика с ее установками на универсальный характер феодальных отношений распространяла европейский опыт если не на все, то на многие регионы мира, ориентируя на поиск общих черт у городов Запада и Востока. Утверждение о том, что средневековый корпоративизм в наиболее полной мере выражался в цеховой организации ремесла, нацеливало на поиск организованного ремесла и торговли в городах большинства регионов на всем протяжении Средневековья. Кроме того, молчаливо предполагалось, что коммунальное устройство было общим для большинства средневековых городов⁸.

⁶ Неусыхин А.И. Социологическое исследование Макса Вебера о городе // Под знаменем марксизма. 1923. № 8–9.

Речь идет не только об отечественном опыте. Постан в свое время написал, что город чужд феодальному обществу, и не он один так думал. Город воспринимался как проводник модернизации и будущего капитализма; даже у Ф. Мейтланда при желании такое можно вычитать. Р. Хилтон потом напишет об обратном.

⁸ Достаточно посмотреть соответствующие главы советских учебников по истории Средних веков — корпоративное ремесло и коммунальное (а то и республиканское) устройство городов занимают от 95 до 100% материала, посвященного средневековому ремеслу и статусу города в средневековом обществе.

Был ли западноевропейский город уникальным феноменом западноевропейского же Средневековья? Вопрос для медиевистики XX в. почти риторический. Безусловно, да. И в первую очередь как объект для исследований в рамках социальной истории. Выше уже шла речь о том, как оформилась эта идея, общая для социологов и историков. Моделирование идеального типа западного города путем составления и постоянного уточнения списка его характерных черт уже много лет исправно служит историкам в качестве обоснования научности их работы. Однако постоянно возникают споры о том, что очень многие из этих черт, а иногда и их сочетание нельзя считать уникальными именно для западного города, а кроме того, похоже, что тех городов, которые максимально близки к идеальному типу, в средневековой Западной Европе было меньшинство. Почему же их следует считать определяющими для всего региона? Может быть, следует признать, что такой объект, как западноевропейский средневековый город, средствами социальной истории изучению и описанию не поддается?

«БУДЕМ ЕСТЬ СЛОНА ПО ЧАСТЯМ»

Фактически накопление исследовательского опыта привело к тому, что город превратился из объекта с жесткой структурой в своего рода среду, в которой существуют и взаимодействуют интересующие исследователей феномены. Одним из наиболее популярных предметов интереса медиевистов остается социальная группа или общность, сообщество. Весь богатый опыт наших предшественников показывает, что мы можем гораздо более обоснованно рассказывать об общностях, чем о людях. Эмпирические изыскания и наблюдения историков свидетельствуют об удивительном разнообразии подобных общностей. Среди них — религиозные братства-конфрерии, основанные на разных принципах (производственном, соседском, гендерном, земляческом и др.), различного рода «сестеры», «пятины», кварталы — военно-административные территориальные объединения, вичинии — объединения соседей, бесконечное множество цехов, ремесленных корпораций, компаньонажей, гильдий, приходские объединения, политические «партии», зачастую организованные по корпоративному

принципу, кланы, консортерии, множество «рекреативных корпораций» — объединения молодежи, стрелковые гильдии, союзы для организации мистерий и фарсов, «литературные общества», не говоря уже о таких специфических формах, как сложносоставные университетские корпорации (Парижский университет представлял собой конфедерацию семи автономных общин — факультетов и «наций»). Не следует забывать и обо всей городской общине, о муниципалитетах и связанных с ними корпорациях. Были сообщества, не ограничивающиеся внутригородским пространством, — от союзов городов до купеческих ганз, гильдий, межгородских объединений, союзов подмастерьев разных городов. Список подобных организаций можно продолжать довольно долго. Что-то из этого изучено достаточно подробно, что-то — менее. Мы перечисляем их, полагаясь на интуицию, и даже можем прибегнуть к классификации, например, по функциональному принципу (разделяя сообщества на производственные, военные, религиозные и др.), но насколько легитимной была бы такая типологизация в глазах современников? Впрочем, и для нас типологизация оказывается не так уж полезна в изучении истории социальных структур: крайне редки примеры общностей, которые могут быть отнесены только к одной категории, даже в такой очевидной классификации, как функциональная. Если же, например, все или почти все городские сообщества многофункциональны, то по какому принципу нам следует выделять «главную» функцию с целью классификации и что нам эта операция позволит узнать?

Кроме того, важной характеристикой сообществ, возникших в городах, и одновременно причиной их популярности у исследователей был и остается тот факт, что у нас гораздо больше информации в источниках о различных аспектах жизни именно в средневековых городах, нежели за их пределами. Можно предполагать, что эта среда способствует разнообразию и «специализации» общностей в гораздо большей степени, чем негородская. Поскольку доказательство или опровержение этой гипотезы предполагает сравнение городских и негородских общностей, что пока невозможно, мы не стали включать ее в круг исследовательских вопросов. Наша задача более скромна: описать такое явление социального мира Средневековья, как городская общность, которая моделируется не как предмет, состоящий из отдельных элементов

или характеристик, а как отношение (связь), что возникает и проявляет себя благодаря осознанным постоянным действиям людей, направленным к совместной цели. В основу этой модели легли некоторые теоретические разработки социологов второй половины XX в. и эмпирические наблюдения антропологов над современными сообществами.

Немецкий социолог и философ Н. Луман, разрабатывая базовые суждения для системной теории, высказал идею, что наблюдению извне поддается не столько система, сколько операция (или операции) по различению системы и окружающей среды⁹. Для поддержания системы в действующем состоянии эти операции различения должны происходить одна за другой, непрерывно и складываться в процесс, который Луман назвал «аутопойесис» (термин, предложенный нейрофизиологами У. Матураной и Ф. Варелой), т. е. «самовоспроизводство»¹⁰. Анализ и классификация операций системы, процесса аутопойесиса и возможностей его наблюдения, которые разработал немецкий социолог, сложились в теорию, которую часто критикуют как избыточно усложненную, «плохо поддающуюся операционализации и потому дискутируемую до бесконечности»¹¹. И, тем не менее, многие интерпретации Н. Луманом социальных явлений XX в., основанные на его теоретических разработках, стали общепризнанными.

В пользу описания общности как системы, наблюдаемой в момент и в процессе дифференциации от среды, говорят также исследования феномена этнической идентичности, проведенные в 1960-х годах Ф. Бартом и его коллегами-единомышленниками. Во Введении к сборнику статей, где впервые была изложена идея об идентичности как процессе поддержания границы между своим и чужим сообществом, Барт пишет о том, что «необходимым условием существования категориальных этнических различий является не отсутствие мобильности, контактов и информации, а наличие социальных процессов исключения и включения, посредством которых дифференциальные

⁹ Луман Н. Введение в системную теорию / Пер. с нем. К. Тимофеева; под ред. Д. Веккера. М., 2007. С. 68–93.

¹⁰ Там же. С. 66, 113–119.

¹¹ Кьюэн Ш.-А. В каком состоянии находится социология? // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 17.

признаки продолжают сохраняться. «...» Этнические группы вовсе не обязательно занимают эксклюзивные территории; в анализе нуждаются разные способы сохранения — не только комплектация групп, но и постоянные формы выражения и подтверждения идентичности»¹².

Итак, общность в средневековом городе будет исследоваться как самовоспроизводящаяся система, постоянно устанавливающая границы между собой и своей средой. Анализируя принципы определения границ таких общностей в городе, степень их автономности в различных сферах, можно будет многое узнать о характере и интенсивности различных социальных связей внутри городской среды. По сути, мы анализируем следы информационного обмена между общностью и средой. Предположительно, эти системы способны при изменении внешних или внутренних условий функционирования и развития сохранять или совершенствовать свою организацию с учетом прошлого опыта. В нашей книге будут рассмотрены конкретно-исторические условия возникновения самоорганизующихся сообществ в городском пространстве основных регионов Западной Европы: Пиренейского полуострова, Северной и Центральной Италии, Франции, Англии, исторических Нидерландов и Балтийского региона. В центре внимания находится процесс социальной трансформации, точка отсчета которого лежит на рубеже XI и XII вв., разделяющем два периода Средневековья. Верхней хронологической границей первоначально было выбрано XVI столетие, однако в ходе исследования стало ясно, что механизмы функционирования общностей, поддержание стабильности их границ в большинстве рассмотренных регионов не претерпевают качественных изменений в эту эпоху и сохраняются на протяжении также и XVII века.

ИСКУШЕНИЕ «ФРЕЙМАМИ»

Помимо сложностей, связанных с корректировкой или даже перестройкой индивидуальных методологий в описании

¹² Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference / Ed. F. Barth. Oslo, 1969. Цит. по рус. пер.: Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий: Сб. ст. / Пер. с англ. И. Пильщикова; Под ред. Ф. Барта. М., 2006. С. 10, 17.

истории социальных структур, мы столкнулись еще с одной общей проблемой, которую метафорически можно было бы обозначить как «сопротивление текста источника». И дело не в том, что мы подозреваем намеренно скрытые пласты информации или выискиваем ошибки. Но очень часто трудно различить, за какими из слов-маркеров действительно стоит некая общность (люди, действующие совместно для достижения общей (или одинаковой) цели, так или иначе ими осознаваемой), а какие являются некоторыми очевидными или желательными составителям текста категориями классификации. В попытках отделить одно от другого мы вырабатывали инструменты поиска, позволяющие идентифицировать общность. Это не набор критериев, а именно инструменты поиска.

Так, в частности, ситуации конфликтов — от судебных споров до вооруженных столкновений между городскими общинами — зачастую образуют контекст, в котором та или иная общность себя проявляет. Мы можем ничего не знать ни о каком-либо уставном документе, ни о критериях членства, ни о существовании какой-либо административной структуры, ни о ритуалах или локализации, связанных с общностью: никаких следов в письменных или других источниках. Но в ситуации конфликта сообщество вдруг начинает выступать одной из сторон. Далее возможны разнообразные варианты: в конфликте может проявиться структура уже существующей общности или она может сложиться в его ходе или даже прекратить свое существование. Роль ситуации конфликта в истории общностей проанализирована сразу в нескольких главах нашей книги, и, хотя не выделена в отдельный сюжет исследования, она стала одним из аргументов в пользу использования в историческом исследовании концепта «фрейм» в той его интерпретации, которая существует в социологии¹³. Тут надо отметить, что среди социологов уже не одно десятилетие идет весьма оживленная дискуссия относительно детализации определения этого понятия и его применения в исследованиях¹⁴.

¹³ Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / Пер. с нем. Р. Бумигилой и др. М., 2003. Термин был воспринят И. Гофманом из трудов Г. Бейтсона по теории коммуникации.

¹⁴ Вахштайн В.С. Фреймы классичности. Ирвинг Гофман как «неудобный классик» социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 2. С. 59–84.

Однако некоторый интуитивный консенсус вокруг понятия фрейма, безусловно, существует и формулируется как «концептуальная метафора». «Ее методологический смысл заключается в направлении внимания исследователя на определенные обстоятельства социального поведения акторов, но не просто в привлечении внимания, а в уже довольно жестком структурировании этого поведения в определенных категориях и дальнейшей интерпретации этого взаимодействия как разыгрываемого по определенному сценарию, наличие которого предполагается и партнером, и интерпретатором, и любым соучастником взаимодействия — сторонним наблюдателем. «...» Попытки превратить эту метафору в операциональное понятие, с четким объемом дескриптивных признаков и указаний, явно никому не удавались»¹⁵.

Чем полезна «концептуальная метафора» фрейма? Прежде всего тем что, обнаруживая в источниках описание «определенных обстоятельств» — конфликта, мы можем попытаться выделить способы структурирования поведения акторов. Существенная особенность использования этого подхода в исторических исследованиях заключается в том, что актором может выступать общность — например, в судебных разбирательствах между городской общиной и монастырем. И перейти на уровень анализа индивидуального поведения сведения источников не позволяют. Именно такие варианты фрейма «конфликт»¹⁶ были обнаружены и проанализированы в ходе описания средневековых общностей.

Кроме того, можно предполагать, что существовали некоторые универсальные фреймы, которые почти всегда складывались у любой действующей, самоорганизующейся, устойчивой общности. Примером такого фрейма является общее собрание членов общины, корпорации, братства.

«Рефлексивные сценарии или фреймы и т.п. возможны, только если наблюдаемая ситуация взаимодействия рутинна и относительно статична, т.е. рефлексивная оценка

¹⁵ Гудков Л.Д. Комментарий к статье В.А. Ядова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 2. С. 98.

¹⁶ Предполагается, что словом «конфликт» мы очерчиваем границы целой группы фреймов. Очевидно, что «сценарии» поведения в судебном разбирательстве существенно отличаются от тех, что реализуются при вооруженном столкновении.

перформанса акторов возможна лишь на фоне институализированных практик взаимодействия. А это значит: есть не просто согласованные нормы взаимодействия (социальные правила), но и их устойчивые механизмы и процедуры социализации, санкции за хорошее или плохое исполнение/неисполнение...»¹⁷ Это суждение известного социолога было сформулировано в ходе дискуссии об основных концептах социологии И. Гофмана, и его цель — в первую очередь продемонстрировать неизбежность для социолога логики функционального структурализма. Однако идея о существовании «согласованных норм взаимодействия», «устойчивых механизмов и процедур социализации» как необходимого условия для функционирования фреймов позволяет приблизиться к смыслу некоторых способов описания социальных структур, которые исследователи очень активно используют в своих штудиях.

Среди разнообразных типов текстов, сохранившихся от эпохи Средневековья, историки больше всего ценят актывый материал и документы, связанные с судопроизводством, а также, хотя и несколько меньше, разнообразные своды норм. И хотя подлинность любой грамоты или ее картулярной копии требует проверки, тем не менее даже выявление подделок практически не снижает ценность текста документа: он все равно рассматривается как прямой и непосредственный слепок (след) социальной структуры¹⁸. Основанием для такого отношения к ценности юридических документов для исторического исследования служит удачно выраженная американским юристом и историком Л.М. Фридманом идея: «Сердцем правовой системы является превращение запроса в решение». То есть право, или, вернее, порожденные им тексты, воплощает те самые «согласованные нормы взаимодействия (социальные правила), их устойчивые механизмы и процедуры социализации, санкции за хорошее или плохое исполнение/неисполнение» и по сути является самоописанием социальной структуры. Однако всякий раз, когда историческое повествование об общественном устройстве пытаются построить

¹⁷ Гудков Л.Д. Комментарий... С. 100.

¹⁸ Если устанавливается, что грамота — подделка, то просто уточняется хронологическая составляющая описываемой ситуации.

на юридических документах, результат вызывает в лучшем случае недоумение. Способ описания конкретных или некоторых обобщенных ситуаций и отношений (например, в нормах законов и установлений) очень специфичен и требует пояснений, почти расшифровки. К несчастью для историков, связь между правом и окружающей его социальной средой организована сложно и нелинейно. И если не учитывать это обстоятельство, то мы, во-первых, очень искаженно интерпретируем юридические тексты, приписывая чуждый им контекст или воспринимая некоторые гипотетические юридические конструкции в качестве описаний фактов. Во-вторых, с трудом сможем сопоставлять информацию о социальной структуре, извлеченную из правовых текстов, со сведениями из других источников. Надо признать, что в исторических исследованиях не принято рассматривать взаимосвязь права и социальной среды той или иной эпохи (возможно, тут немало нюансов)¹⁹ в качестве отдельной проблемы. И в данном случае мы оказались перед дилеммой: с одной стороны, очевидно, что актовый материал, и прежде всего нотариальные акты, — богатейший источник сведений, при этом связанный с городской средой самым непосредственным образом. Столь настоящая и устойчивая потребность активно фиксировать разнообразные события своей жизни в форме нотариального акта появилась и существовала именно у жителей городов. С другой стороны, пока однозначно доказать и показать непосредственную связь между эволюцией терминологии нотариального акта и обстоятельствами внешней социальной среды очень затруднительно. Мы можем лишь наблюдать стратегии, например, семейной группы (иногда другой общности) по организации экономической деятельности и очевидное стремление фиксировать свои имущественные права в формулах нотариального акта. Значение, которое придается качеству этой фиксации, поддерживает профессиональный уровень местных нотариусов. Однако можно задаться вопросом: до какой

¹⁹ Наиболее систематизированно, с привязкой к историческому периоду, этот вопрос рассматривался в исследованиях М.Т. Феген и некоторых ее коллег. См., например: Феген М.Т. История права — история эволюции социальной системы (Пер. с нем. и предисл. Е.В. Казбековой; науч. ред. Ю.Е. Арнаутова) // Древнее право / *Jus antiquum*. Вып. 1 (25). М., 2010. С. 87–94.

степени язык нотариального акта нивелирует границы общностей? Или его используют не все и доступ к этой юридической практике — тоже компонент социальной границы?

РЕПЛИКА РЕТРОГРАДА — I. КОГДА (ВРЕМЯ)

Представляется, что все сказанное выше не дезавуирует возможность разговора об интересующих нас сообществах на старый лад — не только как об отношениях, но и как о предметах, причем вполне осязаемых. Если, конечно, не считать такой разговор единственно возможным путем их описания и постоянно давать себе отчет в его конвенциональном характере.

Самоорганизующиеся сообщества возникли давно и, возможно, существовали везде. Коллегии в Римской империи играли немаловажную роль, в особенности в муниципальном управлении. До определенного времени они существовали в Византийской империи. Историки, которые пишут о китайском городе в эпохи Тан и Сун, обязательно укажут на «хань» — специализированные торговые ряды ремесленников и купцов, наделенные известной автономией *почти* как западные средневековые цехи и гильдии. Те, кто повествует о японском обществе XV в., обычно вспоминают об объединениях ремесленников-«дзе», о гильдиях торговцев, находящихся под патронатом сеньюров, о монастырских городах, обладавших существенными вольностями *почти* как в Европе. Примеры можно плодить и далее, захватывая индийский субконтинент, мусульманский мир, не говоря уже о Руси с ее Новгородом и Псковом. Это вполне легитимные сравнения, имеющие определенную эвристическую ценность, и мы даже не будем сейчас спорить о том, порождены ли они онтологическим сходством объектов или же нашими представлениями о том, каков должен быть любой «средневековый город», нашими готовыми клише, служащими образцами сравнения. Отметим лишь слово «почти», выдающее подспудное понимание авторами сравнений, что речь идет о чем-то совсем другом, отличном от специфики Запада. А специфика в том, что в средневековой Европе такие сообщества имели надежную правовую защищенность, форму, автономию, существующие де-факто, но часто и де-юре. Причем степень включенности западного бюргера (и не только бюргера) в эти общности

нарастала по мере приближения к рубежу Средневековья и раннего Нового времени, вовлекая человека во все большее число таких групп.

В большинстве обобщающих работ мы найдем утверждения о том, что объединения в виде гильдий, ганз, конфрерий были присущи и раннему Средневековью. Такие утверждения неголословны, они подкреплены ссылками на монографии и статьи. Правда, ссылаются на работы давние, на Отто фон Белова, в конце XIX в. утверждавшего постоянство общинного строя — марки²⁰; на Анри Пиренна, ведущего начало бельгийских городов от гильдий странствующих купцов, оседавших на земле²¹, на работы середины XX в., где упоминались конфрерии клириков каролингских времен и благочестивые братства жителей городов IX–X вв., трансформировавшиеся в торгово-ремесленные корпорации²² (Коорнер, Шатлен, Эспинас, Оливье-Мартен).

И хотя с тех пор новых исследований, посвященных этому периоду, не появилось, старые работы никто не опроверг. В конце XX и начале XXI в. о каролингских, англосаксонских и даже о меровингских братствах и гильдиях в трудах обобщающего характера говорится как о данности, как о разновидностях раннесредневековых «конъюраций» — клятвоженных сообществ²³ (Эксле). Источники упоминают о них нечасто, и почти всегда с осуждением. Как, например, в эдикте 821 г. императора Людовика Благочестивого. Мнения историков по поводу целей создания таких объединений расходятся (борьба с сеньориальным насилием, стремление обеспечить

²⁰ Белов Г., фон. Городской строй...

²¹ Pirenne H. Les anciennes démocraties des Pays-Bas. Paris, 1911.

²² См., например: Coornaert E. Des confréries carolingiennes aux gildes marchandes // *Mélanges d'histoire sociale*. Vol. 2. 1942. P. 5–21; Espinas G. Les origines de l'association. I: Les origines du droit d'association dans les villes de l'Artois et de la Flandre français jusqu'au début du XVIe siècle. Lille, 1942; Olivier-Martin F. Précis d'histoire du droit français. Paris, 1945.

²³ Oexle O.G. Die mittelalterlichen Gilden: Ihre Selbstdeutung und ihr Beitrag zur Formung sozialer Strukturen // *Miscellanea Medievalia*. Bd. 12/1. Berlin; New York, 1979. S. 203–226 (русский вариант: Эксле О.Г. Действительность и Знание: Очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. Ю.Е. Арнацтовой. М., 2007. С. 96–125).

внутренний мир, благочестивые соображения). Но данных для ответа на этот вопрос мало. Зато мы можем вполне определенно сказать, что с конца XI в. число упоминаний о «конъюрациях» и других подобных объединениях стремительно возрастает и что в источниках их осуждение все чаще уступает место простой констатации.

По мнению Криса Уикхема, подобные «конъюрации» существовали давно, и уж точно существовали они при Каролингах, однако власти не склонны были их признавать²⁴. В системе отношений, представленных графами, «государевыми посланцами», епископами, регулярно созываемыми судебными собраниями, частным объединениям не находилось места. Но по мере деградации каролингского и посткаролингского порядка²⁵ мы всё чаще слышим о «конъюрациях» уже не как о заговорах, а как о вполне легитимной форме организации людей для решения важных задач, прежде выполняемых публичной властью. Возможно, таков был импульс, запустивший движение «Божьего мира». С большей определенностью можно сказать, что таково происхождение коммун в Тоскане и Ломбардии (Пиза, 1082 г.).

Трудно отрицать, что саморегулирующиеся сообщества с рубежа XI и XII вв. начинают уверенно занимать важное место в социально-политическом ландшафте Запада. Их становится все больше, они очерчивают свои границы, приступая к самоописанию, к составлению статуты, получают привилегии от властей.

«Долгий XII век» (от григорианских реформ до IV Латеранского собора) в высшей степени примечательное время. Семь лет назад в нашем Институте Всеобщей истории РАН был проведен посвященный этому периоду коллоквиум, носивший характерное название «Обретение форм»²⁶. Участники оставались на инновациях XII столетия в историописании,

²⁴ Wickham Ch. The «Feudal Revolution» and the Origins of Italian City // Transactions of the Royal Historical Society. 2014. Vol. 24. P. 29–55.

²⁵ Уикхем К. Средневековая Европа. От падения Рима до Реформации / Пер. с англ. М. Десятовой. В печати.

²⁶ Уваров П.Ю. XII век и секрет средневекового Запада: обретение форм // Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2013. Вып. 74 (3/4). С. 42–59.

в ономастике, в геральдике, конечно же, в юридических практиках, в литургии, в монашеском движении. Очевидно, что к этому можно было добавить решающие успехи правоведов: цивилистов, канонистов, специалистов по феодальному праву. Стремительный демографический и экономический подъем Европы этого времени общеизвестен, равно как и рост городов и усложнение городской жизни. Интересующие нас саморегулирующиеся сообщества были одним из ярких феноменов в ряду прочих. Почему и как они образовались в раннее Средневековье — это, конечно, трудный вопрос, но ввиду крайней скудости источников отвечать на него приходится во многом лишь путем умозрительных рассуждений. Но в данном случае можно вспомнить протесты Марка Блока против «идола истоков»: нам важнее констатировать, что в какой-то период подобных сообществ вдруг стало много и затем их число продолжало возрастать. А обрели форму они в период «долгого XII века», оставляя нам о себе все больше свидетельств. Как у людей, создававших такие сообщества, так и у людей, описывающих их извне, появилось гораздо больше средств для разговора об этих явлениях. Правоведение, теология и риторика с грамматикой теперь предоставляли для него богатую палитру возможностей. Уже по одному этому критерию мы с полным основанием избрали рубеж XI–XII вв. точкой отсчета наших исследований, лишь в случае необходимости свершая экскурсы в более отдаленные эпохи.

РЕПЛИКА РЕТРОГРАДА — 2. ГДЕ (МЕСТО).

Собственно, мы можем ограничиться этой констатацией и уже приступить к проблеме изучения интересующих нас сообществ. Но если кого-нибудь заинтересует вопрос о том, почему именно «долгий XII век» стал временем роста всех институтов средневекового общества, включая и саморегулирующиеся городские сообщества, то, не претендуя ни на что большее, чем на личный комментарий, попытаемся предложить одно из возможных объяснений²⁷.

²⁷ Более подробно см. в кн.: Всемирная история: В 6 т. М., 2012. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. С. 810–818.

В этот период сработал кумулятивный эффект от стечения благоприятных обстоятельств, главными из коих были особенности расположения Западной Европы. Ситуация на Западе после Тысячного года традиционно описывалась историками как «феодалная раздробленность». Именно для этого периода наиболее очевидны те признаки феодализма, о которых говорил еще Франсуа Гизо: условный характер земельной собственности, соединение земельной собственности с властью, иерархическая структура господствующего класса²⁸. Разумеется, политическая раздробленность венчала собой распад былого политического единства не только в Европе. Но в большинстве регионов Евразии и Северной Африки раздробленность делала страну легкой добычей воинственных пришельцев — обычно ими были кочевники или носители кочевых традиций (реже — горцы), о чем, в частности, писал магрибский мыслитель Ибн-Хальдун, столь ценимый современными историческими социологами и макроисториками. Завоевание приводило к упрощению культурной и социально-политической жизни. Альтернативой череде завоеваний могло стать создание сильного государства, способного как-то противостоять угрозе, но требующего от общества громадного напряжения сил. Между полюсами этих возможностей располагалась масса переходных вариантов. Но были и так называемые (по терминологии Виктора Либермана²⁹) «защищенные регионы» — Япония, Южная Индия и, конечно, Западная Европа, куда волны завоевателей почти не докатывались. Политическая децентрализация оказывалась здесь «розой без шипов», благо плюрализма для культурного и экономического развития было очевидным, а расплачиваться за него ужасами опустошительных нашествий и завоеваний или содержанием сильного государства с его удушающим фискальным гнетом и грузной бюрократией не приходилось.

Таким образом, Западная Европа смогла позволить себе «роскошь феодализма». Она была избавлена не только от вторжений извне, но и от «войны всех со всеми», ведущей

²⁸ Гизо Ф. История цивилизации во Франции / Пер. с фр. П.Г. Виноградовой. Т. 3. Лекция XXXII. М., 2006. С. 21–39.

²⁹ Lieberman V. Strange Parallels: Southeast Asia in Global Context, c. 800–1830. Vol. 2: Mainland Mirrors: Europe, Japan, China, South Asia, and the Islands. Cambridge, 2009.

к калейдоскопической смене государственных образований. Так получилось, что относительное равновесие поддерживалось без объединения всего латинского христианского мира под властью единого монарха. Императорская власть существовала в качестве некоего «эскиза», помещенного на горизонте реальной политики.

Можно сколько угодно критиковать теории «феодальной революции» или «феодальной мутации»³⁰, но очевидно, что около Тысячного года Запад переживал стремительное изменение, которое, конечно же, было обусловлено всем его предыдущим развитием, включая и античную, и каролингскую традиции, но от этого не становилось менее стремительным. Политическая власть оказалась в руках собственников сеньорий, осуществлявших судебные, административные и военные функции. Европа стала покрываться замками (этот процесс П. Тубером был назван «озамкованием»); значительно трансформировался крестьянский мир — поселения приобрели вид знакомой нам средневековой деревни, сгруппированной вокруг церкви с кладбищем. Приход, объединявший живых и мертвых, часто совпадал с крестьянской общиной, на которую накладывались рамки одной или нескольких сеньорий. Р. Фоссье дал этому процессу еще более экзотическое название «объячеивание» (об этом мы подробнее расскажем в следующих главах первого раздела нашей книги).

Перенос власти-собственности (*dominium*) на локальный уровень вел к интенсификации крестьянского труда, но господство над людьми и землей уравнивалось ролью общины и прихода как главной ячейки социальной жизни. Это очень важное обстоятельство, на которое следует обратить внимание. Многим средневековым обществам были свойственны земельные пожалования воинам и другим «нужным людям» за службу: от мусульманских *икта* и *союргалов* до китайских *чжигтянь* («должностных полей») или византийских *проний*. Однако в подавляющем большинстве случаев все социальные чаяния владельцев таких пожалований были связаны с двором правителя. Если такой владелец попадал в фавор — он получал новые земли и новые источники дохода, если нет — терял

³⁰ См. в наст. изд.: Уваров П. Ю. Общины, приходы, диоцезы и другие общности в современной французской историографии: социальные следствия «пространственного поворота».

земли, а зачастую и голову. Поэтому в своих держаниях их владельцы довольствовались получением «ренты» с крестьян, не будучи тесно связаны непосредственно с производственным циклом. Экономическая жизнь здесь шла по заведенным распорядкам, если не нарушалась хищническим выжиманием последних ресурсов каким-нибудь очередным иктадаром. Иное дело — земли, владельцы которых чувствовали себя полными хозяевами³¹. На Западе после Тысячного года феодал мог долго обивать пороги королевских покоев, но крупных земельных раздач ожидать ему было неоткуда³². Чаще всего сеньору приходилось рассчитывать в основном на свои земли и на своих крестьян, с которыми заключались различного рода соглашения, фиксирующие «обычай».

Сочетание эффективного господства на местном уровне с самоорганизацией непосредственных производителей, не отделенных от средств производства, было одним из многих творческих противоречий европейской феодальной системы, обеспечивавших впечатляющий демографический и экономический подъем. Но дело не сводилось лишь к совокупности сеньорий. Главной интегрирующей силой феодальной Европы была церковь, и лишь постепенно эту роль будут брать на себя крепнущие структуры королевской или княжеской власти, обрастающие своим чиновничьим аппаратом, который, впрочем, изначально почти полностью состоял из тех же клириков. Именно церковь, *ecclesia*³³, обеспечила успешное

³¹ Частные владения — мюльки — отличались стабильностью управления, если были благочестиво подарены мечети, больницы, медресе. В таком случае имело смысл вводить агротехнические усовершенствования, что выгодно отличало мюльки от земель, имевших временных владельцев. То же можно сказать и о пожалованиях буддийским монастырям на Дальнем Востоке. Часто они становились зонами процветания, выступая в роли локомотивов экономических улучшений.

³² За редким исключением — например, спутники нормандских правителей, завоевывавшие Англию и Южную Италию, крестоносцы, участники Реконкисты, переселенцы на землях к востоку от Эльбы.

³³ Термин, введенный Аленом Герро для обозначения не только социально-юридического института Католической церкви, но и объединения всех христиан в едином Теле Христовом, что представляло собой удобную метафору социального единства Запада. См.: *Guerreau A. L'avenir d'un passé incertain. Quelle histoire du Moyen Âge au XXIe siècle?* Paris, 2001.

сочетание партикуляризма местной власти с единением всего «христианского тела», закрепляя культурное единство окормляемого ею пространства. Таинство евхаристии обеспечивало на символическом уровне причастность каждого средневекового человека к единому корпусу. Это придавало и сельскому приходу, и городской коммуне, и целому королевству, и самой «общине верных» всего христианского мира вполне определенную конечную цель существования — коллективное спасение души в ожидании Дня гнева Господня.

Структура, состоящая из ячеек, оказалась устойчивой и эффективной. Возникающие общности скреплялись сакральными узами, неразрывно соединяя горнее с дольным, — защита профессиональных интересов и политических прав, защита рынка от чужаков объединялись со стремлением подражать апостолам Христа, поддержать мир, снискать снисхождение Святого Духа, организовать помощь бедным, проведение заупокойных служб, обеспечить достойное почитание святого-покровителя. Нарушитель мира, клятвопреступник не только покушался на экономические привилегии, но и бросал вызов высшим силам.

В условиях дефицита средств легитимного принуждения, подкрепленных мощью публичной власти, большую роль играли институты, основанные на доверии. В XI–XII вв. уходят корнями торговые союзы — коллеганца, комменда и пр.; в источниках все чаще встречаются соглашения (*convenientiae*). Вскоре первые глоссаторы начнут трудиться над теорией пактов. В Италии оформляется нотариат, призванный придавать особую силу договорам, тем самым обеспечивая тот самый «перевод запросов в решения»³⁴.

В уже упомянутом споре «мутационистов» и «антимутационистов» первые считают, что радикальные социально-политические сдвиги, начавшиеся на Западе после Тысячного года, действительно происходили, и они нашли отражение в новой терминологии источников. Вторые возражают, что принципиальных изменений в этот период не было, просто стало значительно больше источников, что создает у историка иллюзию «перерыва постепенности».

³⁴ Friedman L. The Legal System: A Social Science Perspective. New York, 1975.

Мы можем себе позволить сохранять нейтралитет в данном споре. Главное в том, что источников действительно стало больше, их терминология — богаче, а содержащиеся в них описания явлений обрели устойчивые формы.

Сто лет назад русский историк Н.П. Оттокар обрушился с едкой критикой на французских коллег, рассматривавших все хартии городских коммун XII в. как проявления городского духа, результат успешной борьбы горожан, давно стремившихся отвоевать свободу в борьбе со своим сеньором. Но если рассматривать каждый случай в отдельности, если учесть исторический контекст, то конкретные причины событий, приведших к появлению хартий, цели и состав их участников оказываются совсем разными. Чаше всего речь шла о борьбе сеньоров между собой, о противоборстве кланов землевладельцев, в том числе городских, и т.д.³⁵ И в этом Оттокар был прав, а французские урбанисты, стремившиеся свести столь разные события к общему знаменателю, неправы. Но важно и другое: при всей разности конкретных условий своего возникновения в хартиях все же было больше сходства, чем различия. Принуждение формы могло оказываться сильнее сущностных различий³⁶.

В ПОИСКАХ ОБЩЕГО ЗНАМЕНАТЕЛЯ

Вот здесь и уместно воспользоваться упомянутым выше понятием «фрейм». Возможно, оно облегчит ответ на вопрос: почему, если судить по уставным документам, столь разные сообщества, как корпорация башмачников, университетское землячество, община монастырского города, объединение жителей кварталов итальянского города и коллегия

³⁵ *Оттокар Р.П.* Опыты по истории французских городов в Средние века. Пермь, 1919. С. 252–253.

³⁶ В критическом разборе Оттокара это очень хорошо видно на примере хартий Санлиса (выданной королем в 1173-м и епископом в 1177 г.). На их формуляр повлияли хартии соседнего Суассона, где коммуна обрела свои права в упорной борьбе между противоборствующими группировками. Но если суассонская хартия была отражением реальных противоречий и компромиссов, то в Санлисе эта форма была приложена к городу, не переживавшему никаких коллизий. Тем не менее дарованные жителям Санлиса свободы (за которые они не боролись) постепенно наполнялись реальным содержанием.

адвокатов парижского парламента, порой действовали словно по одному сценарию?

Как бы то ни было, для читателя, который терпеть не может терминов «акторы», «рефлексивные сценарии», не говоря уже об «аутопойезисе», — для него в нашей книге все равно найдется пожива. Стоит только взглянуть под другим, более привычным углом зрения, и нашими объектами оказываются вполне привычные ремесленные цехи-корпорации, объединения молодых купцов, военно-политические структуры, корпорации клириков, университетские факультеты. Можно исследовать их составные части, механизмы функционирования, жизненные циклы. Если же взглянуть другим глазом, все будет выглядеть сложным переплетением коммуникаций, полем, испещренным петлями заячьих следов информационного обмена между общностями и обществом. Но наше зрение устроено так, что нам удобнее обозревать объект сразу двумя глазами.

Как бы то ни было, мы наделили наше издание следующей структурой.

В первой части дана серия историографических очерков отдельных проблем, рассматриваемых в издании. Наша цель состояла не в том, чтобы дать исчерпывающий обзор современного историографического ландшафта. Важнее было привлечь внимание читателя к путям эволюции историографических концепций социального устройства средневекового общества или, конкретнее, к социальной ткани средневекового города. Поэтому мы сконцентрировались на некоторых течениях, которые представлялись нам релевантными в контексте нашего исследования.

Вторая часть знакомит читателя с различными попытками изучения сообществ средневекового города. Отчасти ее содержание можно интерпретировать как привычную таксономию. Действительно, речь идет о восьми разных видах сообществ, различающихся своими функциями, происхождением, степенью «правовой артикулированности». При более внимательном прочтении можно заметить отсутствие единого «опросника» в описании данных сообществ. Это объясняется и состоянием источников, и исследовательскими предпочтениями, и существенными чертами изучаемых объектов. При всех указанных различиях тексты второй части объединяет внимание к конкретным общностям и формам их существования.

В следующей части мы попытались выйти за рамки отдельных сообществ, обратив внимание на сферу их взаимодействия. Это взаимодействие задавало вектор развития в праве, т.е. создавало тот самый запрос, который требовал решения. Поэтому столь значительное внимание уделено здесь нотариату, чья неисчерпаемость как источника еще только начинает осознаваться исследователями.

Нотариальные акты интересны еще и тем, что демонстрируют способы локализации объектов в пространстве. А средневековые городские сообщества и городское пространство находились в постоянной и активной взаимосвязи.

Сообщества существовали не только в пространстве, но и во времени, и поэтому в третьей части осуществляется их соотнесение с временной шкалой. Метод ретроспекции дает возможность посмотреть на две хронологически крайние точки в развитии одного явления, и мы пытаемся реконструировать эволюцию.

ИЗУЧЕНИЕ «ОБЩНОСТЕЙ» В АНГЛИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ

Ни одно серьезное современное исследование по истории средневекового города (будь то история отдельно взятого города или обобщающий труд по городской истории страны либо отдельного региона) не обходится без раздела по истории городской общины или некоторого сообщества горожан. Это позволяет, возможно, предположить, что именно наличие общины является чертой, характерной для средневекового города. Как писал Дж. Россер в подготовленном для студентов сборнике источников по истории городов средневековой Англии, «разнородность и экономическая иерархия средневекового города создали социальную среду, в которой не могло быть естественной общности»¹, поэтому такая общность создавалась и поддерживалась жителями.

РАННЯЯ ГОРОДСКАЯ ИСТОРИЯ

Первые антикварные и любительские труды по истории отдельных городов хотя и рассказывали о деятельности горожан, в том числе об их организации, однако не пытались ее теоретически осмыслить. Тем не менее деятельность их авторов начиная с XVII в. позволила собрать обширный материал для последующего изучения истории городов².

¹ Towns in Medieval England. Selected Sources / Transl. and annot. by G. Rosser. Manchester, 2016. Ch. VIII. Associational life. P. 226.

² Sweet R. The Writing of Urban Histories in Eighteenth-Century England. Oxford, 1997; Clark P. Visions of the Urban Community: Antiquarians and the English City Before 1800 // The Pursuit of Urban History / Ed. by D. Fraser, A. Sutcliffe. London, 1983. P. 105–125. Обширную библиографию см.: Gross C. A Bibliography of British Municipal History. Leicester, 1966. 2nd ed.; Bibliography of British and Irish Municipal History: Vol. I. General Works / By G.H. Martin and S. McIntyre. Leicester, 1972.

Научно-историческое изучение феномена города в Англии появилось в XIX в. Отличительной чертой города тогда считался его особый правовой статус, а при изучении особый акцент делался на администрации города, его политической автономии, самоуправлении. Кроме того, городская корпорация рассматривалась как провозвестница демократии, как явление, чуждое феодальному обществу, но в то же время являющееся проводником новых, капиталистических и модернизационных идей. Конституционная история возводила английские свободы к свободно образованным средневековым общинам, что способствовало интересу историков к гильдиям и братствам (У. Стаббс, Дж. Кембл, Ф. Мейтленд)³.

Кроме того, были предприняты попытки некоторого обобщения средневековой городской истории. Так, Алисия Грин собрала обширный материал по истории английских городов, показала их развитие, повседневную жизнь, борьбу с сеньорами и т.п.⁴, при этом еще в 1990 г. ее сочинение считалось образцовым⁵. Под «городом» она понимала «свободную самоуправляющуюся общину», а целью ее исследования было проследить рост самоуправления в городах, показать движение за самоуправление и постоянное приспособление и ухищрения общин, которые адаптировались к изменяющимся обстоятельствам⁶. И хотя А. Грин не ставила вопрос специально о функционировании городской общины или каких-либо других сообществ, ее книга содержала большое количество наблюдений на эту тему. Общности, в виде ли города/бурга или гильдии, были важны как обладатели привилегий и органы, способные наделить привилегиями своих членов, что, в частности, в отношении торговли, высоко ценилось в те времена. При таком устройстве каждый

³ Stubbs W. Constitutional History of England in its Origin and Development. Oxford, 1874–1877. 3 vols.; Kemble J.M. The Saxons in England. A History of the English Commonwealth till the Period of the Norman Conquest. London, 1848–1849. 2 vols.; Maitland F.W. The Constitutional History of England. Cambridge, 1908.

Green A.S. Town Life in the Fifteenth Century. London, 1894. 2 vols.

⁵ Holt R., Rosser G. Introduction: The English Town in the Middle Ages // The English Medieval Town: a Reader in English Urban History / Ed. by R. Holt, G. Rosser. London and New York, 1990. P. 2.

⁶ Green A.S. Town Life in the Fifteenth Century. Vol. 1. P. 1, 8.

город обладал своей собственной привилегированной «общинной» и признавал общности соседних городов.

Одной из важнейших составляющих дебатов XIX в. было противопоставление коллективного и индивидуального начал, что также способствовало интересу к изучению гильдии как проявления коллективного начала. Большое влияние здесь на английских историков оказали их континентальные коллеги — Ф. Тённис, К. Лампрехт, О. Гирке, М. Вебер и др. Дискуссия о важности и прогрессивности для развития общества индивидуального или, наоборот, коллективного начала нашла свое продолжение в спорах антропологов о природе человека, его положении в обществе.

Ф. МЕЙТЛЕНД, Ч. ГРОСС И ИХ УЧЕНИКИ

На рубеже XIX–XX вв. городская история в Англии получила значительный импульс благодаря деятельности Ч. Гросса и Ф. Мейтленда, а также их учеников — М. Бейтсон, А. Балларда и др.

В соответствии с интересом к правовой и конституционной истории особое внимание было уделено процессу инкорпорации городов в позднее Средневековье. Ф. Мейтленд, рассуждая о сути корпорации, отмечал, что «городская (*borough*) община корпоративна, а сельская — нет»⁷. При этом создание такой корпорации не только является результатом пожалования королевской грамоты, но и может быть получено «по пре-скрипции». «Корпоративность» (*corporateness*) старых городов развилась естественным образом, а не была создана королевскими грамотами; она возникла и сформировалась задолго до появления таких грамот.

Исследование формирования городской корпорации привело к изучению так называемой «торговой гильдии» (*gilda mercatoria*), существовавшей во многих английских городах. Ч. Гросс, написавший о ней книгу⁸, рассматривал ее как этап развития городской корпорации. Исследование Гросса сопровождалось также публикацией значительного числа источников. Таким образом в английской историографии была заложена традиция изучения

⁷ Maitland F.W. Township and Borough. Cambridge, 1898. P. 18.

⁸ Gross Ch. Gild Merchant. London, 1890. 2 vols.

торговой гильдии, которая, вопреки своему названию, не является, однако, профессиональным объединением.

Обозначенный Ф. Мейтландом вопрос о соотношении (или противопоставлении) города и деревни впоследствии вылился в более широкую дискуссию о природе города, его феодальности: насколько чуждым (М. Постан) или, наоборот, неотъемлемым (Р. Хилтон) элементом феодального мира был город. Согласно последнему, город был естественным порождением общества и выражением существующих социальных отношений⁹.

Таким образом формирование и устройство городской корпорации стали предметом особого внимания, и чаще они интересовали исследователей не сами по себе, а как истоки более поздних явлений Нового времени.

ИЗУЧЕНИЕ СЕНЬОРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ

В рамках той же линии исследования — возникновения городской общины как формы самоуправления, присущей городам, — велись исследования сеньориальных городов, которые в борьбе со своими сеньорами отстаивали или добивались привилегий и постепенно формировали, насколько позволяли конкретные обстоятельства, городскую корпорацию¹⁰. Этому способствовали публикации соответствующих источников (начатая А. Баллардом и подхваченная Дж. Тейтом публикация городских грамот¹¹, городских обычаев М. Бейтсон¹² и др.) и написание историй отдельных городов¹³ или даже категорий городов (например, монастырских¹⁴). Горожане

⁹ *Hilton R.H. The Small Town as Part of Peasant Society // Hilton R.H. The English Peasantry in the Later Middle Ages. Oxford, 1975.*

¹⁰ *Weinbaum M. The Incorporation of Boroughs. Manchester, 1937.*

¹¹ *British Borough Charters 1042–1216 / Ed. by A. Ballard. Cambridge, 1913; British Borough Charters 1216–1307 / Ed. by A. Ballard, J. Tait. Cambridge, 1923; British Borough Charters 1307–1660 / Ed. by M. Weinbaum. Cambridge, 1943.*

¹² *Borough Customs / Ed. by M. Bateson. London, 1904–1906. 2 vols.*

¹³ *Lobel M.D. The Borough of Bury St. Edmund's. A Study in the Government of a Monastic Town. Oxford, 1935.*

¹⁴ *Trenholm N.M. The English Monastic Towns. Manchester, 1927.*

возникали в этом контексте как единая группа, которая, правда, не всегда получала юридическое оформление, но действовала как единое целое.

Так, Э. Сёрл на примере аббатства Батл и его людей, прежде всего жителей одноименного города, рассматривает формирование и функционирование новой общности, единство которой определялось административными обстоятельствами, подсудностью одной судебной инстанции — суду «лиги» (*leiga*) (особой иммунитетной территории, принадлежавшей монастырю и расположенной вокруг него; в нее входил и город Батл), а также наличием обязательств и привилегий у ее жителей¹⁵. Схожее мнение о происхождении городов в англосаксонское время в результате административной необходимости высказал Г. Эстилл¹⁶.

Кроме того, средневековые города рассматривались как опора государственной власти, инструмент централизации.

РОДНИ ХИЛТОН

В своих изысканиях в отношении как города, так и сельской местности Р. Хилтон отметил многие положения касательно общностей в целом и гильдий в частности, которые остаются актуальными до сих пор. Анализируя малый город, он отмечал, что тот утратил взаимную солидарность, присущую сельским общинам, но в то же время еще не приобрел эффективной системы управления, характерной для больших городов, поэтому здесь приобретают особое значение приходские братства или гильдии¹⁷, которые характерны не только для малых городов, но и, например, для индустриальных деревень в Восточной Англии. Таким образом он выстраивает некоторую оппозицию между городской и сельской общностями. Характер таких братств был очень разный. Кроме того, они менялись со временем: братства появлялись из пожертвований

¹⁵ Searle E. Lordship and Community: Battle Abbey and its Banlieu, 1066–1538. Toronto, 1974. P. 62, 390.

¹⁶ Astill G. Community, Identity and the Later Anglo-Saxon Town: The Case of Southern England // People and Space in the Middle Ages, 300–1300 / Ed. by W. Davies, G. Halsall, A. Reynolds. Turnhout, 2006. P. 233.

¹⁷ Hilton R.H. The Small Town as Part of Peasant Society. P. 91.

на поддержание лампадки перед алтарем в приходской церкви, но затем могли перерасти в более крупный проект по оплате содержания священника, который бы исполнял службы перед этим алтарем, что требовало коллективных усилий и приводило к формированию стабильной группы взаимной поддержки. Она, в свою очередь, могла перерасти во взаимную солидарность, и включить, в итоге в себя деятельность самого разного характера.

Таким образом, гильдии представляли собой стабильные образования с экономическими и социальными интересами, составляя альтернативную форму солидарности деревенской общине. Гильдии также по сути составляли альтернативный вариант городского управления: ведущие члены гильдии были одновременно и основными действующими лицами в местном суде. Наконец, членство в гильдии представляло не только социальные, но и экономические связи (*networks of interest*), которые объединяли город и окрестные деревни. Например, все увеличивающееся на протяжении XV в. членство людей извне города в гильдии Св. Троицы в Стретфорде¹⁸. Таким образом, гильдии могли выходить за пределы города.

ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Богатая традиция локальной истории, характерная для британской историографии, внесла свой вклад в изучение общностей, особенно после обновления 1960-х годов, когда на основе теоретических разработок микросоциологии была пересмотрена ее методологическая основа (Лестерская школа локальной истории, У. Хоскинс, Г. Финберг) и произошел переход к изучению социальных групп в пространственно-временных рамках реального социального взаимодействия и к анализу реально существовавших социальных организмов¹⁹. Локальная общность изучалась как микрокосм, развивающийся социальный организм, для которого создавалась полноценная коллективная биография. При этом упор мог быть сделан

¹⁸ Hilton R.H. The Small Town as Part of Peasant Society. P. 92–94.

¹⁹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 162–166.

на «локальности»: раскрытии внутренней организации и функционирования социальной среды, включая местный исторический ландшафт, все многообразие исторических общностей (неформальных и формальных групп, различных ассоциаций и корпораций), соотношение их между собой и с социальными стратами, сословными группами, классами. Другой путь — изучение индивидов, составляющих ту или иную общность (соотношение между организацией жизни в локальной общине, которая функционирует как форма личной, естественной связи людей, с одной стороны, и социально-классовой структурой, фиксирующей качественно иной — опосредованно-вещный характер социальных отношений, — с другой)²⁰. Способ повседневного существования людей определяет их отношения и образует саму локальную общность, а она, в свою очередь, входит в различные конъюнктуры-подсистемы социального управления и играет важную роль в определении поведения образующих ее индивидов.

Так, Ч. Фитьян-Адамс предложил модель, которая учитывает социально-пространственные структуры разного уровня и различной степени интеграции: 1) так называемое ядро общины, 2) общину как целое (сельскую или городскую), 3) группу соседних общин, 4) более широкую область с общей социокультурной характеристикой; графство; провинцию или регион. В основе модели — концепция «социального пространства», охватывающего по-разному ограниченные и частично перекрывающиеся друг друга сферы социальных контактов²¹.

КРИТИКА «КОММУНАЛЬНЫХ ШТУДИЙ»

Увлечение в английской историографии феноменом и прежде всего словом *community* в 1970-х — 1980-х годах было таково, что оно появляется в названиях исследований на самые разные темы, что, как отмечала позднее М. Рубин, обесценивало само это понятие, которое изначально было призвано показать специфику стоявшего за ним феномена, его целостность,

²⁰ The Oxford Companion to Local and Family History / Ed. by D. Hey. Oxford, 2002.

²¹ См.: Репина Л.П. Историческая наука... С. 173–174.

но из-за популярности термина и его весьма вольного использования оно утратило единство определения²². Как отмечала С. Рейнольдс в предисловии к переизданию своей книги «Королевства и общности в Западной Европе, 900–1300», она неоправданно использовала модное слово *community*²³.

Критическое отношение к употреблению данного термина и в то же время продолжение дискуссии об общностях нашли свое отражение в специальном выпуске «Журнала британских исследований» (1994), который вышел с подзаголовком: «Vill, Guild, and Gentry: Forces of Community in Later Medieval England»²⁴. Четыре статьи, написанные К. Дайером, Э. Кларк, Дж. Россером и К. Карпентер, рассматривают ассоциации разного порядка, опираясь на ту критику, которая была ранее высказана в отношении понятия «общность» (*community*). Прежде всего, подвергается сомнению оправданность излишнего подчеркивания целостности той или иной общности, в то время как ее членам, будь то джентри, жители деревни или члены гильдии, приходится иметь дело со множеством факторов, которые, наоборот, способствуют разобщению: социальная иерархия, экономические трудности, социальная напряженность, чужаки²⁵. Хотя чувство принадлежности и взаимные обязательства признаются отличительными чертами общностей, в то же время среди исследователей нет единого мнения относительно приемлемости географических рамок для определения общности (отвергаются К. Карпентер в отношении джентри, но принимаются остальными авторами касательно деревенской общины и братств), элемента добровольности данных общностей. Основная идея, в отношении которой все авторы единодушны, общность означает постоянные переговоры и (пере)договоренности, которые призваны сгладить различия самого разного порядка, т.е. ее целостность нуждается

²² Rubin M. Small Groups: Identity and Solidarity in the Late Middle Ages // *Enterprise and Individuals in the Fifteenth-Century England* / Ed. by J. Kermode. Stroud, 1991.

²³ Reynolds S. Introduction to the Second edition, 1997 // Reynolds S. *Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300*. Oxford, 1997. P. xii.

²⁴ *Journal of British Studies*. 1994. Vol. 33. No. 4.

²⁵ Kowaleski M. Introduction // *Journal of British Studies*. 1994. Vol. 33. No. 4. P. 337.

в постоянном поддержании, поэтому изучение общности должно проходить в динамике, а не в статике²⁶. То же самое касается и изменений экономических, демографических и прочих условий, в которых находится общность. Сложности обычно укрепляют чувство общности.

Таким образом, исследователи отходят от структурно-функционального подхода к изучению феномена общностей, что позволяет им получить более детальную и правдивую картину, учитывающую существующие в обществе иерархии и противоречия, и отойти от идеализированного образа гармоничной и органичной общины. Среди исследователей существует и более радикальное мнение, согласно которому средневековое общество было настолько стратифицировано и иерархично, что подлинные общинные чувства не могли возникнуть между представителями разных социальных групп, даже при наличии, как это было в городе, отгороженности от сельской местности и при укреплении единства жителей благодаря совпадению с территорией прихода²⁷.

СЬЮЗЕН РЕЙНОЛЬДС:

НОВЫЙ ИМПУЛЬС ГОРОДСКОЙ ИСТОРИИ

В то же время сама С. Рейнольдс внесла значительный вклад в историю английского средневекового города и общностей. По ее мнению, Средние века — это золотой век коммунальных братств, к числу которых относятся объединения, характерные для города, деревни и ремесла²⁸. При этом она отмечает, что знание историков о средневековых общностях находится под большим влиянием представлений, сформированных историками XVIII–XIX вв. об обществе и истории. Кроме того, существует ряд других представлений, например об особенностях Европы в ее способности формировать свободные ассоциации/общности (хотя в целом ряде случаев можно подвергнуть

²⁶ Kowaleski M. Introduction... P. 338.

²⁷ Dennison E.P. Power to the people? The myth of the medieval burgh community // Scottish Power Centres / Ed. by S. Foster, A. MacInnes and R. MacInnes. Glasgow, 1998. P. 100–131.

²⁸ Reynolds S. Introduction to the Second edition. P. xiv.

сомнению добровольность образований; к тому же определение города, которое дают конституционные историки, не соответствует многим европейским городам)²⁹, об обязательности принесения присяги (нет никаких свидетельств, что скрепленные клятвой объединения были более сплоченными)³⁰, о противопоставлении коллективных действий и индивидуальной свободы (поляризация характерна для Нового времени)³¹, значимости инкорпорации³² и др.

Вполне возможно, что на протяжении длительного времени люди действовали совместно, составляя таким образом общность и, по крайней мере частично, добровольно воспринимали как само собой разумеющееся свои взаимные обязательства и ответственность³³. При этом формирование таких ассоциаций проходило проще в обществах, у которых не было разделения между инкорпорированными и неинкорпорированными группами³⁴. В средневековой Англии любая группа, даже при весьма нечетко определенном членстве, могла выступать как корпоративный орган без необходимости быть инкорпорированным, т.е. без формального признания существования корпорации. Среди ассоциаций можно выделить добровольные (гильдии, братства) и те, которые были принудительно созданы в интересах управления (армия, советы правителей, ассоциации, созданные для контроля над ремесленниками), однако они могли перетекать из одного состояния в другое. Но у них у всех остается свобода коллективного действия³⁵. Между тем установление границ и отношений между юрисдикциями (а значит, и общностями) происходило

²⁹ Ibid. P. xlii.

Ibidem.

Ibid. P. lii.

³² Никаких инкорпораций не могло быть до 1300 г., да и когда они появляются в Англии, это прежде всего реакция на законодательство о праве мертвой руки. Подробнее об этом см.: Reynolds S. The Idea of the Corporation in Western Christendom Before 1300 // Law and Social Change in British History / Ed. by J.A. Guy and H.G. Beale. London, 1984. P. 27–33.

³³ Reynolds S. Introduction to the Second edition. P. xli.

Ibid. P. xliii.

³⁵ Ibid. P. liii–liv.

благодаря более систематическим записям и появлению профессионального права. Большая бюрократизация обостряла конфликты, так как пожалование привилегий отдельной группе проводило более четкую грань между членами группы и теми, кто был вне ее³⁶.

Для гильдий больше было характерно равенство, но все равно в них присутствовала иерархия; управление и внешнее представительство группы всегда падают на тех, кто старше, богаче и могущественнее³⁷. Иерархическая организация общества означала, что существовала иерархия общин; при этом на одном уровне было сразу несколько пересекающихся общностей: гильдия, приход, городская и ремесленные общины в городе и манор, приход, деревенская община и гильдия в сельской местности³⁸. При этом многие люди принадлежали одновременно к нескольким общностям.

Еще одна заслуга С. Рейнольдс заключалась в обращении к теме городской политической мысли³⁹. С ней тесно связана важная для понимания общностей тема политической культуры города: гражданство, чувство идентичности, дискурс публичной жизни⁴⁰.

ДЖАРВЕС РОССЕР: ОТ ЧАСТНОГО К ОБЩЕМУ

Одним из ведущих исследователей общностей на протяжении последних трех десятилетий является Дж. Россер. Он начинал свои изыскания с исследования средневекового

³⁶ Reynolds S. Introduction to the Second edition. P. lx.

Ibid. P. li.

Ibid. P. lxxv.

³⁹ Reynolds S. Medieval urban history and the history of political thought // Urban History. 1982. Vol. 9. P. 14–23.

⁴⁰ См., например: Political Culture in Late Medieval England / Ed. by L. Clark, C. Carpenter. Woodbridge, 2004; Attreed L. Urban Identity in Medieval England // Journal of Interdisciplinary Studies. 2002. Vol. 32. No. 4. P. 571–592; James M. Ritual, Drama and the Social Body in the Late Medieval English Town // Past and Present. 1983. Vol. 98. P. 3–29; Phythian-Adams C. Ceremony and the Citizen: The Communal year at Coventry, 1450–1550 // The Medieval Town: A Reader in English Urban History / Ed. by R. Holt and G. Rosser. London, 1990. P. 238–264.

Вестминстера, неинкорпорированного города под властью монастыря — Вестминстерского аббатства, в котором приходские гильдии играли важную роль в организации жителей⁴¹. Он приходит к выводу, что гильдии/братства являются наиболее гибкой организацией⁴² среди большого числа средневековых сообществ, которые были очень разнообразны и постоянно изменялись⁴³. Вестминстер уже утратил солидарность, присущую деревне, и обладал более гетерогенным населением⁴⁴. Формирование чувства общности не зависело от существования системы управления, организующей гетерогенное население города, так как горожане находили другие средства выражения общих интересов⁴⁵.

В то же время пример Вестминстера и некоторых других городов позволяет Дж. Россеру показать особое значение гильдии для неинкорпорированных городов независимо от того, был ли у них светский или церковный сеньор (епископ, монастырь): гильдия — это «теневое правительство», «выход для корпоративной организации», «суррогатный городской совет»⁴⁶. Многообразие и мобильность средневекового общества способствовали формированию общностей, которым гильдия

⁴¹ Rosser G. *Medieval Westminster 1200–1540*. Oxford, 1989; *Idem*. The Essence of Medieval Urban Communities: The Vill of Westminster 1200–1540 // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1984. Vol. 34. P. 91–112; *Idem*. Communities of Parish and Guild in the Late Middle Ages // *Parish, Church and People, Local Studies in Lay Religion 1350–1750* / Ed. by S. Wright. London, 1988. P. 29–55; *Idem*. Parochial Conformity and Voluntary Religion in late Medieval England // *Transactions of the Royal Historical Society*. Sixth series. 1991. Vol. 1. P. 173–189; *Idem*. Going to the Fraternity Feast: Commensality and Social Relations in Late Medieval England // *Journal of British Studies*. 1994. Vol. 33. No. 4. P. 430–446; *Idem*. Crafts, Guilds and the Negotiation of Work in the Medieval Town // *Past and Present*. 1997. Vol. 154. P. 3–31; *Idem*. Guilds and Confraternities: Architects of Unnatural Community // *De Bono Communi. The Discourse and Practice of the Common Good in the European City (13th–16th c.)* / Ed. by E. Lecuppre-Desjardin, A.L. Van Bruaene. Turnhout, 2010. P. 217–224.

⁴² Rosser G. *Medieval Westminster*. P. 281.

Rosser G. *Guilds and Confraternities*. P. 218.

Rosser A.G. *The Essence of Medieval Urban Communities*. P. 111.

Ibidem.

⁴⁶ Rosser G. *Medieval Westminster*. P. 289.

могла придать определенную форму, если они выходили за рамки уже имеющихся социальных форм — манора, прихода или бурга/города⁴⁷. В многочисленных приходах был целый ряд различных братств, небольших ассоциаций⁴⁸. В то же время Россер отмечает, что гильдия — это эксклюзивный клуб, который обладает строгими правилами/регламентацией, обеспечивает своим членам социальную респектабельность. Именно по этой причине вступление в гильдию требовало материальных затрат и существовали вступительные платежи.

В дальнейшем Дж. Россер развивал свои теории об общностях на примере других городов; помимо английских, он уделил значительное внимание итальянским. Очередным итогом его размышлений на тему общностей стала вышедшая в 2015 г. монография «Искусство солидарности в Средние века: гильдии в Англии 1250–1550 гг.»⁴⁹, в которой он сделал попытку обобщить материал по гильдиям/братствам, добровольным объединениям горожан⁵⁰. Правда, изложение материала и основной акцент в книге сделаны на гильдиях как форме, которая способствует развитию социальных, политических и моральных воззрений людей; Дж. Россера больше интересуют мотивы и амбиции людей, которые составляли сообщества. Данный сдвиг во многом связан с тем, что многообразие и многофункциональность сообществ, смешение различных направлений их деятельности (социального, политического, религиозного) не позволяют дать им определение и провести точную категоризацию. Что касается общности, то Дж. Россер определяет ее как признанную общую ношу (обязательство, долг и т.п.), принятую на себя добровольно, т.е. ассоциацию, основанную на чувстве коллективной ответственности, которое разделяют все ее члены. В конкретизированном, институционализированном и овеществленном виде общность обладала определенным

⁴⁷ Rosser G. *Medieval Westminster*. P. 281.

Ibid. P. 282.

⁴⁹ Rosser G. *The Art of Solidarity in the Middle Ages: Guilds in England 1250–1550*. Oxford, 2015.

⁵⁰ Подробнее о книге см.: Анисимова А.А. [Рец. на кн.:] Rosser G. *The Art of Solidarity in the Middle Ages: Guilds in England 1250–1550*. Oxford, 2015 // *Средние века*. 2017. Вып. 78 (1/2). С. 409–414.

территориальным и социальным ядром. Со временем такие общности получали все более бюрократическое определение (формализацию) и материальную стабильность.

ВЛИЯНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОВОРОТА

Пространственный поворот и усилия исторических географов внесли большой вклад в изучение и понимание средневекового города, усилив соответствующий аспект его измерения⁵¹. На изучение и подходы к пониманию общностей он также оказал влияние. Географический аспект в понимании общин присутствовал уже на уровне их определения, так как некоторые общности — приходская, деревенская, городская — были территориально определены, в отличие от менее детерминированных гильдий. Добавление пространственного измерения означало, что городская община теперь рассматривалась с трех разных позиций: как место (*location*), правовой конструкт и группа людей⁵². Однако концепция общности могла расширяться, чтобы включить людей, находящихся за физическими границами города, когда ситуация того требовала⁵³. В то же время поднимается вопрос о различии между горожанами и общиной. Наконец, К. Хоус указывает, что на самом деле община была представлена теми, кто присутствовал (на собрании, по созову), когда определенное решение было принято⁵⁴.

Если говорить об изучении городских сообществ, то вопрос заключается не только в изучении городского сообщества (общины города) в целом, со всеми сложностями, порожденными его социальной и экономической природой, а также политическим измерением общины и способами воспроизводить единство и представлять ее, но и в отношении отдельных групп — сообществ (добровольных или обязательных), которые также присутствовали в городе, — приходских общин,

⁵¹ Особо стоит отметить Т. Слейтера и К. Лилли, хотя важную роль для данного направления сыграли труды М. Конзена.

⁵² Hawes C. The urban community in fifteenth-century Scotland: language, law and political practice // Urban History. 2017. Vol. 44. No. 3. P. 365.

⁵³ Ibid. P. 372.

⁵⁴ Ibid. P. 375.

кварталов, ремесленных гильдий и религиозных братств. Помимо официальных структур управления (городского совета и должностных лиц), в городах существовали другие (добровольные) ассоциации, члены которых вместе работали и проживали рядом друг с другом. Такие объединения, как правило, были более гибкими, чем приходы, и обеспечивали и материальную, и духовную поддержку своим членам, выступая в качестве как бы большой или расширенной семьи.

ИЗУЧЕНИЕ ПРИХОДСКИХ СООБЩЕСТВ

Английская историография не ограничивается только городскими сообществами; значительного внимания исследователей удостоились также приходские общины⁵⁵, хотя расположение многих из них в городах связывает их в конечном итоге с изучением городских сообществ. Еще в XIX — начале XX в. была дискуссия о характере (и идентичности) приходских общин — только религиозном или все же также светском, — которая в итоге привела к осознанию важного значения приходских общин за пределами их религиозной функции⁵⁶.

В связи с изучением позднесредневековых приходских общин возникают следующие темы: вовлеченность прихожан в жизнь прихода; способы включения и продвижения идеи общности (виды добровольного религиозного участия, которые привлекали бы более широкие массы людей); приход как оплот местной элиты, которая играет руководящую роль и контролирует принятие решений; правила участия и их применение на практике⁵⁷.

⁵⁵ *Barron C.M.* The Parish Fraternities in Medieval London // *The Church in Pre-Reformation Society: Essays in Honour of F.R.H. Du Boulay* / Ed. by C.M. Barron and C. Harper-Bill. Woodbridge, 1985. P. 13–37; *French K.L.* "To Free Them from Binding": Women in the Late Medieval English Parish // *Journal of Interdisciplinary History*. 1997. Vol. 27. No. 3. P. 387–412; *Eadem.* The People of the Parish: Community Life in a Late Medieval English Diocese. Philadelphia, 2000.

⁵⁶ *Westlake H.F.* The Parish Guilds of Medieval England. London, 1919.

⁵⁷ *French K.L.* Rebuilding St Margaret's: Parish Involvement and Community Action in Late Medieval Westminster // *Journal of Social History*. 2011. Vol. 45. No. 1. P. 148.

Б. Кюмин исследует местные общины на примере итальянского города, английского прихода и деревни в Священной Римской империи. Для него существующие ассоциации/общности — это возможность для простых людей, которые ни по своему рождению (в отличие от знати), ни по религиозному авторитету не имеют особых привилегий, поэтому они приобретают социальное и политическое значение через ассоциацию⁵⁸. Это характерно и для горожан, и для крестьян.

Появление в позднее Средневековье множества религиозных гильдий было ответом на сложившуюся обстановку, когда не было достаточного числа приходских священников; те часто отсутствовали из-за того, что окормляли несколько приходов или горожане были недовольны тем, как они выполняли свои обязанности⁵⁹. Довольно часто источники не позволяют четко определить функции таких гильдий даже в религиозном отношении, тем более что помимо благочестивых устремлений члены гильдий получали также экономические, социальные и политические выгоды, которые подчас довольно затруднительно разделить⁶⁰. Они были особенно характерны для густонаселенных территорий, характеризующихся высоким уровнем экономической активности, т.е. концентрировались в основном около рынков, в портах и городах⁶¹.

Особое значение гильдии имеют как способ признания и размещения группы равных в пределах более крупного прихода, хотя они не были ограничены приходскими границами. Гильдия вела экономическую деятельность, чаще всего в виде сдачи в аренду участков собственности и выдачи кредитов, предпочитая инвестировать свои средства и выступая также в виде работодателя⁶². Противостояния с приходом при этом

⁵⁸ Kumin B. *The Communal Age in Western Europe, 1100–1800. Towns, Villages and Parishes in Pre-Modern Society*. Basingstoke, 2013. P. 1. Из более ранних его трудов можно отметить: Kumin B.A. *The Shaping of a Community: the Rise and Reformation of the English Parish, c. 1400–1560*. Aldershot, 1996.

⁵⁹ Bainbridge V. *Gilds in the Medieval Countryside: Social and Religious Change in Cambridgeshire, c. 1350–1558*. Woodbridge, 1996. P. 55.

⁶⁰ Farnhill K. *Guilds and the Parish Community in Late Medieval East Anglia, c. 1470–1550*. York, 2001. P. 60.

Ibid. P. 166.

⁶² Ibidem.

не было, так как свидетельства показывают, что гильдии явно предпочитали связь с приходской церковью; при этом они дорабатывали отдельные аспекты местного культа⁶³. В то же время можно отметить разный характер приходской общины и гильдии, так как членство в последней носило добровольный характер и не имело географического ограничения⁶⁴.

ИЗУЧЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Еще один важный вариант общности представляет деревня, так как для сельских поселений также было характерно наличие слаженной общины. В этом вопросе смыкаются представления как историков-марксистов (Р. Хилтон), так и представителей других направлений (А. Рафтис, М. Постан). Такой общине была присуща, по мнению некоторых исследователей, большая цельность в противоположность городу с его гетерогенностью. Отличительными чертами сельской общины были саморегулирование, взаимная поддержка, устойчивость, коллективная набожность, а также замкнутость и изолированность⁶⁵. В то же время представления о целостности общины подверглись критике, так как они не учитывали или сглаживали внутренние противоречия и различия. Более сложная картина сельской общины складывается при учете следующих факторов: признание существующих внутренних противоречий; рассмотрение вопросов исключения, а не только включения в общину; учет подвижности членства в общине, его нестабильности и тех факторов, от которых она зависит, а также возможность членства одновременно в нескольких общностях. Существует и представление о сельской общине, согласно которому она является наложенной идентичностью для рассматриваемой территории, которая возникла в связи с административными вопросами, как и в случае с городом в англосаксонской Англии⁶⁶.

⁶³ Farnhill K. Guilds and the Parish Community... P. 166–168.

⁶⁴ Ibid. P. 1.

⁶⁵ Schofield P.R. Peasant and Community in Medieval England, 1200–1500. Basingstoke, 2003. P. 5.

⁶⁶ Astill G. Community, Identity and the Later Anglo-Saxon Town: The Case of Southern England // People and Space in the Middle Ages, 300–1300 / Ed. by W. Davies, G. Halsall, A. Reynolds. Turnhout, 2006. P. 233.

В целом же можно отметить схожесть тенденций изучения городских и сельских общин; при этом к последним также относятся общности, связанные с манориальной системой⁶⁷.

ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ГОРОДСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Таким образом, изучение городской истории, а с ней и городских общностей прошло значительную эволюцию. Первоначально основной акцент делался на политической истории, которая позволяла увидеть борьбу горожан за свою автономию, в том числе коллективные действия горожан. Перенос акцента на экономическую и социальную историю города означал, что более тщательному анализу были подвергнуты жители города, их занятия, социальный состав. Пространственный, а затем и лингвистический поворот привнесли свои аспекты в изучение города, и городских общностей в частности.

В вопросах изучения общностей английские историки находятся в тесной взаимосвязи со своими континентальными и американскими коллегами, участвуют в совместных проектах и публикуют сборники⁶⁸, что способствует обмену идеями. В целом они следуют общим тенденциям исследования средневековых общин.

На протяжении всего времени изучения городской истории можно выделить несколько тем, которые неизменно остаются актуальными независимо от подхода, который был использован.

Прежде всего, это отличие природы города (городского организма) от деревни, которое знаменует не только и, может быть, даже не столько отличиями политическими и экономическими, но и характером социальных связей. Деревне присуща большая связанность людей друг с другом, близость и так называемая естественная солидарность, большая органичность совместного коллективного единения, в то время как город ее уже утратил и в целом представляет собой более разрозненное,

⁶⁷ McIntosh M.K. *Autonomy and Community: The Royal Manor of Havering, 1200–1500*. Cambridge, 1986; Ault W.O. *The Vill in Medieval England* // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1982. Vol. 126. No. 3. P. 188–211.

⁶⁸ Например: *Guilds and Association in Europe, 900–1900* / Ed. by I.A. Gadd, P. Wallis. London, 2006.

гетерогенное в социальном плане образование. Именно поэтому там создаются объединения (в виде гильдий, братств и т.д.), которые призваны восполнить этот недостаток. Некоторые исследователи даже подвергают сомнению возможность преодоления этой разрозненности.

Присущая средневековому городу гетерогенность и разнообразность населения способствовали возникновению напряжения и конфликтов между жителями, формированию групп по интересам, в то время как высокая концентрация населения способствовала повышенному осознанию общих связей внутри группы и соперничеству вне ее. Существовала постоянная проблема для городского управления по выявлению способов поддержания порядка, так как социальное и экономические многообразие города создавало значительные проблемы. Отсюда создание общностей представляет собой форму некоторого контроля или попытки контроля над городским населением со стороны властей. Даже создание ремесленных организаций — гильдий (специализированных организаций) — может трактоваться как способ установления контроля. Экономическая роль гильдий в интересах городского управления сочеталась, однако, с социальной привлекательностью гильдий и братств для их членов в целом. Наконец, добровольные ассоциации, преследовавшие часто социальные и религиозные цели, в конечном итоге также оказываются вовлеченными в вопросы управления и поддержания порядка.

Другим важным вопросом становится проблема понимания природы общины, ее происхождения и идентичности. Во многом эта проблема связана с теми источниками, которые используются для получения информации о той или иной общности. Целый ряд исследователей подвергают сомнению существование некоторых общностей, говоря о том, что наложенное извне на жителей того или иного города или некоторую группу людей понятие общины не делает их в реальности общностью, так как у них нет подлинного единства. В этом отношении понятие идентичности представляется им более продуктивным.

Основная критика традиционного подхода к изучению общностей связана с тем, что для него характерно статичное рассмотрение общностей, которые предстают как некоторые стабильные структуры, в то время как на самом деле общности были очень подвижны, находились в постоянной динамике, менялись, адаптировались к новым условиям и далеко не всегда обладали четко выраженными структурами.

В ПОИСКАХ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ: ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА И НАДГОРОДСКИЕ СТРУКТУРЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НИДЕРЛАНДОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

14 сентября 1863 г. на гентской Пятничной площади (Vrijdagmarkt) в присутствии короля Бельгии Леопольда I состоялось торжественное открытие памятника Якобу ван Артевелде. Изобразительный ряд постамента памятника, сооружения которого долгое время добивались от центрального правительства городские власти и общественность Гента¹, нес в себе ряд представлений середины XIX в. как о достижениях самого героя, так и о системе городских и надгородских институтов и связей, существовавших во Фландрии середины XIV столетия. Среди них — 70 гербов городских сообществ, опоясывающие постамент; четыре женские фигуры, символизирующие Фландрию и три ее главных города — Гент, Брюгге и Ипр. Между ними расположены барельефы, изображающие заключение важных союзов во время восстания фламандских городов во главе с Гентом в 1338–1346 гг.: Гента с Брюгге и Ипром, Фландрии с двумя соседними княжествами — Брабантом и Эно, а также Фландрии с Англией. Сам герой восстания середины XIV в. представлен в качестве законодателя, который держит в руках свиток и щит, а шлем Ван Артевелде и другой свиток возлежат на сундуке с надписью «Статуты Фландрии» («Keuren van Vlaanderen»). Таким образом, из всего многообразия существовавших внутри города сообществ внимание акцентировалось в первую очередь на профессиональных корпорациях, а также подчеркивалась политическая роль Гента, Брюгге и Ипра и значение для истории

¹ Van Damme G. De familie De Vigne (deel 1): een unieke Gentse familie, gesitueerd in de context van hun tijd // Gandavum². Online tijdschrift m.b.t. de Gentse stadsgeschiedenis [Электронный ресурс] URL: <http://geertvandamme.blogspot.com/2015/02/de-familie-de-vigne-deel-1-een-unieke.html> (дата обращения 12.10.2018). См. часть статьи, посвященную скульптору, создавшему памятник, — Питеру де Виню.

Фландрии тех союзов, которые были заключены во время восстания представителями городов.

Несмотря на то что в XIX в. многие воспринимали саму фигуру Якоба ван Артевелде и памятник ему как символ борьбы за народную свободу против угнетения (в том числе Пятничная площадь стала популярным местом собраний сторонников социалистического движения)², а историки уже XX столетия пытались бороться с этими неправильными представлениями, за лоббированием идеи о возведении памятника стояли далеко не гентские рабочие. Его сооружение отразило интерес к яркой фигуре Ван Артевелде в кругах, которые вполне могли видеть себя наследниками социальных групп, участвовавших в управлении Гентом XIV в. и стоявших за восстанием 1338–1346 гг. Примером может служить семья Де Пау, несколько членов которой занимали место в городском магистрате. Один из них — Наполеон де Пау-младший (1835–1922), достаточно успешный юрист и историк, — с одной стороны, возводил свой род к гентскому семейству Де Пау XIV в. (с этой целью он долгие годы проводил генеалогические изыскания в городских архивах), прослеживая и их связи с Ван Артевелде, с другой — был внучатым племянником известного гентского промышленника Ливена Бауэнса, которому город был обязан своим возрождением в качестве центра производства тканей во время континентальной блокады в начале XIX в.³ Достаточно активно участвуя в работе созданной в 1886 г. Королевской академии фламандского языка и литературы (дважды становился ее председателем) и Королевской комиссии по истории⁴,

² Deneckere G. City of Industry and Labour // Ghent: A City of All Times / Ed. M. Boone, G. Deneckere. Ghent, 2010. P. 156–159, 176–180. Еще в 1849 фигура Якоба ван Артевелде оказалась в центре «парада графов Фландрии» — костюмированного шествия в рамках проводившегося в городе с начала 1840-х «Гентского фестиваля» (крупной ярмарки).

³ И отец Ливена Бауэнса, и прадед Наполеона де Пау-младшего, жившие в конце XVIII — начале XIX в., были связаны с производством и продажей изделий из кожи. Семья Де Пау улучшила свое социальное положение благодаря успеху Ливена и поддержке императора Наполеона I, сумев затем пережить все перипетии событий 1810-х — 1830-х гг. и занять солидные позиции в правящих кругах Гента.

⁴ Baert G. Pauw, baron Napoléon de // Nationaal biografisch woordenboek. Brussel, 1981. Dl. 9. Col. 594–602.

занимавшейся в этот период масштабной работой по изданию средневековых архивных источников, лишь в конце жизни Н. де Пау смог опубликовать «Исторический и генеалогический картулярий Ван Артевелде»⁵, содержащий документы и выдержки из нарративных источников, относящиеся к этому семейству и связанным с ним родам, которые сопровождаются подробными комментариями автора.

Н. де Пау-младший был далеко не первым и не единственным историком своего времени, привлеченным яркой фигурой Якоба ван Артевелде и строившим свое исследование вокруг нее⁶, но внимание к городским семействам, их социальным позициям, имуществу и т.д. (пусть и вызванное личным интересом автора) было тогда достаточно необычным⁷.

МНОГООБРАЗИЕ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ И КЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Исторические Нидерланды давали и дают весьма богатый и разнообразный материал для изучения городской истории. Для значительной части этого региона (Фландрия, Брабант, часть земель Льежского епископства, южная часть Голландии и Утрехтского епископства) был характерен

⁵ Pauw N. de. Cartulaire historique et généalogique des Artevelde. Bruxelles, 1920.

⁶ См., например: Kervyn de Lettenhove J.-M.-B.-C. Jacques d'Artevelde. Gand, 1863; Vanderkindere L. Le siècle des Artevelde: Études sur la civilisation morale et politique de la Flandre et du Brabant. Bruxelles, 1907.

⁷ Почти 20 лет спустя появилось фундаментальное исследование Франса Блокманса (отца Виллема Питера (Вима) Блокманса) о «городском патрициате» Гента до начала XIV в., внимание в котором акцентировалось скорее на этой социальной группе в целом, а не на отдельных ее представителях: Blockmans F. Het Gentsche stadspatriciaat tot omstreeks 1302. Antwerpen; 'S-Gravenhage, 1938. И лишь значительно позднее были опубликованы две монографии американского исследователя Дэвида Николаса, в том числе посвященные изучению различных линий этого города в XIV в., включая семейство Ван Артевелде: Nicholas D. The Metamorphosis of a Medieval City. Ghent in the Age of the Artevelde, 1302–1390. Leiden, 1987; Nicholas D. The van Artevelde of Ghent. The Varieties of Vendetta and the Hero in History. Lieden; New York; København; Köln, 1988.

высокий уровень урбанизации уже в XIII — первой половине XIV в. Хотя в основном плотную сеть расположенных на юге поселений составляли небольшие городки, которые зачастую сложно отличить от сельских общин, там существовало и довольно большое число крупных и «средних» городов (Аррас, Сент-Омер, Лилль, Дуэ, Турне, Гент, Брюгге, Ипр, Кортрейк, Дендермонде, Поперинге, Лёвен, Брюссель, Антверпен, Мехелен, Намюр, Льеж, Маастрихт и др.)⁸, в первую очередь привлекавших к себе внимание исследователей. В моменты своего максимального расцвета, пришедшиеся для разных городов на XIII — середину XVI в., наиболее крупные центры часто могли похвастаться весьма широким спектром существовавших в них сообществ: от достаточно традиционных для этого времени приходов, линьяжей, выборных городских советов, профессиональных объединений, городских ополчений, религиозных братств до более специфических сообществ бегинков и беггардов (направленных на обеспечение социальной защиты), обществ, связанных с движением «нового благочестия», стрелковых гильдий и палат риторики (камер редерейкеров), активно участвовавших в организации различных празднеств и торжественных процессовий⁹.

⁸ Точные демографические данные для этого периода фрагментарны, и оценки населения городов даже наиболее изученной части региона — Фландрии — несколько отличаются у разных исследователей. По расчетам, которые приводит Питер Стабел, кроме трех городов-гигантов Гента, Брюгге и Ипра, население которых в XIV в. превышало, в случае с Гентом — значительно, 40 тыс. чел. (в Ипре XV в. оно сильно упало, оказавшись ниже этого уровня), в графстве существовало семь городов с населением от 5 до 7 тыс. чел., 11 — с населением от 2 до 5 тыс., 14 городов более чем с 1000 жителей и множество более мелких городских поселений. См.: *Stabel P. Dwarfs among Giants. The Flemish Urban Network in the Late Middle Ages*. Leuven; Apeldoorn, 1997. P. 28–30. При этом на демографическую ситуацию значительно повлияли эпидемии и голод первой половины XIV в., а также волнения и восстания, сотрясавшие в основном крупные города на протяжении конца XIII–XIV в. Это позволяет предположить, что в XIII столетии в некоторых городах численность населения могла быть выше, чем в XIV в.

⁹ Краткий, но достаточно емкий обзор значительной части городских сообществ, существовавших во Фландрии, см.: *Stabel P. Dwarfs among Giants...* P. 174–236 (Chapter 10. Socio-Political Networks).

Наиболее важной для региона отраслью ремесла еще в XII–XIII вв. стало сукноделие. Производство тканей здесь играло большую роль и раньше, еще в позднеантичные¹⁰, а затем каролингские времена, когда в значительную часть Европы вывозились ткани из северной части Нидерландов — Фризии. Но сохранившиеся от этой эпохи источники не дают практически никакой информации ни о формах организации этого ремесла, ни о том, каким образом осуществлялась торговля и существовали ли какие-то связанные с ней сообщества¹¹. Можно лишь предположить, что она была сконцентрирована в достаточно крупных для своего времени центрах, считающихся эмпориями, таких как Квентовик или Дорестад¹². Производство же, скорее всего, велось в основном в сельской местности жителями свободных общин (что было характерно для Фризии) либо в хозяйствах церковных или светских землевладельцев¹³. Активные урбанизационные процессы в южной части Нидерландов, как и в большей части средневековой Западной Европы, начались лишь около 1000 г., и, как считают некоторые исследователи, плотная городская сеть в Южных Нидерландах была наиболее поздней по времени складывания, хотя затем этот регион очень быстро стал играть важную экономическую роль¹⁴.

¹⁰ Французский исследователь Ален Дервилль пишет, что в это время римское поселение, располагавшееся в районе совр. Арраса, славилось своим производством тканей, вывозившихся по всей империи. *Derville A. Les villes de Flandre et d'Artois (900–1500). Ville-neuve d'Ascq (Nord)*, 2002. P. 19–20.

¹¹ *Jellema D. Frisian Trade in the Dark Ages // Speculum. 1955. Vol. 30. No. 1. P. 15–36; Lebecq S. The Frisian Trade in the Dark Ages; a Frisian or a Frankish/Frisian Trade? // Rotterdam Papers. VII / Ed. by A. Carmiggelt. Rotterdam, 1992. P. 7–15.*

¹² *Coupland S. Trading Places: Quentovic and Dorestad Reassessed // Early Medieval Europe. 2002. Vol. 11 (3). P. 209–232.*

¹³ *Verhulst A. Sheep-breeding and Wool Production in Pre-thirteenth Century Flanders and their Contribution to the Rise of Ypres, Ghent and Bruges as Centers of the Textile Industry // Ypres and the Medieval Cloth Industry in Flanders: Archaeological and Historical Contributions = Ieper en de middeleeuwse lakennijverheid in Vlaanderen: archeologische en historische bijdragen / Ed. by M. Dewilde, A. Ervynck, A. Wielemans. Zellik, 1998. P. 33–35.*

¹⁴ *Nicholas D. Urban Europe 1100–1700. New York, 2003. P. 5.*

Развитие торговли стимулировало появление купеческих объединений, в том числе занимавшихся закупкой шерсти для производства сукна (своих ресурсов Фландрии не хватало примерно с XII в.), а также вывозом тканей на ярмарки¹⁵. Известный бельгийский историк Анри Пиренн (1862–1935) пытался связать появление подобных объединений (относя его к более раннему периоду и считая, что к XI в. можно говорить об их присутствии во всех «бельгийских» городах): гильдий, ганз, компаний, формировавшихся по примеру братств, члены которых были связаны друг с другом клятвой верности, — с происходившей урбанизацией. Он считал, что колонии странствовавших купцов, образовывавшиеся у стен монастырей и замков (бургов) в периоды, когда их караваны не могли вести торговлю, а затем окончательно осевшие около того или иного из них, послужили основой для формирования целого ряда городов «средневекового типа»¹⁶. Современные историки также не отрицают существования торгово-финансовых и торговых объединений в нескольких нидерландских городах в XI в. (в Тиле, находившемся на территории совр. Гелдерланда, в 1020-е гг.; Сент-Омере в 1060–1080-е гг.). Но данных о них в источниках очень немного¹⁷, а сама концепция Пиренна в отношении их роли в стимулировании

¹⁵ Gelderblom O. *Cities of Commerce: The Institutional Foundations of International Trade in the Low Countries, 1250–1650*. Princeton (NJ), 2013. P. 20–21.

¹⁶ Пиренн А. Средневековые города Бельгии / Пер. с фр. под ред. Е.А. Косминского. СПб., 2001 (репринт, 1-е изд. — 1937; это русское издание включило в себя перевод 1-го и частично 2-го томов «Истории Бельгии» (*Pirenne H. Histoire de Belgique*. Bruxelles, 1900–1931. Vol. 1–7), впервые вышедших на французском в 1900–1902 гг.). С. 152–155; *Pirenne H. Les villes du Moyen-Age, essai d'histoire économique et sociale*. Bruxelles, 1927. P. 107–108, 120, 124, 128. Первый вариант этой работы, вышедший в США в 1925 г., был переведен на русский: *Pirenne H. Medieval Cities: Their Origins and the Revival of Trade*. Princeton, 1925 (рус. пер.: Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли / Пер. с англ. С.Н. Архангельского. Горький, 1941; переизд.: Н. Новгород, 2009).

¹⁷ De Munck B., Lourens P., Lucassen J. *The Establishment and Distribution of Craft Guilds in the Low Countries, 1000–1800 // Craft Guilds in the Early Modern Low Countries. Work, Power, and Representation / Ed. by M. Prak, C. Lis, J. Lucassen and H. Soly*. Aldershot, 2006. P. 34–35.

урбанизационных процессов широко оспаривается в историографии¹⁸, хотя определенные ее положения до сих пор поддерживают представители его школы¹⁹.

МНОГОЛИКИЙ АНРИ ПИРЕНН

Вместе с тем стоит отметить, что, за исключением приписывания изначально негородским купеческим объединениям доминирующей роли в процессе урбанизации в X–XI вв., концепция Пиренна включала в себя и множество других идей, часть которых представляет интерес и была заимствована (пусть в переработанном виде) последующей историографией. Впрочем, сам бельгийский историк делает важную

¹⁸ Наиболее острой и чрезвычайно язвительной была критика этой концепции и работ ее сторонников (например, Ф. Блокманса и А. Верхюльста) со стороны А. Дервилля, речь о которой еще пойдет ниже. Отметим, что Верхюльст разработал собственную концепцию развития городов с акцентом на усиление роли рынков и экономической активности в результате роста хозяйств различных церковных институтов, но считал, что теория Пиренна верна для периода после 1000 года. См.: *Verhulst A. The Origins of Towns in the Low Countries and the Pirenne Thesis // Past & Present. 1989. Vol. 122. P. 1–35.* К сожалению, сам Дервилль практически не приводит в своем труде ссылок на источники (в том числе и потому, что источниковая база для подобного рода исследований практически не расширилась со времен Пиренна, за исключением появления и широкого привлечения данных городской археологии) и в основном апеллирует к иному пониманию терминов и собственным логическим выкладкам: *Derville A. Les villes de Flandre et d'Artois... P. 96–102* (обобщение его критических замечаний, составляющих всю первую часть работы). Но, не делая акцент на купеческих объединениях, в отличие от Дервилля, ряд современных историков пишут о значении подъема торговли (в том числе межрегиональной) для развития урбанизационных процессов в XI в., что частично совпадает с концепцией Пиренна. См., например, *Nicholas D. Urban Europe. P. 3, 9.* Николас констатирует отказ большинства исследователей от идей Пиренна, но его собственные рассуждения о связи между межрегиональной торговлей и ростом урбанизации почти полностью совпадают с пассажами классика бельгийской историографии. Ср.: *Pirenne H. Les villes du Moyen-Age... P. 118.*

¹⁹ См., например: *Blockmans W. Inclusiveness and Exclusion: Trust Networks at the Origins of European Cities // Theory and Society. 2010. Vol. 39. No. 3/4. P. 316–318.* Подробнее об идеях В. Блокманса см. ниже.

оговорку в отношении своих теоретических построений: речь идет о процессах, характерных не для всех городов. Те из них, которые современная историография отнесла бы к категории «малых городов», не привлекают внимания Пиренна, так как он не видит принципиальных различий между ними и негородскими поселениями, за исключением получения первыми городских хартий; такие городки, с его точки зрения, не являлись «генерирующими центрами» городской жизни. При этом Пиренн относит появление многих из подобных местечек к более позднему периоду. В определенной степени уточнение Пиренном области применения своей теории отражало реалии Южных Нидерландов, где достаточно строгая регламентация сукноделия в крупных городах и представление о том, что развитие этого ремесла служит источником финансового благополучия, стимулировали появление все новых и новых ремесленных поселений, в том числе и довольно поздно — вплоть до раннего Нового времени. Значительная их часть городского статуса так и не получила (иногда при достаточно большой численности населения), при этом мало чем отличаясь от городов²⁰. Пиренн провел много лет, работая совместно с Жоржем Эспина над комментированной публикацией источников по истории фламандского сукноделия от времен его зарождения до конца XIV в., включающей документы из таких ремесленных центров, и хорошо представлял себе их развитие²¹. Вместе с тем в Нидерландах существовали города,

²⁰ См. анализ этих процессов в историографии: *Stabel P. Décadence ou survie? Economies urbaines et industries textiles dans les petites villes drapières de la Flandre orientale (XIVe–XVIe s.) // La Draperie ancienne de Pays-Bas: débouchés et stratégies de survie (XIVe–XVIe siècles) = Drapery Production in the Late Medieval Low Countries: Markets and Strategies for Survival (XIVth–XVIth Centuries). Studies in Urban Social, Economic and Political History of the Medieval and Modern Low Countries / Ed. by M. Boone, W. Prevenier. Leuven; Appeldorn, 1993. P. 63–84; Soens T., Stabel P., Van de Walle T. An Urbanised Countryside? A Regional Perspective on Rural Textile Production in the Flemish West-Quarter (1400–1600) // Economies, Public Finances and the Impact of Institutional Changes in Interregional Perspective. The Low Countries and Neighboring German Territories (14th–17th Centuries) / Ed. by R. Van Schaik. Turnhout, 2015. P. 35–60.*

²¹ *Recueil de documents relatifs à l'histoire de l'industrie drapière en Flandre: I-re partie: des origines à l'époque bourguignonne / Éd. par G. Espinas, H. Pirenne. Brussels, 1906–1924. 4 vols.*

имевшие соответствующий статус и городские привилегии, жители которых в основном занимались не ремеслом или торговлей, а сельским хозяйством²². Именно в их отношении классик бельгийской историографии и делает свою оговорку. Таким образом, используя слово «город», Пиренн обычно имеет в виду город крупный или средний по размеру и торгово-ремесленный центр по преимущественным занятиям его населения.

Рассматривая вопрос о формировании городских институтов, Пиренн во многом связывает его с борьбой городов (наиболее острой в центрах епископств) за большую или меньшую степень автономии и городского самоуправления, права горожан на то, чтобы иметь собственный суд и судиться в нем. Эти события он относит к XI в., а повсеместное появление городских коммун и муниципальных институтов, куда избирались представители различных групп гетерогенного городского населения, наиболее активными из которых были торговцы, — к концу XI–XII в. По мнению Пиренна, даже те города, которые не стали коммунами «официально», по сути всё равно ими являлись, так как средневековый город был коллективным индивидом, выступая в качестве самостоятельного лица в правовых отношениях. Но в городах, где коммуна была институционализирована, существовало и более четкое разделение функций городских властей и представителей сеньора, а горожане были больше озабочены сохранением прерогатив своей корпоративной организации. Но даже те города, которые не стали коммунами, согласно концепции Пиренна, постепенно превращались в «коллективных сеньоров».

Первоначально жители города, так же как и население окружавшей его сеньории, находились под управлением кастелянов и под юрисдикцией эшевеннов, которые назначались сеньором из жителей всего кастелянства и не жили в городе постоянно. Но уже с начала XII в. у городов появляются собственное право, собственная юрисдикция и собственные эшевены, которых выбирают сами горожане (хотя сеньор мог сохранять большую или меньшую степень влияния). Пиренн уверен, что инициатива в том, чтобы добиться этих изменений, принадлежала именно торговцам как наиболее богатой группе населения города (современные историки включают

²² Pirenne H. Les villes du Moyen-Age... P. 117, n. 1.

в эту группу, как минимум, и тех, кто владел в городе землей). У купцов, благодаря их роду деятельности, был накоплен и опыт самоорганизации для достижения собственных целей. У них существовали ганзы или гильдии (также появившиеся без всякого разрешения — т.е. самоорганизовавшиеся) с избираемым главой, имелся дом для проведения общих собраний, где обсуждались важные для них вопросы, и т.д. Правда, из источников было известно о существовании всего этого в середине XI в. лишь в Сент-Омере. Но это не мешало Пиренну предположить, что такие же купеческие объединения существовали и по всей Фландрии и что именно они оказались основой для формирования городских институтов. Постепенно, по собственной инициативе объединения купцов забирали себе часть функций кастелянов, например заботу о поддержании в порядке городских укреплений, занялись городским управлением, а главы гильдий стали выполнять функции магистратов коммуны. В качестве косвенного доказательства своей теории Пиренн приводит следующий довод: до XIV в. в названиях магистратов в некоторых местах, например в Лилле, казначеи (*trésoriers*) назывались «*comtes de la Hanse*», а в Ауденарде глава городской коммуны — «*hansgraaf*»²³.

²³ Pirenne H. Les villes du Moyen-Age... P. 150–165. Сам Пиренн в данном случае проводит параллели с материалом Германии и Англии. В последней купеческая гильдия (*gilda mercatoria*) могла являться формой организации горожан, как, например, в маленьком городке Рединге, где горожанами часто назывались именно члены купеческой гильдии, хотя в действительности в ней состояли не все горожане. См. подробнее: Анисимова А.А. Организация горожан в монастырских городах средневековой Англии // *Universitas historiae*: Сб. ст. в честь Павла Юрьевича Уварова. М., 2016. С. 23–25. Примеры других торговых гильдий (в которые могли входить не только купцы, но и ремесленники, и другие горожане, и даже не обязательно жители данного города или города вообще) в Англии и анализ их роли см. в работе А.Я. Левицкого. Заметим, что торговые гильдии в Англии могли иметь и судебные функции, правда, дарованные им королевскими хартиями. Исследователь отмечает, что эти документы легализовали уже существовавшие в городах торговые гильдии, а также подчеркивает многозначность слов «ганза» и «гильдия», под которыми могли пониматься не обязательно именно торговые ассоциации, объединения, товарищества и корпорации, а также в том числе и их организационные центры: Левицкий А.Я. К вопросу о характере так называемой *gilda mercatoria* в Англии в XI–XIII вв. // Левицкий А.Я. Город и феодализм в Англии. М., 1987. С. 149–175.

Изменения, происшедшие в городах, позднее были подкреплены грамотами графов, признавших этим их особый правовой статус. Появились и собственно городские суды эшевенгов, избиравшихся непосредственно из числа горожан, первое упоминание о которых в 1111 г. встречается в Аррасе, но Пиренн вновь предполагает, что к этому моменту они существовали уже во всех крупных городах региона. Проявившие активность во время политического кризиса во Фландрии в 1127–1128 гг.²⁴ города укрепили свои позиции и, начиная с Сент-Омера, получили в XII в. хартии, закреплявшие их особое положение и вольности: особое городское право, собственных эшевенгов, коммунальную автономию. К городским властям перешел контроль над торговлей, мерами и весами, проведением общественных работ, содержанием городского ополчения и т.д. У городов появилась собственная юрисдикция, распространявшаяся на определенную территорию, собственная система выборов на городские должности (хотя иногда, особенно в епископских городах, влияние сеньора оставалось достаточно высоким). Основным органом управления стал городской совет, состоявший чаще всего из эшевенгов, которые являлись и судьями, и администраторами. При этом бельгийский исследователь считал, что коллегии эшевенгов превратились в узкие привилегированные группы лишь тогда, когда система управления городами стала по-настоящему сложной, и влияние на нее основной массы горожан оказалось практически невозможно. Городские советы издавали собственные статуты (но они известны лишь с XIII в.), а с конца XII в. появились и первые следы городских счетов.

Пиренн отмечает очень широкую сферу деятельности городских советов. По его мнению, они решали многочисленные социальные и экономические проблемы, с которыми сталкивались горожане: защищали ремесленников от конкуренции, обеспечивали экспорт производимых товаров, выработывали правила для различных областей жизни, включая отношения между

²⁴ Подробнее об этих событиях, служивших «краеугольным камнем» для рассуждений о городских сообществах и институтах для целого ряда исследователей, речь пойдет ниже. См. также: *Dhondt J. Les «Solidarités» médiévales. Une société en transition: la Flandre en 1127–1128 // Annales. Economies, sociétés, civilisations. 12e année. 1957. № 4. P. 529–560.*

продавцами и покупателями, регламентировали работу и устанавливали заработную плату ремесленников, следили за обеспечением порядка и нормами гигиены, защищали городскую монополию на производство определенных товаров и т.д. В городах развивался местный, городской патриотизм, их жители были готовы защищать и украшать свой город, что отразилось, например, в строительстве соборов. Город практически превращался в автономную и самоуправляющуюся республику²⁵.

Отметим, что нарисованная Пиренном картина в полной мере характерна для наиболее крупных городов Нидерландов XIV–XV вв., но в гораздо меньшей степени прослеживается по сохранившимся источникам для более раннего периода. Это сказалось как на том, что основной критике или переосмыслению в дальнейшем подверглись теоретические выкладки классика бельгийской урбанистики в отношении раннего периода развития городских институтов, так и на том, что основное внимание следующих поколений историков оказалось сосредоточено на периоде, когда эти институты уже приняли свои классические формы, а в ряде случаев и успели претерпеть определенные изменения (участие в управлении городами представителей ремесленных цехов). Вместе с тем, особенно в период после Второй мировой войны, интерес бельгийских исследователей сконцентрировался главным образом на более узких и конкретных проблемах урбанистики: городской экономике и демографии, развитии финансовых и представительных (в том числе надгородских) институтов, ремесленных корпораций и иных внутригородских сообществ, взаимоотношениях и конфликтах между ними. А заложенные Пиренном традиции урбанистики, до сих пор достаточно сильные, стали объединяющим фактором для нескольких разрозненных университетских школ Бельгии и Нидерландов. Во многом это произошло не только благодаря мощному влиянию концептуальных трудов исследователя, но и в силу того, что сам он начинал свою карьеру в Льеже, долгие годы продолжал ее в Генте, затем переехал в Брюссель, а его ученики, в свою очередь, также оказались разбросаны по разным университетским центрам²⁶.

²⁵ Pirenne H. Les villes du Moyen-Age... P. 166–183.

²⁶ Billen C., Boone M. L'histoire urbaine en Belgique: construire l'après-Pirenne entre tradition et rénovation // Città e Storia. 2010. Vol. 5. No. 1. P. 5–14.

БУРГ, ОБЩИНА, КОНЪЮРАЦИЯ

Поэтому заметная критика изложенных выше положений Пиренна в отношении развития городских институтов раздалась в основном из-за границы²⁷. В вышедшей в самом начале уже III тысячелетия монографии Алена Дервилля (жившего и работавшего в Лилле — части Исторических Нидерландов, оказавшейся в составе Франции) автор, обобщая свой опыт работы историка-урбаниста, в том числе исследовавшего раннесредневековый материал²⁸, попытался выработать иной подход к истории городов Южных Нидерландов. Как уже отмечалось, его исследование оказалось при этом построенно на жесткой оппозиции концепции Пиренна, в том числе в отношении появления городских институтов и акцентирования роли торговых гильдий, связывавших купцов разных городов уже в более поздний период — в XIII в. (в первую очередь — так называемой Лондонской ганзы)²⁹.

Дервилль, в отличие от Пиренна, считает бурги полноценными городами, полагает, что под термином «*mercatores*» в источниках часто имеются в виду не более чем ремесленники, продающие свои товары, а также пробует обратить внимание и на те города, которые со временем не превратились в крупные торгово-ремесленные центры. По его мнению, в основном города во Фландрии и в Артуа сформировались

²⁷ В советской и российской историографии неоднократно (В.В. Стоклицкой-Терешкевич, С.И. Архангельским, Е.А. Косминским, Л.Ю. Бесмертным, Г.К. Садретдиновым и др.) рассматривались и переосмысливались некоторые из положений, высказанных Пиренном (эта критика касалась далеко не только зарождения средневековых городов). См., например: Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. Л., 1940. С. 281–283. А.Л. Ястребицкая в одной из своих работ приводит подробный обзор пересмотра концепции Пиренна (и «торговой теории» зарождения и развития средневековых городов в принципе) Д. Николасом и Н.П. Оттокарсом. См.: Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке: Учеб. пособие. М., 1995. С. 111–126, 135–136 (разделы «Пересмотр теории А. Пиренна о происхождении городов» и «Вклад российской науки»).

²⁸ Lebecq S. In memoriam Alain Derville (1924–2002) // *Revue du Nord*. 2002. No. 1 (344). P. 5–6.

²⁹ Derville A. Les villes de Flandre... P. 101–102.

не сами по себе и не только и даже не столько в результате самого по себе экономического роста. Они часто основывались графами и другими сеньорами в разные периоды с разными целями: около 900-х гг. — из военных соображений (необходимости обороны от набегов норманнов), в конце XI в. — из соображений административных (как центры кастилянств и графской администрации, включая суды эшевен), и лишь в конце XII в. — из соображений экономических, т.е. из расчета сеньора на определенную выгоду от развития города, в том числе как центра ремесла и торговли. Все бурги, на взгляд французского историка, сразу и намеренно основывались как городские поселения. И их отличие от сельских поселений заключалось не в образе жизни населения (которое в основном также занималось сельским хозяйством), а в наличии предоставленных правителями хартий. В них содержались привилегии, в первую очередь свободный статус горожан и городского держания. Автор подчеркивает многочисленные упоминания в подобных документах прав горожан на пастбища, что, на его взгляд, свидетельствует об их сельском образе жизни³⁰. Управление же городами до XIII в., по мнению Дервилля, было сосредоточено не в руках эшевен, в которых он видит графских судей, а в руках присяжных городской общины (*«jurés communaux»*)³¹. Община-коммуна строилась на клятве взаимной помощи (*«conjuratio mutui adjutorii»*) Гвиберта Ножанского; отметим, что в вопросе

³⁰ Ibid. P. 32–33.

³¹ В своей работе, посвященной истории Сент-Омера, Дервилль отмечает существование городских присяжных и графского суда эшевен как двух разных групп или институтов. В хартии, полученной городом в 1164 г. и отразившей расширение привилегий горожан, в случае конфликта между графом и горожанами предусматривалось его разрешение судом, состоявшим из эшевен и присяжных, в отличие от предыдущей хартии 1127 г., которая предусматривала лишь суд эшевен. Эти присяжные, вместе с мэром осуществлявшие городское правосудие, существовали параллельно с графским судом. С точки зрения автора, их нельзя идентифицировать как институт, аналогичный «присяжным коммуны» XIII в., представлявшим собой совет, куда входили бывшие эшевены. В случае с Сент-Омером французский король в начале XIII в. (после битвы при Бувине) урезал городские привилегии, в результате чего управление оказалось в руках эшевен, являвшихся судьями сеньора. Derville A. Saint-Omer des origines au début du XIVe siècle. Lille, 1995. P. 103–107, 110–111.

о наличии клятвы в качестве основы или одной из основ объединения городской общины историография практически единодушна, хотя упоминания об этой клятве далеко не всегда встречаются в источниках), и представляла собой по отношению к сеньору коллективного вассала³².

КАК ВОЗНИКАЛИ ГОРОДСКИЕ И НАДГОРОДСКИЕ ИНСТИТУТЫ?

В целом критика со стороны Дервилля мало отразилась на подходе к вопросу о появлении и развитии городских институтов в бельгийской историографии, где продолжает доминировать концепция Пиренна; при этом иногда его построения воспроизводятся практически дословно. Примером могут послужить идеи Вима Блокманса, в основном специализирующегося на изучении политических и представительных институтов более позднего периода — XIV–XVI вв., но неоднократно обращавшегося к урбанистике и к истории торговых связей³³. По его мнению, появление общины (*community building*) на первом этапе роста городов основывалось на личных связях (способствовавших и формированию городских элит), формализованных клятвами верности, что выразилось в возникновении первых коммун — объединений, которые боролись за свою независимость против церковных и светских феодалов. С ростом городов подобные неформальные социальные структуры или сети, эффективность которых стала недостаточной в XIII в., когда городское население достигло демографического пика, преобразовали себя в общественные институты, что кардинально изменило их характер. В. Блокманс выделяет шесть основных типов «сетей доверия» (*trust networks*; термин введен Чарлзом Тилли), существовавших

³² Derville A. Les villes de Flandre... P. 96–98.

³³ См. например: Blockmans W. Metropolen aan de Noordzee. De geschiedenis van Nederland, 1110–1550. Amsterdam, 2010. P. 44–97 (разделы, посвященные ранним этапам развития городов, ремесла и торговли); Blockmans W. Urbanisation in the European Middle Ages: Phases of Openness and Occlusion // Living in the City: Urban Institutions in the Low Countries, 1200–2010 / Ed. by L. Lucassen, W. Willems. London; New York, 2012. P. 16–31.

внутри городов и между ними, среди которых нам интересны три первых: 1) гильдии и ганзы как горизонтальные ассоциации купцов, занимавшихся региональной или международной торговлей, которые с XI в. предоставляли возможности для социальной мобильности людям самого разного происхождения; 2) кланы или ассоциации местных купеческих семейств, прочно доминировавшие в управлении городами; 3) братства или цехи, в которые объединялись ремесленники, стремившиеся подорвать монополию купцов на экономическую, судебную и политическую власть.

По мнению исследователя, еще до того, как города получили свои привилегии в письменной форме, внутри них уже существовало сплоченное ядро на уровне элиты, состоявшей в основном из купцов. Их деятельность требовала самоорганизации и появления различного рода объединений, которые спланировались совместным отправлением религиозных церемоний, благотворительностью, банкетами и пирушками. Постепенно они начали выполнять функции городских властей, а добившись признания автономии коммуны и ее законодательных прав, отстаивали экономические интересы той группы, которая все еще составляла их основу, — купцов и предпринимателей, в том числе и за пределами тех княжеств, откуда они происходили. Торговые же объединения разных городов также первоначально являлись союзами между купцами. Таким образом, В. Блокманс, опираясь на всё тот же узкий круг источников второй половины XI — начала XII в. и рассуждая вполне в категориях пиренновской концепции, пытается изучать фазу развития городских сообществ до их институционализации и найти в том числе «промежуточные формы» в эволюции «частных» сообществ в «публичные» городские институты³⁴.

Несколько иначе подходят к вопросу о появлении городских и надгородских институтов другие современные бельгийские исследователи, например Тереза Де Амтинн и Вальтер Превенье. Они отмечают, что уже в начале XII в. городские элиты во Фландрии осознавали свой экономический

³⁴ Blockmans W. Inclusion and Exclusion... P. 315–321; Blockmans W. Constructing a Sense of Community in Rapidly Growing European Cities in the Eleventh to Thirteenth Centuries // Historical Research. 2010. Vol. 83. No. 222. P. 575–587 (несколько расширенная версия первой статьи).

потенциал, городскую идентичность и были в состоянии бороться за свои привилегии, что отразили события 1127–1128 гг., когда города в союзе с крупными сеньорами сыграли решающую роль в смещении графа Вильгельма Клитона (1127–1128) и победе в борьбе за Фландрию получившего их поддержку Тьерри Эльзасского (1128–1168). Де Ампитин и Превенье предполагают, что между элитами разных городов³⁵ существовали сети неформальных связей, которые позволили им скоординировать свои действия и отстоять свои интересы перед лицом правителей. В итоге в 1127–1128 гг. Брюгге, Сент-Омер и Гент получили хартии, которые отражали конкретные обычаи этих городов и содержали привилегии, соответствовавшие ожиданиям их элит. К моменту политического кризиса 1127–1128 гг. исследователи относят и первые свидетельства об активном использовании городскими элитами письменной формы общения друг с другом (нарративные источники упоминают об обмене письмами)³⁶. Дальнейшему же усилению позиций городского «патрициата», с точки зрения Превенье, способствовало появление и повсеместное распространение в крупных городах на протяжении XII в. светских школ, где детей учили навыкам, необходимым для ведения торговли, и иностранным языкам³⁷.

Из документов более позднего периода, с 1241 г., известно о надгородском объединении эшевенов крупных городов, так называемом *communitas scabinorum Flandriae*. По мнению Превенье, это объединение могло существовать уже при правлении Тьерри Эльзасского, так как в одном из актов граф упоминает

³⁵ В источниках принимавшие участие в событиях горожане именуются как «cives», «burgenses», «consuli», «viri sapientiores», также там упоминаются и «mercatores Flandriae». См. хронику наиболее подробно освещающего конфликт Гальберта Брюггского: *Galbert de Bruges. Histoire du meurtre de Charles le Bon comte de Flandre (1127–1128)* / Éd. par H. Pirenne. Paris, 1891. P. 138–141, 149, 151–153.

³⁶ *De Hemptinne T., Prevenier W. Les acts urbains, témoins d'une conscience identitaire. Instruments de décision politique et de contrôle social en Flandre, à Gand en particulier (XIVe–XVe siècles)* // *Histoire urbaine*. 2012. Vol. 3. No. 35. P. 13–14.

³⁷ *Prevenier W. Les sources de la pratique judiciaire en Flandre du XIIe au XVe siècle et leur mise en oeuvre par les historiens* // *Pratiques sociales et politiques judiciaires dans les villes de l'Occident à la fin du Moyen Âge* / Éd. par J. Chiffolleau, C. Gauvard, A. Zorzi. Rome, 2007. P. 105–106.

«скабинов своей земли», но активизацию деятельности данной надгородской структуры по отстаиванию общих интересов крупных городов (в первую очередь экономических) автор относит к первой половине XIII столетия. В этом объединении исследователи обычно видят и прообраз существовавших позднее, с XIV в., надгородских представительных институтов — собраний Трех Городов Фландрии (Гента, Брюгге и Ипра, в которых спорадически участвовали и члены городских советов других центров), а затем Четырех Членов Фландрии (к представителям Трех Городов с конца XIV в. были присоединены представители Свободного Округа Брюгге, включавшего в себя некоторые более мелкие города и сельские общины)³⁸. Эти надгородские институты (собираясь по собственной инициативе, а иногда даже несмотря на прямой запрет со стороны правителей, для решения различных экономических и внешнеполитических вопросов) превратились в весьма могущественный противовес власти графов Фландрии, а затем присоединивших ее к своим владениям герцогов Бургундских³⁹.

ЦЕХОВОЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ

Но расцвет надгородских представительных институтов во Фландрии произошел уже после того, как в значительной мере изменился состав самих городских советов, доминировать в которых стал не «патрициат», а члены ремесленных цехов. Эти перемены отразились, по мнению Превенье, и в расширении типов документов, позволяющих нам изучать работу городских вла-

³⁸ De Hemptinne T., Prevenier W. Les acts urbains... P. 13.

³⁹ Достаточно подробные регесты материалов их заседаний опубликованы. См.: *Handelingen van de Leden en van de Staten van Vlaanderen (1384–1405)* / [Uitg.] door W. Pevenier. Brussels, 1959; *Handelingen van de Leden en van de Staten van Vlaanderen (1405–1419)* / [Uitg.] door A. Zoete. Brussels, 1981–1982. Vol. 1–2; *Handelingen van de leden en van de Staten van Vlaanderen: regering van Filips de Goede (10 september 1419 — 15 juni 1467)* / [Uitg.] door W.P. Blockmans. Brussels, 1990–2006. Vol. 1–3. *Handelingen van de Leden en van de Staten van Vlaanderen (1467–1477)* / [Uitg.] door W. P. Blockmans. Brussels, 1971; *Handelingen van de Leden en van de Staten van Vlaanderen. Regeringen van Maria van Bourgondië en Filips de Schone (5 januari 1477 — 26 september 1506)* / [Uitg.] door W.P. Blockmans. Brussels, 1973–1982. Vol. 1–2.

стей. Задаваясь вопросом о том, почему от периода до 1280-х гг. во Фландрии практически не осталось городских счетов, регистров приговоров городских судов эшевенов и подобного рода документов, исследователь приходит к выводу, что такую документацию намеренно не хранили, а уничтожали, что позволяло элитам сохранять свою монополию на власть в городах. К данному утверждению Превенье позволяет прийти фактическое отсутствие подобных источников, так же как и свидетельств регистрации до середины XIII в. городскими властями завещаний, брачных контрактов, сделок с имуществом — так называемого «жалованного правосудия» (*juridiction gracieuse*)⁴⁰ в архивах городов (за исключением Дуэ), где бережно хранились иного рода документы. Наиболее ценными и многочисленными были полученные от графов привилегии (*keuren*), поддерживавшие власть патрициата и подтверждавшие его право осуществлять суд и даже издавать собственные статуты (первые из них появляются в конце XII в.). Также сохранялись и записи о заключенных коммерческих сделках с иностранными купцами, например на ярмарках в Ипре.

В пользу теории Превенье говорит и то, что во время волнений, восстаний и смут конца XIII — начала XIV в., закончившихся в некоторых городах тем, что патрициат был вынужден разделить свою власть с представителями ремесленных цехов («средним классом»), неоднократно звучали обвинения в адрес членов городских советов в злоупотреблениях в использовании городских финансов (например, средств, предназначенных для проведения общественных работ) и несправедливости выносимых эшевенами судебных решений. Но доказать это было чрезвычайно сложно, так как опасные документы не сохранялись. В результате происшедшей «революции», по мнению Превенье, появился контроль за городскими финансами (записи счетов по приказу французского короля Филиппа III должны были вестись во фламандских городах еще с 1279 г.), а также фиксация выносимых эшевенами судебных приговоров, что фактически означало кардинальное изменение юридической практики и появление новой политической культуры⁴¹.

⁴⁰ Нотариат как конкурирующий институт появился в Нидерландах в конце 1260-х гг. и распространился лишь к концу XIII столетия.

⁴¹ *Prevenier W. Les sources de la pratique judiciaire... P. 105–109.*

Настоящей «социальной революцией» называет эти события, например, и Питер Стабел, который также оценивает ремесленные цехи в Нидерландах в ранний период их существования (т.е. в конце XIII — начале XIV в., когда появляются и первые источники, позволяющие их изучать) как инструменты «социальной эмансипации и экономических перемен»⁴². А Марк Боон, который рассматривает контроль, осуществлявшийся с помощью закона и судов, наряду с формулированием и отстаиванием прав и свобод города, в качестве основных сфер деятельности его властей, полагает, что после того, как городские элиты заставили поделить свою власть с представителями ремесленников, в управлении городами и осуществлении правосудия усилилась роль консультаций и арбитража. Некоторые решения при этом сначала принимались главами цехов, а лишь затем утверждались эшевенами⁴³. Отметим, что в последние десятилетия представления о том, что новые социальные группы в нидерландских городах повсеместно добивались участия в городском управлении, были во многом пересмотрены. В начале XIV в. представители цехов попали в городские советы лишь в ряде крупных центров, и окончательное закрепление их позиций произошло далеко не сразу. В прочих же городах в магистратах по-прежнему доминировал патрициат, жестко регламентировавший работу ремесленников даже там, где существовали их профессиональные объединения⁴⁴. Тем не менее в городах, где подобные изменения произошли, они действительно значительно расширили количество сообществ, которые в той или иной мере соучаствовали в городском управлении. Как показывают

⁴² *Stabel P.* Old Regions and New Regions in the Economic History of the Medieval Low Countries. A Comment on the Notion of Economic Change in Bas van Bavel's "Manors and Markets" // *Tijdschrift voor Sociale en Economische Geschiedenis*. 2011. T. 8 (2). P. 123–124.

⁴³ *Boone M.* The Desired Stranger. Attraction and Expulsion in the Medieval City // *Living in the City...* P. 33–35.

⁴⁴ *Prak M.* Corporate Policies in the Low Countries: Guilds as Institution 14th to 18th Centuries // *Craft Guilds in the Early Modern Low Countries. Work, Power, and Representation* / Ed. by M. Prak, C. Lis, J. Lucasen and H. Soly. Aldershot, 2006. P. 75–83; *Billen C., Kusman D.* Les villes du Brabant face à la crise des finances du duché de Jean II. La crise d'une société tout entière // *Histoire urbaine*. 2012. Vol. 1. No. 33. P. 67–71.

Де Ампитинн и Превенье, члены управлявшего Гентом с 1228 по 1301 г. «совета XXXIX» избирались исключительно из числа патрициата, так называемых *virii hereditarii* (нидерл. *ervachteghe lieden*), группы, которая составляла от 3 до 5 % населения⁴⁵.

В начале XIV в. эту структуру заменили две коллегии эшевен — *Keure* (отвечали за *justification gracieuse*, в том числе *lettres échevinales*, заверяющие различные договоры и торговые сделки) и *Gedele* (фр. *Parchons*; ведали вопросами, связанными с опекой сирот и их имуществом), в каждую из которых избиралось по 13 человек. После того как в 1360 г. вхождение представителей ремесленных цехов в городские советы было окончательно закреплено, прежняя городская элита (*poorterij*) сохраняла в коллегиях эшевен шесть мест. Остальные делились между профессиональными сообществами. Среди них доминировали представители ткацких цехов (к этому моменту ткачи оттеснили от участия в управлении сукновалов), из числа которых избиралось десять эшевен. Оставшиеся десять мест делились между представителями 53-х «младших цехов» (*menus métiers*) города, в основном работавших для обеспечения нужд внутреннего городского рынка. Два из них получала гильдия корабельщиков, контролировавшая торговлю по Лейе и Шельде, а остальные распределялись между всеми другими профессиональными объединениями по очень сложной схеме. Таким образом, теоретически практически каждый цех и гильдия Гента получали возможность (пусть и раз в несколько лет) принять участие в управлении городом⁴⁶.

⁴⁵ De Hemptinne T., Prevenier W. Les acts urbains... P. 16–18. Этот институт не мог в свое время не привлечь и внимание Пиренна. Пиренн А. Средневековые города Бельгии... С. 233, 305–320, 327. Впрочем, современные исследователи, в отличие от него, в большей мере сосредоточены не на рассмотрении длительного конфликта между графом Фландрии Ги де Дампьером и «советом XXXIX», в который активно вмешивались французские короли, а на изучении сферы деятельности трех групп, которые составляли этот институт, в области городского управления. Первая, эшевены, занималась различными политическими вопросами; вторая, советники, ведала урегулированием дел, связанных со взаимоотношениями между различными городскими семьями, в том числе, вендеттой, а также вопросами опеки; третья, *otiosi* («отдыхающие»), служила резервом.

⁴⁶ Boone M. À la recherche d'une modernité civique. La société urbaine des anciens Pays-Bas au bas Moyen Age. Bruxelles, 2010. P. 41–43.

Хотя далеко не все ремесло даже в крупных нидерландских городах было объединено цеховой организацией, тем не менее, сложно поспорить с тем, что социальная база, на которую опирались городские советы, действительно, значительно расширилась в XIV в. Именно более понятный и лучше освещенный в источниках период позднего Средневековья, как уже отмечалось, привлекал основное внимание исследующих нидерландские города историков XX и XXI вв. Среди них по-прежнему в большей степени изучаются крупные центры, на материале которых иногда детально рассматриваются механизмы работы городского управления, ряда профессиональных объединений и иных городских сообществ⁴⁷. Тем не менее изучение периода, предшествовавшего институционализации различных городских и надгородских структур, все еще остается полем, на котором историки вынуждены строить гипотезы, отталкиваясь от попыток интерпретировать термины и, руководствуясь собственной логикой, достраивать не слишком понятную по материалам источников картину. Примерами служат и «эволюция» «скабинов Фландрии» в Четыре Члена Фландрии, и остающаяся не до конца понятной работа городских советов в XII–XIII вв., и даже активно пересматривающиеся в последние годы представления о роли, которую играли в жизни городов ремесленные корпорации⁴⁸.

⁴⁷ Приведем лишь некоторые из многочисленных исследований: Boone M. *Gent en de Bourgondische hertogen, ca. 1384 — ca. 1455. Een sociaal-politieke studie van een staatsvormingsproces*. Brussel, 1990; *De Munck B. Technologies of Learning. Apprenticeship in Antwerp Guilds from the 15th Century to the End of the Ancien Régime*. Turnhout, 2007; *Dumolyn J. Guild Politics and Political Guilds in Fourteenth Century Flanders // The Voices of the People in Late Medieval Europe. Communication and Popular Politics / Ed. by J. Dumolyn, J. Haemers, H.R. Oliva Herrer, V. Challet*. Turnhout, 2014; *Paquay I. Gouverner la ville au bas moyen âge. Les élites dirigeantes de la ville de Namur au XVe siècle*, Turnhout, 2009; *Sosson J.-P. Les travaux publics de la ville de Bruges, XIVe–XVe siècles. Les matériaux. Les hommes*. Bruxelles, 1977; *Studien betreffende de sociale structuur te Brugge, Kortrijk en Gent in de 14e en 15e eeuw / Door W. Blockmans, I. De Meyer, J. Mertens, C. Pauwelyn en W. Vanderpijpen*. Heule, 1971; *Voisinages, coexistences, appropriations. Groupes sociaux et territoires urbains (Moyen Âge — 16e siècle) / Éd. par C. Deligne, C. Billen*. Turnhout, 2007; *Werelden van verschil. Ambachtsgilden in de Lage Landen / Dir. C. Lis, H. Soly*. Bruxelles, 1997.

⁴⁸ См., например: *Stabel P. Guilds in Late Medieval Flanders: Myths and Realities of Guild Life in an Export-Oriented Environment // Journal of Medieval History*. 2004. Vol. 30. P. 187–212.

ОБЩИНЫ, ПРИХОДЫ, ДИОЦЕЗЫ И ДРУГИЕ ОБЩНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВИЯ «ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОВОРОТА»

Когда-то французских историков очень интересовали и ремесленные корпорации¹, и гильдии², и религиозные братства³. Ныне же создается впечатление, что эти темы отошли на второй план, уступив место иной проблематике — изучению средневековых общин и общностей, преимущественно в их пространственном измерении.

В средневековую эпоху на Западе (и, конечно, не только на Западе) существовало множество общностей разного уровня, выполнявших разные функции⁴. Изучение общностей

¹ Olivier-Martin F. *L'organisation corporative de la France d'Ancien Régime*. Paris, 1938; Coornaert E. *Les corporations en France avant 1789*. Paris, [1941]; *Idem*. *Les compagnonnages en France du Moyen Âge à nos jours*. Paris, 1966.

² Coornaert E. *Des confréries carolingiennes aux gildes marchands // Mélanges d'histoire sociale*. Vol. 2. 1942. P. 5–21; *Idem*. *Les Ghildes médiévales (V^e–XIVe siècles: Définition et évolution) // Revue historique*. 1947. Vol. 199. P. 22–55, 208–243; Espinasse G. *Les origines de l'association*. T. 1: *Les origines du droit d'association dans les villes d'Artois et de la Flandre jusqu'au début du XVIe siècle*. Lille, 1942.

³ Fougères M. *Entr'aide et pitié: Les associations urbaines au Moyen Âge // Mélanges d'histoire sociale*. 1944. Vol. 5. P. 100–106. Последнее крупное исследование по французским конферериям было опубликовано четверть века назад. См.: Vincent C. *Les confréries médiévales dans le royaume de France*. Paris, 1994.

⁴ В советской историографии из всего многообразия общностей внимание обращалось, как правило, лишь на сельские общины и ремесленные цехи. Зато после перестройки многоцветие мира средневековых общностей сразу же оказалось в центре внимания отечественных медиевистов. Так, в 1991 г. в ИВИ РАН прошла большая конференция по этой теме. См. сборник материалов: *Общности и человек в средневековой Европе / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М.; Саратов, 1992.*

позволяет понять устройство средневекового социума и ответить на важнейшие вопросы о его динамике как атрибуте пресловутого «европейского чуда». Но вопрос об истоках динамизма средневекового Запада так или иначе выводит на характерный для французской историографии спор *мутационистов* и *антимутационистов*, более известный в отечественной историографической традиции как дебаты по поводу «феодальной революции»⁵. Мутационисты (Жорж Дюби и его сторонники) настаивали на радикальном, быстром, качественном, «революционном» разрыве (мутации) средневекового общества с каролингскими традициями после Тысячного года. Антимутационисты (например, Доминик Бартеlemi и Режи́н Ле Жан) утверждали, что эту модель нельзя в равной мере применить ко всем регионам: изменения были растянуты во времени, и многое из того, что приписывалось периоду после Тысячного года, наблюдалось в эпоху Каролингов, а то, что, как считалось, характеризовало «феодальную революцию», было продуктом более позднего времени. К тому же постулаты мутационистов далеко не всегда подтверждались археологическими материалами⁶.

Но само по себе обретение обществом XI–XII вв. принципиально нового качества отрицать трудно даже самым рьяным из антимутационистов. В немалой степени базой этих изменений стало то, что Робер Фоссье назвал словом *encellulement* («объяснение») ⁷. В результате этого процесса пространство Западной Европы оказалось окутано сразу тремя видами сетей — сеньориями, приходами и общинами. В идеале (но отнюдь не всегда) ячейки этих сетей налагались друг на друга: сельская община совпадала с приходом и сеньорией. Рядом с поселением часто высился замок, и здесь уместно вспомнить еще один специфический термин, предложенный Пьером Тубером, — *incastellamento* («озамкование»). Но Фоссье делает акцент на других структурах — в центре деревни располагалась

⁵ Бессмертный Ю.Л. «Феодальная революция» X–XI веков? // Вопросы истории. 1984. № 1. С. 52–68.

⁶ Watteaux M. À propos de la «naissance du village au moyen âge»: la fin d'un paradigme? // Études rurales. 2003. No. 167/168. P. 306–318.

⁷ Fossier R. Enfance de l'Europe, X^e–XIIe siècles. Aspects économiques et sociaux. Paris, 1982.

церковь и прилегавшее к ней кладбище, которое являлось сакральным центром общины⁸. Эта система достаточно прочно фиксировала население и в дальнейшем демонстрировала солидную устойчивость. Концепция Фоссье, выдвинутая 40 лет назад, поначалу считалась относившейся лишь к французской реальности, но в настоящее время ее, хотя и с существенными оговорками, но, в целом достаточно успешно применяют к Ломбардии и Тоскане, Арагону и Каталонии, рейнским областям Священной Римской империи, а иногда и к более северным регионам. Для нас важно, что историки, озабоченные социальным истолкованием феномена «взлета Европы» после Тысячного года, отмечают существенную роль в этом процессе общины.

В 2018 г. в Париже вышел коллективный труд, посвященный средневековой территориальной общине города и деревни⁹. К сожалению, мы пока не могли ознакомиться с этим изданием, но хорошо знакомы с другими работами большинства его участников. Этот труд — итог работы группы историков, своеобразным идеологом которых выступает Жозеф Морсель, специалист по германской истории, представляющий собой образец французского «социологизирующего историка»¹⁰. Ему принадлежит ряд критических обзоров теоретических наработок медиевистов предыдущего поколения, причем знание немецкого языка (по-прежнему нечастое среди французских медиевистов) дало ему возможность обратиться к трудам известного во Франции и в России Отто Герхарда Эксле и менее известного Петера Бликле. Книги баварского историка Бликле, специалиста по истории Реформации, переведены на английский язык, предложенные им термины «революция общинного человека» и «общинная

⁸ Lauwers M. Naissance du cimetière. Lieux sacrés et terre des morts dans l'Occident médiéval. Paris, 2005.

⁹ Communauté d'habitants au Moyen Âge (XIe–XVe siècles) / Dir. J. Morsel. Paris, 2018.

¹⁰ См. его программную статью: Morsel J. Les logiques communautaires entre logiques spatiales et logiques catégorielles (XIIe–XVe siècles) // Bulletin du centre d'études médiévales d'Auxerre / BUCEMA. Hors série. 2008. No. 2: Le Moyen Âge vue d'ailleurs. [Электронный ресурс]. URL: <http://cem.revues.org/10082> (дата доступа 25.11.2018).

реформация» получили научное признание¹¹. Однако его обобщающий труд, посвященный средневековому «коммунитаризму» как форме организации общества¹², за пределами Германии известен не очень хорошо. Бликле видит в общине средство борьбы с сеньориальной эксплуатацией. Вместе с тем он придерживается институционального подхода, рассматривая крестьянскую общину как частный случай проявления коммунального, или «коммунарного», движения. В этом он следует терминологии, предложенной в свое время специалистом по истории средневековой философии Пьером Мишо-Кантенем¹³. Вдохновляясь рассуждениями Мишо-Кантена об *universitas* как особом типе сообщества, но и полемизируя с ним, Бликле, как и Эксле¹⁴, выводит существование общин из взаимной клятвы мира, превращающей простое соседство в братство. Община, основанная на взаимной присяге — *conjuratio*, предусматривала взаимопомощь, улаживание внутренних конфликтов, ритуальное сотрапезничество и хранение памяти об умерших членах.

Если у Бликле община, как и коммуна, является средством сопротивления сеньориальной эксплуатации, то Крис Уикхем считает, что эти институты возникли в условиях распада каролингского социально-политического порядка, дабы как-то компенсировать вакуум власти. Уикхем убедительно показывает это на примере как Западно-Франкского королевства, так и Итальянского королевства конца XI — первой половины XII в.¹⁵ При этом и Уикхем, и Эксле отмечали, что различного

¹¹ Blickle P. Die Revolution von 1525. München, 1975; *Idem*. Die Gemeindereformation. München, 1985.

¹² Blickle P. Kommunalismus. Skizzen einer gesellschaftlicher Organisationsform. München; Oldenbourg, 2000.

¹³ Michaud-Quantin P. Universitas: Expressions du mouvement communautaire dans le Moyen Âge latin. Paris, 1970.

¹⁴ Эксле О. Г. Гильдия и коммуна. О возникновении «объединения» и «коммуны» как основных форм совместной жизни в Европе // Эксле О. Г. Действительность и знание: Очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. Ю. Е. Арнаутовой. М., 2007. С. 136–156.

¹⁵ Помимо нескольких монографий на эту тему, можно сослаться на одну из последних работ этого исследователя: Wickham Ch. The "Feudal Revolution" and the Origins of Italian City // Transactions of the Royal Historical Society. 2014. Vol. 24. P. 29–55.

рода объединения: *societas, confratria, consortium, conventiculum, conjuratio* — нередко встречаются в текстах каролингской эпохи. Но обычно речь шла о запретах подобного рода незаконных «сговоров», как, например, *coniurationes servorum* во Фландрии времен Людовика Благочестивого. С точки зрения Уикхема, важно, что в новых условиях распада эти неофициальные и даже осуждаемые практики превратились во вполне законные, формализованные институты.

Впрочем, вопрос о происхождении «общин» и «коммун» не находится в центре внимания современных медиевистов.

ОБЩИНА И ЕЕ ТЕРРИТОРИЯ

Для Морселя более важными представляются рассуждения о роли пространственного фактора в формировании общины, именуемой *communaute d'habitants*, которую мы переводим термином «территориальная община»¹⁶.

Современных французских историков интересуют не причины возникновения общины, а системные сдвиги в социуме, сопровождавшие этот процесс. Главным следствием процесса *encellulement* (объединения) стала более прочная фиксация населения и, как итог, усиление сеньориального контроля. Для фиксации населения важным оказывалось не столько насилие (хотя оно и могло иметь место), сколько предоставление жителям данной территории свобод, перечисляемых в хартиях (*franchises*), обеспечение наследственных прав на землепользование и укрепление сакрального значения данного места за счет церкви и кладбища.

Территориальная община не всегда предполагает наличие агломерации, но и не всякая агломерация является общиной. Важнее не скученность жилищ, но поляризация

¹⁶ Переводить на русский язык этот термин как «община жителей» было бы тавтологией, переводить как «соседская община» тоже неудобно, поскольку в нашей историографической традиции так именовался определенный эволюционный этап в разложении кровно-родственной общины. Не подходит и термин «сельская община», коль скоро для французских исследователей в плане организации такой общины принципиальной разницы между городом и деревней не было.

пространства вокруг церквей, кладбищ и замков. Община же определяется совместным использованием конкретного пространства, имеющего хозяйственную ценность.

Термин «территориальная община» не предполагает отделения сельской общины от городской. Общеизвестно, что на практике отличить крупное село или укрепленное селение, бастиду, от небольшого города непросто, тем более что малые и даже совсем немалые города сохраняли общинные угодья (выгоны, общинные леса и т.д.). Но еще Бликле обратил внимание на иной аспект близости городских и сельских общин. Важным в данном случае представляется не столько разделение ремесла и сельского хозяйства, сколько выраженный пространственный аспект существования общин. В городе ремесленник не просто производит и продает товары, но производит их и поставяет заказчику или на рынок именно как ремесленник такого-то города. Ремесленные цехи или муниципальные власти не допускали на рынок чужаков. Таким образом, город, как и деревня, предстает в качестве места коллективного присвоения локальных ресурсов в границах своей территории. Только в одном случае это местные угодья, в другом — местный рынок (хотя, конечно, права на свои угодья горожане тоже отстаивали).

Общее было у территориальной общины и местного церковного прихода. Расходы по строительству церквей, их содержанию и ремонту часто брала на себя община, она же регулировала отношения со священником, контролировала расходование части собранной десятины, предназначенной для помощи «своим бедным»¹⁷. Церковные старосты часто были формальными и неформальными руководителями общины; в более позднее время на них возлагались функции раскладки налогов. «Функция» спасения души, на которой настаивают немецкие исследователи, видя в ней атрибут средневекового «коммунитаризма», осуществлялась не территориальной, а приходской общиной. Но если останавливаться на формальной стороне связей между людьми, приход не предполагал ни наличия взаимной присяги, ни формального равенства прихожан. Не только члены данной

территориальной общины могли составлять круг прихожан, поминальные службы возносились не столько за усопших членов общины, сколько за тех, кто оставил церкви вклад. Неслучайно приходская община в XI–XIII вв. никогда не обозначалась как *communitas*, *communia*, *communio* (в отличие от более позднего периода). Наконец, с точки зрения пространственной организации, главным в приходе был ее центр — церковь с окружающим ее кладбищем, тогда как для общины главным были ее внешние границы — *finage*.

Типовой ситуацией для сельской территориальной общины являлось наличие одного прихода; такое положение было и во многих мелких городах. Но в случае роста городской общины появлялись новые приходские церкви, и тогда уже о совпадении функций территориальной общины и прихода говорить не приходится. По мере усложнения церковного ландшафта в городах могла увеличиваться роль конгрегаций, частично бравших на себя каритативную функцию, заботы по поддержанию братской любви и улаживанию конфликтов, ритуальное сотрапезничество, поминовение усопших. В сельской местности, если приход объединял несколько территориальных общин, указанные функции частично могли брать на себя сельские братства.

Термины *encellulement* («объединение») и *incastelamento* («озамкование») предполагают не прямое (субстанциальное), но социальное значение. Не обязательно непременно искать следы переселения хуторян в деревни, скученные вокруг замка или церкви. И если постулат о повсеместной трансформации системы сельских поселений к середине XI в. не всегда подтверждается археологическими данными¹⁸, то в этом нет смертельной угрозы для теории *encellulement* — реальная концентрация жилищ вокруг культового центра или замка была лишь одной из возможных форм данного процесса, и разбросанные жилища продолжали существовать на западе Франции, в Скандинавии, в Норфолке, в Нижнем Арагоне, в Ломбардских предгорьях, на Нижнем Рейне. Люди могли продолжать жить на своих местах, но они уже по-новому обозначали себя — не как людей такого-то монастыря или такого-то

¹⁸ Подробнее см.: Дубровский И. В. Археология и история экономики раннего Средневековья // Средние века. 2009. Вып. 70 (3). С. 148–162.

сеньора, но как жителей такого-то села (а на самом деле территории такого-то села), как членов такого-то прихода.

Территориальная община являлась прежде всего способом хозяйствования. Аграрные распорядки были многообразны, но в целом они обеспечивали совместное присвоение ресурсов, заключенных в границах данного пространства. Это проявлялось в обладании общинным выгоном, контролем общины за маршрутами выпаса скота и пр. Даже там, где отсутствовали такие коллективные аграрные практики, как принудительный севооборот, совместный контроль над ирригационными и мелиоративными работами, это все не означало отсутствие хозяйственных связей внутри общины. Локальная кооперация была необходима для обеспечения исключительного права на доступ к ресурсам данной территории. В случае если речь шла о городе, то к этим ресурсам относился еще и доступ к местному рынку.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБЩИНЫ

Социальная идентичность во все большей степени обуславливалась пространственным фактором. Принадлежность к территориальной общине определялась через обладание определенными свободами: правом пользования общинным пространством, строгой фиксацией сборов, уплачиваемых сеньору. Главное, что социальный статус определялся теперь не столько личным статусом (свободный, серв и пр.), сколько проживанием на территории определенной общины.

В городах информация о том, что такой-то человек — парижский ножовщик, гентский ткач или лондонский шорник, указывала не только на принадлежность к определенной профессии, но еще и на способ связи данного человека с городской общиной. Надо вспомнить, что и в «Книге ремесел», как правило, оговаривались обязанности мастеров участвовать в несении ночной патрульной службы (*guet*), а также в уплате тальи и иных сборов, которые прочие буржуа должны были платить королю.

Процесс обретения социальными терминами пространственного характера Морсель, как это любят делать французские «социологизирующие историки», обозначает особым термином *spatialisation*, который, следуя логике переводов

терминов, предложенных Тубером и Фоссье, следовало бы передать как «опространствование», но если воздержаться при переводе от прямого калькирования, то придется прибегнуть к описательным конструкциям и переводить, например, выражение *spatialisation du discours social* как «усиление пространственного характера социального дискурса». Смысл в том, что этот процесс вел к установлению социальных классификаций, основанных на принадлежности к определенному месту и подчеркивавших отношения между обитателями этого пространства.

Морсель намекает на возможность установления параллелей между процессом *spatialisation* и идущим одновременно с ним переосмыслением отношения к пространству в теологии, которое выразилось, в частности, в эволюции восприятия пространства от сугубо персонализированной концепции блаженного Августина к более объективизированному пониманию пространства человека как *circumstantia* — совокупности внешних обстоятельств. В это время оживились евхаристические споры о возможности пребывания Тела Христова одновременно во многих местах христианского мира во время таинства пресуществления (*transsubstantiatio*)¹⁹.

Усиление пространственного фактора в эволюции социальных терминов вело к постепенному ослаблению родственных связей, которые постепенно перестают быть основой для отношения к пространству. Отныне родство включается в систему пространственных отношений, а не наоборот.

Этому в немалой степени способствовало установление строгой экзогамии. Канонический запрет браков между находящимися в родстве ближе седьмого колена провозглашался церковью, как минимум, с каролингских времен, но эффективный контроль за выполнением этого предписания со стороны духовенства стал возможным не ранее второй половины XI в., что было вызвано и григорианской реформой («папской революцией»), и оформлением приходской системы. Узы родства «большой семьи» слабели за счет укрепления малой семьи (чему способствовало и подымное обложение сеньориальными и иными поборами). Стремление церкви утвердить «любовь

¹⁹ Raum und Raumvorstellungen im Mittelalter / Hrsg. J.A. Aersten, A. Speer. Berlin; New York, 1998. (Miscellanea Medievalia; 25).

к ближнему» (трактуемую в данном случае как любовь к соседу) и укрепить связи духовного родства также ослабляло кровнородственные связи. Конкуренцию родственным отношениям достаточно успешно составляли связи кумовства, членство в религиозных братствах.

Характерно, что данные процессы совпадают по времени с так называемой антропонимической революцией — переходом от одинарного имени, чаще всего указывавшего на принадлежность к определенному роду, к двуименной системе, где личное (чаще всего христианское) имя сочеталось с «прозвищем», часто указывавшим на территориальное происхождение человека²⁰.

Таким образом, в результате изменений, происходивших с начала XI до начала XIII в., Запад предстает уже в обновленном виде. Если раньше для общества родственные связи были важнее всех прочих, а пространственные связи выступали в основном как их переменная величина, что выражалось в относительной (по сравнению с более поздней эпохой) нестабильности поселений, «кочевом» образе жизни аристократов, перекраивании патримониума при каждой смене поколений, то в конце обозначенного периода характерными становятся фиксация жителей в системе территориальных общин и локальная укорененность аристократии, чья политика и организация связей родства оказываются подчинены сохранению сеньориальной власти над данной территорией.

Эволюция социальных категорий указывала на принципиальное изменение социальной классификации. Базовыми терминами становятся варианты слова «житель»: *habitant, manant, inwoner, morador*. Эта категория накладывается на обозначения различных индивидуальных статусов: сервы, свободные, госпиты, трибутарии, — не отменяя их. Рождение новой социальной категории происходило на фоне пожалования сеньорами хартий «жителям» во Франции и в Испании, а в Священной Римской империи на фоне признания сеньориальных прав всей общиной или частью ее членов. Главным изменением

²⁰ Габдрахманов П.Ш. XII век в «антропонимической революции» на территории средневековой Фландрии // Средние века. 2013. Вып. 74 (3/4). С. 78–89; Zimmermann M. Les débuts de la "révolution anthroponymique" en Catalogne (X^e–XIIe siècles) // Annales du Midi. 1990. Vol. 102. No. 189. P. 289–308.

социальной структуры становится, таким образом, противопоставление сеньоров и «жителей». Момент стабильности системе придавало прямое участие жителей сел и городов в этом процессе: во-первых, при составлении хартий (хотя мы плохо представляем, как именно шел этот процесс); во-вторых, при защите общиной своих оспариваемых прав. Хартия предоставлялась только жителям данной территориальной общины, и это способствовало идентификации ее членов по отношению к другим. Параллельно с этим шло утверждение социальной категории "*forain*" — «чужак». Демаркация по отношению к «чужаку» объединяла жителей данной общины.

Итак, с точки зрения Морселя и его единомышленников, возможно, самой значимой эримой чертой социальной эволюции Запада было формирование территориальных общин (сельских и городских), а также иных общностей ремесел, конферрий, университетов, фундаментальным образом связанных с определенным пространством. Их появление было одновременно и показателем социальной эволюции, и важным ее средством. Изучать общину вне контекста этой эволюции не имеет смысла. С XI по XIII в. этот процесс шел с разной скоростью в разных регионах. В итоге он привел к усилению пространственного характера социального (*spatialisation du social*), к включению пространственного аспекта в любые социальные отношения. Пространственный характер социальных категорий был, таким образом, не столько отражением социальных изменений, сколько необходимым фактором этих изменений.

Насколько приемлема такая картина? На каждый выдвигаемый им постулат можно представить возражения, причем вполне обоснованные, однако они не столько способны дать внятную альтернативу, сколько диверсифицируют картину.

По-видимому, схема Уикхема остается вполне правдоподобной. Почти все, что приписывается новому периоду, — от *conjuratio* до частных войн, повышения роли воинов, политического подчинения окрестного населения крупными землевладельцами, вершившими свой суд, практики договоров, подменявших собой законы, в той или иной форме существовало и в каролингскую эпоху, но считалось неформальным, а то и откровенно незаконным. Но исчезновение старых («публично-правовых») форм власти и судопроизводства в условиях разрушения прежних политических систем

постепенно узаконило неформальные практики. На примере возникновения коммун в Северной Италии Уикхем показывает это достаточно убедительно. Как обстояло дело с сельскими распорядками, докопаться гораздо сложнее, поскольку хартии-*franchises*, фуэро, германские *Weistümer* фиксируют скорее результат изменений, чем их процесс. Однако, с точки зрения Эксле, именно сельские сообщества дали старт всему коммунальному движению Запада²¹. Этот историк подчеркивал структурообразующую важность клятвы (обязующей — «промессивной») для образования средневековых общностей и ассоциаций разного уровня: от сельской общины до Швейцарского союза, который изначально был тоже лишь клятвенным сообществом. Говоря о разнообразии «гильдий», Эксле называет их *universitas* как в широком смысле слова (т.е. единое «юридическое лицо», *persona ficta*), так и в узком — университет магистров и студентов²². Последнее особенно интересно — во втором разделе нашей монографии мы специально остановимся на том, как шел процесс складывания университетской корпорации.

Общим моментом в «коммунитарном движении» была роль арбитража и договоров — пактов. Права общин не спускались свыше, несмотря на форму октроирования хартий, но были результатом компромисса. В условиях, когда «публичная власть» не располагала возможностью установить монополию на насилие, пакты, заключавшиеся в том числе и общинами, были способом это насилие ограничить. Пакт в эту эпоху был выше закона: *"Pactum legem vincit"*²³. Результаты этих договоров, будучи записаны, приобретали силу «незапамятных обычаев», с которыми властям на Западе приходилось считаться.

Тем самым сохранялось многообразие и вариативность социальной жизни в условиях относительной слабости центральной власти. Развитие за счет кооперации общин разного уровня было

²¹ Эксле О.Г. Гильдия и коммуна... С. 142–148.

²² Эксле О. Г. Средневековые гильдии: их самосознание и вклад в формирование социальных структур // Эксле О.Г. Действительность и знание: Очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. Ю.Е. Арнаутовой. М., 2007. С. 96–125 (здесь: С. 116–119).

²³ Так озаглавил свою монографию Стивен Уайт: *White St.D. "Pactum... Legem Vincit et Amor Judicium": The Settlement of Disputes by Compromise in Eleventh-Century Western France*. Oxford, 1978.

на Западе возможным, и его не следует недооценивать²⁴. Конечно, в силу действия целого комплекса причин баланс сил между центральной властью и местными сообществами постепенно менялся в пользу центра. Однако местные самоуправляющиеся общности вписались в новую конфигурацию власти и стали одной из составляющих «секрета Запада», проявившегося не только в его динамике, но и в его удивительной устойчивости.

РАССУЖДЕНИЯ О ТЕРМИНАХ ОПИСАНИЯ

Термины *“incastellamento”* («озамкование») Тубера и *“encellulement”* («объяченивание») Фоссье поначалу вызывали насмешки, но прижились настолько, что зачастую уже употребляютсЯ без кавычек, всем понятно теперь, что это слова, специально придуманные историками для обозначения наблюдаемых процессов. Термины, введенные Аленом Герро, имели иную природу. В своей монографии²⁵ он определил два базовых понятия, призванных обозначить специфику средневекового общества, — *dominium* и *ecclesia*. Первым термином он обозначил такую связь господства и подчинения, которая предполагала и власть над людьми, и власть над землей; вторым — церковь, но не столько как институт, сколько как «общину верных», включавшую в себя все население христианского мира. Оба термина постоянно встречаются в средневековых источниках и звучат для историка вполне благозвучно. Но это может создать впечатление, что французский исследователь призывает описывать средневековое общество в присущих ему категориях. Герро же придал предложенным им терминам иной смысл, желая показать, что историк для понимания сути средневекового общества невозможно использовать категории Нового времени — «собственность», «религия» и др. В этом смысле терминологические находки Герро, в отличие от терминов, предложенных Тубером и Фоссье, делают возможным двойное истолкование, что создает дополнительные затруднения.

²⁴ Блокманс В. Об условиях эффективности соучастия в политическом управлении при Старом порядке // Средние века. 2014. Вып. 75 (3/4). С. 43–65.

²⁵ Guerreau A. L'Avenir d'un passé incertain. Quelle histoire du Moyen Âge au XXIe siècle? Paris, 2001.

Как бы то ни было, Герро отразил наметившийся в историографии поворот к радикальному переосмыслению роли церкви в Средние века. Церковь осмыслялась теперь не просто как явление, развивавшееся «параллельно» светской власти (иногда конкурируя с ней, иногда сотрудничая), но как важнейший системообразующий институт, главная (а до определенного момента — единственная) мыслимая форма человеческого общежития — «община верных». Если бы средневековый человек мыслил социальными категориями, он определил бы Церковь как «социальное все» (*le tout social*).

Развивая эту тенденцию, Мишель Лауэрс в 2005 г. предложил термин "*inecclesiamento*" («оцерковление») ²⁶, который обозначает процесс появления типичного средневекового сельского поселения, сконцентрированного вокруг церкви и кладбища. Когда Тубер выбрал итальянизированную форму для своего термина "*incastellamento*" (по-французски он бы звучал как *enchâtellement*), это было вполне объяснимо, коль скоро его исследование базировалось на материале Средней Италии — Лацио и Умбрии. А Лауэрс итальянизированной (точнее, псевдоитальянизированной) формой своего термина отсылает не к итальянским средневековым реалиям, которые в его исследованиях не играли решающей роли, а к концепции Тубера, полемизируя с ней, дополняя и слегка пародируя ее.

Между рождением двух историографических терминов прошло свыше трех десятков лет; за это время во французской историографии многое изменилось. Прежде всего, вырос уровень взаимодействия между археологами и классическими медиэвистами. Тубер, как в свое время Дюби, основывался преимущественно на письменных источниках. Фоссье для подтверждения своего тезиса о нестабильности деревень и кладбищ в период, предшествовавший «объяснению», уже обращался к работам археологов, но в ту пору средневековая поселенческая археология на Западе находилась только в начале своего развития. Сейчас, по сравнению с тем временем, и в полевых исследованиях, и во взаимодействии археологов с историками достигнут больший

²⁶ Lauwers M. Naissance du cimetière. Lieux sacrés et terre des morts dans l'Occident médiéval. Paris, 2005.

прогресс²⁷. Новые данные позволили значительно скорректировать положения об «отсутствии постоянных поселений» и «отсутствии стабильных кладбищ» в каролингскую эпоху. Картина теперь представляется более сложной, изобилующей многообразными вариантами.

Примыкая к «антимутационистам», Лауэрс не просто оспаривал концепции Дюби и Тубера, но, опираясь на собственные исследования и обобщая работы коллег, предложил собственную версию эволюции средневекового общества. Лауэрс, как представляется, вполне искренне воздаст должное заслугам предшественников, с чьими теориями собирается полемизировать. По его мнению, выводы Тубера, Фоссье и их последователей трудно переоценить, ведь благодаря им феодальный принцип организации общества воспринимается теперь не только и не столько в виде персональных связей (как полагал еще Марк Блок), но как особый тип связи человека с пространством за счет фиксации населения вокруг определенных полюсов притяжения. Что же касается замков, изученных Тубером, то новые археологические данные подрывают стройность его теории даже на материале Лацио и сопредельных областей Средней Италии. Неспешный процесс трансформации типов поселений и их перегруппировки начался еще в эпоху поздней Римской империи и растянулся на многие сотни лет. Модель *incastellamento* зачастую соединяла единой каузальной связью несколько разнородных и не всегда синхронных явлений.

Более распространенным был другой процесс — концентрация поселений вокруг церквей и кладбищ, начавшаяся еще в англосаксонский период, как это продемонстрировали английские археологи конца прошлого века²⁸. Вскоре их

²⁷ Примером такого объединения усилий можно назвать центр под руководством Элизабет Задора-Рио, сформировавшей в Туре специальное направление по изучению организации территорий в Средние века. См.: *L'Église, la campagne, le terroir / Sous la dir. de M. Fixot, E. Zadora-Rio*. Paris, 1990; *Atlas archéologique de Touraine / Sous la dir. de E. Zadora-Rio*. Tours, 2014 (53e supplément à la Revue Archéologique du Centre de la France).

²⁸ *Rodwell W. The Archaeology of English Church*. London, 1981; *Goodier A. The Formation of Boundaries in Anglo-Saxon England: A statistical Study // Medieval Archaeology*. 1984. Vol. 28. P. 1–21; *Morris R. Churches in the Landscape*. London, 1989.

французские коллеги, обобщив данные археологических исследований и аэрофотосъемки, показали, что в Пикардии и Нормандии этот процесс начинается в VII–VIII вв., а на юге Франции — веком раньше. Но он проявлялся лишь в виде тенденции: где-то деревня, скученная вокруг церкви и кладбища, фиксируется уже в VII столетии, в других местах разбросанные виллы по-прежнему достаточно удалены от некрополя, сопровождаясь массой переходных форм. Другое дело, что начиная со второй половины XI в. источники обращают все больше внимания на эти сельские церкви и окружающие их могилы.

Концепция *inecclesiamento* была призвана дать объяснение этим процессам, сгладить противоречие между данными, полученными археологами, и свидетельствами письменных источников.

СОТВОРЕНИЕ ПРИХОДОВ

Видимая четкость римской системы организации пространства сменяется более расплывчатой картиной: пространство дискретное, концентрируется вокруг определенных полюсов, чья сила притяжения определялась отношениями зависимости, родовыми связями, военными функциями и др. В роли таких полюсов все чаще выступали культовые здания.

Понятие «полюс притяжения» не обязательно предполагает наличие скученного вокруг него поселения. Когда в качестве такого полюса выступало культовое сооружение, то показателем степени его важности могло служить число близлежащих захоронений.

В этом был разрыв с античной традицией, согласно которой «город мертвых» должен быть вынесен за городскую черту, причем христианство в первые века своего существования не нарушало этот принцип. Изменения в эпоху Средневековья были постепенными, но оттого не менее заметными. В итоге же община мертвых, сгруппировавшаяся теперь вокруг церкви, напоминала общину живых, чьи жилища все больше тяготели к церкви.

В каролингскую эпоху, когда церковь заметнее, чем ранее, становится основой империи, монархи и епископы пытались упорядочить и унифицировать жизнь церквей, разбросанных в сельской местности. В капитуляриях отражаются

предписания о поддержании и ремонте церковных зданий и, главное, о правильном порядке их освящения. Каролингские мыслители заботились о доступности церквей для жителей округи. На излете каролингской эпохи Собором в Требуре (895 г.) было определено максимально допустимое расстояние от жилища до церкви в 5 миль. Чуть ранее Гинкмар Реймский писал о необходимости каждой церкви иметь *termini* — конечные пределы, внутри которых производился бы сбор церковной десятины. Тем самым делался важный шаг к формированию приходов. Однако озабоченность каролингских епископов организацией церковной жизни еще не гарантировала реальных успехов на этом поприще.

Ситуация претерпела более значительные изменения в последующие столетия. X век был важным рубежом в церковном зодчестве: деревянные церкви все чаще сменяются каменными, возводятся башни-колокольни, не уступающие сеньориальным донжонам, процедуры освящения церквей все чаще фиксируются источниками. В связи с «Божьими перемириями» — движением, затронувшим юго-западные районы Галлии и северо-запад Пиренейского полуострова, — чаще вспоминали о праве церковного убежища, причем в защищенную зону стали включаться не только церковь и освященное пространство в церковной ограде, но и прилегавшие территории и постройки. На Пиренейском полуострове о такой неприкосновенной территории убежища говорилось еще на Соборах вестготского периода, но в Каталонии и Руссильоне эти предписания повсеместно вошли в обычай лишь в начале XI в. Такие убежища, охватывавшие пространство радиусом 40–50 шагов вокруг церкви, в каталонских документах назывались *cellera* или *sagrera*; они становились «ядрами», из которых в дальнейшем вырастали сельские, а иногда и городские поселения²⁹.

Процесс *inecclesiamento* не обязательно предполагал исчезновение отдельно стоящих жилищ хуторского типа. Но церковь и кладбище выступали в роли полюса притяжения даже

²⁹ Каталонский историк Рамон Марти, подражая Туберу, предложил для обозначения этого процесса термин “l'ensagreraement” — реорганизация сельского пространства в интересах Церкви и феодалов. См.: *Marti R. L'ensagreraement: l'adveniment de les sagreres feudals // Faventia. 1988. Vol. 10. P. 153–182.* Однако термин, кажется, не прижился.

для сравнительно удаленных жилищ. Достаточно надежным указанием на влияние церковного центра, превращавшегося в средоточие экономических интересов территориальной общины, могут служить общественные хозяйственные постройки, возводимые в непосредственной близости от церкви: общественные амбары для хранения продуктов, собираемых в виде десятины, силосные ямы, риги³⁰.

Завершение к XI в. на территории от Англии до Каталонии двух синхронных процессов — строительства монументальных церковных зданий, расположенных в центре поселений, и расширения освящаемой территории — стало итогом длительной эволюции, в ходе которой церковь и кладбище как освященное место захоронения всех христиан данной общины оказались в центре базовой социальной организации.

Отныне в грамотах при указании месторасположения участка земли больше не пользовались старой системой обозначений (в такой-то вилле, в таком-то паге, в такой-то области — *villa illa, in pago illo, in vicaria illa*), реперной точкой становится церковь и кладбище, образовавшие приход (*parrochia*³¹), общину живых и мертвых, главную «клеточку» территориального деления, универсальную модель базовых административных единиц Средневековья. Их достаточно четко определенные территории, соприкасаясь друг с другом, охватывали все пространство христианского мира.

Изменение пространственной организации в неразрывной связи с формированием представлений о единой территории, сконцентрированной вокруг церкви, и прилежавшей к ней освященной земле, Лауэрс и обозначает термином "*inecclesiamento*". Изменения в идеологии и религиозных практиках, именуемые историками «григорианской реформой», привели к тому, что *ecclesia* — в том смысле, который вкладывает в этот термин Герро, — заняло свое место в сердцевине социального мира средневекового Запада.

Как конкретно шел этот процесс? Кто выступал его протагонистом? Немаловажной была роль частных или патримониальных церквей, служивших местом захоронения

³⁰ Arnoux M. Le temps des laboureurs... P. 190–211.

³¹ Это слово, которым ранее называли епископский диоцез, со времен Каролингов стало обозначать именно приход.

раннесредневековой знати³². Но более заметное влияние на процесс *inecclesiamento* оказали монастыри³³. Именно они выступили в роли своеобразной лаборатории, где появлялись новые формы сосуществования живых и мертвых. Монахи стремились организовать поселения вокруг своих церквей, которым придавали более монументальный вид, превращая отдельно стоящие и заброшенные церкви в свои приораты. Монахи более других сеньоров были заинтересованы в перегруппировке населения, поскольку монастырские земельные владения располагались совсем некомпактно, а в условиях барщины ситуация, когда разрозненные поселения зависимых крестьян находились на слишком большом удалении от монастырского домена, была крайне неудобной. Монастыри заботились об укрупнении своих владений хотя бы для того, чтобы лучше обеспечить их защиту и контроль. И эти инновации могли служить примером для прочих сеньоров. Трудно не увидеть определенную закономерность в том, что села, сконцентрированные вокруг церкви, в первую очередь возникают там, где высока плотность монастырей.

Процесс *incastellamento* таким образом оказывался тесно связанным с процессом *inecclesiamento*. Собственно, среди замков, упомянутых Тубером, значительную долю составляли именно монастырские замки. В монастырях, накапливавших опыт организации рационального управления территориями, происходил переход от модели пространства как суммы дискретных поселений к пониманию его как относительно гомогенной территории, части которой должны быть соотносены, а в идеале — уравновешены друг с другом. Демонстрацией этого идеала может служить знаменитый план монастыря Санкт-Галлен.

³² Характерным примером подобной эволюции может служить поселение Ларина на Изере, тщательно изученное археологами. См.: *Porte P. (avec des contributions de Ph. Allart, L. Bionda, M. Bompaire, L. Buchet, Ph. Columbeau, B. Prevost). Larina de l'Antiquité aux Moyen Âge: 2 vol. Biaritz; Paris, 2001. Vol. 1: Étude archéologique et historiques en Nord-Isère. Chap. 4.*

³³ *Lauwers M. De l'incastellamento à l'inecclesiamento. Monachisme et logiques spatiales du féodalisme // Cluny. Les moines et la société au premier âge féodal / Sous la dir. de D. Iogna-Prat, M. Lauwers, Fl. Mazel, I. Rosé. Rennes, 2013. P. 315–338.*

Именно монастыри при помощи иммунитетных грамот сформировали представление об определенном ограниченном пространстве, на которое распространяется сакральная сила монастыря, точнее — власть святого, которому посвящен главный монастырский храм. Границы понятия *circuitus* (округи) постепенно раздвигались — от церкви и близлежащих монастырских построек до всех принадлежавших монастырю земель, угодий и вилл. Самый известный пример организации разраставшейся монастырской округи представляет собой аббатство Клуни, что хорошо было показано еще в работе Барбары Розенвайн³⁴. Расширение круга монастырских владений сопровождалось строительством монастырских замков и запретом сеньорам возводить свои замки в непосредственной близости от границ монастырских земель. Это был пример упорядоченной монастырской территории с делимитированными границами. Папа римский Урбан II, сам в прошлом клунийский монах, освящая в 1095 г. перестроенную главную церковь аббатства, провозгласил пространство, входившее в округу монастыря Клуни, «священным баном» (*sacratuſ bannuſ*).

Так священный полюс постепенно превратился в священную территорию. С помощью монахов процесс *inecclesiamento* получил необходимую идейную и практическую базу, приведя к созданию классического средневекового прихода. Позже в каноническом праве приход будет описан как территория, ограниченная общепризнанными границами, как базовая ячейка жизни верующих и как округ, в котором осуществляется духовное право данной церкви³⁵.

ДИОЦЕЗЫ И ИХ ГРАНИЦЫ

Если сугубо средневековое происхождение прихода не вызывало ни у кого сомнений, то с диоцезом ситуация

³⁴ Rosenwein B.H. *Negotiating Space. Power, Restraint, and Privileges of Immunity in Early Medieval Europe*. Ithaca, 1990. P. 137–138.

³⁵ "Quid sit parochia. Locus in quo degit populus alicui ecclesiae deputatus, certis finibus limitatus, et accipitur hic parochia quatenus spirituale ius ecclesiae se extendit, et in una determinatione plures baptismales esse non possunt" (*Hostiensis. Summa aurea. Liber III: De parochiis*. XVI, q 1. Lyon, 1537. Fol. 169v).

была иной. Книга «Епископ и территория. Средневековое изобретение пространства (V–XIII вв.)»³⁶, главным редактором которой является Флориан Мазель, ученый и организатор науки, ныне работающий в Университете Ренн II, резюмирует почти десятилетние усилия целого коллектива исследователей (в том числе М. Лауэrsa и Ж. Феллера) на поприще изучения истории диоцезов³⁷.

Долгое время считалось, что диоцезальная структура была полностью унаследована от Поздней Римской империи. Это убеждение было настолько сильным, что на основании границ диоцезов и входивших в них архидьяконатов историки пытались, используя регрессивный метод, восстановить границы римских *civitates* и пагов³⁸. Однако сегодня историки полагают, что власть епископа еще не осознавалась как господство над четко определенным пространством. Время от времени на Соборах повторялось требование к епископам уважать права епископов-соседей, но даже в V в. этот принцип не особенно соблюдался. Согласно папе Геласию I, епископ осуществляет духовную власть над людьми, а не над территорией. Это делало границы между церковными провинциями весьма зыбкими.

Раннесредневековые правители, превращая города в центры распространения своей власти, часто опирались при этом на епископов, чье влияние, однако, определялось не площадью административно-территориальных округов, а надежностью связей с другими людьми (священниками, монахами, церковными служителями) и способностью контролировать конкретные локусы, в которых располагались алтари, баптистерии, могилы святых. Но и в этом епископам с VI в. приходилось конкурировать с властью аристократов, а с VII в. и с властью монахов.

В каролингский период правители мечтали объединить разнородное население в единый народ — *populus christianus*,

³⁶ Mazel F. L'évêque et le territoire. L'invention médiévale de l'espace (V^e–XIIIe siècle). Paris, 2016.

³⁷ L'espace du diocèse. Genèse d'un territoire dans l'Occident médiéval (V^e–XIIIe siècle) / Sous la dir. de F. Mazel. Rennes, 2008.

³⁸ См., например: Lognon A. Atlas historique de la France depuis Jules César jusqu'à nos jours. Paris, 1885.

ставя знак равенства между обществом и Церковью. Это повышало роль епископов, призванных охватить всю империю сетью церквей, поставленных под их надежный контроль. Для облегчения задачи в помощь епископам создаются должности архидьяконов и деканов, появляются упоминания о канониках и о коллегиальных церквях. Об этом говорилось в капитуляриях, в соборных постановлениях, в трактатах каролингских мыслителей. Гинкмар Реймский в трактате о церквях и капеллах (857–859) проводит связь между епископом и его территорией, определяя ее как пространство, на котором епископ обладает правом рукополагать священников.

Каролингские администраторы продвинулись далеко вперед в попытках придать епископской власти территориальный характер, однако претворять принятые решения в жизнь было слишком сложно.

После распада Каролингской империи, в сложной ситуации появления многочисленных властных полюсов, постепенно вызревают условия для установления более плотного контроля епископов над их территориями. Ф. Мазель убежден, что григорианская реформа оказалась важнейшим поворотным моментом в истории Запада и в утверждении «феодальной логики». Под этим термином он понимает не узурпацию публичной власти частными лицами, а смену масштабов власти, ее «территориализацию», перенос центра тяжести отправления власти на локальный уровень в условиях ослабления политического единства.

В результате процессов, если не запущенных, то многократно ускоренных григорианской реформой, авторитет папства придал структуру всему христианскому миру — от сельского прихода до дворца римского понтифика, создавая возможности для того, чтобы раздвинуть границы *ecclesia* до пределов христианской ойкумены. Преобразования, вскоре закрепленные в каноническом праве, позволили упрочить разницу между церковным и светским имуществом, между клириками и мирянами³⁹.

Епископы, наделенные теперь собственной легитимностью, смогли укрепить власть над церквями и клиром своего диоцеза, преодолевая границы сеньорий и юрисдикцию местных

³⁹ Mazel F. *Féodalités*, 888–1180. Paris, 2010. P. 237, 257.

властей, как аристократических, так и монастырских. Власть епископов над своей территорией носила не сеньориальный, а, скорее, «государственный» характер, организуясь по принципу суверенитета, а не сюзеренитета. Процесс внутренней колонизации и разграничения приходских пределов привел к укреплению границ между диоцезами⁴⁰. Мало-помалу диоцез дробился на подразделения (архидьяконаты), которые управлялись при помощи административной цепочки, гарантировавшей поступление доходов фискального характера.

Территориальные споры о разграничении прав между диоцезами становятся с конца XI в. более частыми, привлекая внимание пап и их легатов. Помимо прочего, они были вызваны и процессами расчисток, внутренней колонизацией, вызванных демографическими и экономическими сдвигами. Конфликты давали ценный материал знатокам канонического права, обогащая их новыми казусами. Потом они позволяют историкам обозначить границы диоцезов.

Роль монашества в процессе формирования территории диоцезов была неоднозначной. Выдача крупным монастырям исключительных привилегий — экземпций — стала достаточно частым явлением в конце X — начале XII в. Уже упомянутый «священный бан» Клуни, осмысленный как владения апостолов Петра и Павла, выводил из-под власти епископа солидные земельные комплексы. Это было чревато серьезными последствиями для церковной истории⁴¹. Однако, как и в случае с приходами, монахи давали епископам и каноникам пример организации управления своей иммунитетной территорией. Их опыт проведения границ, выделенных крестами и межевыми знаками⁴², был использован при разметке границ диоцезов.

⁴⁰ Границы, разумеется, могли меняться и менялись, достаточно указать на масштабную перекройку границ диоцезов на юге Франции, предпринятую в 1317 г. папой Иоанном XXII. Но в результате григорианской реформы монополия на изменения территории диоцезов была закреплена исключительно за папами.

⁴¹ В следующем разделе нашей книги мы остановимся на том, насколько значимы для всей истории Парижа и его университета были экземпции, выводившие аббатства Сен-Жермен-де-Пре и Сент-Женевьев из-под юрисдикции Парижского епископа.

⁴² Méhu D. *Paix et communautés autour de l'abbaye de Cluny, X^e–XIe siècles*. Lyon, 2001.

С завершением процесса конструирования диоцеза единое церковное пространство оформилось в виде звеньев одной цепи, охватывающей весь христианский мир: митрополия — диоцез — архидьяконат — деканат — приход. Истоки этого процесса лежали в каролингской эпохе, но только осуществление григорианских реформ дало в руки Церкви инструмент, распространявший ее власть на весь христианский мир. В XII в. появляются списки всех его диоцезов: самым известным таким списком был *“Provinciale Romanum”* («Римский провинциал»), а также списки всех папских доходов, как, например, *“Liber censuum”*.

Это означало переход от экономики дара и пожертвования к экономике, основанной на регулярном сборе налогов, в чем была логика суверенитета, характерная уже для государства Нового времени (*État moderne*)⁴³.

Руководствуясь критерием степени контроля над территорией, Мазель предлагает новую систему периодизации Средневековья, разделяя его не на Раннее, Центральное и Позднее, а на период «детерриторизации» (V–VIII века; утрата контроля над территориями), период «преждевременного старта» (IX — начало XI века; ранние попытки Каролингов организовать управление пространством и продолжение этих опытов Оттонами) и время папских реформ (1050–1250; стабильное структурирование пространства).

ЕПИСКОПЫ, КАНОНИКИ, ГОРОДА

Характерно, что в отстаивании территориальных прав диоцеза большую настойчивость проявляли не столько епископы, сколько каноники, чья роль с конца XI в. становилась все более заметной⁴⁴. В постгригорианскую эпоху епископы чаще, чем раньше, меняли свои кафедры. Капитулы же оставались

⁴³ Mazel F. L'évêque et le territoire... P. 373.

⁴⁴ Об изменениях в положении соборных капитулов см., например: Королев А.А. Соборный капитул Лиона на пути к автономии (IX–XII вв.) // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2017. Т. 8. Вып. 8 (62). [Электронный ресурс; доступ для зарегистрированных пользователей]. URL: <https://history.jes.si/s207987840001976-2-1> (дата доступа 07.07.2018).

хранителями традиций (и богатств) местной церкви. Иногда епископские и каноникальные менсы имели разную природу. Менсы епископа состояли из сеньориальных прав на города, епископские монастыри, патримониальные доходы с домов. Менсы каноников, помимо прочего, складывались из доходов с приходских церквей и связанных с ними прав (десятин, взимания платы за погребение, права визитации и т.д.), а размеры этих доходов напрямую зависели от размеров диоцеза. Поэтому каноники старались установить контроль над церквами, расположенными на монастырских территориях, конфликтовали с соседями, а иногда и со своим епископом, неизменно мотивируя свои действия заботой о кафедральной церкви и об интересах епископского престола. В этой борьбе крепло осознание канониками единства своих корпоративных интересов. К тому же каноники умело использовали ресурсы интеллектуального подъема XII в., связанного во многом именно с соборными капитулами.

Флориан Мазель затрагивает и такой обособленный сюжет, как отношения епископа со своим городом. Город претерпел существенную эволюцию от центра округа — *civitas*, на территории которой городские магистраты обладали юрисдикцией и правом принуждения⁴⁵, — до места, где находится епископская резиденция. Между городом и его епископом существовала особая связь: епископ приумножал святость города, собирая реликвии святых, обустранивая церкви, часовни, странноприимные дома, заботясь о своей постоянной резиденции — епископском дворце. Некоторая двойственность положения епископа в XII–XIII вв. заключалась в том, что, несмотря на богатое строительство в городах, епископы неуклонно теряли монополию господства над городским пространством. В итоге епископы и каноники превращали в центр своего влияния не город вообще, а в первую очередь собор (вспомним, что наступивший период еще Дюби называл «временем

⁴⁵ Некоторые комментаторы возводили слово "*territorium*" к глаголу "*terreo*" из-за того страха, который должны внушать магистраты, действовавшие в пределах своей юрисдикции. См.: Lauwers M. "Territorium non facere diocesim": Conflits, limites et représentation territorial du diocèse (V^e–XIIe siècles) // L'espace du diocèse. Genèse d'un territoire dans l'Occident médiéval (V^e–XIIIe siècle) / Sous la dir. de F. Mazel. Rennes, 2008. P. 23.

соборов»). Парадоксальным образом это укрепляло связь епископа с остальной территорией диоцеза.

Попробуем определить, в чем же особенности поисков, ведущихся сегодня французскими медиевистами.

Напомню, что во Франции по-прежнему наиболее близкой к истории дисциплиной считается география. Исследования в области «ментальной географии» имеют во Франции неплохую традицию, и многочисленные термины вроде *"territorialisation"* («территориализация») или *"spatialisation"* («опространствование») не выглядят для французских коллег так дико, как для нас. Использование ГИС-технологий также вполне привычно французскому медиевисту. За счет системы объединенных исследовательских центров и лабораторий во Франции, по-видимому, лучше, чем у нас, налажено взаимодействие медиевистов с археологами. С одной стороны, к выводам археологов теперь принято прислушиваться, а с другой — их наблюдения, не вписывающиеся в теоретические схемы историков, уже не вызывают стремления немедленно от этих теорий отказаться. Данные археологии воспринимаются не как приговор, а как повод для дополнительных размышлений⁴⁶.

Совместные усилия французских медиевистов, продемонстрировавших умение работать в команде, дали хорошие результаты в изучении территориального фактора социальной эволюции на уровне диоцезов и приходов, показали историзм этих институтов. При этом менее изученной остается ситуация с городским церковным пространством. Есть исследования, посвященные территориальному аспекту власти в городах, в том числе и власти церковной⁴⁷. Но такие вопросы, как, например, укорененность в пространстве городских приходов, религиозных братств, военно-религиозных сообществ, взаимовлияние церковных корпораций и городского пространства, изучаются пока менее интенсивно.

⁴⁶ Bourin M., Zadora-Rio E. *Pratiques de l'espace: Les apports comparés des données textuelles et archéologiques // Construction de l'espace au Moyen Âge: Pratique et représentations*. Paris, 2007. P. 39–55.

⁴⁷ Marquer la ville. Signes, traces, empreintes du pouvoir (XIIIe–XVIe siècles) / Sous la dir. de P. Boucheron, J.-Ph. Genet. Paris, 2014; Iogna-Prat D. *Cité de Dieu, cité des hommes. L'Église et l'architecture de la société. 1200–1500*. Paris, 2016.

В том самом сборнике, вышедшем в 2018 г. под редакцией Морселя и посвященном проблематике территориальной общины в Средние века, сюжеты, связанные с городом, трагируются лишь в одной главе из десяти. Но этот текст, судя по всему, очень насыщен теоретическим и эмпирическим материалом⁴⁸. Речь идет о главе Элен Нуазе, посвященной социопространственным сдвигам в Париже XII–XIII вв., что нашли отражение в языке документов того времени. Эта исследовательница уже достаточно давно занимается интересующими нас вопросами: как «фабрикуется» средневековый город, как из дискретного пространства, отмеченного концентрацией жилищ вокруг нескольких полюсов (аббатств, коллегиальных церквей, епископских резиденций), постепенно рождается единая городская агломерация, наделенная общей пространственной логикой. В свое время на примере города Тур Нуазе смогла показать, насколько долгим был этот процесс⁴⁹. Следуя принятой у современных французских географов и урбанистов манере сомневаться в правомерности самого термина «город», она относит если не возникновение, то утверждение во Франции той модели, с которой историки привыкли связывать понятие «средневековый город», лишь к последним векам Средневековья, к XIV–XV вв. До этого периода, с ее точки зрения, городские поселения обладали совсем иными характеристиками⁵⁰. Это не означает, что между поселениями двух периодов⁵¹ не было преемственности. Напротив, Нуазе пытается

⁴⁸ Noizet H. La spatio-temporalisation scripturaire à Paris. *Changement social et langues des actes aux XIIe–XIIIe siècles // Communauté d'habitants au Moyen Âge (XIe–XVe siècles) / Dir. J. Morsel. Paris, 2018. Chapitre 2.*

⁴⁹ Noizet H. *La fabrique de la ville. Espaces et sociétés à Tours (IXe–XIIIe siècles).* Paris, 2007.

⁵⁰ Noizet H. *La ville au Moyen Âge et à l'époque moderne: du lieu réticulaire au lieu territorial // EspacesTemps.net. 2014/10/07. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.espacestems.net/articles/laville-au-moyen-age-et-a-lepoque-moderne> (дата доступа 30.11.2018).*

⁵¹ Автор, как и многие другие французские историки, стремится придумать особую терминологию для обозначения поселений двух типов. Первый она называет «ректикулярным» (сетчатым), а второй — «территориальным» («территориальноупорядоченным»).

проследить следы наследия XII в. в организации городского пространства вплоть до первой половины XIX столетия в Париже и ряде других городов. При этом исследовательница утверждает, что, как правило, аббатства и общины регулярных каноников формировали вокруг себя иной тип поселений, чем общины секулярных каноников, и разница эта продолжала ощущаться спустя много веков⁵².

Вообще, в последние годы медиевисты обратили внимание на соборных каноников, вырост интерес к ним как к важнейшим участникам формирования и пространства диоцеза, и пространства города, о чем можно будет прочитать в первом разделе нашей книги. Однако речь идет лишь о канониках соборных капитулов, капитулы коллегиальных церквей реже привлекают внимание историков.

В целом стороннему наблюдателю может показаться странным ажиотаж французских исследователей вокруг вещей, казалось бы, очевидных, их стремление придавать отдельным фактам судьбоносное значение, маркирующее очередной эволюционный период. Сходные небезосновательные замечания делались в свое время в адрес сторонников теории мутационистов. Любопытно, что историки, о которых говорится в данном очерке (в особенности Мазель и Лауэрс), сами причисляют себя к антимутационистам. Но то, что Запад в течение «длинного XII века» переживал долго качественные изменения, в том числе и в плане социальной организации пространства, убедительно показано в их собственных работах.

В свете нашего исследования опыт французских медиевистов важен, поскольку указывает на значимость изучения пространственной проекции социальных отношений, в том числе и тех, которые порождали и поддерживали саморегулирующиеся городские сообщества.

⁵² Noizet H. Germain, Victor, Martin et les autres. Morphologie urbaine et pratiques socio-ecclésiastiques à Paris aux IXe-XIIe siècles et au XIXe siècle // *L'Espace géographique*. 2012. Т. 41. No. 4. P. 324-339.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАНОНИКОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Средневековую католическую церковь невозможно представить без важнейшей категории духовенства — каноников, т. е. секулярных клириков, объединенных в общины-капитулы. Капитул обязательно состоял из каноников, а каждый каноник, в свою очередь, должен был принадлежать к определенному капитулу. Согласно одному из определений, капитул — это коллегия (корпорация, сообщество) клириков, учрежденная церковной властью для отправления культа или «для выполнения иных церковных обязанностей»¹. Хотя в современной церкви каноники утратили прежнее значение², на протяжении многих столетий они играли заметную роль в церковной жизни. Среди духовенства каноники выделялись благодаря своему привилегированному положению и, как правило, материальному благополучию. Быть каноником было престижно, а членство в капитуле, особенно в крупном и богатом храме, обеспечивало хороший достаток. Каноники почти всегда были клириками, хотя бы в одном из младших чинов, но встречались и миряне — «почетные» каноники. Как правило, это были коронованные особы. Кроме того, в Средние века должность каноника могла присваиваться юридическому лицу, например епископской кафедре, монастырю или другому капитулу. Тем не менее чаще всего каноник был физическим лицом и состоял в числе церковного клира.

Принято выделять секулярных и регулярных каноников, но эти категории появились только в XI–XII вв. Общины

¹ Wernz F.X., Vidal P. *Ius canonicum ad Codicis normam exactum*. T. 2: De personis. Romae, 1943. P. 825–826; cp.: Torquebiau P. *Chapitres de chanoines* // *Dictionnaire de droit canonique*. T. 3. Paris, 1942. Col. 530–531.

² Действующий Кодекс канонического права определяет капитул как необязательную «коллегию священников» и отводит ему незначительное место в устройстве церковного диоцеза. Современные капитулы практически не имеют автономии, подчинены диоцезальному епископу и лишены права контролировать приходы (Codex iuris canonici (1983). 503–510).

регулярных каноников возникли под влиянием аскетического движения и григорианской реформы, когда многие капитулы приняли более строгие правила, преимущественно устав блаженного Августина, и стали почти неотличимы от монастырей. Первые современные историки, которые попытались проследить развитие института каноников, — это были в основном церковные католические ученые, — именно регулярных каноников считали законными наследниками первоначального идеала «канонической жизни». Начиная свои обзоры с эпохи ранней церкви, эти историки завершали их появлением или распространением регулярных каноников³. Возможно, они предпочитали описывать историю регулярных каноников не только из презрения к их секулярным собратьям, но и из сугубо практических соображений: общины регулярных каноников, охваченные системой орденов и конгрегаций, гораздо лучше поддаются ученым обобщениям, чем хаотическое разнообразие секулярных капитулов. Сейчас положение изменилось — исследователи признают, что преемниками раннесредневековых общин клириков были именно секулярные каноники, которые не уступили требованиям реформаторов и отказались подчиняться правилам, слишком сильно напоминавшим монашеские уставы. Поэтому в дальнейшем под канониками будут подразумеваться именно члены секулярных капитулов.

ДВА ВИДА КАПИТУЛОВ

Общины секулярных каноников делились на две категории — соборные и коллегиальные капитулы, различавшиеся по статусу и по функциям. Это деление было закреплено в каноническом праве⁴. Соборные капитулы существовали при кафедральных соборах, коллегиальные — при важнейших храмах, обладавших почитаемыми святынями и значительным

³ *Torquebiau P.* Chanoines // Dictionnaire de droit canonique. T. 3. Paris, 1942. Col. 477–482; *Dereine Ch.* Chanoines // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique. T. 12. Paris, 1953. Col. 373–404; *Poggiaspalla F.* La vita comune del clero dalle origini alla riforma gregoriana. Roma, 1968.

⁴ Например: *Codex iuris canonici* (1917). 391–421.

имуществом. Однако капитул можно было создать при любой церкви, доходы которой позволяли содержать каноников. Например, сеньор мог учредить капитул при своей домашней капелле, наделив каноников достаточными средствами. Именно такое происхождение имели придворные капитулы средневековых монархов и важнейших сеньоров — «святые капелль» (Сент-Шапель) в Париже, Дижоне и Бурже, Палатинская капелла в норманнском Палермо и капелла св. Георгия в английском Виндзоре. Многие «сеньориальные» капитулы, которые в большом количестве стали появляться в XI–XII вв., находились в сельской местности. Однако старейшие и самые крупные капитулы располагались именно в городах.

Капитул каноников существовал при каждом кафедральном соборе. Это правило практически не имело исключений, и только на II Ватиканском соборе было решено «пересмотреть эти установления, чтобы они лучше отвечали современным условиям и потребностям»⁵. Ныне многие кафедральные соборы уже не имеют капитулов, и только на немецких землях соборные капитулы сохранили часть своих прежних привилегий⁶. Однако в прежние времена было трудно представить кафедральный собор без капитула. На территории Каролингской империи при большинстве соборов капитулы существовали с IX в., а в периферийных регионах Европы (Ирландия, Шотландия, Скандинавские страны) они в основном были организованы в XII в. Как правило, при учреждении нового диоцеза сразу же создавался и кафедральный капитул. Например, одновременно с основанием Виленской епископской кафедры в 1388 г. была установлена численность соборных каноников и определены руководящие должности капитула⁷. Однако по своему составу, численности и положению европейские соборные капитулы были довольно разнообразными. Как правило, в соборном капитуле состояло

⁵ II Ватиканский собор, декрет "Presbyterorum ordinis", гл. 2, прим. 41 (Документы II Ватиканского собора / Пер. с лат. А. Коваль. М., 2004. С. 418–419).

⁶ Haering S. Rechtsgrundlagen und Strukturen der Domkapitel des deutschen Sprachraumes. Ein vergleichender Überblick // *Annali di studi religiosi*. 2003. Vol. 4. P. 260–276.

Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej / Wyd. J. Fi-jałek, W. Semkowicz. T. 1. Kraków, 1932. S. 14, 26.

несколько десятков полноправных членов. Крупнейшие соборные капитулы Франции находились в Лане (83 каноника) и в Реймсе (72 каноника). Примерно столько же каноников было в самых больших капитулах Священной Римской империи — 72 в Кёльне и 60 в Льеже. Самый крупный капитул Англии существовал при соборе в Линкольне, в него входили 56 каноников. Однако большинство соборных капитулов состояло из 30—40 членов, в самых маленьких общинах было по 10—20 человек⁸. В отдаленных регионах, например в Ирландии, из-за бедности и нестабильного положения количество каноников при соборах постоянно менялось⁹. На европейской периферии учреждению капитулов препятствовали материальные трудности и общая неустроенность в системе церковной организации. Некоторые католические кафедры на славянских землях более ста лет существовали без капитулов, например в Каменце-Подольском и Луцке¹⁰. Кроме того, соборный капитул можно было заменить аналогичным клерикальным сообществом, которое обладало такими же правами и обязанностями. В Англии более половины кафедральных соборов вместо каноников обслуживали монахи, в основном бенедиктинцы, однако это не рассматривалось как нарушение общего правила¹¹.

Обязательное наличие капитула при кафедральном соборе было связано с присущими ему специфическими функциями. Соборных каноников обычно рассматривали как законных представителей «клира и народа» — всех христиан, живших в диоцезе. Поэтому каноники наряду с епископом имели право участвовать в управлении диоцезом, и прежде всего должны

⁸ Dumas A. I capitoli delle cattedrali // *Storia della Chiesa* / Ed. E. Amann, A. Dumas. T. 7: *L'epoca feudale (888–1057)*. Torino, 1953. P. 266.

⁹ Cowan I.B. The organisation of Scottish secular cathedral chapters // *Records of the Scottish Church History Society*. 1960. Vol. 14. P. 38; Nicholls K.W. Mediaeval Irish cathedral chapters // *Archivium Hibernicum*. 1973. Vol. 31. P. 106, 108–109.

¹⁰ Królik L. Kapituła katedralna łucka od XV do XVIII wieku // *Studia Theologica Varsaviensia*. 1980. T. 18. S. 168.

¹¹ Так, в 1157 г. епископ Абердина получил от папы Римского разрешение организовать при своем кафедральном соборе либо капитул каноников, либо монашескую общину. См.: Cowan I.B. The organisation of Scottish secular cathedral chapters. P. 19.

были избирать епископа¹². Если в диоцезе не было соборного капитула или аналогичной организации, например монашеского соборного приората, то самостоятельное положение диоцеза можно было поставить под сомнение. Именно такая ситуация сложилась в Исландии, где соборные капитулы так и не были сформированы. Поэтому исландских епископов назначали архиепископ и соборный капитул Нидаросской митрополии, что позволяло норвежским церковным властям контролировать положение в Исландии¹³. Соборных капитулов не было и в некоторых диоцезах, располагавшихся в глухих районах Ирландии. При необходимости их обязанности возлагались на собрание клириков (*communitas cleri*)¹⁴.

Старейшие коллегиальные капитулы сложились в империи Каролингов на основе общин клириков, которые обслуживали пригородные базилики — почитаемые храмы, возведенные над могилами местных святых¹⁵. В Галлии такие базилики были почти во всех городах, и вокруг них формировались сообщества клириков. Самые крупные из них, в первую очередь общины при базиликах св. Дионисия близ Парижа и св. Мартина в Туре, еще в меровингскую эпоху добились самостоятельности. Во время каролингских реформ одни базиликальные общины перешли в категорию монастырей (это произошло, в частности, с общиной св. Дионисия), но другие, например община св. Мартина, были причислены к капитулам. Таким образом, при богатом и почитаемом храме в Средние века не обязательно существовал капитул, хотя большинство таких храмов обслуживали именно каноники.

¹² Roland E. Les chanoines et les élections épiscopales du XIe au XIVe siècle. Aurillac, 1909; Peltzer J. Canon law, careers and conquest. Episcopal elections in Normandy and Greater Anjou, c. 1140–c. 1230. Cambridge, 2008.

¹³ Sigurdson E. The Church in Fourteenth-Century Iceland: The formation of an elite clerical identity. Leiden; Boston, 2016. P. 86–89.

Nicholls K.W. Mediaeval Irish cathedral chapters... P. 103, 110.

¹⁵ Например: Semmler J. Mönche und Kanoniker in Frankenreich Pippins III. und Karls des Grossen // Untersuchungen zu Kloster und Stadt. Freiburg, 1980. S. 78–111; Meijns B. Les chanoines séculiers: Histoire et fonctions dans la société (IXe–XIIe siècle) // Les chapitres séculiers et leur culture: Vie canoniale, art et musique à Saint-Yrieix (VIe–XIIIe siècle) / Éd. par C. Andrault-Schmitt, Ph. Depreux. Limoges, 2014. P. 16–19.

В отличие от соборных каноников члены коллегиальных капитулов не могли участвовать в управлении диоцезом, хотя крупные капитулы добивались независимости от местных епископов и обычно контролировали часть церковных приходов. Количество каноников в коллегиальных капитулах далеко не всегда можно определить, но некоторые общины были очень большими. Например, в турском капитуле св. Мартина, по королевскому указу 849 г., не могло быть больше 300 каноников; к концу XII в. их было 150, а позднее состав капитула ограничили до 70 членов. В сельском капитуле св. Юлиана в Бриуде (Овернь) с 1049 г. насчитывалось 80 каноников. Однако большинство коллегиальных капитулов, даже богатых и влиятельных в местных масштабах, состояло из 10–30 каноников.

ИСТОРИОГРАФИЯ КАНОНИКОВ

Несмотря на широкое распространение капитулов и на заметную роль, которую они играли в религиозной жизни, до XX в. историки почти не обращали на них внимания. Можно сказать, что секулярных каноников воспринимали как «фоновое» явление, недостойное внимательного изучения. Обычно ученые интересовались либо иерархами, которые руководили церковью, либо монашеством. В частности, как отметил Пьер Тубер, историки упускали из виду значение каноников в григорианской реформе, хотя именно каноников, а не монахов реформаторы видели в качестве своего важнейшего орудия¹⁶. То же можно сказать о месте каноников в каролингских церковных преобразованиях, когда светские и церковные власти повсеместно насаждали общины клириков. Однако ученые гораздо больше интересовались каролингской реформой монашества, чем распространением каноников. В поле зрения историков чаще попадали соборные капитулы, чем коллегиальные: некоторые сведения о них были приведены в монументальном французском труде "Gallia Christiana", соборным же капитулам посвящен

¹⁶ Toubert P. La vie commune des clercs aux XIe–XIIe siècles: Un questionnaire // Revue historique. 1964. Т. 231. Р. 12–13.

и справочник аббата Камиля До¹⁷. Более или менее подробными историческими очерками сопровождалась публикации соборных картуляриев¹⁸. Первыми обзорными трудами по истории каноников стали энциклопедические статьи сульпицианца Пьера Торкебё¹⁹ и иезуита Шарля Дерена²⁰. Вскоре внимание исследователей привлек вопрос о месте каноников в григорианской реформе²¹. Эту тему подхватили многочисленные авторы статей в сборнике «Общая жизнь клириков», посвященном секулярным и регулярным каноникам в эпоху реформы²². Ферминьо Поджаспалла попытался найти для института каноников достойное место в общей картине церковной истории, усматривая его истоки в общинных формах жизни раннехристианского духовенства²³. Тем временем историки-медиевисты в разных странах стали чаще обращаться к теме средневековых каноников. Французские исследователи предпочитали изучать историю отдельных капитулов на основе массовых документальных источников, которые, как правило, доступны лишь начиная с XIII в. Таковы, в частности, монографии о персональном составе соборных капитулов Лана и Парижа²⁴.

¹⁷ Daux C. Les chapitres cathédraux de la France. Notices—costumes—sceaux—armoiries. Amiens; Paris, 1888.

¹⁸ Например: Cartulaire de l'église Notre-Dame de Paris / Éd. par B.E.C. Guérard. T. 1–4. Paris, 1850; Cartulaire de Notre-Dame de Chartres / Éd. par E. de Lépinos, L. Merlet. T. 1–3. Chartres, 1862–1865.

¹⁹ Torquebiau P. Chanoines // Dictionnaire de droit canonique. T. 3. Paris, 1942. Col. 471–488; *Idem*. Chapitres de chanoines // *Ibid*. Col. 530–595.

²⁰ Dereine Ch. Chanoines // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique. T. 12. Paris, 1953. Col. 353–405.

²¹ Bardy G. Saint Grégoire VII et la réforme canoniale au XIe siècle // Studi gregoriani. Vol. 1. Roma, 1947. P. 47–64; cp.: Becquet J. Saint Hugues sur les chemins de Moissac. La réforme canoniale // Annales du Midi. 1963. T. 75. P. 365–372.

²² La vita comune del clero nei secoli XI e XII. Atti della Settimana di studio, Mendola, settembre 1959. Milano, 1962.

²³ Poggiaspalla F. La vita comune del clero dalle origini alla riforma gregoriana. Roma, 1968.

²⁴ Millet H. Les chanoines du chapitre cathédral de Laon, 1272–1412. Rome, 1982; Gane R. Le chapitre de Notre-Dame de Paris au XIVe siècle: Étude sociale d'un groupe canonial. Saint-Étienne, 1999.

На отдельных примерах ученые пытались проследить развитие внутренней организации капитулов²⁵, определить влияние каноников на городское пространство²⁶. В трудах по истории отдельных диоцезов стали уделять все больше внимания капитулам — особенностям их формирования, их статусу и значению в локальной церковной организации²⁷. Во второй половине XX в. появились исследования как отдельных капитулов²⁸, так и института каноников в определенных регионах, например на юге Франции²⁹ и во Фландрии³⁰. Рудольф Шиффер проследил становление и развитие соборных капитулов в Германии со времен каролингских преобразований³¹. Но теперь, когда историки накопили большое количество материала и сделали множество ценных наблюдений, обобщение всех этих данных кажется еще более трудной задачей, чем это было во времена Торкебё и Дерена. Свести воедино итоги изучения средневековых капитулов попытался швейцарский историк Ги Мархаль, который сделал обзор внешнего и внутреннего

²⁵ *Colomb-Gérard J.* Le problème de la vie commune au chapitre de la cathédrale Saint-Maurice d'Angers du IXe au XIIe siècle // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1970. T. 13. P. 305–322; *Wilkin A.* Fratres et canonici. Le problème de la dissolution de la vie commune des chanoines: Le cas de la cathédrale Saint-Lambert de Liège au Moyen Âge // *Le Moyen Âge*. 2005. T. 111. P. 41–58.

²⁶ *Les chanoines dans la ville. Recherches sur la topographie des quartiers canoniaux en France* / Éd. par J.-Ch. Picard. Paris, 1994.

²⁷ Например: *Aubrun M.* L'ancien diocèse de Limoges des origines au milieu du XIe siècle. Clermont-Ferrand, 1981. P. 141–152; *Kuypers J.-L.* Liège et l'Église impériale (XIe–XIIe siècles). Paris, 1981. P. 311–351.

²⁸ *Veissière M.* Une communauté canoniale au Moyen Âge: Saint-Quirice de Provins (XIe–XIIIe siècles). Provins, 1961; *Pycke J.* Le chapitre cathédral Notre-Dame de Tournai de la fin du XIe à la fin du XIIIe siècle. Son organisation, sa vie, ses membres. Louvain-la-Neuve, 1986.

²⁹ *Le monde des chanoines (XIe–XIVe siècle)* / Éd. par M.-H. Vicaire. Toulouse, 1989.

³⁰ *Meijns B.* L'ordre canonial dans le comté de Flandre depuis l'époque mérovingienne jusqu'à 1155: Typologie, chronologie et constantes de l'histoire de fondation et de réforme // *Revue d'histoire ecclésiastique*. 2002. T. 97. P. 5–57.

³¹ *Schieffer R.* Die Entstehung von Domkapiteln in Deutschland. Bonn, 1976.

положения секулярных капитулов на основании сведений, относящихся к разным регионам Европы³². Мархаль задался целью описать то состояние, которого капитулы достигли в эпоху «зрелости» — начиная примерно с XII в. и до Реформации. В этом отношении его обобщающий труд чрезвычайно полезен. Однако Мархаль не дает ответов на ключевые вопросы: кого именно следует считать канониками, когда они появились и для чего они были нужны.

Обзор положения капитулов, который сделал Мархаль, как и труды других ученых, показывает, что в этих вопросах исследователи так и не пришли к единому мнению. Вопреки ожиданию ответов нет и в средневековых источниках. Более того, проблемы самоопределения, происхождения и основных функций каноников, по-видимому, даже не ставились в Средние века. Трудно обнаружить какие-либо признаки сомнений в том, что каноники имели полное право существовать, и даже в том, что они были необходимы христианской церкви. При этом серьезные дебаты велись вокруг образа жизни каноников, который, по мысли средневековых авторов, составлял их отличительную особенность. Считалось само собой разумеющимся, что образ жизни каноников имел непосредственное отношение к их происхождению и обеспечивал правильное выполнение их обязанностей. Таким образом, средневековые писатели лишь косвенно затрагивали интересующие нас вопросы, рассматривая их с практической точки зрения и используя их для решения насущных проблем.

Среди современных исследователей есть две основные точки зрения на происхождение института каноников.

АПОСТОЛЬСКАЯ ОБЩИНА?

Одни ученые, главным образом представители кликальной историографии, поддерживали традиционное мнение, распространенное еще в Средние века: историю каноников нужно начинать с общины первых христиан. Так считали,

³² Marchal G.P. Was war das weltliche Kanonikerinstitut im Mittelalter? Dom- und Kollegiatstifte: Eine Einführung und eine neue Perspektive // *Revue d'histoire ecclésiastique*. 1999. Т. 94. Р. 761–807; 2000. Т. 95. Р. 7–53.

в частности, иезуит Шарль Дерен³³ и Ферминьо Поджаспалла³⁴. Они рассматривали правила жизни каноников как воплощение идеала, восходившего к последователям апостолов, у которых были «одно сердце и одна душа» (Деян. 4:34). Даже если не все христиане следовали этому идеалу, то хотя бы служители церкви должны были ему соответствовать. Согласно этой гипотезе, прототипами капитула каноников были раннехристианский совет старейшин-пресвитеров и более поздняя коллегия клириков, составлявших «общину внутри общины христиан». Если определять каноников как клириков, которые живут вместе и обладают общим имуществом, получается, что каноники всегда существовали в христианской церкви. На первый взгляд это мнение кажется устаревшим, основанным на некритическом восприятии средневековой церковной риторики. Однако оно находит поддержку у некоторых современных исследователей, хотя и с той оговоркой, что идеал апостольской жизни не был статичным и воплощался разными способами³⁵. Большее значение, чем может показаться, имеет и укорененность этого мнения в церковной традиции. По крайней мере, некоторые средневековые авторы напрямую связывали институт каноников со своими представлениями о том, как жили первые христиане. Поскольку раннехристианскую эпоху было принято идеализировать, в истории церкви многократно повторялся призыв вернуться к образу жизни первых христиан и привести церковь в соответствие с ее первоначальным состоянием³⁶.

Рассуждая о первоначальной церкви, христианские авторы обычно называли ее главной особенностью сплоченность верующих, обладавших «одним сердцем и одной душой».

³³ *Dereine Ch. Chanoines... Col. 353–405.*

Poggiaspalla F. La vita comune del clero... P. 9–27.

³⁵ *Massoni A. La vita apostolica, modèle de vie religieuse dans les communautés de chanoines séculiers (XIIe–XVe siècle) // Apprendre, produire, se conduire: Le modèle au Moyen Âge. Actes du XLVe Congrès de la SHMESP (Nancy—Metz, 22–25 mai 2014). Nancy, 2015. P. 87–98.*

³⁶ Под «первоначальной церковью» (*ecclesia primitiva*) понимали прежде всего церковь новозаветной или доконстантиновской эпохи, но иногда расширяли это понятие на весь докарolingский период церковной истории. См.: *Olsen G. The Idea of the "Ecclesia primitiva" in the Writings of the Twelfth-century Canonists // Traditio. 1969. Vol. 25. P. 81–86.*

Иоанн Кассиан — возможно, первый, кто попытался проследить преемственность идеала «апостольской жизни», — возводил к апостолам происхождение общежительного монашества³⁷. Таким образом, с самого начала понятие «апостольская жизнь» применялось к обособленному коллективу верующих, которые соблюдали строгие жизненные правила. Руководствуясь этим идеалом, Августин требовал, чтобы клирики вступали в аскетическое «сообщество совместной жизни» (*societas communis vitae*), устроенное по образцу первохристианской общины. По мнению Августина, все клирики должны были объединяться в такие общины и целиком посвящать себя служению Богу. Через несколько веков епископ Хродеганг Мецский попытался подвести теоретическую основу под институт каноников. Он утверждал, что каноники соблюдали те же правила «канонической жизни», которые апостолы некогда установили в первохристианской общине³⁸. Возможно, продолжателям дела Хродеганга его декларация показалась слишком смелой: в Аахенском уставе для каноников сделан акцент на мнениях отцов церкви и нормах церковного права относительно жизни клириков, хотя и здесь происхождение каноников в неопределенных выражениях возводится к «Евангелию и апостолам»³⁹. Идею «апостольской жизни» клириков подхватили составители Лжеисидоровых декреталей, которые вложили в уста раннехристианского папы Урбана I (223–230) призыв вести «общую жизнь» и отказаться от личного имущества⁴⁰. По словам римского агнографа

³⁷ Например: Olsen G. The Idea of the "Ecclesia primitiva"... P. 66–68; Alciati R. Verus Israhel, id est monachorum plebs: La genealogia monastica di Cassiano // Adamantius. 2011. Vol. 17. P. 67–80.

³⁸ *Chrodegangus. Regula canonicorum*. 31 (S. *Chrodegangi Metensis episcopi Regula canonicorum* / Hrsg. W. Schmitz. Hannover, 1889. P. 20–21).

³⁹ Quod canonica institutio, evangelica et apostolica auctoritate fulta, caeteris superemineat institutionibus. Institutio canonicorum Aquisgranensis. 115 (MGH. Conc. T. 2. Pars 1. P. 397).

⁴⁰ *Decretales pseudo-Isidorianae et capitula Angilramni* / Ed. P. Hinschius. Leipzig, 1863. P. 143–146; Poggiaspalla F. La vita comune del clero... P. 136–138; Ganz D. The Ideology of Sharing: Apostolic Community and Ecclesiastical Property in the Early Middle Ages // Property and Power in the Early Middle Ages / Ed. by W. Davies, P. Fouracre. Cambridge, 1995. P. 27–29.

Иоанна Диякона, папа Григорий Великий якобы следил за соблюдением принципов «общей жизни» (*vita communis*), унаследованных от апостолов⁴¹. Как норма жизни каноников первохристианский образец подавался в распоряжениях бургундских, каталонских и южнофранцузских епископов XI в.⁴² Деятели григорианской реформы стали навязывать уже всему духовенству «апостольский» образ жизни, который включал аскетизм, особую «духовность» и отказ от личного имущества. На этом ревностно настаивал Петр Дамиани, принадлежавший к монашеским кругам Италии⁴³. На Римском соборе 1059 г. архидиакон Хильдебранд, будущий папа Григорий VII, выступил с требованием ужесточить требования к каноникам и ввести «общую жизнь по образцу первоначальной церкви»⁴⁴. Другие сторонники реформы поддержали инициативу Хильдебранда, и по итогам собора папа Николай II призвал служителей церкви вернуться к «апостольской, т. е. общей, жизни» (*ad apostolicam, communem scilicet vitam*)⁴⁵.

Римский собор 1059 г. предопределил возникновение «каноников строгой обсервации», т. е. регулярных каноников, которые обязывались вести «апостольскую жизнь» в ее григорианском понимании. Впрочем, первые реформированные общины возникли еще до собора. Как справедливо отмечали историки, требования преобразовать институт каноников соответствовали традиции, восходившей, по меньшей мере, к св. Августину⁴⁶. Торкебье, Дерен и их последователи не без оснований указывали на значимость церковной идеологии, ведь еще св. Хродеганг, автор первого устава для каноников, декларировал преемственность между своими организованными клириками и первыми христианами,

⁴¹ *Ioannes Diaconus. Vita Gregorii Magni* (PL. T. 75. Col. 92).

⁴² *Dereine Ch. La "Vita apostolica" dans l'ordre canonial du IXe au XIe siècles // Revue Mabillon. 1961. T. 51. P. 49–52; Poggiaspalla F. La vita comune del clero... P. 144–145, 150.*

⁴³ *Torquebiau P. Chanoines... Col. 477–479; Dereine Ch. Chanoines... Col. 375–378; Poggiaspalla F. La vita comune del clero... P. 151–158.*

⁴⁴ *Die Konzilien Deutschlands und Reichsitaliens 1023–1059 / Hrsg. D. Jasper (MGH. Concilia, 8). Hannover, 2010. S. 394–398.*

⁴⁵ *Ibid. S. 405.*

⁴⁶ Например: *Poggiaspalla F. La vita comune del clero... P. 167–169.*

объединившимися вокруг апостолов. Получается, что средневековые каноники были воплощением идеальной общины верующих «с единым сердцем и единой душой» — колыбели христианства, которую время от времени пытались воссоздать деятели церкви. Некогда этому идеалу соответствовали якобы все христиане, но на практике его было трудно воплотить даже в обособленном коллективе служителей церкви. «В наше время, — с горечью отмечал Хродеганг, — невозможно убедить» людей соблюдать строгие жизненные правила, которые соблюдали первые христиане⁴⁷. И все же, несмотря на послабления, именно каноники сохраняли идеал «апостольской жизни».

ЭЛИТАРНЫЙ КОЛЛЕКТИВ КЛИРИКОВ

Гипотеза о раннехристианском происхождении каноников неоднократно подвергалась критике. Многие ученые — сначала духовные лица, а затем и светские исследователи — отказывались возводить истоки этого института ко временам апостолов. В одной из первых работ, специально посвященных каноникам, бенедиктинец Аври Леклерк отметил, что средневековые каноники составляли особую группу духовенства, выделявшуюся из общей массы. С самого начала это был элитарный коллектив клириков, имевший свою внутреннюю организацию, в котором действовали особые правила. Следовательно, по мысли Леклерка, первые каноники могли появиться только тогда, когда началось расслоение христианского клира, прежде всего разделение между городским и сельским духовенством. Каноники произошли от городских клириков, которые служили в главном храме диоцеза и составляли непосредственное окружение епископа. Возникновение каноников Леклерк связывал с реформаторской деятельностью позднеантичных епископов, заставлявших своих клириков жить совместно и отказываться от личного имущества. В первую очередь речь шла о св. Августине, но не только: еще раньше епископ Евсевий Верцелльский (ум. 371) навязал

⁴⁷ *Chrodegangus. Regula canonicorum. 31 (S. Chrodegangi Metensis episcopi Regula canonicorum / Hrsg. W. Schmitz. Hannover, 1889. P. 20–21).*

клирикам общинный аскетический образ жизни. Нечто подобное происходило и на Востоке⁴⁸.

Точка зрения Леклерка кажется вполне обоснованной. Даже те историки, которые придерживались иного мнения, признавали, что идеал «апостольской жизни» впервые провозгласил именно Августин и впоследствии подхватил Хродеганг Мецский⁴⁹. Следовательно, этот идеал существовал не всегда. После Августина о нем редко вспоминали, пока каролингские реформаторы не поставили его на службу своим целям. Тем не менее Леклерк был не вполне последователен: как и другие историки, он возводил происхождение капитулов к раннехристианским пресвитерским коллегиям⁵⁰. Это напоминает рассуждения Поджаспаллы об эволюции первохристианской общины в совет пресвитеров, члены которого якобы практиковали «общую жизнь»⁵¹. Однако историческая преемственность от пресвитеров эпохи Римской империи к средневековым каноникам кажется очевидной только в случае с соборными капитулами. Но что делать с капитулами коллегияльных церквей, которые первоначально представляли собой общины клириков, обслуживавших пригородные базилики? Как правило, при базиликах IV–V вв. не было даже особого штата клириков, не говоря уже о пресвитерской коллегии. Разница между соборными канониками, жившими «в доме епископа», и канониками в «монастырях» была очевидна уже в эпоху Каролингов⁵². Общины каноников имели неодинаковое происхождение, и далеко не все капитулы можно возводить к пресвитерским коллегиям ранней церкви.

⁴⁸ *Leclercq H. Chanoines // Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie. T. 3. Pt. 1. Paris, 1913. Col. 223–248. Ср. мнение М. Хайма, который начинал историю каноников как членов общины, которая обслуживала определенный храм и соблюдала единые для всех правила, с деятельности Евсевия Верцелльского. См.: Heim M. Chorherren-Reformen im Früh- und Hochmittelalter // Münchener Theologische Zeitschrift. 1995. Bd. 46. S. 21.*

⁴⁹ *Poggiaspalla F. La vita comune del clero... P. 40, 78.*

Leclercq H. Chapitre des cathédrales // DACL. T. 3. Pt. 1. Col. 495–507.

⁵¹ *Poggiaspalla F. La vita comune del clero... P. 9–12; cp.: Torquebiau P. Chapitres de chanoines... Col. 533–536; Dereine Ch. Chanoines... Col. 356–357.*

⁵² *Torquebiau P. Chanoines... Col. 474–475.*

Некоторые из них складывались из позднеантичных объединений клириков, другие возникали по воле церковного руководства, третьи, вероятно, формировались спонтанно.

Современные исследователи предпочитают датировать появление каноников более поздним временем, но единства в этом вопросе нет. Доминиканец Йозеф Зигварт считал, что первые общины каноников появились благодаря деятельности галльских епископов V–VI вв., и прежде всего Цезария Арелатского. Впоследствии, по мнению Зигварта, институт каноников пришел в упадок, как и прочие структурные элементы меровингской церкви, но возродился усилиями каролингских реформаторов⁵³. Другие историки с большей осторожностью говорят о канониках, известных по галльским и испанским источникам VI–VII вв.: сведения о них немногочисленны и указывают, по-видимому, на неоднородный характер этой группы духовенства. По мнению этих историков, институт каноников оформился лишь в эпоху Каролингов, когда во франкском государстве проводились масштабные преобразования⁵⁴. Окончательное обособление каноников можно связывать с программой «разделения чинов»: по мысли реформаторов, всех служителей церкви, которые были членами религиозных общин, следовало отнести к одной из двух категорий — каноников или монахов⁵⁵. Начиная с середины VIII в. франкские правители и прелаты требовали, чтобы монахи соблюдали единый бенедиктинский устав, а каноники — некий «канонический чин»⁵⁶. Что стояло за этим термином, не очень четко представляли и сами реформаторы. Раскрыть его содержание попытался Хродеганг Мецский в первом уставе для каноников, а затем, уже более основательно, участники Ахенского собора 816 г., принявшие новый

⁵³ *Siegwart J. Der gallo-fränkische Kanonikerbegriff // Zeitschrift für schweizerische Kirchengeschichte. 1967. Bd. 61. S. 193–244.*

⁵⁴ *Marchal G.P. Was war das weltliche Kanonikerinstitut im Mittelalter?... P. 778–781; Meijns B. Les chanoines séculiers... P. 16–22.*

⁵⁵ Например: *Dumas A. I capitoli delle cattedrali... P. 266; Semmler J. Mönche und Kanoniker...*

⁵⁶ Например, Верский собор 755 г., канон 11: ...*Placuit ut in monasterio sint sub ordine regulari aut sub manu episcopi sub ordine canonica (Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum Francorum. T. 1 / Ed. A. Boretius. Hannover, 1883. P. 35).*

устав с обширной подборкой цитат из библейских текстов, сочинений отцов церкви и канонических правил о том, как должны жить клирики. Введением устава завершилось «разделение чинов»: теперь каноников можно было без труда отличить от монахов (специально для этого были введены формальные различия в одежде и режиме питания), были определены их основные функции и принципы организации их общин⁵⁷. Таким образом, институт каноников сложился лишь в каролингскую эпоху, хотя его истоки можно обнаружить в более ранний период, когда в Галлии и Испании существовали устойчивые объединения клириков.

ЗАТРУДНИТЕЛЬНОСТЬ ОБОБЩЕНИЙ

Описанные выше мнения о происхождении каноников можно разделить на две категории. Одни историки рассматривали институт каноников как общехристианское явление, которое развивалось в ходе эволюции церковных структур. В рамках этой концепции существуют две основные гипотезы — о важности «общей жизни» для каноников и о развитии капитулов из позднеантичных пресвитерских коллегий. Первая гипотеза гласит, что «общая жизнь», понимаемая как принцип организации первохристианской общины, была «первоначальной и подлинной нормой канонической жизни»⁵⁸ или, по крайней мере, «важной составляющей канонического идеала»⁵⁹. Попытки обосновать ее наталкиваются на серьезные методологические затруднения. «Общая жизнь» каноников могла быть весьма разнообразной⁶⁰. В теории она

⁵⁷ Ср. мнение Торкебё, который признавал, что соборный капитул «в современном смысле этого слова» появился лишь при Каролингах. См.: *Torquebiau P. Chapitres de chanoines...* Col. 536.

⁵⁸ *Poggiaspalla F. La vita comune del clero...* P. 7.

⁵⁹ *Dereine Ch. Chanoines...* Col. 356–357. Ср., однако, мнение Торкебё о том, что соблюдение правил «общей жизни» нельзя считать главным признаком принадлежности к каноникам. См.: *Torquebiau P. Chanoines...* Col. 471–474.

⁶⁰ *Toubert P. La vie commune des clercs aux XIe–XIIe siècles: Un questionnaire* // *Revue historique*. 1964. T. 231. P. 16.

подразумевала строгую клаустрацию (постоянное пребывание в обители с ограничениями на контакты с внешним миром) и общность имущества. Для проживания каноников предназначался общий dormitorio, а для совместного питания — refectory. В действительности каноники хотя обычно и жили в клуатре, но использовали для этого отдельные дома или помещения, а в общем refectory устраивали только праздничные трапезы. Капитул располагал общинными владениями, но каролингские уставы позволяли каноникам владеть собственным имуществом. Так, Хродеганг ограничил права каноников лишь в отношении недвижимости: при вступлении в общину каноник передавал ее в дар церкви и получал обратно в пожизненное пользование. Ахенский устав подтвердил право каноников владеть личным имуществом, что, по мысли создателей устава, служило важным отличием каноников от монахов. Кроме того, за каноником признавалось право получать содержание от общины, которое впоследствии превратилось в право на часть общинного дохода и стало рассматриваться как бенефиций⁶¹. Таким образом, жизнь средневековых каноников лишь отчасти соответствовала тем критериям, которые исследователи извлекают из текстов св. Августина и заявлений сторонников григорианской реформы. Отсюда проистекает убеждение историков в том, что институт каноников время от времени приходил в упадок. Признаками упадка считают деградацию «общей жизни»⁶². Этот процесс происходил в X–XI вв.⁶³ и, несмотря на усилия церковных реформаторов, в основном завершился в эпоху «феодальной революции» XII в.⁶⁴ Впрочем, даже Дерен справедливо отметил, что историки слишком поспешно доверяли полемическим декларациям реформаторов и выходцев

⁶¹ Например: *Marchal G.P.* Was war das weltliche Kanonikerinstitut im Mittelalter?... P. 789–790; ср.: *Lesne É.* Les origines de la prébende // *Revue historique de droit français et étranger. Sér. 4.* 1929. T. 8. P. 281–290.

⁶² *Barrow J.* The Clergy in the Medieval World: Secular Clerics, Their Families and Careers in North-Western Europe, c. 800 — c. 1200. Cambridge, 2015. P. 72–73.

⁶³ *Torquebiau P.* Chanoines... Col. 477; *Dereine Ch.* Chanoines... Col. 371–375.

⁶⁴ *Violante C.* Prospettive e ipotesi di lavoro // *La vita comune del clero.* Vol. 1. P. 1–15; *Toubert P.* La vie commune... P. 13–14.

из монашеских кругов, которые обвиняли каноников в несоответствии первоначальному идеалу⁶⁵.

Не менее серьезные затруднения вызывает и другая гипотеза — о том, что средневековый капитул сложился на основе позднеантичной коллегии клириков при епископской церкви. Эта гипотеза не объясняет, почему институт каноников окончательно сформировался только в Галлии, хотя пресвитерские коллегии существовали по всей христианской ойкумене. Примеры совместной жизни клириков в епископских резиденциях находят в Африке, Египте, Италии и Сирии, но капитулы там так и не возникли. Кроме того, гипотеза оставляет без внимания коллегиальные капитулы, которые очевидным образом не могли произойти от организаций епископского клира.

Вторая категория исследователей рассматривает каноников как локальное явление, характерное для франкской Галлии, хотя и получившее затем более широкое распространение. Те историки, которые считали каноников порождением каролингских реформ, обычно исходили из критериев, сформулированных во франкских уставах: каноники должны совместно проживать при определенной церкви и обслуживать ее, иметь общинную организацию и обладать общим имуществом. Однако и здесь ученые сталкиваются с трудностями. По мере развития института каноников накапливались расхождения между теорией и практикой: архаичные уставные нормы становились достоянием прошлого, тогда как на деле каноники соблюдали разнообразные местные правила и «обычаи» — такие как «правила и чин, установленные святыми отцами», о которых говорится в статутах соборного капитула Лиона (XII в.)⁶⁶. Со временем у каждого капитула появились собственные статуты. Сначала это были частные определения, потом пространные сборники правил, которые регулировали главным образом порядок богослужения, структуру общины и управление имуществом. Поэтому трудно говорить о канониках вообще: каждый капитул в чем-то отличался от другого, хотя все общины каноников соответствовали основополагающим критериям, установленным в эпоху Каролингов.

⁶⁵ *Dereine Ch. La "Vita apostolica" ... P. 48–49.*

⁶⁶ *PL. T. 199. Col. 1091–1093.*

ТЕРМИН «КАНОНИК» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Отдельная проблема связана с термином «каноник». Латинское слово "*canonicus*" — субстантивированное прилагательное, заимствованное из греческого языка (*κανονικός* — канонический, относящийся к церковным правилам, соответствующий канону). Применительно к особой категории духовенства это слово использовалось начиная с эпохи Меровингов. В постановлениях нескольких церковных соборов упоминаются «каноники», или «клирики-каноники» (иногда слово, очевидно, использовалось в качестве прилагательного)⁶⁷. Городские каноники составляли окружение епископа, которому они подчинялись и от которого получали содержание. Однако каноники были и в крупных сельских храмах, где они жили под началом местного архипресвитера. В категорию каноников могли входить не только пресвитеры и диаконы, но и младшие клирики, например чтецы. Вероятно, они были организованы в общины, так как, согласно Григорию Турскому, питались они совместно. Поэтому исследователи осторожно предполагают, что меровингские каноники, как и их каролингские преемники, соблюдали некоторые правила «общей жизни»⁶⁸. Хотя данные о меровингских канониках немногочисленны, следует, однако, отметить, что этим термином, по-видимому, обозначали лишь организованное духовенство соборных и сельских храмов, но не членов базиликальных общин. Каноники упоминаются не только в Галлии, но и в вестготской Испании, хотя там сведений о них сохранилось еще меньше⁶⁹.

Историки в основном определяют меровингских каноников одинаково: это были клирики, приписанные к определенной церкви, получавшие содержание из церковных средств и, вероятно, практиковавшие формы «общей

⁶⁷ Арвернский собор 535 г., канон 15; Орлеанский собор 538 г., каноны 12 и 20; Турский собор 567 г., канон 20.

⁶⁸ Schieffer R. Die Entstehung von Domkapiteln... S. 102–123; Marchal G.P. Was war das weltliche Kanonikerinstitut im Mittelalter?... P. 778–781; Meijns B. Des basiliques rurales dans le nord de la France? Une étude critique de l'origine mérovingienne de quelques communautés de chanoines // *Sacris Erudiri*. 2002. Vol. 41. P. 302–305; *Eadem*. Les chanoines séculiers... P. 16–18.

⁶⁹ Dereine Ch. Chanoines... Col. 359–360.

жизни»⁷⁰. Однако значение термина «каноник» они объясняют по-разному. Как полагал Дерен, каноники были клириками, которые жили в строгом соответствии с церковными правилами, «канонами»⁷¹. Другие исследователи связывали латинское слово «каноник» с греческим понятием *κανὼν* в значении «список церковного персонала». Следовательно, каноник — это клирик, который состоит в штате определенного храма, постоянно совершает там богослужения и получает за это жалованье⁷². Второе значение — «клирик, живущий по канонам» — появилось далеко не сразу⁷³, а именно в каролингскую эпоху, когда каноников обязали соблюдать основные правила «общей жизни»⁷⁴. Так или иначе, в меровингскую эпоху уже существовала особая категория духовенства, выделявшаяся из массы церковного клира: каноники обслуживали на постоянной основе определенный храм и обладали некими, вероятно зачаточными, формами общинной организации⁷⁵. Начиная с VIII в. упоминаются уже «монастыри каноников». После каролингского «разделения чинов» и составления особых уставов каноники окончательно обособляются от прочих категорий церковных служителей.

С чего же следует начинать историю каноников — с появления слова «каноник» или с возникновения организованных общин клириков? На эту проблему указывал Торкебье: «Хотя термин имеет довольно позднее происхождение, в церкви издавна существовало то явление, которое он обозначает»⁷⁶. Исследователи решали проблему по-разному. Так, у Леклерка история каноников начинается с Нового Завета и св. Августина. Вслед за ним Дерен также придавал терминологии второстепенное

⁷⁰ Например: *Torquebiau P. Chanoines. Col. 471–472*; *Бусыгин А.В. Каноник // Православная энциклопедия. Т. 30. М., 2012. С. 359–360.*

Dereine Ch. Chanoines... Col. 354, 359.

⁷² Например: *Poggiaspalla F. La vita comune del clero... P. 21–22, 52, 76*; *Sieglwart J. Der gallo-fränkische Kanonikerbegriff... S. 224–227*; *Barrow J. The Clergy in the Medieval World... P. 74–75.*

⁷³ *Heim M. Chorherren-Reformen... S. 22.*

⁷⁴ *Marchal G.P. Was war das weltliche Kanonikerinstitut im Mittelalter?... P. 778–779.*

Ср.: *Sieglwart J. Der gallo-fränkische Kanonikerbegriff... S. 233–236.*

⁷⁶ *Torquebiau P. Chapitres... Col. 531–532.*

значение⁷⁷. Однако Торкебье считал канониками только тех клириков, к которым применялся этот термин. Поэтому для него история каноников начиналась с меровингской эпохи⁷⁸. Примерно так же рассуждают и современные исследователи: о канониках можно говорить лишь с того времени, когда возникло слово «каноник»⁷⁹. Оба подхода к проблеме имеют весомые основания. Общины клириков существовали задолго до появления термина «каноник», и не только в Галлии и Испании, где засвидетельствован этот термин. Возможно, появление термина даже не было связано с существенными переменами в статусе и внутренней организации таких общин. Однако отрицание значимости термина «каноник» заставляет исследователей произвольно возводить происхождение института то к первоначальному христианству, то к деятельности позднеантичных епископов — поборников аскетического образа жизни.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Проблему происхождения каноников трудно разрешить из-за того, что критерии принадлежности к этой категории духовенства остаются неопределенными. Далеко не все, что можно сказать о канониках эпохи расцвета, применимо к их раннесредневековым предшественникам и, конечно, к докарolingским общинам. Одни исследователи настаивают на важности «общей жизни» и первохристианского идеала, другие указывают на преемственность между канониками и более ранними коллегиями духовенства, третьи пытаются определить, кто такие каноники, исходя из уставов карolingской эпохи. Неудивительно, что происхождение каноников всегда описывается по-разному.

Представляется очевидным, что каноники — это секулярные клирики, прикрепленные к определенной церкви и составлявшие коллектив, который обладал имущественными правами. В эпоху расцвета общины каноников приобрели развитую

⁷⁷ Leclercq H. Chanoines... Col. 235–240; Dereine Ch. Chanoines... Col. 353–355; cp.: Heim M. Chorherren-Reformen... S. 21–22.

⁷⁸ Torquebiau P. Chanoines... Col. 471–474.

Например: Marchal G.P. Was war das weltliche Kanonikerinstitut im Mittelalter?... P. 778–781; Meijns B. Les chanoines séculiers... P. 16–17.

структуру и административную автономию, но в раннем Средневековье это было свойственно далеко не всем капитулам⁸⁰. Принято считать, что главной обязанностью капитула были регулярные богослужения в храме, вверенном его попечению, однако после XII в. каноники обычно перекладывали эту обязанность на плечи вспомогательного персонала. Таким образом, на протяжении Средних веков менялись статус, внутреннее устройство и основные функции капитулов. Общины каноников имели неодинаковое происхождение: например, среди каролингских капитулов преобладали объединения соборных клириков и коллективы духовенства, которые обслуживали пригородные базилики. Одни общины существовали со времен Римской империи, другие появились в меровингскую эпоху, третьи были организованы уже в державе Каролингов, когда члены разнородных клерикальных организаций были формально объединены в категорию каноников. Отсутствие четких критериев принадлежности к каноникам и неодинаковое происхождение их общин позволяют разным историкам по-разному отвечать на вопрос, каким образом появились секулярные каноники.

На констатации этого факта можно было бы остановиться, если бы не один нюанс. Подобные разногласия между исследователями неизбежны при изучении предмета в широкой исторической перспективе. Сложности могут возникать при исследовании других категорий духовенства, например епископата и монашества: их происхождение тоже вызывает вопросы, их статус не всегда был одинаковым и в разное время они могли выполнять разные функции. Однако это не препятствует ученым успешно изучать историю как епископата, так и монашества. Поэтому сложности с канониками можно во многом объяснить тем, что относительно молодая традиция их исследования еще не выработала единые критерии и дефиниции, поэтому историки, соблюдая разумную осторожность, стараются избегать широких обобщений.

⁸⁰ Ср. определение капитула как постоянно действующей общины клириков, ответственной за обеспечение богослужений в определенном храме и обладающей минимальной автономией. См.: *Tabbagh V. Un projet de recherches: Les collégiales de Bourgogne au Moyen Âge // Annales de Bourgogne. 1999. T. 71. P. 103; Massoni A. Un nouvel instrument de travail pour la communauté scientifique: Le répertoire des collégiales séculières de France à l'époque médiévale // Revue d'Histoire Ecclésiastique. 2007. T. 102. P. 925.*

Ч А С Т Ь 2

САМООРГАНИЗУЮЩИЕСЯ
СООБЩЕСТВА
СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА.
ВОЗНИКНОВЕНИЕ,
ТРАНСФОРМАЦИИ, ФУНКЦИИ

«ДОБРЫЕ ЛЮДИ», КАБАЛЬЕРО, КЛИРИКИ, МОСАРАБЫ, КАСТИЛЬЦЫ И ДРУГИЕ ЖИТЕЛИ КАСТИЛЬСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

В качестве примеров, иллюстрирующих характерные черты средневекового урбанизма, в историографии принято упоминать города Италии, Германии, Франции, Фландрии, Англии. Из этих же стран происходят модели городских общностей, используемые при обсуждении темы средневекового корпоративизма: коммуны, цехи, партии, гильдии, корпорации. Городские общности, существовавшие на землях Пиренейского полуострова, в этом «параде моделей» практически не участвуют. В целом средневековая Испания по-прежнему мало ассоциируется с городами. Возникновение этой фигуры умолчания, безусловно, вопрос очень интересный и относится к общеевропейской интеллектуальной истории XVIII–XX вв. Оставляя его в стороне, заметим, что центральные вопросы средневековой городской истории — становление и институализация городской общины, статус горожан и др. — могут изучаться на материале испанских источников XI–XII вв., и зачастую более детально, чем история городов, например, Англии этого же периода.

ЛЕОНО-КАСТИЛЬСКИЕ КОНСЕХО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ.

Городские общины — консехо или кабильдо (*cabildo*¹) — на землях Пиренейского полуострова в XI–XIII вв. были самым распространенным типом организованной социальной группы, которую можно обнаружить в источниках этого времени, наряду с церковными общностями. Кратко напомним читателю, что слово «консехо» (*concejo*) происходит от латинского *concilium* — совет, собрание — и в современном кастильском

¹ Такое наименование для обозначения городского совета использовалось в некоторых городах королевства Арагон.

языке означает городской совет или мэрию, собрание должностных лиц этого совета, здание городского совета. Когда это слово используют в своих работах историки, они прежде всего подразумевают особый институт, складывавшийся в X-XI вв. и получивший развитие в последующую эпоху в королевствах Пиренейского полуострова, который представлял собой совет членов общины. Он обладал особым статусом и привилегиями и был наделен полномочиями вершить власть в городе и приписанной к нему округе. Консехо в документах XI-XIV вв. — это и орган власти, и совокупность полноправных членов общины, жителей города, и территория, на которую распространяется власть общины и ее совета. В отечественной традиции принято использовать это слово в транслитерации, а не в переводе².

В 1970-х годах испанская историография Средневековья пережила, по общепринятому суждению³, период глубочайших трансформаций, в результате которого были подвергнуты переосмыслению все наиболее фундаментальные понятия, связанные с историей этого периода, включая и консехо.

Самым заметным новшеством в интерпретации феномена консехо стала попытка представить его как органичную часть феодальной структуры, феодального способа производства. Такое понимание феодализма, не единственное на тот момент среди испанских медиевистов, предполагало более пристальное внимание к формам получения ренты и ее перераспределению, к социальным отношениям, связанным с экономической деятельностью, с производством. Эти аспекты разрабатывались в бурно менявшейся испанской историографии, главным образом применительно к формам социальной и экономической организации в сельской местности. Х.М. Мингес

² Иногда консехо именуют городским советом, общиной, территориальной общиной.

³ *García de Córdazar J.A.* Glosa de un balance sobre la historiografía medieval española en los últimos treinta años (I) // *La historia medieval en España: un balance historiográfico* (1968–1998): XXV Semana de Estudios Medievales, Estella. Pamplona, 1999. P. 807–824; *Valdeón Barúque J.* Glosa de un balance sobre la historiografía medieval española en los últimos treinta años (II) // *Ibid.* P. 825–842. В отечественной историографии о начале этого периода см.: *Варьяш О.И.* [Рец.] *М. Вихиль, А. Варберо. Формирование феодализма на Пиренейском полуострове // Средние века. 1983. Вып. 46. С. 391–392.*

Фернандес в статье «Феодализм и консехо. Методологические основания анализа социальных отношений в средневековых леоно-кастильских консехо», опубликованной в 1982 г., выдвинул гипотезу об особенностях развития социальных отношений в консехо, основанных на экономической дифференциации⁴, т.е. собственно классовых отношений. Речь идет прежде всего о формировании привилегированной социальной группы — городского рыцарства, обладавшего значительными экономическими ресурсами и постепенно добивавшегося монополии на власть в консехо. Автор не претендует на детальное, подкрепленное информацией источников описание этого процесса, его задача — сформулировать проблему истории консехо на новых основаниях, дать начало дискуссии⁵. Нельзя сказать, что это удалось в полной мере, тем не менее, исследования, которые появились в последующие годы, позволили Х.М. Монсальво Антону прийти к такому заключению: «За десятилетие с небольшим медиевисты разрушили миф консехо, существовавший в историографической традиции, опровергнув ошибочные либеральные или романтические суждения, на основе которых сформировалась идея об особом развитии средневековой Кастилии, без феодализма»⁶. Монсальво Антон сам принял

⁴ *Mínguez Fernández J.M. Feudalismo y concejos. Aproximación metodológica al análisis de las relaciones sociales en los concejos medievales castellano-leoneses // En la España Medieval. 1982. Vol. III. P. 109–122.*

⁵ Любопытно, что, характеризуя общую историографическую ситуацию в изучении города как органичной составляющей феодальной системы, Х.М. Мингес приводит пример советской историографии, где наряду с английской эта проблема активно обсуждается. Он ссылается на статью 1960 г. Е.В. Гутновой и Н.А. Сидоровой, опубликованную во журнале «Анналы» (№ 2): «Comment l'historiographie soviétique aperçoit et explique le Moyen Age occidental». *Mínguez Fernández J.M. Feudalismo y concejos. P. 10, n. 4.*

О необходимости более детального и систематического исследования роли экономического фактора в социальной организации консехо тогда же написал и К. Эстепа Диес в статье, посвященной общей оценке историографии средневекового леоно-кастильского города: *Estepa Díez C. Estado actual de los estudios de las ciudades medievales castellano-leoneses // Historia medieval: cuestiones de metodología. Valladolid, 1982. P. 27–81.*

⁶ *Monsalvo Antón J.M. Concejos castellano-leoneses y feudalism (siglos XI–XIII). Reflexiones para un estado de la cuestión // Studia historica. Historia medieval. 1992. No. 10. P. 242.*

активное участие в этой «демифилогизации» — с 1980-х годов центральное место в его исследованиях занимают проблемы истории леоно-кастильских консехо X–XIV вв.⁷, а потому его суждение можно считать вполне обоснованным.

Изучение консехо как части феодальной системы строится вокруг трех основных проблем. Первая — это общество консехо, его социальная структура не как организации, учреждения, а как сообщества, проживающего на определенной территории, делящегося на классы; особое внимание уделяется отношениям зависимости между социальными группами и превращению городского рыцарства в олигархию. Вторая исследовательская проблема — это характеристика сеньории консехо — организации власти над принадлежащими ему территориями, отношения подчинения и эксплуатации, которые выстраивались между ними. Наконец, третья проблема — статус консехо как учреждения в системе власти как вассала. Перечисленные темы находятся между собой в довольно тесной взаимосвязи, поэтому историки, выбирая одну из них в качестве главной, не обходят вниманием другие⁸.

Важной особенностью исследований, затрагивающих «феодальную составляющую» истории консехо, стало внимание к территориальному фактору. Актуализация тем, связанных с социальной организацией производства, прежде всего аграрного (земледелия и скотоводства), сделала

⁷ *Monsalvo Antón J.M.* El sistema político concejil: el ejemplo del señorío medieval de Alba de Tormes y su concejo de villa y tierra. Salamanca, 1988.

⁸ *Barrios A.* Estructuras agrarias y de poder en Castilla. El ejemplo de Avila (1085–1320). Salamanca-Avila, 1983; *Santamaría Lancho M.* Del Concejo y su término a la Comunidad de ciudad y tierra: surgimiento y formación del señorío urbano de Segovia (siglos XIII–XVI) // *Studia Historica. Historia Medieval*. 1985. Vol. III. P. 83–116; *Martínez Moro J.* La Tierra en la Comunidad de Segovia. Un Proyecto señorial urbano (1088–1500). Valladolid, 1985; *Villar García L.M.* La Extremadura castellano-leonesa. Guerreros, clérigos y campesinos (711–1252). Valladolid, 1986; *Clemente Ramos J.* Estructura concejil y sociedad feudal en la Transierra extremeña, siglos XII y XIII // *Hispania*. 1991. Vol. LI/177. P. 41–71; *Bonachía J.A.* El concejo como señorío (Castilla, siglos XIII–XV) // *Concejos y ciudades en la Edad Media Hispánica: II Congreso de Estudios Medievales*. Madrid, 1990. P. 429–463.

неизбежным обращение к фактору окружающей среды; возникла необходимость, если можно так выразиться, «сориентироваться на местности». Именно так описал истоки интереса к изучению «социальной организации пространства» в Средние века создатель этого исследовательского направления в Испании Х.А. Гарсия де Кортасар⁹. Пристальный анализ эволюции семантики слов, одновременно обозначающих элементы территориального и административного деления (*villa, alfoz, aldea, urbs, civitas, castrum, terra*), их совмещение с социальными категориями в письменных источниках и сопоставление полученных результатов с данными археологии по расположению и организации средневековых поселений были наиболее последовательно реализованы для территории между Кантабрийскими горами и рекой Дуэро¹⁰. Подходы, предложенные Х.А. Гарсия Кортасаром, стали применяться и для изучения территориальной организации власти¹¹. Эта тематика остается и в настоящее время одной из самых

⁹ См. выступление А.Х. Гарсия де Кортасара в рамках серии семинаров «Жизнь и культура: размышления в жанре эгоистории» (*"Vida y cultura: reflexiones egohistóricas"*), прошедших в Институте истории в Мадриде в 2008 г.: *García de Cortázar J.A. Historia Social y Organización Social del Espacio*. URL: http://humanidades.cchs.csic.es/ih/seminariosih/jose_angel_garcia_de_cortazar.html (дата посещения: 19.06.2017).

¹⁰ Как обобщение результатов, достигнутых в этом направлении исследований, можно рассматривать сборник 1999 г.: *Del Cantábrico al Duero: trece estudios sobre organización social del espacio en los siglos VIII a XIII* / Ed. J.A. García de Cortázar Madrid, 1999. См. также: *García de Cortázar J.A. La sociedad rural en la España medieval*. Madrid, 1988.

¹¹ *Estepa Díez C. Poder y propiedad feudales en el período astur: las mandaciones de los Flainéz en la montaña leonesa* // *Miscellània en Homenatge al P. Agustí Altisent*. Tarragona, 1991. P. 285–327; *Idem*. Estructuras de poder en Castilla (ss. XII–XIII). El poder señorial en las merindades burgalesas // *Burgos en la Plena Edad Media*. Burgos, 1994. P. 245–294; *Idem*. El poder regio y los territorios // *La época de la Monarquía Asturiana: actas del simposio celebrado en Covadonga (8–10 de octubre de 2001)*. Oviedo, 2002. P. 451–468; *Álvarez Borge I. Monarquía feudal y organización territorial. Alfoces y merindades en Castilla (siglos X–XIV)*. Madrid, 1993; *Idem*. Poder y relaciones sociales en Castilla en la Edad Media. Los territorios entre el Arlanzón y el Duero en los siglos X al XIV. Valladolid, 1996; *Escalona Monge J. Sociedad y territorio en la Alta Edad Media castellana. La formación del alfoz de Lara*. Oxford, 2002.

динамичных в своем развитии¹². Среди первых работ этого направления были исследования К. Эстепа Диеса, посвященные отношениям городов, центров консехо, с принадлежащей им округой (*alfoz*)¹³. Он характеризует власть города как сеньориальное господство, в основе которого лежат права юрисдикции, понимаемой прежде всего как право суда над жителями земель консехо и право распоряжаться этими землями, в том числе получать с них доход. Как правило, экономическая реализация власти консехо (получение ренты, эксплуатация земель, находящихся в совместном пользовании членов общины) не охватывала всю территорию, на которую распространялась его юрисдикция¹⁴. Сеньориальная власть над округой характерна для консехо, располагавшихся на территории *realengo*, т.е. королевских земель. Собственно, создание консехо и наделение их юрисдикцией в XII в. становятся основным методом в королевской политике по организации власти на землях между Дуэро и Тахо¹⁵. До середины XIV в. здесь преобладали массивы земель, подвластные консехо, церкви (епископские кафедр и монастыри) и военно-рыцарским орденам, практически отсутствовали сеньории знати. Причем по площади территории консехо заметно превосходили владения церкви и орденов.

Подробное изучение темы сеньориальной власти консехо на материале источников севера и центра Пиренейского

¹² См., например, исследовательские проекты испанского Института истории: *Redes de Poder en las Sociedades Medievales* (<http://www.ih.csic.es/es/node/289512>); *Quaestio. Sociedades medievales: Marcos, Redes, Procesos* (<http://www.ih.csic.es/es/node/289398>).

¹³ *Estepa Díez C. El alfoz y las relaciones campo-ciudad en Castilla y León durante los siglos XII y XIII* // *Studia historica. Historia medieval*. 1984. No. 2. P. 7–26; *Idem. El realengo y el señorío jurisdiccional concejil en Castilla y León (siglos XII–XV)* // *Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica: II Congreso de Estudios Medievales*. Madrid, 1990. P. 465–506; *Idem. Las relaciones mundo rural-mundo urbano en los reinos hispanos medievales* // *El Fuero de Santander y su época: actas del congreso conmemorativo de su VIII centenario*. Santander, 1997. P. 351–368.

¹⁴ *Estepa Díez C. El alfoz y las relaciones campo-ciudad...* P. 25–26.

¹⁵ *Estepa Díez C. El realengo y el señorío jurisdiccional concejil en Castilla y León (siglos XII–XV)* // *Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica: II Congreso de Estudios Medievales*. Avila, 1990. P. 465–506.

полуострова в 1980-х — 1990-х годах, возможно, и не принесло радикальных изменений в ее трактовке, сформулированной еще в работе М.К. Карле 1968 г.: консехо — коллективная сеньория¹⁶. Однако, во-первых, теперь детально описаны механизмы реализации этой власти, а во-вторых, она рассматривается с совершенно иных позиций. Доказательство сеньориального характера власти консехо считается одним из аргументов в пользу существования и развития в Леоне и Кастилии феодализма — вывод, противоположный тому, который сделала М.К. Карле: она писала о «сеньориальных, но не феодальных структурах».

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСЕХО: ПЕРИОДЫ И ЭТАПЫ. ОЧЕРК ИСТОРИОГРАФИИ

В отличие от сеньориальной роли консехо его вассальный статус в феодальной иерархии описан не так детально. Эта проблема изучается почти исключительно в контексте упомянутого направления территориальной организации власти, главным образом, королевской. Земли, вошедшие в состав Леона и Кастилии в XI–XIII вв., считались частью *realengo*, т.е. принадлежали королю как сеньору. Консехо, возникавшие на этих территориях, получали от короля часть его сеньориальных прав на них, касавшихся отправления правосудия, в том числе право взимания штрафов и получения ренты, что фиксировалось в фуэро. Реализация этих прав на практике и приводила к возникновению сеньории консехо. При этом король никогда не передавал консехо сеньориальное господство полностью, не учреждались иммунитеты, подобные сеньории знати. Некоторые подати и военная повинность, доля в судебных штрафах, контроль над городскими замками по-прежнему принадлежали королю, который поручал следить за ними своим должностным лицам¹⁷. Соотноше-

¹⁶ Carlé M.C. Del concejo medieval castellano-leonés. Buenos Aires, 1968. P. 246.

¹⁷ Общее наименование круга таких должностных лиц — *omnes de palacio* («люди дворца»). Номенклатура наименований этих должностей была разнообразна и не очень унифицирована, сходные обязанности входили в круг полномочий лиц, именовавшихся по-разному в разных документах: мэрино (*maiorinus*), господину города (*dominus villae*), правитель (*princeps*), военачальник (*alcaid*), судья (*judex*).

ние в мере влияния двух центров власти, сосуществовавших в леоно-кастильских городах, — королевского «дворца» и консехо определяло динамику политического и социального развития тех территорий, которые нередко именуются в современной историографии "*realengo concejil*" — «королевские земли консехо»¹⁸.

Разработка концепции консехо как органичной части феодальной системы, рассматриваемой, еще раз напомним, как система социальных отношений в организации производства, привела к необходимости оценить место консехо в политической системе средневековых королевств как института власти. Наиболее детально эту проблему рассматривает Х.М. Монсальво Антон¹⁹.

Профессор Монсальво Антон рассматривает историю становления консехо как властного института, или, в его терминологии, консехо как системы. Уже на ранних этапах ее существования (X — начало XI в.) можно говорить о консехо как структуре власти, обладавшей собственными минимальными ресурсами, позволявшими ей обособиться по отношению к другим властям — монархам, знати, церкви. Под такими ресурсами подразумеваются собственные органы управления и назначаемые консехо должности, территориальная юрисдикция, привилегированный статус членов общины²⁰. Исключи-

¹⁸ *Estepa Díez C.* El realengo y el señorío jurisdiccional concejil en Castilla y León...; *Monsalvo Antón J.M.* De los alfoces regios al realengo concejil en el Reino de León (1157–1230). La territorialidad de las ciudades y las villas reales entre la Cordillera Central e el Duero // *El Reino de León en la época de las cortes de Benavente*. Madrid, 2002. P. 29–100; *Idem.* Frontera pionera, monarquía en expansión y formación de los concejos de villa y tierra. Relaciones de poder en el realengo concejil entre el Duero y el Tajo (c. 1072–1222) // *Arqueología e territorio medieval*. 2003. No. 10(2). P. 45–126.

¹⁹ О развитии взглядов этого исследователя довольно полно можно судить по двум работам: *Monsalvo Antón J.M.* El Sistema político concejil: el ejemplo del señorío medieval de Alba de Tormes y su concejo de villa y tierra. Salamanca, 1988; *Idem.* Frontera pionera, monarquía en expansión y formación de los concejos de villa y tierra. Relaciones de poder en el realengo concejil... Здесь мы излагаем концепцию автора, сложившуюся в итоге его исследований.

²⁰ *Monsalvo Antón J.M.* Frontera pionera, monarquía en expansión y formación de los concejos de villa y tierra. Relaciones de poder en el realengo concejil... P. 47, 61.

тельную роль в развитии этих составных элементов автономии консехо сыграло их пограничное территориальное расположение, предполагавшее отсутствие стабильно воспроизводящейся административной структуры. Речь идет в первую очередь о так называемой исторической Эстремадуре — землях между реками Дуэро и Тахо, которые, в свою очередь, делятся на две зоны горной цепью Центральной Кордильеры. Именно в Эстремадуре, заселявшейся как пограничная зона, возникает консехо как форма организации территориальной власти²¹. Х.М. Монсальво Антон выделяет несколько этапов в развитии консехо, хронология которых заметно отличается от периодизации, предложенной в свое время Л. де Вальдеавельяно, возможно потому, что внимание исследователя сфокусировано на консехо леоно-кастильской Эстремадуры, а не всего Пиренейского полуострова.

После завоевания Толедской тайфы в конце XI в., при Альфонсо VI, начинается активный процесс оформления юридического статуса консехо и фиксации границ подчиненных им территорий (*alfoz, territorium, terras*). Города Эстремадуры, выполнявшие функции административных центров, к этому времени, как правило, уже заселены, в отличие от своей округи. Консехо начинают действовать здесь как основные организаторы освоения и заселения земель при минимальном участии короля и знати²². На первом этапе, XI — начало XII в., король передает властные полномочия на пограничных землях и консехо, и своим представителям, назначавшимся из ближайшего окружения короля, которые отвечали за военную организацию этих земель, состояние городского замка и за имущество и подати, приписанные к «дворцу» (*palatium*). Это были сменяемые правители; ни один из тех, кто упоминается в источниках в качестве правителя или господина этих городов и областей²³, не получил сеньо-

²¹ Ibid. P. 57.

Ibid. P. 55.

²³ Этот тезис, сформулированный в исследованиях 1970-х годов (в частности, Н. Гуглиельми), нашел подтверждение в более поздних работах исследователей, которые не разделяли мнение его автора о нефеодалльной природе консехо в целом и о характере его зависимости от сеньора-короля. Факт весьма ограниченных полномочий "*domines villae*" в XI–XIII вв. доказывается материалами источников, в первую очередь фуэро.

риальных прав на крупные земельные массивы на этих территориях. В целом на землях между Тахо и Дуэро до конца XIII в. не было крупных светских сеньорий; более или менее значительными владениями, сопоставимыми с территориями консехо, обладали к началу этого столетия церковь и военно-рыцарские ордены²⁴. Самый ранний пример формирования консехо как властной структуры в Эстремадуре зафиксирован в «латинском фуэро» Сепульведы — королевской грамоте 1076 г., содержащей ряд установлений, касающихся в том числе и деятельности должностных лиц консехо — судьи, алькальдов, сайона. В этом же документе можно найти первое указание на то, что консехо обладает юрисдикцией, военными и административными функциями. Х.М. Монсальво Антон считает, что эстремадурские консехо формировались на основе «открытых, подвижных сообществ воинов и земледельцев с крайне фрагментарно организованной вертикальной иерархией»²⁵. В консехо этого периода происходила реорганизация и социальной дифференциации — в текстах документов применительно к местным жителям начинают преобладать такие категории, как *caballero* (рыцарь), *peon* (пехотинец), вместо инфансонов и вилланов, наименований, характерных для земель к северу от Дуэро²⁶.

Со второй половины XII в. начинается новый этап в развитии консехо (продолжается до 1220-х годов), особенности которого фиксируются в появившихся в этот период так называемых пространственных фуэро — обширных сводах норм, регулирующих хозяйственную жизнь, экономическую деятельность, использование ресурсов округи, осуществление правосудия, статус разных групп жителей (*vecino*, *morador*, *aldeano*)²⁷. Статус полноправного члена общины — *vecino* — теперь определяется подробно описанным набором критериев и становится самым привилегированным. В консехо складывается социальная иерархия, от положения в которой зависит мера участия в административной деятельности. Кабальеро

²⁴ Monsalvo Antón J.M. Frontera pionera, monarquía en expansión y formación de los concejos de villa y tierra. Relaciones de poder en el relengo concejil... P. 123.

²⁵ Ibid. P. 76.

Ibid. P. 80.

²⁷ Ibid. P. 93.

города имеют доступ ко всем должностям, но пока немонаполюсный; они, как и другие полноправные члены консехо, подчиняются порядку перераспределения должностей в ходе выборов. Происходят дальнейшие изменения территориальных границ консехо: они отчасти уточняются, отчасти пересматриваются это определяется в том числе темпами и характером освоения округи²⁸.

С 1220-х годов короли пытаются произвести своеобразную унификацию структуры власти и установить контроль за назначением на должности в консехо. В правление Альфонсо X эта тенденция воплотилась в распространении свода норм «Фуэро Реаль», в соответствии с которым алькальды и исполнители некоторых других должностей консехо назначались королем. Целая группа городов в 1256–1265 гг. получила «Фуэро Реаль» взамен прежних локальных фуэро. Однако повсеместного и быстрого установления новых правил не произошло — города оказывали сопротивление, добивались подтверждения старых норм, внесения в «Фуэро Реаль» специальных поправок, касающихся организации консехо²⁹. Процесс роста королевского влияния в управлении консехо растянулся почти на сто лет — с середины XIII до середины XIV в. Помимо описанной тенденции, в XIII столетии в консехо происходят и другие изменения: привилегированные социальные группы — городское рыцарство — ограничивают доступ к управлению консехо и стараются установить закрытую нижнюю границу своей социальной группы, завершается юридическое оформление привилегий местных кабальеро³⁰.

Таким образом, уже на ранних этапах существования консехо представляли собой центры организации местной власти, обладавшие способностью к самостоятельному развитию и воспроизводству своей внутренней структуры. Они были включены в феодальную вассально-сеньориальную систему

²⁸ Ibid. P. 83–95.

²⁹ Темпы и степень успеха королевских реформ в организации консехо оценивается исследователями по-разному. Например: *Moreta Velayos S. Las ciudades medievales en Castilla y León...* P. 148.

³⁰ *Monsalvo Antón J.M. Frontera pionera, monarquía en expansión y formación de los concejos de villa y tierra. Relaciones de poder en el relengo concejil...* P. 117–119.

связей в качестве самостоятельного элемента иерархии, получившего сеньориальные права от короля (на суд и распоряжение землями). Статус консехо в системе власти эволюционировал на протяжении всего Средневековья, причем характер происходивших изменений зависел в немалой степени от его территориального расположения.

ГОРОДСКАЯ ОБЩИНА И ПРАВО

Основным источником для изучения социальной и политической эволюции леоно-кастильских консехо конца XI–XIII в. и по сей день остаются тексты фуэро. Несмотря на очень длительную традицию изучения, возможности их интерпретации пока не исчерпаны.

Довольно долгое время, исследуя совокупность всех текстов, относимых к фуэро, специалисты во-первых, старались их классифицировать, поскольку этим термином обозначались документы, весьма разнообразные по содержанию, объему, характеру оформления³¹. Во-вторых, пытались выстроить эволюцию этого типа текстов, что оказалось даже труднее: одновременно возникали и существовали фуэро с совершенно разным уровнем юридической техники, те, что, на современный взгляд, выглядят более логичными, систематизированными, удобными в применении на практике, вовсе не вытесняли и не заменяли собой те, что представляют собой хаотичное собрание разнородных записей. И такое разнообразие наблюдается во всех регионах Пиренейского полуострова.

Несмотря на то что ни одна из упомянутых задач решена не была, в результате работы над ними возник большой комплекс материалов: тексты источников, их детальное описание,

³¹ Под термином «фуэро» объединяется весьма значительное число текстов, дарованных как от имени короля, так и светскими или церковными сеньорами и адресованных обычно определенной общности — территориальной общине (консехо), социальной группе (кабальеро), редко отдельному лицу. В эту же группу входят документы, именуемые *privilegium*, *carta poblada*. Подробнее см.: *Barrero García A.M., Alonso Martín M.L. Textos de derecho local español en la Edad Media. Madrid, 1989.*

исследования по отдельным правовым сюжетам. Благодаря тому что появилась возможность представить общие, если можно так сказать, контуры исследуемого феномена, был предложен новый подход к этому типу нормативных текстов.

Основные принципы нового подхода к изучению фуэро были обобщены и очень емко сформулированы А. Барреро Гарсия. Она пишет, что следует рассматривать эти тексты не как результат решения, принятого в определенный момент единолично тем или иным представителем власти (королем или сеньором), но как коллективное усилие сообщества, в первую очередь городского, направленное на достижение двух целей: постепенно установить нормы сосуществования и взаимодействия в данном конкретном социуме; создать письменный текст, потребность в котором ощущалась в разных сферах деятельности и на разных уровнях власти³². Предлагаемый подход был применен в нескольких исследованиях отдельных консехо и их фуэро. Составление текста, история грамот, фиксирующих его, становится фактом социальной истории, показывает нам общность в действии. На примере анализа фуэро Толедо XII в. можно увидеть и преимущества такого способа интерпретации, и границы его применимости.

Самое авторитетное и по сей день исследование текстов фуэро Толедо принадлежит мэтру испанской истории права XX в. — А. Гарсия Гальо. Он опубликовал его результаты в статье «Фуэро Толедо» в 1975 г.³³ Главная задача этой работы формулировалась следующим образом: «Мы проведем критический анализ тех текстов, которыми располагаем для изучения "Фуэро Толедо" (*Fueros de Toledo*). На основании полученных результатов мы попытаемся реконструировать

³² Barrero García A.M. El proceso de formación del derecho local medieval a través de sus textos: los fueros castellanos-leoneses // I Semana de Estudios Medievales, Nájera, del 6 al 11 de agosto de 1990 / Coord. por J.I. de la Iglesia Duarte. Logroño, 2001. P. 89–129.

³³ García Gallo A. Los fueros de Toledo // Anuario de Historia de Derecho Español (далее — AHDE). 1975. Т. 45. P. 342–488. Следует заметить, что в переводе на русский язык названия этой статьи не передается немаловажный аспект, а именно множественное число слова "*fueros*", которое сразу указывает на особенность этой традиции. Наиболее близким по значению здесь можно считать перевод «привилегии Толедо».

историю этих фуэро, насколько это будет возможно. И если выводы анализа текстов почти всегда являются определенными и окончательными, то история фуэро из-за недостатка данных в большей степени остается гипотезой»³⁴.

О самых ранних нормах, регулировавших местную жизнь после того, как тайфа³⁵ Толедо стала частью Леона-Кастильского королевства, есть лишь отрывочные сведения. Предположительно весной 1085 г. Альфонсо VI одобрил капитуляцию — условия, на которых Толедо переходил под его власть. Про грамоту с текстом капитуляций нам не известно ничего, но ее существование принято допускать на основании информации об их содержании, изложенном в нескольких нарративных источниках³⁶. Предполагается, что первые записи были адресованы именно жителям города Толедо, но в них декларировалась позиция короля в отношении населения всей только что присоединенной территории. Мусульмане и иудеи получили разрешение оставаться в Толедо, если пожелают; они сохраняли свое имущество, а также право на исповедание веры и на самоуправление в вопросах, касавшихся членов их общин. В литературе эти общие положения часто именуются «фуэро мусульман» и «фуэро иудеев», однако об их письменной фиксации ничего не известно. В целом, в грамотах королей Леона и Кастилии XII–XIII вв. статус иноверцев нигде не фиксируется, и все наши сведения по этому вопросу происходят из разнообразных текстов, не относящихся к нормативным памятникам³⁷.

Что касается христианского населения королевства Толедо, то в первые десятилетия после отвоевания оно оставалось очень неоднородным, и это оказало влияние на королевскую

³⁴ Ibid. P. 344.

³⁵ Тайфа (от араб. *ṭā'ifah* — религиозная община и *mulūk al-ṭawā'if* — правители уделов) — термин, которым принято именовать самостоятельные политические образования, возникшие на территории Аль-Андалуса после упразднения халифата в 1031 г.

³⁶ García Gallo A. Los fueros de Toledo. P. 408–409.

³⁷ *Chronica latina regum castellae* // *Chronica hispana saeculi XIII* / Ed. L. Charlo Brea. Turnholt, 1997 (Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis. Vol. LXXIII); *Roderici Ximenii de Rada. Historia de rebus Hispanie sive Historia Gothica* / Ed. J. Fernández Valverde. Turnholt, 1987 (Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis. Vol. LXXII). Lib. VI. Cap. 22.

политику. Первый сохранившийся текст фуэро Толедо адресован мосарабам — местным христианам, жившим здесь под властью мусульман до отвоевания города Альфонсо VI. Этот текст, сохранившийся в наибольшем числе копий XIII–XIV вв., регулярно получал королевское подтверждение. В преамбуле грамоты достаточно подробно изложены причины, которые привели к ее появлению. После христианского отвоевания в городе начался передел имущества, в первую очередь недвижимого — домов и земельных участков. «Когда забирали у тех, кто имел много, и отдавали тем, кто не имел совсем ничего или лишь немного»³⁸. В данном случае речь идет не о грабеже города после захвата, а о целой серии конфликтов между теми, кто владел недвижимым имуществом, и теми, кто стремился получить его и обосноваться здесь. Желая прекратить подобные столкновения, король приказывает создать комиссию из наместника Толедо судьи Иоанна, альгвасила Петра и десяти достойных жителей города из мосарабов и кастильцев³⁹, чтобы они поровну разделили имущество между всеми; результаты этого раздела закреплялись как нерушимые навечно. Мы оставим в стороне весьма любопытный вопрос об отношениях между местными христианами и пришедшими на поселение в первые два десятилетия после отвоевания города, а также о способах и принципах раздела недвижимости между ними, поскольку это тема отдельного исследования и влияние описанной ситуации на дальнейшую историю Толедо практически не прослеживается, за исключением одного обстоятельства. Комиссия из десяти человек при судье и альгвасиле, созданная *ad hoc*, как считается, и, видимо, вполне справедливо, стала постоянной и превратилась в судебное учреждение, о чем свидетельствует второй, наиболее часто подтверждавшийся текст из толедских фуэро: «И пусть все правосудие у них отправляется по "Книге приговоров"»⁴⁰ в присутствии десяти благо-

³⁸ "...Cum tollerent ad illos qui magis habebant et darent ad eos qui nichil aut qui pauco habebant" (*García Gallo A. Los fueros de Toledo... P. 459*).

³⁹ "...Aliis decem ex melioribus civitatis, inter Mozarabes et Castellanos" (*Ibidem.*).

⁴⁰ «Книга приговоров» (*Liber iudiciorum*) — название, которым в средневековых рукописях обозначалось собрание законов вест-

роднейших и самых знающих из них, которые пусть заседают вместе с судьей города для наблюдения за правосудием жителей»⁴¹.

В грамоте 1101 г. указано, что мосарабы получили ее по просьбе участников комиссии. Возникает вопрос: а получали ли такую же грамоту кастильцы? Несмотря на многолетние исследования и поиски толедского «фуэро кастильцев», однозначного ответа на этот вопрос сейчас не существует. Собственно, есть несколько упоминаний, позволяющих предположить существование такого документа в XII в. Во-первых, в одном из двух существующих вариантов текста фуэро мосарабов упоминается *carta castellanorum* и *consuetudo castellanorum*. Во-вторых, в так называемом фуэро-компиляции (о нем речь пойдет далее) говорится о *forum castellanorum*⁴². Наконец, в фуэро Эскалоны (1130 г.) упоминаются «условия», на которых по воле Альфонсо VI селились кастильцы в Толедо⁴³. На основании первого из перечисленных свидетельств обычно считается, что грамота с условиями поселения кастильцев была составлена до 1101 г. Возможно, именно из-за применения этих норм в Толедо возникла сложная ситуация с правами на недвижимость. Однако, по моему мнению, не стоит исключать и другой версии: грамота для кастильцев была составлена после завершения работы комиссии, непосредственно перед грамотой мосарабов, что и объясняет пассаж последней. «И какой

готских королей V–VII вв., известное в русскоязычной традиции как «Вестготская правда». См.: Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование / Пер. с лат. М., 2012. Иногда также используется название «Книга судей» — от *Liber iudicum*, титула, также известного по некоторым рукописям (см. сн. 56).

⁴¹ “Sic vero et omnia iudicia eorum, secundum Librum iudicum sint iudicata coram decem ex nobilissimis et sapientissimis illorum, qui sedeant semper cum iudice civitatis ad examinanda iudicia populorum” (*García Gallo A. Los fueros de Toledo... P. 473*).

⁴² “Omnis tamen Castellanos qui ad suum forum ire vuluerit, vadat” (*Ibidem*).

⁴³ “Damus vobis populatoribus de Scalona foro propter causam populationis vestre, vobis et filii vestri, sub tali condicioni et populatione qua populavit Rex avus supradicto Rege (eternam tribuat ei Dominus requiem, amen) omnes castellanos in civitate Toletto” (*Ibid. P. 464*).

бы проступок ни совершили, пусть платят только пятую долю штрафа, как указано в грамоте кастильцев». Поскольку грамота кастильцев не сохранилась ни в одной копии, то однозначное решение этого вопроса вряд ли возможно. Более того, отсутствие копий и королевских подтверждений позволяет усомниться в существовании подобной грамоты. Слово "*carta*" применительно к кастильскому фуэро или обычаю Толедо встречается лишь однажды — как упоминалось выше, в одной из копий XII в. фуэро мосарабов. Эта копия не сохранилась до наших дней, А. Гарсия Гальо предполагает ее существование на основании других, более поздних копий. Оригинал грамоты также не сохранился. Если следовать реконструкции истории текста мосарабского фуэро, предложенной испанским исследователем, то наиболее близким к оригиналу является тот вариант, что содержится в единственной сохранившейся записи XII в. — подтверждении фуэро мосарабов, сделанном в 1155 г. Альфонсо VIII⁴⁴. В этом варианте нет упоминаний о *carta castellanorum*⁴⁵. Оно появляется в другой копии на латыни (так называемая копия X), которая, как упоминалось выше, не сохранилась. Гарсия Гальо предполагает, что она была создана либо одновременно с подтверждением 1155 г., либо немного позже; с нее выполнили две другие грамоты, также не дошедшие до наших дней. Даты этих копий неизвестны. Одна из них была описана и скопирована в XVIII в., но позже утеряна. Вторая также копировалась и известна только в позднем воспроизведении. Во всех этих вариантах упоминание о грамоте кастильцев присутствует⁴⁶. Скорее всего, оно было уже в копии X, которая, в отличие от грамоты подтверждения, содержит также преамбулу с описанием *pesquisiciones* — так обозначены процессы

⁴⁴ Archivo Municipal de Toledo (далее — АМТ). Caj. 1, leg. 8, n. 1.

⁴⁵ "Et de quanta calumpnia fecerint, quantum solummodo persolvant; excepto de furto et de morte iudei vel mauri. Et de omni calumpnia talem eis mando habere consuetudinem" (*García Gallo A. Los fueros de Toledo... P. 460, n. 48, 49*).

⁴⁶ Ср.: «Et de quanta calumpnia fecerint, quantum solummodo persolvant, sicut in carta Castellanorum ressonat; excepto de furto et de morte iudei vel mauri. Et de omni calumpnia talem eis mando habere consuetudinem, qualem et castellanis in Toletto commorantibus» (*García Gallo A. Los fueros de Toledo... P. 460*).

по перераспределению недвижимости в Толедо конца XI в., о которых упоминалось выше. В ней присутствуют и изменения в основной части документа, вошедшие в более поздние копии⁴⁷. Собственно, других королевских подтверждений латинского текста не существовало. В 1351 г. в королевскую курию был представлен латинский документ, являвшийся, по мнению А. Гарсия Гальо, одной из копий X, текст которого был переведен на романсе и в таком виде получил подтверждение Педро I Жестокого⁴⁸. Состояние рукописной традиции фуэро мосарабов не позволяет утверждать однозначно, присутствовало ли упоминание о грамоте кастильцев уже в оригинале и по неизвестной причине было опущено в королевском подтверждении 1155 г. или появилось в более поздних копиях. Однако отсутствие копий самого документа можно считать убедительным доказательством если не его отсутствия, то неостребованности. Это факт тем более интересен, если учесть, что о грамоте кастильцев упоминает только один текст, а определение «фуэро кастильцев» встречается чаще, причем не только в нормативных памятниках рассматриваемого периода. В фуэро-компиляции, тексте первой половины XII в., указывается, что жители Толедо в суде должны основываться на нормах «Книги приговоров»; исключение делается для кастильцев, которые, если пожелают, могут обратиться к своему фуэро⁴⁹. Поскольку в данном пассаже «фуэро ка-

⁴⁷ Ibid. P. 346–349.

⁴⁸ «El privilegio que dio el muy noble Rey don Alfonso que gano a Toledo a todos los mocaraves de Toledo el qual es confirmado del muy noble Rey Don Pedro fijo del muy noble Rey don Alfonso el que vencio en la batalla de Tarifa a los Reyes de Benamarin et de Granada en treynta dias andados del mes de octubre de la era de mill et trezientos e setenta e ocho annos Et gano la muy noble cibdat de Aliezira en XXV dias andados del mes de marco de la era de ochenta e dos annos. Sepan quantos esta carta vieren como yo don Pedro por la gracia de Dios Rey de Castiella de Toledo de Leon de Gallizia de Sevilla de Cordova de Murcia de Iahen del Algarbe de Algezira et sennor de Molina Vi un preuilegio del Rey don Alfonso que gano a Toledo escripto de letra gotica en pargamino de cuero fecho en esta guysa...» (Libro de los privilegios. F. 31 — El libro de los privilegios de Toledo / Ed. Iquierdo Benito R. Toledo, 2005).

⁴⁹ «Sic vero et omnia iudicia eorum, secundum Librum iudicum sint iudicata coram decem ex nobilissimis et sapientissimis illorum, qui sedeant semper cum iudice civitatis ad examinanda iudicia populo-

стильцев» выступает альтернативой для обширного, хорошо разработанного свода норм с древней рукописной традицией, то отсутствие письменной версии фуэро долгое время считалось историками права следствием случайного стечения обстоятельств. Тем более что в фуэро Эскалоны 1130 г. дважды указывается, что жители этого города получают такие же фуэро (привилегии), как те, что даровал кастильцам Толедо Альфонсо VII. И это, казалось бы, позволяло реконструировать утерянный толедский текст.

Однако если обратиться к ссылкам на «фуэро кастильцев» в других документах, прежде всего в частноправовых актах XII–XIII вв., то существование его письменной фиксации вызывает сомнения. М.Л. Алонсо Мартин подробно исследовала все подобные упоминания⁵⁰. Ей удалось обнаружить в толедских грамотах XII–XIV вв. всего 14 ссылок на «фуэро кастильцев», причем в большинстве случаев зафиксированные в них обстоятельства не связаны с теми нормами, которые включены в фуэро Эскалоны. А если ограничиться только интересующим нас периодом, то таких примеров останется восемь. Сравнив описанные в этих документах правовые обычаи с нормами, которые нам известны по сводам кастильского права, как территориального, так и общекоролевского, появившимся в XIII в., М.Л. Алонсо Мартин делает вывод о значительных расхождениях между ними или их полном несовпадении⁵¹. Исследовательница считает, что в документах XII–XIII вв., в отличие от более поздних (середины — второй половины XIV в.), речь идет о ссылках на не зафиксированную письменно нормативную систему — «существовавшую в форме обычая или практики»⁵². Очевидно, что такое бытование правовой нормы лишает нас возможности рассуждать в категориях дихотомии «норма — практика», поскольку

rum, exceptis Castellanorum. Omnis tamen Castellanus qui ad suum forum ire voluerit, vadat» (*García Gallo A. Los fueros de Toledo... P. 473*).

⁵⁰ *Alonso Martín M.L. La perduración del Fuero Juzgo y el derecho de los castellanos de Toledo // AHDE. 1978. Vol. 48. P. 335–377. Подробнее об этом см. также: Попова Г.А. Правовая норма в частных актах Толедо XII–XIII вв. // Средние века. 2015. Вып. 76 (3/4). С. 320–332.*

⁵¹ *Alonso Martín M.L. La perduración... P. 361–364.*

⁵² *Ibid. P. 366.*

в данном случае практика является единственной доступной нам формой фиксации нормы.

В Толедо и округе существование двух правовых традиций — основанной на «Книге приговоров» (и обычно именуемой мосарабской), и обозначавшейся в текстах как «фуэро кастильцев» — сказалось на организации суда, в котором присутствовали судьи, знавшие эти правовые традиции. В фуэро Санта-Олальи (1124 г.) указано: «И пусть у вас будут мосарабский алькальд и кастильский алькальд»⁵³. Поэтому считается, что после христианского завоевания в Толедо и других городах королевства суд вершили королевский судья (*judex et prepositus*), кастильский и мосарабский алькальды. Однако данные письменных источников не позволяют доказать, существовала ли когда-нибудь эта система именно в таком виде. В документах не встречается упоминаний более чем о двух судьях одновременно. М.Л. Алонсо Мартин собрала все известные на сегодняшний день упоминания о нескольких судьях в одном документе, и нигде, повторю, не обнаружила более двух⁵⁴. Непоследовательность в употреблении терминов, обозначавших судебные должности в текстах XII–XIII вв., очевидно, отражает отсутствие четко выстроенной иерархии должностей со сложившимися полномочиями⁵⁵. Нельзя однозначно утверждать, пользовались ли алькальды при вынесении решения какими-либо сводами норм. Это относится не только к кастильским алькальдам, у которых таковых, скорее всего, не существовало, но и к мосарабским: следов использования норм «Книги приговоров» на практике мало, и их невозможно связать с деятельностью именно мосарабских судей⁵⁶. Помимо того очевидного вывода, что в изучаемый период между

⁵³ «Et quod habeatis acalles mozarabem atque castellanum» (*García Gallo A. Los fueros de Toledo... P. 463*).

⁵⁴ *Alonso Martín M.L. La perduración... P. 344–346.*

⁵⁵ *Попова Г.А. Судья судье рознь? Судебные полномочия и их обладатели в Толедо XII–XIV вв. // Право в средневековом мире. 2010. М., 2010. С. 102–111.*

⁵⁶ *Попова Г.А. Сунна христиан, Lex Visigothorum, Книга судей, Фуэро Хузго: новая жизнь вестготского права // Historia animata. Ч. 1. М., 2004. С. 142–155.*

известными нам нормативными текстами и документами, отражающими существовавшую правовую практику, связь была крайне слаба, можно сделать еще одно важное наблюдение. Во-первых, как минимум, с начала XII в. фиксируется право членов консехо участвовать в принятии судебных решений. Во-вторых, некоторые особенности состава городского населения отражаются на организации судопроизводства: две основные группы жителей — мосарабы и кастильцы получают возможность контролировать применяемые нормы. Однако о том, реализовывалась ли эта возможность на практике, на основе имеющихся сведений однозначный вывод сделать нельзя.

СОЗДАНИЕ ГОРОДСКИХ НОРМ: ОПЫТ ТОЛЕДО

Кроме фуэро мосарабов, в Толедо XII в. была известна еще одна запись привилегий и норм, получившая королевское подтверждение. Это так называемое фуэро-компиляция, уже упоминавшееся выше. Текст составлен как подтверждение привилегий Альфонсо VI, данное в ноябре 1118 г. его внуком Альфонсо VII. Оригинал грамоты не сохранился. Известен текст трех копий, самая ранняя из них — подтверждение фуэро-компиляции, данное в 1174 г. Альфонсо VIII оно известно нам в копии XII, а возможно, XIII в.⁵⁷ Существовала еще одна копия XII в., но грамота не сохранилась, а ее текст был переписан в коллекции А.М. Буррьеля⁵⁸. Затем, в 1222 г., король Фернандо III Святой подтвердил данное фуэро, и текст подтверждения был скопирован в грамоте Альфонсо X Мудрого 1254 г., которая сохранилась до наших дней⁵⁹. Это фуэро Толедо чаще других подтверждали короли: один раз в XII в. (1174), трижды в XIII в. (1222, 1254, 1289) и трижды в XIV в. (1333, 1371, 1379).

Фуэро адресовано всему христианскому населению Толедо, но при этом с перечислением групп, составляющих его: «Всем горожанам Толедо, а именно кастильцам, мосарабам,

⁵⁷ AMT. Caj. 10, leg. 3, n. 4.

Biblioteca Nacional de Madrid. Ms. 13.093. Fol. 198–199.

⁵⁹ AMT. Caj. 10, leg. 3, n. 6.

а также франкам»⁶⁰. Принцип предоставления большинства привилегий основан здесь на делении общества на кабалье-ро и пеонов, а не на мосарабов, кастильцев и франков. Единственным исключением является разрешение кастильцам пользоваться своим фуэро в судебных разбирательствах, а всем остальным жителям Толедо — «Книгой приговоров», о чем говорилось выше. Наконец, из всех толедских фуэро это имеет, пожалуй, самую интригующую историю создания. А. Гарсия Гальо предположил, основываясь на анализе особенностей оформления документа и на сопоставлении с другими толедскими фуэро, что такой текст не мог быть оформлен в канцелярии короля Альфонсо VII в ноябре 1118 г.⁶¹ Аргументация исследователя более подробно уже разбиралась мной в одной из статей, поэтому здесь речь пойдет только о нескольких вопросах, наиболее важных с точки зрения процесса фиксации норм⁶².

Инвокация грамоты⁶³ не совпадает ни с одной из применявшихся в королевской канцелярии, но известны похожие⁶⁴. Это можно интерпретировать как отсутствие установившегося единообразия формул, но совершенно необычно для документов такого типа — подтверждение установлений и дарование привилегий — использование форм третьего лица в перфекте — *iussit, melioravit, confirmavit, dedit, dixit* etc. Как правило, в подобных текстах ставилась форма настоящего времени первого лица. Кроме того, отсутствуют формулы приветствия и объяснения мотивации записи норм, принятые в королевской канцелярии этого периода. Единственная часть, которая построена с употреблением первого

⁶⁰ «...Ad omnes cives Toletanos, scilicet Castellanos, Mozarabes atque Francos» (*García Gallo A. Los fueros de Toledo... P. 473*).

⁶¹ *Ibid.* P. 351–363.

⁶² Попова Г.А. Как горожане перехитрили короля. Из истории фуэро Толедо // *Право в средневековом мире*. 2008. М., 2008. С. 96–110.

⁶³ «Sub imperio sancte et individue Trinitatis, videlicet Patris et Filii et Spiritus Sancti, unus quidem omnipotentis Dei» (*García Gallo A. Los fueros de Toledo... P. 473*).

⁶⁴ *Rassow P. Die Urkunden Kaiser Alfons' VII von Spanien. Eine palaeographisch-diplomatische Untersuchung // Archiv für Urkundenforschung*. 1928. Bd. 10. S. 388.

лица, — перечисление санкций за нарушение установлений. Самой удивительной частью документа является список свидетелей. Первым, как и полагается, идет имя короля с указанием, что он передал грамоту для подтверждения графам и наместникам⁶⁵. За ним следует имя Бернардо, архиепископа Толедо. На нем список из членов королевской курии, обычно подтверждавших королевские пожалования, прерывается, отсутствуют также имена представителей городской власти. В качестве свидетелей выступают приведенные к присяге жители городов королевства Толедо: тринадцать человек из Мадрида, трое из которых подписались по-арабски, столько же из Талаверы, из них четверо поставили подписи на арабском. Далее, в третьей колонке подписей, мы встречаем имя графа Педро. Можно предположить, что имеется в виду граф Педро Фроилас де Траба — опекун и воспитатель короля, одна из важнейших персон в окружении молодого Альфонсо VII и в королевстве в целом⁶⁶. Кроме него, в этой колонке записаны имена трех жителей Македы (одно по-арабски), а в последней, четвертой колонке — несколько свидетелей без указания города и семеро из Аламина (один подписался по-арабски). Таких списков свидетелей нет ни в одной королевской грамоте. Причем спустя несколько дней — 20 ноября 1118 г. — Альфонсо VII скрепил своей подписью дарение в пользу собора Толедо, которое подписали его сестра Санча, епископы Леона, Паленсии, Саламанки, Осмы, графы Педро Гонсалес де Лара, Педро Фроилас и другие представители знати, постоянно находившиеся при дворе. Здесь речь идет о дворе матери Альфонсо — королевы Урраки⁶⁷. Б. Рейли полагает, что все упомянутые грамоты были изданы в месте тогдашнего пребывания королевы — в Леоне. Это предположение подтверждается тем, что Альфонсо в этот же период — между серединой ноября и началом декабря 1118 г. — фигурирует

⁶⁵ «Omnibus meis comitibus atque potestatibus ad roborandum traditi» (*García Gallo A. Los fueros de Toledo... P. 481*).

⁶⁶ *Reilly B.F. The Kingdom of León-Castilla under Queen Urraca, 1109–1126. Princeton, 1982. P. 92–118.*

⁶⁷ Альфонсо VII носил в это время титул короля Галисии, который он получил в 1111 г. Королевская корона Кастилии и Леона принадлежала Урраке, на нее также претендовал ее второй муж Альфонсо I Воитель, король Арагона и Наварры.

вместе со своей сестрой в свидетельских списках пяти грамот, составленных от имени королевы Урраки⁶⁸. А. Гарсия Гальо полагает, что столь значительные отклонения в оформлении текста возникли потому, что анализируемая грамота была составлена не в королевской канцелярии, а в другом месте, скорее всего, в Толедо, где ей постарались придать вид королевского подтверждения.

Исследователь реконструирует процесс составления грамоты путем сопоставления фрагментов текста с другими фуэро, существовавшими на территории королевства Толедо к 1170-м годам. И хотя сходства в содержании норм находится немало, ни один из пунктов в рассматриваемых текстах не копируется полностью. Дословные совпадения фрагментарны и вполне могут интерпретироваться как частотные устойчивые словосочетания. Поэтому предположение А. Гарсия Гальо, что автор, вернее, составитель имел перед глазами тексты и переписывал из них целые отрывки и отдельные формулировки, выглядит недостаточно убедительно. Конечно, нельзя отрицать, что при работе над фуэро авторы опирались на какие-то образцы, однако, редактируя их и добавляя новые установления, они создали вполне оригинальный текст. Подчеркну, что факт составления первоначального текста фуэро-компиляции в Толедо городскими должностными лицами и писцами можно считать бесспорным. Однако вряд ли его составители стремились придать ему вид настоящей королевской грамоты, т.е. сознательно готовили подделку, поскольку у них были все возможности оформить фуэро в соответствии с образцами, вышедшими из королевской канцелярии. Ведь если опираться на историю текстов толедских фуэро и привилегий, описанную А. Гарсия Гальо (несмотря на отдельные недостаточно доказанные положения, она остается наиболее обоснованной в настоящее время), то в распоряжении городских властей всегда были копии королевских документов, причем иногда по несколько одновременно. Можно предполагать, что эти копии не заказывались каждый раз в королевской канцелярии, а изготавливались городскими писцами. Но важно, что практика копирования, а также подтверждения прежних королевских привилегий в случае

⁶⁸ Reilly B.F. The Kingdom of León-Castilla... P. 130–131.

Толедо прослеживается примерно с середины XII в. Таким образом, у нас есть некоторые основания для определения основных этапов создания того текста, который в 1174 г. был подтвержден Альфонсо VIII. Составленная тогда в королевской канцелярии грамота не включает последнюю часть фуэро-компиляции: королевскую подпись, дату, свидетельские подписи, т.е., как указывалось выше, самую сомнительную часть документа. О ее существовании нам известно благодаря копии XII в., хранившейся в Толедо до XVII в. и воспроизведенной в коллекции А.М. Буррьеля.

Текст фуэро-компиляции отчетливо делится на две части: первая определена как *pactum renovatum et fedus firmissimum* («возобновленный договор и достоверное соглашение»)⁶⁹; вторая — как *iudicium* («решение»)⁷⁰. Ни одно из этих выражений не встречается в других привилегиях Толедо и они совершенно нехарактерны для канцелярии Альфонсо VII, другие образцы из которой были в городе со второй половины 1130-х годов⁷¹. Можно предположить, что первый вариант этого фуэро был составлен до их появления. В пользу этого свидетельствует также и титулатура Альфонсо VII. В основном тексте фуэро-компиляции — и в первой, и во второй части — он именуется *rex* без перечисления подвластных ему земель. И только в конце, где проставлена подпись, указано: *Adefonsus, Dei gratia imperator*. В остальных толедских грамотах Альфонсо VII носит титул *Hispanie imperator*. Как упоминалось выше, Альфонсо VII в 1111 г. был коронован как король Галисии, затем, в 1126 г., как король Леона и Кастилии, а в 1135 г. был провозглашен императором Испании. Таким образом, если составители работали над первым вариантом текста после 1135 г., они учли эту эволюцию титулатуры, но весьма

⁶⁹ «Sub imperio sancte et individue Trinitatis, videlicet Patris et Filii et Spiritus Sancti, unus quidem omnipotentis Dei hoc pactum renovatum et fedus firmissimum iussit renovare et confirmare venerabilis rex Adefonsus, Raimundi filius» (*García Gallo A. Los fueros de Toledo... P. 473*).

⁷⁰ «Hoc iudicium dedit nibilissimus rex Aldephonsus Raymundiz die quo hoc privilegium confirmavit» (*Ibid. P. 479*).

⁷¹ Фуэро франков (1136), освобождение жителей Толедо от уплаты портазго и десятины (1137). Портазго — пошлина за провоз товаров на территорию консехо.

возможно, что первый вариант был составлен ранее 1135 г. Это могло произойти, например, между 1117 г., когда состоялся первый въезд короля, тогда двенадцатилетнего подростка, в город, и 1136 г., когда была получена первая королевская привилегия, адресованная франкам Толедо, уже от имени императора. Вполне вероятно, что во время первого въезда король устно подтвердил привилегии Толедо, однако грамота оформлена не была, поскольку в этот период канцелярия Альфонсо VII, если и существовала, еще не была официально королевской: власть принадлежала его матери королеве Урраке и ее супругу-соправителю Альфонсо I Воителю, королю Арагона. В городе составили запись тех норм, которые входили в понятия "*illos privilegios*" и "*has consuetudines*", причем включили в нее описание королевской клятвы: «Все эти обычаи благороднейший король Альфонсо, сын Раймунда, даровал и утвердил для всех христиан, живущих в Толедо, в чем поклялся и сказал так: «Клянусь именем Бога всемогущего, творца небес и земли, Сына Его Иисуса Христа, спасителя мира, и всеми святыми и избранниками Божиими, что эти обычаи не будут нарушены, или искажены, или уничтожены по моему решению, и соизволению, и приказанию во веки веков. И если кто-либо из моих приближенных нарушит эту привилегию, будь то граф или виконт, наместник или герцог, судья ли, могущественный или нет, сознательно или по случайной дерзости, кто отважится нарушить, пусть будет предан анафеме и отлучен от Крови и Плоти Христовой и выплатит 10 ливров наилучшего золота в королевскую казну. И если что-либо будет нарушено из этой привилегии с моего ведома или без и во время моего пребывания в королевстве, пусть десять из лучших горожан придут ко мне и сообщат, что было нарушено из привилегии, тогда я с Божьей помощью восстановлю это"»⁷². Данная запись, возможно, не в единственном

⁷² «Omnes yero has consuetudines, rex nobilissimo Adefonsus, Raymundi filius, concessit atque afirmavit ad omnes christianos in Toletum commorantes, et super eas iuravit illis ita, et dixit: «Per Deum Patrem omnipotentem, creatorem celi et terre, et per Iesum Christum Filium eius, redemptorem mundi, et per omnes Sanctos et electos Dei, quos per meam conscientiam et secundum meum posse has consuetudines non sint fracte nec prevaricate neque dissolute, per me nec meam iussionem, in perpetuum. Et si quis ex meis propinquis legerit hoc privilegium, vel lectum super eum fuerit, comes aut vice-

варианте, о чем свидетельствует двухчастная структура известного нам текста, хранилась в Толедо до того момента, как было принято решение получить подтверждение Альфонсо VIII, что и было сделано в 1174 г. Собственно, это второй известный нам случай, подтверждаемый имеющимися грамотами, когда консехо обращался в курию с такой целью. В дальнейшем подобное будет происходить более регулярно: подтверждения различных привилегий, выданных правителями-предшественниками, будут получать у каждого короля начиная с Фернандо III Святого.

Возникает вопрос: почему, когда в 1155 г. консехо обратился к королю за подтверждением грамоты, дарованной в 1101 г. мосарабам, вместе с ней, или даже вместо нее, не было подано фуэро-компиляция? Наиболее вероятным объяснением представляется то, что запись или записи фуэро, в какой бы версии они ни существовали к 1155 г., не было необходимости подтверждать у того короля, который санкционировал привилегии своей клятвой.

Как упоминалось выше, фуэро-компиляция чаще других подтверждалась королями, с 1222 г. всегда вместе с другими привилегиями, которые последовательно помещались в одну грамоту. Всего этих привилегий, помимо фуэро-компиляции, было выдано пять: привилегия 1182 г., освобождавшая кабальеро Толедо от уплаты податей за земельные владения на территории толедского королевства; привилегия 1202 г., освобождавшая кабальеро Толедо от уплаты податей за земельные владения на территории всего королевства; грамота 1203 г. о передаче городу контроля над «хлебным двором» (*meson de trigo*); привилегия 1207 г. о выполнении всех служб городами и селениями округа Толедо вместе с центральным городом; запрет 1207 г. передавать какую-либо недвижимость на территории Толедо и округа любым церковным

comes, potestas sive dux aut iudex sive prepositus, potens aut inpotens, scienter confringere vel ausu temerario violare presumpserit, sit anatematizatus et in corpore et sanguine Christi excommunicatus, et solvat decem libras auri optimi ad regale palatium. Et si aliquid fuerit violatum ex hoc privilegio, me sciente vel nesciente, et in patria presens fuerit, quod decem ex maioribus civitatis veniant ad me et scire me faciant quidquid ex privilegio fractum est; et ego tunc, cum Dei adiutorio, emendabo illud» (*García Gallo A. Los fueros de Toledo... P. 480–481*).

учреждениям, кроме собора города. Грамоты копировались с первых слов инвокации и до санкций за нарушение привилегии, которые исключались вместе с датой и подписями. Составленный для подтверждения Фернандо III в 1222 г., этот документ не меняется в дальнейшем по составу. Дарование и подтверждение других привилегий оформляется отдельной грамотой: Альфонсо X 2 марта 1254 г. подтверждает грамоту Фернандо III, и тогда же по его приказу этот текст с латыни переводится на романсе, и в дальнейшем королям представляется на подтверждение именно эта версия. Спустя неделю, 10 марта 1254 г., Альфонсо X подтверждает другую толедскую привилегию, данную его отцом в 1219 г. Санчо IV также дает подтверждение трем толедским грамотам почти одновременно — 18 декабря 1289 г. подтверждает фуэро-компиляцию, а 20 декабря — две другие привилегии, дарованные Альфонсо X. Собственно, с середины XIII в. привилегии больше не объединяются в одну грамоту. Таким образом, к середине XIII в. консехо Толедо после нескольких десятилетий усилий получает тот вариант текста фуэро, который больше нет необходимости менять. Как показывают преамбулы и клаузулы последующих подтверждений, основной смысл в воспроизведении текста зафиксированных норм видели не столько в поддержании правового порядка и справедливости, сколько в сохранении памяти о благих деяниях предков и в надежде на добрую память о себе⁷³.

⁷³ Преамбула подтверждения фуэро Толедо, данного Альфонсо X (1254 г.): «Que los fechos de los Reyes e de los principes acabden la memoria (Fol. 3v) de que son dignos de firmar son con beneficio de escriptura e seer puestos en scripto E por ende yo don Fernando por la gracia de Dios Rey de Castiella e de Toledo Cobdiciado yr por la carrera de los mios avuelos e visavuelos e ayuntarme a ellos e semiarlos en los mios fechos asi cuemo yo pudiere Et queriendo confirmar las franquezas e las abadas costunbres que ellos dieron a los sus fieles En uno con mi muger la reyna donna Beatric e con mio fijo don Alfonso con otorgamiento e plaçer de la reyna donna Bereguella mi madre fago carta de otorgamiento e robracion e de confirmamiento e de establir dat que dure a vos todos los de Toledo Cavalleros e omes buenos tan bien a moçaraves como a Castellanos e francos (Fol. 4) valedera por sienpre a los que son agora e a los que fueren daqui adelante Onde otorgo por cierto a vos todos e confirmo todo quanto diçe en estos privilegios escriptos aqui despues desto vuestros antecesores ganaron de mios avuolos de nuestra franqueça E fiz los escribir segunt el tenor que en

Когда консехо начинают собирать копии городских привилегий в так называемые «Книги фуэро», то они также в большей степени руководствуются принципом сохранения памяти о самом факте дарования, нежели соображениями удобства практического применения норм. В XIII–XIV столетиях в консехо Толедо, как и во многих других, не проводилась работа по систематизации и упорядочению привилегий и норм. Мы, конечно, не можем утверждать, что известные фуэро как нормативные тексты имели преимущественно символическое значение как свидетельства высокого статуса консехо и его заслуг перед короной. Уже тот факт, что большинство из них содержит положения об освобождения от разнообразных платежей и повинностей членов городских сообществ, говорит об очевидном практическом значении этих норм. Однако можно определенно утверждать, что очень многие городские фуэро XII–XIII вв., которые принято трактовать как тексты, фиксирующие правовую норму, так или иначе связанную с правовой практикой, отнюдь не рассматривались в таком качестве, когда составлялись их записи.

«ФРАНКИ» В ТОЛЕДО: СОЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА, РЕЛИГИОЗНОЕ БРАТСТВО. ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИЙ

Выше несколько раз затрагивалась тема социальных дефиниций, которые использовались в текстах толедских документов при указании адресата той или иной привилегии или фиксации статуса: кабальеро и пеоны, мосарабы, кастильцы и франки, «добрые люди», клирики и др. Очевидно, что принцип выделения перечисленных категорий неединообразен и каждый раз требует уточнения и прояснения. В контексте исследования городских общностей как самоорганизующихся структур можно поставить вопрос о том, следует ли упоминание той или иной социальной категории в локальном нормативном тексте считать исчерпывающим и достаточным доказательством существования соответствующей организованной общности.

ellos se contiene palabra por palabra en una carta Et diçe en el castelano desta guise» (El libro de los Privilegios de Toledo / Ed. R. Izquierdo Benito. Toledo, 2005. P. 21).

Весной 1136 г. в Бургосе был оформлен документ, единственный экземпляр которого хранится в Муниципальном архиве города Толедо⁷⁴. В литературе, начиная с первых упоминаний в каталогах и первой публикации текста, он обычно именуется Подтверждением фуэро франков 1136 г. Однако историк права А. Гарсия Гальо, посвятивший толедским правовым текстам специальное исследование⁷⁵, справедливо заметил, что поскольку в грамоте отсутствует глагол *confirmare*, зато постоянно повторяется формула «*dono et concedo*»; ее следует считать первой письменной фиксацией фуэро франков, а не подтверждением какого-либо иного документа, существовавшего до того. Альфонсо VII объявляет в этой грамоте, что дарует франкам Толедо «такие же фуэро, какими они пользовались во времена моего деда Альфонсо⁷⁶ и архиепископа Бернардо⁷⁷»⁷⁸. Именно эта формулировка привела к тому, что рассматриваемый документ считается подтверждением уже дарованных привилегий, хотя, подчеркнем еще раз, прямого свидетельства их более ранней записи нет.

Всего таких привилегий в грамоте перечислено четыре: франки могли иметь собственных сайона и мэрино⁷⁹ и только эти должностные лица имели право входить в дома франков для совершения каких-либо действий, связанных с имуществом (например, взятие залога). Другие мэрино и сайоны не могли этого делать. Франки были освобождены от обязательного участия в военных кампаниях, они могли присоединяться по собственной

⁷⁴ AMT. Caj. 10, leg. 3, n. 3. Первая публикация: *Martín Gamero A. Historia de la ciudad de Toledo: sus claros varones y monumentos. Toledo, 1862. P. 1048.*

⁷⁵ *García Gallo A. Los fueros de Toledo... P. 341–488.*

Имеется в виду леоно-кастильский король Альфонсо VI (1072–1109).

⁷⁷ Бернард де Седирак (?–1128), монах из клюнийского монастыря в Оше (Аиш), прибыл в Кастилию вместе с другими клюнийскими монахами для проведения церковной реформы. В 1081 г. стал аббатом монастыря Саагун, а с 1086 г. занял Толедскую кафедру.

⁷⁸ «...*Dono vobis et concedo tales foros quales habuistis in tempore mei avi regis Adefonsi et in tempore Bernardi, Toletane sedis boni archiepiscopi*» (*García Gallo A. Los fueros de Toledo... P. 467*).

⁷⁹ Должностные лица, в обязанности которых, как правило, входило исполнение судебных решений, организация сбора податей и штрафов.

воле. Их было запрещено облагать какими-либо новыми повинностями помимо тех, что они несли при Альфонсо VI⁸⁰.

Подлинность этой грамоты ни у кого из исследователей сомнений не вызывает; ее внешнее оформление, преамбула, клаузула, имена и подписи свидетелей — все соответствует тому оформлению, которое было характерно для канцелярии Альфонсо VII этого периода⁸¹.

Сам факт дарования фуэро части населения города, объединенной законодателем по своего рода этническому признаку, не был необычным для королевства Толедо. В 1101 г. было составлено фуэро мосарабов, несколько раньше, как предполагают, фуэро кастильцев, известное лишь по упоминаниям в других документах, о чем уже подробно рассказывалось выше. В фуэро других городов королевства встречаются статьи, устанавливающие порядок назначения на должности алькальдов представителей разных *nationes*⁸². Кроме того, в некоторых королевских грамотах XII в., адресованных всем христианам, живущим в Толедо, в преамбулах перечисляются именно *nationes*: кастильцы, мосарабы, франки⁸³.

⁸⁰ «Ut habeatis vestrum proprium merinum et vestrum saionem. Et quod nullus de vobis cavalguet pro foro, nisi ex sua voluntate cavalgare voluerit. Et concedo vobis quod alter merino vel alter saion non intret in vestro barrio pro prendere vel aliquo malo facere, nisi vester proprius, quem habetis. Et quod non faciatis aliam facenderam neque alium forum, nisi talem qualem faciebatis in tempore mei avi regis Adefonsi» (*García Gallo A. Los fueros de Toledo... P. 467–468*).

⁸¹ Подробное описание, а также анализ свидетельского списка см.: *Ibid.* P. 364–365.

⁸² *Fuero de Santa Olalla*, 1124: «Et quod habeatis Alcalles mozarabem atque Castellanium». Цит. по: *Burriel A.M. Informe de la Imperial Ciudad de Toledo al Real y Supremo Consejo de Castilla sobre igualación de pesos y medidas en todos los reynos y señoríos de S. Mag. según las leyes*. 1758. P. 297, n. 139.

⁸³ «Rex Adefonsus, Raimundi filius ad omnes cives Toletanos scilicet Castellanos, Mozarabes atque francos propter fidelitate et equalitate illorum et illos previllegios <...> melioravit et confitavit. <...>. Sic vero et omnia iudicia eorum secundum Librum iudicum sint iudicata coram decem ex nobilissimis et sapientissimis illorum, qui sedeant semper cum iudice civitatis ad examinanda iudicia populorum, exceptis Castellanorum. Omnis tamen Castellanus qui ad suum forum ire voluerit vadat». (*García Gallo A. Los fueros de Toledo... P. 473*).

Такой взгляд на структуру того сообщества, отношения с которым королевская власть выстраивала при помощи фуэро, появляется в документах с конца XI в. и сохраняется на протяжении примерно полувека, затем *nationes* постепенно вытесняются категориями *omnibus civibus Toletanis, vobis universo concilio Toletano*. В целом, эти наименования не рассматриваются историками как собственно этнические или «маркеры» активного развития этнического самосознания. Даже самый общий очерк истории «франков» в средневековых королевствах Пиренейского полуострова позволил его автору, М. Дефурно, сделать вывод, что так именовали всех иноземцев, необязательно выходцев из французских областей, хотя они, безусловно, преобладали⁶⁴. История «франков» на территориях Северной Испании тесно связана в первую очередь с паломническим движением к гробу св. Иакова в Сантьяго-де-Компостела, путь к которому был известен как «Дорога франков». Вторым фактором, который способствовал притоку иноземцев, стала церковная реформа последних десятилетий XI в. Для преобразования церковной службы, жизни монастырей и клира в Леоно-Кастильское королевство приехали по приглашению короля монахи из нескольких обителей, входивших в Ключинскую конгрегацию, и, в частности, уже упоминавшийся выше Бернард де Седирак, ставший в конце концов архиепископом Толедо. Наконец, с конца XI столетия в Леоно-Кастильское королевство приезжали французские рыцари для участия в экспедициях Реконкисты⁶⁵. Последние два фактора привели к появлению «франков» в Толедо практически сразу после отвоевания города у мусульман.

«Facio cartam donationis et confirmationis omnibus cristianis qui hodie in Toletu populti sunt vel populati venerint mozeravos castellanos francos». (Ibid. P. 484).

⁶⁴ Defournaux M. Les français en Espagne aux XIe et XIIe siècles. Paris, 1949. P. 255.

⁶⁵ Считается, что особенно много французских рыцарей прибыло после поражения христиан при Саграхасе в 1086 г. Среди них были и представители дома графов Бургундских — Раймунд и Генрих, ставшие супругами королевских дочерей — Урраки и Тересы, а сестра Тересы — Эльвира — была выдана замуж за графа Тулузского Раймунда Сен-Жильского.

Однако содержание фуэро, полученного в 1136 г., свидетельствует, скорее, о том, что его адресатами были миряне, домовладельцы, большую часть времени отдававшие отнюдь не военному делу. В коллекции арабоязычных документов из церковных архивов Толедо, изданной в конце 1920-х годов⁸⁶, есть грамоты с упоминанием *rabad al-ifranġ* — «квартала франков». Он примыкал к собору города с севера — северо-востока в той части, где сейчас проходит улица Комерсьо. Характер сделок, которые совершаются в этом квартале, — купля-продажа недвижимости (жилые дома, лавки, постоялый двор, бойня), завещания и упоминание занятий некоторых жителей⁸⁷ — позволяет предполагать, что это были в основном ремесленники и торговцы⁸⁸.

Ж.-П. Молена в статье, посвященной исследованию «франков» Толедо, подкрепляет такое предположение более детальным анализом арабских документов и данными из толедских документов на латыни и романсе. Он считает, что все «франкское» население Толедо делилось на три большие группы: клирики, рыцари, торговцы и ремесленники квартала «франков»⁸⁹. Если представителей первых двух категорий он обнаруживает в документах благодаря анализу ономастики, то для третьей группы важным критерием становится также и указание на проживание в квартале «франков». Молена полагает, что фуэро 1136 г. было адресовано именно тому сообществу, которое сложилось в этом квартале⁹⁰. Такое суждение выглядит весьма убедительно, если принять во

⁸⁶ В архивах собора, некоторых церквей и монастырей Толедо сохранилось значительное число грамот христиан — частноправовых сделок, судебных документов и других документов XII–XIII вв., записанных на арабском языке. Большая их часть была опубликована: *González Palencia A. Los mozárabes de Toledo en los siglos XII–XIII. Vols. I–IV. Madrid, 1926–1930.*

⁸⁷ *González Palencia A. Los mozárabes de Toledo... Vol. I: doc. 20, 27, 317, 365, 367; vol. II: doc. 434, 473, 628, 652, 655, 670; vol. III: doc. 829, 904, 944, 1035.*

⁸⁸ *Ibid. Vol. preliminar. P. 57–58.*

⁸⁹ *Molénat J.-P. Les francs de Tolède aux XIIe et XIIIe siècle à travers les documents de la pratique // Comprendre le XIIIe siècle: Mélanges offerts à M.-T. Lorcin. Paris, 1995. P. 59–72.*

⁹⁰ *Ibid. P. 62.*

внимание упоминание в документе 1282 г. об алькальде квартала «франков», а также свидетельств о существовании госпиталя «франков» и братства, которое им управляет⁹¹.

Однако если попытаться на основании этих «следов» существования некоторого организованного сообщества и, возможно, даже административного института (братство, должностное лицо) описать его структуру, то связанного и аргументированного построения не получится. Первую проблему представляет достаточно большой хронологический разброс перечисленных фактов. В фуэро 1136 г. устанавливается право «франков» Толедо иметь своих мэрино и сайона, и только они обладают правом входить в их дома для исполнения судебных решений. А единственное упоминание о должностном лице, связанном с кварталом «франков», — алькальде квартала — относится к 1276 г.⁹² В документе купли-продажи при описании границ объекта сделки упоминается дом, прежде принадлежавший жене алькальда (*qādy*) квартала «франков». Таким образом, мы узнаем, что во второй половине XIII в. подобная должность существовала. Однако утверждать, что это та же должность, о которой говорится в фуэро 1136 г., оснований мало. Если бы «франки» Толедо получили право избирать собственного алькальда, то это означало бы их право на особый суд. В этот период в Толедо существовали три судьи, имевшие полномочия выносить приговоры, — королевский судья (*judez*), кастильский и мосарабский алькальды. И хотя устоявшейся системы разделения полномочий между должностными лицами, имевшими отношение к вынесению судебных решений и их исполнению, до конца XII в. не сложилось, все же мэрино и сайоны должны были выполнять решения алькальдов, а не наоборот. Хотя, безусловно, от мэрино и сайонов целиком зависела сама процедура исполнения приговоров, а также решение конфликтов, обычно имущественных, участники которых не подавали иск в суд. Недаром в фуэро «франков» упоминается взятие залога — это мог быть как судебный

⁹¹ González Palencia A. Los mozárabes de Toledo... Vol. II: doc. 474, 652; vol. III: doc. 801, 1035. Los cartularios de Toledo. Catálogo documental / Ed. por F.J. Hernandez. Madrid, 1996. P. 246–247, n. 246.

⁹² Ibid. Vol. II: doc. 652.

залог, так и залог, связанный с исполнением долговых обязательств, не обязательно разрешаемых в суде. В Леон-Кастильском королевстве есть всего один похожий пример, когда «франки», прожившие в городе, также могли иметь своего мэрино: около 1156 г. для Саагуна было составлено фуэро, учреждались должности мэрино кастильцев и «франков», исполнявшие волю аббата монастыря Саагун, сеньора города, и консехо⁹³. Таким образом, в фуэро XII в. об алькальдах «франков» упоминаний нет ни в нормативных документах, ни в записях актов. О какой же должности идет речь в документе 1276 г.? Наиболее вероятно, что подразумевается один из алькальдов консехо. К этому времени структура и консехо в целом, и судебных должностей в частности изменилась по сравнению с первой половиной XII столетия. В составе совета было несколько алькальдов, процедура назначения которых не очень ясна, однако она уже не соотносилась напрямую с той правовой традицией, которой они должны были следовать в суде (кастильской или мосарабской). Территориальный принцип выборов на городские должности — по районам либо приходам — был широко распространен в консехо этого времени и возможно существовал и в Толедо. В этом контексте важно подчеркнуть, что в документе упоминается не алькальд «франков», а алькальд квартала «франков». Как полагает Ж.-П. Молен, к середине XIII в. та часть его жителей, которая действительно имела французские корни, почти полностью ассимилировалась с местным населением. Он выдвигает любопытное предположение, что в отличие от рыцарей, выходцев из французских земель, предпочитавших жениться на представительницах знатных мосарабских родов, торговцы и ремесленники из квартала «франков» иногда заключали браки с мусульманками⁹⁴. Именно исходя из ассимиляции «франков», Молен пишет, что с середины XIII в. квартал потерял свое значение как территория с особой, «франкской» юрисдикцией и стал просто

⁹³ «Maiores Sancti Facundi sint duo unus Castellanus et alter Francus et sint vicini de villa, et vassalli abbatis et habeant domos in Sancto Facundo et intrent per manum Abbatis et Autoritate Concilii». Цит. по: *Barrero García A.M.* Los fueros de Sahagun // *Anuario de historia del derecho español*. 1972. No. 42. P. 558.

⁹⁴ *Molénat J.-P.* Les francs de Tolède... P. 67–68, 70.

одним из кварталов города, наряду с прочими⁹⁵. С этим заключением плохо сочетается тот факт, что единственное известное на сегодня упоминание должностного лица, связанного с кварталом «франков», относится к 1270-м годам.

Следует предположить, что, несмотря на обладание некоторыми привилегиями с XII в., «франки» Толедо не обладали правом на свой суд, и алькальд квартала «франков» — должность, появившаяся не ради поддержания особого статуса «франков», а благодаря, наоборот, его исчезновению и полному включению жителей квартала в общегородскую систему управления. Это предположение находит свое подтверждение в истории текста фуэро 1136 г.

Как упоминалось выше, до нас дошел единственный экземпляр фуэро «франков», причем это не более поздняя копия, а, собственно, грамота XII в., картулярных копий которой также неизвестно. Это фуэро подтверждали только однажды — в 1162 или 1163 г. Тогда в Толедо находился король Леона Фернандо II как опекун малолетнего Альфонсо VIII. Тогда он и поставил свою подпись на грамоте в конце одного из столбцов свидетельских имен. Специального экземпляра грамоты по этому случаю не составляли, как это было принято при подаче фуэро новому королю для подтверждения. Для сравнения приведем пример фуэро мосарабов 1101 г., которое на протяжении XII–XIV вв. подтверждалось пять раз в качестве отдельной грамоты и копировалось в составе картулярия. Представители сообщества «франков» не проявляют никакой заинтересованности в сохранении и подтверждении собственного привилегированного статуса. В сочетании с отсутствием каких-либо следов деятельности должностных лиц, на назначение которых они имели право, этот факт заставляет усомниться в реальном существовании такой группы как организованного сообщества.

Однако какое-то время такое сообщество все же существовало в форме «франкского братства» — «*al-kunfratryha al-farangh*», известного только в таком написании по арабоязычным документам, подразумевающего слово *cofradía*. Это братство упоминается три раза на протяжении ста лет — с 1192 г. (первое упоминание) по 1282 г., — и дважды в этих

⁹⁵ Ibid. P. 63.

свидетельствах идет речь о благотворительной деятельности братства и о госпитале, находящемся на его содержании. В 1192 г. представители братства (*muqaddima*) обратились к капитулу собора с просьбой произвести обмен двух построек, принадлежащих братству, на дом из имущества капитула, примыкающий к госпиталю «братства франков». Капитул каноников согласился на обмен, пояснив (текст приводится в документе), что в госпитале очень тесно из-за множества больных и страждущих⁹⁶. Свидетелями сделки выступили члены капитула, поставившие личные подписи, в основном на латыни, несколько жителей Толедо, подписавшихся по-арабски, а также члены братства, чьи имена перечислены отдельно на арабском, личные подписи отсутствуют. Некоторые из перечисленных имен имеют частицу «де» — Жиральд де Широ, Рамнир де Балтиак (?).

Спустя сто лет, в 1282 г., госпиталь по-прежнему существует, как и братство. Донья Матеа, вдова скорняка, живущая в квартале «франков», в своем завещании среди прочих распоряжений отказывает братству 10 мискалей, передает для госпиталя постельные принадлежности для одного спального места, а также поручает душеприказчикам продать ее одеяла и другие постельные принадлежности и на вырученные деньги приобрести все необходимое еще для одной кровати⁹⁷. В завещании упоминаются родственники и соседи доньи Матеа, живущие в квартале «франков», — многие из них, как и ее покойный муж, скорняки, имена которых ничем не отличаются от имен жителей других частей города. В целом мы видим несколько иную среду, чем в предыдущем документе, где значительная часть участников сделки принадлежит либо к клиру, либо к благородному сословию, некоторые — выходцы из французских земель или их ближайшие потомки. Эти различия подтверждают сделанный Ж.-П. Молен вывод о социальной градации внутри «франков», а также об ассимиляции жителей квартала «франков».

Помимо упомянутых свидетельств, есть информация о том, что в том же районе («Королевский квартал», у церкви св. Марии Магдалины), где находился один из домов,

⁹⁶ González Palencia A. Los mozárabes de Toledo... Vol. III: doc. 801.

⁹⁷ González Palencia A. Los mozárabes de Toledo... Vol. III: doc. 1035.

использованных для обмена в 1192 г., «братство франков» владело еще одним домом (1220-е годы)⁹⁸.

Мы знаем, что в Толедо существовали и другие братства, почти все при церквях, и обозначались по имени святого-покровителя, которому была посвящена церковь. Не исключено, что эти братства следует соотносить с приходской организацией города, однако специально этот вопрос не рассматривался. Их основной целью было поминовение души покойных членов сообщества, а также помощь попавшим в трудное положение и бедным жителям. «Братство франков» по роду своей деятельности было очень похоже на подобные организации, однако основанием для возникновения этого братства послужил не только фактор соседства, но и волна иммиграции, в результате которой в Толедо возникло сообщество чужаков, в первом-втором поколении объединенное памятью о своем неместном происхождении, но не стремившееся сохранять такую память. Поэтому братство, сохраняя в названии память о своих истоках, через некоторое время стало походить на другие подобные сообщества и не соотносило себя с той группой, которой было адресовано толедское фуэро «франков». Как уже упоминалось, статус, который можно было получить, войдя в ту или иную страту жителей города, оказывался более высоким, надежно обеспеченным постоянно подтверждавшимися привилегиями, чем тот, что был предложен составителями фуэро «франков» 1136 г.

⁹⁸ Ibid. Vol. II: doc. 474.

ОБЩНОСТИ В МАЛОМ ГОРОДЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОЖАН В МОНАСТЫРСКИХ ГОРОДАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АНГЛИИ

В данной главе рассматриваются особенности формирования общностей в малых городах — определенном типе городов, весьма характерном для средневековой Европы в целом. Для рассмотрения этой проблемы взят частный случай монастырских городов¹, расположенных в Юго-Восточной Англии, достаточно обширном регионе², единство которого во многом определялось его близостью к Лондону и связями с ним. Кроме того, здесь наблюдалась достаточно высокая концентрация монастырских городов, что соответствует в целом высокой концентрации городов и монастырей в регионе. Близость Лондона способствовала распространению малых городов. Для того чтобы лучше понять особенности общностей в монастырских городах, необходимо рассматривать их на всем протяжении существования — от формирования (которое в основном пришлось на XII–XIII вв.) до Диссолюции 1536–1540 гг., которая вызвала кардинальные изменения в сеньориальной ситуации, упразднив само понятие монастырского города.

Монастырские города в большинстве своем относились к числу малых городов³, хотя можно отметить, что некоторые из них смогли перейти, по крайней мере с точки зрения численности населения, верхнюю грань в отдельные моменты своего существования. Особенностью малых городов был, помимо прочего, небольшой размер города и населения, что ограничивало их людские (а также финансовые) ресурсы.

¹ Т.е. городов, находящихся под властью монастыря.

² Включает 11 графств: Бакингемшир, Бедфордшир, Беркшир, Кент, Миддлсекс, Оксфордшир, Саррей, Сассекс, Хартфордшир, Хэмпшир, Эссекс.

³ Подробнее об этом типе городов см.: Анисимова А. А. Малый город в Средние века: определение и особенности развития // Средние века. 2019. В печати.

Другой важной особенностью монастырских городов был их сеньориальный характер, т.е. подчиненность сеньору. Однако характер и роль сеньориальной власти могли меняться в зависимости от того, насколько сеньор имел возможность и желание вмешиваться в разные аспекты городской жизни. В целом монастыри можно охарактеризовать как «внимательных» сеньоров, которые зачастую располагались в непосредственной близости от своего города и стремились контролировать по возможности все стороны его жизни. Таким образом, формирование и развитие каких-либо сообществ происходили в монастырских городах при активном взаимодействии с сеньором-монастырем, или, возможно, правильнее, скорее, будет сказать, при его активном сопротивлении, так как они видели в них угрозу своей власти или правам.

В то же время были и другие (внешние) факторы, которые влияли на формирование общины в том или ином городе. Членство в городских союзах, заинтересованность внешних сил (например, Короны) могли способствовать возникновению общностей разного рода у горожан, или они могли оказаться частью более крупного (выходящего за рамки одного города) сообщества. Более крупный город, с развитой городской общиной, расположенный неподалеку, мог послужить примером для жителей более маленьких городов⁴. В Юго-Восточной Англии важным фактором было расположение в зоне влияния Лондона и активное участие его жителей, обладающих значительно большими ресурсами, напрямую или опосредованно в формировании сообществ в рассматриваемых городах.

Одна из проблем изучения общностей малых городов связана с ограниченным количеством доступных источников. Учитывая, что сеньоры, как правило, сами не санкционировали существование общины, первые свидетельства в источниках будут относиться ко времени, когда она уже сформировалась и функционировала некоторое время, стала «заметна» для окружающих и источников. Процесс формирования общности происходит постепенно, и только отдельные его моменты оказываются зафиксированы в документах.

⁴ Не случайно горожане часто добивались прав или обычаев какого-нибудь конкретного города.

Рассмотрим, какие общности были характерны для монастырских городов. В целом можно выделить несколько типов организации горожан: объединение жителей города в единое целое (к этой категории можно отнести «городскую общину»), отдельные группы горожан, которые объединялись по какому-то конкретному принципу — профессиональному, религиозному и пр. Хотя такое разделение является до определенной степени условным и, скорее, относится к первоначальному намерению, которое имело место при формировании общности, поскольку, как правило, все они затрагивали различные аспекты жизни их членов.

ГОРОДСКАЯ ОБЩИНА

Наличие общины горожан, которая была во многом автономна и занималась управлением городом и поддержанием порядка на его территории, является классическим элементом представлений о средневековом городе у современных исследователей. Что касается современников, то если судить по их притязаниям, то у них также было некое представление об автономном управлении городом. Правда, приходится констатировать, что в реальности даже в Европе далеко не все города обладали развитой системой самоуправления. Особенно это касается малых городов, которые, как правило, не располагали достаточными возможностями для этого и, кроме того, могли столкнуться с сопротивлением своих сеньоров. Для таких городов весьма характерна неразвитость собственных муниципальных институтов и нечеткость тех структур, которые в них возникали; при этом сведения о них в целом весьма расплывчаты и кратки.

Благодаря королевским грамотам XII–XIII вв., которые фиксировали городские привилегии, к началу XIV столетия в Англии сложилось понятие «свободный бург»⁵, которое затем было развито и оформлено как «городская корпорация» (т.е. город со своей общиной). Первая инкорпорация состоялась в середине XIV в., хотя наиболее широко этот процесс шел в следующем, XV веке, к концу которого основные идеи

⁵ Weinbaum M. The Incorporation of Boroughs. Manchester, 1937. P. 16–17.

о том, что она собой представляет, более-менее устоялись и были достаточно широко известны, в том числе и жителям монастырских городов. Это подтверждают требования жителей отдельных монастырских городов.

В 1326 г. жители Сент-Олбанса (графство Хартфордшир) заявили, что они и их город были свободными как бург и как горожане (*liberi sicut burgus et burgenses*), о чем, по их утверждению, свидетельствовала грамота о привилегиях и «Книга Страшного Суда», хранящаяся в казначействе. Этот статус подкреплялся правом посылать двух горожан в парламент, тем фактом, что перед разъездными судьями город представляли 12 присяжных из горожан⁶, правом рассмотрения ассиз и наличием своего собственного чиновника (бейлифа города)⁷. Король послал запрос к казначею о том, были ли Сент-Олбанс «свободным бургом» (*liber burgus*), а его жители — «свободными горожанами» (*liberi burgenses*), что предполагалось установить по «Книге Страшного Суда»⁸. Выписка из «Книги» показала в Сент-Олбансе наличие *villa* и *sex burgenses*⁹. Исходя из этого, следовало разрешить вопрос о привилегиях, которыми горожане, как они сами утверждали, пользовались с незапамятных времен. Во время дальнейших обсуждений, теперь уже с помощью выбранных арбитров, была представлена грамота Генриха II, которая подтверждала пожалование монастырю города (*villa*) Сент-Олбанс с рынком и всеми привилегиями, какие должны быть у «бурга».

⁶ Одним из признаков «бургового статуса» считалось право выставить 12 присяжных перед комиссией разъездных судей, в то время как другие поселения обычно представляли четыре человека. Это позволяло исключить «чужих» из расследований, касающихся города. Рассуждения на данную тему см.: Ballard A. Introduction // *British Borough Charters 1042–1216* / Ed. A. Ballard. Cambridge, 1913. P. lvi, xcii. Кроме того, М. Вересфорд и Х. Финберг, составляя список английских бургов, также рассматривали это как критерий. См.: Beresford M.W., Finberg H. P. R. *English Medieval Boroughs: A Handlist*. Newton Abbot, 1973.

⁷ *Gesta Abbatum Monasterii Sancti Albani*, a Thoma Walsingham, regnante Ricardo Secundo, ejusdem ecclesie præcentore, compilata / Ed. by H.T. Riley. London, 1867–1869. Vol. 2. P. 157–158.

⁸ Ibid. P. 162–163.

⁹ Ibid. P. 163.

Горожане, услышав слово «бург», хотели подтвердить свой статус, закрепленный подписью и печатью монастыря. Однако толкование слова «бург» (так как оно было к большому ущербу монастыря) было отложено до другого дня, когда решили собраться в Вестминстере, чтобы посоветоваться с королевским советом и мудрыми королевства. Интересы аббата на встрече представляли три монаха и профессор права (*Juris Civilis professor*). После долгих споров было выработано соглашение, по которому 24 выбранных горожанина должны обозначить границы города Сент-Олбанс, а аббат их подтвердить. По соглашению 1327 г. следовало, что 24 горожанина определили границы именно города (*Burgh*), все держания в рамках этих границ — городские держания (*burgages*), все живущие на его территории — горожане (*burgeys*), с соответствующими правами¹⁰. Необходимость определять границы по идее свидетельствует о каких-то правах, связанных с этим статусом, отличии от окружающей территории, остальной территории манора и т.п., поэтому, хотя бурговый статус и не был закреплен, все равно город получил определенное признание его особого положения. Правда, в 1331 г. будет проведено расследование, в ходе которого 60 горожан, вместе с коронером иммунитета Сент-Обланса, будут обвинены в создании *conspiratione et confederatione* против монастыря, признаны виновными, арестованы и оштрафованы¹¹.

Отстаивая свое право на городскую корпорацию («город Рединг является старинным бургом¹² и является корпорацией под именем Стража и горожан купеческой гильдии Рединга с незапамятных времен»), в жалобе против аббатства начала XVI в. жители Рединга (графство Беркшир) в качестве доказательства приводили следующие доводы: 1) наличие корпоративной собственности; 2) представление двух человек в парламент; 3) наличие общинной печати в гилдхолле, которой

¹⁰ Ibid. P. 166–170.

Ibid. P. 229–236.

¹² Собственно, в «Книге Страшного Суда» он был обозначен как бург. В отчете королевской администрации за 1316 г. говорится, что «нет городов-цивитас в ... [Беркшире], а только три бурга, а именно, Уоллингфорд, Нью Виндзор и Рединг» (цит. по: Rixon P. The Town of Reading, c. 1200 — c. 1542. PhD Thesis. Oxford, 1998. P. 56). Сами горожане неоднократно утверждали, что Рединг является бургом.

свободно пользовались; 4) освобождение (по пожалованию короля) от пошлин по всей Англии и от присутствия на сотенных и графских судах и др. Как они утверждали, страж и горожане Рединга обладали всем этим по праву своей гильдии за уплату 1 пенни королю, причем задолго до основания и строительства монастыря¹³. В ответ аббат одноименного монастыря возразил, что: 1) нет никаких записей, свидетельствующих в пользу существования корпорации, а указанный платеж выплачивался горожанами аббату; 2) представление двух горожан в парламент не является достаточным доказательством существования корпорации; 3) наличие общинной печати также не является доказательством этого; 4) сотенный суд был пожалован аббату задолго до пожалования освобождения от него горожанам¹⁴. Таким образом, аббат оспаривает часть заявлений на основании того, что нет подтверждения ряда привилегий, но фактически подтверждает наличие у горожан некоторых других, при этом они не являются для него доказательством основного вопроса о статусе корпорации.

Примечательно, что, согласно декрету, сохранившему в городском архиве Рединга, в 1507 г. из-за долгих споров и разногласий (*certaine variauncez and grevouns offlong tyme*) между горожанами и аббатом, среди которых было и признание корпорации (*for approving of the Corporacion of the seid Gilde Merchaunte*), при общем согласии горожан мэром с двумя горожанами (некогда бывшими мэрами) обратились с жалобой к епископу Винчестера и лорду-хранителю малой печати Фоксу и камергеру короля лорду Добини, которые *by the sight of th'evydences on both parties* посоветовали обратиться к сэру Роберту Риду, главному судье суда общих тяжб, и Джону Кингсмилли, судье той же инстанции, которые, увидев упомянутые свидетельства, подтвердили наличие корпорации (*havinge sight of the seid evydences firste gave sentence and affermyd the seid Maire and Burgessez of the seid Gilde Merchaunte to be Corporat*)¹⁵. В результате этого вмешательства было составлено

¹³ Slade C.F. Reading Records (4). Documents Concerning Relations between Town and Abbey c. 1500 AD // Berkshire Archaeological Journal. 1963–1964. Vol. 61. P. 52–53.

¹⁴ Ibid. P. 53–55.

¹⁵ Reading Records. Diary of the Corporation / Ed. J. M. Guilding. London, 1892. Vol. 1. P. 105.

соглашение между аббатом и горожанами, которое, правда, не затрагивало вопрос о наличии корпорации в Рединге и было посвящено остальным спорным вопросам. Примечательно, однако, что в нем появляется наименование «*Comynnalte*» или «*Comynnalte at large*»; второе, по видимости, применялось ко всем жителям города, не только к членам гильдии¹⁶.

Во многом такие формулировки были связаны с тем, что со второй половины XIV столетия в Англии шел процесс инкорпорации городов — признания городской общины (или города как единого целого) юридическим лицом, которое обладало правом непрерывного правопреемства, правом использования «общинной печати» для выражения воли общины, правом подавать иск и привлекаться в качестве ответчика, правом издавать местные законы и, наконец, правом совместно владеть собственностью¹⁷.

Известно, что существовала разница между понятиями «горожане» (*burgenses*, *burgeses*) и «жители города» (*inhabitauntes*), которые не были равнозначными и не совпадали по численности. Категория горожан не включала в себя всех жителей города. Наиболее ярко это проявилось в характерном для английских городов устройстве городской общины — так называемой «купеческой гильдии» (*Gild Merchant*, *Gilda mercatoria*)¹⁸. Среди рассматриваемых городов только в Рединге было зафиксировано наличие такого института: в 1253 г. была получена грамота¹⁹. В то же время формирование во многом схожих структур происходило и в других городах, например в Фавершеме и Фордвиче (оба — графство Кент), только без соответствующего именования их гильдиями²⁰, в источ-

¹⁶ Ibid. P. 106–107.

Weinbaum M. The Incorporation... P. 18.

¹⁸ Gross C. The Gild Merchant: A Contribution to British Municipal History. Oxford, 1890. 2 vols.; Левицкий Я. А. К вопросу о характере так называемой *gilda mercatoria* в Англии XI–XIII вв. // Левицкий Я. А. Город и феодализм в Англии / Отв. ред. Е. В. Гутнова. М., 1987. С. 148–176.

¹⁹ Gross C. The Gild Merchant... Vol. 2. P. 202. Документы гильдии: Reading Gild Accounts / Ed. by C. Slade. Reading, 2002. 2 pts.

²⁰ Для городов — членов Конфедерации Пяти Портов не было характерно иметь торговые гильдии, так как их жители обладали значительными привилегиями в силу иммунитета конфедерации.

никах фигурируют «горожане» (*burgenses*) того или иного города; именно они получают привилегии от короля и отстаивают свои права перед сеньором. Такое общее наименование затрудняет возможность четкого разделения горожан и жителей города, если оно вообще существовало в то время.

Если обратиться к городским обычаям, записанным в Фавершеме и Фордвиче начиная с середины XIV в., то получается, что «свободным» — полноправным — горожанином здесь мог стать почти любой. Однако несомненно, что для этого необходимо было обладать каким-то имуществом, скорее всего, недвижимостью. Потому что полноправный горожанин прежде всего должен был участвовать в платежах в городе, а в данном случае еще и связанных с корабельной службой королю. Необходимо также было заплатить вступительный платеж, но городская община все же остается довольно открытой. Нет никаких сведений о том, что во время совершения записи обычаев существовали какие-нибудь ограничения по количеству горожан в общине.

В то же время если обратиться к другим свидетельствам, а именно ко «Второй городской книге Фавершема», то картина окажется несколько иной. В ней более четко присутствует разделение на «фрименов» (горожан) и жителей города, что, конечно, могло быть связано с более поздним происхождением данного источника (XVI в., хотя ряд записей относится к более раннему времени — с середины XV в.). Ежегодные записи обычно фиксируют только имена мэра, 12 присяжных и 24 членов совета (*commoners, cominarii*), но под 1521/22 годом приводится список из 51 имени и др., с пометкой на полях «фримены», из которых выбираются 24 члена совета²¹. Правда, семь человек, ставших фрименами в 1525/26 г., были помечены как «из Фавершема»²². Кроме того, в книге записано, что 18 мая 1528 г. на общем собрании (*generall wardemote and assemble*), где присутствовали мэр, стюард, присяжные и члены городского совета, было установлено, что все, кто жил и будет жить на территории

²¹ Second Town Book of Faversham // The Early Town Books of Faversham, c. 1251–1581 / Ed. by D. Harrington, P. Hyde. Chippenham, 2008. Pt. 1. P. 109.

²² Ibid. P. 118–119.

иммунитета, не имея письма с печатью мэра, подтверждающего, что данный человек — фримен этого иммунитета, должны платить за каждую совершённую сделку по решению мэра и присяжных, а также ежегодно делать взнос на нужды общины и обычные платежи. В противном случае, они не могут вести там дела и проживать²³. А должностные лица Фавершема — мэр и присяжные — при вступлении в должность обещали «поступать правильно и справедливо по отношению ко всем, своим и чужим»²⁴. Когда именно произошло такое четкое разделение и существовало ли оно с самого начала, сложно сказать.

В случае купеческой гильдии Рединга это противопоставление представляется более четким, хотя и в данном случае, если не считать признания существования гильдии (грамота 1253 г.), свидетельства относятся также к более позднему времени, XV–XVI вв. Здесь в 1542 г. было закреплено, что число членов гильдии не должно превышать 50 человек²⁵, и известны времена, когда в ней было всего 20 человек²⁶. Тем не менее в 1432 г. на выборах 24 горожан для обсуждения важных вопросов с аббатом присутствовали 60 человек (их поименный список приведен в «Дневнике корпорации»²⁷), причем в него не включены те, кто был избран; есть также списки горожан в 76 человек (за 1456 г.)²⁸ и 64 человека (в 1497 г.)²⁹. О соотношении между «горожанами» и «жителями» Рединга можно до некоторой степени судить по тому, что список тех, кто должен снаряжать милицию для короля от города Рединга, в 1513 г. содержит 90 имен, в то время как список горожан составляет 46 человек

²³ Ibid. P. 82–83.

²⁴ Первая городская книга Фавершема / Пер. и коммент. А.А. Анисимовой // «Ради блага города»: Городские правовые сборники. Приложение к журналу «Средние века». Вып. 8 / Сост. А. А. Анисимова, Г.А. Попова. М., 2014. С. 122 (клятва присяжного), 126 (клятва мэра), 143–144.

²⁵ Reading Records. Vol. 1. P. 177.

Hinton M. A History of the Town of Reading. London, 1954. P. 53.

Reading Records. Vol. 1. P. 2.

Ibid. P. 45–46.

²⁹ Ibid. P. 93–95.

в 1510 г. и 45 — в 1514 г.³⁰ В пользу такого соотношения свидетельствует и выбор должностных лиц — констеблей и стражей — пополам между гильдией и остальными жителями города (соглашение 1507 г.). Кроме того, необходимо отметить, что процедуру принятия в члены гильдии в Рединге проходили все независимо от происхождения. Гильдия, судя по всему, охватывала меньше половины жителей города, но в то же время могла включать людей, которые жили за пределами Рединга.

Проживавшие в городе, но не являвшиеся полноценными гражданами не имели доступа на собрание общины. Они должны были нести службу королю и платили все местные подати и городской сбор, но в большем размере, чем «свободные»³¹. К сожалению, у нас нет данных о населении города и о том, какой процент там был «чужих», чтобы судить, как много жителей было исключено из полноправного статуса. П. Риксон считает, что на протяжении XV в. эта диспропорция увеличивалась и «горожане» составляли все меньшую долю городского населения Рединга. Одну из причин данного явления он видит в нежелании жителей города брать на себя обузу по замещению городских должностей, на которые могли быть избраны полноправные члены гильдии³².

В то же время поздние ограничения на количество «фрименов» означали тех жителей города, которые в конечном итоге имели доступ к управлению городом. Если обратиться к инкорпорациям XVI в., которые прошли (уже бывшие) монастырские города после роспуска их монастырей-сеньоров (Рединг в 1542 г., Фавершем в 1546 г., Сент-Олбанс в 1553 г., Абингдон в 1556 г. и др.), то можно увидеть, что везде накладывались ограничения на число «горожан». Таким образом, это была общая тенденция.

Оформление общин происходило постепенно, и, возможно, на раннем этапе они не были четко определены, тем более что границы не были определены в случае непризнанной

³⁰ Ibid. P. 119–120 (список 1510 г.), 126–128 (список 1513 г.), 130 (список 1514 г.).

³¹ *Custumale Villae de Fordewico // Woodruff Ch. A History of the Town and Port of Fordwich. Canterbury, 1895. P. 245; Reading Records. Vol. 1. P. 108.*

³² *Rixson P. The Town of Reading. P. 102.*

общины и документы для нее отсутствуют. Еще сложнее установить начальный момент формирования городской общины. В тех немногих случаях, когда известен механизм, по которому можно было стать полноправным «горожанином», речь идет об уже сформировавшейся структуре.

Большое значение для формирования общины города играла организация управления и судопроизводства (поддержания порядка) в городе. Необходимость выбирать собственных должностных лиц, а также отстаивать общие интересы горожан спланивала их. Следующей ступенью было поддержание собственных порядков и обладание собственностью, доходами и казной, которая бы позволила обеспечивать коллективные нужды общины. Правда, право на собственные финансовые операции (казну, самообложение и траты) редко даровалось городским общинам их сеньорами. Впрочем, это не мешало горожанам самим неформально, по сути незаконно, собирать средства на свои нужды.

Если рассматривать данную логику развития общины, то получается, что она заключается в перенимании на себя (т.е. представителей общины) функций, которые изначально выполняли манориальные должностные лица сеньора. Город возникает в рамках манориальной системы и является ее частью, при этом со временем может произойти выделение из манора или будут созданы структуры, которые станут существовать параллельно с манориальными, и во многом между ними (хотя и тут часто нет четкого разделения) будут поделены функции управления и контроля. Отличие городских структур от манориальных будет заключаться прежде всего в том, что их должностные лица будут выборными и ограничены кругом горожан. Однако не стоит забывать, что в реалиях сеньориальных городов постоянный контакт и до некоторой степени контроль со стороны сеньора будут сохраняться, какой бы развитой ни оказалась городская община. В то же время даже в манориальной структуре, при отсутствии выборности должностных лиц со стороны жителей города, все равно последние могли играть важную роль в местных делах (см. пример Батла, графство Сассекс³³).

³³ Searle E. Lordship and Community: Battle Abbey and its Banlieu, 1066–1538. Toronto, 1974.

Небольшой размер городской общины означал, что все ее члены были довольно активно задействованы в повседневной деятельности данной общины. Основные функции по управлению городом были сосредоточены в руках мэра, коллегии присяжных и городского совета.

Так, в Рединге члены гильдии (они же граждане) должны были выбирать 42 должностных лиц: мэра, 2 констеблей, 10 стражей, 2 (непродолжительный период 3 или даже 4) казначеев, 1 общинного клерка, 12 присяжных, 10 оценщиков, 4 сборщиков³⁴ и др. Кроме того, в начале XVI столетия в городе существовал городской совет из 24 человек (1511 г.)³⁵. При этом увеличении должностных лиц в городе уменьшалось число самих горожан. П. Риксон произвел подсчеты, согласно которым из 324 человек, которые были приняты в гильдию за период с 1420 по 1539 г., в дальнейшем 125 человек занимали должность стража, 90 — казначея, 70 — констебля и 40 — мэра. Средний срок, который отделял принятие в гильдию от занимания должности, равнялся 4,6 года в случае стража, 6,2 — казначея, 8,5 — констебля и 12,8 — мэра. Со временем наблюдалась тенденция к сокращению этих сроков³⁶. Один и тот же человек мог последовательно замещать разные должности, причем неоднократно. Известны случаи, когда отдельные лица избирались 10 или даже 11 раз. О нежелании жителей Рединга занимать городские должности свидетельствует их невступление в гильдию, а также получаемые гражданами письма об освобождении от замещения должностей на определенный срок.

Допуск неграждан к управлению в городе тоже был возможен. Так, по соглашению 1507 г. в Рединге один из двух констеблей города и 5 из 10 стражей города (т.е. половина) должны были выбираться из жителей, не являющихся членами гильдии (т.е. негорожанами; «*to chose an other able persone of the same Comynnalte at large, beyng no Burges of the seide Gylde*»)³⁷. Правда, выбор все равно осуществляли мэр и городская община.

³⁴ Оценщики и сборщики выбирались в тех случаях, когда нужно было собирать очередной налог или какой-либо другой платеж с населения города.

³⁵ Reading Records. Vol. 1. P. 120–121; Rixon P. The Town of Reading. P. 105.
Rixon P. The Town of Reading. P. 99–100.

³⁷ Reading Records. Vol. 1. P. 106.

Примечательно, что, хотя в случае Рединга, Фавершема и даже Фордвича горожане получили королевские грамоты, подтверждающие их привилегии и закрепляющие их особь, «городской» статус, их сеньоры продолжали оспаривать законность притязаний горожан на него. В этом споре, который находил свое выражение в многочисленных судебных разбирательствах, а порой и насильственных действиях сторон по отношению друг к другу, у обеих сторон уже в XIII в. было представление о том, что такое «свободный бург», и за этим понятием четко прослеживается наличие активной городской общины, которая обладала рядом прав и привилегий и выступала в этом противостоянии как единое целое. Правда, не всегда спор о «бурге» был актуален: например, в Данстебле (графство Бедфордшир) монастырь не оспаривал бурговую принадлежность своего города, хотя и не был готов наделить его жителей теми привилегиями, которых они добивались. Это могло быть связано с тем, что город Данстебл был основан королем, а уже потом «бург Д.» был пожалован монастырю.

В то же время любопытно, что в тех случаях, когда монастырь желал получить прибыль, связанную с обладанием именно городским поселением, он основывал на своих землях новый город или повышал статус уже существующего поселения, именуя его «бургом», а его жителей — «горожанами», и даже ставил во главе них «мэра», как это, например, случилось в Уитчёрче (графство Хэмпшир), где в 1247–1249 гг. приор и монастырь Св. Свитуна в Винчестере пожаловали своему городу (*villa*) в пределах определенной территории (*sicut perambulate est*) статус свободного города (*liber burgus*). Кроме того, его жители (*burgenses*) должны были быть свободными и обладать городскими держаниями (*burgagia*) со всеми привилегиями и свободами обычаями. Далее в грамоте определяется порядок выбора должностных лиц, их полномочия и порядок отправления правосудия в городе — наличие собственного городского суда (*burgemotum*)³⁸. На самом деле речь шла о создании «городских держаний», но никак

³⁸ Deveson A. M. Small Medieval Towns, with Special Reference to Whitchurch, Hampshire, ca. 1250–1400. PhD Thesis: University of Southampton, 1995. Appendix 5. P. 207–208; Chartulary of Winchester Cathedral / Ed. by A.W. Goodman. Winchester, 1927. P. 203–204.

не городской общины, а во главе стоял бейлиф, даже если он и выбирался и именовался впоследствии «мэром». Впрочем, такой подход соответствует «минимальным» требованиям к городу, о которых писал Р. Бритнелл³⁹.

В то же время создание нового города по сути означало выделение его из окружающего манора, хотя подвластность жителей манориальному обычаю в отдельных сферах не прекратилась, да и система налогообложения часто не видела различия между городом и манором⁴⁰. Любопытно, что наименование *burgenses* не встречается в источниках после грамоты о создании бурга в Уитчёрче вплоть до середины XIV в., когда оно появляется для обозначения коллективных действий горожан (выплата штрафа, требование предъявить грамоту и др.). Тогда же появляется и термин *communitas burgi*. К этому же столетию относится и возникновение института присяжных, трансформация наименования «бейлифа» в «мэра» (первое упоминание — 1391 г.)⁴¹. Все это вполне может свидетельствовать о зарождении городской общины, однако отсутствуют четкие свидетельства на этот счет, а попытки Уитчёрча получить инкорпорацию относятся только к началу XVII в., когда в 1608 г. они получили соответствующую грамоту, которая уже на следующий год была отозвана по требованию их сеньора — декана и капитула Винчестера⁴².

Схожим образом аббатство Эйншем (графство Оксфордшир) основало новый город — Ньюленд — рядом с другим своим городом, собственно Эйншемом. Грамота 1215 г. содержит описание условий (городского) держания в этом поселении, а также устанавливает наличие отдельного суда, хотя и не дает на этот счет никаких подробностей⁴³. Наиме-

³⁹ Britnell R. Burghal Characteristics of Market Towns in Medieval England // Durham University Journal. N.S. 1981. Vol. 42. P. 147.

⁴⁰ Deveson A. M. Medieval Whitchurch: Failed New Town or Successful Village? // Proceedings of Hampshire Field Club Archaeological Society. 2000. Vol. 55. P. 169, 179. Имеются в виду разные ставки налогообложения для города и сельской местности при сборе субсидий.

⁴¹ Deveson A. M. Medieval Whitchurch. P. 175–177.

⁴² Memorandum on the Status of Whitchurch Borough, 1608–1609 // Deveson A. M. Small Medieval Towns. App. 6. P. 209.

⁴³ Eynsham Cartulary / Ed. H. E. Salter. Oxford, 1907. Vol. 1. P. 60–61.

нование «бург» здесь не упоминается, но оно, видимо, подразумевается и возникнет в более поздних документах (пожалование 1294 г.)⁴⁴, хотя в переписи 1366 г. снова именуется «новой землей»⁴⁵. Любопытно, что, хотя Ньюленд Эйншем просуществовал как отдельная административная единица⁴⁶ до Нового времени и его жители должны были сами выбирать себе старосту (*prepositum*), нет никаких сведений о том, что они осознавали себя как единую общность и выступали где-нибудь соответствующим образом. Впрочем, это также верно и для Эйншема.

Аналогичные тенденции можно увидеть и в более раннем основании аббатством Батл в начале XII в. города у своих ворот⁴⁷, которое настаивало на том, что его жители — *burgenses*, а также в появлении городов, при активном участии их монастырских сеньоров, у ворот монастырей — Чертси (графство Саррей), Сент-Озит (графство Эссекс), в ходе лесных расчисток — Брентвуд, Эппинг (оба — графство Эссекс), на важных коммуникациях — Ньюленд Уитэм, Биллериkey (оба графство Эссекс), Стейнс (графство Миддлсекс), а также в манорах — Стивенейдж, Уотфорд (оба — графство Хартфордшир), Уинслоу (графство Бакингемшир), Харлоу (графство Эссекс)⁴⁸.

Таким образом получается, что основанные монастырем-сеньором города оказываются менее жизнеспособны,

⁴⁴ Ibid. Oxford, 1908. Vol. 2. P. 176–177.

Ibid. P. 50–56.

⁴⁶ В Британской библиотеке среди свитков Харли сохранились отдельные записи заседаний суда Ньюленд Эйншема и Эйншема XIV–XV вв. Их список опубликован в: Ibid. P. x–xviii.

⁴⁷ Процесс описан в монастырской хронике: *The Chronicle of Battle Abbey* / Ed. by E. Searle. Oxford, 1980. P. 50–53.

⁴⁸ Правда, французский монастырь основал города Рай и Уинчелси в Сассексе, которые имели в дальнейшем успешную городскую жизнь, однако тут дело осложнялось их членством в Пяти Портах и тем фактом, что в середине XIII в. король забрал их из-под власти монастыря. Монастырская хроника Сент-Олбанса также рассказывает историю о последовательном основании этого города монастырем (см.: *Gesta Abbatum...* Vol. 1. P. 22, 39), но вопрос остается открытым, насколько она правдива, особенно в свете последующей истории взаимоотношений города и монастыря и условий, в которых писались хроники.

выказывают меньше склонности к формированию общности и активных горожан, что не в последнюю очередь может быть связано с экономической конъюнктурой данных городов — отсутствием у них достаточного экономического потенциала для складывания жизнестойкой общины, независимого существования от сеньора и т.п. Впрочем, изменение этой конъюнктуры могло привести и к соответствующему изменению в городе, как это случилось в конечном итоге с Уитчёрчем. В то же время рассматривать данные основания как неудачу тоже не представляется возможным. Это были попытки их сеньоров воспользоваться благоприятной экономической ситуацией путем создания городских держаний; когда же обстоятельства изменились, они вернулись к своим прежним порядкам⁴⁹. В XIV–XV вв. сеньоры-монастыри постепенно лишают держания в этих городах их особого («городского») статуса⁵⁰. Монастырь мог оказаться единственным стимулом развития города. Это касается и некоторых городов, которые выросли около монастырей, но нет сведений, что те приложили для этого какие-то специальные усилия: Баркинг, Уолтэм Эбби (оба — графство Эссекс), Ройстон (графство Хартфордшир), Уэст Моллинг (графство Кент).

«НЕФОРМАЛИЗОВАННАЯ» ОБЩИНА ГОРОЖАН

«Неформализованные» общины по своим функциям (и основным организационным моментам) значительно не отличались от «признанных» общин. Только деятельность первых считалась незаконной; впрочем, сеньор оспаривал деятельность любой организации горожан, но формальное признание помогало функционированию и давало возможность отстаивать свою позицию. В то же время выступление горожан как единой группы против своего сеньора в суде можно в некотором отношении рассматривать как своеобразное

⁴⁹ См. об этом: *Goddard R.M. Small boroughs and the manorial economy: enterprise zones or urban failures? // Past and Present. 2011. Vol. 210 (1). P. 3–31.*

⁵⁰ *Dodd A., Hardy A., Keevill G.D. Ælfric's Abbey. Excavations at Eynsham Abbey, Oxfordshire, 1989–92. Oxford, 2003. P. 517; Searle E. Lordship and Community. P. 358–361.*

признание существования общины или некой организации у горожан. О том же свидетельствует и диалог между горожанами и сеньором напрямую, например в виде переговоров. Отсюда необходимость официального признания оказывается менее значительной и необходимой для существования общины.

В дальнейшей перспективе (после Диссолюции), из-за того что деятельность таких общин во многом основывалась на привилегиях их сеньоров-монастырей, им пришлось срочно проходить процесс инкорпорации, для того чтобы получить признание властей, узаконить свою деятельность и сохранить имущество общины⁵¹. Последнее особенно любопытно, так как, по сути, многие из «непризнанных» общин обладали практически всеми признаками формальных корпораций.

Все это достаточно ярко можно увидеть на примере многих монастырских городов — Сент-Олбанса, Абингдона (графство Беркшир), Фавершема, Фордвича, Данстебла, Тэтчема (графство Беркшир) и др., жители которых совместно выступают против своих сеньоров, судятся с ними в разных судебных инстанциях, активно участвуют в управлении своими городами и действительно обладают городской общиной, которая находит определенное, пусть и неохотное, признание со стороны властей. Неудивительно, что ряд этих городов пережили процесс инкорпорации вскоре после роспуска монастырей, хотя надо отметить, что не во всех случаях наличие активно действующей городской общины в Средние века привело к формальному ее признанию и созданию городской корпорации в XVI–XVII вв.

В случае отсутствия непосредственных конфликтов между горожанами и сеньором-монастырем также могло произойти формирование общины. Так, в Ромси, который в целом не знал в Средние века волнений и выступлений против своего монастырского сеньора, четыре горожанина написали королю письмо от имени всех жителей города касательно взимания налогов. Они явно отвечали за сбор

⁵¹ Анисимова А.А. Инкорпорация Фавершема: к истории создания городской общины // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 464–469; Она же. Инкорпорация монастырских городов после Диссолюции (в печати).

королевской субсидии в Ромси и, согласно данным налоговых описей, являлись наиболее зажиточными жителями города, так как платили наибольшие суммы⁵². При этом все остальные коллективные действия горожан касаются их приходской церкви (одновременно являющейся приделом монастырской). Свою инкорпорацию Ромси сначала получил в качестве «приходских старост и жителей города и прихода», когда они в 1544 г. выкупили у Короны здание церкви, и только в 1607 г. последовало создание общины «мэра, элдерменов и горожан»⁵³.

Даже в тех случаях, когда горожане не смогли (а может быть, и не пытались) взять в свои руки управление в городе, они формировали свои собственные организационные структуры для решения отдельных повседневных проблем. Вопрос о том, в какой степени такие альтернативные формы организации были обусловлены именно противодействием сеньора, остается открытым, так как не всегда мы располагаем данными в этом отношении.

ПРИХОДСКАЯ ОБЩИНА

Помимо манориальной системы, еще одной организующей константой, которая практически изначально присутствовала в городах, была церковная организация в виде прихода, в основном уже сложившаяся в Англии к концу XII в.⁵⁴ Формирование приходской системы, таким образом, приходится на время активного появления и роста городов. Считается, что с 1291 г. (церковная оценка папы Николая IV) по 1535 г. количество приходов в Англии осталось примерно тем же. Однако это не значит, что изменений совсем не было,

⁵² *Liveing H. G. D. Records of Romsey Abbey. Winchester, 1906. P. 177–178.*

⁵³ *British Borough Charters, 1307–1660 / Ed. M. Weinbaum. Cambridge, 1943. P. 48; Burbridge B., Merrick P. Romsey in Charter year 1607, and the Years that Followed. Romsey, 2007.*

⁵⁴ *Palliser D.M. The English Parish in Perspective // Palliser D.M. Towns and Local Communities in Medieval and Early Modern England. Aldershot, 2006. Ch. III. P. 5–6; Pounds N.J.G. A History of the English Parish. The Culture of Religion from Augustine to Victoria. Cambridge, 2004. P. 3.*

но любым изменениям сопротивлялись те, кто получал доходы с приходов, а потому нередко в растущих городах и деревнях местная часовня выступала фактически в роли приходской церкви.

Положение города и его жителей в приходе определялось обстоятельствами появления города. Выделение города из его округа могло произойти и на этом уровне тоже. Правда, в случае основания нового города для него, как правило, не создавался отдельный приход (в отличие, например, от выделения его в отдельную курию) и он становился частью уже существующего прихода, на территории которого располагался. Со временем, по мере роста города или благодаря амбициям его жителей, там могла появиться своя часовня, которая в дальнейшем могла получить (или не получить) статус приходской церкви.

Выделение города в отдельный приход или появление еще одного прихода в городе, как правило, было связано со значительным увеличением населения (например, появление прихода св. Жилия в Рединге). Другим важным мотивом было, возможно, желание противопоставить новую церковь уже существующей. Это особенно понятно, когда местная церковь не принадлежала монастырю — сеньору города, как было в Когтешелле (графство Эссекс), Лейтоне Буззарде (графство Бедфордшир). В то же время в Абингдоне часовня св. Николая, возможно, должна была стать альтернативным центром притяжения приходской церкви св. Елены, поскольку, хотя патронат и принадлежал монастырю, у них были весьма напряженные отношения, и данная церковь являлась центром активной деятельности жителей города. Появление нового прихода в данном случае породило ряд вопросов, связанных с разграничением территорий приходов и определением, кто к какому приходу принадлежит (что не всегда определялось местом жительства), и конечно, в итоге оказалось неоправданным, по крайней мере с финансовой точки зрения⁵⁵.

Несколько иная динамика наблюдается в городах, расположенных на монастырских землях, но без присутствия

⁵⁵ Preston A.E. *The Church and Parish of St Nicholas, Abingdon*. Oxford, 1935.

самых монастырей-сеньоров. Целый ряд городов первоначально не имел своей приходской церкви и располагался на территории уже существующего прихода, центр которого находился в соседнем маноре (Чиппинг Барнет, Мэннингтри, Брентвуд) или оказывался разделен между несколькими приходами (Биллерикей, Эппинг, Ройстон). Со временем в них появлялась своя часовня, которая зависела от соответствующей приходской церкви.

Учитывая размер большинства монастырских городов, для них типично иметь всего один приход, который покрывал территорию всего города. Это обстоятельство также могло стать объединяющим моментом для горожан. Исключение составляют только некоторые города: Реддинг, Сент-Олбанс, Сэндвич, Абингдон и Коггешелл.

Согласно Винчестерским статутам 1224 г., забота о здании церкви делилась между ректором и прихожанами; эта идея была закреплена статутами конца XIII — начала XIV в.⁵⁶ К XIV в. прихожане были обязаны поддерживать неф согласно епископским статутам⁵⁷. Возникновение такой обязанности часто рассматривается исследователями как важное явление в жизни прихожан, которое способствовало усилению их вовлеченности в религиозную жизнь. Данная коллективная ответственность стала фокусом их «корпоративного осознания» и помогла организовать мирскую религиозность⁵⁸. Кроме того, необходимость содержать здание, а значит, и собирать для этого средства привела к появлению в середине XIII в. (первые упоминания) института церковных старост⁵⁹.

Жители приходов выступали как единое целое, часто во главе со своим священником, когда решали вопросы

⁵⁶ Cragoe C.D. The Custom of the English Church: Parish Church Maintenance in England before 1300 // *Journal of Medieval History*. 2010. Vol. 36. P. 21; Pounds N.J.G. A History of the English Parish. P. 38.

⁵⁷ French K.L. Rebuilding St. Margaret's: Parish Involvement and Community Action in Late Medieval Westminster // *Journal of Social History*. 2011. Vol. 45. No. 1. P. 149.

⁵⁸ Duffy E. Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, c. 1400 — c. 1580. New Haven, 2005.

⁵⁹ Pounds N.J.G. A History of the English Parish. P. 39.

по поводу церковного здания (Ромси⁶⁰, Данстебл⁶¹), права иметь свое кладбище (Абингдон, 1390-е годы⁶²), появления новых часовен (Лейтон Буззард, Тэтчем⁶³), отстаивания права на свою часовню/церковь и расширение ее полномочий (Барнет, Биллериkey, Брентвуд). В целом, они ограничивались вопросами, связанными с жизнью прихода. Единственное исключение, когда приходская община становилась центром политической жизни, является церковь св. Елены в Абингдоне, которая стала центром сопротивления монастырю-сеньору: в ней собирались горожане для обсуждения насущных вопросов, ее колокол созывал горожан на восстание в 1327 г.⁶⁴

Между тем некоторая косность приходской системы и подчас ее несоответствие социальным и демографическим реалиям (например, невозможность создания отдельного прихода для горожан) способствовали тому, что не приходская церковь становится объектом приложения сил и объединяющим моментом для прихожан; отдельные группы среди этих самых прихожан формировали свои сообщества — гильдии, которым они завещают имущество, жертвуют средства или свои рабочие навыки, нанимают своего священника и т.п. Добровольный характер таких объединений, их большая гибкость и способность реагировать на изменение ситуации и т.п. оказываются явно более привлекательными⁶⁵.

⁶⁰ Wykeham's Register / Ed. by T.F. Kirby. London, 1899. Vol. 2. P. 185–186, 548–549; *Liveing H.G.D. Records of Romsey Abbey*. P. 180–181.

⁶¹ Fowler F.A. Dunstable Priory Church. Dunstable, 1977. P. 9; *Petitions to the Crown from English Religious Houses c. 1272 – c. 1485* / Ed. by G. Dodd, A.K. McHardy. Woodbridge, 2010. P. 262. No. 207 (петиция жителей по поводу церкви).

⁶² Townsend J. A History of Abingdon. London, 1910. P. 40; *Two Cartularies of Abingdon Abbey* / Ed. by G. Lambrick, C.F. Slade. Oxford, 1990–1991. Vol. 1–2. L 656, 660, 661, 663, 664, 668, C 403.

⁶³ Leighton Buzzard Archaeological Assessment. Bedford, 2005. P. 16.

⁶⁴ *A Chronicle Roll of the Abbots of Abingdon* // *English Historical Review*. 1911. Vol. 26. P. 731–732; Lambrick G. Abingdon and the Riots of 1327 // *Oxoniensia*. 1964–1965. Vol. 29/30. P. 129–141.

⁶⁵ Palliser D. M. The English Parish in Perspective. P. 7.

РЕЛИГИОЗНАЯ ГИЛЬДИЯ (БРАТСТВО⁶⁶)

Альтернативой другим социальным системам — приходу, манору или городу — была гильдия, которая представляла собой ассоциацию, не признаваемую существующими регулярными социальными структурами⁶⁷. Гильдии были особенно актуальны для тех поселений, которые находились на уровне развития между манориальной деревней и инкорпорированным городом, независимо от того, был ли их сеньор светским или церковным (епископ, монастырь): «теневое правительство/управление», «выражение корпоративной организации», «суррогатный городской совет» — наименования, которыми обычно обозначают их историки.

Между тем гильдии, или братства, были весьма многочисленны и превышали число приходов: по некоторым подсчетам, в позднесредневековой Англии существовало около 30 тыс. таких объединений, в то время как число приходов составляло 8–9 тыс., т.е. на один приход в среднем приходилось не менее трех гильдий⁶⁸. К 1389 г. гильдий было так много, что правительством был издан приказ прислать подробную информацию о гильдиях в королевскую канцелярию (сохранилось 507 записей)⁶⁹. Мер в итоге никаких предпринято не было и количество гильдий продолжало расти.

В условиях, когда создание городских общин вызывало сопротивление сеньора, альтернативой могли стать религиозные гильдии. Хотя формально политическая деятельность никогда не декларировалась как цель создания религиозных гильдий и основной для них (особенно первоначально) являлась именно религиозная и благотворительная активность, тем не менее в определенных условиях у данного

⁶⁶ Источники часто употребляют слова «гильдия» и «братство» в этом контексте как синонимы.

⁶⁷ Rosser G. *Medieval Westminster 1200–1540*. Oxford, 1989. P. 281.

⁶⁸ Россер Дж. Братства и социальное взаимодействие в средневековых английских городах. Пер с англ. Д.Г. Федосова // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М., 1999. С. 204–205.

⁶⁹ Jones W. R. *English Religious Brotherhoods and Medieval Lay Piety: The Inquiry of 1388–89* // *The Historian*. 1973/4. Vol. 36. P. 646–659.

объединения горожан могли появиться некоторые, в том числе политические, амбиции. Примерно с XIV в. получили довольно широкое распространение религиозные гильдии, основанные, как правило, в местной приходской церкви или часовне.

Густонаселенные приходы могли иметь несколько гильдий, но одна из них, самая главная и многочисленная, могла олицетворять весь город⁷⁰. Именно в ней будут сосредоточены наиболее влиятельные горожане, хотя членство в одной гильдии не мешало членству в других и некоторые жители совмещали членство в нескольких гильдиях сразу. Так, в церкви св. Маргариты в Вестминстере было восемь гильдий, но только одна из них — Успения Девы Марии — имела значительный политический вес.

В замещении должностей в гильдии прослеживается примерно та же тенденция, что и в городской (или купеческой) общине: постепенное продвижение по иерархии, неоднократное замещение должностей одними и теми лицами. Наличие вступительного платежа (а также членских взносов) означало, что членство было недоступно беднейшим слоям, что отвечало интересам престижа.

Основная масса свидетельств о существовании гильдий относится к достаточно позднему времени — XV в. Примечательно, что более ранние гильдии были связаны не с приходской церковью, а с монастырем, например в Вестминстере, Батле. В обоих случаях монастырская церковь первоначально служила в качестве приходской для горожан.

В Батле, согласно монастырской хронике, с самого начала было два гилд-холла, расположенных в разных частях города — Клавершеме и Сэндлейке, а третий располагался за пределами Батла и предназначался для сельских жителей. При этом аббат состоял в каждой гильдии. Они были названы в честь св. Мартина (патрона аббатства). Основной деятельностью было совместное пивоварение и питье, в котором аббат часто лично участия не принимал, присылая вместо себя бедного человека. Если во время празднования кто-то нарушал порядок, то штраф причитался гильдии, если это случалось в пределах ее здания. Основная цель

⁷⁰ Rosser G. Medieval Westminster. P. 282.

гильдий — поддержание порядка в городе и хороших отношений между городом и аббатством⁷¹.

В 1377 г. в Сент-Олбансе аббат стал инициатором создания гильдии св. Альбана, которая использовала алтарь Св. Марии в монастырской церкви, а ее члены должны были принимать участие в процессиях, связанных с реликвией св. Альбана⁷². Однако она была упразднена из-за участия в выступлении против аббата, возможно, в 1381 г. Схожая участь, возможно, постигла еще две гильдии — Св. Троицы (алтарь Св. Троицы в северном трансепте монастырской церкви)⁷³ и св. Иоанна Крестителя (в приходской церкви св. Петра). Наконец, была образована гильдия Всех святых, или Чарнел Брозерхуд (первое упоминание в 1416 г.), которая содержала двух священников — в городских приходских церквях св. Андрея и св. Петра, т.е. соединяла оба городских прихода. Заседала эта гильдия в Мут-Холле, принадлежавшем аббатству; к 1548 г. обладала имуществом с ежегодным доходом 23 ф. 2 шил. 2 пенса. По-видимому, именно члены этой гильдии приобрели участок земли для строительства Часовой башни; им принадлежала земля в Бернардс-Хит (по завещанию Эдуарда Уэстби 1471 г.)⁷⁴, а также постоянные дворы «Медведь» и «Бык»⁷⁵ (это была единственная недвижимость, которой горожане коллективно владели до инкорпорации). Богатые горожане активно завещали средства и имущество в пользу этой гильдии.

В то же время основание братства или гильдии также требовало формального признания. К сожалению, не для всех гильдий сохранились разрешения короля их основать. Тем не менее из имеющихся документов (девять грамот⁷⁶, почти

⁷¹ *Searle E. Lordship and Community. P. 85–88; The Chronicle of Battle Abbey. P. 64–66.*

⁷² *Page W. The City of St Albans and the Cathedral and Abbey Church of Saint Alban. St Albans, 1984 (репринт изд. 1908 г.). P. 480.*

⁷³ Упоминается еще в завещании 1471 г. (*St Albans Wills, 1471–1500 / Ed. S. Flood. Cambridge, 1993. P. 6.*)

⁷⁴ *St Albans Wills, 1471–1500. P. 8–9.*

Ibid. P. 4n.

⁷⁶ Гильдия Успения Св. Девы Марии в Вестминстере (1440 г.): *Calendar of the Patent Rolls. Henry VI. Vol. 3. 1436–1441. London, 1907. P. 448*; гильдия Св. Креста в Абингдоне (1441 г.): *Ibid. Vol. 4. 1441–1446.*

все относятся к XV в.) видно, что основание гильдии включало признание ее вечного и корпоративного характера. Она была предназначена как для мужчин, так и для женщин. Гильдия имела своих выбранных должностных лиц (как правило, двух старост⁷⁷), общинную печать, право выступать и отвечать в суде, приобретать или получать в дар земли и другую недвижимость (на определенную сумму, чаще всего 10 марок в год), содержать священника, который будет служить в алтаре гильдии в местной приходской церкви. Таким образом, религиозные гильдии получали права, которые были присущи корпорациям в это время. Имелись и некоторые отличия. Так, гильдии в Данстебле, Стейнсе и Эшвелле получили право издавать ордонансы и статуты, что приближает их к городским корпорациям. В то время как в Ромси и Рединге речь шла, скорее, об основании часовни, для содержания которой было позволено приобретать недвижимость. Только в одном случае, в Болдоке, из грамоты следует, что гильдия уже существовала и была подана петиция прихожан, чтобы она была признана и основана должным образом. А гильдия Св. Креста в Абингдоне, хотя об этом ничего не говорится в королевском пожаловании, к 1441 г. существовала уже длительное время, возможно даже еще с правления Эдуарда III⁷⁸, и обладала значительной собственностью.

Если обратиться к тому, кто получал разрешение для основания гильдии, то только в Данстебле это были три горожанина, а Рединге — мэр, и в Вестминстере и Стейнсе жители города также были упомянуты. Во всех остальных случаях

London, 1908. P. 36–37 (текст грамоты: Berkshire Record Office, D/EP7/238/2); гильдия св. Иоанна Крестителя в Данстебле (1442 г.): Calendar of the Patent Rolls. Henry VI. Vol. 4. P. 68–69; гильдия Рождества Девы Марии в Стейнсе (1456 г.): Ibid. Vol. 6. 1452–1461. London, 1910. P. 287; гильдия Иисуса в Болдоке (1459 г.): Ibid. P. 511; гильдия Иисуса Христа в Лейтон Буззарде (1473 г.): Calendar of the Patent Rolls. Edward IV. Henry VI. 1467–1477. London, 1900. P. 417; гильдия св. Георгия в Ромси (1476 г.): Ibid. P. 569; гильдия св. Иоанна Крестителя в Эшвелле (1476 г.): Ibid. P. 597; гильдия Иисуса в церкви св. Лаврентия, Рединг (1505 г.): Calendar of the Patent Rolls. Henry VII. Vol. 2. 1494–1509. London, 1916. P. 452.

⁷⁷ В Болдоке были глава (мастер) и два старосты, в Абингдоне — четыре мастера, в Эшвелле — четыре старосты.

⁷⁸ Townsend J. A History of Abingdon. P. 52.

акцент делался больше на прихожанах (в Ромси и Рединге — старосты приходской церкви), но, кроме них, основанием гильдии занимались разные знатные лица: герцоги (Лейтон Буззард, Эшвелл), графы (Ромси, Абингдон), люди из королевского дворцового хозяйства (Болдок, Рединг), рыцари (Стейнс, Болдок, Эшвелл), эсквайры (Болдок, Лейтон Буззард, Вестминстер, Ромси, Абингдон), а также церковные лица — епископ (Эшвелл, Абингдон), священники (Болдок), клерки (Эшвелл, Абингдон). Среди основателей также встречаются женщины (Стейнс, Лейтон Буззард). Ограничений на членство в гильдии не устанавливалось, они не были замкнуты только на свои приходы или города, но имели и иногородних членов.

Из отдельных упоминаний известно, что также были гильдии и в некоторых других городах: Гроба Господня (или Чарнел-гильд, ок. 1348 г.) и Девы Марии (1375 г.) в Уолтэм Эбби⁷⁹, Св. Троицы в Стейнинге (1424 г.)⁸⁰, Св. Троицы в Стивенейдже (1446 г.), Св. Троицы в Маннингтри (1481 г.), св. Екатерины (1491 г.) в Сент-Олбансе, Св. Троицы в Сент-Озите, три гильдии (Иисуса, св. Лаврентия и Св. Креста) в Ройстоне и др.

Про эти гильдии зачастую мало что известно, но некоторую информацию дают описания, сделанные при роспуске часовен и гильдий в 1547 г. (Chantry records). Отсюда мы узнаем, что у ряда гильдий был свой гилдхолл (Brotherhood-house), земельные держания и ренты. Так, братству Св. Троицы в Стейнинге при роспуске следовали ренты с 18 держаний в Стейнинге и округе⁸¹. В Варнете доходы гильдии состояли из ренты

⁷⁹ Dean D. The Medieval Gilds of Waltham Holy Cross // *Essex Journal*. 1993. Vol. 28. № 2. P. 51–55.

⁸⁰ Baggs A.P., Currie C.R.J., Elrington C.R., Keeling S.M., Rowland A.M. Steyning: Church // *A History of the County of Sussex*. Vol. 6. Part 1 / Ed. T.P. Hudson. London, 1980. P. 242. Любопытно совпадение выбора посвящения с бывшим сеньором города — французским аббатством Фекамп, правда, к тому моменту уже утратившим свои английские владения. Отдельные пожалования в пользу гильдии встречаются в завещаниях начиная с 1467 г. См.: *Transcript of Sussex Wills* / Ed. by R.G. Rice, W. H. Godfrey. Lewes, 1940–1941. Vol. 4 (Sussex Record Society. Vol. 45). P. 163, 165, 170.

⁸¹ *Sussex Chantry Records* / Ed. by J.E. Ray (Sussex Record Society. Vol. 36). Cambridge, 1931. P. 79–81.

с ряда держаний, а в Стивенеидже — дома и 6 акров земли. Кроме того, они упоминаются в завещаниях.

Важной составляющей, а нередко и причиной появления гильдии было содержание священника для своего придела (как правило, единственная причина, указанная в королевских грамотах), забота о бедных (специально обозначена только в случае Абингдона, но известно, что была присуща и другим гильдиям), забота о здании местной приходской церкви или часовни (многие приходские церкви были перестроены или заново отстроены именно благодаря деятельности гильдий). В Абингдоне гильдия внесла большой вклад в строительство двух каменных мостов (через Темзу — Бурфорд-бридж и Калэм-форд) и проезда между ними (1416–1422 гг.), хотя разрешение на строительство мостов упоминает «общину» Абингдона, а не гильдию⁸². После окончания строительства она не должна была отвечать за состояние моста, но так получилось, что сформировалась традиция жертвовать деньги этой гильдии для того, чтобы она следила за состоянием моста и выполняла ремонтные работы⁸³, что и было закреплено при официальной инкорпорации в 1441 г.

Любопытно, что во всех трех церквах Рединга было по гильдии «мессы Иисуса», но неизвестно, была ли это одна организация или разные. Такая гильдия в церкви св. Лаврентия была основана Генри Кенсолом (Kensall), продавцом тканей, который умер в 1493 г. Королевская лицензия была получена в 1505 г., и гильдия просуществовала до Реформации. К тому моменту у нее также был священник, который получал стипендию от лондонской гильдии галантерейщиков⁸⁴.

⁸² Calendar of the Patent Rolls. Henry V. Vol. 2. 1416–1422. London, 1911. P. 33–34.

⁸³ Preston A.E. Notes on the History of Abingdon Bridge // Oxoniensia. 1937. Vol. 2. P. 139. История гильдии и описание отдельных благотворителей содержатся в сочинении XVII в., написанном одним из мастеров госпиталя Св. Христа, преемника одноименной гильдии после Реформации. См.: Little F. A Monument of Christian Munificence, or, An Account of the Brotherhood of the Holy Cross, and of the Hospital of Christ in Abingdon / Ed. by C.D. Cobham. Oxford; London, 1871.

⁸⁴ Kerry Ch. A History of the Municipal Church of St Lawrence, Reading. Reading; Derby, 1883. P. 28–29.

Судить о численности гильдий сложно, но, например, согласно регистру гильдии св. Иоанна Крестителя в Данстебле, в 1506 г. в ней состояли 124 братьев и сестер, а также было четыре члена из Редбурна. При этом в последующие годы члены сгруппированы по приходам, и в 1507 г. в нее входили члены из приходов Данстебл, городов Сент-Олбанс, Лейтон, Льютон, а в 1508 г. — Данстебл, Льютон, Данстебл, Гаддесдон Магда, Кеннисуорт, Флемстед, Дайтон, Тиллесуорт, Хаутон Регис, Стретли⁸⁵. Таким образом, данная гильдия не ограничивалась только жителями города Данстебла.

Примечательно, что нет никаких свидетельств о наличии религиозных гильдий в некоторых городах, например в Коггешелле, где, судя по всему, в начале XV в. были весьма состоятельные горожане, о чем свидетельствуют их дома, которые с размахом перестроили в 1404–1426 гг. свою приходскую церковь⁸⁶, — деятельность, которая характерна как раз для религиозной гильдии.

Судя по тому, что после роспуска гильдий в середине XVI столетия в тех случаях, когда городская община проходила процесс инкорпорации, имущество таких гильдий часто составляло основу пожалования городской корпорации; можно предположить и некоторую преемственность между данными институтами, хотя четких свидетельств на этот счет, как правило, нет. Наличие активной гильдии не гарантировало формирования городской инкорпорации (ярким примером здесь является Данстебл), но в то же время несомненно, что она была важным опытом совместной деятельности для горожан.

РЕМЕСЛЕННАЯ ГИЛЬДИЯ

Профессиональные объединения были значительно менее характерны для монастырских городов, да и для малых городов в целом. Это объясняется недостаточно большим

⁸⁵ Buck A. The Register of the Fraternity of St John the Baptist, Dunstable, 1506–8, 1522–41 // Bedfordshire Historical Record Society. Streatley, 1947. Vol. 25. P. 11.

⁸⁶ Beaumont G.F. History of Coggeshall, in Essex. London; Coggeshall, 1890. P. 19–20.

числом представителей одной профессии, которые имелись в городе; хотя в условиях специализации города на отдельных производствах в них могли встречаться достаточно значительные группы людей, занимающихся одним ремеслом. Считается, что монастырские власти относились к ним отрицательно, как и к другим объединениям горожан⁸⁷. Есть только упоминания об отдельных ремесленных гильдиях в Фавершеме, Рединге, Стейнинге и, может быть, Сент-Олбансе. В основном они относятся к позднему Средневековью.

В Рединге существование гильдии чесальщиков шерсти предполагается из-за наличия алтаря св. Блэза в церкви св. Лаврентия (единственное упоминание в 1433 г.)⁸⁸. При том что в городе было значительное производство тканей: в 1520 г. Генрих VIII приказал отлить печать, чтобы на всех тканях, произведенных в Рединге, ставилось соответствующее клеймо⁸⁹. В «Дневнике Корпорации» упоминается избрание двух «стражей сапожников» (*in officium custodum artis sutorum, gardiani artis sutorum*) в 1444 и 1449 гг.⁹⁰, двух «стражей купцов» (*in officium custodum mercatorum*) в 1447 и 1449 гг.⁹¹, а также в 1464 г. двух стражей сукновалов (*custodes artis de Fullers Crafte in Redyngia pro anno*)⁹².

В 1476–1478 гг. в Стейнинге упоминается гильдия ремесленников, занятых в кожевенном производстве, — сапожников и дубильщиков⁹³; при этом примерно в то же время в городе фиксируется целый ряд профессий, связанных с данным производством: кожевенники, мастера, обрабатывающие кожу без дубления, перчаточники и др. Однако практически ничего не известно касательно времени возникновения и существования данной гильдии.

⁸⁷ Trenholm N. M. The English Monastic Towns. Manchester, 1927. P. 94.

Kerry Ch. A History of the Municipal Church... P. 39.

Rixon P. The Town of Reading. P. 152.

Reading Records. Vol. 1. P. 20, 31.

Ibid. P. 29, 31.

Ibid. P. 57.

⁹³ Baggs A. P., Currie C. R. J., Elrington C. R., Keeling S. M., Rowland A. M. Steyning: Economic History // A History of the County of Sussex. Vol. 6. Part 1 / Ed. by T. P. Hudson. London, 1980. P. 231–237.

В Фавершеме, после пожалования монастырю в 1205 г. промысла Мильтон, существовала Компания или Братство свободных рыбаков, которые в качестве держателей аббатства Фавершем занимались добычей устриц (*Oyster Fishery*)⁹⁴. Аббату принадлежала земля, на которой располагались устричные отмели (садки?), а также часть реки, которая находилась на территории манора⁹⁵. Таким образом, данное объединение не ограничивалось Фавершемом и было связано с важным для данного региона промыслом.

Что касается Сент-Олбанса, то наличие здесь ремесленных гильдий в Средние века остается под вопросом. В протоколах судебных заседаний Сент-Олбанса, которые охватывают период от 21 сентября 1586 г. до 21 сентября 1633 г., регулярно упоминается присутствие по два старосты от четырех гильдий — продавцов тканей, сапожников, трактирщиков и поставщиков продовольствия, которые отчитываются, избираются, участвуют в наказании тех, кто нарушил монополию их гильдии⁹⁶. Из петиции 1587 г., поданной мэру и главным горожанам, следует, что со времен грамоты об инкорпорации, т.е. 1553 г., в городе был совет Двадцати четырех, так называемый Общий совет, в который входили по шесть человек из каждой гильдии⁹⁷. На основе этого свидетельства У. Пейдж утверждает, что в Сент-Олбансе еще до инкорпорации были четыре ремесленных гильдии⁹⁸, хотя это не следует из имеющихся документов, да и более ранних свидетельств их существования нет. При этом в самой грамоте об инкорпорации они также не упоминаются. В то же время грамота Карла I от 1633 г. как раз устанавливает в Сент-Олбансе назначение совета Двадцати четырех⁹⁹,

⁹⁴ Wilson S. Faversham. The King's Port. Faversham, 1963. P. 4.

Ibid. P. 42–43.

⁹⁶ В выборочном пересказе опубликованы в кн.: Gibbs A.E. The Corporation Records of St Albans. St Albans, 1890. P. 12–269.

⁹⁷ Ibid. P. 17–18.

⁹⁸ Page W. The City of St Albans. P. 481. См. также: The History of Parliament: the House of Commons 1558–1603 / Ed. by P.W. Hasler, 1981 (<https://www.historyofparliamentonline.org/volume/1558-1603/constituencies/st-albans>).

⁹⁹ Gibbs A.E. The Corporation Records... P. 6.

но теперь его члены выбираются мэром и главными горожанами, а не самими гильдиями.

Учитывая наличие весьма активных городских общин в трех из упомянутых городов, примечательно, что данные гильдии не упоминаются в связи с деятельностью горожан касательно управления в городе, борьбы со своим сеньором и т.п. В то же время любопытно отсутствие организованных групп ремесленников в случае наличия важного промысла или специализации города на определенном ремесле, например, Когтешелле, который был важным центром восточноанглийского суконного производства¹⁰⁰. У него даже был свой сорт сукна — Когтешелл Уайт (Белое Когтешеллское). Впрочем, упоминание некоего гилдхолла в Когтешелле в 1463 г.¹⁰¹ может свидетельствовать о том, что все-таки гильдия там была. Еще одним значительным «шерстяным городом» был Абингдон, где король делал свои закупки¹⁰², но, видимо, тоже был недостаточно большим для формирования профессиональных объединений. Остается, однако, открытым вопрос о значимости монастырского сеньора в данном вопросе: насколько отсутствие торговых или ремесленных объединений является результатом сопротивления сеньора или все же отражением уровня экономического развития города.

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ОБЩНОСТЕЙ В ГОРОДЕ

В одном и том же городе можно обнаружить общности горожан разного порядка. Пример монастырских городов показывает, что в тех случаях, когда одна из них выходила на передний план, остальные не прекращали полностью своего существования, но могли утратить прежнее (если было) значение.

¹⁰⁰ Eddy M.R. *Historic Towns in Essex: An Archaeological Survey of Saxon and Medieval Towns, with Guidance for their Future Planning*. Chelmsford, 1983. P. 44.

¹⁰¹ Beaumont G.F. *History of Coggeshall*. P. 80, 191.

¹⁰² Например, в 1249 г. там было куплено 2000 эллей их ткани сорта Гризенд. См.: Close Rolls of the Reign of Henry III. 1247–1251. London, 1922. P. 198.

Весьма показателен пример города Абингдона, который на протяжении всего своего существования под властью местного аббатства оставался частью более крупных манора и сотни. Достаточно рано здесь наблюдалось некоторое противостояние между приходской (св. Елены) и монастырской (Св. Марии) церквями. Формирующаяся городская община, не получив формального признания и не сформировав собственных органов управления, оказалась сосредоточенной на приходской церкви. Возможно, этому обстоятельству способствовало уже существующее напряжение между этой церковью и монастырем-сеньором. Именно приходский колокол стал призывом для горожан во время выступления против монастыря в 1327 г.; в здании церкви собирались горожане на свои сходки. В последнем обстоятельстве, правда, нет ничего необычного, так как это было единственное общественное место в городе, при этом удобное для встреч, да еще и каменное и весьма просторное. В целом приходские церкви нередко становились местами заседаний городских общин¹⁰³. В то же время горожане продолжали искать легальные выходы борьбы со своим сеньором, что даже вылилось в процедуру импичмента аббату в 1360-х годах. Апогей же противостояния пришелся на 1390-е годы (конфликт по поводу приходского кладбища) и завершил весьма турбулентное для Абингдона, да и многих других монастырских городов, столетие. Все попытки горожан отстоять свои права против монастыря, в суде или в ходе насильственных действий, было ли это в отношении вопросов управления городом и его статуса или их приходской церкви, оказались безуспешными. Однако XV век оказался для них с этой точки зрения более спокойным. Горожане организовались в религиозную гильдию, которая также базировалась в их приходской церкви, и всю свою энергию направили на деятельность по улучшению положения Абингдона и его жителей: построили мосты через Темзу и ее приток, что значительно способствовало благосостоянию города. После Диссолюции горожане предприняли значительные усилия, чтобы в 1556 г. получить формальное признание через грамоту об инкорпорации; при этом немаловажную роль здесь сыграла

¹⁰³ Aston M., Bond J. *The Landscape of Towns*. London, 1976. P. 106.

необходимость сохранить в своих руках имущество религиозной гильдии после того, как она была распущена актом Эдуарда VI 1547 г. в ходе все той же Реформации.

Таким образом, можно отметить, что среди монастырских городов нет какой-то определенной модели организации горожан. Ситуация довольно сильно менялась от города к городу. Множество городских объединений возникли на волне противостояния со своим сеньором-монастырем. Правда, даже если община возникала в результате противостояния, в конечном итоге она оказывалась в тесном взаимодействии со своим сеньором и его должностными лицами, поскольку тот неизменно сохранял свою власть над городом в той или иной степени. Возможно, для осуществления контроля или улучшения взаимодействия с горожанами некоторые монастыри-сеньоры вступали в братства вместе с горожанами и поддерживали эти контакты через участие в совместных праздничных трапезах (например, аббат Батла).

СООБЩЕСТВА СЕКУЛЯРНЫХ КАНОНИКОВ: ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПАРАДОКСЫ ОСМЫСЛЕНИЯ

ПРЕДЫСТОРИЯ КАПИТУЛОВ

Капитул каноников — особая форма организации духовенства, некогда широко распространенная в католической церкви, но в настоящее время утратившая прежнее значение. Историки обычно определяют капитул как сообщество клириков, связанное с определенным храмом и обладавшее хотя бы минимальной автономией¹. Каноники отвечали за содержание храма, при котором существовал капитул. Обычно считается, что их важнейшей обязанностью было регулярное совершение богослужений². Однако попытки ученых выявить главные атрибуты и функции капитулов сталкивались с удивительной гибкостью сообществ, их способностью адаптироваться к изменяющимся условиям, принимая новые правила организации и развивая новые направления деятельности³. Например, многие исследователи считали существенным атрибутом капитула соблюдение основных принципов «общей жизни» — совместного проживания

¹ *Tabbagh V.* Un projet de recherches: Les collégiales de Bourgogne au Moyen Âge // *Annales de Bourgogne*. 1999. Т. 71. P. 103; *Massoni A.* Un nouvel instrument de travail pour la communauté scientifique: Le répertoire des collégiales séculières de France à l'époque médiévale // *Revue d'Histoire Ecclésiastique*. 2007. Т. 102. P. 925.

² Cp.: *Meijns B.* Les chanoines séculiers: Histoire et fonctions dans la société (IXe–XIIe siècle) // *Les chapitres séculiers et leur culture: Vie canoniale, art et musique à Saint-Yrieix (VIe–XIIIe siècle)* / Éd. C. Andraut-Schmitt, Ph. Depreux. Limoges, 2014. P. 25–28.

³ *Marchal G.P.* Was war das weltliche Kanonikerinstitut im Mittelalter? Dom- und Kollegiatstifte: Eine Einführung und eine neue Perspektive // *Revue d'histoire ecclésiastique*. 2000. Т. 95. P. 48–51; *Meijns B.* Les chanoines séculiers... P. 25; cp.: *Eadem.* L'ordre canonial dans le comté de Flandre depuis l'époque mérovingienne jusqu'à 1155: Typologie, chronologie et constantes de l'histoire de fondation et de réforme // *Revue d'histoire ecclésiastique*. 2002. Т. 97. P. 56.

и коллективного владения имуществом⁴. Однако каноники далеко не всегда следовали правилам «общей жизни» и к тому же стремились возложить свои богослужебные обязанности на подчиненных. Существовали и региональные различия. Так, в конце XII в. Стефан, епископ Турне, противопоставлял «распущенных» реймских каноников их германским собратьям, которые стремились следовать принципам «общей жизни»⁵. Капитулы кафедральных соборов Франции в целом обладали большей самостоятельностью, чем соборные капитулы в Германии и Англии⁶. Статус отдельных капитулов, формы их организации, внутренние правила настолько разнились, что некоторые историки называют разнообразие характерной особенностью средневековых капитулов⁷.

Община каноников могла существовать только при определенном храме, с которым она была неразрывно связана. Каноники кафедральных соборов нередко отождествляли себя с локальной церковью, т.е. со всей церковной организацией своего диоцеза. В тех храмах, где находились гробницы святых или почитаемые реликвии, каноники рассматривали себя как служителей местных культов и хранителей святынь⁸. На связи с храмом основывалось чувство солидарности членов общины, которое заставляло их отстаивать интересы коллектива⁹. Благодаря этому в XII–XIII вв. крупные капитулы превратились в церковные корпорации, обладавшие развитой организацией и значительной автономией¹⁰.

⁴ Например: *Smith A. Chanoines réguliers // Dictionnaire de Spiritualité. T. 2. Pt. 1. Col. 465–466; cp.: Barrow J. The Clergy in the Medieval World: Secular Clerics, Their Families and Careers in North-Western Europe, c. 800–c. 1200. Cambridge, 2015. P. 72–73.*

⁵ *Lettres d'Étienne de Tournai / Éd. J. Desilve. Valenciennes; Paris, 1893. P. 202–203; см.: Barrow J. The Clergy... P. 85, 285–286.*

⁶ *Barrow J. The Clergy... P. 271–272.*

Meijns B. Les chanoines séculiers. P. 23–26.

Meijns B. L'ordre canonial. P. 44–48.

⁹ *Millet H. Les Chanoines du chapitre cathédral de Laon (1272–1412). Rome, 1972. P. 35–36; cp.: Marchal G. P. Was war... P. 8.*

¹⁰ Например: *Lepine D. A Brotherhood of Canons Serving God: English Secular Cathedrals in the Later Middle Ages. Woodbridge, 1995. P. 184; Marchal G. P. Was war... P. 792–793, 805.*

фигуры основателей не имели для капитулов такого значения, каким они обладали для епископских кафедр и монастырей. Например, св. Хродеганг Мецский, составитель первого устава для каноников, в Средние века пользовался сугубо локальным почитанием. Его вклад в развитие церковных структур по достоинству был оценен лишь в последнем столетии¹¹. Происхождение капитулов терялось в неопределенном прошлом. Так считали, в частности, соборные каноники Лиона, которые приписывали основание своей церкви и установление местных обычаев неназванным «святым отцам»¹². Соборные каноники в Шартре считали, что их капитул возник одновременно с основанием кафедрального собора. С того времени не менялась ни численность каноников, ни их обязанности — «совершать богослужение и защищать права церкви»¹³. Подобным образом каноники церкви св. Северина в Бордо возводили происхождение своих обычаев и привилегий к древним святым — основателям этого храма, потому что каноники всегда были служителями этих святых и находились под их защитой¹⁴. С одной стороны, первые служители шартрского собора и церкви в Бордо вряд ли были похожи на своих средневековых преемников. С другой стороны, между ними, несомненно, существовала преемственность.

У современных исследователей нет единого мнения о том, с чего следует начинать историю каноников. Поэтому мы вправе начать свой обзор с появления позднеантичных общин духовенства, которые впоследствии развились в средневековые секулярные капитулы. Этот процесс происходил в основном на территории современной Франции. Во всяком случае, именно здесь мы можем проследить его наиболее последовательно.

¹¹ Saint Chrodegang: Communications présentées au colloque tenu à Metz à l'occasion du douzième centenaire de sa mort. Metz, 1967; cp.: *Claussen M. A. The Reform of the Frankish Church: Chrodegang of Metz and the Regula Canonicorum in the Eighth Century*. Cambridge, 2004. P. 6–7.

¹² *Antiqua statuta ecclesiae Lugdunensis* // *Patrologia Latina*. T. 199. Col. 1091–1093; *Cartulaire de l'abbaye de Savigny suivi du Petit cartulaire de l'abbaye d'Ainay* / Éd. A. Bernard. T. 1. Paris, 1853. P. 538–545.

¹³ *Cartulaire de Notre-Dame de Chartres* / Éd. E. de Lépinos, L. Merlet. T. 1. Paris, 1862. P. 47–48.

¹⁴ *Cartulaire de l'église collégiale Saint-Seurin de Bordeaux* / Éd. J.-A. Bruttails. Bordeaux, 1897. P. 6–8.

ОРГАНИЗАЦИИ ЕПИСКОПСКОГО КЛИРА

А. Леклерк считал далекими предшественниками средневековых каноников городской клир, который составлял широкое окружение епископа и формально принадлежал к главному епископскому храму¹⁵. Эти клирики составляли элитарную категорию духовенства¹⁶. Уже в IV в. среди них начала складываться иерархия. Из числа пресвитеров, составляющих коллегия при епископе, выделяется архипресвитер¹⁷; среди диаконов, непосредственно приближенных к епископу и выполняющих административные функции, — архидиакон. По словам Иеронима, «в каждой церкви есть только один епископ, один архипресвитер и один архидиакон, так что весь церковный чин опирается на собственных руководителей»¹⁸. Упорядоченная организация была необходима и для заметно усложнившегося богослужения. Речь идет не только о службах суточного круга, которые требовали ежедневного участия клириков в ритуалах соборной церкви¹⁹, но и о системе стациональной литургии, в которой епископ в окружении своего духовенства совершал богослужения в городских и пригородных храмах²⁰. Все чаще звучашие призывы к духовенству соблюдать строгую дисциплину

¹⁵ *Leclercq H. Chanoines // DACL. T. 3. Pt. 1. Col. 224, 234–235; Idem. Chapitre des cathédrales // Ibid. Col. 503–505.*

¹⁶ О пресвитерах римских титульных храмов см.: *Pietri Ch. Roma Christiana. Recherches sur l'Église de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Rome, 1976. P. 90–96, 115–120, 150–152, 598–603, 624–638, 667–672, 708–714.*

Например: *Wipszycka E. The Alexandrian Church... P. 331–333.*

¹⁸ *Singuli ecclesiarum episcopi, singuli archipresbyteri, singuli archidiaconi: et omnis ordo ecclesiasticus suis rectoribus nititur (Hier. Ep. 125. 15); cp.: Poggiaspalla F. La vita comune del clero dalle origini alla riforma gregoriana. Roma, 1968. P. 18–20.*

Bradshaw P.F. Daily Prayer in the Early Church. A Study of the Origin and Early Development of the Divine Office. London, 1981. P. 72–92, 111–123; Taft R. The Liturgy of the Hours in East and West. The Origins of the Divine Office and Its Meaning for Today. Collegeville, 1986. P. 31–56, 141–190, 297–299.

²⁰ *Baldovin J.F. The Urban Character of Christian Worship. The Origins, Development and Meaning of Stational Liturgy. Roma, 1987.*

сказывались в первую очередь на жизни городских клириков. Безбрачие всегда считалось идеалом для служителей церкви, однако именно с IV в. требования соблюдать celibat включались в постановления соборов²¹. Возникла необходимость в систематической подготовке молодых клириков, которые должны были усваивать профессиональные знания и приучаться к соблюдению дисциплины²². В городах появлялись соборные епископские храмы, становившиеся центрами ритуальной жизни и церковной администрации. Здесь же обычно находилась резиденция епископа (*domus ecclesiae*)²³. Иногда при епископских храмах формировался обособленный коллектив духовенства. Это происходило в разных концах христианской ойкумены, но в большей степени — на Западе, где епископы под влиянием монашества окружали себя клириками, чтобы совместно придерживаться аскетического образа жизни²⁴. Таких общин было немного, однако пример, поданный епископами-аскетами, был исключительно влиятельным. Достаточно упомянуть праведника и чудотворца Мартина Турского, предпочитавшего жить за городом в окружении монахов, и его биографа Сульпиция Севера, который пропагандировал аскезу для клириков²⁵.

Нас, однако, интересуют не монахи, удалявшиеся от мирской суеты, а соборные клирики, жившие в сердце позднеантичного города. Первые известные примеры таких общин относятся к Северной Италии. По свидетельству св. Амвросия,

²¹ Heid S. Zölibat in der frühen Kirche. Die Anfänge einer Enthaltensamkeitspflicht für Kleriker in Ost und West. 3. Aufl. Paderborn, 2003; см. также: Grossi, Di Berardino. La Chiesa antica. P. 114–117.

²² Leclercq H. Chanoines... Col. 236–240; cp.: Heim M. Chorherren-Reformen im Früh- und Hochmittelalter // Münchener Theologische Zeitschrift. 1995. Bd. 46. S. 22.

²³ Например: Prévot F. La cathédrale et la ville en Gaule dans l'Antiquité tardive et le Haut Moyen Âge // Histoire urbaine. 2003. No. 7. P. 17–36; Des *domus ecclesiae* aux palais épiscopaux. Actes du colloque tenu à Autun du 26 au 28 novembre 2009. Turnhout, 2012.

²⁴ Leclercq H. Chanoines... Col. 233–234; Rapp C. Holy Bishops in Late Antiquity: The Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. Berkeley; Los Angeles, 2005. P. 150–152.

²⁵ Vogüé A., de. Histoire littéraire du mouvement monastique dans l'Antiquité. T. 4. Paris, 1997. P. 19–156.

епископ Евсевий Верчелльский (третья четверть IV в.) совместил «монастырское воздержание с церковной дисциплиной», заставив своих клириков вести совместную жизнь отдельно от мирян, предписав им соблюдать строгую аскезу, заниматься физическим трудом и регулярно собираться на общую молитву²⁶. Вероятно, подобными экспериментами занимались и другие епископы: под 374 годом Иероним отметил, что «аквилейские клирики уподобляются сонму блаженных»²⁷. Наибольшую известность получила деятельность св. Августина, который увещевал клириков вести аскетический образ жизни, ставя им в пример жизнь первых христиан. За несколько лет до своего избрания на епископскую кафедру в 395 или 396 г. Августин присоединился к монашескому движению и организовал две общины аскетов, для которых он составил правила²⁸. Став епископом, он учредил «монастырь», в котором должны были состоять все его клирики. Установленные Августином правила «общей жизни» включали совместное проживание и отказ от личного имущества. Члены общины посвящали все свое время чтению, медитации, общей молитве и пастырскому служению. Соблюдение этих правил Августин считал долгом всякого клирика и не допускал к служению тех, кто не желал отказываться от имущества и жить в общине аскетов²⁹. Пример Августина имел непосредственное влияние на современников: его ученики и воспитанники, ставшие епископами, распространяли привычные им порядки в других африканских диоцезах. Впоследствии подобным образом действовал Фульгенций, епископ Руспе, который организовал аскетическую общину из своих клириков и монахов³⁰.

²⁶ *Ambr. Ep. extra coll.* 14. 66, 71; см.: *Poggiaspalla F. La vita comune...* P. 35–36; *Lienhard J.T. Patristic Sermons on Eusebius of Vercelli and Their Relation to His Monasticism // Revue Bénédictine.* 1977. T. 87. P. 164–172.

²⁷ *Eusebius. Werke.* Bd. 7: *Die Chronik des Hieronymus / Hrsg. R. Helm.* Berlin, 1956. S. 247.

²⁸ *Lawless G. Augustine of Hippo and his Monastic Rule.* Oxford, 1987; *Vogüé A., de. Histoire littéraire du mouvement monastique dans l'antiquité.* Paris, 1996. T. 3. P. 149–245; T. 5. P. 237–290.

²⁹ *Aug. Sermon.* 355–356; *Possidius. Vita Augustini.* 5, 11, 22–26; *Leclercq H. Chanoines...* Col. 224–232; *Poggiaspalla F. La vita comune.* P. 38–48.

³⁰ *Leclercq H. Chanoines...* Col. 237–238.

Влияние августиновского примера на средневековое духовенство можно объяснить не только высоким авторитетом Августина как учителя церкви, но и указанной им связью между устройством первоначальной церкви и общинной организацией клириков.

Августиновскую модель общей жизни клириков перенял мавританский ритор Померий, который стал пресвитером в Арелате и приобрел влияние в среде галльского духовенства на рубеже V и VI вв. В трактате «Созерцательная жизнь» изложены его наставления епископам, желавшим сочетать личные духовные подвиги с активной пастырской деятельностью в обществе. Призывая церковных иерархов поддерживать достоинство сана, вести скромный образ жизни и творить добрые дела, Померий в то же время высказывался в пользу совместной жизни клириков под руководством епископа. Духовенство должно было ориентироваться на монашеский образец и культивировать аскетические добродетели: воздержание, смирение, послушание и братскую любовь. В идеальной общине клирик отдавал свое имущество церкви, которая предоставляла ему скромное содержание. Померий не запрещал клирикам владеть имуществом, но в таком случае, по его мнению, клирики не имели права получать что-либо из церковных средств³¹. Правильное поведение клириков Померий рассматривал как своеобразное продолжение правильного поведения епископов, тем самым подталкивая адресатов своего сочинения к организации клерикальных общин³². Впоследствии идеи Померия оказали влияние на каролингских иерархов, которым его трактат был известен как сочинение Проспера Аквитанского³³.

³¹ Ср. постановление в более ранних «Statuta ecclesiae antiqua» (§ 29, 45), где клирикам рекомендуется самостоятельно зарабатывать на жизнь и не обременять церковь своим содержанием (Concilia Galliae A. 511–A. 695 / Ed. C. de Clercq (CCSL 148A). Turnhout, 1963. P. 171).

³² Подробнее см.: *Plumpe J. C. Pomeriana // Vigiliae Christianae*. 1947. Vol. 1. P. 227–239; *Markus R. A. The End of Ancient Christianity*. Cambridge, 1990. P. 190–192; *Klingshirn W. E. Caesarius of Arles: The Making of Christian Community in Late Antique Gaul*. Cambridge, 1994. P. 73–82; *Leyser C. Authority and Asceticism from Augustine to Gregory the Great*. Oxford; New York, 2000. P. 65–80.

³³ *Devisse J. L'influence de Julien Pomère sur les clercs carolingiens: De la pauvreté aux Ve et IXe siècles // Revue d'histoire de l'Église de*

Но еще раньше эти идеи попытался воплотить в жизнь ученик Померия — св. Цезарий, бывший леринский монах, ставший затем епископом Арелата. Его клирики вели уединенную жизнь в епископской резиденции, совместно питались и проводили время в духовных беседах. В соборном храме было введено богослужение по монастырскому образцу: кроме обязательных утренней и вечерней служб, клирики совершали службы трех дневных часов³⁴. Организовав из своего духовенства общину при соборной церкви, Цезарий подал пример другим галльским епископам, тем более что он обладал немалым влиянием как аскет и проповедник, митрополит и глава важной кафедры, папский викарий Галлии. Таким образом, Цезария можно назвать основоположником меровингского института каноников³⁵.

Термин «каноник» применительно к особой категории духовенства появляется в галльских текстах VI в., главным образом в постановлениях меровингских церковных соборов³⁶. Из них явствует, что канониками именовались пресвитеры, диаконы и младшие клирики, приписанные к определенному храму и совершавшие там богослужения. Каноники могли жить в городе — там они подчинялись непосредственно епископу и получали от него содержание (*stipendia, munera*). В крупных сельских поселениях (*in parrochiis, in vico*) каноники жили под началом архипресвитера. Таким образом, каноники не просто выполняли богослужебные обязанности и получали за это вознаграждение, но и принадлежали к определенной общине³⁷. Городские каноники, очевидно, составляли

France. 1970. Т. 56. P. 285–295; Claussen M.A. The Reform. P. 166–167, 184–204; Timmermann J. Sharers in the Contemplative Virtue: Julianus Pomerius's Carolingian Audience // Comitatus. 2014. Vol. 45. P. 1–44.

³⁴ Klingshirn W.E. Caesarius of Arles. P. 91–93; Vogüé A., de. Histoire littéraire. Paris, 2005. Т. 9. P. 28–30.

³⁵ Siegwart J. Der gallo-fränkische Kanonikerbegriff // Zeitschrift für schweizerische Kirchengeschichte. 1967. Bd. 61. S. 193–244; Pogiaspalla F. La vita commune... P. 51–52.

³⁶ Арвернский собор 535 г., канон 15; Орлеанский собор 538 г., канон 12; Турский собор 567 г., канон 20 (Concilia Galliae... P. 109, 119, 183–184).

³⁷ Dereine Ch. Chanoines // DHGE. Т. 12. Col. 359–362; Siegwart J. Der gallo-fränkische Kanonikerbegriff. S. 224–227, 233–239; Marchal G.P. Was

епископский клир и жили в церковной резиденции при соборном храме (*domus ecclesiae*). Григорий Турский упоминал общую трапезу соборных каноников в Бурже и Туре³⁸, общую спальню епископа и клириков в Лизьё³⁹. Согласно более поздним данным, на рубеже VII и VIII вв. епископ Ригоберт Реймский учредил для соборных клириков общежитие и общую казну⁴⁰. Недостаток сведений не позволяет понять, насколько такая практика была распространена в меровингской Галлии. Однако схожие явления наблюдались и в вестготской Испании. Согласно постановлениям испанских соборов, клирики вместе с юными учениками жили в резиденции епископа под руководством особых должностных лиц⁴¹. В 589 г. упоминается совместная трапеза духовенства, в 633 г. — обязательное проживание в епископском доме (*in conclavi episcopi*). Согласно канону 531 г., за обучение юных клириков отвечал препозит, а в 666 г. каждому епископу было велено учредить руководящие должности архипресвитера и архидиакона. Таким образом, формирование соборных общин, обособленных от прочего духовенства, происходило и в Галлии, и в Испании. По-видимому, именно эту практику подразумевал папа Григорий Великий, который советовал Августину Кентерберийскому жить вместе со своими клириками и сообщать пользоваться церковными доходами. Впрочем, эта рекомендация относилась только к celibатным клирикам: женатые жили отдельно и получали от епископа содержание (*stipendia*)⁴².

war... P. 778–778; Бусыгин А.В. Каноник // Православная энциклопедия. 2012. Т. 30. С. 359–360; Meijns B. Les chanoines séculiers. P. 16–17.

³⁸ Mensa canonicorum, conuiuium mensae canonicae (Greg. Turon. Hist. X. 31. 16; Vita Patrum. IX. 1).

³⁹ Greg. Turon. Hist. VI. 36.

⁴⁰ Flodoardus. Historia Remensis ecclesiae. II. 11 (Flodoard von Reims. Die Geschichte der Reimser Kirche / Hrsg. M. Stratmann (MGH. SS 36). Hannover, 1998. S. 156–157).

⁴¹ II Толедский собор 527 г., канон 1; III Толедский собор 589 г., канон 7; IV Толедский собор 633 г., канон 23; Меридский собор 666 г., канон 10 (Concilios visigóticos e hispano-romanos / Ed. J. Vives et al. Barcelona; Madrid, 1964. P. 42–43, 127, 201, 332); см.: Poggiaspalla F. La vita commune... P. 53–54; Marchal G. P. Was war... P. 780.

⁴² Baeda. Hist. eccl. I. 27. 3–4.

ОБЩИНЫ ПРИ МЕРОВИНГСКИХ БАЗИЛИКАХ: ИММУНИТЕТ И ЭКЗЕМПЦИЯ

Гробницы мучеников и епископов на кладбищах, окружавших города позднеантичной Галлии, становились объектами почитания. Там возникали базилики — центры культа местных святых, имевшие важное символическое значение, в том числе и как места погребения королей и церковных иерархов⁴³. Наиболее известна базилика св. Мартина (Сен-Мартен) в Туре, но подобные храмы были и в других городах. На кладбищах меровингского Парижа находилось не менее шести храмов, в том числе базилика Апостолов (Сент-Женевьев) с гробницей св. Геновефы, базилика Св. Креста и св. Винcentия (Сен-Жермен-де-Пре) с гробницей св. Германа, базилика св. Марцелла (Сен-Марсель). Подобные базилики существовали во всех галльских городах. Гораздо меньше известно о святилищах, которые находились в сельской местности, за исключением базилики мученика Юлиана в Бриуде (Овернь), о которой много писал Григорий Турский. Прославленный сельский храм св. Дионисия (Сен-Дени) обычно рассматривался как парижская пригородная базилика⁴⁴.

При многих, если не при всех базиликах в меровингскую эпоху возникли общины клириков. Базиликальные общины, которые обслуживали самые почитаемые святилища, накапливали духовный авторитет и материальные богатства. При этом они оставались под властью местных епископов, которые назначали в них наместников, распоряжались владениями и доходами. Со временем формальный статус общин все меньше соответствовал их фактическому положению. Согласно данным источников, эту ситуацию попытались исправить не сами общины, а меровингские монархи: они покровительствовали святилищам и были заинтересованы в сохранности владений, закрепленных за базиликами. Поэтому короли ограничивали право епископов распоряжаться этим имуществом. Например,

⁴³ Например: *Levillain L. Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque mérovingienne // Bibliothèque de l'École des chartes. 1925. T. 86. P. 44; Noizet H. Les basiliques martyriales au VIe et au début du VIIe siècle // Revue d'histoire de l'Église de France. 2001. T. 87. P. 329.*

⁴⁴ *Stoclet A. Autour de Fulrad de Saint-Denis (v. 710–784). Genève; Paris, 1993. P. 227.*

король Гунтрамн потребовал, чтобы местные епископы не посягали на владения, которые он подарил бургундским базиликам св. Марцелла и св. Симфориана⁴⁵. Еще раньше король Хильдеберт I испросил у папы Вигилия (537–555) привилегию для насельников монастыря в Арелате (Арле): им было разрешено самостоятельно распоряжаться имуществом и выбирать аббата⁴⁶. Впоследствии так же поступила королева Брунхильда. Привилегии, которые по ее просьбе даровал папа Григорий Великий (590–604), распространялись на церковь, женский монастырь и ксенодохий (госпиталь, богадельню) в Отёне. Понтифик объявил имущество этих учреждений неприкосновенным и ограничил дисциплинарные полномочия местного епископа. Аббатов, которые возглавляли церковь и ксенодохий, и аббатису монастыря отныне назначал не епископ, а король, действовавший с согласия общины. Для смещения аббата или аббатисы отёнский прелат должен был заручиться согласием шести других епископов. Кроме того, епископу было запрещено назначать служащих ксенодохия на другие должности против воли аббата⁴⁷. Через несколько десятилетий обычной практикой стала экземпция монастырей, т.е. их освобождение от власти епископа. Считается, что первую такую привилегию получил итальянский монастырь Боббио от папы Гонория I в 628 г.⁴⁸ В Галлии самая ранняя сохранившаяся привилегия была дарована епископом Бургундофароном монастырю Ребе в 637 г., но в ней упоминается, что экземпцией к тому времени уже пользовались важнейшие монастыри Агон, Лерен, Люксёй и базилика св. Марцелла близ Шалона⁴⁹. Епископ гарантировал

⁴⁵ Concilia Galliae A. 511–A. 695... P. 235.

⁴⁶ *Greg. Magn. Reg. ep. IX. 217 (S. Gregorii Magni Registrum epistularum, libri VIII–XIV / Ed. D. Norberg (CCSL 140A). Turnhout, 1982. P. 780–781).*

⁴⁷ *Greg. Magn. Reg. ep. XIII. 9–11 (Ibid. P. 1004–1011); см.: Rosenwein B.H. Power, Restraint and Privileges of Immunity in Early Medieval Europe. Ithaca (New York), 1999. P. 45–47; Verpeaux N. Autun. Les fondations attribuées à Brunehaut et leurs (re)fondations carolingiennes // Revue Mabillon. 2012. T. 23. P. 13–19.*

⁴⁸ *Codice diplomatico del monastero di S. Colombano di Bobbio / Ed. C. Cipolla. Vol. 1. Roma, 1918. P. 100–103.*

⁴⁹ *Leblond V., Lecomte M. Les privilèges de l'abbaye de Rebais-en-Brie. Melun, 1910. P. 53–56; см.: Rosenwein B.H. Negotiating Space... P. 67–70.*

монахам неприкосновенность имущества и свободное избрание аббата, которому он уступил власть над общиной.

Начиная с середины VII в. базиликальные общины одна за другой стали получать новую привилегию — иммунитет. Историки давно спорят о точном содержании этой привилегии, которую меровингские короли даровали церковным учреждениям⁵⁰. Прежде всего иммунитет подразумевал освобождение от юрисдикции королевских судей и связанных с этим поборов. Возможно, иногда он включал освобождение от налогов, полное или частичное, или, по крайней мере, право «иммуниста» самостоятельно собирать налоги в своих владениях. Самые ранние сохранившиеся грамоты об иммунитете относятся к монастырям — это привилегии короля Дагоберта I в пользу аббатства Ребе и короля Сигеберта III в пользу обители Кюньон⁵¹. Крупнейшие базиликальные общины в Нейстрии получили такие привилегии по инициативе Бальтхильды, супруги короля Хлодвиг II⁵². Среди многочисленных благодеяний, которые королева оказывала церквям и монастырям, в ее житии названо преобразование общин «братьев» при «старших базиликах святых» — Дионисия, Германа, Медарда, Петра, Аниана, Мартина и пр. Бальтхильда выразила епископам и аббатам желание, чтобы

⁵⁰ Литература об иммунитете во франкской Галлии весьма обширна. Вот некоторые важные работы: *Kroell M. L'immunité franque*. Paris, 1910. P. 31–148; *Levillain L. Note sur l'immunité mérovingienne* // *Revue historique de droit français et étranger*. 1927. Sér. 4. T. 6. P. 38–67; *Magnou-Nortier E. Étude sur le privilège d'immunité du IVe au IXe siècle* // *Revue Mabillon*. 1984. T. 60. P. 465–512; *Fouracre P. Eternal Light and Earthly Needs: Practical Aspects of the Development of Frankish Immunities* // *Property and Power in the Early Middle Ages* / Ed. W. Davies, P. Fouracre. Cambridge, 1995. P. 53–81; *Rosenwein B.H. Negotiating Space...* P. 9–23; *Murray A. C. Merovingian Immunity Revisited* // *History Compass*. 2010. Vol. 8. P. 913–928.

⁵¹ *Die Urkunden der Merowinger* / Hrsg. T. Kölzer (MGH. Dipl. Merov.). Tl. 1. Hannover, 2001. S. 126–128, 202–204.

⁵² О церковной политике Бальтхильды см.: *Ewig E. Das Privileg des Bischofs Berthefrid von Amiens für Corbie von 664 und die Klosterpolitik der Königin Balthild* // *Francia*. Bd. 1. 1973. S. 106–113; *Fouracre P., Gerberding R.A. Late Merovingian France: History and Hagiography, 640–720*. Manchester; New York, 1996. P. 108–112; *Rosenwein B.H. Negotiating Space...* P. 82–83; *Fox Y. Power and Religion in Merovingian Gaul: Columbanian Monasticism and the Frankish Elites*. Cambridge, 2014. P. 39–43.

«братья... жили по святому уставному чину» (*"sub sancto regulari ordine... uiuere deberent"*). Очевидно, под «уставным чином» подразумевались монашеские правила Бенедикта и Колумбана, популярные в то время среди франкской аристократии⁵³. Получив согласие, королева велела епископам предоставить общинам «привилегию» и сама даровала им иммунитет, чтобы они усердно молились за короля и о сохранении мира⁵⁴. Таким образом, общины вводили у себя более строгую дисциплину и за это получали автономию: епископ даровал им экземпцию, монарх — иммунитет.

Реформу Бальтхильды обычно датируют временем около 650 г. В 664 или 665 г. королеву отстранили от власти, но ее преемники продолжали ее политику в отношении базиликальных и монашеских общин. Об этом свидетельствуют многочисленные привилегии монастырям, которые епископы издавали начиная с 650-х годов. О. Эвиг выделил среди них две категории — «большие» и «малые привилегии». В «малой привилегии» епископ отказывался от административных полномочий (*potestas*), но не от духовной юрисдикции — права посещать обитель и совершать в ней священные обряды. «Большая привилегия», которая предусматривала отказ епископа от церковных прерогатив, полностью выводила общину из под его юрисдикции⁵⁵. В епископских привилегиях нередко упоминалось, что они были изданы по распоряжению монарха. Также оговаривалось, что члены общины должны были соблюдать определенные монашеские

⁵³ Например: *Levillain L. Études... P. 77; Dereine Ch. Chanoines... Col. 364; Semmler J. Saint-Denis: Von der bischöflichen Coemeterialbasilika zur königlichen Benediktinerabtei // La Neustrie. Les pays du nord de la Loire de 650 à 850 / Hrsg. H. Atsma (Beihefte der Francia, 16). Sigmaringen, 1989. P. 103–105; Ewig E. Das Privileg. S. 107; Fox Y. Power and Religion... P. 40; cp.: Dierkens A. Prolégomènes à une histoire des relations culturelles entre les îles britanniques et le continent pendant le Haut Moyen Âge: La diffusion du monachisme dit colombanien ou iro-franc dans quelques monastères de la région parisienne au VIIe siècle et la politique religieuse de la reine Bathilde // Francia. 1989. Bd. 16/2. P. 388–392.*

⁵⁴ *Vita sanctae Balthildis. 9 (MGH. SRM. T. 2. P. 493–494).*

⁵⁵ *Ewig E. Beobachtungen zu den Klosterprivilegien des 7. und frühen 8. Jahrhunderts // Idem. Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften. Bd. 2. München, 1979. S. 411–426.*

правила, молиться за власти предрержащие и за епископа, издавшего привилегию. Обычно привилегии издавались на церковных соборах и скреплялись подписями многочисленных прелатов. Образец «двойной» привилегии приведен в сборнике Маркульфа (конец VII в.): за грамотой епископа следует королевское подтверждение, которое включает предоставление иммунитета⁵⁶.

Хотя большая часть сохранившихся грамот относится к монастырям, привилегии получали и базиликальные общины. В первую очередь речь идет об общине при базилике св. Дионисия (Сен-Дени), упомянутой в житии Балтхильды. От Ландерика, епископа Парижского, община получила грамоту, текст которой дошел до нашего времени в искаженном виде. Содержание грамоты в целом соответствует «малым привилегиям»: по просьбе короля епископ отказался от власти над общиной и ее владениями, сохранив за собой церковную юрисдикцию⁵⁷. В соответствующей привилегии короля Хлодвиг II (654), которая сохранилась в оригинале, дается гарантия имущественных прав общины, но не упоминается ни о свободном избрании аббата, ни об иммунитете церковных владений⁵⁸. Есть данные о привилегиях, которые получила другая важная галльская святыня — базилика св. Мартина в Туре. Высказывалось мнение, что община св. Мартина примерно тогда же получила «большую привилегию», что означало ее полное изъятие из юрисдикции местного епископа⁵⁹. Однако

⁵⁶ *Formulae Merovingici et Karolini aevi* / Ed. K. Zeumer (MGH. Formulae). Hannover, 1886. P. 39–43.

⁵⁷ *Cartulaire général de Paris* / Éd. R. de Lasteyrie. T. 1. Paris, 1887. P. 12–15; *Levillain L. Études...* P. 21, 26, 35–53, 339–342; *Semmler J. Saint-Denis...* P. 85–86.

⁵⁸ *Die Urkunden der Merowinger...* Tl. 1. P. 216–220; *Semmler J. Saint-Denis...* P. 85–87. Считается, что община св. Дионисия пользовалась иммунитетом со времен Хлотаря II (584–629/30) (*Die Urkunden der Merowinger*. Tl. 2. P. 597, 608), хотя в грамоте 716 г. среди королей, даровавших привилегию, первым назван Теодорих III (675–691) (*Ibid.* Tl. 1. P. 413).

⁵⁹ *Sato S. Chrodebert concéda-t-il le premier privilège épiscopal pour Saint-Martin de Tours? Une problématique méconnue // Haut Moyen Âge: Culture, éducation et société. Études offertes à Pierre Ri-*

достоверно известно лишь о привилегии, дарованной епископом Хродобертом (660-е годы), которую по просьбе турской общины подтвердил папа Адеодат II (672–676). Согласно папской грамоте, Хродоберт с ведома и одобрения других епископов пообещал, что не будет подвергать общину притеснениям и вмешиваться в ее внутренние дела. Кроме того, франкские короли приняли турскую общину под свою защиту⁶⁰. Впоследствии епископ Иббон (между 703 и 711 гг.) расширил права общины: даровал ей право самостоятельно избирать аббата при условии, что ее члены будут соблюдать бенедиктинский монашеский устав⁶¹. Примерно такие же привилегии получили базилики св. Петра и св. Колумбы от епископа Эммона Сансского в 660 г.: их содержание соответствовало «малым привилегиям» монастырей, причем епископ настаивал, чтобы в общинах соблюдались монашеские правила⁶². О том, как реформа Бальтхильды повлияла на другие базилики, упомянутые в ее житии, сведений почти нет. Например, ко времени Карла Великого базилика св. Медарда в Суассоне уже давно обладала общим иммунитетом, однако от меровингской эпохи сохранились только отдельные грамоты о дарении владений, на которые распространялась эта привилегия⁶³.

ché / Éd. M. Sot. La Garenne-Colombes, 1990. P. 171–182; *Idem*. The Merovingian Accounting Documents of Tours: Form and Function // *Early Medieval Europe*. 2000. Vol. 9. P. 157–160.

⁶⁰ *Patrologia Latina*. Т. 87. Col. 1141–1144; *Formulae*. P. 496–498. Об иммунитете, который община св. Мартина, как считается, получила по инициативе Бальтхильды, точных сведений нет (*Die Urkunden der Merowinger...* Тл. 2. P. 664). Сохранилась только привилегия Карла Великого от 782 г. (*Die Urkunden Pippins, Karlmanns und Karls des Grossen* / Bearb. E. Mühlbacher (MGH. Dipl. Karol. 1). Hannover, 1906. P. 191–193).

⁶¹ *Debus K.H.* Studien zu merowingischen Urkunden und Briefen // *Archiv für Diplomatik*. 1968. Bd. 14. P. 123–129.

⁶² *Cartulaire général de l'Yonne* / Éd. M. Quantin. Vol. 1. Auxerre, 1854. S. 10–17.

⁶³ *Die Urkunden Pippins...* S. 108–109; дарения Хлотаря IV: *Die Urkunden der Merowinger*. Тл. 1. S. 437–441; см.: *Semmler J.* "Per Iussorium Gloriosi Principis Childerici Regis" // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. 1999. Bd. 107. S. 23.

Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что важнейшие базилики не могли рассчитывать на такую степень автономии, какой обладали крупные монастыри. Епископские привилегии выделяли служителей базилик из общей массы духовенства, даровали им самоуправление и обеспечивали их имущественные права. Однако епископ не отказывался от духовной юрисдикции над базиликой и удерживал контроль над назначением аббата: только Эммон Сансский разрешил общинам санских базилик самостоятельно выбирать аббатов, сохранив за собой право их утверждения. Во всех грамотах дарование автономии так или иначе связывается с принятием монашеских правил. Базиликальная община могла добиться самостоятельности лишь в том случае, если она приобретала формальный статус монастыря. Таким образом, коллектив клириков не рассматривался как самодостаточный организм, способный к самоуправлению. В связи с этим можно указать на мнение исследователей о том, что в основе меровингских привилегий лежал своеобразный договор между властями и общиной: коллектив монахов или клириков обязывался вести праведную жизнь и соблюдать дисциплину, за это власти обещали не вмешиваться в его внутренние дела⁶⁴. Экземпция и иммунитет воспринимались как естественные атрибуты религиозной общины, позволявшие ей нормально существовать, не опасаясь внешнего давления и произвола⁶⁵. Для скрепления такого договора подписи одного епископа было недостаточно, поэтому привилегии обычно утверждались собором церковных иерархов и королем, а иногда даже Римским папой.

Если рассматривать привилегию как договор, который связывал обе стороны, естественно предположить, что экземпция позволяла общине перевести на новый уровень отношения с епископом, а иммунитет — укрепить отношения с монархом⁶⁶. Впоследствии каролингские монархи вместе

⁶⁴ Cp.: Rosenwein B.H. *Negotiating Space...* P. 80–81.

⁶⁵ Rennie K.R. *The Normative Character of Monastic Exemption in the Early Medieval Latin West // Medieval Worlds*. 2017. No. 6. P. 61–77.

⁶⁶ Fouracre P. *Eternal Light...* P. 65–67, 78–80; Rosenwein B.H. *Negotiating Space...* P. 74–76, 81; Semmler J. *“Per Iussorium...”*. P. 23; cp.: Fox Y. *Power and Religion...* P. 43–49.

с дарованием иммунитета принимали церковные учреждения под свою защиту и покровительство⁶⁷. Одаривая общину и наделяя ее привилегиями, король требовал от нее ответных услуг. Основные обязанности базиликальных клириков заключались в обслуживании святилища и регулярных богослужениях. Клирики должны были молиться за своих благодетелей перед гробницами святых, которые покровительствовали государству франков. Для того чтобы обеспечить регулярные торжественные богослужения, нужно было упорядочить внутреннюю организацию общины и установить в ней строгую дисциплину⁶⁸. Тенденция к установлению единых правил проявлялась во франкских монастырях, где вводились разнообразные уставы, главным образом правила святых Бенедикта и Колумбана. В базиликальных коллективах введение более строгой дисциплины означало формальное преобразование общины клириков в монастырь⁶⁹. Как отметила К. Мэтр, прецедентом здесь послужило торжественное «обновление» монастыря св. Маврикия в 515 г., когда по распоряжению бургундского короля Сигизмунда при базилике была организована монашеская община. Монахи этой обители постоянно совершали богослужения — «непрерывную хвалу» (*laus perennis*)⁷⁰. Впоследствии король Дагоберт I ввел такой же чин в базилике св. Дионисия, которая находилась под его особым покровительством. Очевидно, клирики считали «непрерывную хвалу» обременительной повинностью, поэтому после смерти короля эти богослужения прекратились и были восстановлены лишь в 654 г., когда Хлодвиг II издал привилегию в пользу базилики⁷¹.

⁶⁷ Kroell M. L'immunité franque... P. 229–238; Rosenwein B.H. Negotiating Space... P. 97, 109–112; Fouracre P. Eternal Light... P. 58; cp.: Renne K.R. The Normative Character...

⁶⁸ Maître C. De Saint-Maurice d'Agaune à Saint-Denis-en-France: La louange ininterrompue, fruit d'une volonté politique? // Revue Mabillon. 2010. T. 82. P. 32–35.

⁶⁹ Maître C. De Saint-Maurice... P. 27–29; cp.: Noizet H. La fabrique de la ville: Espaces et sociétés à Tours (IXe–XIIIe siècle). Paris, 2007. P. 30–31.

⁷⁰ Maître C. De Saint-Maurice... P. 6–17.

⁷¹ Ibid. P. 24–27; cp.: Semmler J. Saint-Denis... P. 100–103.

ГАЛЛЬСКИЕ БАЗИЛИКИ МЕЖДУ МЕРОВИНГАМИ И КАРОЛИНГАМИ

Дальнейшее развитие привилегированных общин можно проследить на примере крупнейших базилик св. Дионисия и св. Мартина. Базилика св. Дионисия нередко оказывалась в центре борьбы за власть в королевстве, хотя ее община не играла в этом самостоятельную роль. Во второй половине VII в. противоборствующие группировки стремились контролировать базилику, назначали своих ставленников в качестве аббатов и ссылали туда своих противников⁷². В то же время община получала многочисленные дарения, а в 716 г. король Хильперик II даровал ей иммунитет⁷³. Впоследствии базилика перешла под контроль правителей-Пипинидов, которые назначали аббатами угодных им лиц⁷⁴. Примерно в таком же положении находилась община св. Мартина: хотя она была не так тесно связана с франкскими правителями, в VIII в. ее возглавляли королевские ставленники, выполнявшие поручения монарха⁷⁵. Фульрад (ум. 784), аббат базилики св. Дионисия, был влиятельным политическим деятелем и пользовался доверием Пипина Короткого. Благодаря важной роли, которую он играл в переговорах между франкским королем и папой Стефаном II (752–757), аббат получил от понтифика особую привилегию. Все монастыри, находившиеся под властью Фульрада и его преемников, изымались

⁷² Semmler J. Saint-Denis... P. 88–92; ср.: Rosenwein B. H. Negotiating Space... P. 84–89.

⁷³ Die Urkunden der Merowinger... Tl. 1. P. 412–414; Levillain L. Études... P. 54–68. Подложная грамота Теодориха IV (723/24 г.) о введении свободных выборов аббата была составлена, очевидно, при аббате Фульраде, который получил ее подтверждение от Пипина Короткого (Die Urkunden der Merowinger... Tl. 1. P. 458–462; Die Urkunden Pippins... P. 34–35; см.: Semmler J. Verdient um das karolingische Königtum und den werdenden Kirchenstaat: Fulrad von Saint-Denis // Scientia veritatis. Festschrift für Hubert Mordek zum 65. Geburtstag / Hrsg. O. Münsch, T. Zotz. Ostfildern, 2004. S. 99–107, 111–114.

⁷⁴ Semmler J. Saint-Denis... P. 92–94.

⁷⁵ Vaucelle E.-R. La collégiale de Saint-Martin de Tours des origines à l'avènement des Valois (397–1328). Paris, 1908. P. 52–53.

из юрисдикции других епископов и подчинялись непосредственно папскому престолу. Более того, для совершения священных обрядов Фульраду разрешалось держать собственного епископа⁷⁶. Папа Адриан I в 786 г. уточнил эту привилегию: «аббат и монахи» св. Дионисия выбирали епископа, который принимал посвящение в сан от соседних епископов, а в случае их отказа — от самого папы. Только этот епископ имел право совершать положенные обряды в церквях и монастырях, принадлежавших базилике, действуя с ведома и согласия аббата⁷⁷. Собственный епископ был и в турской общине св. Мартина⁷⁸, но неизвестно, когда и каким образом община добилась этой привилегии.

Общины при базиликах св. Дионисия и св. Мартина с формальной точки зрения рассматривались как монастыри. Именно в таком качестве они фигурируют в дарственных грамотах и привилегиях. Однако можно ли считать их «настоящими» монастырями? Королевские грамоты содержат двусмысленные формулировки. Община св. Дионисия начиная с середины VII столетия все чаще обозначалась как монашеская обитель. Например, дарение короля Теодориха III в 690 г. получили «монастырь святого господина Дионисия, где сам он, драгоценный, телом своим почивает, и досточтимый муж аббат Хайнон, который руководит многочисленной братией монахов, собранной там в святом чине для воспевания хвалы Христу»⁷⁹. Однако в актах Хлодвиг III (IV), датированных 692–694 годами, упоминается только «базилика особенного нашего покровителя, господина Дионисия» и ее аббат Хайнон⁸⁰. Община св. Дионисия подчинялись небольшие монастыри, например обитель Тюссонваль, которую построил на своей родовой

⁷⁶ *Patrologia Latina*. T. 89. Col. 1013–1017; *Stoclet A. J. Fulrad...*; см.: *Levilain L. Études...* P. 332–339, 342; *Semmler J. Saint-Denis...* P. 96–97; *Rosenwein B.H. Negotiating Space...* P. 108–109; *Semmler J. Verdient...* P. 99–107.

⁷⁷ *Patrologia Latina*. T. 96. Col. 1211–1212.

⁷⁸ *Sato S. Chrodebert...* P. 176–177; *Semmler J. Verdient...* P. 104. Привилегия папы Адриана I (786 г.) с разрешением содержать епископа при базилике св. Мартина считается фальшивкой XI в. См.: *Noizet H. La fabrique...* P. 199–200.

⁷⁹ *Die Urkunden der Merowinger...* Tl. 1. S. 332–334.

⁸⁰ *Ibid.* S. 344–350.

земле аббат Хардерик⁸¹. Позднее аббат Фульрад завещал общине несколько основанных им монастырей в Эльзасе, Лотарингии и Алеманнии⁸². В королевских грамотах при Фульраде базилика св. Дионисия описывалась как общежительный монастырь (*cenobium*)⁸³, а в завещании аббата говорилось о «многочисленном сонме рабов Божьих, [которые] денно и нощно возносят хвалы Христу», заботятся о нищих, вдовах и сиротах⁸⁴. Однако принятые в общине порядки не соответствовали требованиям бенедиктинского устава, который в то время насаждали франкские короли и прелаты. Аббат базилики не был связан обетом бедности (нестяжания), о чем свидетельствует уже само завещание Фульрада — владельца множества имений, из которых одни он получил по наследству, другие приобрел, уже занимая должность аббата. Несомненно, бенедиктинский устав не соблюдался и в начале IX в., потому что аббат Хильдуин (814–840) вводил его насильственными мерами при поддержке светских и церковных властей. На основании этих данных Й. Земмлер пришел к выводу, что монашеские правила все же были введены в общине св. Дионисия в середине VII в., но на протяжении VIII в. их постепенно перестали соблюдать⁸⁵. А. Стокле относил упадок монашеской дисциплины ко времени Фульрада⁸⁶.

Противоречивые данные содержатся в источниках относительно турской общины св. Мартина. Меровингские королевские грамоты в пользу базилики не сохранились, но в епископских привилегиях служители храма именуются монахами. Согласно акту епископа Иббона, им было предписано соблюдать бенедиктинский устав⁸⁷. В конце VIII в., при аббате Итерии,

⁸¹ *Semmler J. Saint-Denis...* P. 112–121; *Rosenwein B.H. Negotiating Space...* P. 90–91.

⁸² О завещании Фульрада см.: *Stoclet A. Autour de Fulrad...*

⁸³ *Die Urkunden Pippins...* S. 9–13.

⁸⁴ *Stoclet A. Autour de Fulrad...* P. 469–471.

Semmler J. Saint-Denis... P. 97–111.

Stoclet A. Autour de Fulrad... P. 460–461.

⁸⁷ *Patrologia Latina*. T. 87. Col. 1141–1144; *Debus K.H. Studien zu merowingischen Urkunden und Briefen* // *Archiv für Diplomatik*. 1968. Bd. 14. S. 125–128

община все еще фигурирует в документах как монастырь⁸⁸. Однако в начале IX в. ее члены уже именовались канониками⁸⁹. По свидетельству Карла Великого, они называли себя то монахами, то канониками. Соглашаясь с императором, аббат Алкуин утверждал, что они не соблюдали бенедиктинский устав и принадлежали к некоему «третьему чину»⁹⁰. Под 813 и 818 годами упоминается о том, что служители базилики соблюдали «канонические установления». Вскоре община св. Мартина получила статус капитула каноников, тогда как община св. Дионисия была преобразована в бенедиктинский монастырь. Эти данные указывают на то, что крупнейшие базиликальные общины, формально являясь монастырями, на деле не соответствовали требованиям бенедиктинского устава⁹¹. Возможно, в составе этих общин были и клирики, и монахи⁹².

Сведения о базиликах св. Дионисия и св. Мартина можно дополнить отрывочными данными, относящимися к другим общинам. Парижская базилика св. Винcentия и св. Германа (Сен-Жермен-де-Пре) именуется монастырем в ряде королевских и частных актов, самый ранний из которых датирован 682 годом⁹³. Однако документ о сделке, в которой участвовал аббат Вальдромар (697 г.), свидетельствует о том, что члены общины не были связаны монашеским обетом нестяжания⁹⁴. Королевские грамоты VIII столетия в пользу базилик св. Арнульфа в Меце и св. Медарда в Суассоне не содержат упоминаний о монашеской братии⁹⁵, тогда как община базилики

⁸⁸ Die Urkunden Pippins... S. 140, 257; Gallia Christiana. T. 14. Paris, 1856. Instr. Col. 9–11.

⁸⁹ Vaucelle E.-R. La collégiale... P. 41.

⁹⁰ Alcuini Epp. 247, 249 (Epistolae Karolini aevi. T. 2 / Rec. E. Duemmler (MGH. Epist. 4). Berlin, 1895. P. 399–404).

⁹¹ Cp.: Noizet H. La fabrique... P. 35–36.

Stoclet A.J. Fulrad... P. 232–233.

⁹³ Recueil des chartes de l'abbaye de Saint-Germain-des-Prés / Éd. R. Poupardin. T. 1. Paris, 1909. P. 13–14, 20, 34, 35, 37, 38; Die Urkunden der Merowinger... Tl. 1. S. 384.

⁹⁴ Recueil des chartes... T. 1. P. 18–19.

⁹⁵ Die Urkunden der Merowinger... Tl. 1. S. 434–439; Die Urkunden Pippins... S. 108–109, 202–204.

св. Илария в Пуатье, согласно грамоте 768 г., рассматривалась как монастырь⁹⁶. При этом есть все основания полагать, что перечисленные базиликальные общины обладали одинаковым статусом.

Реформа королевы Балтхильды, имевшая столь существенные последствия для базиликальных общин, повлияла также на их материальное положение. Получив экзекуцию от епископа и иммунитет от монарха, община могла беспрепятственно привлекать пожертвования и наращивать земельные владения. Сохранившиеся данные о богатстве и процветании общин относятся прежде всего к базиликам св. Дионисия и св. Мартина (о других общинах известно гораздо меньше). Сведения о пожертвованиях монархов и частных лиц базилике св. Дионисия столь многочисленны, что подробно останавливаться на этом вопросе нет необходимости. Архив базилики св. Мартина сохранился гораздо хуже, но есть все основания полагать, что этот храм не многим уступал базилике св. Дионисия. После падения лангобардского королевства в 774 г. оба храма получили земли в Италии⁹⁷, а к концу VIII в. у базилики св. Дионисия, по-видимому, были имения даже в Англии⁹⁸. Церковные общины заботились о подробном учете владений и доходов. Община св. Мартина во второй половине VII в. составила опись своих земель с указанием держателей и их повинностей. В сохранившейся части описи перечислено около тысячи человек⁹⁹. Такие документы хранились в архиве, который, по-видимому, был у каждой общины¹⁰⁰.

⁹⁶ Die Urkunden Pippins... S. 32–33.

Stoet A. Autour de Fulrad... P. 202–203, 466.

Atsma H., Vezin J. Le dossier suspect des possessions de Saint-Denis en Angleterre revisité (VIIIe–IXe siècles) // Fälschungen im Mittelalter. Internationaler Kongreß der Monumenta Germaniae Historica (München, 16–19 September 1986). T. 4. Hannover, 1988. S. 211–236.

⁹⁹ Gasnault P. Documents financiers de Saint-Martin de Tours de l'époque mérovingienne // Journal des savants. 1970. No. 2. P. 82–93; Sato S. The Merovingian Accounting Documents...

¹⁰⁰ Сохранились упоминания об архивах орлеанской базилики св. Аннана и парижской базилики св. Дионисия. См.: Recueil des chartes de l'abbaye Saint-Benoît-sur-Loire. T. 1. P. 9; Die Urkunden der Merowinger... Tl. 1. P. 359; Levillain L. Études... P. 58.

Земельные владения были не единственным источником дохода. Со времен короля Дагоберта базилика св. Дионисия собирала торговые пошлины на знаменитой ярмарке, которая ежегодно проходила под стенами Парижа. В VII–VIII вв. право сбора пошлин оспаривали у общины сначала графы, а затем и епископы Парижские. Эти споры неоднократно становились предметами судебных разбирательств¹⁰¹. Привилегии на беспошлинный провоз товаров свидетельствуют о том, что община вела обширную торговлю и прибегала к услугам торговцев (*mercatores*)¹⁰². Среди дарений, которые базилика получила от меровингских королей, были две ренты размером 100 солидов каждая, которые выдавались из таможенных доходов в Марселе и из налогов, собранных в паге Ле-Мана¹⁰³. Неудивительно, что в базилике св. Дионисия скапливались значительные запасы денег, масла и вина¹⁰⁴. В 733 г. община турской базилики, приобретающая земли в Алеманнии, выплатила «цену из сокровищницы святого [Мартина]... 30 солидов»¹⁰⁵.

Управление имуществом храма и сбор доходов были возложены на специальных лиц, которые в то же время представляли общину на судебных разбирательствах. Эти служащие неоднократно упоминаются в документах VII–VIII вв. как *agentes* и *actores*¹⁰⁶. При аббате Фульраде «агентов» базилики св. Дионисия стали именовать адвокатами¹⁰⁷.

¹⁰¹ *Levillain L. Études...* P. 10–65; *Semmler J. Verdient...* P. 109–110; см. также: *Lombard-Jourdan A. Les foires de l'abbaye de Saint-Denis: Revue des données et révision des opinions admises // Bibliothèque de l'École des chartes. 1987. T. 145. P. 273–338.*

¹⁰² *Levillain L. Études...* P. 264–276; *Semmler J. Verdient...* P. 108–110.

¹⁰³ *Levillain L. Études...* P. 280–297; *Rosenwein B.H. Negotiating Space...* P. 89–90.

¹⁰⁴ *Levillain L. Études...* P. 276–278, 299; *Fouracre P. Eternal Light...* P. 79.

¹⁰⁵ *Gasnault P. Les actes privés de l'abbaye de Saint-Martin de Tours du VIIIe au XIIe siècle // Bibliothèque de l'École des chartes. 1954. T. 112. P. 40–41.*

¹⁰⁶ О служащих базилики св. Дионисия: *Die Urkunden der Merowinger...* Tl. 1. S. 228, 240–241, 244–245, 346–347, 350, 388–390, 392–393, 398, 416, 466–467; см. также: *Kroell M. L'immunité franque...* P. 105–107.

¹⁰⁷ *Die Urkunden Pippins...* S. 17–18, 188–189.

Эти сведения позволяют составить представление об имущественном положении общин, но о распределении доходов известно не много. В завещании Фульрада упоминаются расходы на содержание базилики св. Дионисия и служивших в ней «рабов Божьих», на прием паломников, помощь бедным и обездоленным. Благодаря грамоте, выданной в 775 г. Карлом Великим аббату Итерию, сохранились данные о том, как было организовано содержание членов турской общины св. Мартина. По свидетельству Итерия, его предшественник Аутланд (ок. 730 г.) выделил для этого 48 или 49 вилл, разделенных, в свою очередь, на 12 групп. Каждый месяц келарь собирал доходы с определенной группы владений. В декабре этим занимался портарий (привратник), который отвечал за прием паломников и содержание бедных¹⁰⁸. С остальных владений община могла взимать только определенные сборы. Очевидно, эти владения находились в распоряжении аббата, который раздавал их в качестве бенефициев вассалам общины¹⁰⁹. Распределение имущества между аббатом и общиной в Туре, а возможно, и в других местах предвосхитило каролингскую кампанию разделения менсы в IX в.

На протяжении трехсот лет меровингской эпохи при базиликах галльских святых возникли общины духовенства, претерпевшие за это время серьезные изменения. Группы клириков и мирян, которые обслуживали почитаемые святилища, заняли видное место в церковной иерархии. Привилегированные общины превратились в богатые и влиятельные организации, которые пользовались широкой автономией и располагали прочной материальной базой. Некогда служители базилик составляли лишь часть епископского клира, но к началу каролингских реформ они добились такой самостоятельности, на которую не могли рассчитывать клирики

¹⁰⁸ Die Urkunden Pippins... S. 139–140; см.: Lesne É. L'origine des menses dans le temporel des églises et des monastères de France au IXe siècle. Lille; Paris, 1910. P. 28–29; Gasmault P. Documents financiers. P. 91–92; Noizet H. La fabrique... P. 66, 78–80.

¹⁰⁹ Cp.: Durliat J. Les finances publiques de Diocletien aux Carolingiens (284–889). Sigmaringen, 1990. P. 244–245.

соборных храмов. Впрочем, далеко не все базилики обладали привилегиями и, следовательно, автономией. В качестве примера можно привести верденскую базилику св. Витона (Сен-Ванн), которая в VIII–IX вв. оставалась под контролем местного епископа. Общину храма возглавлял сначала епископский наместник — архидиакон, а позднее — сам епископ. Пожертвования в пользу храма поступали на имя епископа, который мог распоряжаться ими по своему усмотрению¹¹⁰. В таком же положении находилась базилика св. Бенigna в Дижоне: общину клириков там возглавлял либо епископ, либо его наместник¹¹¹.

К концу меровингской эпохи галльские базилики делились на две группы. Общины «старших базилик» (*seniores basilicae*), самых известных и почитаемых нейстрийских святилищ, пользовались правом самоуправления. Некоторые из них достигли полной независимости от местной церковной иерархии. Однако многие базилики по-прежнему находились под властью епископов и могли рассчитывать лишь на ограниченную автономию.

РАЗДЕЛЕНИЕ ЧИНОВ И ПОЯВЛЕНИЕ КАНОНИКОВ

В начале каролингского периода во франкской Галлии существовали две категории клириков, объединенных в организованные коллективы. Во-первых, епископское духовенство, которое содержалось за счет епархиальной казны и нередко составляло общину при кафедральном храме¹¹². Во-вторых, общины при базиликах, которые имели собственное руководство и особое имущество независимо от того, подчинялись они епископу или нет. На практике

¹¹⁰ Bloch H. Die älteren Urkunden des Klosters S. Vanne zu Verdun // Jahrbuch der Gesellschaft für lothringische Geschichte und Altertumskunde. 1898. Bd. 10. S. 377–384, 386; см.: Gaillard M. D'une réforme à l'autre (816–934): Les communautés religieuses en Lorraine à l'époque carolingienne. Paris, 2006. P. 205.

¹¹¹ Oexle O.G. Forschungen zu monastischen und geistlichen Gemeinschaften im westfränkischen Bereich. München, 1978. S. 166–167, 172–173.

¹¹² Например: Schieffer R. Die Entstehung von Domkapiteln in Deutschland. Bonn, 1976. S. 97–131.

обе категории духовенства далеко не всегда можно было отличить от монахов. До введения бенедиктинского устава франкским монахам далеко не всегда запрещалось владеть имуществом и заниматься пастырской деятельностью среди мирян¹¹³. «Почти что анархическое разнообразие»¹¹⁴ церковных коллективов было особенно заметно на германских окраинах, где епископы-миссионеры, нередко выходцы из англосаксонской Британии, окружали себя клириками и монахами. Такие «гибридные» коллективы существовали в Зальцбурге, Регенсбурге, Фрайзинге еще при Карле Великом¹¹⁵. Епископы-аббаты возглавляли некоторые крупные монастыри, например Лобб¹¹⁶. Из-за отсутствия четких границ между коллективами клириков и монахов общины, существовавшие при соборах и базиликах, нередко называли монастырями независимо от того, соблюдались там монашеские правила или нет¹¹⁷. Поэтому Павел Диакон, описывая первую общину «настоящих» каноников, отметил, что она была организована «наподобие общежительного монастыря» (*ad instar coenobii*)¹¹⁸.

Участники соборов, которые созывались по инициативе св. Бонифация в 740-х годах, указывали на необходимость более четко определить статус разнородных религиозных общин. Для этого они решили провести разделение церковных чинов, предписав клирикам соблюдать «канонические правила», а монахам — бенедиктинский устав¹¹⁹. На Верском соборе 755 г. было решено, что клирики могут жить либо

¹¹³ Semmler J. Mönche und Kanoniker in Frankenreich Pippins III. und Karls des Grossen // Untersuchungen zu Kloster und Stadt. Freiburg, 1980. S. 78–111.

Dereine Ch. Chanoines. Col. 364.

¹¹⁵ Semmler J. Mönche und Kanoniker. S. 92–94, 102–104; ср.: Усков Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья. СПб., 2001. С. 82–87.

¹¹⁶ Dierkens A. Abbayes et chapitres entre Sambre et Meuse (VIIe–XIe siècles). Sigmaringen, 1985. P. 91–109, 288–293, 297–299.

Marchal G.P. Was war... P. 780–781; Noizet H. Les basiliques. P. 341–342.

¹¹⁸ Paulus Diaconus. Liber de episcopis Mettensibus // MGH. SS. T. 2. P. 268.

¹¹⁹ Semmler J. Mönche und Kanoniker. S. 78–79.

в монастыре, соблюдая монашеский устав (*sub ordine regulari*), либо в подчинении у епископа, по «каноническому чину» (*sub ordine canonica*)¹²⁰. В соборных постановлениях есть терминологическая неясность: разумеется, церковные каноны должны были соблюдать все члены церкви, а не только клирики, жившие в общинах. Однако это были единственные правила, на которые могли указать реформаторы, поскольку особые уставы были только у монахов. Именно тогда термин «каноник» стал обозначать члена общины секулярных клириков, которая обслуживала определенный храм, вверенный ее попечению¹²¹. Благодаря каролингским реформам стал складываться институт каноников, в который влились различные категории духовенства, ранее обладавшие неодинаковым статусом. В первую очередь реформаторы подразумевали соборных клириков, живших под властью епископа, но впоследствии к числу каноников отнесли клириков, которые состояли в базиликальных общинах¹²².

Создавая новый церковный институт, реформаторы должны были сформулировать критерии принадлежности к каноникам и правила их существования. Эти задачи постарался решить влиятельный церковный иерарх Хродеганг Мецский. Вероятно, в связи с решением Верского собора Хродеганг составил правила для клириков своего кафедрального собора в Меце¹²³. Согласно уставу Хродеганга¹²⁴, каноники

¹²⁰ Верский собор, канон 11 (MGH. Capit. T. 1. P. 35). Ср. несколько более позднее постановление баварского собора в Ашхайме (канон 9) (MGH. Conc. T. 2. Pars 1. P. 58) и решение собора в Дингольфинге (770 г., канон 3) «о том, что епископы должны жить согласно канонам, а аббаты монастырей — согласно уставу» (Ibid. P. 94).

¹²¹ Например: Bonnerue P. Le choix des modèles monastiques et canoniaux dans la législation religieuse du premier quart du IXe siècle // Écrire son histoire: Les communautés régulières face à leur passé / Éd. N. Bouter. Saint-Étienne, 2006. P. 329–330.

¹²² Например: Meijns B. L'ordre canonial. P. 8–18.

¹²³ Marchal G.P. Was war... P. 781–782; Barrow J. Chrodegang, His Rule and Its Successors: Review Article // Early Medieval Europe. 2006. Vol. 14. P. 202; Meijns B. Les chanoines séculiers. P. 19–20; Barrow J. The Clergy. P. 76–77.

¹²⁴ S. Chrodegangi Metensis episcopi Regula canonicorum / Hrsg. W. Schmitz. Hannover, 1889; Bertram J. The Chrodegang Rules. The

жили в обособленном комплексе зданий (*claustrum*), примыкавшем к соборной церкви. В этом пространстве поддерживалась строгая дисциплина с четким дневным распорядком, основанным на суточном круге богослужений. Ради сохранения единства общины каноники упражнялись в аскетических добродетелях — братской любви, смирении и терпении, отречении от родственных уз и личных привязанностей¹²⁵. Хродеганг настоятельно требовал, чтобы каноники придерживались порядка в ритуальной рутине: церковных службах, общих собраниях, ежедневных и праздничных трапезах. Важной обязанностью каноников была совместная молитва в соборной церкви, т.е. дневные и ночные службы, чины которых Хродеганг заимствовал из Рима. Состав богослужения усложнился, клирики стали использовать хоральную псалмодию¹²⁶. Каждый день устраивалось общее собрание — капитул, на котором читали устав и поучения святых отцов, делали административные распоряжения.

Руководителем общины каноников был епископ. На него возлагалась забота о нуждах каноников и поддержание порядка в коллективе. В соответствии с общим направлением каролингских реформ Хродеганг акцентировал значимость епископа как верховного пастыря и главного администратора, который отвечал перед Богом за души вверенного ему народа¹²⁷.

По мысли Хродеганга, соборные каноники составляли элиту служителей церкви, подавали благой пример остальным клирикам и мирянам. Городское и сельское духовенство имело возможность ознакомиться с образцовыми порядками, принятыми в общине, в воскресные и праздничные дни, когда каноники приглашали всех клириков на общую трапезу и капитул. Таким образом, соборная община была встроена в церковную организацию. Фактическое руководство

Rules for the Common Life of the Secular Clergy from the Eighth and Ninth Centuries. Aldershot, 2005. P. 12–83.

¹²⁵ Claussen M.A. The Reform. P. 66–73.

¹²⁶ См., например: Dyer J. The Singing of Psalms in the Early-Medieval Office // *Speculum*. 1989. Vol. 64. P. 535–578.

¹²⁷ Claussen M.A. The Reform. P. 87–88, 92; cp.: Rosenwein B.H. Negotiating Space. P. 101–102.

капитулом осуществлял наместник, который в то же время мог замещать епископа при решении административных вопросов во всем диоцезе. Кроме того, на каноников было возложено попечение о духовных и материальных нуждах городских бедняков¹²⁸.

Особую сложность для Хродеганга составлял вопрос о праве каноников владеть имуществом. Мецский епископ обратился к образу первохристианской общины, в которой единение верующих строилось на общности имущества. Однако он признавал, что такие порядки было бы трудно навязать соборному клиру, в котором преобладали представители высших слоев общества. Немногие каноники соглашались пожертвовать имущество церкви и перейти к ней на содержание. Поэтому Хродеганг предложил компромисс: вступая в общину, каноник жертвовал недвижимое имущество и получал его обратно в качестве пожизненного прекария. Каноник мог управлять этим имуществом, но не в ущерб его собственнику — церкви. Таким образом, община была избавлена от необходимости содержать своих членов, а после их смерти имущество переходило в полное распоряжение церкви. Только неимущие каноники могли рассчитывать на церковное содержание¹²⁹.

При этом Хродеганг говорил не о новшествах, но лишь о возрождении забытых идеалов и восстановлении древних правил, которыми слишком долго пренебрегали¹³⁰. Введение «канонического чина» (*ordo canonicus*) мыслилось как возвращение к нормам правильного поведения клириков (*norma rectitudinis*), установленным святыми отцами много веков назад. Хродеганг описывал каноников как сообщество избранных служителей церкви, «связанных узами братской любви», которые усердно совершают свое служение в послушании законной иерархии. По-видимому, епископ преследовал и более конкретную цель: восстановить престиж соборного храма, сделать его средоточием духовной и интеллектуальной деятельности в противовес богатым и влиятельным монастырям, нередко отвергавшим авторитет

¹²⁸ Claussen M.A. The Reform. P. 107–112.

¹²⁹ Claussen M.A. The Reform. P. 94–103.

¹³⁰ Cp.: McKittrick R. The Frankish Church and the Carolingian Reforms, 789–895. London, 1977.

церковной иерархии¹³¹. Когда Хродеганг основал аббатство Горце, задуманное как образцовый монастырь с бенедиктинским уставом, он поместил монашескую общину под контроль епископской кафедры¹³².

При составлении устава для каноников Хродеганг ориентировался на монашеский устав св. Бенедикта, который послужил отправной точкой для его размышлений о «каноническом чине». В данном случае важны не столько заимствования из бенедиктинского устава (например, ежедневное собрание-капитул), сколько отличия от монашеских правил¹³³. Хродеганг не требовал от каноников соблюдать суровые аскетические практики, нестяжание, отречение от мирской суеты, потому что каноники должны были совершать свое служение в миру и служить образцом для всех христиан. Ограничения, наложенные на каноников, были обусловлены в первую очередь стремлением сохранить единство общины и обеспечить строгую дисциплину под контролем церковной власти.

По-видимому, Хродеганг не пытался распространить свой устав за пределы Мецской епархии, поэтому трудно определить, какое влияние он оказал на церковные общины в других регионах¹³⁴. Значение этого устава заключалось в том, что впервые были установлены критерии принадлежности к каноникам, подтверждено их самостоятельное положение по отношению к монашеству¹³⁵. Однако составление особого устава не означало повсеместного разделения чинов. Требования соблюдать различия между канониками и монахами неоднократно повторялись в капитуляриях Карла Великого и постановлениях церковных соборов. Так, в 789 г. франкский король призвал «служителей Божьего алтаря украшать свое служение добрыми нравами» и соблюдать либо правила

¹³¹ Claussen M.A. The Reform. P. 98.

¹³² Rosenwein B.H. Negotiating Space. P. 102–106, 112–114; cp.: Semmler J. Mönche und Kanoniker. S. 79.

¹³³ Leclercq H. Chanoines. Col. 240–243; cp.: Marchal G.P. Was war... P. 786–787; Barrow J. The Clergy. P. 77–78; подробнее см.: Claussen M.A. The Reform. P. 114–165.

¹³⁴ Barrow J. Chrodegang. P. 203, 205; eadem. The Clergy. P. 79.

¹³⁵ Heim M. Chorherren-Reformen. S. 25.

монашеской жизни, либо «канонический чин». При этом монахи должны были повиноваться своему аббату, а каноники — епископу¹³⁶. Королевским посланникам (*missi*) надлежало следить за тем, чтобы «аббаты каноников понимали и соблюдали каноны, а клирики-каноники жили согласно канонам»¹³⁷. Однако точный смысл этих постановлений оставался непонятным даже самому законодателю¹³⁸. В 811 г. Карл Великий поставил перед своими прелатами вопрос «о жизни так называемых каноников: какова она должна быть?»¹³⁹. Участники церковных соборов, которые состоялись в 813 г. в пяти городах империи, попытались внести ясность. Подтвердив принцип разделения чинов и потребовав от клириков «жить согласно канонам», они предписали каноникам соблюдать правила общежития — постоянно находиться в клуатре и повиноваться распоряжениям «епископа или наставника», получая за это содержание из церковных средств¹⁴⁰. В отличие от устава Хродеганга, в котором говорилось только о соборных канониках, церковное законодательство 813 г. делило каноников на две категории — соборных и монастырских. «Городские клирики-каноники» жили в епископских резиденциях, где для них следовало обустроить особый клуатр с dormitorio и refectorem. Они неукоснительно посещали богослужения и соблюдали строгую дисциплину, а епископ обеспечивал им достойное содержание. Подобные требования предъявлялись к каноникам, жившим в «монастырях», т.е. в базиликальных общинах, которые возглавляли аббаты¹⁴¹.

¹³⁶ Капитулярный "Admonitio generalis", § 72–73 (MGH. Capit. T. 1. P. 59–60); ср. соборное постановление 800 г. об обязательном соблюдении правил «канонической» или монашеской жизни (MGH. Conc. T. 2. Pars 1. P. 207).

¹³⁷ Capitulare missorum item speciale, § 32–35 (MGH. Capit. T. 1. P. 103).

¹³⁸ Semmler J. Mönche und Kanoniker. S. 95–98.

¹³⁹ Capitula tractanda cum comitibus, episcopis et abbatibus, § 11 (MGH. Capit. T. 1. P. 161).

¹⁴⁰ Реймский собор, кан. 8 (MGH. Conc. T. 2. Pars 1. P. 254); Майнцский собор, кан. 9 (Ibid. P. 262–263).

¹⁴¹ Турский собор, кан. 23 (Ibid. P. 289); ср. упоминание о канониках, живших в «монастыре» под началом аббата, в 21-м каноне Майнцского собора (Ibid. P. 267; см. также: Oexle O.G. Forschungen... S. 61).

Идея разделения чинов воплотилась далеко не сразу. В Лионе епископ Лейдрад организовал общины каноников не только при соборе, но и при других городских церквах, очевидно руководствуясь примером Хродеганга¹⁴². Введение «канонических» правил для крупных базиликальных общин проходило с переменным успехом. Власть поставила общины перед выбором: принять «канонические» правила или жить в соответствии с бенедиктинским уставом, т.е. стать монастырями. Уклоняясь от реформы, турская община св. Мартина под руководством Алкуина (796–804) прибегала к обструкции королевских указов. Карл Великий с негодованием упрекал членов общины в том, что они именовали себя «то монахами, то канониками, а иногда ни теми и ни другими». Защищая своих подчиненных, Алкуин уверял императора, что турские клирики прилежно выполняли свою основную обязанность — совершали богослужения и молились о благополучии государства. В том, что при базилике жили не только монахи и каноники, но и представители «третьего чина», Алкуин не видел серьезной проблемы, поскольку, по его словам, такова была общераспространенная практика¹⁴³. Тем не менее в турской общине предпринимались определенные меры, направленные на разделение чинов. Предшественник Алкуина, аббат Итерий, основал монастырь Кормери, по-видимому, для тех турских клириков, которые желали соблюдать монашеский устав. По просьбе Алкуина эту обитель реорганизовал Бенедикт Анианский, самый влиятельный монашеский деятель в государстве франков. Впоследствии аббат Фридугиз все же заставил клириков св. Мартина принять правила для каноников, выселив монахов в Кормери¹⁴⁴. Вероятно, такое же решение проблемы применили в общине базилики св. Илария в Пуатье: клирики храма стали канониками, а для монахов была организована

¹⁴² Oexle O.G. Forschungen... S. 152–157.

¹⁴³ Alcuinus. Epp. 246–247, 249, 258 (Epistolae Karolini aevi. T. 2. P. 399–404, 416); см.: Chelini J. Alcuin, Charlemagne et Saint-Martin de Tours // Revue d'histoire de l'Église de France. 1961. T. 47. P. 19–50; Oexle O.G. Forschungen... S. 120–133; Noizet H. La fabrique... P. 31–36.

¹⁴⁴ Vaucelle E.-R. La collégiale... P. 150–152; Chelini J. Alcuin... P. 40; Noizet H. La fabrique... P. 37.

особая община¹⁴⁵. По распоряжению императора Людовика Благочестивого упомянутый выше аббат Фридугиз провел разделение общины в обители Ситиу: одну часть монастыря отдали монахам (аббатство Сен-Бертен), другую — каноникам (капитул Сент-Омер). Хотя земельные владения также подверглись переделу, обе общины долгое время оставались под властью одного аббата и рассматривались как единая, хотя и «двойная» обитель¹⁴⁶. При определении нового статуса общины возникали конфликтные ситуации, как, например, в базилике св. Дионисия. Несмотря на увещевания Бенедикта Анианского и других влиятельных персон, большинство членов общины сделали выбор в пользу «канонических» правил, поэтому монахам пришлось удалиться в одну из дочерних обителей. Впоследствии аббат Хильдуин решил добиться возвращения монахов в Сен-Дени. Он убедил императора и епископов в том, что обитель некогда была «настоящим» монастырем, но ее насельники морально разложились и решили принять «канонические» правила, чтобы уклониться от соблюдения строгого бенедиктинского устава. Несмотря на ожесточенное сопротивление каноников, в 832 г. император вынес окончательное решение в пользу монахов. После этого базилика Сен-Дени получила статус бенедиктинского монастыря¹⁴⁷. В монашескую обитель была преобразована и община Сен-Реми в Реймсе¹⁴⁸. Такая же участь постигла и другие базиликальные общины, например Сен-Марсъяль в Лиможе и Сен-Бенинь в Дижоне.

Движение в сторону разделения чинов нашло отклики и у англосаксов. В конце VIII в. служители йоркского собора

¹⁴⁵ *Levillain L.* Les origines du monastère de Nouaillé // *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1910. T. 71. P. 241–298.

¹⁴⁶ *Meijns B.* Chanoines et moines à Saint-Omer: Le dédoublement de l'abbaye de Sithiu par Fridogise (820–834) et l'interprétation de Folcuin (vers 962) // *Revue du Nord*. 2001. No. 342. P. 691–705.

¹⁴⁷ *Levillain L.* Études... // *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1925. T. 86. P. 35–43; *Oexle O.G.* Forschungen... S. 23–34, 112–119; *Semmler J.* Saint-Denis... S. 107–111.

¹⁴⁸ *Flodoardus.* Historia Remensis ecclesiae. II. 17 (*Flodoard von Reims.* Geschichte der Reimser Kirche / Hrsg. M. Strattmann. Hannover, 1998 (MGH. SS. 36). S. 170); cp.: *Levillain L.* Études... // *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1925. T. 86. P. 65.

соблюдали особые дисциплинарные правила. При архиепископе Вульфреде (805–832) в кентерберийском соборе действовал некий устав, который предусматривал, в частности, общую трапезу клириков¹⁴⁹. Таким образом, формы организации англосаксонского духовенства развивались в том направлении, которое указывали каролингские реформаторы.

ЗАВЕРШЕНИЕ РЕФОРМЫ. АХЕНСКИЙ УСТАВ

Решающую роль в церковных преобразованиях сыграл новый устав для каноников (*Institutio canonicorum*), принятый на Ахенском соборе 816 г. по инициативе императора Людовика Благочестивого¹⁵⁰. Обращаясь к членам собора, император настоятельно указывал на необходимость упорядочить положение каноников, установить для них правила жизни, основанные на «священных канонах и изречениях святых отцов». Перед созывом собора была проведена серьезная подготовительная работа по сбору материалов¹⁵¹. Первая часть устава представляет собой обширную хрестоматию из сочинений отцов церкви и церковных канонов о дисциплине духовенства и служении клириков. Этот раздел был призван продемонстрировать древность и авторитет традиции, на которую опирались составители устава. Практическому применению этой традиции посвящена вторая часть, в которой сформулированы конкретные правила, обязательные для всех каноников.

Вслед за Хродегангом составители Ахенского устава стремились решить двойную проблему: определить различия между канониками и монахами и в то же время укрепить общинный уклад жизни каноников. В отличие от монахов каноники в первую очередь должны были заниматься

¹⁴⁹ Barrow J. Chrodegang. P. 202–203; *eadem*. The Clergy... P. 80–81.

¹⁵⁰ *Institutio canonicorum Aquisgranensis* (MGH. Conc. T. 2. Pars 1. P. 308–421).

¹⁵¹ Об авторстве устава, которое приписывали Амаларию Мецскому, Ансегизу, Бенедикту Анианскому и другим церковным деятелям, см.: Marchal G. P. Was war... P. 785; Bonnerue P. Le choix des modèles... P. 331–334; Gaillard M. D'une réforme... P. 124, 129; Barrow J. The Clergy... P. 82.

пастырской деятельностью, которая включала богослужения, благотворительность и образовательную деятельность. Были введены и формальные различия: каноники имели право владеть имуществом, есть мясную пищу и носить одежду из льна, что было запрещено монахам. Несмотря на обязательное наличие общего dormitorio и refectory, каноники могли жить в отдельных комнатах или домах, но только внутри клуатра. Важнейшей обязанностью каноников было богослужение, хотя присутствие всех без исключения членов общины требовалось только на последней вечерней службе (комплетории). Каноники были обязаны содержать школу, в которой воспитывались юные клирики, а также больницу и приют для нищих. Руководитель общины обозначается в уставе неопределенным термином «препозит», иногда упоминаются просто «начальники» (*praelati*). По отношению к имущественным правам составители устава сформулировали общий принцип: каноники должны были располагать имуществом, достаточным для поддержания общинной жизни и выполнения положенных обязанностей. Каноник сохранял все свое имущество при условии примерного поведения, но мог и отказаться от своих прав в пользу церкви, которая в таком случае должна была его содержать. Таким образом, требования Ахенского устава, смягченные по сравнению с уставом Хродеганга, носили компромиссный характер: каноники могли проживать и питаться отдельно, владеть собственным имуществом и посещать богослужения только раз в день. По-видимому, частные аспекты жизни каноников оставались на усмотрение руководства конкретных общин, в то время как другие вопросы были детально проработаны (например, внутренняя организация капитула и порядок богослужения)¹⁵².

Ахенский устав имел нормативный характер и был обязательен для соблюдения во всех общинах каноников. Сразу же после собора император позаботился о самом широком распространении нового устава. Он велел франкским митрополитам ознакомить епископов и «прочих прелатов» с текстом устава и создать необходимые условия для организации общин каноников, устроить для них клуатры

и выделить имущество. Император предупредил митрополитов, что его посланники будут контролировать выполнение этих распоряжений¹⁵³. Обязательный характер устава неоднократно подтверждался решениями церковных соборов. В Италии основные положения Ахенского устава, введенные императором-соправителем Лотарем I¹⁵⁴, утвердил папа Евгений I¹⁵⁵. Таким образом, Ахенский устав получил широкое распространение в империи Каролингов¹⁵⁶ и оказал определяющее влияние на становление соборных и коллегияльных капитулов.

Постановления Ахенского собора 816 г., подтвержденные указами императора, почти сразу же стали выполняться на местах. Соборные капитулы возникли практически во всех западнофранкских епископских городах, хотя источники не всегда позволяют установить время и обстоятельства их учреждения. В северных и зарейнских областях капитулы создавались еще в X в.¹⁵⁷, а в Италии нередко сохранялись традиционные формы организации соборного духовенства, восходившие к поздней Античности.

ЖИЗНЬ В КЛУАТРЕ

Согласно Ахенскому уставу, клуатр представлял собой огражденную и охраняемую территорию, примыкавшую к церкви. Доступ мирян в клуатр был ограничен, а женщинам и вовсе запрещен. В клуатре обязательно имелись

¹⁵³ Послания архиепископам Бордо, Зальцбурга, Лиона и Савса: MGH. Conc. T. 2. Pars 1. P. 456–464; Die Urkunden Ludwigs des Frommen / Hrsg. T. Kölzer (MGH. Dipl. Karol. 2). Tl. 2. Wiesbaden, 2016. S. 1209–1212; ср. распоряжение Хетти, архиепископа Трирского, епископу Фротарию Тульскому: Epistolae Karolini aevi. T. 3 (MGH. Epist. 6). Berlin, 1899. P. 278; Gaillard M. D'une réforme... P. 184–185; ср.: Semmler J. Saint-Denis... S. 82.

¹⁵⁴ Олонский капитулярный 825 г., § 7 (MGH. Capit. T. 1. P. 327).

¹⁵⁵ Римский собор 826 г., кан. 6/7 (MGH. Conc. T. 2. Pars 2. P. 569–570). Barrow. Chrodegang... P. 204; eadem. The Clergy... P. 83–84.

¹⁵⁷ Schieffer R. Die Entstehung... S. 254–257; Mériaux Ch. Gallia irradiata: Saints et sanctuaires dans le nord de la Gaule du haut Moyen Âge. Stuttgart, 2006. P. 150–151; ср.: Barrow J. The Clergy... P. 84.

дормиторий и рефекторий, иногда специальное помещение для собраний каноников (зал капитула). Здесь же, отдельно от клириков, размещались юные ученики, старики и больные¹⁵⁸. Во исполнение уставных предписаний вскоре после Ахенского собора при епископских храмах стали повсеместно устраиваться клуатры. Император Людовик Благочестивый лично следил за их сооружением, снабжал епископов средствами и предоставлял им земельные участки¹⁵⁹. Соборный клуатр в Турне упоминается уже в 817 г.¹⁶⁰, в Реймсе клуатр устроил архиепископ Эббон (816–835)¹⁶¹. В Ле-Мане епископ Франкон II (816–832) учредил рефекторий для соборных каноников, но полноценный клуатр появился только при его преемнике Альдрике (832–857)¹⁶². Лангрский епископ Альберик в 834 г. жаловался на своих предшественников, которые плохо заботились об устройстве клуатра и поддержании общежительных правил. В 858 г. Иона Отёнский перестроил соборный клуатр, который, по его словам, был недостаточно удобным для проживания¹⁶³. Остатки каролингского клуатра, занявшего часть прежней резиденции епископа, были найдены при археологических раскопках близ отёнского кафедрального собора¹⁶⁴. К середине IX в. соборные клуатры существовали уже во всех западнофранкских диоцезах.

Ахенский устав не запрещал каноникам жить в отдельных домах при условии, что эти дома располагались

¹⁵⁸ Picard J.-Ch. Les origines des quartiers canoniaux // *Évêques, saints et cités en Italie et en Gaule: Études d'archéologie et d'histoire*. Rome, 1998. P. 451–466.

¹⁵⁹ Lesne É. Histoire de la propriété ecclésiastique en France. T. 6. Lille, 1943. P. 18–19; Picard J.-Ch. Les origines... P. 460–462.

¹⁶⁰ Meijns B. L'ordre canonial... P. 11; Mériaux Ch. Gallia irradiata... P. 150. Semmler J. Mönche und Kanoniker... S. 101.

¹⁶² Actus pontificum Cenomannis in urbe degentium / Éd. G. Busson, A. Ledru. Le Mans, 1901. P. 277; Gesta domni Aldrici Cenomannicae urbis episcopi / Éd. R. Charles, L. Froger. Mamers, 1889. P. 11–12.

¹⁶³ Picard J.-Ch. Les origines... P. 461–462.

¹⁶⁴ Balcon-Berry S., Berry W. Autun: De la domus ecclesiae au palais épiscopal // *Des domus ecclesiae aux palais épiscopaux* / Éd. S. Balcon et al. Turnhout, 2012. P. 43–62.

на территории клуатра¹⁶⁵. После середины IX в. отдельно жили каноники многих соборных капитулов (в Шалоне, Анже и др.)¹⁶⁶ и капитула Сен-Мартен в Туре¹⁶⁷. Индивидуальные жилища стали обычным явлением в большинстве французских капитулов к концу XI в., хотя в Бургундии они появились только в XII в.¹⁶⁸ При этом в клуатре обязательно сохранялись и помещения общего пользования: рефекторий использовался для ежедневных или хотя бы праздничных трапез, а в dormitorio могли жить бедные каноники, которые не имели возможности приобрести отдельный дом¹⁶⁹. Вероятно, имущественное расслоение среди каноников было причиной устройства двух клуатров при коллегиальной церкви в Романе (1049 г.): один из них предназначался «для совместной жизни [каноников] по уставу», другой — «для сооружения собственных жилищ»¹⁷⁰. Со временем все чаще допускались нарушения ахенских правил. Например, каноники могли жить в собственных домах вне клуатра¹⁷¹. Иногда клуатр разрастался и занимал целые кварталы, так что раздельное проживание каноников и мирян было невозможно обеспечить. Укрепления, возведенные в 918 г. канониками Сен-Мартена в Туре, охватили значительную часть современной городской территории с несколькими приходскими церквями, где каноники жили вместе с мирянами¹⁷².

¹⁶⁵ Lesne É. Histoire... Т. 6. Р. 24; Barrow J. The Clergy... Р. 290–291.

¹⁶⁶ Lesne É. Les origines de la prébende // Revue historique de droit français et étranger. Sér. 4. 1929. Т. 8. Р. 244–245.

Noizet H. La fabrique... Р. 38, 42–43.

¹⁶⁸ Например: Le Grand M. Le chapitre cathédral de Langres: Son organisation et son fonctionnement, de la fin du XIIe siècle au concordat de 1516 // Revue d'histoire de l'Église de France. 1929. Т. 15. Р. 438.

¹⁶⁹ Например: Noizet H. La fabrique... Р. 41–44. В кафедральном соборе Анже dormitorio и рефекторий сохранялись до середины XII в. См.: Robin G. Le problème de la vie commune au chapitre de la cathédrale Saint-Maurice d'Angers du IXe au XIIe siècle // Cahiers de civilisation médiévale. 1970. Т. 13. Р. 314, 321–322.

¹⁷⁰ Cartulaire de l'abbaye de Saint-Barnard de Romans / Éd. U. Chevalier. Т. 1. Romans, 1898. Р. 107.

Lesne É. Histoire... Т. 6. Р. 24–25.

¹⁷² Noizet H. La fabrique... Р. 107–119.

Впоследствии «большие клуатры» крупных и богатых капитулов внешне мало отличались от обычных городских кварталов. Независимо от того, как выглядел клуатр, на его территорию обычно распространялись привилегии «свободы» и «иммунитета», которые даровал монарх или местный сеньор¹⁷³. В Туре привилегированным статусом обладал не только «большой клуатр» Сен-Мартен, но и его «пригород», находившийся в юрисдикции каноников¹⁷⁴. Привилегии нередко распространялись на дома каноников, находившиеся за пределами клуатра¹⁷⁵.

Дома в клуатре считались собственностью капитула, хотя у каждого дома был владелец — живший в нем каноник. Чаще всего каноникам разрешалось покупать и продавать дома, но такие сделки могли совершаться только между членами общины¹⁷⁶. Свободные дома каноникам продавал капитул¹⁷⁷. С согласия общины каноник мог передать свой дом по наследству, но его новый владелец должен был стать членом капитула¹⁷⁸. Практика наследования домов появилась в несорборных капитулах в IX в. Например, в капитуле Сен-Мартен в Туре она известна с 844 г., в капитуле Сен-Корней

¹⁷³ См., например, королевскую привилегию 1057 г. о "*libertas claustris*" амьенского собора (*Cartulaire du chapitre de la cathédrale d'Amiens*. T. 1. Amiens, 1905. P. 7–8); императорскую привилегию 1178 г. соборному капитулу Арля (*Gallia Christiana Novissima: Histoire des archevêchés, évêques et abbayes de France: Arles* / Éd. J.-H. Albanès, U. Chevalier. Valence, 1901. Col. 248–249). В 1104 г. местный граф объявил неприкосновенными жилища каноников собора в Труа. См.: *Collection des principaux cartulaires du diocèse de Troyes*. T. 5: *Cartulaire de Saint-Pierre de Troyes; Chartes de la collégiale de Saint-Urbain de Troyes* / Éd. Ch. Lalore. Paris; Troyes, 1880. P. 4–6).

¹⁷⁴ Noizet H. La fabrique... P. 97–119.

Lesne É. Les origines... 245–246; *Idem*. Histoire... T. 6. P. 24–25.

¹⁷⁶ Например: *Cartulaire de l'église Notre-Dame de Paris*. T. 1. P. 242–243 (Париж, 911 г.); см.: Lesne É. Histoire... T. 6. P. 24–26; Picard J.-Ch. Les origines... P. 462; Barrow J. Cathedrals, Provosts and Prebends: A Comparison of Twelfth-Century German and English Practice // *Journal of Ecclesiastical History*. 1986. Vol. 37. P. 549.

¹⁷⁷ Например: *Cartulaire de l'église Notre-Dame de Paris*. T. 1. P. CIX–CX, CXII.

¹⁷⁸ Lesne É. Les origines... P. 245–246; Barrow J. The Clergy... P. 288–289.

в Компьене — с 877 г.¹⁷⁹ Нередко каноники дарили или завещали свои дома капитулу в качестве платы за вечное поминовение¹⁸⁰.

Насколько позволяют судить данные источников, условия жизни в клуатре все больше расходились с предписаниями Ахенского устава. Скорее всего, каноники с самого начала предпочитали трактовать уставные нормы в широком смысле. Уже при Каролингах в полной мере проявилась тенденция к раздельному проживанию каноников¹⁸¹. После того как каноники расселялись по отдельным домам, общие трапезы становились необязательными¹⁸². Обычно это объясняют нежеланием каноников соблюдать строгие уставные требования, но были и другие причины, повлиявшие на распад общежительного уклада. Совместное проживание и питание каноников требовали немалых средств, которые к тому же должны были поступать регулярно. Об этом есть прямые свидетельства: каролингские правители нередко обеспечивали общины каноников владениями и доходами, предназначенными специально для поддержания общежития. В соответствии с указанием Ахенского устава о том, что каноников не должно быть слишком много, Каролинги нередко ограничивали количество членов в капитулах¹⁸³. Если материальное положение капитулы ухудшалось, каноники переходили на самообеспечение и отказывались от общежительного уклада¹⁸⁴.

МЕНСА И ПРЕБЕНДА

Согласно каролингским представлениям, каждое церковное учреждение должно было иметь собственные источники

¹⁷⁹ *Lesne É. Les origines...* P. 247–248; *cp.: Noizet H. La fabrique...* P. 92.

¹⁸⁰ *Lesne É. Histoire...* T. 6. P. 26.

¹⁸¹ *Ibid.* P. 29; *Picard J.-Ch. Les origines...* P. 462; *Barrow J. The Clergy.* P. 286–287.

¹⁸² *Barrow J. Cathedrals, Provosts...* P. 540.

Например: *Mériaux Ch. Gallia irradiata...* P. 150.

¹⁸⁴ *Marchal G.P. Was war...* P. 27–29; *Heim M. Chorherren-Reformen...* S. 27; *Gaillard M. D'une réforme...* P. 185–187; *cp.: Lesne É. Les origines...* P. 250.

дохода, которые обеспечивали его существование. Учреждения, выполнявшие разные функции, должны были иметь разные источники дохода. Владения епископской кафедры превратились в бенефиций прелата, поэтому капитулы не могли ими пользоваться. Следовательно, им нужно было выделить особые источники дохода¹⁸⁵. В первых десятилетиях IX столетия владения и доходы многих крупных монастырей были разделены между аббатом и монашеской общиной (разделение менсы)¹⁸⁶. Подобным образом владения епископской кафедры делились между епископом и соборным капитулом, а владения несоборных капитулов — между аббатом и общиной. Это позволяло предотвратить конфликт интересов: прелат-бенефициарий (епископ или светский аббат), обычно ставленник монарха, выполнял различные повинности в пользу государства, но не мог пользоваться для этого имуществом, которое было отведено для общины¹⁸⁷.

После Ахенского собора император Людовик Благочестивый велел епископам наделить своих каноников достаточными средствами. По-видимому, сначала прелаты выделяли каноникам определенное содержание, но со временем стали предоставлять им земельные владения. Например, в 829 г. епископ Инхад по просьбе каноников парижского собора выделил им девять вилл, оговорив при этом отказ от всех прочих обязательств. На эти средства каноники должны были содержать соборный храм и госпиталь, оказывать гостеприимство клирикам и монахам¹⁸⁸. В 834 г. император утвердил менсу соборных каноников в Лангре¹⁸⁹. В несоборных капи-

¹⁸⁵ *Lesne É. Évêché et abbaye: Les origines du bénéfice ecclésiastique // Revue d'histoire de l'Église de France. 1914. Т. 5. Р. 16-17, 26-28, 36-37.*

¹⁸⁶ Понятие «менса» (т.е. «общий стол») означало совокупность владений, отведенных для содержания общины. См.: *Lesne É. L'origine des menses dans le temporel des églises et des monastères de France au IXe siècle. Lille; Paris, 1910. Р. 8-9.*

¹⁸⁷ *Lesne É. L'origine des menses...*

¹⁸⁸ *Cartulaire générale de Paris / Éd. R. de Lasteyrie. Т. 1. Paris, 1887. Р. 49-51; Cartulaire de l'église Notre-Dame de Paris. Т. 1. Р. lxxli-lxiv.*

¹⁸⁹ *Le Grand M. Le chapitre cathédral de Langres // Revue d'histoire de l'Église de France. 1929. Т. 15. Р. 434-435.*

тулах инициатива нередко принадлежала светским аббатам: в 835 г. была учреждена менса каноников при базилике Сен-Марсель близ Шалона, позднее — при церкви Сен-Серж в Анже¹⁹⁰. В турской базилике св. Мартина, где разделение земельных владений произошло еще в VIII в., были поделены доходы от пожертвований верующих: треть отошла каноникам, две трети — аббату (832 г.)¹⁹¹. Примерно тогда же разделы церковных владений между епископом и служителями кафедрального собора стали происходить и в англосаксонской Англии¹⁹².

На практике разделение владений между епископом и соборным капитулом далеко не всегда было полным и окончательным. Сначала прелаты скудно оделяли своих каноников, поскольку те имели право владеть имуществом и могли содержать себя самостоятельно¹⁹³. В некоторых городах соборные капитулы, получив всего по одной вилле, по-прежнему зависели от епископа, который выделял им содержание. Со временем капитулы стали получать более существенные наделы¹⁹⁴. Однако они далеко не сразу добились имущественной автономии. Епископ или аббат по-прежнему рассматривался как полномочный представитель общины, поэтому сделки с имуществом совершались, как правило, от его имени¹⁹⁵. Так, в Анже епископ по-прежнему управлял церковными владениями и действовал как представитель капитула, хотя и «с согласия братьев св. Маврикия», т.е. соборных каноников. Среди прочего капитул пользовался правами на беспошлинную перевозку грузов и на половину торговых пошлин, взимавшихся в Анже. В связи с материальными трудностями, возникшими из-за военных действий в долине

¹⁹⁰ Lesne É. L'origine des menses... P. 87–92.

Ibid. P. 114, 119.

¹⁹² John E. The Division of the Mensa in Early English Monasteries // Journal of Ecclesiastical History. 1955. Vol. 6. P. 143–155; Knowles D. The Monastic Order in England. P. 757.

¹⁹³ Institutio canonicorum Aquisgranensis. 115 (MGH. Conc. T. 2. Pars 1. P. 397).

¹⁹⁴ Lesne É. L'origine des menses... P. 79, 123–125.

¹⁹⁵ Например: Barrow J. Cathedrals, Provosts... P. 539–540.

Луары, епископ распределил часть церковных владений между канониками, тем самым сложив с себя ответственность за их содержание¹⁹⁶. Сложилась тенденция к расширению автономии капитулов и к сокращению полномочий епископа или аббата¹⁹⁷. В конце концов капитулы стали рассматриваться как юридические лица, корпорации, которые могли самостоятельно распоряжаться своим имуществом¹⁹⁸. В целом на территории современной Франции церковные владения почти повсеместно были разделены между епископом и канониками, тогда как на германских землях этот процесс затянулся до позднего Средневековья¹⁹⁹.

Разделение менсы не везде проходило одновременно и одинаковым образом. Например, в Отёне на протяжении IX и X вв. соборный капитул оставался под контролем епископа, хотя получил и особую менсу, а король распространил на его владения иммунитет²⁰⁰. Лиможский соборный капитул уже в каролингскую эпоху выступал независимым собственником — получал дарения и самостоятельно распоряжался своими владениями²⁰¹. Соборный капитул Парижа в конце X в. обладал судебным и налоговым иммунитетом, а местный епископ не имел никакого отношения к его владениям²⁰². В Анже епископ отказался от прав на владения и доходы соборных каноников лишь в XI–XII вв.²⁰³ В Арле, согласно документам X–XI вв., имущественные права архиепископа и соборных каноников не были четко разделены, поэтому при заключении сделок каноники должны были заручиться согласием архиепископа, а тот — согласием

¹⁹⁶ Robin G. Le problème... P. 306–310. Ср. привилегию короля Людовика VI парижским соборным каноникам (1119) (*Cartulaire de l'église Notre-Dame de Paris*. T. 1. P. 255–256).

¹⁹⁷ Marchal G.P. Was war... P. 787–789.

¹⁹⁸ Ср.: Dereine Ch. Chanoines... Col. 368.

¹⁹⁹ Например: Marchal G.P. Was war... P. 792.

²⁰⁰ *Cartulaire de l'église d'Autun*. T. 1. P. 7, 31, 33.

²⁰¹ Aubrun M. L'ancien diocèse de Limoges des origines au milieu du XIe siècle. Clermont-Ferrand, 1981. P. 142–148.

²⁰² *Cartulaire de l'église Notre-Dame de Paris*. T. 1. P. 275–276.

²⁰³ Robin G. Le problème... P. 310–314.

каноников²⁰⁴. На первый взгляд такое положение ставило каноников в зависимость от епископа, однако иногда оно оказывалось выгодным. Если полномочия епископа и каноников не были разграничены, то соборный капитул мог наложить вето на имущественные сделки, которые заключал епископ. Он мог претендовать на участие в церковной юрисдикции епископа (например, взимать часть церковной дани, собиравшейся со всего духовенства диоцеза) и на долю его сеньориальных прав. Так, соборный капитул Лиона в 1173 г. разделил с архиепископом власть над Лионским графством. Подобным образом в 1179 г. соборный капитул Лангра получил от местного епископа треть графства Лангрского²⁰⁵.

Менса каноников обычно состояла из земельных владений и доходов, заметную ее часть составляли приходские церкви, находившиеся под контролем капитула. Как правило, каноники обладали судебными привилегиями: в сферу их юрисдикции входил не только храм с его служителями, но и владения капитула, где бы они ни находились²⁰⁶. Управление менсой могло быть организовано по-разному. Как правило, эти обязанности возлагались на специальных должностных лиц, которых выбирали каноники²⁰⁷. Владения парижского соборного капитула были разделены на 12 превоств, во главе которых стояли выборные препозиты (прево) из числа каноников. Им подчинялись местные власти, назначенные капитулом: мэры, дуайены и сержанты²⁰⁸. Подобным образом администрацию менсы турского капитула Сен-Мартен возглавляли 15 наместников-прево²⁰⁹.

²⁰⁴ Gallia Christiana Novissima: Arles. Col. 119–120, 123–124, 127–128, 133–134, 137–138.

²⁰⁵ *Le Grand M. Le chapitre cathédral de Langres // Revue d'histoire de l'Église de France.* 1929. T. 15. P. 438.

²⁰⁶ Например: *Cartulaire de l'église Notre-Dame de Paris.* T. 1. P. CXV–CXXIX.

²⁰⁷ Например: *Collection des principaux cartulaires du diocèse de Troyes.* T. 5. P. 5–6.

²⁰⁸ *Cartulaire de l'église Notre-Dame de Paris.* T. 1. P. LXVI, CXVI, CXXXVII–CLVII.

²⁰⁹ *Vaucelle E.-R. La collégiale...* P. 210–213, 298–303, 307–324.

После выделения менса, в свою очередь, делится на пребенды — индивидуальные держания каноников (во Франции примерно с X в., в других странах позднее). Чаще всего пребенда — часть доходов капитула, выделенная на содержание определенного каноника. Базовая форма пребенды — право на участие в раздаче продуктов питания (для общей трапезы или индивидуального потребления, нередко сочетание того и другого). Со временем раздача продуктов превратилась в дополнение к пребенде, которая заключалась в распределении дохода. Раньше всего особые пребенды создавались для должностных лиц. Учреждались персональные пребенды, для их обеспечения даритель (епископ, аристократ и т.д.) предоставлял капитулу определенный доход; такие пребенды могли передаваться по наследству. Со временем практика наследования пребенд широко распространилась. Пребендарием могло быть и юридическое лицо (епископская кафедра, монастырь). В тех случаях, когда делились не доходы, а владения, могли совершаться периодические переделы менсы (в одних капитулах господствовал уравнилельный принцип, в других пребенды сильно разнились по доходности). Менса не вся делилась на пребенды: обычно оставались общие владения капитула, часть которых могла отдаваться в качестве бенефиция, прежде всего тем же каноникам.

«ДЕГРАДАЦИЯ» И «РЕФОРМЫ»

«Общая жизнь» считалась нормой для организованного духовенства, какой бы ни была форма распределения доходов. Это противоречие использовали монашеские полемисты, которые рассматривали каноников как разложившихся монахов, отвергших строгий бенедиктинский устав²¹⁰. Так, аббат Одон Ключонийский неустанно обличал распущенное поведение турских каноников и побудил папу Римского пригрозить им отлучением от церкви, если они не изменят свой образ жизни²¹¹.

²¹⁰ Например, высказывания Адемара Шабаннского об «отступничестве» турских монахов, объявивших себя канониками. См.: *Vaucelle E.-R. La collégiale...* P. 43–44.

²¹¹ *Noizet H. La fabrique...* P. 107–116.

Каноники, стремившиеся вести аскетический образ жизни, все чаще покидали капитулы и уходили в монастыри, прежде всего в реформированные обители (Горце, Бронь, Клуни и др.). Именно так поступили Одон, Майоль, Одилон, ставшие впоследствии клюнийскими аббатами; после них — Ришар из Сен-Ванна и Роберт, основатель аббатства Ла-Шез-Дьё, а также св. Бруно, основатель ордена картезианцев²¹². В монастыри уходили и не столь известные деятели, например диакон Ардуин, каноник базилики Сен-Мартен в Туре, который в 942 г. стал монахом-бenedиктинцем²¹³. Распространенное убеждение в превосходстве монашеского образа жизни приводило к преобразованиям капитулов в монастыри. Так, в 942 г. епископ Мецский изгнал каноников из базилики св. Арнульфа и передал ее монахам²¹⁴. Точно так же в 966 г. граф Анжуйский поступил с канониками базилики св. Альбина²¹⁵. Известны отдельные примеры преобразования монастырей в общины каноников, но это происходило нечасто²¹⁶.

Под влиянием монашеской риторики отступления каноников от буквы Ахенского устава обычно воспринимались как признаки морального разложения «канонического чина». Многие епископы пытались остановить этот процесс и требовали, чтобы соборные каноники соблюдали правила общежития. Одним из первых такие распоряжения издал Адальберон Реймский (969–989)²¹⁷, за ним последовали Ноткер Льежский (972–1008)²¹⁸, Манассия,

²¹² Picard J.-Ch. *Les origines...* P. 459, 463–464; ср.: *Dereine Ch. Chanoines...* Col. 370, 372.

²¹³ Loizeau de Grandmaison P.-Ch.-A. *Fragments de chartes du Xe siècle provenant de Saint-Julien de Tours, recueillis sur les registres d'état civil d'Indre-et-Loire* // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1885. T. 46. P. 398–401.

²¹⁴ Gaillard M. *D'une réforme...* P. 186.

²¹⁵ *Cartulaire de l'abbaye de Saint-Aubin d'Angers* / Éd. B. de Broussillon. T. 1. Paris, 1903. P. 4–7.

²¹⁶ *Dereine Ch. Chanoines...* Col. 367.

²¹⁷ Richerus. *Historiae*. 3. 24 (*Richer von Saint-Remi. Historiae* / Hrsg. H. Hoffmann (MGH. SS, 38). Hannover, 2000. P. 183).

²¹⁸ *Anselmus. Gesta episcoporum Leodiensium*. 25 (MGH. SS. T. 7. P. 203).

епископ Труа (ум. 993)²¹⁹, и другие прелаты. Реформаторы восстанавливали и расширяли клуатры, наделяли каноников новыми источниками дохода и утверждали их имущественные права. Нередко им позволяли самостоятельно выбирать главу капитула — так поступил, например, Безансонский архиепископ Гуго из Салена (1031–1066), который разрешил своим каноникам самостоятельно выбирать декана²²⁰. Случалось и так, что каноники сами возвращались к общежительному укладу, если им удавалось укрепить материальное положение своей общины²²¹. Преобразования происходили главным образом в соборных капитулах, но не только: на протяжении XI в. с переменным успехом реформам подвергался капитул св. Маврикия (совр. Сен-Морис в Швейцарии)²²².

Усилия епископов, направленные на восстановление «общей жизни» каноников, получили новый импульс в эпоху григорианской реформы. Ахенский устав стали критиковать за излишнюю, по мнению реформаторов, мягкость. От каноников требовали отказа от личного имущества и возвращения к первохристианскому идеалу нестяжания. Новые правила так называемых регулярных каноников, в первую очередь августинский устав, были приняты большинством соборных капитулов в Южной Франции и Испании.

Другая тенденция возобладала в англосаксонской Британии, где соборных клириков заставляли принимать бенедиктинский устав. К началу XI в. при многих кафедральных соборах были учреждены монашеские общины, наделенные правами и обязанностями соборных капитулов. Заменяя каноников монахами, англосаксонские епископы-реформаторы действовали под влиянием континентальной монашеской

²¹⁹ Collection des principaux cartulaires du diocèse de Troyes. T. 5. P. ix.

²²⁰ Vregille B., de. Hugues de Salins, archevêque de Besançon 1033–1066. Lille; Besançon, 1976. P. 381–389.

²²¹ Robin G. Le problème... P. 310–314.

²²² Ripart L. Saint-Maurice d'Agaune et la réforme canoniale (fin X^e – milieu du XIIe siècle) // Autour de saint Maurice. Politique, société et construction identitaire / Éd. N. Brocard et al. Saint-Maurice, 2012. P. 219–234.

пропаганды и в то же время опирались на каролингские уставы для каноников²²³.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КАПИТУЛОВ

Большинство капитулов, соборных и коллегиальных, сопротивлялось реформе. Те общины, которым удалось сохранить привычный уклад жизни, стремились к более широкой автономии. Прежде всего они добивались самоуправления. Со времен Каролингов в каждом капитуле был руководитель, которого назначал епископ или король: в соборах это был наместник епископа, чаще всего именовавшийся препозитом, а в коллегиальных храмах — аббат. На протяжении X–XII вв. бразды правления постепенно переходили к декану — выборному «председателю» капитула, который действовал с согласия общины и отчитывался перед ней. Увеличивалось количество должностей, которым соответствовали определенные права и обязанности. В капитуле обязательно были лица, ответственные за богослужение, содержание храма и зданий общины, управление имуществом. За это они могли рассчитывать не только на материальное вознаграждение (дополнительные пребенды или бенефиции), но и на высокий статус в общине, возможность влиять на решения, которые принимал коллектив. Более строгой и четкой становилась внутренняя иерархия капитула: выделялись старшие каноники, полноправные и неполноправные члены общины.

Принятие в капитул новых каноников регулировалось местными обычаями, которые могли сильно различаться. Общее правило гласило, что каноник мог занять только вакантное место со свободной пребендой. Следовательно, количество членов зависело от материального благосостояния общины. Впрочем, можно было учредить новую вакансию,

²²³ Knowles D. *The Monastic Order in England: A History of Its Development from the Times of St. Dunstan to the Fourth Lateran Council (940–1216)*. Cambridge, 1976. P. 621–624; Barrow J. *English Cathedral Communities and Reform in the Late Tenth and the Eleventh Centuries* // *Anglo-Norman Durham* / Ed. D. Rollason et al. Woodbridge, 1994. P. 25–39; eadem. *The Clergy*. P. 86–89, 92–96.

обеспечив ее владениями и доходами, которые переходили в собственность капитула и составляли особую пребенду. Первоначально каноников назначал епископ или сеньор, которому подчинялся капитул, но иногда это право переходило к коллективу. Так, в турецком капитуле св. Мартина светский аббат Роберт, который в 922 г. стал королем Франции, разрешил декану принимать новых каноников с согласия общины²²⁴. Некоторыми пребендами в Туре распоряжались должностные лица, например казначей²²⁵. Епископы могли даровать своим соборным капитулам право самостоятельно принимать новых членов²²⁶. Однако чистая кооптация оставалась редким явлением, хотя обычно коллектив тем или иным способом участвовал в принятии новых членов. Например, епископ назначал каноника, но тот должен был получить одобрение капитула. В некоторых капитулах одни пребенды распределял епископ, другие оставались под контролем общины.

Кандидаты в каноники должны были соответствовать определенным критериям. Чаще всего требовалось, чтобы кандидат был рожден в законном браке, отличался добропорядочным поведением, достиг зрелого возраста (обычно не менее 18 лет) и был способен участвовать в богослужении. Во Франции и особенно в Германии в самые престижные капитулы принимали только лиц благородного происхождения. Начиная с XII столетия все шире распространялся обычай принимать у каноников присягу на верность капитулу. При вступлении в общину каноник клялся соблюдать внутренние правила коллектива и защищать его интересы. В эпоху позднего Средневековья вводились промежуточные этапы членства в капитуле: появились неполноправные и сверхштатные каноники, которые ожидали получения вакантной пребенды и не имели права голоса на собрании общины.

Расширяя свою автономию, капитулы сталкивались с систематическими нарушениями дисциплины. Самыми острыми проблемами считались абсентеизм, т.е. нежелание

²²⁴ Noizet H. La fabrique... P. 72.

²²⁵ Boussard J. Le trésorier de Saint-Martin de Tours // *Revue d'histoire de l'Église de France*. 1961. T. 47. P. 85.

²²⁶ Lesne É. Les origines... P. 268–270.

каноников жить вместе со всей общиной, и плюрализм (кумуляция) — сосредоточение нескольких церковных должностей и бенефициев в руках одного каноника. Капитулы боролись с нарушениями: вводили запреты и устанавливали штрафные санкции, награждали своих членов за примерное поведение. Некоторые пребенды могли получить только те каноники, которые постоянно жили в клуатре и регулярно участвовали в богослужениях. Однако эти меры зачастую оказывались неэффективными. Для стабильного поддержания богослужебного круга капитулы были вынуждены прибегать к услугам клириков-помощников — капелланов и викариев. Такие клирики не входили в число каноников, но лишь состояли на службе у капитула. Начиная с XII в. клирики пытались упрочить свое положение и объединялись в братства, которые существовали наряду с капитулами. Делегирование полномочий наемным служителям, клирикам и мирянам, освобождало каноников от необходимости постоянно находиться при своем храме.

Папский престол все чаще вмешивался в жизнь капитулов. В эпоху григорианской реформы от каноников добивались отказа от личного имущества и принятия августинского устава. Одновременно папство наделяло капитулы привилегиями, принимало их под защиту и переводило в непосредственное подчинение апостольскому престолу, что способствовало укреплению позиций капитулов и повышению их статуса. Реформаторы поощряли участие соборного капитула в управлении диоцезом и стремились закрепить за ним право избирать епископа, хотя на практике решающий голос обычно оставался за папой, местным монархом или сеньором. При этом папский престол пытался упрочить контроль над капитулами: назначенные Римом легаты проводили инспекции, утверждали статуты и вводили новые правила для каноников. В поле зрения папского престола попадали, как правило, только капитулы кафедральных соборов и крупных коллегиальных храмов. Большинство коллегиальных капитулов не обладало никакими привилегиями и оставалось под властью местного епископа. В X–XII вв. широкое распространение получили сеньориальные капитулы: их основателями были светские сеньоры, которые сохраняли за собой право патроната (в том числе назначение должностных лиц и принятие новых каноников). Учреждая капитул,

сеньор демонстрировал свое влияние и богатство. Кроме того, он мог даровать пребенды своим младшим сыновьям и приближенным, а образованных каноников использовать на своей службе. По мере роста городов в средневековой Европе стали появляться «буржуазные» капитулы, связанные с городским патрициатом.

Многочисленные источники XI–XII вв. позволяют выявить основные тенденции развития секулярных капитулов. Общины стремились к самостоятельности и добивались самоуправления. Располагая надежной материальной базой и развитой внутренней организацией, общины старались контролировать своих членов, чтобы сплотить их перед возможными угрозами извне. Они постепенно приобретали черты корпораций — замкнутых сообществ, члены которых совместно пользовались своими правами и выполняли свои обязанности. Возможно, существование капитулов не было вызвано практической необходимостью. Однако в Средние века они воспринимались как неотъемлемый элемент церковной организации, восходивший к эпохе первоначального христианства. Поэтому, несмотря на разнообразие капитулов, в самой необходимости их существования сомнений не возникало.

ШКОЛЫ «ДОЛГОГО XII ВЕКА»: НА ПУТИ К САМООРГАНИЗАЦИИ

От Великой Схизмы до IV Латеранского собора¹, от начала григорианской реформы до новых переводов Аристотеля, расцвета готического стиля и появления университетов² или от I Крестового похода до падения Константинополя³? Границы «долгого XII века» непросто определить, ведь они напрямую зависят от предмета изучения. Если говорить о школах, а точнее, о процессе складывания школьной системы классического Средневековья, предшественницы системы университетской, то апогей ее становления приходится на конец XI — три первые четверти XII в. Реперными точками здесь служат II и III Латеранские соборы (1139 и 1179 гг.), на которых были приняты ключевые для развития школ решения. Основным же местом действия становится Париж. Именно здесь в первой половине XII в. будут собирать вокруг себя учеников прославленные магистры, в сердце королевского домена разгорятся самые жаркие споры из-за *licentia docendi* — права на преподавание.

Данная глава посвящена не описанию интеллектуальных дебатов прославленных городских магистров или анализу их полемики с иногда не менее просвещенными оппонентами из монашеской среды. За рамками исследования останутся и восстановление непростых биографий интеллектуалов XII в. Историография, посвященная этим двум столь любимым специалистами по XII в. темам, огромна, и вклад в нее внесли множество замечательных исследователей, начиная, по крайней мере, с Ч. Хаскинса, автора термина «Возрождение

¹ Ziolkowski J.M. Cultures of Authority in the Long Twelfth Century // The Journal of English and Germanic Philology. 2009. Vol. 108. No. 4. P. 421.

² Benson R.L., Constable G. Introduction // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century / Ed. by R.L. Benson, G. Constable, C.D. Lanham. Cambridge, 1982. P. xxvii–xxviii.

³ Одна из многочисленных возможных временных рамок «Возрождения XII в.», предложенных Ч. Хаскинсом. См.: Haskins Ch. The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge, Mass.; London, 1971 (1st ed. 1929). P. vi.

XII века»⁴. Однако фигуры блестящих магистров XII в. постепенно затмили собой в глазах исследователей вопросы, казалось бы, гораздо более банальные, но на деле не менее сложные и важные. В том числе и проблему функционирования школьной системы Средневековья в целом.

Обобщающие исследования о средневековых школах XI–XII вв. датируются в большинстве своем первой половиной – серединой XX в. Однако первые работы, затрагивающие этот вопрос в рамках изучения средневековых школ в целом, появились еще на рубеже XIX–XX вв. Французский архивист, выпускник Школы Хартий, Л. Мэтр опубликовал в 1886 г., вероятно, первое научное исследование, посвященное истории европейских средневековых школ (географически исследование ограничено церковными провинциями Галлии). Этот труд представляет собой переработанную выпускную работу автора в Школе Хартий и написан в лучших традициях шартистов: использован обширный источниковый материал и безупречно выдержана трехчастная структура работы (автор выбирает тематический план: обзор школ IX–XII вв., их организация, изучаемые предметы). Единственным, но существенным недостатком работы Мэтра является ее описательный характер. В задачи автора не входило объяснить причины происходящих в школьной системе изменений, его привлекал, скорее, сбор фактического материала⁵.

⁴ К классическим работам, посвященным «Возрождению XII века» следует отнести прежде всего труды Ч. Хаскинса (*Haskins Ch. The Renaissance of the Twelfth Century...*), М.-Д. Шоню (*Chenu M.-D. La théologie au XIIe siècle. Paris, 1976*) и Р.В. Сазерна (*Southern R.W. Scholastic Humanism and the Unification of Europe. 2 vols. Oxford; Maiden, Mass., 1995–2001*), а также сборники под редакцией Р.Л. Бенсона и Дж. Констебла (*Renaissance and Renewal in the Twelfth Century...*) и П. Дронке (*A History of Twelfth-Century Western Philosophy / Ed. P. Dronke. Cambridge, 1988*). Крут классических «персональных» исследований включает множество работ, среди которых стоит особо отметить труды М. Кленчи (*Clanchy M.T. Abelard: A Medieval Life. Oxford, 1997*) и П. Сикар (*Sicard P. Hugues de Saint-Victor et son école. Turnhout, 1991*), а также сборник, посвященный Иоанну Солсберийскому (*The World of John of Salisbury / Ed. M. Wilks. Oxford, 1997*).

⁵ *Maître L. Les écoles épiscopales et monastiques de l'Occident depuis Charlemagne jusqu'à Philippe-Auguste (768–1180). Étude historique sur la filiation des écoles, la condition des maîtres et des élèves, et le programme des études avant la création des universités. Paris, 1866.*

Довольно скромно на фоне масштабного труда Л. Мэтра выглядит написанная в самом начале XX в. работа аббата Г. Робера, посвятившего свою небольшую книгу проблеме преподавания теологии в Западной Европе первой половины XII в.⁶ Тем не менее открывающая этот труд глава «Школы» (*Les écoles*) представляет собой одну из самых ранних научных попыток не просто собрать максимальное количество фактов, свидетельствующих о существовании средневековых школ, а представить цельную картину развития школьного образования в указанный период. К достоинствам труда Робера можно отнести также прекрасный живой язык и использование автором солидного числа источников.

Работы Л. Мэтра и Г. Робера оставались основными сочинениями по устройству средневекового школьного образования вплоть до середины XX в. В 1940 г. увидело свет исследование, и по сей день являющееся ключевым для рассматриваемой темы: колоссальная по объему проанализированного фактического материала работа монсеньора Э. Лена⁷. Исследователь, которого коллеги называли «неутомимым»⁸, Лен посвятил свою жизнь изданию шеститомной «Истории церковной собственности во Франции». Пятый том этой серии посвящен истории французских церковных школ от эпохи их упадка при Меровингах до расцвета в XII в. В соответствии с темой серии Э. Лен не касается в своем исследовании научных дискуссий магистров. Так же как и Л. Мэтр более чем полувеком ранее, автор видит свою задачу в изучении институциональной истории школ, географии их распространения и особенностей функционирования. В связи с темой данной главы особого внимания заслуживают два раздела этого труда: беспрецедентная по подробности «карта» французских церковных школ VIII–XII вв., с создания которой Лен начинает свою книгу, и обобщающий раздел, посвященный изучению типов школ, обязанностей и судеб магистров и школяров.

⁶ Robert G. *Les écoles et l'enseignement de la théologie pendant la première moitié du XIIe siècle*. Paris, 1909.

⁷ Lesne É. *Les écoles de la fin du VIIIe siècle à la fin du XIIe* // *Idem*. Histoire de la propriété ecclésiastique en France. Vol. 5. Lille, 1940.

⁸ Edouard J. Émile Lesne. *Les écoles de la fin du VIIIe siècle à la fin du XIIe* // *Revue d'histoire de l'Église de France*. 1940. T. 26. No. 110. P. 91.

Последняя классическая работа по истории школ классического Средневековья также принадлежит французцу: в 1947 г. монсеньор Ф. Дэлае опубликовал статью, посвященную непосредственно организации школьного образования в XII в.⁹ Во многом основываясь на обширном фактическом материале, собранном его предшественниками, исследователь изучил причины и ход подъема соборных школ и упадка школ монастырских, создав тем самым динамическую картину школьной системы XII в. Однако для самого Дэлае эта работа была лишь необходимым этапом для перехода к основной теме его исследований — изучению преподавания морали в XII в.

Наступившее во второй половине XX в. затишье в изучении формально-административной стороны средневекового университетского образования — явление вполне объяснимое, если вспомнить об увлечении медиевистов того времени сначала историей ментальностей, а затем интеллектуальной историей, — лишь недавно было прервано появлением работы британской исследовательницы Дж. Барроу¹⁰. Ее труд, посвященный истории западноевропейского клира, включает и несколько разделов, посвященных обучению клириков¹¹. Сочинение Барроу, во многом вторичное как в плане идей, так и в плане источников (автор чаще ссылается на соответствующие сочинения Э. Лена и Ф. Дэлае, чем непосредственно на источники), представляет тем не менее, большую ценность в качестве новой попытки обобщения истории средневековых школ¹².

⁹ Delhaye Ph. L'organisation scolaire au XIIe siècle // *Traditio*. 1947. Т. 5. P. 211–268.

¹⁰ Счастливым исключением из этого правила является история образования в каролингскую эпоху. Богатая на источники, в том числе и нормативного характера, эта тема вызывала у историков относительно стабильный интерес на протяжении всего XX в.

¹¹ Barrow J. The Clergy in the Medieval World: Secular Clerics, their Families and Careers in North-Western Europe, c. 800 – c.1200. Cambridge, 2016 (1st ed. 2015). P. 170–235.

¹² Чрезвычайно информативную статью Р.В. Сазерна, построенную на противопоставлении парижских школ Шартру, к сожалению, лишь с большой натяжкой можно было бы отнести к данному историографическому обзору, как и весь сборник *Renaissance and Renewal in the Twelfth Century*, в котором она была опубликована. Сконцентрировавшись на духовной и идейной стороне происходящих в XII в. измене-

Несколько больше в плане исследовательского интереса повезло вопросу о *licentia docendi*. Ключевая работа по этой теме — статья одного из многочисленных учеников Ч. Хаскинса, Г. Роста, подготовленная для сборника трудов памяти учителя¹³, — снова возвращает читателей к историографии середины XX в. Но в отличие от общих характеристик школьной системы XII в. этот более конкретный вопрос привлекал внимание исследователей на протяжении всего XX века. Речь идет преимущественно об историках университетов, к которым следует отнести и самого Роста. В сочинениях этой группы исследователей «право на преподавание» рассматривается обычно как этап в становлении университетской корпорации и ее взаимоотношений с папством¹⁴.

К сожалению, значительно меньше внимания уделялось терминологическому аспекту «школьной» темы. В описанных выше обзорных работах этой проблеме были посвящены лишь небольшие пассажи, а современная историография обратилась к ней сравнительно недавно. При этом относительно XII в. был произведен анализ исключительно лексики монастырских школ и сборников *ars dictaminis*¹⁵, искусству написания писем.

Не покушаясь на обобщения масштаба Л. Мэтра, Э. Лена или Дж. Барроу, данная статья рассматривает лишь один

ний, авторы сборника не ставили своей целью изучение институциональных аспектов школьной темы. См.: Southern R.W. The Schools of Paris and the School of Chartres // *Renaissance and Renewal*... P. 113–137. По той же причине отсутствует в моем историографическом обзоре и монография С. Феруоло, посвященная парижским школам как истоку университета. См.: Ferruolo S. C. The Origins of the University. The Schools of Paris and Their Critics 1100–1215. Stanford, California, 1985.

¹³ Post G. Alexander III, the “Licentia docendi” and the Rise of the Universities // *Anniversary Essays in Medieval History* / Ed. Ch. H. Taylor. Cambridge, 1929. P. 255–277. В данной работе использовалось 2-е изд.: *Idem*. The Papacy and the Rise of the Universities / Ed. W.J. Courtenay. Leiden, 2017. P. 5–27.

¹⁴ Например: Verger J. Les ambiguïtés de la licentia docendi médiévale. Entre tutelle ecclésiastique et liberté universitaire // *Revue d'histoire des facultés de droit et de la culture juridique, du monde des juristes et du livre juridique*. 2009–2010. No. 29/30. P. 17–28.

¹⁵ Vocabulaire des écoles et des méthodes d'enseignement au moyen âge. Actes du colloque (Rome, 21–22 octobre 1989) / Éd. O. Weijers. Turnhout, 1992.

аспект функционирования школ «долгого XII века»: проблему их самоорганизации, заимствуя определение этого понятия из синергетики. Синергетика — научное направление, изучающее процессы возникновения и самоорганизации структур в открытых системах, — рассматривает «самоорганизацию» как способность системы к упорядочению собственных структур в случае нарушения в этой системе внутреннего баланса из-за воздействия внешних факторов. При этом, согласно рассматриваемой теории, структуры возникают в самой системе, а не накладываются на нее извне¹⁶. Применительно к моей теме использование такого подхода означает, что моя цель — проверить, можно ли расценивать школы «долгого XII века» как систему, в которой именно в этот период под влиянием неких внешних факторов активно происходит процесс самостоятельного формирования структур.

ПОНЯТИЕ «ШКОЛА»: ИСТОЧНИКИ

Прежде чем переходить непосредственно к вопросу о самоорганизации, необходимо изучить состав предполагаемой системы. В историографии, посвященной XII в., давно и широко используется термин «школа», причем чаще всего под школой заведомо понимается некая институция, т.е. термин *de facto* рассматривается в значении, довольно близком к современному. Эта терминологическая неопределенность нередко приводила к научным конфликтам, которых можно было бы избежать, предварительно договорившись о терминах. Самый известный из таких казусов — растянувшаяся на несколько десятилетий полемика по вопросу о «Шартрской школе»¹⁷. Стремясь избежать терминологической ловушки,

¹⁶ Хакен Г. Синергетика: иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М., 1985. С. 39, 40, 86. О применении методов синергетики к социальным системам см.: Кочергин А.Н. Процессы самоорганизации в природных, социальных и когнитивных системах // Научный вестник МГТУ ГА. 2014. № 203. С. 36–42.

¹⁷ Итог этой многолетней дискуссии подвел сам «зачинщик», Р.В. Сазерн. См.: *Southern R.W. Scholastic Humanism and the Unification of Europe*. Vol. 1: Foundations. Oxford; Cambridge (Mass.), 2001. P. 58–101.

я начала мое исследование с анализа понятия «школа» в текстах XII в. Итак, что такое «школа» для авторов того времени и, как следствие, насколько корректно говорить о самоорганизации именно школ в XII в.?

Ответ на вопрос, что такое «школа», был, казалось бы, дан еще в IX в. одним из самых значительных комментаторов бенедиктинского устава, Смарагдом Сен-Мийельским. В своем комментарии Смарагд пишет, что «школа» — это греческое слово, которое означает место, где молодые люди собираются и подвизаются слушать своих магистров (учителей). Как в школе дети научаются тому, что необходимо для настоящего и будет им полезно в будущем, так и монахи в школе монастыря, живущего по уставу, должны научиться тому, что им позволит жить честно в настоящем и быть счастливыми в будущем»¹⁸. Итак, мы имеем дело с весьма четким определением «школы» как помещения, где проходит обучение. Но, возможно, термин изменил свое значение в XII в.? Относительно монастырского образования на этот вопрос можно ответить, скорее, отрицательно. Анализ многочисленных монашеских *consuetudines*, проведенный Ж.-И. Тийетом, позволил обнаружить лишь несколько текстов, упоминающих *scola*, но речь в них шла именно о комнате, где жили дети, воспитанники монастыря (*nutritii*)¹⁹.

Иначе обстоит дело с другими нормативными документами эпохи. Проведенный мной анализ нормативных

¹⁸ *Scola* greco vocabulo dicitur locus in quo adolescentes ad audien- dos magistros vacare solent... Ergo sicut in scola pueri quae illis necessaria sunt discunt et quae in futuro prosint capiunt, ita et monachi in monasterii regularis scola, et quae eos in praesenti honeste vivere faciant, et quae in futuro felices reddant discere debent (*Smaragdi abbatidis Expositio in Regulam S. Benedicti* / Ed. A. Spannagel, P. Engelbert. CCM, t. 8. Siegburg, 1974. P. 48). В самом бенедиктинском уставе слово *scola* появляется лишь единожды, в метафорическом значении: речь идет о *schola servitii dominici* — «школе служения господу». См.: *Regula sancti Benedicti* / Éd. A. de Vogüé, J. Neufville. Sources chrétiennes, t. 181–186. Paris, 1971–1972. T. 181. P. 422.

¹⁹ Речь идет о старых бенедиктинских кутюмах (*Liber tramitis aevi Odilonis abbatidis*) и о *Decreta Lanfranci*. Подробнее см.: Tilliette J.-Y. Le vocabulaire des écoles monastiques d'après les prescriptions des 'consuetudines' (XIe — XIIe siècles) // *Vocabulaire des écoles et des méthodes d'enseignement...* P. 60–73.

документов за XII в., принадлежащих крупным французским соборным капитулам, где логично было бы предположить существование школы (или где о ее существовании достоверно известно по нарративным источникам, как в случае Парижа или Шартра), принес довольно любопытные результаты²⁰. *Magister scholarum*, реже — *regimen scholarum* и совсем редко — *scholasticus*²¹ — таковы ближайшие к *scola* лексические формы, которые можно отыскать в картуляриях, обитуариях (поминальных книгах), статутах соборных капитулов и, крайне редко, в *consuetudines* регулярных

²⁰ Речь идет о кафедральных соборах Амьена (Cartulaire du chapitre de la cathédrale d'Amiens / Éd. abbé Rose, G. Roux, A. Soyez. Société des Antiquaires de Picardie (Documents inédits concernant la province. T. 18), 1897–1905. T. 1 единственный вышедший), Анже (Cartulaire noir de la cathédrale d'Angers / Éd. Ch. Urteau. Paris; Angers, 1908), Отена (Cartulaire de l'évêché d'Autun / Éd. A. de Charmasse. Autun, 1865), Шартра (Cartulaire de Notre-Dame de Chartres, d'après les cartulaires et les titres originaux / Éd. E. de Leponois, L. Merlet. Chartres, 1862), Ле-Мана (Cartulaire de l'évêché du Mans (936–1790) / Éd. comte Bertrand de Broussillon. Mamers, 1900–1908; Cartulaire de l'évêché du Mans (965–1786) / Éd. comte Bertrand de Broussillon. Mamers, 1908), Лиможа (Cartulaire de l'église Saint-Etienne de Limoges / Éd. J. de Font-Reaulx // Bulletin de la Société archéologique et historique du Limousin. 1922. T. 69), Парижа (Cartulaire de l'église Notre-Dame de Paris / Éd. B. Guerard. Paris, 1850), Лиона (Obituaires de la province de Lyon / Éd. G. Guigue, J. Laurent, H. Omont. T. 1. Paris, 1933; Obituaire de l'église primatiale de Lyon / Éd. G. Guigue. Lyon, 1902), Макона (Cartulaire de Saint-Vincent de Mâcon connu sous le nom de Livre enchaîne / Éd. C. Ragut. Mâcon, 1864) и Льежа (Cartulaire de l'église Saint-Lambert de Liège / Éd. S. Bormans, E. Schoolmeesters. T. 1. Bruxelles, 1893). Выбор был обусловлен тем числом и доступностью источников. В частности, картулярии Тура, которые, безусловно, крайне интересно было бы изучить, до сих пор не издааны, как и реймские нормативные акты (о ведении преподавания в Реймсе в X–XII вв. тем не менее хотя бы проводились исследования. См.: Williams J.R. The Cathedral School of Rheims in the Eleventh Century // Speculum. 1954. Vol. 29. No. 4. P. 661–677; Idem. The Cathedral School of Reims in the Time of Master Alberic, 1118–1136 // Traditio. 1964. Vol. 20. P. 93–114).

²¹ Robert G. Les écoles et l'enseignement... P. 26. Для обозначения учеников чаще всего использовался термин *scholares*. См., например: Petrus Abaelardus. Historia calamitatum // Patrologia Latina. T. 178. Col. 116, реже — *scholastici* (см., например: Hugo de Sancto Victore. Didascalion, I. 3, I. 6 // Ibid. T. 176. Col. 768, 777, 800).

каноникатов — локальных вариациях устава св. Августина XI–XII вв.²² Может показаться, что хотя бы на этот раз речь определенно идет об институции и лице, ее возглавляющем. Однако и эти термины далеко не так однозначны, как могло бы показаться на первый взгляд. Сложности при их анализе начинаются еще на лингвистическом уровне. Учитывая употребление *scola* во множественном числе, наиболее точным переводом словосочетания *magister scholarum* (как и *regimen scholarum*) будет, скорее, «руководитель занятий». Таким образом, перед нами характеристика деятельности человека, а не указание на место (как в монашеских уставах), и, самое главное, нет никаких доказательств того, что перед нами описание лица, возглавляющего некую институцию. Означает ли это, что в сознании средневековых авторов не было представления о школе как об институции, что она не существовала в таком виде в XII в.?

Любопытным исключением является грамота за 1077 г., сохранившаяся в картулярии собора Св. Маврикия в Анже. Грамота фиксирует обмен, состоявшийся между епископом Евсеием и соборным капитулом, с одной стороны, и «схоластиком» Марбодом, будущим епископом Ренна, — с другой. Передавая капитулу свою часть виноградников и земельные владения, Марбод получает взамен «вечный аллод» (далее в той же грамоте названный бенефицием) в пользу *scola*. Более того, грамота удостоверяет право распоряжаться этим бенефицием за всеми «наследниками» Марбода — последующими «схоластиками» Анже²³. Несмотря на то что о практике

²² *Scolasticus* встречается, например, в картулярии из Анже (*Scolasticus* Марбод фигурирует в грамотах за 1077 и 1113 гг. (упоминание) (*Cartulaire noir de la cathédrale d'Angers*. P. 104–106, 149–151), впрочем, как и *magister scholarum* (магистры Гофрид, 1106 г. (*Ibid.* P. 153–156), Ульгерий, 1109 г. (*Ibid.* P. 146–147), Петр, 1160/61 г. (*Ibid.* P. 352–354) и Гильом (согласно неопубликованным источникам: *Ibid.* P. lvii).

²³ *In nomine Dei summi, ego Eusebius, Andegavorum Dei gratia episcopus, notum esse volo omnibus quorum id refert tam praesentibus quam futuris qualiter convenerit inter fratres nostros cononicos et Marbodum scholasticum. Dimisit eis Marbodus partem suam vinearum et terrae quam habebat apud Longum Campum, ex legato antecessoris sui bonae memoriae Rainaldi, insuper et ius totum quod habebat in fevo Armelanni, quod est iuxta Plaixitium canonicorum, quietum illis dimisit. Ipsi autem canonici condonaverun scholae in perpetuum al-*

передачи магистру бенефиция для его содержания точно известно только по папским распоряжениям второй половины XII в., тон документов курии того времени свидетельствует, скорее, о закреплении давно сложившейся практики²⁴. Так что в этом смысле в анжерской грамоте нет ничего необычного. Ее уникальность именно в упоминании *scola* в качестве получателя бенефиция — редчайший намек на саму возможность институционального восприятия «школы». Показательно, что именно в картулярии Анже мне удалось зафиксировать и уникальное выражение *magister scholae*, т.е. «учитель школы», правда, довольно быстро сменяющееся более типичным для документов эпохи *magister scholarum*²⁵.

Итак, анжерская грамота удостоверяет существование при соборе некой «школы». Но она не дает ответа на главный вопрос: чем занимались в указанной школе, каковы были обязанности *scholasticus* или *magister scholarum*? К сожалению, чаще всего в XII в. магистры появляются в текстах соборных картуляриев в качестве свидетелей, удостоверяющих своей подписью какие-либо грамоты. В этом случае имя магистра стоит последним в длинной череде иерархически перечисляемых должностных лиц собора, что указывает на его низкое положение в этой иерархии. Но, главное, за редким исключением, речь идет именно о термине *magister*, а не *magister scholarum*²⁶. В этих кратких упоминаниях нет

lodiolum suum quod dicitur Regulata, me concedente et corroborante: eo tenore et ea conditione, ut tam ipse quam sui successors scholastici a me et meis successoribus episcopis supradictum beneficium teneant, cum burgulo qui est juxta sanctum Stephanum adhaerens mure de fevo episcopali et caeterius quae, Deodante, accident sine ulla emtione vel cuiuslibet pretii commutation, excepto servitio quod ad ipsum ministerium pertinent (Cartulaire noir de la cathédrale d'Angers. P. 106).

²⁴ См. раздел о *licentia docendi* далее.

²⁵ Подписи Вислета за 1125/1131 г. (Cartulaire noir de la cathédrale d'Angers. P. 258–260) и за 1138 г. (Ibid. P. 232–234). Причем это употребление неустойчивое: педагогические наследники Вислета, Петр и Гильом, подписывались уже снова как *magister scholarum*.

²⁶ Упоминания *magister scholarum* встречаются в картуляриях Льежа (*magister scholarum* выступает в качестве свидетеля, подписавшего грамоту, правда, речь идет уже о 1189 г., и это первое упоминание *magister scholarum* в данном картулярии), Анже (см. выше) и Лиона (о статутах лионского капитула см. далее).

никаких указаний на возможную преподавательскую деятельность упомянутого «магистра».

Статуты собора Лиона, составленные при архиепископе Гишаре из Понтины (1165–1180), оказались, с точки зрения данного исследования, одними из самых ценных документов: в них как раз присутствует описание обязанностей магистра. Как выясняется, главной заботой *magister scholarum* было следить за порядком и верным ходом мессы, а также за надлежащим внешним видом каноников²⁷. То есть его обязанности были в первую очередь литургически-дисциплинарными. Крайне показателен контекст, в котором упоминается магистр: о нем говорится наравне с клириками, отвечающими в соборе за выполнение хозяйственных работ (виночерпием, надзирателем рефектория и даже лицом, ответственным за хлеб)²⁸. И лишь в последующих статутах *magister scholarum* — это лицо, экзаменующее клириков, поступивших в услужение каноникам, в пении и грамотности²⁹.

²⁷ О литургических обязанностях см.: *Praedictum autem slatum declaratum fuit hocmodo. A Dominica ante Natate Domini usque ad Dominicam ante Natale S. Joannis Baplistae, decanus, sacrista, custos, magister et alii canonici sacerdotes et duo custodes stanciae crucis, exceptis quatuor canonicis sacerdotibus deputatis ad S. Stephanum, tenentur missas Dominicas sive majores ad majus altare, et aquam benedictam facere, prout ordo Ecclesiae exigit, exceptis diebus infra scriptis, in quibus archiepiscopus tenetur celebrare missas et horas cantare, prout ordo Ecclesiae ordinavit (Guichardus Lugdunensis. Antiqua statuta ecclesiae Lugdunensis a Guichardo archiepiscopo renovata // PL. 199. Col. 1094). Об одеянии см.: De instructione clericorum. Magister et omnes capellani de duodecim semper debent alios instruere, ut ordinem Ecclesiae discant et servant, et simpliciter et ordinate per claustrum et per ecclesiam incedant cum indumentis ecclesiasticis (Ibid. Col. 1103).*

²⁸ De ordine diaconatus. Ordo diaconatus levat canonicos, et quatuor de praebendariis ecclesiae videlicet dapiferum, panetarium, pincerna refectionis et magistrum scholarum sine licentia capituli. Ordo sacerdotalis levat omnes similiter tam canonicos quam alios sine licentia (Ibid. Col. 1100).

²⁹ Quando in majori ecclesia debet ire, quid fieri debeat. Deinde mittitur ad cantorem qui easdem admonitiones tenetur illi facere. Postea debet eum mittere ad magistrum, qui debet illos vel illum examinare de litteratura et de cantu, quod sciat bene cantare, secundum formam Ecclesiae Lugdunensis. Et si nescit cantare, si est clericus, debet magistro promittere, ut usum nostrum Ecclesiae Lugdunensis cantet et discat. Et ita firmiter, ut sciat bene cantare et corde tentis, et cave-

Иногда в помощниках у *magister scholarum* есть вице-магистры (*vicemagistri*), но они упоминаются лишь при описании литургических обязанностей магистра. Помогали ли они ему в его преподавательской деятельности, неясно.

Следовательно, образ магистра, возникающий при анализе нормативных источников, — это, скорее, образ одного из клириков, не исключено, что наиболее образованного. Он идентифицирует себя как «магистра», подписывается таким образом, но сама эта должность предполагает многочисленные обязанности, среди которых педагогическая деятельность отнюдь не является основной. Иначе говоря, согласно нормативным документам каноников, термин «магистр» не равен термину «преподаватель». Более того, проанализированные тексты, за редчайшим исключением, не содержат никаких сведений о том, что такой каноник-магистр возглавлял какую-то институционально обособленную, финансово независимую или имеющую какие-либо иные привилегии «школу».

Безусловно, посвященные литургическим и административно-хозяйственным вопросам статуты, обитуарии и *consuetudines* — не самые показательные источники для изучения истории педагогики даже в ее институциональном аспекте. Действительно, ведь нельзя же делать вывод о слабости педагогических традиций в Париже XII в. только на основе малочисленности упоминания магистров в картулярии парижского собора? Нарративные источники изначально вселили в меня больше оптимизма. Жития, хроники, письма, поэзия и редкие автобиографические пассажи в трактатах XI–XII вв. представляют исследователю достаточно материала для изучения, и значительная часть этих текстов уже была с большой тщательностью проанализирована Л. Мэтром и особенно Э. Ленем. Но и этот анализ дает, скорее, отрицательный результат: термин *scola* практически отсутствует в нарративных источниках. Гораздо чаще можно встретить имя (святого, епископа, каноника или магистра) и упоминание о ведении

at quod continue ecclesiam serviat per annum sine aliqua interpolatione, ut matutinas, et etiam omnes alias horas penitus non amittat sine causa, et ordinem Ecclesiae omnino frangere non praesumat, quia gravius et dure puniretur, quia nullus sine usu et maximo exercitio non potest dicere, quod nunquam didicit (Ibid. Col. 1105).

им преподавательской деятельности³⁰. А если речь, казалось бы, и заходит о «школе», то в ход идут метафоры, как в переписке учеников Фульберта Шартрского, Адельмана и Беренгария (Турского), где Адельман вспоминает о совместном обучении в «шартрской академии»³¹.

И все же XII век располагает двумя уникальными для изучения темы «школы» памятниками — текстами самих магистров, рассказывающих о функционировании школьной системы. Это «История моих бедствий» Петра Абеляра³² и автобиографические пассажи «Металогикона» Иоанна Солсберийского³³. Однако анализ и этих текстов заставляет усомниться в существовании понятия «школа» как институции в сознании средневековых авторов. «История моих бедствий» Петра Абеляра снова сталкивает исследователя с употреблением латинского слова *scola* во множественном числе. Если обратиться непосредственно к латинскому тексту, то окажется, что и собственное преподавание в Париже и Мелене, и обучение у Гильома Коншского и Ансельма Ланского Абеляр описывает как *scholae* — «занятия», проводимые конкретным магистром³⁴. Этот сугубо личностный подход еще более

³⁰ Lesne É. La carte et l'histoire des écoles du milieu du IXe siècle à la fin du XIIe // *Idem*. Les écoles... P. 44–565; Maître L. Revue des écoles pendant les IXe, X^e, XIe et XIIe siècles // *Idem*. Les écoles épiscopales et monastiques... P. 1–170.

³¹ Collactaneurn te meum vocavi propter dulcissimum illud contuberninm quod cum te adolescentulo ipse ego maiusculus in Academia Carnotensi sub nostro illo venerabili Socrate iucundissime duxi (*Adelmannus*. Epistola ad Berengarium // *Patrologia Latina*. T. 143. Col. 1289).

³² Petrus Abaelardus. Historia calamitatum // *Patrologia Latina*. T. 178. Col. 113–182. Существующие русские переводы В.А. Соколова (*Петр Абеляр. История моих бедствий* / Пер. с лат. В.А. Соколова; под ред. Н.А. Сидоровой. М., 1959) и С.С. Неретиной (*Петр Абеляр. История моих бедствий* / Пер. с лат. С.С. Неретиной. М., 2011) оперируют термином «школа».

³³ Ioannis Saresberiensis Metalogicon / Ed. J.B. Hall, K.S.B. Keats-Rohan. Turnhout, 1991. CCCM, 98. Cap. 5. P. 20–22. Эта глава «Металогикона» была переведена на русский язык: Иоанн Солсберийский. Металогик. II.10 / Пер. с лат. И.П. Стрельниковой // Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 350–353.

³⁴ Когда Абеляр говорит о своем желании преподавать независимо от Гильома из Шампо, он определяет это как желание стать

очевиден у Иоанна Солсберийского. Знаменитый автобиографический пассаж «Металогикона», в котором Иоанн вспоминает об обучении в Париже, сводится к перечислению имен знаменитых магистров, у которых обучался Иоанн³⁵. Термин *scola* в сочинениях англичанина и вовсе не встречается. Это перечисление со знаком минус можно было бы продолжать довольно долго: знаменитые викторинцы, например, никогда не называли себя школой, но вот о магистрах-викторинцах источники говорят гораздо охотнее. Так, Лаврентий, ученик Гуго Сен-Викторского, писал своему другу, монаху Маврикию, о том, что нашел в Париже замечательного магистра (имея в виду Гуго), т.е. учителя, а не школу³⁶.

Итак, если для монахов XI–XII вв. *scola* хотя бы существует как термин, правда, обозначающий место, а не институцию,

regimen scholarum. Желание Гильома как можно больше территориально разграничить их с Абеляром «школы» на деле — стремление «как можно больше отдалить мои (Абеляра) занятия (*scolas*) от себя» (*quo longius posset scolae nostras a se remove*). Абеляр прославляется своими познаниями в диалектике не тогда, когда начинает вести «преподавательскую деятельность в школе» (как мы читаем в переводе В.А. Соколова), а когда он начинает вести занятия: *ab hoc autem scholarum nostrarum tirocinio ita in arte dialectica nomen meum dilatari cepit*. Этот список можно продолжать еще очень долго, но с тем же результатом: Абеляр никогда не говорит о школе, только о занятиях. О школе Ансельма Ланского тоже речи не идет, упоминаются только *lectiones* (речь, скорее всего, идет не о лекциях в современном смысле, а об одном из способов организации занятий в Средние века: *lectio* — комментированное чтение Писания или авторитетного текста) (*Petrus Abaelardus. Historia calamitatum... Col. 116, 124*).

³⁵ *Ioannis Saresberiensis Metalogicon... Cap. 5. P. 20–22.*

³⁶ *Sepenumero, ut recorder, a te rogatus sum quatenus magistrum Hugonem de S. Victore... inter ceteros, immo pre ceteris frequentarem... quem citius potui precipuum ac singularem doctorem delegi, eius doctrinam cum summa diligencia amplexus sum... Qui cum sentencias de divinitate dicere incepisset, rogatus sum a plerisque sociorum... quatenus ad communem tam mei quam aliorum utilitatem easdem sentencias scripto et memorie com mendarem. Quorum precibus cum... non acquiescerem... demum magistrum Hugonem in eadem petitione secum adhibuerunt. Qui et hoc onus scribendi nobis iniunxit et fiduciam perficiendi magna quadam alacritate promisit... Письмо никогда не публиковалось полностью. Цит. по: *Bischoff B. Aus der Schule Hugos von St. Viktor // Aus der Geisteswelt des Mittelalters / Hrsg. A. Lang. Münster, 1935. S. 246–250.**

то для каноников этого времени образование связано не с местом и неким учреждением, а с фигурой конкретного человека, учителя — «магистра». Но даже если школа и не существовала как институция, многочисленные магистры, упоминаемые в источниках, должны были где-то получать образование и затем преподавать. Если верить источникам, большинство упоминаний магистров в XII в. связано с городом и местным собором. Но почему это именно так и что же случилось с великими монастырскими школами IX–X вв.?

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА РУБЕЖЕ XI–XII ВВ.

Решением II Латеранского собора 1139 г. всем епископам предписывается организовать преподавание *artes litterarum* в своей церкви³⁷. Как показал уже проведенный анализ, соборная «школа» часто состояла из одного каноника-магистра, для которого преподавание было отнюдь не основной обязанностью. И все же именно епископам, т.е., соборным «школам», папа Григорий VII официально делегирует преподавательскую деятельность. Итак, почему же именно в XI в. великие монастырские культурные центры, такие как Фульда, Санкт-Галлен, Корби, Райхенау или Бек, отходят на второй план и почему они уступают именно соборам³⁸?

³⁷ Ut omnes episcopi artes litterarum in suis ecclesiis docere faciant (*Mansi G. D. Sacrorum Conciliorum Nova et Amplissima Collectio*. T. 20. Col. 509). За термином *artes litterarum*, нетипичным для последующей «школьной» лексики, которой свойственно, скорее, упоминание тривиума и квадривиума, стоит, по всей вероятности, минимальный набор знаний, необходимый для нужд церкви: знание латыни и литургического чина. Иначе говоря, то самое умение «петь и говорить по обычаю» этой конкретной церкви, о котором говорится в статутах анжерского собора.

³⁸ Говоря о соборе XII в., нужно учитывать, что, по сути, речь идет сразу о двух взаимосвязанных, но не единых центрах силы — епископском престоле и соборном капитуле. Соборные капитулы — коллегии клириков, осуществлявших служебные функции при епископском престоле, существовали задолго до XI в., как и капитулы коллегиальные, обслуживающие небольшие церкви. На рубеже XI–

За более чем столетие, прошедшее с публикации «Возрождения XII века» Ч. Хаскинса, его ренессансная трактовка XII в. не раз подвергалась сомнению. Но, находя неточности в деталях и некоторую надуманность в обобщениях и сравнениях, поколения последующих исследователей не могли отрицать: в конце XI в. Западная Европа переживает целую серию изменений, которые создают ее новое лицо, то самое, к которому мы сейчас привыкли по книгам и фильмам. Изменения охватывают все стороны жизни средневекового общества. Демографический рост и постепенное развитие торговых связей закладывают основание для расцвета городов, без которых был бы невозможен и рост влияния соборных капитулов, не возникла бы и особая городская культура, о которой так много писал Ж. Ле Гофф³⁹. Постепенная централизация королевской власти в Англии и во Франции, создание курий, требовавших образованных администраторов, способствовали возникновению спроса на образование⁴⁰. Но, вероятно, наибольший вклад в формирование новой образовательной системы внесла григорианская реформа.

Вопросы образования с самого начала привлекли лидеров григорианской реформы; правда, волновала их отнюдь не организация работы монастырских школ. Не будучи (за такими редкими исключениями, как Петр Дамиани)

XII вв. число соборных и коллегияльных капитулов стремительно возрастает, и одновременно усложняются их отношения с местным епископом: соборные капитулы начинают бороться за власть и привилегии (подробнее о соборных капитулах см.: *Marchal G.P. Was war das weltliche Kanonikerinstitut im Mittelalter? Dom- und Kollegiatstifte: Eine Einführung und eine neue Perspektive // Revue d'histoire ecclésiastique. 1999–2000. Т. 94–95. S. 761–807; 7–53, а также главу А.А. Королева в данной монографии*). Сложно сказать, сказывалось ли это противостояние каким-либо образом на ведении при соборе педагогической деятельности: официально *magister scholarum* был лишь одним из клириков, хотя в некоторых случаях преподавательскую деятельность осуществлял и сам епископ (например, в Реймсе или в Шартре).

³⁹ См. особенно: *Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. Долготрудный, 1997.*

⁴⁰ Подробнее о различных аспектах Возрождения XII века см.: «Эхо» всемирной истории: XII век в истории Запада // *Средние века. 2013. № 74 (3/4). С. 42–149.*

принципиальными противниками образования, реформаторы считали преподавание явлением мирским, нарушающим дисциплину и тишину, приличествующие монастырям. Предпочтение отдавалось «школе Христа» — вере и молитве. Бернарду Клервосскому даже изучение теологии казалось излишним⁴¹. «Обязанность монахов — не учить, а плакать», — утверждал цистерцианец⁴², которому также принадлежит знаменитый образ Парижа-Вавилона⁴³. Бернарду вторит и Петр Целлийский, противопоставляющий Парижу клуатр, где учит Сам Христос⁴⁴, и многие другие представители монашества (все вышеперечисленное, впрочем, не мешало и Бернарду, и Петру оказывать при необходимости поддержку отдельным магистрам, например Иоанну Солсберийскому, а цистерцианцам — содержать в Сито прекрасную библиотеку⁴⁵).

⁴¹ Sed tu frater, qui, ut audiui, Prophetas legis, putas intelligis quae legis? Nam si intelligis, sentis utique sensum propheticæ lectionis esse Christum. Quem vi delictis si apprehendere cupis, citius illum sequendo, quam legendo consequi potes. Quid quaeris Verbum in verbo quod iam caro factum praesto est oculis?... O si te umquam in schola pietatis sub magistro Jesu merear habere sodalem!... Experto crede: aliquid amplius invenies in sii vis quam in libris. Ligna et lapides docebunt te quod a magistris audire non possis (*Sancti Bernardi abbatis primi Claraevalensis* ep. 106 // *Patrologia Latina*. T. 182. Col. 241–242).

⁴² Siquidem vel monachi quod esse videor, vel peccatoris quid sum, officium non est docere, sed lugere (*Sancti Bernardi abbatis primi Claraevalensis* ep. 89 // *Ibid.* Col. 220–221).

⁴³ Fugite de medio Babylonis, fugite et salvate animas vestras. Convolate ad urbes refugii, ubi possitis et de praeteritis agere penitentiam et in praesenti obtinere gratiam et futuram gloriam fiducia liter praestolari (*Sancti Bernardi abbatis primi Claraevalensis* De conversione ad clericos sermo // *Ibid.* Col. 855).

⁴⁴ Parisius, quam idonea es ad capiendas et decipiendas animas! In te retiacula vitiorum, in te malorum decipula, in te sagitta inferni transfigit insipientium corda... O beata scola, ubi Christus docet corda nostra verbo virtutis sue, ubi sine studio et lectione apprehendimus quomodo debeamus eternaliter beate vivere! Non emitur hic liber, non redimitur magister scriptorum, nulla circumventio disputationum, nulla sophismatum intricatio, plana omnium quaestionum determinati, piena universarum rationum et argumentationum apprehensio (*Petri Cellensis* Ep. 73 // *Patrologia Latina*. T. 202. Col. 519).

⁴⁵ Robert G. Les écoles et l'enseignement... P. 20.

У сторонников григорианской реформы были причины для недовольства и педагогической деятельностью самих монастырей. Стремясь освободить церковь от светского влияния, реформаторы не могли оставить без внимания тот факт, что к XI в. монастыри воспринимались местной знатью, скорее, как воспитательные учреждения для собственных детей и способ устроить жизнь больных или покалеченных родственников. Крайне показательна в этом смысле довольно поздняя с точки зрения хронологических рамок моего исследования ситуация, в которую попал Пьер Мирме, аббат Андре (Овернь). Как повествует местная хроника, прибыв на место (в 1161 г.), новоизбранный аббат обнаружил, что местные монахи — это в основном калеки знатного происхождения, и был вынужден ввести запрет на прием больных и обязательный экзамен для всех кандидатов, за исключением конверсов (к сожалению, хроника не уточняет, что именно представлял собой этот экзамен, но, вполне вероятно, речь шла о чем-то подобном, проверке пения грамотности и литургических познаний, упомянутой в статутах Анже)⁴⁶.

Чтобы исправить ситуацию, как старые бенедиктинские монастыри, так и обители новых монашеских орденов, в первую очередь цистерцианцев, постепенно отказываются от практики принятия на воспитание юных отпрысков местных сеньоров. Многие монастыри установили пятнадцатилетний возраст в качестве нижней возрастной границы для принятия в новициат⁴⁷. В Клуни этот возраст достигал

⁴⁶ *Susceptus est cum honore debito vir honorabilis et in suo adventu, praeter mores suorum quos invenit degeneres, abhorruit et expavit deformitatem gregis; quidam enim claudi, quidam contracti, quidam monoculi, quidam strabones, quidam caeci, qui manci inter eos apparebant et ii fere omnes genere nobiles existebant: quo viso prudens pastor indoluit et in se meditabatur quod postea devotus explevit: nara per annos triginta duos et amplius qui bus huic loco praefuit nullum unquam monachari permisit qui in aliqua parte corporis aliquem defectum habuit. Quantumcumque quilibet ad conversionem veniens esset litteratus, non ei accessus patebat nisi in legendi et cantandi scientia fuisset exereitatus* (*Chronicon Andreensis monasterii O.S.B.*, ab anno 1082 ad annum 1234 auctore Guillelmo abbate // *Acherius L. Veterum aliquot scriptorum Spicilegium*. T. 9. P. 446).

⁴⁷ *Delhaye Ph. L'organisation scolaire...* P. 231.

двадцати лет⁴⁸. Вероятно, реформаторы монашества надеялись, что к этому возрасту человек уже получает некоторое образование и сознательно выбирает церковную карьеру. Число собственных воспитанников, *pupilli*, монахи стремились свести к минимуму, хотя исключения всегда имели место.

Итак, стремление закрыться от мира отодвинуло монастыри на второй план в плане образовательной деятельности. Не говоря уже о том, что само расположение монастырей и необходимость поддержания внутренней дисциплины не позволили бы им успешно выполнять свою деятельность в условиях, когда значительно возросшее число школяров стекалось именно в растущие города. И это в то время, когда вполне успешно борющаяся за независимость от светских властей и все больше набирающая силу церковная организация как никогда нуждалась в хорошо образованных администраторах. Да и сами непрерывно растущие монашеские ордены и конгрегации (цистерцианцы, клонийцы, картузианцы и др.) нуждались в тех самых, пятнадцатидвадцатилетних, уже образованных новичках. Необходима была новая структура, способная в условиях демографического роста и бурного развития городов обеспечить подготовку образованных людей, столь востребованных теперь и в светских, и в церковных куриях. Эту нишу заняло образование, которое давали каноники, более открытые для мира и, главное, для города.

В ПОИСКАХ ШКОЛЫ И ШКОЛЯРОВ: МОНАХИ, КАНОНИКИ, КЛИРИКИ

Итак, рост городов и григорианская реформа — два основных фактора, способствовавших росту спроса на образование в конце XI в. Источники не дают точных цифр, и в современных масштабах число появившихся на рубеже XI–XII вв. новых школяров может показаться небольшим (счет шел скорее на сотни, чем на тысячи), но современники остро ощущали происходившие изменения. Так, по воспоминаниям бенедиктинца Гвиберта Ножанского (1053–1125), если в годы его детства матери едва удалось найти для него учителя (который

⁴⁸ Statutum est ut nullus etiam ex concessione futuras monachus regularibus usque ad 20 annos vestibus induatur (*Petrus Venerabilis. Statuta congregationis Cluniacensis* // *Patrologia Latina*. T. 189. Col. 1036).

в итоге оказался не слишком знающим), то, когда он пишет свои «Монодии», простые «грамотеи, которые ныне странствуют по селам» стали образованнее многих прежних учителей⁴⁹. Кто были эти новые школяры?

В первую очередь необходимо отметить, что речь шла не о мирянах и, в гораздо меньшей степени, о монахах. В XI–XII вв. существовали частные учителя (чаще всего это были уже прошедшие обучение клирики или каноники), которых могли позволить себе нанять представители знати⁵⁰, и так называемые «внешние школы» (по классификации Г. Робера) при монастырях, обычно в сельской местности, куда на обучение брали местных детей, нередко самых бедных. Однако число «внешних» монастырских школ в XII в. постепенно снижается под влиянием григорианской реформы, да и обучались местные воспитанники только основам латыни и пению⁵¹. А главное, в силу своей бедности они, вероятно, не могли и мечтать о продолжении обучения.

Дело в том, что получение своего рода «высшего образования» в XII в. становится делом крайне затратным, так как предполагает путешествия. Еще в конце XI в. Гвиберту Ножанскому посчастливилось, пребывая в монастыре Св. Петра в Флавины, получить несколько уроков от одного из последних великих монастырских учителей, Ансельма Бекского, будущего архиепископа Кентерберийского⁵². Уже через несколько десятилетий такое ученичество в стенах монастыря было крайне маловероятно. Пришедшие на смену монастырям соборные «школы» требовали от школяра мобильности.

⁴⁹ *Erat paulo ante id temporis, et adhuc partim sub meo tempore tanta grammaticorum charitas, ut in oppidis pene nullus, in urbibus vix aliquis reperiri potuisset, et quos inveniri contigerat, eorum scientia tenuis erat, nec etiam moderni temporis clericulis vagantibus comparari poterat (Venerabilis Guiberti abbatis S. Mariae de Novigento De vita sua sive monodiarum libri tres // Patrologia Latina. Т. 156. Col. 844).* Русский перевод отрывков из «Монодий» см. в: История субъективности: средневековая Европа / сост. Ю.П. Зарецкий. М., 2009. С. 315–326 (цит.: Стасюлевич М.М. История Средних веков в ее писателях и новейших ученых. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1907).

⁵⁰ Robert G. Les écoles et l'enseignement... P. 26.

Ibid. P. 17.

⁵² *Venerabilis Guiberti abbatis S. Mariae de Novigento. De vita sua... Col. 874.*

В первую очередь потому, что они нередко имели специализацию. Париж был знаменит диалектиками, Болонья — знатоками права, Орлеан — преподаванием *ars dictaminis* (искусства написания писем) и изящной словесности и т.д. И хотя такая специализация была довольно условной и полностью зависела от склонностей местного магистра, если верить Абельяру, для него как для школяра, например, не было секретом, что в поисках лучших знатоков диалектики следует отправляться в Париж⁵³. Еще одной особенностью соборных «школ», побуждавшей школяров к странствиям, была их недолговечность. На протяжении довольно долгого времени (до возникновения крупных городских центров с многочисленными преподающими магистрами, таких как Париж или Болонья) возникновение каждого нового интеллектуального центра было напрямую связано с присутствием талантливого магистра. Если он не оставлял преемников, с его уходом школа угасала, т.е. собор возвращался к своей привычной практике обучения собственных новичиев. Так что неудивительно, что в XII в. знаменитые магистры — Гуго Сен-Викторский, Иоанн Солсберийский, Петр Коместор — единодушно называют обучение в чужой стране (*terra aliena*) в качестве условия получения хорошего образования⁵⁴.

Учитывая все еще сохранявший свою значимость для монашества принцип *stabilitas loci*, «постоянства места» монашеского служения, такая мобильность скорее была свойственна каноникам, а не тем, кто изначально намеревался стать монахом. В результате среди учеников соборной «школы» чаще всего можно было встретить юных каноников, получивших начатки образования при местном коллегиальном или соборном капитуле и отправленных к прославленному магистру для продолжения обучения. Нередки среди школяров были и подростки из состоятельных семей, обычно путешествующие с собственными учителями. Изначально они нередко были не канониками, а простыми клириками (что не мешало им при желании вступить в монашеский орден или стать

⁵³ Pervenit tandem Parisius, ubi iam maxime disciplina hec florere consueverat... (*Petrus Abaelardus. Historia calamitatum...* Col. 115).

⁵⁴ *Hugo de Sancto Victore. Didascalicon* III, 20 // *Patrologia Latina*. T. 176. Col. 778; *Petrus Comestor. Sermo* 3 // *Ibid.* T. 198. Col. 1730; *Ioannes Sarisberiensis. Polycraticus* 7, 13 // *Ibid.* T. 199. Col. 666.

канониками по окончании обучения). Основной целью получения образования чаще всего была надежда сделать карьеру в высшей церковной администрации.

Промежуточную позицию между монахами, с одной стороны, и клириками и канониками — с другой, занимали каноники регулярные. По своему духу более близкие к монашеству (устав св. Августина, которому следовали все каноники, в целом был мягче бенедиктинского или цистерцианского, но регулярные каноники принимали все монашеские обеты), они тем не менее были более открыты миру. И все же ведение активной педагогической деятельности для регулярных каноников было, скорее, исключением. Единственный крупный интеллектуальный центр регулярных каноников, где велось преподавание, — это парижское аббатство Сен-Виктор. Но организованный магистром Гильомом из Шампо, расположенный в интеллектуальной столице того времени, облаканный королевскими привилегиями и во многом обязанный своей славой гению магистра Гуго, Сен-Виктор был, скорее, исключением из правила⁵⁵. Во времена магистра Гуго викторинцы действительно принимали каноников из других обителей на обучение, но уже относительно второй половины столетия нет никаких свидетельств, подтверждающих подобную открытость. Показательно, что в викторинском уставе, ориентированном на другие обители викторинской конгрегации, нет упоминаний о школе и преподавании⁵⁶. Характерным примером отношения регулярных каноников к образованию является скорее не история Сен-Викторского аббатства, а изменения, происшедшие в аббатстве св. Женевьевы, когда эта прославленная обитель была реформирована в 1148 г. и секулярных каноников сменили регулярные каноники викторинской конгрегации. Известный знаток канонического права Этьен, будущий епископ Турне, ставший в 1176 г. аббатом св. Женевьевы, принимавший активное участие в жизни парижских школ, хоть и ратовал за получение юными клириками, прибывающими в аббатство,

⁵⁵ Robert G. *Les écoles et l'enseignement...* P. 17; Giraud C. *L'école de Saint-Victor dans la première moitié du XIIe siècle, entre école monastique et école cathédrale // L'école de Saint-Victor de Paris: Influence et rayonnement du Moyen Âge à l'Époque moderne / Éd. par D. Poirel. Turnhout, 2010. P. 101–119.*

⁵⁶ Giraud C. *L'école de Saint-Victor...* P. 108–109.

хорошего образования, все же запрещал им обучаться в городе у других магистров. Покой обители был для него более важен⁵⁷.

Таким образом, в XII в. стремившиеся получить образование школяры были преимущественно клириками или канониками, а местом, куда они направлялись, — соборные «школьы». Неудивительно, что довольно быстро спрос превысил предложение, т.е. возможности соборов и их магистров. Показательный факт: в начале XII столетия в Париже школяров стало так много, что соборному капитулу Нотр-Дам пришлось запретить принятую практику проживания обучающихся в зданиях, принадлежащих каноникам собора, — новым школярам уже просто не хватало места⁵⁸. Появление чрезмерного числа магистров и школяров было чревато формированием новых структур в образовательной деятельности. Первым этапом этого процесса стало возникновение *licentia docendi* — права на преподавание.

ПЕРВЫЙ ШАГ К САМООРГАНИЗАЦИИ: LICENTIA DOCENDI

Начиная, по крайней мере, с Григория VII папство вело активную борьбу со «школьной симонией» (термин Г. Проста) — преподаванием за вознаграждение⁵⁹. В течение всего XII века папские буллы не уставали напоминать о недопустимости взимания соборным магистром платы со школяров. Как следствие, основным источником доходов соборного магистра стала пребенда, обеспечиваемая все тем же собором⁶⁰. Число пребэнд было весьма ограничено, а потому соборные магистры стремились не допустить преподавания других учителей в пределах юрисдикции собственной церкви (город

⁵⁷ Quod autem de ipso noble per litteras vestras intimastis vel in monte vel Parisius ad secularium scholas et venditores verborum mittendo, salva gratia vestra, non admittimus, quoniam institutioni nostre repugnat et consuetudini; nec per ipsum presentibus fratribus novum proponete spectaculum, quod futuris perniciosum trahatur in exemplum. Habet in claustris sapientia regulas suas, habet et regulares suos, erigens ibi scholas, inde veritatis, hinc virtutis (*Stephanus Tornacensis*. Ep. 80 // *Patrologia Latina*. T. 211. Col. 376).

⁵⁸ Delhaye Ph. L'organisation scolaire... P. 253.

⁵⁹ Post G. Alexander III... P. 8–9.

⁶⁰ Delhaye Ph. L'organisation scolaire... P. 253–254.

для соборного капитула, местный бург — для коллегиального; судя по некоторым источникам, монастыри также обладали монополией на преподавание в своей юрисдикции⁶¹).

Однако эта монополия на педагогическую деятельность была скорее не официальным правом, а обычаем. Многочисленные конфликты, имевшие место в первой половине XII в. между соборными магистрами и некими образованными клириками, желающими преподавать на той же территории («городскими магистрами»⁶²), свидетельствуют как о непрочности образовательной монополии, так и о наличии большого числа желающих ее оспорить. И все же изначально соборным магистрам удавалось защищать свои исключительные права. Говоря о Париже, сложности ранней педагогической карьеры Петра Абеляра становятся понятны, если рассмотреть их как конфликт между желающим преподавать магистром и защищающим свои права от конкурента главой парижской соборной «школы». Но схожие случаи имели место и в других городах. В частности, в Реймсе, где против местного архидьякона Альберика, исполнявшего также обязанности главы соборной «школы», выступила целая группа его бывших учеников, создавших в городе собственную, более успешную «школу» (к сожалению, источник не сообщает никаких подробностей о ее устройстве). Эту «школу» Альберику удалось закрыть, апеллируя именно к присущей ему как соборному магистру монополии на образование в данном городе⁶³. А в 1155 г. подобный конфликт имел место уже в Англии, между соборным магистром Иорданом из Винтона и учителем, желавшим преподавать в том же городе. Соборный магистр отправил жалобу в Рим, и в спор по поручению папы Адриана IV вмешался Иоанн Солсберийский, подтвердивший исключительные права Иордана на преподавание в городе⁶⁴.

⁶¹ Post G. Alexander III... P. 10.

⁶² Этот несколько неудачный ввиду своей неточности термин нередко можно встретить в отечественной исследовательской литературе. Своим происхождением он, вероятно, обязан «городским интеллектуалам» Ж. Ле Гоффа. В моей статье термин «городские магистры» используется для обозначения учителей, преподающих в городе с разрешения главы соборной «школы» или желающих получить подобное разрешение.

⁶³ Delhaye Ph. L'organisation scolaire... P. 254.

⁶⁴ Memorato Ioanni vestra et nostra auctoritate inhibuimus, ne contra voluntatem Iordani Scholas regere praesumeret in praefata civitate... Quia

Таким образом, уже в первой половине XII в. возникла настоятельная необходимость регламентировать отношения между соборами и многочисленными образованными клириками, желающими преподавать в том же городе. Решением этого вопроса становится *licentia docendi* — «право на преподавание», некое разрешение на ведение педагогической деятельности, которое выдавал *magister scholarum* соборной «школь».

Первое зафиксированное в источниках свидетельство о существовании разрешения на преподавание относится к середине XII в. Это решение капитула лондонского собора св. Павла от 1137 г., запрещающее выдавать разрешение на обучение за вознаграждение. Что показательно, данный текст не посвящен вопросу о праве на преподавание напрямую, о нем упоминается как о само собой разумеющемся факте. Главная тема документа — борьба против «школьной симонии». При этом термин *licentia docendi* еще не употребляется, как не говорится и о критериях, которым должен соответствовать кандидат на получение права на преподавание⁶⁵.

Рост числа школяров и «городских магистров», вероятно, был слишком большим соблазном для магистров соборных: принцип бесплатности образования во второй половине XII в. нарушался так часто, что требовал почти постоянного вмешательства римского понтифика. Именно в контексте борьбы со «школьной симонией» появляются первые упоминания о *licentia* на преподавание в папской документации. Так, в письме епископу Винчестера (к сожалению, дата неизвестна) папа Александр III дарует последнему право самостоятельно давать магистрам бесплатное разрешение на преподавание, если глава местной соборной школы будет тому препятствовать⁶⁶. В 1167 г. Александру III прихо-

de iure sehol arum magistri Iordanani constabat... dedimus in mandatis ne praefatum Iordanum super scholis pateretur a Ioanne ultro fatigari et si eum inveniret vestrae et nostrae auctoritatis contemptorem ipsum publice denuntiaret anathematis vinculo innodatum (*Iohannes Sarisberien-sis*. Ep. 19 // *Patrologia Latina*. T. 199. Col. 13).

Delhayе Ph. L'organisation scolaire... P. 254.

⁶⁶ Prohibeas attentius de cetero ne in parochiis pro licentia docendi aliquos exigatur aliquid aut etiam promittatur... Sane, si quis occasione huius prohibitionis distulerit magistros in loci congruis instituere, tibi liceat de concessione nostra omni contradictione et appellatione postposi-

дится отдельным письмом напоминать капитулу и декану Шалона-на-Марне о запрете на взимание платы за выдачу разрешения на преподавание⁶⁷. Схожее по содержанию письмо понтифик отправил и архиепископу Кентерберийскому. А в 1170 г. папа адресует направленное против «школьной симонии» письмо уже епископам Франции в целом. В этом послании *licentia docendi* снова упоминается уже как существующая практика и, что более важно, упомянуты требования, которым должен удовлетворять кандидат на получение права на преподавание: *licentia* следовало выдавать «мужам способным и образованным» — *virii idonei et litterati*⁶⁸.

Однако до полного юридического закрепления *licentia docendi* магистрам предстояло дожидаться 1176 г., когда решение III Латеранского собора обязало *magistri scholarum* соборных капитулов выдавать разрешение на преподавание всем «подходящим» людям, а соборные капитулы — обеспечить этих новых магистров пребендами⁶⁹. Тактику, которой следует папа Александр III, принимая это решение, можно

ta, ibi aliorum instructioni praeficere viros providos, honestos et discretos (Alexander III Vintoniensi episcopo. Decretales Greg. IX. lib. V. tit. V. cap. 2).

⁶⁷ Pervenit ad nos quod cum aliqui clerici in episcopatu vestro alios velint docere... vos ipsos nisi pecuniam vobis velint conferre, ne id possint efficere, modis omnibus impeditis et sub excommunicationis interminatione, ne hoc faciant prohibetis. Quod quia rationi et honestati contrarium prorsus existit, universitati vestrae per apostolica scripta praecipiendum mandamus quatenus clericos omnes qui in episcopatu vestro et praesertim extra muros civitatis aliis legere voluerint et eos scholasticis instruere disciplinis, id libere et sine omni contradictione efficere permittatis, nec supra hoc molestare de cetero (Alexander III ad Decanum et capitulum Catalaunense // Patrologia Latina. T. 200. Col. 440).

⁶⁸ Fraternitati vestrae per apostolica scripta mandamus quatenus sub anathematis interminatione prohibere curetis ne qui dignitate illa... fungentes pro praestanda pro praestanda licentia, docendi alios ab aliquo quidquam modo exigere audeant vel extorquere; sed eis districte praecipiatis ut quicumque virii idonei et litterati voluerint studia regere litterarum, eos sine molestia et exactione qualibet scholas regere patiantur, ne scientia de caetero pretio videatur exponi quae singulis debet gratis impendi (Alexander III ad episcopos per regnum Francorum constitutos // Ibid. Col. 741).

⁶⁹ Pro licentia vero docendi nullus omnino pretium exigit vel sub obtentu alicuius consuetudinis ab eis qui docent aliquid quaerat nec docere quemquam, qui sit idoneus, petita licentia interdicti (Mansi G.D. Sacrorum Conciliorum Nova et Amplissima Collectio. T. 22. Col. 228).

назвать, скорее, компромиссной: с одной стороны, он закрепляет за соборными магистрами пусть не уникальное право на преподавание, но монополию на выдачу *licentia docendi*. С другой же стороны, папа открывает для «городских магистров» возможность легально преподавать. Безусловно, на практике все было далеко не так просто, как обещали папские буллы. В Париже стараниями местного канцлера, Петра Коместора (во второй половине XII в. к канцлеру Нотр-Дам перешли обязанности *magister scholarum*), плата за *licentia docendi* все же взималась (магистры протестовали, но, судя по всему, безуспешно)⁷⁰. А туманность предписанного Римом критерия оценки компетентности магистра развязывала руки главам соборных «школ». Но тем не менее сам факт юридического оформления *licentia docendi* стал важнейшим шагом на пути формирования школьной самоорганизации. Его появление означало, что изнутри самой школьной системы, в результате конфликта многочисленных магистров и соборной «школы», сформировался способ входа в сообщество магистров.

В течение «долгого XII века» система школьного образования в Европе, и особенно во Франции, претерпевает серьезные изменения. Время немногочисленных монашеских интеллектуальных центров, воспитывающих нескольких новичиев, сменяется «великим веком соборных школ»⁷¹. В терминах синергетики — дисциплины, изучающей функционирование открытых систем, — эти изменения можно описать как начало процесса самоорганизации, образования в системе новых структур под влиянием внешних факторов.

Действительно, именно на рубеже XI–XII вв. множество разнообразных факторов, включающих и демографический подъем, и урбанизацию, и в особенности централизацию светской и церковной власти, требовавшей теперь хорошо

⁷⁰ Lesne É. Les écoles... P. 428–429.

⁷¹ Hanrahan J. Cathedral Schools: The Institutional Development of Twelfth-Century Education // Report of the Annual Meeting. The Canadian Historical Association. 1964. Vol. 43 (1). P. 61.

обученных администраторов, привели к росту спроса на образование и, как следствие, к увеличению числа желающих его получить. Одновременно позиции монастырей в образовании были ослаблены григорианской реформой: стремление к освобождению церкви от светского влияния плохо сочеталось со слишком «мирской», по мнению реформаторов, педагогической деятельностью. Все это привело к расцвету соборных школ, ведь, в отличие от монахов, целью каноников было пастырское служение, а значит, они гораздо сильнее были связаны с мирянами и, главное, с городом.

Тем не менее школы как отдельные институты в XII в. не существовали даже при соборах. Анализ нормативных источников того времени свидетельствует о том, что соборный каноник, имевший статус *magister scholarum*, «руководителя занятий», выполнял множество обязанностей, среди которых педагогика была отнюдь не основной. В нарративных же источниках XII в. на первый план выходит не школа, а фигура харизматичного магистра, привлекающего к себе школяров.

Взросшее число магистров и школяров довольно быстро превысило материальные возможности соборов, ведь учеников необходимо было обеспечить жильем и вниманием учителя, а магистров — пребендами. Столкновение интересов желающих преподавать в городах клириков и соборных магистров, обладавших монополией на преподавание в пределах юрисдикции своей церкви, неизбежно вело к конфликту. Его решением стало появление *licentia docendi* — разрешения на преподавание, выдаваемого магистром соборной «школы». В течение всего XII в. институт *licentia docendi* формируется внутри школьной системы, пока, наконец, его официально не утверждает папство, впрочем, больше обеспокоенное проблемой «школьной симонии», чем доступности образования.

Главным изменением в школьной системе XII в. становится тот факт, что благодаря появлению *licentia docendi* соборные магистры утрачивают свою монополию на преподавание. Новая школьная система включает теперь не только монастыри и соборные школы, но и относительно независимых «городских магистров». Речь пока не идет о корпорации, обладающей особыми привилегиями, но она возникнет уже буквально через несколько десятилетий именно в среде «городских магистров». Иначе говоря, именно в XII в. школьная система встает на путь самоорганизации, и *licentia docendi* становится первым шагом на этом пути.

ОТ ШКОЛ К УНИВЕРСИТЕТУ: РОЖДЕНИЕ КОРПОРАЦИИ

В предыдущей главе говорилось о возникновении института *licentia docendi* как первом шаге к самоорганизации мира парижских школ. Но почему лишь в единичных случаях старые центры образования сами собой трансформировались в университеты, а подавляющее большинство блестящих школ XII в. университетами так и не стали? Этот вопрос можно поставить и шире: почему на рубеже XII и XIII вв. возникла такая форма трансляции и организации знания, как университет — форма, оказавшаяся необычайно устойчивой и способной к адаптации в новых условиях?

Происхождение университетов представляет собой загадку лишь в случае тех корпораций, которые возникли спонтанно. Они образовали новые институциональные формы, и затем власти просто стали заимствовать эти формы, чтобы основывать университеты в других местах — в Неаполе (1224), Тулузе (1229), Саламанке (1231). Данный процесс нашел отражение в хартиях, выданных императором, папой, королем¹. Обстоятельства же рождения первых четырех университетов — в Болонье, Монпелье, Оксфорде и Париже — уникальны в каждом случае, однако синхронность процессов, приведших к оформлению университетской корпорации, трудно отрицать.

НЕМНОГО ИСТОРИОГРАФИИ

Парижский случай известен более всего, точнее — о нем сохранилось больше свидетельств источников и сочинений историков. В относительно недавней монографии Натали Горшовой выборочная библиография, в которой явное

¹ Другим путем возникновения университетов является миграция магистров и студентов в результате сецессии — организованного переселения в другой, более гостеприимный город. Например, из Болоньи в Верчелли или в Ареццо. Но и в этом случае корпорация не возникала сама собой, а просто была «пересажена» на другую «почву».

предпочтение отдается исследованиям последних десятилетий, включает в себя свыше тысячи работ².

Если обратиться к истокам «научной» историографии Парижского университета, то ее родоначальником следует считать Этьена Паскье (1529–1615), автора «Разысканий о Франции»³. Первый вариант этого сочинения был опубликован в 1560 г., а последнее прижизненное издание вышло в 1607 г. В третьей части нашей книги мы еще вернемся к фигуре этого неординарного автора.

Этьен Паскье одним из первых в исторической науке проявил себя последовательным сторонником критического метода, уделяя основное внимание работе с источниками. Очерки, посвященные истории Парижского университета, были включены Паскье в восьмую книгу его «Разысканий...». Автор развенчивает укорененный в средневековой и гуманистической историографии миф о том, что Парижский университет основал Карл Великий (768–814), вполне определенно датируя начало известности парижских школ лишь XII веком, а формирование университета относя к правлению Филиппа II Августа (1179–1223) и понтификату Иннокентия III (1198–1216). Даже если оценивать труд Паскье с позиций современной науки, он описал процесс становления университета достаточно точно. В принципе, за четыре истекших столетия историография Парижского университета продолжает двигаться по колее, проложенной французским эрудитом. Меняются лишь акценты.

Конечно, Паскье был тенденциозен, отстаивая церковное (а не королевское) происхождение университета и, соответственно, приоритет теологов над «артистами». В следующие два столетия летописец Парижского университета С.-Э. Дю Буле⁴ и его популяризатор Ж.-Л.-Б. Кревье⁵ воссоздали богатую событийную канву университетской истории. И в отличие от Паскье оба эти автора подчеркивали роль

² *Gorochoff N. Naissance de l'Université. Les écoles de Paris d'Innocent III à Thomas d'Aquin (1200–1245). Paris, 2012.*

³ *Pasquier E. Les Recherches de France. Paris, 1621.*

Du Boulay C.-E. Historia Universitatis Parisiensis. Paris, 1665–1673. 6 vol.

Crevier J.-B.-L. Histoire de l'Université de Paris depuis son origine jusqu'en l'année 1600. Paris, 1761. 7 vol.

факультета искусств. Для них университетская корпорация — в первую очередь «любимая дочь короля», обладающая в основном светским характером.

В XIX в. главным памятником университетской историографии стала объемная публикация документов, главным образом церковного происхождения⁶. История университета предстает здесь в виде ряда институциональных конфликтов — это видение предопределило ее восприятие в классической работе Г. Рэшдола⁷. Именно эта версия была моментально подхвачена в отечественной историографии — как в обобщающем труде по истории университетов⁸, так и в исследовании, посвященном ранней истории Парижского университета⁹.

Для историков середины XX в. важно было подчеркнуть социальный аспект процесса генезиса университета, в частности близость мира магистров и студентов с ремесленниками и торговцами¹⁰. Реакцией на достаточно долгое доминирование социальной истории университетов стало акцентирование собственно духовных аспектов данного процесса¹¹, внимание к административным проблемам церковного устройства и личностным факторам¹². В на-

⁶ *Chartularium Universitatis parisiensis* / Éd. par H. Denifle, E. Chatain. Paris, 1889–1897. 4 t. (далее — CUP).

⁷ *Rashdall H. The Universities in the Middle Ages*. Oxford, 1895. 2 vol. in 3.

⁸ *Суворов Н.С. Средневековые университеты*. М., 1898.

⁹ *Фортинский Ф.Я. Борьба Парижского университета с нищенствующими монахами в половине XIII века* // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Сентябрь. С. 61–89.

¹⁰ В этом сходились и советский историк-марксист, «антигерой» современных российских медиевистов, и французский историк, ставший для тех же медиевистов кумиром. См.: *Сидорова Н.А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции (к вопросу о реакционной роли католической церкви в средние века)*. М., 1954; *Le Goff J. Les intellectuels au Moyen Âge*. Paris, 1957.

¹¹ *Ferruolo S.C. The Origins of the University: The Schools of Paris and their Critics, 1100–1215*. Stanford, 1985; *Grundmann H. Vom Ursprung der Universität im Mittelalter*. Berlin, 1957.

¹² *Baldwin J.W. Masters, Princes and Merchants: The Social Views of Peter the Chantre and his Circle*. Princeton, 1970. 2 vol.; *Idem. Philippe Auguste et son gouvernement*. Paris, 1991.

стоящее время количество накопленных данных таково, что позволяет предпринять попытку просопографического исследования университетских магистров эпохи формирования университетов¹³. Новые сведения очень важны, без них реконструкция генезиса Парижского университета невозможна. Однако сами по себе они не раскрывают загадки его возникновения.

Если же вернуться к Паскье, то, несмотря на густо разросшееся «генеалогическое древо» исследователей университета, именно у него можно найти черту, которой нет у его последователей: внимание к пространственному аспекту университетской истории. Для него, например, важно было точно локализовать соборную школу, привязав ее к епископскому дворцу и оговорив, что традиции учености сохраняются там и поныне (т.е. до начала XVIII в.), — недаром на улице Нотр-Дам, близ собора, сохранилось скопление книжных лавок¹⁴. Укоренившись в Сите, образованность оттуда перебралась на Левый берег, в монастырь Сен-Виктор. Затем из-за обилия учеников, которых уже не могла вместить соборная школа, занятия «свободными искусствами» были перенесены в церковь Сен-Жюльен-ле-Повр, приорат, разделенный с епископским дворцом узкой протокой, через которую перекинут был Малый мост, на котором вскоре тоже преподавали магистры. Церковь Сен-Жюльен-ле-Повр — исторический центр факультета искусств: там проходили выборы ректора, там организовывались самые торжественные мероприятия факультета. Поначалу в этой церкви велось и преподавание, затем «артисты» заняли близлежащую улицу Соломы. Там, по мнению Паскье, были построены четыре больших здания, называемые «зал англичан», «зал пикардийцев», «зал нормандцев» и «зал французов» откуда потом и пошли университетские «нации».

Обрисовывая границы древнейшего университетского района — от аббатства Сен-Виктор до церкви Сен-Жюльен-ле-Повр, Паскье пишет, что первые школы разместились узкой лентой (*en ceste bas liziere*) вдоль реки, а школ ни на холме

¹³ Этому посвящена внушительная по объему монография Натали Горошов, о которой уже упоминалось выше: *Gorochov N. Naissance de l'Université...*

¹⁴ *Pasquier E. Les Recherches de France. Paris, 1621. P. 804.*

св. Женевьевы, ни на улице Сен-Жак, ни на улице Арфы в ту пору еще не было¹⁵. Настоящей драмой в глазах Паскье стало отчуждение аббатства Сен-Виктор от университета после постройки стены Филиппа-Августа. Но традиции викторинцев были переданы монастырю Сент-Женевьев. В 1148 г. папа Евгений III, недовольный плохой дисциплиной обитавших там секулярных каноников, заменил их двадцатью уставными канониками, переведенными из аббатства Сен-Виктор. Только таким образом притязания аббата Сент-Женевьев на руководство школами Левого берега получают в глазах Паскье некую легитимность, значительно уступающую, однако, силе авторитета канцлера Парижской церкви¹⁶.

Когда же и почему парижская школьная вольница обрела черты корпоративного устройства, без которого все разговоры об университете беспредметны? Для ответа на вопрос мы должны подробно проследить ход конфликтов первой трети XIII в.

1200–1208 гг.:

ОТ КОРОЛЕВСКОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ
ДО ПАПСКОГО ПИСЬМА

Мир парижских школ во второй половине XII в. обладал многими чертами, которые впоследствии будут приписывать университетам. В этих школах сложилась устойчивая система преподавания, были определены содержательная и методическая части образования, сформировалась собственная система ценностей, стали понятны основные формы материального существования. Получил социальное признание новый тип человека, живущего умственным трудом. Такие люди образовывали социальную общность (ее члены общались друг с другом гораздо чаще и интенсивнее, чем с другими людьми). Помимо того что представителей этой среды объединяла своя субкультура, они были уверены в том, что обществу необходима реформа, и, в первую очередь, реформа основ школьной жизни. Словом, парижские школы к концу XII в. обладали почти всем тем, что будет отличать

¹⁵ Ibid. P. 807.

¹⁶ Ibid. P. 840.

университетский люд последующих столетий. Кроме одного — корпорации. Но зачем она им могла понадобиться? В Болонье клятвенные союзы студентов, изучавших право, помогали им отстаивать особый статус в случае конфликта с горожанами. В Париже, где и учителя, и ученики — в отличие от итальянских правоведов — были клириками, нужда в их дополнительном правовом обособлении не возникала. Каноническое право надежно защищало их от всяческого насилия. Неподсудность клириков светскому суду (*privilegium fori*) вселяла в школяров уверенность в безнаказанности и порождала у горожан ненависть к ним.

Папа Целестин III (1191–1198) со всей определенностью подтвердил право церковной защиты всех клириков, проживавших в Париже. Но в начале понтификата его преемника, Иннокентия III (1198–1216), их неприкосновенность была подвергнута серьезному испытанию.

В январе 1200 г. слуге одного из школяров, отправленному в кабачок за вином, нанесли там оскорбление. Когда об этом узнал его хозяин — архидьякон Льежского диоцеза, изучавший в Париже теологию, то он, сочтя, что оскорблен его высокий сан, со своими земляками учинил в кабачке разгром. Возмущенные горожане обратились к королевскому прево. Во главе отряда вооруженных парижан прево взял штурмом дом, который снимали немецкие студенты, в ходе чего погибли пять человек, включая и льежского архидьякона.

Школяры и магистры жаждали мести, грозили покинуть город, но вмешался король Филипп II Август. Он повелел провести расследование и наказать виновных, хотя прево отрицал свою вину. Итогом разбирательства стал знаменитый ордонанс, составленный в июне 1200 г. Для будущей безопасности студентов парижские буржуа обязывались брать школяров, павших жертвой несправедливости, под свою защиту, а королевскому прево и его людям в случае преступления, совершенного школяром, надлежало немедленно передать виновного в руки церковного правосудия. Каждый новый королевский прево Парижа, вступая в должность, в соборе Нотр-Дам в присутствии школяров должен был поклясться в том, что будет соблюдать данные условия¹⁷. Несмотря

¹⁷ Сур. Т. I. No. 1. Р. 59–60.

на то что во множестве энциклопедий 1200 год помечен как «основание Парижского университета королем», ни о каком университете речи не шло, важным был лишь тот факт, что школяры и магистры в глазах королевской власти впервые оказались выделены из общей массы клириков. Можно лишь предполагать, что раз недостроенный в ту пору собор вряд ли мог вместить всех магистров и их студентов, то на церемонию принесения клятвы явились, по-видимому, их представители, что указывает на наличие некоего объединения, способного выбрать своих делегатов.

Об этом событии рассказывают все, кто пишет о рождении Парижского университета. Но почти никто не задается очевидными вопросами:

1. Почему королю именно в 1200 г. потребовалось вновь возвращаться к, казалось бы, давно решенному вопросу о *privilegium fori*?

2. Почему ничего не сказано о роли Парижского епископа — «естественного» судьи и руководителя школяров и магистров? И почему в данном случае он сам не вступился за обиженных школяров?

3. Почему королевский прево открыто организует штурм дома школяров, а затем упорно отрицает свою вину?

Ответы следует искать в общем историческом контексте, как глобальном, так и локальном. Недавно занявший Святой престол папа Иннокений III в 1199 г. наложил интердикт на Французское королевство за отказ Филиппа II Августа примириться с законной супругой. Многие прелаты, верные королю, не согласились с папским решением, но Парижский епископ Эд де Сюлли, проявив твердость, поддержал папский интердикт, покинул Париж и укрылся в Бурже. Разгневанный король конфисковал имущество епископа, а горожане, воспользовавшись королевским попустительством, разграбили епископский дворец. Уехавший из города епископ оставил парижских клириков без защиты. Получалось, что раз папа останавливает все богослужения в городе, то он останавливает и действие своих привилегий. Поскольку разграбление дворца епископа, «изменившего» королю, осталось безнаказанным, то в глазах парижского прево вполне оправданным было и применение силы против смутьянов-школяров.

Точно по такому же сценарию будут развиваться события 1209 г. в Оксфорде. Интердикт, наложенный годом ранее

тем же Иннокентием III на Англию, привел к тому, что конфликт с горожанами закончился расправой со студентами и прекращением занятий в Оксфорде¹⁸.

Но документ 1200 г. составлялся тогда, когда король, хотя и искал уже пути примирения с церковью, все же пытался наладить механизм разрешения конфликтов без непосредственного участия епископа и его канцлера, апеллируя то к абстрактным «церковным судьям», то непосредственно к школярам и магистрам, делая тем самым шаг к их оформлению в качестве особой группы. Это не означает, что король собирался покровительствовать нарождавшемуся университету, но объясняет, что могло послужить конкретным поводом для создания нового прецедента — некой правовой обособленности магистров и учеников парижских школ.

Для того чтобы это гипотетическое сообщество обрело реальные контуры и структуру, были нужны целенаправленные усилия вполне конкретных людей. В конце XII в. многие теологи обличали пороки школярской жизни, как правило, противопоставляя ей идеалы общины монахов или каноников. В этом хоре можно выделить голос упомянутого в предыдущей главе Стефана де Турне, аббата Сент-Женевьев в 1176–1192 гг. Он был знатоком канонического права, учился в Болонье у самого Грациана. Став аббатом, Стефан оказался в эпицентре парижской школьной жизни. С начала XII в. земли, принадлежавшие аббатству Сент-Женевьев, были выведены из-под духовной власти Парижского епископа и его канцлера. Всем желающим было разрешено открывать школы на землях аббатства (первым в этом ряду был еще Абельяр). Сохранилось немало писем, в которых Стефан ходатайствовал за учащихся, хлопотал о выделении бенефициев талантливым магистрам, пытался уладить конфликты между школярами и жителями бурга Сен-Жермен-де-Пре¹⁹.

Активный участник движения за церковную реформу, Стефан во многом сходил с теологами. Но если моралисты продолжали увещевать школяров и магистров в надежде,

¹⁸ Southern R.W. From Schools to University // The History of the University of Oxford / Ed. by T.H. Aston. Vol. 1. The Early Oxford Schools / Ed. by J.I. Catto, R. Evans. Oxford, 1984. P. 1–36.

¹⁹ Gaulle J., de. Nouvelle histoire de Paris et de ses environs. Paris, 1839. Vol. 1. P. 492.

что те встанут на стезю исправления, то Стефан обратился непосредственно в Рим. Уже став епископом Турне (после 1192 г.), он написал свое знаменитое послание папе о парижских школах. Видимо, обратился он именно к Иннокентию III²⁰, хорошо ему знакомому по парижским школам, где будущий понтифик учился и преподавал. Таким образом, письмо, скорее всего, было написано между 1198 и 1203 гг. (дата смерти Стефана). Епископ сравнивает ситуацию в парижских школах с незаметно подкрадывавшейся болезнью, «чи признаки, если не бороться с ними вначале, станут совершенно неизлечимыми в конце». Далее автор указывает на три главные беды парижских школ:

— беспорядок в изучении Священного Писания: неконтролируемый рост богословских школ, приманивавших учеников сомнительными новшествами и публичным диспутами о догматах веры, был чреват распространением ересей;

— беспорядок в изучении канонического права, обросшего «дремучим лесом декреталий», которые ставятся выше канона, т.е. выше «Декрета» Грациана. По мнению епископа, множившиеся сборники декреталий лишь затрудняли изучение и применение права.

— беспорядок в преподавании «свободных искусств»: «Безбородая юность сидит на месте старых наставников, а те, кто еще не уразумел, как быть учениками, прилагают усилия, чтобы называться учителями. <...> Пренебрегая правилами изучения искусств и отбрасывая подлинные книги мастеров, они затягивают мух пустословия в паутину своих софизмов»²¹.

Перечислив бедствия парижских школ, Стефан переносит разговор в практическую плоскость и предлагает от слов перейти к делам. «Все эти дела, отче, нуждаются в апостольском вмешательстве и исправлении, беспорядок в учении, обучении и диспутах должен быть уничтожен вашей властью». Похоже, что призыв епископа Стефана де Турне не стал гласом вопиющего в пустыне.

²⁰ С престарелым Целестином III у Стефана были сложные отношения: у папы имелась другая кандидатура на пост епископа Турне, но на избрании Стефана настоял король.

²¹ CUP. T. I. No. 47. P. 47–48.

В 1207 г. папа предписал Парижскому епископу сократить число преподавателей теологии до восьми, чтобы лучше контролировать процесс преподавания²². Полностью воплотить в жизнь это предписание, судя по всему, не удалось, но тенденция была обозначена. С 1210 г. начинаются инквизиционные процессы против парижских магистров, заподозренных в ереси; под контроль берется и содержание образования. Принимались меры и по уменьшению числа декреталий, и по увеличению минимального возраста допуска к преподаванию.

Рост внимания к парижским школам нашел отражение в постановлении епископа и капитула Парижа (1207). Согласно этому документу, канцлер собора Нотр-Дам должен был приносить клятву в том, что будет проживать в Париже все время, пока занимает эту должность²³, осуществляя неусыпный надзор за парижскими школами и выдавая лицензии студентам, число которых сильно возросло.

Епископ Эд де Сюлли следовал намерениям папы установить более плотный контроль над клиром всего диоцеза: парижским клирикам грозило отлучение за отказ носить тонзуру и соответствующее облачение, за нарушение celibата, за ношение оружия, а также за грех симонии, причем процедура снятия этого отлучения требовала участия Рима. Но школяры вновь, как и в 1200 г., обособлялись от прочего духовенства. Если вышеуказанные прегрешения совершались школярами, то сначала их должен был вразумить магистр, у которого они учились, и, только если это не помогало, они подлежали епископскому отлучению²⁴. По сути, это распоряжение подтверждало традиционную ответственность магистра за своих учеников. Более интересным было то, что епископу давалось право, не ожидая папского разрешения, самому снять отлучение со школяра по просьбе аббата Сен-Виктор. Епископ Эд де Сюлли подтвердил права пенитенциария аббатства отпускать грехи студентам, а распоряжение легата Галлона, выданное в 1208 г. и подтвержденное Иннокентием III в 1212 г., давало право аббату

²² CUP. T. I. No. 5. P. 65.

CUP. T. I. No. 6. P. 65–66.

²⁴ CUP. T. I. No. 7. P. 66.

Сен-Виктор снимать отлучение со студентов²⁵. Но эти решения лежали в традиционном русле, они были лишь несколько усилены форс-мажорной ситуацией все увеличивающегося потока студентов.

Принципиально новые сведения содержались в папском послании "Ex litteris vestre", датированном то ли январем 1208 г., то ли началом следующего, 1209 года. Послание было посвящено разбору конфликта в парижских школах²⁶. Магистры теологии, канонического права и «свободных искусств», озабоченные тем, что старые обычаи плохо соблюдаются новыми преподавателями искусств (*moderni doctors atrium*), избрали комиссию в составе восьми человек. Комиссия (*consortium*) составила регламенты, касавшиеся обучения, одежды магистров и организации похорон умерших коллег. Затем все магистры поклялись в том, что будут выполнять указанные требования. Но некий магистр Г. отказался принести присягу, несмотря на то что «объединение магистров» (*universitas magistrorum*) троекратно вызывало его на суд. Позже он изменил свое решение и выразил желание быть включенным в это сообщество (*societas*). Однако его отказались принять, поскольку одобренные статуты сообщества не предусматривали процедуры восстановления «извергнутых членов». Через своего представителя магистры обратились в Рим: имеют ли они достаточно власти изменять то, что уже было скреплено их клятвой, ведь освобождать от присяги мог только папа? Иннокентий III принял компромиссное решение: «Магистр Г., уплатив штраф за свое упорство, может быть вновь принят в товарищество магистров (*consortium in magistralibus*) их собственной властью».

Это папское письмо считают первым упоминанием о существовании университета в Париже, точнее — ядра той корпорации, из которой он вырастет. Имелась корпоративная структура, разделение на факультеты, выборные представители (в данном случае — «прокурор», отстаивавший интересы

²⁵ Longère J. La fonction pastorale de Saint-Victor à la fin du XIIe siècle et au début du XIIIe siècle // L'Abbaye de Saint-Victor au Moyen Âge. Communications présentées au XIIIe Colloque d'humanisme médiéval de Paris (1986–1988) / Éd. par J. Longère. Paris, 1991. P. 291–313 (здесь: P. 304); Gorochov N. Naissance de l'Université... P. 221.

²⁶ CUP. T. I. No. 8. P. 67–68.

магистров перед папой) и, главное, сам термин «университет», впервые примененный к организации магистров.

БЛАГОДУШИЕ ЦЕРКОВНЫХ ВЛАСТЕЙ И ЕГО ПРИЧИНЫ

Впрочем, термин "*universitas*", употребляемый наряду с прочими, имеет здесь чисто технический характер, указывая на особый тип организации — сообщество, основанное на взаимной присяге, — "*conjuratio*". Такой тип связи предполагал принципиальное равноправие его участников вне зависимости от происхождения и прежнего статуса. Каноническое право работало над осмыслением этих сообществ, но лишь к середине XIII в. будет сформулировано понятие, соответствующее современному термину «юридическое лицо». Достаточно часто власти воспринимали *conjuraciones* как *conspiraciones* — объединения заговорщиков, незаконные союзы, направленные во вред другим, внушенные не Святым Духом, но дьяволом²⁷. В данном случае Иннокентий III вполне благодушно отнесся к появлению «университета магистров», однако его вряд ли можно назвать инициатором его создания. Просто ни папа, ни епископ, ни канцлер²⁸ не выступили против новой организации.

Чем вызвана такая нейтральная или даже позитивная реакция церковных властей? И какие события произошли в Париже между 1200 и 1208 гг., побудив магистров заключить взаимный клятвенный союз, без которого они прекрасно обходились на протяжении всего предыдущего столетия?

Необходимость противостоять горожанам, согласно духу королевской хартии 1200 г.? Вряд ли. Ведь тогда речь шла

²⁷ Согласно более позднему и не вполне достоверному свидетельству, заимствованному из письма папы Гонория III (1219), парижские школяры уже в 1201 г. организовали клятвенный союз, который был осужден папским легатом. Эта информация, всплывшая во время открытого конфликта епископа с университетом, не подтверждена другими источниками. Примечательно, что этот союз именуется как раз "*conspiratio*" и "*conjuratio*". См.: CUP. T. I. No. 30. P. 88).

²⁸ Канцлер Превостен Кременский сам был крупнейшим теологом и почти наверняка принимал участие в работе комиссии, составившей устав.

бы об организации магистров и студентов, а в письме Иннокентия III описывается именно союз магистров, никак не направленный на защиту от горожан. Тогда, может быть, речь идет об общем ассоциативном движении, охватившем латинский Запад? Отчасти да, и зародившаяся парижская корпорация по своим функциям совпадает с подобными объединениями. «Университет магистров» был одновременно и религиозным братством, имевшим благочестивые цели — совместные моления за души усопших собратьев, чтобы облегчить им путь ко спасению. В уставах братств и гильдий часто оговаривалась и форма одежды, коль скоро принцип равенства предусматривал единый статус: никто не должен был кичиться былыми отличиями. Наконец, важнейшей функцией подобных объединений было поддержание мира между своими членами. А для этого надо было договориться о том, как избегать конфликтов, чтобы вместе отстаивать свои права против чужаков. Это объясняет содержание статей первых университетских уставов, но не отвечает на вопрос: почему же они возникли именно в этот период?

Одно из объяснений, совсем простое, было уже названо в предыдущей главе. Магистров и студентов стало слишком много. Париж времен Филиппа II Августа обрел статус столицы быстро набравшего силы королевства. Некоторые авторы допускают, что число студентов и магистров в Париже резко возросло за счет беженцев из Англии из-за папского интердикта, наложенного на эту страну в марте 1208 г. Исход студентов и магистров из Оксфорда на континент начался уже тогда и был лишь ускорен инцидентом 1209 г. Поэтому незнание новыми магистрами парижских обычаев и странное упорство магистра Г. могли быть вызваны тем, что английские магистры, прибыв в Париж недавно, не были знакомы с местными порядками. Для них-то и могла понадобиться спешная кодификация неписаных обычаев парижских школ. Но если исходить из датировки письма Иннокентия III январем 1208 г., эта гипотеза плохо подходит, ведь в 1207 г. наплыв английских эмигрантов еще не мог достичь критического уровня.

Нельзя сбрасывать со счетов воздействие опыта болонских школ. Долгое время главной организационной формой их функционирования были *societates* — группы учеников, заключившие договоры с учителем. В итальянских

учебниках для нотариусов часто встречаются образцы такого рода соглашений. С 1189 г. коммуна начала брать с докторов клятву в том, что они не будут преподавать нигде, кроме Болоньи²⁹. «Привязав» к своему городу докторов, власти сокращали возможность для протеста студентов в случае недовольства условиями, сложившимися в Болонье. Этот нажим со стороны городских властей в качестве ответной реакции мог способствовать укреплению студенческих землячеств в виде братств. Они, вероятно, существовали с середины XII в., но первое упоминание о «братстве заальпийских студентов» (*confratria scholarium ultramontanorum*) относится к 1195 г.³⁰ Землячества-«нации», именуемые также «университетами», защищали интересы студентов, добивались таксации цен на аренду жилья, сообща выступали против притеснений. Так, в 1204 г. группа студентов, недовольных действиями городских властей, избрала своего ректора, сформулировала принципы взаимодействия и покинула Болонью, переселившись в Виченцу.

Большинство юристов, преподававших в Париже, имели опыт пребывания в Болонье и, участвуя в оформлении «университетов», были способны ускорить формирование корпораций в Париже.

Исследователи часто говорят о влиянии гильдейских торговых и ремесленных организаций, которые могли стать для магистров и студентов примером для подражания. Это столь же трудно оспорить, сколь и подтвердить. Мир парижских ремесленников порой интересовал магистров³¹, но интерес к устройству городских корпораций не зафиксирован.

²⁹ Fasoli G. Per la storia dell'Università di Bologna nel medio evo: Dalle lezioni tenute alla Facoltà di Magistero nell'anno academico 1669-1670. Bologna, 1970. P. 101.

³⁰ Оригинал этого документа, упомянутого в исследовании А. Хесселя (*Hessel A. Geschichte der Stadt Bologna von 1116 bis 1280*. Berlin, 1965. S. 416. (Historische Studien. Bd. 76)), был утерян во время Второй мировой войны.

³¹ См., например, «Словарь для пользы клирков», составленный парижским грамматиком Иоанном Гарландом в первой трети XIII в., с пространним описанием парижских ремесел — *The Dictionarius of John de Garland and the author's commentary* / Trans. by B.B. Rubin. Lawrence (Kanzas), 1981.

Скорее магистров мог вдохновить гораздо более близкий им пример формирования клятвенных церковных корпораций, в особенности объединений каноников.

Если же искать причины лояльности церковных властей к новой *conjuratio*, то нельзя не упомянуть об угрозе распространения еретических учений в среде парижских магистров и студентов.

Хронист Гийом ле Бретон повествует о судьбе Амори Бенского, магистра-логика, изучавшего в начале XIII в. логику и Священное Писание. Его учение было признано спорным, и он обратился к папе, который вынес решение не в его пользу. Вернувшись в Париж, Амори «был принужден университетом отказаться от своего мнения»³². Пережив унижение, магистр заболел и вскоре умер. Но выяснилось, что у него было немало учеников, образовавших целую секту.

Смерть Амори Бенского относится к 1206 г. Хронист писал об этом лет десять спустя, когда создание университета в Париже стало свершившимся фактом, поэтому его свидетельство нельзя считать точным указанием на рождение университетской корпорации до 1206 г. Но важно, что термин «университет» был применен хронистом в значении организации, осуществлявшей надзорные функции. Это как нельзя лучше соответствовало духу и букве письма Стефана де Турне, который предупреждал понтифика об опасностях профанации догматов и об умножении заблуждений в вере. Парижских магистров и раньше принуждали отречься от ошибочных взглядов, но тогда критика шла извне, теперь же еретика в своей среде изобличали сами магистры, решившие объединиться. По всей видимости, дело Амори Бенского одновременно и ускорило оформление корпорации, и обеспечило ей поддержку церковных властей.

Ситуацию в парижских школах надо было брать под контроль, а ничего эффективнее внутрикорпоративного контроля Средневековье не знало.

Комиссия, рассматривавшая учение Амори и взгляды его учеников, была составлена из парижских теологов. Собравшийся в 1210 г. в Париже собор посмертно отлучил Амори

³² Baldwin J.W. Philippe Auguste et son gouvernement. Paris, 1991. P. 343–344.

от Церкви, многие из его учеников были переданы светскому правосудию и казнены через сожжение. Тот же собор осудил учение и другого парижского магистра — Давида Динантского, умершего годом ранее. Его учение, опиравшееся на лишь недавно переведенные труды Аристотеля, показалось крайне опасным. Книги Давида Динантского сожгли, также был наложен запрет на публичное чтение сочинений Аристотеля по философии природы и комментариев к ним³³.

Итак, едва оформившись, корпорация магистров продемонстрировала свою эффективность в борьбе с опасными учениями. Нельзя говорить, что эта функция была навязана университету некой абстрактной внешней силой. Университет первым распознал угрозу в своих рядах, из университетских теологов полностью состояла следственная комиссия, да и возглавлявшие работу собора Пьер де Корбей, архиепископ Санса, и Пьер де Немур, епископ Парижа, в прошлом были парижскими магистрами, как, впрочем, и папа Иннокентий III³⁴.

1209–1215 гг.:

КОНФЛИКТ С КАНЦЛЕРОМ
И ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВОГО УСТАВА

Конфликт молодой университетской корпорации и местных церковных властей не заставил себя ждать. Летом 1208 г. умер епископ Эд де Скулли, возглавлявший Парижскую кафедру на протяжении 12 лет, чрезвычайно значимых для возникновения университетской корпорации. Через год скончался канцлер Превостен Кремонский, занимавший эту должность с 1206 г., но ранее в течение нескольких десятков

³³ CUP. T. I. No. 11. P. 70–72. Давид Динантский, впрочем, не был посмертно отлучен от Церкви; по-видимому, он все же не выходил за рамки своей дисциплины — диалектики — и не пытался применять свои выводы в богословии.

³⁴ Антуан Луазель, повторяя Паскье, сравнивал университет с Гераклом, совершившим 12 подвигов во спасение христианского мира от чудовищ — ересей, среди которых была и ересь Амори Бенского. См.: *Loisel A. De l'Université de Paris et qu'elle est plus ecclesiastique que seculaire*. Paris, 1587. Fol. 27v–28.

лет преподававший в Париже теологию, человек, которого сообщество магистров резонно считало «своим». Новый Парижский епископ Пьер де Немур и новый канцлер Жан де Шанделе (Иоанн Канделис) были для магистров людьми «чужими»³⁵. Но главное заключалось в том, что мир парижских школ кардинально изменился. Вскоре после 1210 г. магистры пожаловались папе на то, что новый канцлер Парижской церкви взимает плату за выдачу лицензий, требует у соискателей присяги на верность, а за малейшие нарушения сажает магистров в свою новую тюрьму.

Письмо Иннокентия III, датированное январем 1212 г., отражает возмущение понтифика, ведь в то время, когда он учился и преподавал в парижских школах, ничего подобного там не наблюдалось³⁶. Как мы знаем, *licentia docendi* в Париже не выдавалась бесплатно еще со времен Петра Комместора; речь, вероятно, шла о каком-то существенном повышении платы. Тюрьма у канцлера появилась сравнительно недавно, а присяги с магистров ранее не требовалось, поскольку соискатели в силу духовного звания и занятий и без того были подвластны канцлеру. Теперь же появилась корпорация магистров, и одну присягу (друг другу) они уже принесли. К тому же некоторые магистры получали свои лицензии еще у аббата Сент-Женевьев. Но и канцлеру, хотя бы в силу возложенных на него расширенных обязанностей, нужен был действенный инструмент управления, и им могла быть только присяга. Канцлеру было трудно смириться с тем, что из его компетенции оказался исключен обширный круг вопросов, что новая корпорация присягает на верность не ему, а своим же членам и что она, нарушая субординацию, апеллирует сразу к Риму. Можно предположить, что требование присяги с соискателей лицензии было направлено против «университета магистров». Будучи не в силах бороться с магистрами, уже создавшими клятвенный союз, который был признан папой, канцлер надеялся связать клятвой верности молодых лиценциатов, отрезав таким образом корпорацию магистров от пополнения, ведь присягу можно было приносить лишь один раз. Это лишь гипотеза, но то, что именно

³⁵ На этом настаивают Дж.У. Болдуин и Н. Горошов.

³⁶ CUP. T. I. No. 14. P. 73.

присяга являлась важнейшим условием существования университета, показывает его будущее развитие.

В этом конфликте Иннокентий III назначил третейского судью — епископа Труа. Со стороны канцлера и со стороны магистров были назначены по три члена арбитражной комиссии, вступившие между собой в затяжные переговоры. Лишь в августе 1213 г. епископ Пьер де Немур огласил результаты достигнутого соглашения. Канцлеру запрещалось требовать присягу от соискателей лицензии, взимать с них плату и прибегать к аресту школяров и магистров без должного на то основания. Самое главное, что канцлер должен был выдавать лицензии либо при участии всех преподавателей (теологов или юристов), либо, если речь шла о лицензии на преподавание «свободных искусств», при участии комиссии из представителей «артистов», избираемых на полгода³⁷.

О полной победе университета говорить пока нельзя. Канцлер продолжал брать деньги. Уже в 1215 г. Иннокентий III убеждал нового парижского канцлера несколько снизить плату за выдачу лицензий. Канцлеры не оставили попыток восстановить власть над парижскими магистрами и студентами до самого XVI века. Но все же значение соглашения 1213 г. трудно переоценить. Корпорация обрела два важнейших свойства, которые и по сей день отличают университетскую систему: во-первых, саморегулирование — только университет посредством своих представителей решает, кого принимать в свои ряды; во-вторых, способность (пусть даже и под эгидой канцлера) присваивать ученые степени, наделявшие человека новым социальным качеством; *licentia docendi* и была первой такой степенью. Эти достижения нашли отражение в первом дошедшем до нас университетском уставе, принятом папским легатом Робером де Курсоном.

Робер де Курсон, один из самых плодовитых учеников Петра Кантора, отдал двадцать лет преподаванию теологии в парижских школах. Трудно усомниться в том, что он принимал участие в составлении уставов, известных из папского письма 1208 г. Робер де Курсон играл активную роль в следственной комиссии 1210 г. Папа Иннокентий III, прекрасно знавший теолога еще по своей парижской жизни,

³⁷ CUP. T. I. No. 16. P. 75.

в конце 1212 г. вызвал его в Рим и возвел в достоинство кардинала, чтобы назначить затем своим легатом во Францию. Людям, хорошо знакомым по университету, папа склонен был доверять больше других (собственно, конфликт с королем Англии, приведший к интердикту, был вызван именно тем, что в 1207 г. на архиепископскую кафедру Кентерберии папа возвел кардинала Стефана Лангтона, еще одного теолога из числа учеников Петра Кантора). На Робера де Курсона была возложена миссия реформировать французское духовенство в ожидании Вселенского собора, призванного, по мысли папы, завершить реформу Церкви и всего христианского общества. Деятельность этого легата во Франции была кипучей, хотя и не очень эффективной. Однако он преуспел в том, что в августе 1215 г. под его руководством был составлен и утвержден первый из дошедших до нас уставов парижских школ³⁸. Термина «университет» в этом тексте мы не найдем, но никаких сомнений в существовании университетской корпорации уже не возникает.

Как явствует из преамбулы, легат действовал «по совету добрых людей» — опытных магистров — и не придумывал новых правил, но лишь свел воедино все, что ранее было решено в отношении парижских школ: первые статуты, составленные до 1208 г., решения Парижского собора 1210 г., результаты соглашения канцлера и магистров, достигнутого в 1213 г. В уставе определялся возрастной ценз для преподавания «свободных искусств» (не моложе 21 года) и теологии (не моложе 35 лет), перечислялся набор необходимых курсов, которые надо прослушать для получения лицензии. Повторялись запреты, сформулированные Парижским собором 1210 г.: запрет учения еретика Амори Бенского, запрет книг Давида Динантского, запрет на изучение «книг о природе» Аристотеля и комментариев к ним. Оговаривались время и формы проведения пирушек, устанавливалось допустимое и недопустимое в одежде, регламентировалось участие членов корпорации в похоронах умерших магистров и студентов, в чтении поминальных молитв — словом, имелось все то, что обычно входило в уставы религиозных братств и зарождавшихся ремесленных корпораций. Провозглашалась

³⁸ Сур. Т. I. No. 20. P. 78–79.

юрисдикция магистра над своими учениками, уточнялось, что никто не сможет больше считаться студентом, если не будет «приписан» к определенному учителю. Магистрам и студентам дозволялось заключать соглашения и скреплять их присягой в случаях убийства или увечья студента, жестокого беззакония, которое оставалось ненаказанным, при определении цен на квартиры, одежду, для организации похорон, а также для установления платы за лекции и диспуты³⁹.

В уставе не были упомянуты ни юристы, ни медики, ничего не говорилось об управлении корпорацией, нет сведений о ректоре, и — что весьма важно — неясно было, каков порядок выдачи лицензий и, следовательно, как будет пополняться корпорация, но все основные задачи университета оказались обозначены: взаимный контроль за содержанием образования, противостояние горожанам как в открытых конфликтах, так в борьбе за снижение платы за жилье.

1217–1227 гг.:

НОВЫЙ ПОНТИФИК, НОВЫЙ КАНЦЛЕР И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Устав 1215 г. стал лишь вехой на пути становления университета. В 1217 г. канцлером стал Филипп Гревский, который возобновил борьбу за контроль над жизнью парижских школ. Заручившись поддержкой епископа, канцлер вновь начал сажать студентов и магистров в тюрьму, брать с них большие штрафы, вновь стал требовать принесения присяги. Если Жан де Шанделе мог считаться магистрами «чужим», то канцлер Филипп под это определение никак не попадал: известный магистр теологии и не менее известный поэт. Следовательно, конфликт носил не столько личный, сколько «системный» характер. Магистры, действуя в соответствии с положениями устава, прекратили занятия, но канцлер и епископ, казалось, не знали ни о существовании устава, составленного

³⁹ “Item facere possunt magistri et scolares tam per se quam cum aliis obligationes et constitutiones fide vel pena vel juramento vallatas in his casibus, scilicet in interfectione vel mutilatione scholaris, vel in atroci injuria illata scolari, si defuerit justitia, pro taxandis pretiis hospitiorum, de habitu, de sepulture, de lectionibus et disputaionibus, ita tamenn, quod propter hec studium non dissalvatur aut destruat” (CUP. T. I. No. 20. P. 78).

под руководством Робера де Курсона, ни о папском признании корпорации, отказывая магистрам в праве составлять и редактировать свои уставы. Парижские церковные власти апеллировали к постановлению папского легата Октавиана 1201 г., которым отлучались организаторы некой магистерской *conjuratio*. Но когда магистры потребовали от епископа показать эту грамоту, им было отказано. Конечно, нельзя исключать подлинность известий об этом инциденте 1201 г. Но он не укладывается в общую картину вполне лояльного отношения тогдашнего Парижского епископа Эда де Сюлли к объединению магистров.

Новый папа Гонорий III (1216–1227) не был столь тесно связан с миром парижских школ, как его предшественник⁴⁰, однако, назначив арбитра в этом споре, он на первом этапе поддержал университет. Но с конца 1219 г. ситуация изменилась. Папа запретил преподавание римского права в Париже, что имело судьбоносное значение для будущего развития Парижского университета⁴¹. Еще более важным был конфликт, связанный с выборами нового епископа. После смерти Пьера де Немура капитул выбрал известного парижского магистра Готье Корнута, но папа предпочел Гийома де Сейнелье, епископа Осерского. Эта кандидатура вызвала возмущение большинства парижан, а магистры и студенты вновь объявили забастовку. Новый епископ представил Гонорию III этот конфликт как следствие автономии университета. И на сей раз уже не канцлер, а епископ и за ним папа поставили под сомнение право университетской корпорации на существование.

В 1221 г. в жизни университета происходит еще одно немаловажное событие. Этим годом датируется первый документ, в котором термин «университет» появляется в качестве самоназвания: «Мы, университет парижских магистров

⁴⁰ Он лишь подтвердил и расширил полномочия аббатства Сен-Виктор в отношении студентов.

⁴¹ На тот момент парижская школа цивилистов (специалистов по римскому, т.е. гражданскому, праву) влачила жалкое существование, но римское право продолжали преподавать в Париже примерно до середины XIII в. См.: *Giordanengo G. Résistance intellectuelles autour de la décrétale Super Speculam (1219) // Histoire et société. Mélanges offerts à Georges Duby. Aix en Provence, 1992. Vol. III: Le moine, le clerc et le prince. P. 141–155.*

и студентов». Это было обращение университета к монахам доминиканского ордена.

Тем временем университет сделал очередной шаг к укреплению своего статуса — появляются упоминания об университетской печати. Об этом мы узнаем из буллы Гонория III, датированной тем же, 1221 годом, в которой тоже употреблялся термин «университет магистров и студентов». Печать была обретаена без санкции церковных властей, и епископ видел в этом узурпацию прав ординарного правосудия — суда епископа и капитула. К тому же епископ и канцлер лишались немалого дохода — взимания платы за приложение печати. Для разрешения конфликта несколько раз назначались делегированные судьи. По-видимому, отправленной в Рим делегации магистров удалось немного смягчить позицию Гонория III. Решение, вынесенное папой в конце 1222 г., носило компромиссный характер. Канцлеру запрещалось отлучать студентов от Церкви, требовать от них присяги на верность, присваивать имущество умерших студентов и магистров и — что представляется немаловажным — запрещалось третировать тех, кто получил лицензии от аббата на холме св. Женеьевы. Кстати, последним распоряжением этого папы, относящимся к Парижу, станет датированное 1227 годом предписание канцлеру признать право выдачи лицензий в «свободных искусствах» за аббатством Сент-Женеьев⁴². Но право учебной забастовки за студентами не признавалось, папа пытался помешать и образованию «наций», запрещались клятвы земляков о взаимопомощи для возмездия за обиды. Понтифик также запретил магистрам препятствовать своим студентам посещать аббатство Сен-Виктор, чтобы там исповедоваться и принимать участие в похоронах⁴³ (магистры, по-видимому, опасались, что студенты решат вступить в общину викторинских каноников). В этом Гонорий III возвращался к распоряжению своего предшественника. Но главное — университетскую печать надлежало незамедлительно уничтожить.

Это было исполнено лишь через несколько лет, в 1225 г. Прибывший в Париж папский легат Роман де Сент-Анж публично разбил печать и предал анафеме тех, кто ее изготовил.

⁴² CUP. T. I. No. 55. P. 111.

⁴³ Ibid. P. 103.

Толпа возмущенных этим магистров и студентов, вооружившись мечами и палками, вынудила легата и его слуг запереться в своей резиденции и осадила ее. И только спешно прибывший отряд королевских рыцарей вывел легата из Парижа. Оказавшись в безопасности, легат отлучил мятежников от Церкви. Месяц спустя восемьдесят магистров явились в Бурж, где под руководством легата заседал собор, и просили снять отлучение, на что Роман де Сент-Анж в конце концов согласился⁴⁴. Наступило затишье.

1229–1231 гг.:

НА ПУТИ К «ВЕЛИКОЙ ХАРТИИ ВОЛЬНОСТЕЙ
ПАРИЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»
(БУЛЛА "PARENS SCIENTIARUM")

1229 год принес университету сильнейшее потрясение. В разгар карнавала студенты университета повздорили с виноторговцем из предместья Сен-Марсель. Сбежавшиеся подмастерья побили студентов. На другой день толпа школяров явилась в предместье, громя лавки и избивая всех, кто попадался на пути. Горожане подали жалобу Бланке Кастильской, матери малолетнего Людовика IX. Королева велела парижскому прево наказать школяров. Тот собрал стражников и обрушился на студентов, гулявших на Пре-о-Клер. В ходе побоища многие были ранены, а два студента знатного происхождения убиты. Никакого отношения к тому, что произошло в предместье Сен-Марсель, пострадавшие не имели. Университет потребовал наказать виновных, ведь привилегии парижских школяров, подтвержденные королем в 1200 г., были нарушены должностным лицом. Однако регентша Бланка Кастильская не выдала своего прево.

Корпоративная солидарность дала о себе знать⁴⁵: верные данной друг другу клятве, студенты и магистры объявили

⁴⁴ Gorochov N. Naissance de l'Université... P. 260.

⁴⁵ Исключение составляли магистры из нищенствующих орденов, совсем недавно прибывшие в Париж и открывшие свои коллегии. Тогда в пылу страстей на нежелание мендикантов примкнуть к сессии обратили не много внимания, но это поведение им припомнят десять лет спустя.

о прекращении занятий и покинули Париж. Их приняли в других городах — Анжере, Пуатье, в новообразованном Тулузском университете, приглашали в Оксфорд. Эхо конфликта 1229 г. отозвалось далеко за городскими стенами.

Папа Григорий IX (1227–1241), в прошлом учившийся в парижских школах, взял студентов под свою защиту, высказав неудовольствие епископу: «...ты не довольствовался тем, что пренебрегал своими обязанностями, но, согласно сведениям заслуживающих доверия людей, своими махинациями сам способствовал тому, чтобы поток преподавания “свободных искусств”, по милости Святого Духа орошавший и плодотворявший рай Вселенской церкви, иссяк в самом своем источнике, т.е. в городе Париже, где доселе он бил, не переставая. Но затем это преподавание оказалось разбросанным по разным местам и сошло на нет подобно тому, как иссыхает разделившийся на многие рукава поток»⁴⁶.

Обратим внимание на указанную понтификом связь концентрации интеллектуальных сил с нормальным функционированием науки и образования. Это — пусть и запоздалое, но в высшей степени авторитетное признание Церковью городской формы интеллектуализма.

Для прекращения конфликта папа создал комиссию во главе с известным богословом Гийомом Осерским, да и Парижский епископ внял папской критике и способствовал возвращению университета, убедив молодого короля Людовика IX дать необходимые гарантии магистрам и студентам.

В 1231 г. Университет Парижа возобновил свои занятия. 13 апреля того же года папа Григорий IX выпустил буллу “*Parens scientiarum*”, которую историки называют «Великой хартией вольностей Парижского университета». Булла затрагивала самую сердцевину университетской системы — присвоение степеней. Новый канцлер при вступлении в должность должен был в присутствии епископа, капитула и двух магистров, представлявших университет, принести клятву в том, что никому, кроме самых достойных, не будет выдана лицензия и что при этом будет учитываться мнение представителей университета. Канцлеру отводилось три месяца на то, чтобы

⁴⁶ CUP. T. I. No. 69. P. 125–126; *Le Goff J. Les intellectuels au Moyen Âge. Paris, 1957. P. 61.*

при помощи магистров «провести тщательное расследование о жизни испытуемого, познаниях, возможностях и других вещах, которые изучают в подобных обстоятельствах».

В отличие от устава 1215 г. в тексте буллы детализация отсутствовала: университету предоставлялось право саморегулирования, право издавать распоряжения о способах и времени чтения лекций и проведения диспутов, о внешнем виде, об организации похорон, а также о времени и предмете лекций бакалавров и об арендной плате за квартиры. Вот и еще одно новшество — впервые были упомянуты бакалавры, еще не магистры, но уже допущенные к преподаванию. На самом высшем — папском — уровне были подтверждены права университета в случае конфликта с горожанами по истечении двух недель со времени подачи жалобы начать забастовку, а в случае незаконного ареста магистра или школяра приостанавливать занятия немедленно. За епископом сохранялось право наказывать преступления школяров, но оговаривалось, что канцлер не имеет права иметь собственную тюрьму. Школярам же запрещалось носить оружие, а университету предписывалось не брать смутьянов под свою защиту. Повторялись запреты изучать «книги о природе» Аристотеля и употреблять на теологических диспутах вернакулярное наречие, дабы не открывать тайны богословия мирянам⁴⁷.

Событиями 1231 г. историки обычно заканчивают рассказ о создании университетской корпорации. Конечно, в течение всего XIII века станут вноситься изменения, и к 1255 г. полномочия между канцлером и аббатом Сент-Женевьев будут распределены окончательно: лицензии по теологии, каноническому праву и медицине должен выдавать канцлер, а по «свободным искусствам» — аббат. В 1245 г. университет вновь обзаведется печатью и уже вполне определенно будет состоять из землячеств-«наций». Во второй половине XIII в. именно ректор — глава факультета искусств, избираемый периодически от каждой «нации», — станет главой университета. Будет отлажена факультетская структура. Но главное было достигнуто к 1231 г., когда университет стал автономной корпорацией, определявшей и программы, и порядок присуждения степеней, т.е. «права преподавать повсюду».

⁴⁷ CUP. T. I. No. 79. P. 136–139.

УРОКИ ПАРИЖСКОГО КАЗУСА: СЛАГАЕМЫЕ УСПЕХА И ТРУДНОСТИ ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ

Тому, как складывался университет, было выдвинуто много объяснений; каждое из них справедливо, но недостаточно. Можем ли мы внести нечто новое в устоявшийся набор интерпретаций? Думается, что помочь нам в этом может возвращение к истокам университетской историографии. Вспомним, насколько важным для Этена Паскье был именно территориальный аспект возникновения университета и самых первых моментов его истории. Неожиданным образом это созвучно с новейшими подходами исторической урбанистики. Достаточно вспомнить исследование Элен Нуазе, о котором речь шла в первой части нашей книги. Напомню, что, с ее точки зрения, «ранний», многополярный город задает разные типы организации городской жизни, которые найдут отражение в урбанистической морфологии последующих эпох. Так, Нуазе смогла проследить влияние различий между такими полюсами городского пространства, как общины секулярных каноников, с одной стороны, и общины монастырей и регулярных каноников — с другой⁴⁸.

Исследователи истории Парижского университета иногда обращают внимание на точное хронологическое совпадение рождения корпорации со сроками возведения стены Филиппа-Августа, опоясавшей кварталы Левого берега в 1200–1215 гг.⁴⁹ Но это обстоятельство приводится ими, в основном, с целью показать бурный рост Парижа, и в частности высокие темпы застройки Левого берега. С этим положением трудно спорить, но были и иные последствия. Строительство стен еще не закончились, но магистры, преподававшие на холме Св. Женевьевы и в кварталах, разбитых на месте бывших виноградников — Кло Брюно и Кло Гарланд (некогда подаренных аббатству Сент-Женевьев), вдруг обнаружили, что их школы оказались объединенными и с теми школами, что узкой лентой протянулись вдоль Сены, и с теми,

⁴⁸ *Noizet H. Germain, Victor, Martin et les autres morphologie urbaine et pratiques socio-ecclésiastiques à Paris aux IXe–XIIe siècles et au XIXe siècle // L'Espace géographique. 2012. Т. 41. No. 4. P. 324–339.*

⁴⁹ *Gorochoff N. Naissance de l'Université... P. 252; Baldwin J.W. Paris 1200. Paris, 2006. P. 43–48.*

что располагались в Сите и на Малом мосту. А ведь ранее они находились в разных населенных пунктах! Зато аббатство Сен-Виктор оказалось по ту сторону городских стен. Может быть, потому-то Иннокентию III и Гоннорию III и понадобилось напоминать об особых правах аббата Сен-Виктор и его пенитенциария по отношению к студентам, что теперь эти права стали не столь очевидны?

И еще одно обстоятельство. Епископ Эд де Сюлли, отличавшийся административным рвением и опиравшийся на поддержку Иннокентия III, благодарного ему за стойкость во время интердикта 1200 г., сумел восстановить власть над монастырями и коллегиялами, ранее пользовавшимися особыми правами. Для нас исключительно важно, что в начале XIII в. епископ вернул себе власть над аббатством Сент-Женевьев. С 1107 г. аббат этого монастыря носил митру, подчинялся непосредственно Святому престолу и пользовался полной независимостью от Парижского епископа⁸⁰. Эду де Сюлли удалось вновь взять под контроль Левый берег. Это, кстати, вызвало необходимость внести коррективы в церковно-административное устройство диоцеза. Если прежде руководство церковными службами в Париже было возложено на архипресвитера собора Нотр-Дам, то в 1205 г. епископ учредил вторую должность — архипресвитера церкви Сен-Северен на Левом берегу, что вызвало протесты со стороны аббатства Сент-Женевьев⁸¹. Для нас важнее, что канцлер собора Нотр-Дам теперь претендовал на выдачу лицензий не только для теологов и канонистов, но и для магистров «свободных искусств», ранее получавших лицензии из рук аббата и его канцлера. По-видимому, на холме Св. Женевьевы с этим не смирились, о чем мы узнаем из письма папы Гонория III от 1221 г. В послании папа осуждал канцлера собора Нотр-Дам за то, что тот третировал магистров, получивших свои лицензии от канцлера аббатства Сент-Женевьев.

Итак, число парижских школ стремительно возросло за считанные годы, работы у канцлера прибавилось, чем и было вызвано епископское предписание 1207 г., обязывавшее канцлера безвыездно находиться в Париже. А в город

⁸⁰ Dubois J., Beaumont-Maillet L. Sainte Geneviève de Paris. Paris, 1982. P. 92.

⁸¹ Baldwin J.W. Philippe Auguste et son gouvernement... P. 268–269.

при этом все прибывали и прибывали новые студенты — росла слава французского короля, росла слава Парижа, росла слава его школ, и очень скоро этот поток пополнился магистрами и студентами, пострадавшими от интердикта, наложенного на Англию.

Впрочем, до смерти епископа Эда де Сюлли (1208) и канцлера Превостена (1209) даже эта столь быстро менявшаяся ситуация не вызывала протестов ни у кого, кроме аббата Сент-Женевьев. Епископ и канцлер пользовались большим авторитетом, к ним в школах давно привыкли, да, по-видимому, они и не пытались извлечь максимальную выгоду из перемен. Новый епископ Пьер де Немур и особенно его канцлер Жан де Шанделе не имели такого влияния. Начался конфликт между самоорганизующейся корпорацией магистров и парижскими церковными властями. Конфликт этот вспыхивал с новой силой тогда, когда епископскую кафедру или должность канцлера занимали новые фигуры. В итоге магистрам все же удалось получить контроль над выдачей лицензий (теперь ее уже вполне уместно назвать присуждением ученых степеней). Этому способствовало восстановление полицентризма церковной власти на Левом берегу: аббат и канцлер Сент-Женевьев вернули свои права. Но власть обители Сен-Виктор над студентами слабела вопреки предписаниям пап. Вспомним, как Гонорий III запрещал магистрам ставить препоны студентам, желавшим посетить пригородное аббатство. Считается, что преподаватели парижских школ опасались притяжения ученой обители, демонстрировавшей их воспитанникам слишком привлекательную модель сочетания благочестия с образованностью⁵². Но вскоре аббатство Сен-Виктор перестает упоминаться и в этом контексте, поскольку в самом Париже появились еще более заманчивые центры притяжения для студентов — конвенты нищенствующих монахов. Вторая четверть XIII в. будет отмечена «утечкой мозгов» самых ярких магистров и студентов к доминиканцам и францисканцам. Но это очередное усложнение мира парижского образования, которое приведет к новому сильнейшему его потрясению, относится к иному периоду, когда мы можем говорить уже о состоявшемся университете.

⁵² *Gorochoff N. Naissance de l'Université... P. 358; Longère J. La fonctions pastorale de Saint-Victor... P. 305.*

В таком «спонтанном» зарождении корпорации был немалый элемент случайности. И для понимания того, как сработала цепочка случайных обстоятельств, запустившая в действие вышеназванные факторы⁵³ (равно как и те, которые мы назвать не успели), нельзя недооценивать уникальные особенности парижской истории.

Это не значит, что, например, в особенностях парижской топографии мы сможем найти, наконец, разгадку тайны рождения университета. Правильнее говорить о «кольцевой причинности», где все было взаимосвязано и где причины, умножаясь, усиливали друг друга. Но можно ли говорить о какой-либо генерализации на примере рассмотренного парижского казуса (или кейса, как принято сейчас говорить)? Если и можно, то, наверное, вот в каком смысле: именно плюрализм полюсов влияния, многообразие интересов игроков и неоднородность окружающей среды как в социальном, так и в пространственном отношении — иными словами, то многоцветье, которое и придавало истории средневекового Запада качественную определенность, проявилось в Париже начала XIII столетия в полной мере. Но этого было бы недостаточно при отсутствии интеллектуальной составляющей, если бы не было людей, способных найти адекватную форму выражения своих намерений, способных не только опереться на уже отстроенный каркас правовых установок, но и умело использовать его, несколько видоизменяя к своей выгоде.

Однако это относится только к моменту зарождения новых структур. Затем обретенный опыт за счет отлаженных каналов коммуникации становится достоянием всего латинского Запада, и вскоре то, что было порождено уникальным сочетанием местных условий, уже в готовом виде утверждается в других краях, лишь адаптируясь к местным условиям.

⁵³ В том числе и те, о которых говорилось в предыдущих главах данной части книги: формирование и формулирование принципов взаимодействия общин секулярных каноников, складывания института *licentia docendi*.

РЕМЕСЛЕННЫЕ И ТОРГОВЫЕ КОРПОРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

РЕМЕСЛЕННЫЕ И ТОРГОВЫЕ КОРПОРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ И «КНИГА РЕМЕСЕЛ»

Вопрос об истоках такого института, как ремесленные и торговые корпорации, о причинах их появления, о способах их создания или организации столь же труден, сколь и традиционен. Он не имеет однозначного решения, несмотря на очень ограниченное число вариантов: профессиональные сообщества организовывались мастерами для самозащиты и взаимопомощи или были созданы властями для контроля над ремесленниками и управления ими. Все остальное — множество возможных в разнообразных конкретно-исторических условиях модификаций, когда в основе возникновения профессиональной организации могли находиться взаимная заинтересованность властей и ремесленников или их открытое взаимное неприятие.

В основе этой проблемы — практическая невозможность подтверждения самоорганизации или организации «сверху» для ранней истории корпораций из-за отсутствия одновременно этим событиям документов, достоверных свидетельств. Более поздние свидетельства историками тщательно изучены, однако не могут не восприниматься как вторичные, а адекватность отражения в них обстоятельств, соответствовавших самым первым моментами истории профессиональных сообществ, не может не быть поставлена под сомнение главным образом из-за временного разрыва.

Ремесленные корпорации — это наиболее организованная и на законодательном уровне упорядоченная часть средневековых ремесел, но они никогда не охватывали всю городскую экономику и все ремесла в целом. Во Франции, как и в Европе в целом, в сельской местности, в небольших городках и для многих специальностей в крупных городах ремесло было и вплоть до конца XVIII в. оставалось «свободным». «Свобода» в данном контексте говорит об отсутствии корпоративных форм организации, но никак не об анархии

и бесконтрольности¹. Отсутствие «видимой» регламентации никогда не означало отсутствия контроля и норм, необходимость выполнять которые была безусловной независимо от того, были они записаны в законах и законодательных актах или нет. Контролирующие функции выполнял самый сильный для традиционного общества регулятор — обычай.

В целом все ремесло в Средние века и раннее Новое время принято делить на «свободное» и «организованное» (к ним добавляют привилегированных придворных ремесленников), и такого деления придерживается большинство исследователей. Применительно к Франции более развернутая типология учитывает «свободные ремесла» (*métiers libres*), «регламентированные ремесла» (*métiers réglés*, правила для которых устанавливали городские власти и они же следили за их выполнением, как, например, в городах юга Франции), «присяжные ремесла» (*métiers jurés*) — ремесленные корпорации, ремесла как государственную службу и союзы ремесел².

Ремесленные и торговые корпорации — феномен «большой длительности». Благоприятствование со стороны королевской власти, рассматривавшей корпорации как весьма удобную для организации и контроля (и фиска) структуру, сделало их столь распространенными. Однако корпорации были не только элементом в системе государственного управления и фискальной системе, но важной структурой повседневной жизни ремесленников и торговцев, говорить ли о профессиональной деятельности или о взаимной помощи.

Идеальный образ корпораций восходит к истории XIII–XIV вв., и за «точку отсчета» традиционно принимается «Книга ремесел» Парижа — грандиозный труд, представляющий собой первую запись уставов большинства парижских ремесленных и торговых корпораций. Сборник, в который вошли более 70 (условно считается — 100) ремесленных и торговых

¹ См., например, у Ф. Оливье-Мартена: «Не следует говорить о режиме свободы, противопоставляя его режиму регламентации в присяжных городах. Свобода производства не существовала никоим образом. Были разные системы регламентации» (Olivier-Martin F. L'organisation corporative de la France d'ancien régime. Paris, 1938. P. 97).

² Ibid. P. 92–113; Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue, 1598–1789. Paris, 1974. T. 1. P. 361–362.

регламентов³, а также три десятка статутах о парижских торговых пошлинах, был составлен в правление Людовика IX, в 1260-х годах, по указанию королевского прево Этьена Буало.

Регламенты ряда парижских ремесел представляют собой объемные тексты, где подробно расписаны профессиональные и административные нормы и ограничения. Предсказуемо в их числе оказываются булочники (I), строители (XLVIII), сукноделы (L) и сукновалы (LIII), старьевщики (LXXVI), рыбаки и торговцы рыбой (XCIX–CI).

В то же время при «тотальной» переписи установлений парижских ремесел, в их число вошли очень небольшие уставы с нестандартно сформулированными правилами, подобные которым более нигде не встречаются, поскольку противоречат самой сути регламента как комплекса норм, регулирующих профессиональную деятельность ремесленников. Эти уставы выглядят так, что кажется, будто ранее — до распросов прево — ремесленники даже особо не задумывались о том, по каким нормам и обычаям они живут и работают. В таких уставах всего 4–6 статей, сформулированных даже не в самом общем виде, но как разрешения: можно быть мастером свободно, работать в любое время и из любого материала, учить любое количество учеников и в течение любого срока⁴. Это волочильщики железной проволоки (XXIII), кольчужники (XXVI), изготовители олова (XXXII), литейщики (XLI), мисочники (XLIIX) и лучники (XCVIII).

Правила их жизни и деятельности оказались зафиксированы в тот момент, когда сами ремесла не испытывали в этом необходимости, и, если бы не внешнее воздействие — со стороны парижского прево, — такие «преждевременные»

³ *Règlements sur les arts et métiers de Paris, rédigés au XIIIe siècle et connus sous le nom du Livre des métiers d'Étienne Boileau* / Publ. par G.-B. Depping. Paris, 1837. (Далее — *Règlements*); *Le Livre des métiers* / Publ. par R. de Lespinasse et Fr. Bonnardot. Paris, 1879. Réimpr. Genève, 1980. (Далее — LM). Полностью 100 ремесленных и торговых уставов «Книги ремесел» были переведены Л.И. Киселевой и опубликованы в известном академическом издании «Средние века»: Регистры ремесел и торговли города Парижа / Пер. со старофр. Л.И. Киселевой, под ред. А.Д. Люблинской // *Средние века*. М., 1957. Вып. IX. С. 309–362; М., 1958. Вып. X. С. 171–221.

⁴ Такого рода статьи есть и в других регламентах, но встречаются там как исключения, на фоне множества запретов и предписаний.

уставы никогда бы не были записаны. Также очевидно, что и городские власти не посчитали необходимым прикладывать специальные усилия и дополнять такие регламенты административными предписаниями — кроме общих для всех парижских ремесленников и торговцев правил о несении караульной службы и уплате талы⁵ (хотя некоторые из этих ремесел, как кольчужники и лучники, были свободны от всяких повинностей). Далее на протяжении многих десятилетий и даже столетий после этой первой записи никакой необходимости в изменении таких уставов не возникало, о чем свидетельствует их история.

Волочильщики железной проволоки Парижа (*treffiers de fer*) — одна из малых корпораций; Р. Леспинасс упоминает их в связи с некоторыми другими профессиональными сообществами: кольчужниками, изготовителями иголок и гвоздильщиками. Последние, устава которых не было в «Книге ремесел», получили первый регламент в 1340 г.⁶

Кольчужники (*haubergiers*) получили следующий устав более чем через 100 лет, в 1407 г., а затем в 1571 г.⁷

Недолго существовали как отдельное сообщество изготовители олова (*batteurs d'étain*). Имеющий к ним отношение регламент датируется 1305 годом (*ouvriers de peautre martelé*); 1327 годом датируется устав медников/жестянщиков (*chaudronniers*)⁸.

Литейщики (*fondeurs*) получили следующий свой устав в 1572 г.⁹ — а существовало ли это сообщество в период между «Книгой ремесел» (1260-е годы) и XVI в.?

Мисочники (*écuelliers*) вошли в корпорацию токарей по дереву, устав которых датируется 1467 годом¹⁰.

⁵ Талья — основной прямой налог, первоначально — феодальная «помощь» сеньору; стала постоянным налогом в XV в.

⁶ Les métiers et corporations de la ville de Paris, XIV–XVIIIe siècles / Publ. par R. de Lespinasse. Paris, 1892. Т. II: Orfèvrerie, sculpture, mercerie, ouvriers en métaux, bâtiment et ameublement. P. 334, 554, 576–577.

Ibid. P. 323, 334.

Ibid. P. 494, 497, 499.

Ibid. P. 416, 419.

¹⁰ Ibid. P. 681.

Лучники (*archiers*) — с XV в. это корпорация артиллеристов (*artilleurs*); первая их привилегия относится к 1411 г., устав датируется 1443 годом¹¹.

Письменная фиксация правил не стимулировала дальнейшего развития регламентации в этих корпорациях, как это происходило со многими другими ремеслами, поскольку, как нельзя не предполагать, условия их существования на тот момент были «комфортными», а отношения мало-конфликтными: их рынок сбыта был широким, численность мастеров — незначительной и не требовала никакой корректировки административными мерами.

Можно также высказывать предположение, что именно в момент записи «Книги ремесел» мастера решали составить сообщество, договорившись об этом между собой. Это давало самостоятельность, возможность избавиться от контроля со стороны «материнской» корпорации и не выполнять принятые в ней правила. Способ — самоорганизация и утверждение властью прево, через получение отдельного устава.

Правильно ли видеть в этих вариантах небольшую долю самоорганизации мастеров — даже если полагать весьма вероятным их самостоятельное и согласованное решение составить свое сообщество? Можно ли считать идеальным вариантом самоорганизации создание его «с нуля», без примеров и образцов? Здесь же, в случае с малыми корпорациями Парижа, есть либо отделение от другого сообщества, либо создание своего, но по примеру соседей или коллег, по готовому образцу, во-первых, и с импульсом, полученным от прево города, во-вторых.

Или независимо от того, какой образец мог быть перед глазами и каким виделось идеальное сообщество профессионалов, для того, чтобы с полным правом говорить о самоорганизации, достаточно одного факта согласованных решений и действий, которые привели к результату?

Вопрос в том, что мы ищем — доказательства того, что в истории средневекового ремесла первична именно самоорганизация ремесленников, а не навязанная им структура, удобная для контроля и подчинения (что позволило бы утверждать,

¹¹ Ibid. Р. 341, 344, 345. Р. Леспинас приводит данные о численности некоторых из этих сообществ.

что в природе корпораций заложена самоорганизация и что именно она составляет их сущность), или то, как, каким образом потребность в объединении реализовывалась конкретными людьми, оказавшимися в конкретных обстоятельствах, и тогда не важно, были ли у них примеры и образцы самоорганизации? или примеры эффективного взаимодействия власти и общества, заинтересованных в порядке и спокойствии и готовых ради этого поступаться некоторыми своими интересами и быть готовыми к ряду ограничений и самоограничений? или свидетельства создания эффективных административных структур, управляемых должностными лицами и строго подконтрольных властям?

Корпорации типа кольчужников и корпорации типа булочников представляют противоположные полюса, в то время как типичный устав «Книги ремесел» (и таких подавляющее большинство) некоторого среднего размера и с самыми разными по характеру запретами и ограничениями. Из чего нельзя не сделать вывод, что в большинстве своем парижские ремесленники и торговцы к моменту записи этого сборника уже были некоторым образом организованы:

- не по личным характеристикам (происхождению, «национальности») тех людей, которые в них входили, что известно для средневековых корпораций (например, университетов),
- не по границам сеньориальной юрисдикции, т.е. по феодалным связям (в силу личной зависимости или ее отголосков либо в силу поземельной зависимости), хотя в уставах упоминаются границы сеньориальных владений, и они важны для мастеров и торговцев в том числе в их профессиональной деятельности,

— не по приходам, т.е. границам, существенным для городского пространства и организующим людей в силу их принадлежности к определенной церкви и объединению ее прихожан и в силу их проживания в определенном районе города,

— не по профессиям. Знание одного ремесла несомненно объединяет, однако для булочника второй булочник — это в первую очередь конкурент или в первую очередь собрат?

Вопрос о самоорганизации ремесленников и торговцев должен быть поставлен в контекст таких идей как происхождение отдельных ремесленных корпораций из вотчинных организаций ремесленников (магистерий) — для средневекового Парижа в их числе называют монетчиков, булочников,

мясников, кожевников и сапожников, кузнецов, старьевщиков, рыбаков, а также плотников, каменщиков и цирюльников¹². Подчеркну, что речь идет только о некоторых ремеслах: историки никогда не выводили все профессиональные сообщества из вотчинных организаций.

Ф. Оливье-Мартен и другие историки указывали на особую строгость контроля по отношению к некоторым ремеслам, которые относились к категории опасных, в связи с необходимостью заботы о продовольствии и общественном порядке¹³. Такая позиция отражает понимание важной именно для города необходимости обеспечить безопасность и акцентирует административное значение корпораций. В то же время это новая — городская — потребность, т.е. эти корпорации (опять подчеркну — не вообще все профессиональные сообщества) «моложе» тех, которые были наследники магистерий.

КОРПОРАЦИИ XIII ВЕКА:

РАЗДЕЛЕНИЕ И ОБЪЕДИНЕНИЕ

Возможность рассмотреть взаимоотношения корпораций, связанных в Париже XIII в. общим прошлым, и обозначить некоторые направления в изучении истории объединения и разделения корпораций дает история одной из парижских пошлин.

«Книга ремесел» зафиксировала множество повинностей, которыми были обязаны королю городские ремесленники и торговцы. Вся вторая часть парижских регистров была посвящена сборам и пошлинам, и нет такого устава, в котором о них не говорилось бы¹⁴.

¹² *Fagniez G. Etudes sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIIIe et XIVe siècles. Paris, 1877. P. 98–99; Грацианский Н.П. Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетии. Казань, 1911. С. 222, 227–228.*

¹³ *Olivier-Martin F. L'organisation corporative de la France d'ancien régime... P. 109; Россер Дж. Ремесленные гильдии и организация труда // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. 2: Жизнь города и деятельность горожан. С. 146.*

¹⁴ Это обязательная часть любого устава. Как минимум, фиксировалось освобождение от уплаты всех пошлин и от караульной службы: у кольчужников (XXVI), лучников (XCVIII) и изготовителей цветочных венков (XC).

В Париже XIII в. еще сохранились разнообразные натуральные повинности. Мисочники (XLIX) должны были в подвал королю 7 кадок размером 2 фута. Каждый торговец сеном (LXXXIX) — первую вязку сена, которую сборщик кутюмы найдет в доме торговца в день, когда король въезжает в город. Не только деньгами, но и товарами (например, хлебом¹⁵) уплачивались тонлье и аляж.

Известны и такие повинности, которые в Париже XIII в. уплачивались в деньгах, но сохраняли следы «натуральности». Среди них — 32 су за пару сапог (краг) короля (*les hueses le Roy*), которые ежегодно оплачивали на страстной неделе сапожники (*cordouanniers, cordewaniers, LXXXIV*)¹⁶.

Вместе с ними участвовать в оплате королевских сапог должны были седельщики (LXXVIII) и башмачники (LXXXV). Каждый из этих мастеров (*li Selier et li Çavetonnier de Paris*), как фиксирует устав сапожников, должен был ежегодно вносить 3 денье «на сапоги королю», как только покупал ремесло¹⁷ — для того чтобы заниматься этими ремеслами в Париже, мастера должны были «купить ремесло» у короля¹⁸. Эти

¹⁵ См. устав булочников (I), а также статуты второй части «Книги ремесел», например статут IX о тонлье и аляже за хлеб. Тонлье — основная торговая пошлина, которая уплачивалась в зависимости от вида и количества товаров и покупателем, и продавцом. Аляж — сбор за право торговать на рынке.

LM. P. 184–185. XIII, XV ст.

¹⁷ *Li selier et li çavetonnier de Paris puent acheter le mestier des Cordouanniers de Paris, se il leur plest, au pris desus dit; li quex doivent chascun an iiii den. pour les hueses le Roy, si tost comme il auront achaté le mestier; les que[s] xiii den. le[s] mestre qui gardent le mestier des Cordouanniers doivent avoir et recueillir touz les anz en la semaine penneuse de Paques, en alegement des xxxii s. desus diz que il doivent touz les anz au Roy pour ses hueses* (Ibid. P. 185. XVI ст.). Вместо подчеркнутого выражения следует читать «les q[ue]x iij d[enier]s», в соответствии с текстом рукописи Сорбонны (основной рукописи «Книги ремесел», конец XIII–XIV в.; здесь — fol. 185 v°). В издании 1837 г. (Règlements. P. 230) и в русском переводе здесь верное число — «3 денье» (Регистры. Вып. XI. С. 203).

¹⁸ О покупке права заниматься ремеслом см.: Кириллова Е.Н. Покупка ремесла в Париже XIII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Вып. 8 (62): Собственность в средневековой Западной Европе (земля — власть — право). [Элек-

3 денье прыдомы (должностные лица) сапожников «должны были иметь и собирать ежегодно на страстной неделе», чтобы облегчить выплату их 32 су за сапоги короля.

Седельщики в своем регламенте (LXXVIII) не назвали никакой суммы (ни 3 денье, ни 32 су), но о своей обязанности участвовать в оплате королевских сапог знали и зафиксировали ее, подчеркнув, что за это имеют право работать с любой кожей, какая им нравится¹⁹.

В уставе башмачников (LXXXV) о сапогах короля нет ни слова, но есть пошлина в 3 денье, которую следовало платить на страстной неделе: каждый мастер должен был заплатить 7 денье кутюмы: «4 денье — одному человеку и 3 денье — другому, которые, как они полагают, собирают эти деньги от имени короля»²⁰. Эти 3 денье — не что иное, как их участие в оплате сапог короля²¹.

Множественное число глаголов в уставе сапожников (*li quex doivent chascun an iiii den. pour les hueses le Roy, si tost comme il auront achaté le mestier*) заставляет задать вопрос: может ли таким образом быть обозначено участие корпораций (седельщиков и башмачников) или отдельных мастеров, причем не всех, а только тех из них, кто купил и ремесло сапожников? Поскольку в этой же статье устава сапожников сказано, что седельщики и башмачники могли при желании

тронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001968-3-1> (дата обращения 14.12.2017).

¹⁹ Selier qui garnissent de cordouan ou d'autre cuir quel qu'il soit et cil qui vendent les seles garnies de quelque cuirien que ce soit doivent aidier aus Cordouaniers a paier les hueses le Roy; et par tant pueent il ouvrer de quel curien qu'il leur plect (LM. P. 173. XL ст.).

²⁰ Nus Çavetonnier de Paris ne doit rien de chose qu'il vende ne achate appartenant a son mestier, fors vii den. par an; les quex vii den, il paient en la semaine peneuse: iiii den. a un home et iii den. a un autre qu'il les coillent de par lou Roy, si come il croient (Ibid. P. 186. VI ст.). О понимании этих пошлин как кутюм см.: Кириллова Е.Н. «Пошлины» и «обычай»: о термине «кутюмы» в парижской «Книге ремесел» // Средние века. 2013. Вып. 74 (1–2). С. 199–235.

²¹ В этом уставе нет других пошлин, относившихся не ко всем парижанам, а именно к башмачникам, кроме 2 денье, которые они платили за торговлю на ярмарках Сен-Жермен и Сен-Ладр, что никак не связано с их участием в оплате сапог короля.

заниматься и сапожным ремеслом, но они должны были купить его дополнительно к своему основному ремеслу²².

32 су = 384 денье. Можно предположить, что сапожники принимали на себя основную нагрузку по уплате данной пошлины, но предположить, что они соглашались получить от всего сообщества седельщиков и всего сообщества башмачников только 6 денье (по 3 денье от каждого), вряд ли возможно. И текст устава башмачников, сомневавшихся в правомерности уплаты ими кутюмы в 3 денье, подтверждает, что эту сумму должен был платить каждый мастер. Минимально необходимое число мастеров, если предполагать равное участие всех ремесленников всех трех корпораций, при условии уплаты 3 денье каждым из них, — 128 человек. По спискам парижской тальи конца XIII — начала XIV в., сапожников (без дальнейшего деления на профессии) в 1296 г. было 226 человек, в 1300 г. — 275²³, или, по другим подсчетам, в 1296 г. — 153 сапожника, в 1297 г. — 315, в 1313 г. — 198 человек; «седельников», соответственно, 39, 51, 30 человек²⁴. Очевидно, что, несмотря на некоторые различия в данных, при таком состоянии дел не могло быть никаких сложностей с оплатой сапог короля. И даже если случались отдельные задержки, накладки, отсрочки в сложных случаях, в отношении отдельных мастеров или в одной из трех корпораций, общая сумма всегда должна была превосходить 32 су.

Правила уплаты пошлины позволяют увидеть следы прежней общности трех отдельных на момент записи «Книги ремесел» корпораций. Участие в оплате сапог короля признаётся всеми мастерами, однако в разных уставах оно было зафиксировано разными способами, в чем можно усмотреть следы взаимных обид и претензий, и можно предположить, что они связаны с историей этих профессиональных сообществ — их прежним единством и последующим, вероятно небесконфликтным, разделением. Вопрос в том, как и почему это происходило.

²² LM. P. 185. XVI ст.

²³ Franklin A. Dictionnaire historique des arts, métiers et professions. Paris; Leipzig, 1906. P. 203.

²⁴ Цатурова С.К. Списки налогоплательщиков о состоянии ремесла и торговли Парижа конца XIII — начала XIV в. // Средние века. М., 1988. Вып. 51. С. 152.

Специализация средневекового ремесла — хорошо известная его характеристика. Сам процесс разделения одного ремесла на ряд более мелких специальностей — и сопутствующее ему деление единых прежде профессиональных сообществ (если таковые были) — именно как процесс по средневековым источникам почти не прослеживается и потому мало изучен. Очевидны лишь его результаты, отразившиеся во множестве специализаций. При этом множественность и разнообразие ремесел все же были редкостью: обычно в средневековых городах было несколько десятков ремесел (как профессий или как корпораций, если последние вообще появлялись в городе), и объединения ремесел известны не менее, чем их разделение²⁵.

В раннее Новое время разделение или объединение ремесел (корпораций) могло сопровождаться общими собраниями мастеров и составлением протоколов, прошений к властям, обращением к городским властям, за которыми следовали решения последних о поддержке или отклонении идеи объединения либо разделения. На примере истории Реймса, ремесленные и торговые уставы которого составляют второй комплекс источников данного исследования, о таких ситуациях известно для пряничников, решивших в 1571 г. отделиться от булочников и кондитеров, для составлявших одну корпорацию перчаточников и изготовителей пергамена (1574), а также аптекарей и бакалейщиков (XVI–XVII вв.), в конце XVII в. все же разделившихся. Объединялись и разделялись сапожники и починщики обуви (XVI–XVIII вв.), портные и старьевщики (XVII–XVIII вв.), изготовители режущих инструментов и скобяных изделий (1603–1612), а также сукноделы, изготовители саржи и других шерстяных тканей, чесальщики шерсти (XVI–XVIII вв.) и купцы, торговавшие сукном и разными другими товарами (XVI–XVIII вв.)²⁶.

Подчеркну, что регламенты (как средневековые, так и более поздние) не излагают историю объединения или разделения корпораций, в уставах фиксируется сам факт произошедших

²⁵ Один из самых известных примеров — сапожники, шившие новую обувь (сапожники), и сапожники, занимавшиеся починкой старой (починщики). Они могли составлять две отдельные корпорации или одну.

²⁶ Кириллова Е.Н. Корпорации раннего Нового времени: ремесленники и торговцы Реймса в XVI–XVIII веках. М., 2007. Гл. 2, 4, 10.

изменений²⁷, а упоминания о связанных с этим событиях, скорее, обнаруживаются в судебных постановлениях, королевских патентах, других документах.

Париж XIII в. несомненно выделялся уровнем специализации ремесла. Обработкой кожи и изготовлением разных изделий из нее занимались мастера, входившие не только в уже упомянутые, но и в другие профессиональные объединения. Это:

- кошелечники (изготовители кошельков и кожаных штанов: *boursiers, megisiers, surres*, LXXVII устав «Книги ремесел»);
- седельные плотники (*chapuisieurs de sieles*, LXXIX);
- шорники (*borreliers*, LXXXI)²⁸;
- кожевники, изготовители плотной кожи для поясов и подошв (*baudraiers, taneres*, LXXXIII);
- починщики обуви (*çavatiers*, LXXXVI);
- перчаточники (*gantiers*, LXXXVIII).

Скорняки (*pelletier*) упоминаются во второй части «Книги ремесел», в статуте VIII «О ремеслах, которые должны обан королю, и о ремеслах, которые продают от имени короля» (они тоже были обязаны платить обан, что относило их к категории привилегированных ремесел)²⁹.

Взаимная договоренность между ремесленниками, мастерами одной специальности, которая должна была

²⁷ Например, корпорация могла быть определена как «объединенная»: *communauté unie, communauté réunie, l'union desdits deux corps*.

²⁸ Седельным плотником (LXXIX) и шорником (LXXXI) можно было быть свободно. Однако если мастер хотел работать с сафьяном (*cordouan*) — что рассматривалось как его право, но не как обязанность, — он должен был купить ремесло у короля. Основным материалом для седельных плотников было дерево, а сафьян был нужен для отделки и украшения седел (LM. P. 176. XVI ст.). У шорников основным сырьем для работы служила коровья и баранья кожа, но они могли использовать и другие виды кожи (Ibid. P. 178. V ст.).

²⁹ Ibid. P. 254. IX ст. Первоначально обан (*hauban, haultban*) был натуральной повинностью и уплачивался вином (1 мюнд вина, около 268 литров). Филипп II Август заменил вино на 6 парижских су, как полагают, в 1201 г. Можно было платить целый обан — 6 су, половину обана (3 су) или полтора обана (9 су). Право платить обан можно было купить или получить в дар у короля. Обан отменял многие другие пошлины и потому считался привилегией.

предшествовать появлению профессиональных объединений в публичном пространстве города, в случае с разделением единой прежде корпорации сапожников выглядит решением и действием, обозначающим отделение одних от других. Что — кроме весьма вероятных личных мотивов — могло заставить или сподвигнуть мастеров на отделение? Желание выделить свою сферу влияния, обозначенную другими изделиями, материалами, инструментами, приемами работы?

Уточнить соотношение ремесел позволяет статут VIII об обане из второй части парижских регистров.

В этом статуте указано, что дубильщики (*taneres*) могли работать как сапожники (*surrés*³⁰), починщики обуви (*chavetiers*) и изготовители поясов (*baudroiers*), могли дубить кожу и изготавливать пояса³¹. Если совместить эти сведения с тем, как профессии определены в уставах первой части «Книги ремесел», то это, скорее, не право на любые виды работы по починке обуви³² и на изготовление любых кошельков или штанов из кожи, но иной подход: покупка ремесла дубильщика позволяла мастеру не только дубить (плотную) кожу, но и делать из нее разные изделия, а также заниматься их починкой.

Кошелечники (*borsiers*) могли выделывать лайковую кожу (*megisiers*)³³, что соответствует уставу кошелёчников (LXXVII), хотя о логично следующей ступени — изготовлении перчаток — и устав, и статут VIII молчат; следовательно, она не допускалась. Изготовители перчаток (LXXXVIII) работали с разной кожей: прежде всего с бараньей и телячьей³⁴, но также и с оленьей (*cuir de cerf*). Кошельки могли быть из оленьей, лошадиной, свиной (только обязательно дорогой) кожи, кожаные штаны — из коровьей и, вероятно, из бараньей³⁵.

³⁰ От лат. *sutor* (сапожники): Ibid. P. 338.

Ibid. P. 255. XX ст.

³² Устав сапожников, занимавшихся починкой обуви, краток, и не дает никакой информации о потенциальных или реальных правах дубильщиков: о возможности работать с разной кожей, об изделиях или приемах.

³³ LM. P. 256. XXI ст.

³⁴ Quiconques veut estre Gantiers a Paris de fere ganz de mouton, de ver ou de gris, ou de veel... (Ibid. P. 194. I ст.).

³⁵ Ibid. P. 167. V–VI ст.

Повторю, что седельщики и башмачники могли заниматься также и сапожным ремеслом, но должны были купить его дополнительно к своему основному ремеслу и основному занятию. Такая покупка давала башмачникам (LXXXV) право работать с козьим сафьяном (*cordouan*), а не только с бараньим (*bazane*), который был основным материалом для башмачников, но разный сафьян нельзя было смешивать в одном изделии³⁶.

Таким образом, очевидно деление ремесел по видам сырья, по ассортименту, приемам работы: дубление кожи, изготовление изделий из плотной или тонкой кожи, изготовление новых изделий в отличие от починки старых.

В целом о роли основной (материнской?) корпорации сапожников можно сказать следующее. Сапожники сохранили за собой не только профессиональное первенство, но и организующе-контролирующую роль, что отражалось:

- в праве получать штрафы за провинности мастеров других корпораций, что было зафиксировано, например, в уставе башмачников (LXXXV)³⁷, а не сапожников, в котором не было такой нормы;
- в праве получать вступительный взнос от мастеров других корпораций (кошелечников (LXXVII))³⁸; в уставе сапожников об этом также ничего не сказано;
- и наконец, в правилах сбора пошлины на сапоги короля.

Во-первых, именно сапожники определили свое участие и участие других корпораций в оплате сапог короля. Во-вторых, прюдомы именно сапожников собирали деньги не только в рамках своей корпорации, со своих коллег, но и с мастеров из других корпораций³⁹.

И третий, принципиально важный момент: размер своего участия — взнос каждого мастера-сапожника — они никак

³⁶ Quiconques est Çavetonniers a Paris, il puet estre cordouannier se il a de quoi; mès que il ne melle en une meesme oevre cordouan et bazane (Ibid. P. 186. II ст.).

³⁷ Штраф в 12 денье от башмачников за смешение в одном изделии козьего и бараньего сафьяна получал мастер (прюдом) сапожников (Ibid. III ст.).

³⁸ Покупая ремесло у короля, мастер должен был заплатить еще 16 денье мастерам сапожникам (Ibid. P. 166. I ст.).

³⁹ Ibid. P. 185. XVI ст.

не обозначили⁴⁰. И мои предварительные подсчеты, основанные на предположительно равном участии всех мастеров всех корпораций, могли бы быть правомерны только в том случае, если исключить выгоду корпорации сапожников, которая вполне могла состоять в том, что они добавляли к собранным средствам лишь сумму, необходимую для итоговых 32 су, а не избыточную сумму, превращавшую сапоги короля в золотой дождь⁴¹. Отсутствие упоминания о сумме, которую должен был заплатить мастер-сапожник, в собственном регламенте сапожников делает такое предположение, с моей точки зрения, более чем вероятным.

Остался повисшим в воздухе вопрос о том, каждый ли седельщик и каждый ли башмачник должен был заплатить свои 3 денье — или только те из них, кто дополнительно к своему ремеслу купил и ремесло сапожников?

Ответ на него содержится в текстах регламентов, но восстанавливается, с моей точки зрения, только логическими рассуждениями.

Вряд ли можно предположить, что башмачник (или седельщик), сумевший купить не только свое ремесло, но и ремесло сапожников, должен был участвовать в оплате этой пошлины два раза: 3 денье по своей основной специальности и еще сколько-то — как сапожник. Такое существенное увеличение налоговой нагрузки было бы оговорено отдельным образом и обязательно имело бы обоснование.

Очевидно недовольство башмачников кутюмой в 3 денье, открыто выразивших свое негодование перед королевским

⁴⁰ Устав сапожников упоминает еще об одной пошлине: 12 денье (это 1 су), которые каждый мастер вносил также на страстной неделе — *Quiconques fet le mestier de cordouannerie de soulers et de hueses, il doit chascun an xii den. au Roy, a poier en la semaine devant dite* (Ibid. P. 185. XIV ст.). Но это другая пошлина, а не указание на участие мастера в оплате сапог короля, как свидетельствует следующая статья устава — *«Li Cordouanners de Paris ne doivent riens de chose qu'i vendent nen achatent apartenanz en leur mestier dedenz la ville de Paris, car les hueses le Roy et les xii den. les aquitent de toutes coustumes...»* (Ibid. XV ст.).

⁴¹ Если воспользоваться работами специалистов, обращавшихся к спискам талли, и исходить из приведенных выше данных о численности мастеров, то при равном (по 3 денье) участии всех мастеров для 1296 г. это будет больше 48 или даже 66 су.

прево, но все же не посмевших отказаться от выплаты, которая казалась им столь сомнительной. Очевидно нежелание седельщиков называть и письменно фиксировать точную сумму их участия в уплате сапог короля, хотя она уже была названа сапожниками⁴².

Причиной этих действий и эмоций — наиболее вероятно — была раскладка суммы в 32 су. И разумеется, только меньший взнос мастеров-сапожников мог быть основанием для недовольства.

Близость специальностей давала мастерам возможность заниматься несколькими ремеслами одновременно, а общее прошлое обеспечивало такое право. Однако в итоге как при выборе второй профессии, так и в ходе дальнейшей работы мастера оказывались под контролем не одного, а нескольких профессиональных сообществ.

Вопрос о том, знали ли мастера второе свое ремесло так же, как первое, при покупке второго ремесла не возникал. Это может объясняться близостью профессиональных сфер и закономерно вытекающим из этого знанием «другого» ремесла, в реальности не так сильно удаленного от первой специальности, что можно определять как постоянный (для Средних веков) фактор, не зависящий от времени. Если же предполагать отсутствие соответствующих негативных примеров (когда покупатель не знал второго ремесла), можно делать вывод о недавнем разделении ремесел.

ПРОЦЕДУРЫ ПРИЕМА

В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО: КЛЯТВЫ

Ремесленники одной специальности и торговцы одними товарами объединялись для защиты своих интересов,

⁴² Еще один вопрос — в каком порядке были записаны эти уставы при Этьене Буало. В предполагаемом оригинале «Книги ремесел», рукописи Счетной палаты, устав башмачников следовал сразу за уставом сапожников (fol. 14, 18), а устав седельщиков был записан отдельно и в конце рукописи (fol. 336). Таким образом, претензии башмачников были зафиксированы сразу после предписаний сапожников. Таблицу с указанием листов основных рукописей: *Lespinasse R. de. Introduction historique au Livre des métiers* // LM. P. CLI–CLIII.

и о следующих этапах истории этих объединений, благодаря разнообразным и многочисленным письменным источникам, многое известно — в отличие от самого момента объединения и образования корпорации. Такие моменты не фиксировались письменно, не сопровождались составлением договоров, соглашений, актов и не были засвидетельствованы участниками событий и современниками. «Социальная система возникает, если из коммуникации развивается коммуникация, — указывает Н. Луман, задавая ограничение: «Мы не должны решать вопрос о первой коммуникации»⁴³. Применительно к истории появления ремесленных и торговых корпораций принципиальная роль коммуникации, договоренности между мастерами бесспорна, и вопрос о «первой коммуникации» — о ее характере, о сопровождавших ее процедурах и ритуалах — неизбежно возникает перед историком.

В отсутствие документальных доказательств основываясь на логике, не могу не предположить, что появлению профессиональных объединений в публичном пространстве города предшествовала взаимная договоренность между мастерами, решившими создать свое сообщество. Скреплял эту договоренность не документ — договор, нотариальный акт, а клятва, легитимизировавшая процедуру договоренности и решавшая множество задач. Клятва:

- подтверждала факт согласия и договоренности;
- фиксировала обязательства сторон;
- отсылала к высшему смыслу заключенного сторонами соглашения и всей их дальнейшей деятельности по его реализации;
- обеспечивала санкции за невыполнение взятых на себя обязательств.

Момент ее принесения и ее содержание, как можно предположить, были тайной и не фиксировались письменно⁴⁴, по-

⁴³ Луман Н. Введение в системную теорию / Пер. с нем. К. Тимофеевой; под ред. Д. Беккера. М., 2007. С. 80.

⁴⁴ О соотношении клятвы, произнесенной вслух, и письменного свидетельства о ней, а также о фиксации клятв в документах и законах: Варьяш И.И. Клятва пиренейских сарацин // Право в средневековом мире / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2009. С. 167–188; Попова Г.А. Клятва в законах вестготских королей // Там же. С. 209–223 (ос. С. 212–213); Срединская Н.Б. К вопросу о месте клят-

скольку этого не требовал обычай, и подобная совместная клятва не могла быть одобрена ни церковью, которая усмотрела бы в этом богохульство, ни светской властью — как потенциально опасное для нее действие, сговор, который мог повлечь за собой организованное противодействие властям. Особая роль и особое значение клятвы объясняются ее природой — клятву невозможно изменить; поэтому клятвопреступление считается тяжким грехом.

Клятвы и присяги играли особую роль как в Средние века, так и в раннее Новое время. «Сопричастность к единому сакральному началу»⁴⁵, которая создавалась клятвой, была важнейшим связующим элементом в самых разнообразных корпорациях, во множестве существовавших в эту эпоху. Известно такое определение средневековой гильдии, как «объединение в клятвенное сообщество — *conjuratio*», объединение на основе взаимно принесенной клятвы и с особым правом, возникшим благодаря свободным действиям субъектов права⁴⁶.

Вступительные клятвы, которые произносил каждый новый мастер и член профессионального сообщества, постоянно упоминаются в ремесленных и торговых регламентах. Чтобы войти в уже существующую корпорацию,

вы в североитальянских нотариальных актах XIII–XIV вв. // Там же. С. 242–256, и другие исследования.

⁴⁵ Имевшая в качестве конечной цели коллективное спасение души и спасение от гнева Господня (Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей. Человек в истории. 2001. М., 2001. С. 206). М. Блок писал о клятве в дружбе и обещании помощи как основе отношений между людьми в феодальном обществе, подчеркивая, что новизна клятвы в городской коммуне заключалась «в том, что ее давал равный равному», и в обещании взаимной помощи вместо обещания повиноваться в обмен на покровительство (Блок М. Феодальное общество / Пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой. М., 2003. С. 348–349).

⁴⁶ Эксле О.Г. Средневековые гильдии: их самосознание и вклад в формирование социальных структур // Он же. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. и предисл. Ю. Арнаутовой. М., 2007. С. 97, 112, 124. См. также: Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. М., 1994. С. 340–343; Вебер М. Город / Пер. с нем. М. Левиной; науч. ред. К. Левинсон. М., 2017. § 2 «Западный город».

новичок повторял все действия, ранее совершенные другими мастерами (учился, приобретал опыт, выполнял, если надо, образцовую работу, платил вступительный взнос), и его клятва, скреплявшая его присоединение к сообществу, по моему убеждению, должна была подтвердить и повторить то, что произносили ранее другие мастера. А значит, обратившись к самым ранним из зафиксированных письменно клятв, можно посмотреть на них как на отражение клятв еще более ранних — тех, само существование которых восстанавливается лишь логически и содержание которых неизвестно.

XIII в.: ПЕРВЫЕ КЛЯТВЫ (ПАРИЖ)

Клятва мастера при вступлении в корпорацию зафиксирована 17 уставами «Книги ремесел».

В нескольких случаях клятва мастера не определяется как вступительная (она не была частью процедуры приема нового мастера), хотя ее требовали принести именно тогда, когда новый для этого сообщества мастер (бывший ученик, подмастерье или чужак) начинал работать в Париже. Это четыре клятвы частного характера, касавшиеся отдельных и конкретных действий: тележники (XLVII) должны были поклясться, что не поставят такой оси, какой не пожелали бы себе⁴⁷, изготовители седел (LXXVIII) и их подмастерья — что сообщат о нарушениях мастерам ремесла (должностным лицам корпорации)⁴⁸, изготовители бронзовых, медных и латунных пуговиц и наперстков (LXXXII) — что сообщат о нарушениях прево Парижа⁴⁹, изготовители меховых шляп (XCIV) — что задержат именем короля все поддельные шляпы⁵⁰.

Традиционно же при вступлении в корпорацию новые мастера должны были поклясться, что будут работать хорошо и честно и/или будут хранить и соблюдать нормы и обычаи своего ремесла. Такие клятвы были зафиксированы

⁴⁷ LM. P. 87. VII ст.

⁴⁸ Ibid. P. 172. XXIX ст.

Ibid. P. 180. VII ст.

⁵⁰ Ibid. P. 207. IX ст.

у кузнецов-ножовщиков (XVI)⁵¹, волочитьщиков проволоки из бронзы (XXIV), каменщиков, штукатуров и цементщиков (XLVIII), изготовителей гамаш (LV), сапожников (LXXXIV), изготовителей фетровых шляп (XCI), изготовителей шляп из хлопка (XCII), полировщиков мечей (CXVII).

Порой во вступительных клятвах общие заявления сочетались с конкретикой. Мельники Большого моста (II) и их подмастерья клялись хранить добрые нормы и обычаи и в то же время обещали, что придут своим соседям на помощь и днем и ночью⁵². Мерщики зерна (IV) должны были поклясться, что будут честно измерять всякое зерно (это их основная работа, но каждое измерение — это одно отдельное действие) и что будут соблюдать права продавца и покупателя⁵³. Мерщики жидкостей (VI) — что будут измерять честно, соблюдать право продавца и покупателя — и что пойдут мерить всякий раз, как их позовут⁵⁴. Глашатаи вина (V) — что принесут в свою таверну добрые меры, сообщат о поддельных, если узнают о них, — и что будут соблюдать выгоду тавернщиков и всего города⁵⁵.

Сочетание во вступительной клятве обобщения и одного, вполне определенного действия, с моей точки зрения, должно было решить две задачи.

Первая — «присоединить» новичка к корпорации (включить его в профессиональное сообщество), что делает всякая вступительная клятва.

Вторая — акцентировать конкретное узкое место, характерное именно для этого ремесла и болезненное именно сейчас.

Присоединение частного к общему усиливает частное, придает ему больший вес, превращает его из повседневной «мелочи» в один из основных критериев, определявших, что значит работать «хорошо и честно» (*bien et loiaument*) и какие именно «нормы и обычаи ремесла» (*us et coustumes du mestier*) нужно соблюдать.

⁵¹ Il doit jurer seur Sains que il le mestier gardera et fera bien et loiaument, as us et as coustumes du mestier (Ibid. P. 40. II ст.).

⁵² Ibid. P. 17. VIII ст.

Ibid. P. 19. II ст.

Ibid. P. 24. II ст.

⁵⁵ Ibid. P. 22. IV ст.

Нормы и обычаи — то, что уже существует, и всякое упоминание обычая отсылает к существующему издавна, проверенному временем и обстоятельствами. Вступительные клятвы нацелены в будущее — новый мастер и новый член профессионального сообщества обещает отныне и впредь поступать так, чтобы сохранить давние, всем известные и правильные нормы и обычаи.

В нескольких уставах отсылки к прошлому звучат во вступительных клятвах мастеров более определенно.

Новый кузнец (XV) давал клятву, «что он будет хранить ремесло хорошо и честно, по нормам и обычаям, которые его предшественники хранили до него»⁵⁶. С одной стороны, очевидно, что обычаи — то, что было до появления этого новичка, с другой — клятва подчеркивала повторяемость действий (они хранили и он будет хранить) и преемственность. Упоминание обычаев в клятвах других ремесел также отсылает к прошлому, однако эта отсылка, скорее, логическая и подразумеваемая, в то время как устав кузнецов в своей отсылке к предшественникам, прежде хранившим обычаи ремесла, очень конкретен.

Вступавший в парижскую корпорацию старьевщик (LXXVI) клялся, «что будет сохранять ремесло хорошо и честно, по нормам и обычаям ремесла, которые достойные люди⁵⁷ ремесла сохраняли и теперь сохраняют»⁵⁸. За этим следует разъяснение, какие именно нормы и обычаи имелись в виду: старьевщики не должны покупать ничего ни у воров и воровок, ни у прокаженных, ни в борделях или тавернах, ни испачканные или окровавленные вещи, ни того, что относится к религии, если только это не изношенные вещи. Такие действия составители регламента полагали самыми опасными — настолько опасными, что нарушителю запрещали заниматься ремеслом (а это самое суровое наказание для средневековых ремесленников). Если же он желал вернуться к своему

⁵⁶ Que il gardera le mestier bien et loiaument, as us et as coustumes que si devantier l'ont gardé par devant lui (Ibid. P. 38. V cr.).

⁵⁷ Прюдомы — здесь: должностные лица корпорации.

⁵⁸ Que il tendra le mestier bien et loiaument aus us et aus coustumes du mestier que li preud'ome du mestier l'ont tenu et tienent encore (LM. P. 160. IV cr.).

занятию, то должен был не только заново заплатить за это право (чтобы стать старьевщиком, следовало купить ремесло у короля), но и заново принести вступительную клятву. Главной целью при перечислении нежелательных действий старьевщика видится поддержание порядка в городе, и авторами такого перечня, в клятву не входившего, должны были выступить, наиболее вероятно, представители власти.

Во вступительных клятвах старьевщика и кузнеца сказано о предшественниках — «достойных людях ремесла», образу действий которых новичок обещает следовать в дальнейшем. И то, что предшественники были упомянуты в уставе в связи именно с традиционной клятвой — обещанием хранить нормы и обычаи, работать в соответствии с ними, — а не с другими вариантами формулировок вступительных обещаний новых мастеров, представляется особенно важным в поиске начал корпоративной истории.

Более никакие уставы «Книги ремесел» не содержат клятв, которые так прямо отсылали бы к предыстории профессиональных сообществ.

Однако, если следовать идее о неразрывной связи появления корпорации и объединяющей ее членов клятвы, необходимо отметить в «Книге ремесел» три случая «организованных» клятв — клятвы, инициированные представителями власти.

Мастер Фуке из Тампля, получив от короля в управление ремесло плотников, изготовителей дверей и окон, бочаров, кровельщиков, тележников (XLVII), заставил всех этих мастеров поклясться, что они не будут работать в субботу после того, как большой колокол собора Нотр-Дам прозвонит девятый час, однако они не должны бросать работу, а изготовители дверей и окон обязаны продать двери и окна, чтобы добрые люди смогли закрыться⁹⁹. Первая часть этой клятвы относится ко всем перечисленным профессиям, вторая — только к одному ремеслу, к изготовителям дверей и окон, и, в соответствии с отмеченным ранее соотношением общего и частного в клятвах, можно сказать, что частное (для всего объема профессиональной деятельности всех этих ремесленников) сменяется еще более частным.

⁹⁹ Ibid. P. 87. I ст. О наказании за субботнюю работу сказано в VI статье устава (Ibid).

Инициатива такой клятвы исходила от конкретного человека, для ремесленников выступавшего как представитель королевской власти, — от королевского мастера-плотника⁶⁰. С этой позиции содержание клятвы выглядит совершенно иначе. Первая часть — общее для всех требование соблюдать запрет на работу в воскресный день. Вторая часть — забота о порядке в городе: двери и окна защищают горожанина от опасности проникновения в его дом с недобрыми намерениями, сохраняют его жизнь, имущество и покой, что тоже вряд ли можно определять как частность.

Наконец, когда именно у плотников появляется эта клятва, — в тот момент, когда мастер Фуке начал управлять этими ремесленниками⁶¹. Были ли у них другие клятвы до этого времени (скорее всего, были) и давали ли позднее новые мастера ту же клятву (или иную) — неизвестно. В «Книге ремесел» записано, что плотники и другие обрабатывавшие дерево мастера прежде управлялись предшественниками мастера Фуке (*ses devanciers*), имевшими право суда, назначения управляющих для каждого ремесла, но зафиксированную в этом регламенте клятву велел принести именно он. Далее отдельный регламент для изготовителей дверей и окон был утвержден прево Жаном де Монтиньи в декабре 1290 г., но в шести его статьях о клятвах мастеров ничего не сказано⁶², а следующий регламент плотников датируется только серединой XV в., 13 ноября 1454 г., и вступительная клятва нового мастера в нем вполне традиционна — это обещание хранить статуты и ордонансы⁶³.

Второй случай относится к банщикам и банщицам (LXXIII), устав которых относят к записанным позднее основного корпуса «Книги ремесел»⁶⁴. Они поклялись прево,

⁶⁰ Как указывает Р. Леспинасс (*Les métiers et corporations de la ville de Paris...* Т. II. Р. 598).

⁶¹ LM. P. 86–87.

⁶² *Les métiers et corporations de la ville de Paris*. Т. II. Р. 637–638.

⁶³ Ibid. P. 604. 8 ст.

⁶⁴ LM. P. 154. Not. (a); Bourlet C. *Le Livre des métiers* dit d'Étienne Boilleau et la lente mise en place d'une législation écrite à Paris (fin XIIIe — début XIVe siècle) // *Médiévales*. 2015. Vol. 69. *Travailler à Paris* (XIIIe — XVIe siècle). P. 37.

что будут строго придерживаться правил и не поступят против того, что установлено⁶⁵. Эта клятва охватывает не все правила устава, а — в соответствии с его делением — запрет на работу в воскресные и праздничные дни и определение платы за работу⁶⁶.

Еще одна административно организованная клятва — у хирургов (ХСВИ), сохранившийся регламент которых тоже относят к числу более поздних. «Те, кто достоин работать», поклялись, что не будут лечить раненых тайком, и в этом должны будут поклясться те, кто в будущем будет признан достойным заниматься этим ремеслом⁶⁷. Прево потребовал, чтобы ему представили список мастеров и чтобы те принесли упомянутую клятву⁶⁸.

Составляющее содержание клятвы требование о лечении раненых — единственная записанная в регламенте профессиональная норма. Еще в уставе сказано о назначении

⁶⁵ IV. Item, que nul ne nule ne chauffe estuves en jour de diemenche, ne en jour de feste que commun de la ville foire. Et paiera chascunne personne, pour sy estuver, deus deniers; et se il se baigne, il en paiera quatre deniers. Et pour ce que en aucun temps buche, charbon sont plus chiers une fis que autre, se aucun se douloit, atrenpement convenable y sera mis par le prevost de Paris, par le rapport et serement des bones genz du dit mestier, selonc la qualité du temps. Le queles choses les Estuveurs et Estuveresses ont juré et promis devant nous a tenir ferme et estable, sans venir encontre (LM. P. 154–155). О подчеркнутых словах см. далее.

⁶⁶ Это отдельная статья устава, и может возникнуть вопрос о том, кем, когда и как он был разделен на статьи, и, соответственно, о смысловых блоках: какие именно правила были или оказались объединены обобщающими словами о «каковых вещах» (*le queles choses*). В данном случае признаком верного деления служит слово *Item*, традиционно для поздних уставов начинающее отдельные статьи. Статья выделена одинаково и в первом, и во втором изданиях «Книги ремесел» (Règlements. P. 189; см. также: Bourlet C. *Le Livre des métiers* dit d'Étienne Boilleau... P. 40), что соответствует рукописи Сорбонны (fol. 73), но разбита на две части (с присоединением ко второй еще и следующей статьи) в русском переводе источника: Регистры. Вып. XI. С. 187.

⁶⁷ III. Et ce ont juré et doivent tuit cil qui sunt digne d'ouvrer et seront (LM. P. 209). О лечении раненых — II статья регламента (Ibid. P. 208–209).

⁶⁸ Ibid. P. 209. IV ст.

шести присяжных хирургов, управлявших этим ремеслом, которые давали свою (другую) клятву⁶⁹, о правилах их смены и оплаты их работы. Власти нужно было контролировать порядок в городе, защищать жизнь и здоровье горожан, вершить правосудие, и с этим связан акцент на ранениях и их лечении. В уставе дано разъяснение правила: «Поскольку может случиться так, что убийца или разбойник будут ранены или ранят другого [человека] и придут тайно к хирургам Парижа, и заставят себя лечить тайком, и от этого убийства, преступления [с пролитием] крови утаивались, а штрафы короля были утеряны...»⁷⁰. Прево ставит задачу не лечить тайно перед теми хирургами, кто уже работает (список их имен он ждет от присяжных)⁷¹, и перед теми, кто будет заниматься хирургией в будущем. Для последних эта клятва будет вступительной, для работающих сейчас — такой же, как у плотников и банщиков: одновременной для всех, данной после распоряжения (мастера Фуке и прево), объединяющей мастеров признанием одинаковых норм, но не вообще всех обычаев их профессий и профессиональных сообществ, а отдельных правил, которые были указаны им властями.

«Узкий» смысл этих клятв не отменяет обязанности выполнять все остальные правила, записанные в регламентах, хотя в этом не клянутся специально (но правильнее было бы сказать, что это не отмечено в регламентах), как и необходимости следовать обычаям. Всякое упоминание обычаев — это отсылки к незапамятному прошлому, и это прошлое бесконечно, у него нет начальной точки. Она не появляется и от того, что мастера двух ремесел (кузнецы и старьевщики) знали о прежней своей истории, о людях, хранивших нормы и обычаи их сообществ до создания свода парижских регламентов. Сведения «Книги ремесел» — более поздние, хронологически и этапно, и потому сомнения в полной текстовой и смысловой корреляции между самой первой и последующими клятвами неизбежны. Могу предположить, что «основатели»

⁶⁹ Что они будут хорошо и непредвзято проверять и испытывать новых хирургов (Ibid.).

⁷⁰ Ibid. P. 208. I ст.

⁷¹ В рукописи Сорбонны (fol. 249v) в 1301 г. были записаны имена цирюльников-хирургов, которым было запрещено лечить (Ibid. P. 209).

корпораций клялись соблюдать не только нормы и обычаи своих ремесел, но и ту самую договоренность, которая возникла между ними и породила корпорацию.

Получив уже существовавшие профессиональные сообщества в управление, прево и мастер Фуке одинаково решили стоявшую перед ними задачу: они стали «наводить порядок» и сами определили содержание клятв, которые все подконтрольные им мастера должны были принести одновременно. Верно ли будет понимать это как использование традиционного и легитимного (в глазах ремесленников и власти) механизма, наполненного новым (административным) содержанием? «Организованные» представителями власти клятвы подводили черту в истории профессиональных сообществ⁷² — с момента их коллективного принесения мастера признавали определенные властями правила и работали по этим правилам.

РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: КЛЯТВЫ, КОНСТИТУИРУЮЩИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (НА ПРИМЕРЕ РЕЙМСА)

Применительно к раннему Новому времени сложно было бы ожидать свидетельств о клятве, которая определяла бы начало существования профессионального сообщества, поскольку многие из них имели к этому времени уже долгую историю. Однако появлялись новые профессии — и новые корпорации, уставы которых содержат свидетельства о клятвах, конституирующих новое сообщество.

История ремесел Реймса дает ряд ярких примеров того, как в раннее Новое время «звучит» вступительная клятва нового мастера.

Определение профессиональных сообществ как *métiers jurés* — присяжные ремесла (корпорации), объединяющие принесших клятву мастеров, — было принятым и распространенным в раннее Новое время, хотя оно чаще употреблялось в документах, исходявших от центральной власти,

⁷² О клятве как «границе» сообщества (*universitas*) см: Русанов А.В. Корпорация Португальского университета в конце XIII — XV в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 20.

и выступало не в качестве самоназвания профессиональных сообществ, а как заявление о намерении организовать именно таким образом, как присяжное ремесло, т.е., иметь собственный, утвержденный властями регламент и принести клятву при вступлении в сообщество.

Необходимость в создании присяжной корпорации приобрела со временем значение самостоятельного и особого аргумента среди наиболее весомых обоснований необходимости регламента, выдвигавшихся при обращении к властям. Здесь надо разделить общую идею поддержания порядка и надлежащего управления, о которой говорили реймские мастера и купцы и в середине XV в. (мясники), и в середине XVI в. (аптекари, булочники), и позднее (веревочники в 1571 г., колпачники в 1581 г., каменщики в 1625 г., изготовители колбасных изделий в 1685 г., литейщики в 1741 г.), и идею о том, что ремесло должно быть урегулированным, присяжным ремеслом (*métier juré*)⁷³. Следует также различать общность мастеров, которая сама по себе никогда не выступала предметом переговоров, торго или прошений, — и присяжную корпорацию как особый тип организации, ценность которой стала особенно очевидна для властей и мастеров в XVII–XVIII вв., а ремесло, не имевшее такого статуса, стало определяться как «свободное»: в прошении бакалейщиков Реймса 1692 г. об утверждении их устава⁷⁴, у пуговичников в 1736 г.⁷⁵, у поваров в 1757 г.⁷⁶

Для издавна существовавших корпораций, когда у них возникала необходимость обновить прежние регламенты, на первое место в прошении стали помещать указание на то, что они с давних времен живут по установленным правилам и что они всегда были хорошо организованы и управляемы. Такие аргументы приводили стригальщики и аппретурщики

⁷³ Об актуальности проблемы свидетельствуют списки «урегулированных ремесел», ряд которых, XVII–XVIII вв., сохранились в архивах Реймса.

⁷⁴ Comme ledit commerce d'épicerie est demeuré libre jusqu'à présent en ladite ville de Reims (Archives législatives de la ville de Reims / Publ. par P. Varin. (Далее — AL.) Paris, 1847. Pt. 2. Vol. 2. P. 974. Not. 1).

⁷⁵ Ibid. Paris, 1852. Vol. 4. P. 306. Not. 1.

⁷⁶ Ibid. P. 497–498. Not.*

тканей в 1704 г.⁷⁷, слесари в 1708 г.⁷⁸, изготовители шерстяной кисеи в 1710 г.⁷⁹, портные и старьевщики в 1716 г.⁸⁰ Особым уважением пользовалась не древность сама по себе, а с давних времен установленный и до сего дня поддерживаемый правильный статус — статус присяжного ремесла.

Многие ремесленные корпорации Реймса появились или получили свои первые регламенты лишь в XVI–XVIII вв. Очевидно, что корпорации не появлялись из ниоткуда⁸¹, — к моменту записи и утверждения регламента в городе жили и работали мастера, которые могли быть к этому моменту объединены в сообщество, обладавшее некоторыми организационными формами (как, например, суконщики Реймса⁸²), и могли

⁷⁷ Ibid. P. 122. Not.

⁷⁸ Ibid. P. 590. Not.*

⁷⁹ Ibid. P. 226–227. Not. 1.

⁸⁰ Ibid. P. 514. Not.*

⁸¹ Источники дают основания предполагать, что на организационное оформление некоторых ремесленных сообществ в Реймсе мог повлиять такой фактор, как миграция, когда «внезапно» потребовалось соотнести местные нормы и обычаи с привнесенными, и интегрировать чужаков в городское ремесло. Массовое появление в городе ремесленников-чужаков, главным образом сукноделов, известно для конца XIII — начала XIV в. Речь идет о регламенте 1292 г. — соглашении между 18 мастерами-сукноделами и их подмастерьями, 31 ткачами сукна (*Desportes P. Reims et les rémois aux XIIIe et XIVe siècles. Thèse. Lille, 1977. Т. I. P. 532*), шестеро из которых (20%), как свидетельствуют их имена, происходили из Энэ и пограничных районов — из городов Мобеж, Валансьен, Ле-Кенуа, Берлемон. В немного более поздних уставах и ордонансах сукноделов 1340 г. также упоминаются чужаки — сказано о «совете и мнении», высказанном сукноделами «нашего города Реймса и сукноделами города Обентон, проживающими в настоящее время в нашем городе Реймсе» (*Archives administratives de la ville de Reims / Publ. par P. Varin. Paris, 1843. Т. 2. Pt. 2. P. 844*). Однако подобные примеры такого рода массовых миграций, которые приводили бы к опасности изменения городских профессиональных обычаев и потому нуждались бы в регулировании, являются редкостью. Примеры же появления новых корпораций, полностью состоявших только из чужаков, которые принесли бы в город новое ремесло, неизвестны. Книгопечатники не являются таким примером.

⁸² Например, суконщики Реймса регулярно (ежегодно) собирались в воскресенье перед праздником св. Марии Магдалины на общее со-

составить корпорацию именно для создания регламента и его регистрации (как, например, купцы-мерсье Реймса⁸³).

От уже работавших к моменту утверждения устава мастеров не требовали выполнения правил, установленных новым (или обновленным) регламентом для новичков. Таких мастеров либо сразу вносили в список «мастеров этого ремесла», либо (в XVIII в.) ждали от них соответствующего заявления и только после этого записывали как мастеров.

Свечные мастера (1733) должны были принести клятву, для чего им требовалось сделать заявление⁸⁴. Однако если заявивший о себе как о мастере ремесленник занимался изготовлением свечей менее двух лет, ему предписывали сделать шедевр⁸⁵ — и неясно, был ли шедевр введен в практику только в 1733 г., или правила его выполнения изменили в тот момент, при записи устава, или же у его составителей были причины для недоверия к своим недавно занимавшимся ремеслом товарищам.

Басонщики и пуговичники Реймса (1736) последовали примеру свечных мастеров, установив в качестве критерия

брание и вели книгу, в которой регистрировали выборы должностных лиц, управлявших их сообществом — «мастеров этого братства». Сохранился регистр за 1503–1627 гг.: Archives Municipales et Communautaires de Reims. Fonds ancien. C. 678. Liasse 7. Suppl. I. Устав этой корпорации был утвержден в 1569 г., и в его III статье было закреплено правило проводить общее собрание именно в тот же день: AL. Pt. 2. Vol. 2. P. 194–195. С. Симиз высказал предположение о появлении братства св. Магдалины у суконщиков Реймса, как и у ряда других богатых корпораций, в XIII — начале XIV в.: Simiz S. Confréries urbaines et dévotions en Champagne. 1450–1830. Villeneuve d'Ascq, 2002. P. 22.

⁸³ Для составления регламента и для организации его утверждения властями купцы специально созвали собрание, на котором вели протокол, сохранившийся в составе их устава (AL. Pt. 2. Vol. 2. P. 560–561). *Мерсье* (*marchands merciers*) — влиятельные негоцианты, занимавшиеся исключительно оптовой торговлей. Торговали разными видами тканей, предметами роскоши, изделиями из металла, книгами, бумагой и множеством других товаров. В Реймсе в эту корпорацию входили не только купцы, но и коробейники — мелкие торговцы галантерейным товаром.

⁸⁴ En prêtant le serment sur leurs simples requêtes (AL. Pt. 2. Vol. 4. P. 235. XIII ст.).

⁸⁵ Ibid. XIV ст. В течение этого срока мастер также не должен был заниматься неподобающими делами.

профессиональной пригодности еще более длительный срок работы в ремесле — три года⁸⁶. Обе корпорации ограничили срок подачи прошения одним месяцем.

Принадлежность уже работавших мастеров к конкретному профессиональному сообществу и к числу мастеров (а не подмастерьев, например) не нуждалась в иных доказательствах, кроме как их проживание в городе, то, что они занимались ремеслом в течение уже двух или трех лет и желали продолжать им заниматься. Но эти права следовало подтвердить публично и закрепить в будущем, что происходило, когда они приносили клятву, и посредством клятвы.

Подобная ситуация была известна также у каменщиков Реймса (1625), в регламенте которых разъяснялось, что многие занимались этим ремеслом с недавнего времени и оказались не слишком способны к строительству, поэтому тем, кто работал менее трех лет, чтобы быть включенным в список мастеров, следовало пройти «легкое испытание», назначенное присяжными⁸⁷. Это — новое испытание, представлявшее собой подобие шедевра и назначенное для всех мастеров, вероятно, однократно, в 1625 г. Срок три года можно трактовать как признание необходимости набраться опыта после завершения обучения (поработать подмастерьем) — такой нормы у каменщиков не было, и три года длилось именно обучение⁸⁸. Можно усматривать в нем и отражение конкретных обстоятельств 1625 г. Однако подчеркну, что от каменщиков не требовали ни заявления, ни клятвы.

Иной характер носит клятва книгопечатников, переплетчиков и книготорговцев Реймса, принадлежавших к корпорации университета Реймса⁸⁹. Все мастера, уже работающие как печат-

⁸⁶ Ibid. P. 299. XV и XVI ст.

⁸⁷ *Légère expérience* (Ibid. Vol. 2. P. 484–485. XXVII ст.).

⁸⁸ Ibid. P. 484. XXIII ст.

⁸⁹ Книгопечатники подчеркнули свою принадлежность к университету Реймса, а не к механическим искусствам, в первой статье устава 1623 г.: «*Les libraires, imprimeurs et relieurs sont tousjours censez et réputez du corps des supposts de l'Université de Reims, du tout distincts et séparez des arts mécaniques...*» (Ibid. P. 467–468. I ст.). Такую позицию разделяли и остальные печатники. Парижские мастера, например, решительно отреагировали на генеральный ординанс Генриха III 1581 г., действие которого распространялось на все

ники, переплетчики и книготорговцы, должны были принести клятву, что будут хорошо работать и соблюдать ордонансы и регламент 1623 г., как сказано в его последней статье⁹⁰. В данном случае очевидно, что ранее мастера подобной клятвы не приносили, иначе она была бы определена как «новая» или повторная, связанная с новым регламентом. Не менее очевидно, что создания и утверждения регламента было недостаточно для организации сообщества книгопечатников⁹¹.

Конституирующая роль клятвы зафиксирована для подмастерьев печатников Реймса, которым как раз запрещали использовать это ее свойство: чтобы они «не приносили никаких клятв друг другу и не собирали денег для создания общей кассы»⁹². В этом запрете прослеживается история компаньонажей⁹³ — первоначально тайных сообществ подмастерьев, ко-

ремесла, заявив, что со времени появления искусства книгопечатания печатники наследовали положению университетских писцов, и «никогда искусство книгопечатания не входило в число механических ремесел», но пользовалось такой честью и славой, что многие весьма достойные люди, имеющие обширные познания, сами желали получить статус печатников. Король согласился с тем, чтобы это искусство рассматривалось как «первое и самое выдающееся из всех прочих, от которого наши подданные получают огромную выгоду и пользу в образовании и учености», и подтвердил (1583) исключительное положение книгопечатников и словолитчиков, ограничив для них действие эдикта 1581 г. (*Recueil général des anciennes lois françaises*. Paris, 1829. T. XIV. P. 548–549).

⁹⁰ Prester le serment de bien et fidèlement se comporter et observer les arrestz, ordonnances et présent reiglement (AL. Pt. 2. Vol. 2. P. 478. XXXVI ст.).

⁹¹ Типографское дело — новая отрасль, однако в городах создание книг было традиционно связано с университетами. Книгопечатники справедливо указывали на давнюю традицию включать в университетскую корпорацию не только преподавателей и студентов, но также людей, обслуживавших учебный процесс, в том числе и создателей рукописных книг. Они пользовались соответствующими льготами, а университеты строго контролировали их работу.

⁹² Ne feront aucuns sermens entre eux, et n'exigeront argent pour faire bourse commune (AL. Pt. 2. Vol. 2. P. 477–478. XXXII ст.).

⁹³ Название «компаньонажи» относят к XIX в.; до того говорили об объединениях сотоварищей (*compagnons de devoir*). О компаньонажах см.: Adell-Gombert N. Des hommes de devoir: les compagnons du Tour de France, XVIIIe–XXe siècle. Paris, 2008; Icher F. Dictionnaire du compagnonnage. Le Mans, 1992.

торые появились как альтернатива объединениям мастеров (корпорациям) еще в XIV–XV вв. для взаимной защиты и взаимопомощи подмастерьев.

В первом уставе парижских книгопечатников (1539), который был нацелен на регулирование отношений с подмастерьями и учениками, как и в аналогичном уставе книгопечатников Лиона (1541), запрет взаимной клятвы подмастерьев стоит первым в длинном перечне запретов и ограничений для них — на монополию, выбор предводителя, на знамя или флаг, на собрания вне домов их мастеров или в другом месте более чем в пятером, на ношение оружия, организацию бунтов⁹⁴. Подмастерья не должны бить учеников, угрожать им, устраивать банкеты, создавать братства и организовывать мессы за общий счет учеников и подмастерьев, собирать общую кассу на какие бы то ни было цели⁹⁵.

Общая касса — необходимый источник средств для сообщества, и запрет требовать деньги для организации такой кассы установили для своих подмастерьев сукноделы и изготовители саржи Реймса (1664), подробно расписавшие в регламенте, какие действия могли объединить подмастерьев: общие или отдельные собрания (*de faire aucun assemblée soit general ou particulière*), создание лиги или монополии, ношение оружия поодиночке или компанией, организация беспорядков в тех мастерских, где они работали, и в других местах⁹⁶. Цирюльники и парикмахеры Реймса (1764) тоже запрещали своим подмастерьям собираться и носить оружие — их могли остановить на улицах или в других публичных местах и даже арестовать⁹⁷.

Подмастерьям и работникам у сапожников и починщиков обуви Реймса (1774) запрещали «объединяться

⁹⁴ Париж, 1539 г.: *Les métiers et corporations de la ville de Paris*. Т. III. Р. 707. 1–2 ст. (с подобных требований начинался и следующий парижский регламент 1571 г.: *Ibid.* Р. 710. 1–2 ст., в отличие от более поздних уставов — так, в регламенте 1618 г. запрету клятв подмастерьев посвящена 34 ст.: *Ibid.* Р. 713); Лион, 1541 г.: *Recueil général des anciennes lois françaises*. Paris, 1828. Т. XII. Р. 764. (1) ст.

⁹⁵ 1–5 статьи уставов 1539 и 1541 гг. Речь идет об угрозах в адрес учеников, не желавших поддерживать подмастерьев.

⁹⁶ *AL. Pt. 2. Vol. 2.* Р. 803. XL–XLI ст.

⁹⁷ *Ibid.* Vol. 4. Р. 196–197. VI ст.

в корпорацию под предлогом братства или другим образом»⁹⁸. Клятвы здесь не упоминаются, говорится об интригах (*de cabaler entre eux*) — когда подмастерья договариваются о том, что заменят друг друга у мастеров или оставляют их (сбегут?), или помешают мастерам выбирать себе работников — французов или иностранцев (*soit françois, soit étrangers*). Штраф за любое нарушение — 100 ливров. Запреты отчетливо свидетельствуют о широких связях подмастерьев, о компаньонажах, поддерживавших сотоварищей в их борьбе за лучшие условия работы⁹⁹.

Клятвы конституируют сообщество именно потому, что являются взаимопринесенными клятвами, как у подмастерьев печатников, которые приносили бы такую клятву друг другу — перед равными. В то время как мастера-печатники, свечные мастера и пуговичники обязаны были предстать перед представителями власти (бальи Вермандуа или его наместником), что изменяло направленность и смысл клятвы.

Если для указанных трех корпораций (свечные мастера, пуговичники и книгопечатники) речь шла об одновременной (по сути, фактически же мастера могли приходить к бальи в течение месяца) коллективной клятве, то в остальных случаях, когда в регламентах сказано о клятве мастера, имелась в виду индивидуальная клятва нового члена сообщества, которую он приносил при вступлении в корпорацию. И лишь средневековые уставы реймских сукноделов 1292¹⁰⁰ и 1340 гг.¹⁰¹ требовали, чтобы новый мастер приносил клятву перед мастерами ремесла. Частично эту традицию сохранили изготовители седел (1592): новый мастер приносил

⁹⁸ Faisons pareillement défenses à tous compaignon et ouvriers de s'assembler en corps sous prétexte de confrairie ou autrement (Ibid. Vol. 2. P. 248. XV ст.).

⁹⁹ В соответствии с регламентом, когда подмастерьям не платят за работу или оставляют без работы, когда с ними плохо обращаются, они должны обратиться к городскому судье и получить у него разрешение уйти от мастера, однако при любых обстоятельствах они должны сначала завершить начатую ими работу (Ibid. XIV ст.).

¹⁰⁰ Archives administratives de la ville de Reims. T. 1. Pt. 2. P. 1074.

¹⁰¹ Ibid. T. 2. Pt. 2. P. 846.

клятву перед видамом¹⁰² или балы видама и перед мастерами ремесла¹⁰³ — хотя в предшествовавшем ему уставе «семи ремесел» видама (ок. 1400 г.), к числу которых относились седельщики, подобного правила не было. Во всех остальных случаях новый мастер и новый член сообщества приносил клятву не перед мастерами ремесла, а должностным лицам — балы архиепископа, балы Вермандуа или его наместнику¹⁰⁴.

Изменения, происходившие в Реймсе, в целом соответствовали положениям генеральных ординансов Генриха III и Генриха IV. Генеральный ординанс 1581 г.¹⁰⁵ указывал, что для подтверждения или получения звания мастера следовало в течение недели после предписания принести клятву перед ординарным судьей данного места либо перед комиссарами, которые будут для этого назначены (1, 3, 4, 5 ст.)¹⁰⁶, а мастера получали акт, подтверждавший их клятву (2 ст.). В соответствии с эдиктом 1597 г.¹⁰⁷, купцы должны были в течение недели после обнародования эдикта принести клятву ординарному судье, о чем также составлялся акт (3 ст.).

¹⁰² *Видам* — сеньор, державший земли от епископства или аббатства при условии представлять и защищать своего сеньора в его мирских делах. В 1699 г. юрисдикция видама была упразднена, а ремесла перешли в ведение балы архиепископа Реймса, генерального наместника полиции.

¹⁰³ «...Et doit ledit compagnon preter serment pardevant mondit sieur le vidame ou son bally ensemble les maîtres dudit metier» — «...и должен указанный подмастерье принести клятву перед вышеназванным господином видамом или его балы вместе с мастерами указанного ремесла» (Archives Municipales et Communautaires de Reims. Fonds ancien. C. 804. Liasse 184. III ст.).

¹⁰⁴ Подробнее об изменении клятв см.: Кириллова Е.Н. Клятва нового мастера: реймские традиции XIV–XVIII вв. // *Право в средневековом мире*. 2009. С. 81–101.

¹⁰⁵ *Recueil général des anciennes lois françaises*. Т. XIV. Р. 509; *Les métiers et corporations de la ville de Paris*. Т. I: *Ordonnances générales. Métiers de l'alimentation*. Р. 84–86.

¹⁰⁶ Должностные лица определялись как те, кто обычно принимал в мастера — «qui ont accoustumé et aux quelz appartient de recevoir les maistres» (Ibid. Р. 85. 3 ст.).

¹⁰⁷ *Recueil général des anciennes lois françaises*. Paris, 1829. Т. XV. Р. 135–141; *Les métiers et corporations de la ville de Paris*. Т. I. Р. 96–101.

ПРОЦЕДУРЫ ПРИЕМА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО:
ОБЩАЯ ТРАПЕЗА

В «Книге ремесел» Парижа описание приема нового мастера в профессиональное сообщество содержится лишь в одном уставе — у булочников (I), хотя невозможно представить, чтобы в XIII в. они были единственными, у кого были выработаны такие традиции.

Итак, по прошествии четырех лет испытательного срока новичок (*li noviax Talemlier*) вместе с другими булочниками, мастерами и подмастерьями, должен был прийти к дому мастера управляющего, представителя главного хлебодара¹⁰⁸, и принести ему горшок с орехами и пирожками (*le pot pois et nieules*). Сделав заявление, что «его четыре года» завершены¹⁰⁹, новичок с разрешения мастера управляющего разбивал принесенный горшок о стену его дома. Сотоварищи получали у мастера «огонь и вино» (*feu et vin*), причем каждый из них платил мастеру 1 денье, тот же, кто не приходил, не платил сам или не присылал свое денье мастеру, лишался права работать до тех пор, пока не уплачивал эту сумму¹¹⁰.

Более никакой устав «Книги ремесел» не раскрывал процедуру вступления нового мастера в профессиональное сообщество, выделяя из нее лишь один, самый главный этап — вступительную клятву.

В Париже существовал и хорошо известный для средневековых корпораций — и в том числе для средневековых ремесел — обычай дружеской пирушки, когда новый член сообщества выставлял выпивку своим коллегам.

Если у нового мельника Большого моста (II) не было своей мельницы, прежде чем взять ее в аренду, он должен был заплатить сотоварищам «на выпивку» 5 су¹¹¹. Это до-

¹⁰⁸ Здесь его называют «мастер» — «*mestre*» (LM. P. 5. XIII ст.). Главный хлебодар назначал его из числа булочников и поручал ему управление ремеслом (Ibid. P. 7. XXI ст.).

¹⁰⁹ *Mestre, je ai fait et accompli mes quatre années* (Ibid. P. 5. XIII ст.).

¹¹⁰ Ibid. P. 5–6. XIII–XV ст.

¹¹¹ VII. *Nus ne puet prendre molin a ferme a Grant pont, qu'il ne pait v s. aus compaignons pour boivre* (Ibid. P. 17).

вольно крупная сумма, которая соответствовали традиционному для «Книги ремесел» штрафу в пользу короля. Старьевщики (LXXVI)¹¹² и перчаточники (LXXXVIII)¹¹³ запрашивали с новичка в 5 раз меньше: при покупке права заниматься ремеслом тот должен был заплатить «на выпивку» 12 денье (1 су).

Починщик обуви (LXXXVI) при покупке ремесла должен был 2 денье на вино тем, кто свидетельствовал покупку¹¹⁴, однако эти люди не были названы сотоварищами, как в других случаях. Наиболее вероятно, что приглашения всех членов корпорации не предполагалось, необходимо было лишь участие нескольких свидетелей, поэтому и сумма оказалась в 30 раз меньше, чем у мельников, и в 6 раз меньше по сравнению со старьевщиками и перчаточниками.

Из уставов сапожников и перчаточников очевидно, что пили вино (*vin*), но была ли выпивка как-то организована, регламенты не разъясняли. О ее коллективном характере говорит лишь множественное число сотоварищей. Пирожки и орехи у булочников не были продуктами для общей трапезы, сотоварищам предназначалось вино, полученное ими от управляющего¹¹⁵, которое, как указывал Р. Леспинасс, они все вместе выпивали за процветание нового собрата¹¹⁶. В парижских уставах нет регламентации банкетов и пиршеств, продуктов, блюд и напитков, правил присутствия

¹¹² XXVI. Li Frepier achate le mestier en la maniere desus devisée: c'est a savoir que... il doint au Roy pour le mestier devant dit xxv deniers de la haubanerie, et au mestre qui garde le mestier xiiii deniers, et xii deniers a boivre aus conpaingnons (Ibid. P. 164).

¹¹³ II. Quant li Gantier a ainsinc le mestier achaté, il convient que il poit xii d. au vin aus conpaingnons qui ont esté au marchié (Ibid. P. 194).

¹¹⁴ II. Li esquier lou Roy ou cil qui de par aus y est establiz ne puet vendre le mestier de çavaterie a nul home plus que xii d., et ii d. au vin que cil boivent qui sont au vendre et a l'achater por tesmoingnier que cil ait le mestier achaté (Ibid. P. 187–188).

¹¹⁵ Ibid. P. 5–6. XIII–XIV ст.

¹¹⁶ Ibid. P. 5–6. Not. (2). Со ссылкой на «Трактат» Н. де Ламара Р. Леспинасс говорил об этой церемонии вступления в корпорацию как отголоске оммажа, который булочники приносили главному хлебодару, являясь его вассалами.

и проведения пира — ни кратких упоминаний, ни тем более подробных описаний, как в шведских средневековых регламентах¹¹⁷ или в датских ремесленных уставах XV–XVI вв.¹¹⁸

Итак, среди парижских регламентов XIII в. пять случаев не просто одобрения выпивки, но требования о ее обязательности. Они не исчерпывали правила специальной выплаты новичка в пользу корпорации, иногда — братства. Братству (*a la confrairie du mestier*) должны были заплатить при вступлении также парижские ременщики (LXXXVII) — 3 су¹¹⁹, изготовители гамаш (LV)¹²⁰ и горшечники (LXXIV)¹²¹ — по 5 су. На общую пользу всего ремесла вносили 20 су рыбаки пресных вод (C)¹²². Неизвестно, могла ли часть этих средств быть израсходована на общую трапезу или выпивку; при отсутствии специальных разъяснений в этом можно усомниться.

Не исчерпывается тремя случаями и правило покупки ремесла; их в «Книге ремесел» более двадцати: это булочники, кузнецы, замочники и ножовщики, каменщики, каменотесы, штукатуры и цементщики, рыбаки, а также все кожевники и мастера, работавшие с кожей, о которых было сказано выше. Однако в остальных уставах ничего не сказано о выпивке для всей корпорации или для отдельных ее представителей при покупке ремесла.

Мне представляются важными не столько умолчания, сколько отсутствие запретов на совместную выпивку как действие нужное и полезное, что было понятно и ремесленникам, и городским властям, как свидетельство совершения определенных действий (покупка ремесла, аренда мельницы) и для подтверждения их легитимности.

¹¹⁷ Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок в Швеции. XIII–XV вв. М., 1980. С. 184–185.

¹¹⁸ Йордан Б. «Когда братья пьют вместе...» Положения о цеховых праздниках в средневековых уставах датских ремесленников // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. С. 177–196.

¹¹⁹ iii s. d'entrée (LM. P. 188. I ст.). Впоследствии (неизвестно, когда именно) эта часть статьи была вычеркнута: Ibid. Not. (a).

¹²⁰ Еще 15 су королю, а всего вступительный взнос составлял 20 су — xx soz d'entrée (Ibid. P. 114. VI ст.).

¹²¹ И 5 су королю (Ibid. P. 157. XIV ст.).

¹²² ...Li queuez xx s. sont converti ou comun profist de tout le mestier devant dit (Ibid. P. 215. II ст.; также III и IV ст. этого устава).

Трапеза (пир, выпивка) — хорошо известный историкам и этнографам способ обозначения переходных состояний. Она сопровождает рождение, смерть, брак, победу (в битве и на выборах) — всякое грандиозное событие в жизни человека, всякую смену статуса человека и группы¹²³. Здесь дружеская пирушка обозначала изменение статуса ее организатора — он становился членом профессионального сообщества.

Получение звания мастера и вступление в профессиональное сообщество было знаковым событием и важнейшим переходом в качественно новое состояние для ремесленников и торговцев в Средние века и раннее Новое время. Это ключевой момент и одно из самых значительных событий в жизни каждого нового ремесленника или купца.

При получении звания мастера происходило радикальное изменение человека — его «второе рождение»¹²⁴: жизнь начинала отсчитываться заново, все, что было до этого момента, профессиональным сообществом во внимание более не принималось. Когда уставы упоминают об учениках или о подмастерах, за ними тянется шлейф их славы — доброй или худой. Их репутация, мнение их учителей или прежних хозяев — это их капитал, обладая которым они могли рассчитывать на большее, а не обладая этим «капиталом», могли не получить ни работы по специальности, ни доступа к более высокому статусу в профессии. О том же, каким человеком был тот, кто уже стал мастером, не интересуется никто и никогда: не был ли он рожден вне брака, был ли послушен своим родителям или своему учителю и хозяевам и т.д. Вся эта информация от него официально (т.е. на уровне писанных корпоративных правил) отсечена — хотя, разумеется, его окружению это хорошо известно, и при необходимости соседи и сотоварищи напомним. Но официально подобное

¹²³ Общая трапеза как «древнейший ритуал совместного преломления хлеба — общепринятый знак и средство дружбы, единства, сближения» (Сванидзе А.А. Средневековый коммунизм как общественный феномен и историческая проблема // Средние века. М., 1993. Вып. 56. С. 26). О важности совместной трапезы для возникновения качественно нового сообщества см. также: Вебер М. Город... С. 58–59.

¹²⁴ И порой даже смена имени. См. об этом применительно к подмастерьям-книгопечатникам XVIII в. и со ссылками на этнографов: Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / Пер. с англ. Т. Доброничкой, С. Куллавыды. М., 2002. С. 107, 318–319.

отношение становится невозможным: при его нынешнем статусе с него спросят только то, какой он мастер, — есть ли у него мастерская, достаточно ли у него средств на ее содержание, справедливо ли он относится к ученикам, честно ли торгует, не переходит ли дорогу соседям¹²⁵.

Получение звания мастера являлось ключевым моментом, четко и однозначно определявшим границу между «своими» и «чужими», между теми, кого мастера или купцы были готовы допустить в свою среду, с кем соглашались делить привилегии, рынок и клиентуру, и теми, кого достойным не считали. Вступление в профессиональное сообщество было одним из самых значительных событий в жизни каждого нового ремесленника или купца.

Для корпорации прием новичка также был важным, знаковым и ритуальным действием, но одновременно и в целом — действием регулярным и повторяющимся.

Переход из одного состояния в другое, изменение социального статуса традиционно обозначаются таким ритуальным действием, как совместная трапеза, что закрепляет радикальное изменение самого человека и его соучастие отныне в общих делах корпорации. Для сообщества это ритуальное действие необходимо в качестве подтверждения, поддержания и укрепления его единства.

Особая роль общей трапезы в истории средневековых корпораций подтверждается тем, что ведущие обозначения средневековых профессиональных сообществ — «гильдия», «цех» («корпорация» — это новый термин, в средневековых текстах не встречавшийся) — имеют в своей основе указание на общую трапезу: пир, пирушку, банкет, выпивку.

Термины *gildi*, *gille* означали «пир», «празднество», «совместную (праздничную) трапезу», как и термин *Zeche*; первоначально все они обозначали языческие культовые собрания¹²⁶.

¹²⁵ Не только вступление в профессиональное сообщество обладает свойством давать человеку другую жизнь, но и все прочие корпорации: города, монастыри, университеты и др.

¹²⁶ Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции. С. 175. Автор приводит отрывок из сочинения Георгия Агриколы середины XVI в.: «Так как наши горняки зовут горное предприятие "попойкой", мы привыкли называть добавочные взносы пайщиков горного товарищества складчиной"... ("Zeche" — рудник и пирушка. Ср.: *gille*

Впоследствии эти названия были перенесены на объединения ремесленников и купцов, общение членов которых «обязательно включало в себя и участие в пирах»¹²⁷. А.А. Сванидзе подчеркивает родство таких объединений с «братчиной», «общиной» — ранними корпорациями ремесленников и купцов в городах и торгово-промысловых селах Древней Руси, история создания которых связана с приходами и с пиром — совместной трапезой в праздничные дни, по случаю поминок, — и приводит такое название гильдии, как *convivium*, т.е. «пир»¹²⁸.

«Книга ремесел» говорит о питании учеников и подмастерьев (уставы ювелиров (XI), сукноделов (L), сукновалов (LIII), седельных плотников (LXXIX), кожевников (LXXXIII)), имея в виду обычную еду, которую мастера обязаны были обеспечить своим подопечным. Нередко упоминаются продукты, которые отдаются нищим или узникам: у булочников (I), продавцов птицы (LXX), рыбаков (C).

— «гильдия» и «пирушка»)» (Там же. С. 180. Прим. 35). См. об этом же в более поздней работе А.Я. Гуревича: «Показательно, что термины др.-исл. *gildi* и нем. *Zeche*, обозначающие «п[ир]», «попойка» и прилагавшиеся в раннее средневековье к ритуальным сборищам, затем сделались обозначениями ремесленных и купеческих объединений; общение членов этих объединений обязательно включало в себя и участие в п[ир]ах» (Гуревич А.Я. Пир // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 359). А.А. Сванидзе указывает, что в Скандинавию термин «гильдия» в значении «братство» мог прийти из Англии, поскольку «скандинавская *gildi* обнаруживает непосредственную связь с древнеанглийской *gilda*, от англосакс. *gield=vield* и древнесакс. *gild* (ср. древнеисл. *giald* — «плата», «выкуп», «деньги», а также «братство», сообщество лиц, связанных обязательством платить виру либо взнос в казну объединения)» (Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции. С. 175–176). И далее: «Перевод древнесакс. *Gild* как *solutio, praestitio*, т.е. «плата-приношение», см.: *Du Cange. Glossarium*, t. 4. *Gildum*)» (Там же. С. 176. Прим. 17).

¹²⁷ Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 359.

¹²⁸ Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции. С. 175, 185. В другой работе Сванидзе обращается к объединениям, возникающим в кабачке, на праздничной или торговой площади, и отмечает их ситуативность и недолговечность, определяя их как «фантомные» или, со ссылкой на А.П. Каждана, «эфемерные». (Сванидзе А.А. Средневековый коммунизм как общественный феномен и историческая проблема. С. 10).

Лишь одно из этих упоминаний относится к совместной трапезе — это требование устава сукновалов (LIII), чтобы подмастерья вовремя возвращались к работе у нанявшего их мастера, не задерживались, не ожидали друг друга «чрезмерно»¹²⁹.

Здесь трапеза подмастерьев — их обычный дневной прием пищи, после которого работа продолжалась, — выступает в качестве объединяющего их начала, потенциально опасного для мастеров возможностью сговора между подмастерьями. Эта возможность создавалась тем, что трапеза происходила вне дома нанявшего их мастера, за пределами его контроля, в отличие от завтрака, который проходил в доме мастера. И участвовать в ней могли не только работники одного хозяина, но и те, что были наняты разными мастерами, — а значит, они могли обмениваться информацией (об условиях работы, о плате, о характере своих хозяев).

Несмотря на такие опасения, ни корпорация, ни городские власти не вводили и не считали нужным вводить запрет на обед вне дома мастера — он допускался, как и в других случаях и других ремеслах. Например, женатый ученик кожевника мог отказаться от питания в доме своего хозяина, что допускалось, хотя и было специально зафиксировано в уставе (LXXXIII)¹³⁰, оказавшись уникальным для «Книги ремесел» правилом. Настаивая на соблюдении удобных для себя правил, мастера-сукновалы в XIII в. не сочли возможным лишать своих подмастерьев общей трапезы, что говорит о ценности этого действия, несмотря на его потенциальную способность конституировать новое сообщество — корпорацию подмастерьев в противовес корпорации мастеров, что случится в истории ремесла немного позднее.

Сообщество не создается одной только общей трапезой. Она служит платформой, которая помогает людям с общими интересами договориться об общих действиях. Когда корпорация уже существует, совместная трапеза выступает

¹²⁹ XIX. Li vallet Foulon se doivent desjeuner en charnage ciez leur mestres a l'aure de prime, s'il desjeuner se voelent; et il pueent aler disner hors de l'ostel a leur mestres, ou il leur plaist, dedenz la vile de Paris; et doivent venir après disner a l'oeuvre au plus tost que il porront par reson, sanz banie et sans attendre li uns l'autre a desmesure (LM. P. 110).

¹³⁰ Тогда хозяин должен был выделять ему по 4 денье каждый рабочий день (Ibid. P. 181. VII ст.).

как один из способов поддерживать совместность и общность. Совместные церковные службы (мессы, заупокойные службы), совместные празднества (свадьбы) и прием новичков, похороны членов корпорации и их супругов, собрания для решения текущих дел, совместные закупки необходимых для каждого в его профессиональной деятельности товаров — другие торжественные и повседневные действия, скреплявшие отношения между членами профессионального сообщества и создававшие их общность. И совместные трапезы, несмотря на немногочисленность свидетельств о них, занимали в этом ряду не последнее место.

Упоминание банкетов и пирушек в средневековых регламентах и в регламентах ремесленных и торговых корпораций раннего Нового времени служит указанием на то, что традиция совместных трапез оказалась принципиальной для профессиональных сообществ¹³¹ и закрепилась в качестве одного из обычаев и даже одной из обязанностей членов корпорации.

В раннее Новое время пиры, пирушки и банкеты профессиональных сообществ во Франции весьма категорично запрещали, что отражают как регламенты отдельных корпораций, так и королевские ордонансы¹³². Банкет после выполнения шедевра представлялся одним из самых нежелательных и даже противозаконных действий, которое влекло за собой не только назначение штрафа, но и самое суровое для ремесленника или торговца наказание — запрет на профессию¹³³. С другой

¹³¹ О совместных трапезах братств в Шампани см.: *Simiz S. Confréries urbaines et dévotions en Champagne*. P. 77–82.

¹³² Ордонанс Виллер-Коттре 1539 г. трижды повторил запрет на банкет по поводу приема нового мастера (ст. 188, 189, 190). Категорические запреты содержатся также в эдикте 1577 г. (раздел XVI) и генеральном ордонансе 1581 г. (ст. 17).

¹³³ Запретом на профессию наказывали подмастерьев, которые решались устроить банкет после выполнения шедевра, а присяжные и мастера, присутствовавшие на обедах и банкетах (а также получавшие за оценку шедевра деньги, если это не допускалось регламентом), наказывались штрафами. В Реймсе такие правила были записаны в уставе шляпников (1570), веревочников (1571), пряничников (1571 и 1708), изготовителей шерстяной кисеи (1572) ткачей полотна (1581), книгопечатников (1623) и др. Категоричность запрета и суровость наказания были связаны не с тем, чтобы уменьшить излишние и тяжелые траты новых мастеров, а с видевшимися

стороны, можно отметить постоянство упоминаний о банкетах, связанных с приемом шедевра, о совместных выпивках присяжных¹³⁴. Регулярность подобных упоминаний является бесспорным доказательством того, что подобные действия совершались, что у них были причины и основания, а у нарушителей был свой интерес к недозволенному законом. Повторные и многократные запреты свидетельствуют об укоренившейся традиции — о принятом и распространенном, хотя и не одобряемом властями образе действия.

Поиск вариантов — и действий, и их обоснований перед властями, когда возникала такая необходимость, — отражает реймский устав ткачей полотна (1581). В нем банкеты после выполнения шедевра были категорически запрещены и наказывались. Регламент не допускал «обеда, банкеты, приглашения», которые устраивались добровольно, по собственному желанию (или представлялись такими), а также их замену деньгами или чем-то равноценным¹³⁵.

Книгопечатники Парижа (1539) и Лиона (1541) категорически запретили своим подмастерьям и ученикам устраивать банкеты по поводу вступления или завершения обучения и другим образом «по причине указанного ремесла»¹³⁶. Указание на повод

крайне опасными коллективными действиями — и общая трапеза занимала верхнюю строчку в перечне этих опасностей. Хотя не все корпорации были склонны к подобной ультимативности. У ткачей полотна (1581) не было запрета на ремесло, но каждый нарушивший запрет на организацию банкета платил штраф в 2 эку (AL. Pt. 2. Vol. 2. P. 299. XIII ст.). Столяры (1592) и слесари (1646) Реймса запрещали организацию банкетов и выпивки, но не устанавливали за это никакого наказания. В более позднем уставе столяров (1684) банкет после выполнения шедевра наказывался штрафом, размер которого определял суд (Ibid. P. 343. I ст.),

¹³⁴ Негативно воспринимавшихся корпорациями как «растраты» присяжных в пивных. Например у изготовителей шерстяной кисеи Реймса, 1572 г. (Ibid. P. 236–237. XVIII ст.), у кожевников, 1574 г. (Ibid. P. 268. XIV ст.).

¹³⁵ Ibid. P. 299. XIII ст.

¹³⁶ Париж, 1539 г.: *Les métiers et corporations de la ville de Paris, XIVe–XVIIIe siècles*. Paris, 1897. Т. III: *Tissus, étoffes, vêtement, cuirs et peaux, métiers divers*. P. 708. 4 ст. Лион, 1541 г.: *Recueil général des anciennes lois françaises*. Т. XII. P. 765. (4) ст. Также подмастерьям запрещали собираться, объединяться, приносить клятвы.

имеет здесь принципиальное значение — подмастерьям и ученикам не запрещали устраивать общий пир, если он не был связан с их профессиональной деятельностью. Хотя в то же время подмастерьев ограничивали в организации празднований (*festes*), не предписанных церковью¹³⁷, что, впрочем, не отравило их от традиции совместных выпивок¹³⁸.

На фоне множества запретов уникальным для раннего Нового времени примером выглядит регламент булочников и кондитеров Реймса (1561), который дает возможность узнать, как подготавливалась общая трапеза мастеров. Присяжные были «обязаны звать или велеть звать мастеров, переставших заниматься ремеслом, на банкеты по поводу шедевра или свадьбы, когда они происходят». За это бывшие мастера должны были платить некоторую сумму присяжным; тех же, кто не желал платить, не приглашали. Было положено звать на общую трапезу и мастера, прежде выполнявшего обязанности помощника присяжных — прежнего клерка¹³⁹. Распоряжение было записано в уставе, вероятно, потому, что касалось людей, в отношении которых возникали сомнения — следует ли звать их на общий для булочников пир. Очевидно, что нынешних мастеров, присяжных и их помощника клерка звали безусловно. Однако, если бы не эти сомнения, о регулярных банкетах у булочников было бы неизвестно.

* * *

Перечень запретов, адресованных подмастерьям — не индивидуально каждому, а группе людей, имевших общие интересы и способных к согласованным и потому опасным для их хозяев действиям, — отражает тот спектр действий (собрания, клятвы, выборы) и признаков этих действий (каса, оружие, знамя), которые объединяли отдельных и разрозненных индивидов в коллектив.

Стандартные запреты организовывать пирушки и участвовать в них «прерываются» время от времени проговорками о том,

¹³⁷ 9 ст. уставов 1539 и 1541 гг.

¹³⁸ О пиршествах и выпивках французских печатников XVIII в. по поводу вступления в корпорацию, свадьбы и другим поводам см.: Дарнтон Р. Великое кошачье побоище... С. 104–108.

¹³⁹ AL. Pt. 2. Vol. 2. P. 149. [XV] ст.

что именно не следует устраивать (обеда, банкеты, приглашения, празднования) и как именно это не следует делать (добровольно, заменяя деньгами или подарками). Или — как можно пировать, но не в связи с успешным выполнением шедевра и вступлением в корпорацию, а в других случаях (как у булочников Реймса, подмастерьев-книгопечатников Парижа и Лиона).

Только в одном уставе (ткачей полотна) отразился поиск решения, которое стало бы достойным выходом для нового мастера и для корпорации и могло бы выглядеть приемлемым для властей, пожелай они посмотреть на это сквозь пальцы, хотя вряд ли этот пример можно рассматривать как единичный случай. Отсутствие наказаний за банкет (как в уставах столяров (конец XVI в.) и слесарей Реймса) или замена запрета на ремесло штрафом (как у столяров (конец XVII в.) и ткачей полотна) подтверждают устойчивость традиции общих трапез и их необходимость для профессионального сообщества, а запреты общих трапез для подмастерьев — отчетливое понимание того, что совместный прием пищи объединяет людей не на это весьма короткое время, а иным образом и надолго.

Договор, «созданный» за общим столом, не записывался, как и клятва, скреплявшая эту договоренность. В письменных источниках наличествуют запреты и наказания, которые тем не менее можно «развернуть» в обратную сторону, чтобы увидеть за ними нормальное, приемлемое и повседневное.

И кроме того, повторяющееся в силу своей функциональности. Иначе говоря, стоит ли искать «первую договоренность», чтобы утверждать, что в природе корпораций заложена самоорганизация? Или повторяемость является самым верным свидетельством того, что самоорганизация составляет сущность данного института, обеспечивая долговременный, устойчивый результат, в отличие, например, от подражавших ремесленным корпорациям и созданных (в большинстве своем) распоряжением властей мануфактур XVII в., многие из которых оказались весьма недолговечными.

КОНТРАДА КАК САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ СТРУКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ИТАЛЬЯНСКОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ВЕНЕЦИИ, ФЕРРАРЫ И СИЕНЫ)

Изучение средневекового западноевропейского города как самоорганизующейся системы предусматривает исследование появляющихся в его составе меньших самоорганизующихся структур¹. В этом ряду представляется продуктивным изучение городской контрады, появляющейся практически одновременно с городом и город этот составляющей. Это тем более актуально, что источники фиксируют уже существующий феномен городского сообщества; самоорганизующиеся городские структуры возникают в поле зрения историков и на страницах источников лишь на определенном этапе жизни средневекового социума. Контрада же позволяет ближе подойти к моменту спонтанного возникновения подобных сообществ.

Здесь предполагается рассмотрение роли контрады как городского сообщества, как структуры средневекового итальянского города, которая сопровождает его развитие и сохраняется в определенном плане в его жизни до наших дней. Исследование роли контрады представляет интерес для изучения типологии городских сообществ, и поэтому целесообразно исследование контрады как самоорганизующейся городской структуры.

Контрада (контрата; лат. *contrata*, *contrada*; ит. *contrada*) занимала значительное и до сих пор недостаточно оцененное место в жизни итальянских средневековых городов. Термин *contrata* или *contrada* в словарях классической латыни отсутствует, хотя это итальянское слово несомненно имеет латинские корни, происходя, с наибольшей вероятностью, от глагола

¹ Туркина В.Г. Город как самоорганизующаяся нелинейная структура // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 2. С. 63–66.

contraho — «соединять», «сближать», «ограничивать»; оно появляется в средневековых источниках на латинском и затем на итальянском языках. Несмотря на расхождения относительно происхождения этого слова (менее вероятным представляется указанное в этимологическом словаре итальянского языка Отторино Пьяниджани происхождение от *constrata*, производного от *consterno* — «устилать», «покрывать», «мостить»²), и старинные, и современные словари средневековой латыни или итальянского языка так или иначе сходятся в определении его значения: часть города, отделенная, отграниченная, обособленная от остальных его частей³. Тем не менее при встрече с этим термином могут возникнуть разные представления о его значении. В современных справочниках, в путеводителях по городам Северной и Средней Италии контрада определяется как округ или район итальянского города, т.е. как административно-территориальная единица. Но когда этим термином оперирует историк-медиевист, для него прежде всего выделяется такое значение этого термина, как «церковный приход». Специалисты, обращающиеся к истории средневекового города, при этом подчеркивают, что роль контрады выходила далеко за рамки церковного прихода⁴, и что контрада имела также и социальное, и политическое значение⁵.

² Ottorino Pianigiani. Vocabolario etimologico della lingua italiana. Edizioni Polaris, 1993. P. 338–339. В этом словаре указано также, что немецкие авторы ведут происхождение этого слова от латинского *contra* — «против», «напротив», — что также представляется малоубедительным.

³ *Ducange C.* Glossarium mediae et infimae latinitatis. Niort, 1884. T. 3. P. 541; *Sella P.* Glossario latino-emiliano a cura di Pietro Sella. Roma, 1937. P. 105; *Niermeyer J.F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden; Brill, 1976. P. 267; *Zingarelli N.* Il Nuovo Zingarelli Vocabolario della lingua italiana di Nicola Zingarelli. Undicesima edizione. Bologna, 1983. P. 445.

⁴ *Сванидзе А.А.* Анисимова А.А. Город в Средние века // Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. С. 63.

⁵ *Климанов Л.Г.* Венеция: социально-пространственная структура островного города и его опорные (базовые) магистратуры // Античная древность и Средние века. Екатеринбург, 2008. Вып. 38. С. 196–217. О значении контрады для Испании см.: *Попова Г.А.* История «Фуэро Мадрида 1202 г.» // «Ради блага города»: городские правовые сборники / Сост. А.А. Анисимова, Г.А. Попова. Приложение к журналу «Средние века». М., 2014. Вып. 8. С. 21–29.

Исследование средневекового западноевропейского города — одна из центральных тем в мировой исторической науке; в последнее время она привлекает к себе представителей различных научных дисциплин. С точки зрения методологии представляется продуктивным описание процессов возникновения и развития города с помощью синергетического подхода, признающего существование единых механизмов возникновения, развития и функционирования города как целого, когда сам город рассматривается как нелинейная синергетическая самоорганизующаяся структура⁶. Как было указано выше, такой подход предусматривает появление в составе города как самоорганизующейся системы меньших самоорганизующихся структур. Это органы самоуправления, городской рынок, ремесленные корпорации, купеческие гильдии, городские общины⁷. Изучение контрады в этом ряду представляется тем более актуальным, что это позволяет ближе подойти к моменту спонтанного возникновения подобных сообществ и проследить их развитие вплоть до наших дней.

ВЕНЕЦИАНСКАЯ КОНТРАДА

Наиболее отчетливо, благодаря сохранившимся источникам и обширному числу исследований, роль контрады прослеживается для средневековой Венеции. На основе анализа социально-пространственной структуры Венеции, венецианской модели социального взаимодействия Л.Г. Климанов определил контраду как основу ее длительного устойчивого существования. По мнению автора, это достигалось на основе формирования, во-первых, триединой венецианской урбанистической общности — был создан «устойчивый к энтропийным процессам сплав соседской общины, прихода и контрады»; во-вторых, действенного способа рационального управления этой общностью⁸. Именно контраду автор

⁶ Туркина В.Г. Город как самоорганизующаяся нелинейная структура... С. 63–66.

⁷ Там же. С. 65.

⁸ Климанов Л.Г. Венеция: социально-пространственная структура... С. 197.

считает основой социально-пространственной структуры города, его «опорной (базовой) ячейкой»⁹.

Естественным было бы предположить, что первичным звеном в этой триаде была соседская община, спонтанно возникающая, самоорганизующаяся при рождении и расширении города за счет притока нового населения. Термин «община», которым Л.Г. Климанов оперирует в своей статье, опирается на определение, данное в работе А. Хаверкампа, посвященной изучению общины и городского пространства в заальпийских землях: «объединение нескольких лиц, форма социального действия, совсем не обязательно образованное на уравнительно-горизонтальной основе»¹⁰. Это соотносится с представлением составителя известного словаря лексики области Венето Ф. Мутинелли о происхождении венецианской контрады как таковой. Он считал, что контрадой в Венеции была названа «некая совокупность жилищ, когда, в силу роста населения, при этих жилищах стали возводить свою церковь. Контрады в большем или меньшем числе входили в состав одного из шести округов-сестьер, на которые был разделен город в девятом веке или, как считают некоторые, во второй половине двенадцатого века»¹¹. Именно такой порядок обретения контрадой ее триединых функций — от соседской общины к церковному приходу — и представляется логичным и правомерным. Напротив, вызывает сомнения (во всяком случае, в том, что было изначально — церковь, приход или все же община) подход П. Мальменти, считавшего, что соседские общности и контрады Венеции, которые становились приходами, складывались вокруг церквей¹².

⁹ Там же. С. 204.

¹⁰ Там же. С. 197; *Haverkamp A.* «Comunita» e «spazio» urbano nel Medioevo. Suggestioni dalla «Romania» transalpina e dalla Germania // *Quaderni Storici*. 2001. Vol. 107. Np. 2. P. 573–593.

¹¹ *Mutinelli F.* Lessico Veneto che contiene l'antica fraseologia volgare e forense, l'indicazione di alcune leggi e statuti, quella delle varie specie di navigli e di monete, delle spiagge, dei porti e dei paesi già esistenti nel Dogado compilato, per agevolare la lettura della storia dell'antica Repubblica Veneta, e lo studio de' documenti a lei relativi, da Fabio Mutinelli. Venezia, 1851. P. 115.

¹² *Molmenti P.* La storia di Venezia nella vita privata. 5 ed. Bergamo, 1910. Parte 1. P. 55.

Соседской общине как совокупности жилищ соответствует, как отмечают исследователи, термин *vicinia* (лат. *vicinia* — соседство), и он, наряду с термином *contrada*, появляется в XII столетие в итальянских источниках, обозначая сходные явления. Предназначение *vicinia* — это возведение и защита стен, соседская взаимопомощь¹³. К этому необходимо добавить и права на землю, закреплявшиеся за общиной.

В источниках по истории Венеции в смысле, сходном со словом «контрада», употребляется термин «конфиния» (*confinia*). Отметим, что происхождение слова «конфиния» также восходит к латинским корням: лат. *confinis* — «сосед», «соседский»; лат. *confinium* — «общая граница», «рубеж»; «соседство домов». Дж.Б. Галличчолли в своем труде об истории Венеции, вышедшем в 1795 г., утверждал, что термин «конфиния» также употреблялся применительно к контраде. «Конфинией или контрадой наши предки называли всякое место, в котором обитали один подле другого несколько соседей. В этом смысле относительно всей совокупности обитания соседей мы можем позволить сказать, что наша конфиния уже была контрадой самое позднее в начале IX в.»¹⁴. В этом утверждении Л.Г. Климанов видит доказательство того, что во времена современников Галличчолли конфиния и контрада соотносились так, как сказано выше, и тесно переплетались с соседской общиной¹⁵.

Вторая половина XI в. — время завершения церковно-приходского устройства Венеции; город был разделен на территориальные единицы, которые соответствовали приходам. Таким образом был упорядочен сбор церковной десятины¹⁶. Приходы были образованы на территории и в границах контрад/конфиний, а эти границы и пределы, в свою очередь,

¹³ Pini A.I. *Contrada* // *Lexikon des Mittelalters*. 1984. Bd. 3. P. 202–203.

¹⁴ Gallicciolli G.B. *Delle memorie venete antiche, profane ed ecclesiastiche* / Raccolta da G. B. Gallicciolli. Venezia, 1795. T. VI. P. 171.

¹⁵ Климанов Л. Г. Основы взаимодействия венецианского государства и общества (конец XII — начало XVI в.) // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2013. Вып. 41. С. 312.

¹⁶ Betto B. *Decime ecclesiastiche a Venezia fino al secolo XIV e motivi di contrasto fra il vescovo e la città* // *Archivio Veneto*. Serie 5. 1979. Vol. 113. P. 23–54.

исторически складывались естественным образом, под влиянием природных условий. Так на одной и той же территории с одним и тем же населением начинают действовать соседские и церковно-приходские общины¹⁷.

В 1170–1171 гг. территория Венеции была разделена на шесть округов (сестьер), следуя в основном очертаниям исторически сложившихся частей города, и далее, также во второй половине XII в., на контрады. Целью такого разделения было упорядочить взимание обязательного налога на военные нужды, установленного в 1163 г.¹⁸ Так контрада приобретает свой облик, в котором сливаются воедино более ранние общности — общины соседская, церковно-приходская, соединяясь с ее новой ролью, как административно-территориальной единицы. Исследователи отмечают, что в рамках сложившейся ко второй половине XII в. административно-фискальной системы для контрады не были утрачены некоторые общинные права, главным образом в области земельных отношений. Так закрепляется социально-пространственная структура Венецианской республики с распределением полномочий и компетенции между уровнями власти: коммуна — округ — контрада; эта система основывалась на коммунальном законодательстве¹⁹.

Главы контрад находились в подчинении глав округов-сестьер и разделяли с ними их многочисленные обязанности на своих участках. В их ведение входило следующее: пресечение грабежей, контрабанды, вывоза запрещенных товаров, мошенничеств с продуктами питания, фальшивомонетничества, преступлений евреев, против религии и благонравия; надзор за азартными играми, блудницами и др., преступившими закон (их они могли удалять из города). Далее: наблюдение за передвижением чужеземцев на основании уведомлений от владельцев таверн и содержателей гостиниц

¹⁷ Molmenti P. La storia di Venezia nella vita privata... P. 55.

¹⁸ Самые ранние дошедшие до нас сведения об этом находятся в Венецианской хронике XVI в., приписываемой Даниеле Барбаро: *Cronaca veneziana dal principio della citta al 1413, attribuita a Daniele Barbaro* // Biblioteca Nazionale Marciana. Classe VII. Cod. it. XL, cod. cart., in fol., sec. XVI, f. 70–71. Цит. по: Климанов Л.Г. Венеция: социально-пространственная структура... С. 206.

¹⁹ Климанов Л.Г. Венеция: социально-пространственная структура... С. 199.

и экстрадиция приговоренных к изгнанию чужестранцев; незамедлительное рассмотрение жалоб паломников, следующих через Венецию к святым местам, на владельцев таверн и лодочников, наблюдение за исполнением договоров о найме прислуги, наблюдение за торговлей рабами, при купле которых необходимо было следить за соблюдением преимущества венецианцев, гигиена, чистота и украшение города, предотвращение пожаров²⁰. По дошедшим до нас источникам можно судить о том, что главы округов (так же как, очевидно, главы контрад) вначале устанавливались округом (или контрадой), затем назначались коммуной; вначале на эти посты могли быть выдвинуты граждане Венеции, не принадлежавшие к нобилитету, затем (во всяком случае, на должности глав округов) только нобили²¹.

В Венеции, как и в других городах Италии, контрада играла еще одну немаловажную роль, присутствуя в тексте нотариальных актов при обозначении лиц, участвующих в сделке²². Принадлежность лица к определенной контраде являлась неременной частью тогдашних «анкетных данных» при заключении договора.

КОНТРАДА В ФЕРРАРЕ

Переходя к роли контрады в жизни средневековой Феррары, отметим то же самое, обязательное указание контрады, как места жительства лица в феррарских нотариальных актах. Контрада в актах указывается не только как место постоянного проживания граждан Феррары, заключающих сделку²³,

²⁰ Климанов Л.Г. Венеция: социально-пространственная структура... С. 202–203; Он же. *Romei e peregrini* в Венеции: попечение о паломниках, направляющихся в Рим и другие святые места, XIII–XIV вв. // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2003. Вып. 34. С. 30–35.

²¹ Gallicciolli G.B. *Delle memorie venete antiche, profane ed ecclesiastiche* / Raccolta da G.B. Gallicciolli. Venezia, 1795. T. 1. P. 317.

²² Климанов Л.Г. Венеция: социально-пространственная структура... С. 206–207.

²³ Например: «Franciscus filius quondam domini Gabrielis camporis de Riminaldis de contrata Sancti Romani» — «Франческо, сын

но и для свидетелей, присутствовавших при ее заключении²⁴, и даже как место временного проживания граждан других локальных центров, прибывших в Феррару²⁵. Принадлежность к определенной контраде настолько важна для идентификации лица, что некоторое время после перемены им места жительства, т.е. при переезде в другую контраду, прежняя «прописка» фиксируется в актах наряду с актуальной²⁶. Самым ранним из доступных автору статьи документом с указанием контрады как места жительства лица (и местонахождения объекта сделки) является акт продажи дома в контраде Санта-Мария ин Вадо от 24 января 1248 г.²⁷ Это никак не исключает присутствия указания на принадлежность к контраде контрагентов, свидетелей и других лиц в более ранних феррарских документах, неизвестных автору.

ныне покойного господина Габриеле де Риминальдис, ростовщика, из контрады Сан-Романо» (Акт от 8 декабря 1342 г. *Archivio di Stato di Modena, Archivio privato Fiaschi* (далее — ASM). L.4. No. 36).

²⁴ «Presentibus testibus vocatis et rogatis: ser Dominico de Mansis de contrata Volte Caxoti...» — «В присутствии созданных и приглашенных свидетелей: сер Доминико де Мансис из контрады Вольте Казоти...» (Акт от 30 января 1327 г. ASM. L.3. No. 20).

²⁵ «Presentibus testibus vocatis et rogatis: ...magistro Padavino ser Rote qui fuit de Padova et nunc moratur Ferrarie in contrata Sexti Sancti Romani...» — «В присутствии созданных и приглашенных свидетелей: магистра Падавино, сына сер Роте, который [прибыл] из Падуи, а ныне пребывает в Ферраре в контраде Сесто Сан-Романо...» (Акт от 30 января 1327 г. ASM. L.3. No. 20).

²⁶ «...Domino Uberto de Sagrato olim de contrata Sancte Marie de Vado qui nunc habitat in contrata Sexti Sancti Romani» — «...Господину Уберто де Сакрато, некогда из контрады Санта-Мария де Вадо, который ныне проживает в контраде Сесто Сан-Романо» (Акт от 28 февраля 1324 г. ASM. L.3. No. 7). «Dominus Ubertus de Sacrato de Sancta Maria de Vado qui nunc in contrata Sexti Sancti Romani» — «Господин Уберто де Сакрато из Санта-Мария-де-Вадо, который теперь в контраде Сесто Сан-Романо» (Акт от 05. 11. 1330 г. ASM. L.3. No. 40).

²⁷ «Silvester de Pigocis procuratorio nomine domine Bone, uxoris quondam Dominicelli de Verona, de contrata Sancte Marie de Vado... vendidit domine Marie, filie quondam Gibertini de Caurara, casalem unum, positum in dicta contrata Sancte Marie de Vado» (Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН, Западноевропейская секция (далее — ЗЕС). Коллекция 4, картон 133 № 5).

Источники по истории Феррары не дают больших возможностей проследить образование контрад от основания города; сведения о них мы получаем в основном по материалам XIII в., когда контрады сформировались, получили свои названия (в основном по наименованиям приходских церквей, например *Santa Maria in Vado* — св. Мария ин Вадо, т.е. на переправе) и стали структурой, объединившей в себе соседскую общину, церковный приход и административно-территориальную единицу города. Одним из основных источников является Статут Феррары 1287 г.; он не только свидетельствует о значительной, устоявшейся роли контрады в жизни этого города в конце XIII в., но также предоставляет возможность сделать некоторые заключения о ее роли на более ранних этапах самоорганизации и развития города и его структур. Статут 1287 г. создан в момент становления синьории д'Эсте, и многое в нем направлено на укрепление власти этой династии. Всякая оппозиция решительно подавлялась, противники маркизов были отправлены в изгнание. Возвращение и пребывание в Ферраре для изгнанников были запрещены Статутом. Примечательна для целей нашего исследования глава 14 первой книги статута, предписывающего подеста обязанность схватить такого изгнанника и врага, заключить его в тюрьму и держать там. Если кто-то из жителей Феррары примет его у себя дома, его ждет штраф в 300 феррарских лир. Контрада или сельская община, которая заметит, что он там остановился, и не донесет в течение трех дней подеста, должна заплатить штраф в 100 феррарских лир, половину в пользу коммуны, половину — обвинителю²⁸. Представляется, что здесь можно усмотреть сохранившиеся следы старинных времен, происхождение контрады от соседской общины, для которой была характерна коллективная ответственность за правонарушения, совершенные на ее территории. Можно предположить, что о подобном наследии прошлого свидетельствует также глава «О тайно причиненном ущербе и поджогах»²⁹. Если чьему-либо имуществу вследствие поджога или иного вреда был

²⁸ Statuta Ferrariae anno MCCLXXXVII, ed. W. Montorsi. Ferrara, 1955. Далее: Statuta Ferrariae. P. 26–27. Liber I, caput XIV.h.

²⁹ Ibid. P. 256. Liber IV, caput XVIII.

причинен ущерб, устранять последствия своими средствами должна его контрада, за исключением случаев, когда становится известен виновный; тогда возмещение убытков ложится на него. Таким образом, мы видим то, что было свойственно соседской общине и сохранилось в контраде: обязанность взаимной поддержки и помощи.

Во главе контрады стоял *massarius contratae* — массарий; его многочисленные обязанности, обозначенные в статуте, могут дать многое для понимания сущности и роли контрады в Ферраре. Внутри контрады массарию принадлежали полицейские полномочия (первичное расследование случаев поджога и других правонарушений с последующим предъявлением обвинения в суд)³⁰, сбор налогов³¹ и особых податей (*pontaticum* на ремонт и возведение мостов)³² и предотвращение их неуплаты. На массарии контрады лежала ответственность за состояние городских укреплений и сооружений, укрепляющих берега реки По на вверенных им территориях. Если таковые укрепления и сооружения будут разрушены, ремонт и восстановление должны производиться наполовину за счет массария, наполовину за счет контрады³³. Заботам массария было вверено также состояние зданий, принадлежащих частным лицам. Массарий обязан был предупредить хозяев обрушившихся или ветхих домов о необходимости в определенный срок отремонтировать дом или построить новый; несоблюдение влекло за собой штраф, назначавшийся подеста опять же по докладу массария контрады³⁴. Недвижимость, изъятая у несостоятельных должников или конфискованная по приказу властей, поступала под присмотр массария контрады до передачи новым собственникам³⁵. Общественный порядок, соблюдение санитарных норм (запрет обрабатывать шкуры животных в общественных местах — на площади феррарской коммуны

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibid. P. 84–85. Liber II, caput CIII.

³² Ibid. P. 111–112. Liber I, caput CLXXX.

³³ Ibid. P. 275. Liber IV, caput CXX.

³⁴ Ibid. P. 58. Liber II, caput XXXXII.

³⁵ Ibid. P. 116. Liber II, caput CLXXXI.

и на улицах города³⁶), борьба с нарушениями правил торговли (предотвращение краж зерна мельниками. Для выявления таких злоупотреблений опрос всех домохозяев контрады³⁷; наблюдение за тем, чтобы никто не покупал больших запасов древесины и дров с целью перепродажи³⁸) — это далеко не полный список обязанностей массария контрады.

Статут 1287 г., как уже упоминалось, законодательно устанавливал власть маркизов д'Эсте. Старые коммунальные учреждения и должности сохранялись, но, как мы могли видеть из приведенных примеров о контраде, встраивались в жесткую вертикаль власти; над ними устанавливалась практически неограниченная власть синьора. Всё же черты былого самоуправления прослеживаются в жизни Феррары и касаются контрады. Выборы перед общим собранием граждан организовывались по контрадам, имевшим некогда самостоятельное политическое значение и сохранившим в какой-то мере это значение также во времена установления синьории³⁹. Убедительным примером могут послужить события 1310 г. Начало XIV в. пошатнуло владычество д'Эсте в Ферраре из-за противоречий с папским престолом и Венецией, и в 1310 г. там было установлено прямое папское правление⁴⁰. Сохранились списки приносивших присягу верности новым властям граждан; примечательно, что клятву приносили с 5 по 27 марта 1310 г. именно по контрадам⁴¹. Это дает не только ценное свидетельство для истории городской застройки, но и обеспечивает еще одно доказательство значительной роли контрады в жизни средневековой Феррары.

³⁶ Ibid. P. 185. Liber II, caput CCCLVIII.

³⁷ Ibid. P. 167–168. Liber II, caput CCCXII.

³⁸ Ibid. P. 201. Liber II, caput CCCCVI.

³⁹ Dean T. Commune and Despot: The Commune of Ferrara under Este Rule, 1300–1450 // City and Countryside in late Medieval and Renaissance Italy. London, 1990. P. 183–197.

⁴⁰ В 1317 г. д'Эсте вновь были провозглашены синьорами Феррары, хотя и в качестве папских викариев, с необходимостью ежегодной выплаты значительных сумм в папскую казну.

⁴¹ Bocchi F. La signoria Estense tra Medioevo e Rinascimento (1293–1441) // Storia illustrata di Ferrara. Milano, 1987. Fasc. 8. P. 115.

Несмотря на скудость источников, тему о контрадах в Сиене обойти невозможно хотя бы потому, что все солидные словари единогласно утверждают, что донныне этот термин остается актуальным для современного итальянского языка и употребляется во всей полноте его содержания только в Сиене⁴². Контрады Сиены приобретают общемировую известность, славятся не только по всей Италии благодаря удивительному феномену — Палио, сравнимому только с Карнавалом в Венеции. Палио — скачки, которые устраиваются дважды в год как соревнования между контрадами. Даже тому, кто не был в Сиене и не видел Палио, невозможно сдержать эмоции при чтении описаний этого праздника не только в путеводителях, но и в научных работах. «По-настоящему, Палио не просто скачки. Это не просто стремительный бег десяти лошадей, делающих три круга вокруг площади, пока ты замираешь от волнения и даже забываешь дышать. Палио означает гораздо больше. Палио — полет души, когда переворачивается все твое нутро, а кровь неудержимо устремляется по жилам. Всего лишь мгновение, но и вся жизнь»⁴³.

Палио берет начало в эпоху Средневековья. Согласно преданию, вначале это были ежегодные соревнования между представителями городской знати. В эпоху Возрождения праздник Палио стал включать игру в мяч, бой быков и другие состязания, ими руководили высокородные синьоры, они определяли правила игры, но сами в них не участвовали. В Сиене считают, что тогда и сложилась эта традиция, продержавшаяся века, и она укрепилась именно потому, что главным действующим лицом праздника был народ, а не знать. Надо предполагать, что именно в это время Палио, став общегородским праздником, превращается в соревнования между контрадами, и именно тогда возникает эта нерасторжимая связь — контрады и Палио. К середине XVI в. действо переместилось с городских улиц в центр, на площадь Дель Кампо. Порядок проведения Палио

⁴² Ottorino Pianigiani. Vocabolario etimologico della lingua italiana. Edizioni Polaris, 1993. P. 338–339; Zingarelli N. Il Nuovo Zingarelli Vocabolario della lingua italiana di Nicola Zingarelli. Undicesima edizione. Bologna, 1983. P. 445.

⁴³ Vizzaccaro G. Il Palio, il cuore e l'anima di Siena. Siena, s/a. P. 3.

как конных скачек по кругу на площади Дель Кампо, сохранившийся до наших дней, устанавливается в XVII в. Всего в соревнованиях участвуют 17 контрад Старого города, т.е. исторического центра Сиены. Каждая контрада имеет свой специфический тотемный символ, от которого и происходит ее название — контрада Орла, контрада Черепахи, контрада Раковины, хотя сохраняется и другое, прежнее, менее употребительное название, связанное с городской топографией. Например, контрада Гуся именуется также старинным своим названием — «контрада ди Фонтебранда», — идущим от самого полноводного в Сиене источника, упомянутого в свое время Данте. Каждая контрада имеет свой герб, девиз, боевой клич. На гербе контрады Гуся изображен белый гусь на зеленом поле, ее девиз — «*Clangit ad arma*» — «Зовущий к бою». Считается, что именно эта священная птица, обитавшая в храме Юноны, своим криком призывала римлян к бою с галлами. «Нашей прекрасной, любезной Сиены / мы и отрада, и честь» — такой боевой клич сопутствует символу контрады Гуся⁴⁴.

Перед скачками проходит историческое шествие, в котором участвуют более 600 жителей 17 контрад и статисты, представляющие старинные учреждения Сиены, проезжает торжественная колесница, и выступают искусные знаменосцы. Наездники, по одному от контрады, скачут без седла; лошадь определяется для каждого участника по жребию. Награда за победу, за которую яростно борются сиенские контрады, — Паллиум (откуда и происходит название праздника, Палио), драгоценная ткань, расписанная художником к каждому Палио и хранящаяся после победы в музее контрады-победительницы. В начале XVIII в. Палио стал проводиться два раза в год — 2 июля, в честь Мадонны ди Провенцано, покровительницы Сиены, и 16 августа, в честь Успения Богородицы, на следующий день после этого церковного праздника⁴⁵.

⁴⁴ Vizzaccaro G. Il Palio, il cuore e l'anima di Siena... P. 36–37.

⁴⁵ Каждый флаг, «лоскут», как называют его сиенцы, имеет форму вытянутого прямоугольника и содержит, помимо основного изображения, символы различных правителей города — такие, как герб великих герцогов Лотарингии или итальянской королевской династии Савойя. Великое множество мастеров в разное время участвовали в создании Палио, но добиться такой чести нелегко: процедура изготовления знамени подчинена жестким правилам. Требуется

Порядок проведения Палио был окончательно определен указами первой трети XVIII в., один из которых, изданный в 1729 г. правительницей Сиены Беатриче Виоланте Баварской, особенно важен для изучения контрады. В соответствии с указом определялись границы контрад, и они приобрели свой современный вид и число. Исследователи ставят вопрос о том, носил этот указ прескриптивный характер или узаконивал уже сложившееся положение вещей. В это время контрады сочиняли уставы, настоящие конституции, при этом отделяясь от городских административных делений⁴⁶. Это признает большинство исследователей, и это важно в контексте нашего исследования, так как указывает на тот факт, что до этого времени контрады оставались административно-территориальными единицами Сиены, осуществляя вместе с этим, как контрады Венеции и Феррары, функции соседской общины и церковного прихода.

«С тех давних пор и по настоящее время каждая из 17 городских контрад живет, как некое маленькое государство со своим правительством, во главе которого стоит Приор, а руководство Палио поручается Капитану, которому ассистируют двое или трое жителей контрады, называемых *tangini*. В каждой контраде установлены свои собственные порядки. Кроме территории, в них есть своя церковь с помещением музея, в котором хранятся реликвии контрады: награды, победные знамена, парадные костюмы, флаги, архив и все прочее»⁴⁷ — это расхожее мнение о контраде как независимом государстве подвергают сомнению и пересмотру исследователи контрад современной Сиены. То, что контрады являются «правовыми административно-территориальными единицами» или что они поэтому «самостоятельно управляют своими территориями»⁴⁸,

также соблюдать каноны особой иконографии, исполненной священных символов. Не следует забывать и о том, что июльский Палио посвящается Мадонне ди Провенцано и изготавливается художником из Сиены, тогда как знамя состязаний, проводимых 16 августа, посвящается Успению Богоматери и заказывается мастеру из другого города. См.: Vizzaccaro G. *Il Palio, il cuore e l'anima di Siena...* P. 54–55.

⁴⁶ Silverman S. On the Use of History in Anthropology: The Palio of Siena // *American Ethnologist*. 1979. V. 6 (3). P. 425–426.

⁴⁷ Vizzaccaro G. *Il Palio, il cuore e l'anima di Siena...* P. 8–9.

⁴⁸ Liebscher S. *Der Stadtrat von Siena, 1993–1997. Der Einfluß des Handlungsrahmens auf Netzwerke und Kognitionen politischer Akteure.*

представляется ошибочным, несмотря на значительность роли, которую контрады играют в жизни Сиены. Коммуна Сиены и ее контрады связаны и взаимодействуют друг с другом.

Основная направленность современной контрады — подготовка и проведение Палио, разнообразные виды социально-культурной деятельности. В связи с этим, по признанию исследователей, контрады сейчас являются основным центром социального взаимодействия в городе⁴⁹. Автор серьезного исследования сиенской контрады, В. Дрехслер, указывает на важное обстоятельство, которое в научной литературе часто упускается или безосновательно недооценивается, — контрады являются неправительственными организациями, не входящими в состав администрации города; даже финансирование контрад не осуществляется коммуной; они финансируются в основном за счет взносов, пожертвований, даний меценатов⁵⁰.

Важную роль эти структуры играют в том, что связано с организацией всесторонней взаимопомощи для *contradaioli* — входящих в состав контрады⁵¹. Организации взаимопомощи имеют давние традиции в Италии, и можно предположить, что начало этим традициям было положено соседской общиной, основой такой самоорганизующейся структуры, как контрада, и особенно укрепилось в составе деятельности контрад в Сиене начиная с XIX в.⁵² Примечательно, что первое

PhD thesis, University of Hamburg, 2001. S. 10, 96. Цит. no: Drechsler W. The Contrade, the Palio and the Ben Comune: lessons from Siena // Trames. 2006. 10 (2). P. 105.

⁴⁹ Silverman S. On the Use of History in Anthropology... P. 416.

⁵⁰ Drechsler W. The Contrade, the Palio and the Ben Comune... P. 105.

⁵¹ Не все жители Сиены являются *contradaioli*, и, по мнению В. Дрехслера, большинство жителей, проживающих на территории классических контрад, также не являются их членами. Членство в контраде определяется на основании *ius soli*, по рождению на ее территории. Это в значительной степени было дополнено принципом *ius sanguinis*, т.е. если один из родителей принадлежит к контраде. Для пополнения списка «граждан» контрады был создан новый ритуал светского «крещения» в фонтане контрады, где новый *contradaiolo* получает свиток, удостоверяющий ее членство. См.: Silverman S. The Palio of Siena: Game, Ritual, or Politics? // Urban Life in the Renaissance. 1989. P. 225.

⁵² Dundes A., Falassi A. La Terra in Piazza. An Interpretation of the Palio of Siena. Siena, 2005. P. 35.

сиенское общество взаимопомощи было образовано в контраде Гуся (Фонтебранда) в 1870 г.⁵³

Исследователи сиенских контрад указывают на неясность их происхождения. Наиболее вероятным им представляется их развитие из ополчения, военных отрядов, которые собирались от каждого квартала города в эпоху Средневековья, и/или от общественных организаций, которые устраивали праздники и торжества. Представление о развитии контрад в их современном виде от принадлежности их жителей к конкретным профессиям, которые доминировали в соответствующем квартале, менее убедительно⁵⁴. Гораздо большее внимание исследователей привлекает современная Сиена. В. Дрехслер, отмечая необычайно высокий уровень как благостояния, так и социального капитала Сиены⁵⁵, а также крайне низкий уровень преступности, исследует этот город как предмет извлечения уроков (*lesson-drawing*)⁵⁶ из его опыта для других общностей, считая причиной такого успеха исторически сложившуюся систему контрад. Завершая свою статью, автор еще раз задается вопросом, может ли Сиена быть моделью для перенесения своего опыта на другие политические системы, и делает вывод о том, что такой опыт, во-первых, слишком специфичен, а самое главное, требует детального изучения контрады, в том числе изучения пути ее исторического развития. Представляется, что дальнейшее изучение контрады как самоорганизующейся городской структуры может дать значительные результаты не только для изучения Сиены, но и для расширения представлений о городе как таковом от его возникновения до наших дней.

⁵³ Vizzaccaro G. Il Palio, il cuore e l'anima di Siena... P. 36.

⁵⁴ Silverman S. On the Use of History in Anthropology... P. 421–424.

⁵⁵ Автор применяет концепцию социального капитала (*social capital*), и отмечает, что эвристически была особенно полезна для его исследования простая дихотомия между двумя его видами: сплачивающим группу (*bonding*) и наводящим мосты (*bridging*), ссылаясь на работу: Putnam, Robert D., Lewis M. Feldstein with Don Cohen. Better Together: Restoring the American Community. New York, 2003. P. 1–10.

⁵⁶ В. Дрехслер использует концепцию *lesson-drawing* в интерпретации Ричарда Поуза: Rose R. Lesson-drawing in Public Policy. Chatham, 1993.

СОЮЗЫ СУКНОДЕЛОВ И СТРЕЛКОВЫЕ ГИЛЬДИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ НИДЕРЛАНДАХ: СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ И ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Суконщики из Коина,
Сукновалы из Капрейка,
Пряжекрутильщики из Ауденбурга,
Стригальщики из Дейнзе...
Льноткачи из Тилта...
Саржеплеты из Ондскота...

(Из фламандской поэмы XIV в.
«Об особенностях городов Фландрии»)¹.

В 1444 г. герцог Бургундский Филипп Добрый (1419–1467) по просьбе «бургомистров, эшевенгов, жителей и обитателей» небольшого фламандского городка Ло, столкнувшегося с финансовыми сложностями и оказавшегося не в состоянии выплатить причитающуюся с города часть экстраординарного налога, даровал им следующую привилегию: «...мы... ради общественного блага... дозволяем... чтобы они могли иметь контролера и печать, ткать свои ткани из всех видов шерсти и составить и установить... статуты, уставы, ордонансы, запреты, штрафы и все другие вещи на благо и для поддержки упомянутого ткачества»². Действия городского

¹ Trapeniers van comene
Volders van caprice
Strijpgarenmakers van oudenborch
Garen coepers van deynse...
Lijnwaders van thielt...
Saymakers van hontscoten...
(De properheden vanden steden van vlaenderen // Het Geraards-
berge handschrift / Door M.J. Govers. Hilversum, 1994. P. 48–49).

² «...nous avons receu l'umble supplication de noz améz les bourg-
maistres, eschevins, manans et habitans de nostre ville de Loo... <—>
nous... au bien de la chose publique... consenti... que... ilz puissent avoir
esward et seel, drapper leurs draps de toutes laines et faire et ordonner

магистрата и Филиппа Доброго отражали два распространенных в то время убеждения. Первое заключалось в том, что производство и последующая продажа сукна являются достаточно надежным рецептом для поддержания благосостояния города. Второе — в необходимости, чтобы это ремесло было хорошо организованным (для чего требовались статуты, уставы и ордонансы) и существовал контроль качества производимых тканей (который осуществлялся контролерами, подтверждавшими соответствие стандартам маркировкой сукна пломбами с печатью или штампами).

Ло являлся одним из многих нидерландских городов, власти которого в тот или иной период многовекового «бума» экспортного сукноделия, так же как и производства сукна, предназначавшегося для местного рынка, в Артуа и во Фландрии, а затем и в соседних княжествах (Брабанте, Льеже, позднее Голландии), стремились решить свои экономические проблемы с помощью изготовления пользовавшихся спросом видов тканей. Более того, эта попытка магистрата организовать у себя производство сукна не была в Ло ни первой, ни последней. С начала XV в. городские власти пробовали узнать технологию производства разных видов сукна как в соседних, так и в более далеких успешных центрах фламандского сукноделия. Вместе с тем, хотя вероятно, что привилегия Филиппа Доброго была получена магистратом Ло для уже проживавших в городе ремесленников, содержание источников, сохранившихся от этого времени, не позволяет судить о том, были ли местные ткачи организованы в цех, т.е. представляли ли они собой уже оформившееся и официально признанное городское сообщество. Количество производимых в городе тканей в последующие после дарования привилегии десятилетия оставалось невысоким (максимум составил 164 штуки сукна в 1460 г., но в среднем их число было значительно ниже), и в 1480-е гг. традиция местного сукноделия прервалась.

les estatuz, keures, ordonnances, deffenses, amendes et toutes autres choses pour le bien et entretenement de leur dicte drapperie...». Recueil de documents relatifs à l'histoire de l'industrie drapière en Flandre, II-e partie: le sud-ouest de la Flandre depuis l'époque bourguignonne / Éd. par H. de Sagher, et al. Brussels, 1951–1966. 3 vols. T. 2 (далее — Recueil de documents... II partie. T. 2). P. 660–661. No. 380.

В 1530 г. городские власти Ло вновь столкнулись с финансовыми трудностями и оказались не в состоянии нести налоговые выплаты, в связи с чем император Карл V по просьбе «бургомистров и эшевенгов» Ло даровал городу привилегии, разрешив, несмотря на протесты соседнего сукнодельческого центра Ондскота (фр. *Hondschoote*, нидерл. *Hondschote*)³, производить новые виды тканей из испанской шерсти (т.н. «*une drapperie de saye*» или *sayetterie*, т.е. саржу). Стоит отметить, что о существовании предыдущей привилегии времен Филиппа Доброго в этом документе не упоминается. Это позволяет предположить, что прежняя традиция сукноделия и даже память о ней к 1530-м гг. уже были утеряны. В данном случае нам точно известно, что ремесленники Ло и двух соседних с этим городом приходов («*parroches de Alveringhem et Pollinchove*») объединялись в цех («*ung mestier et stil de sayetrie*»). Ткани, производимые в Ло, должны были маркироваться собственной печатью и отличаться по длине, ширине и качеству от изготавливавшихся в Ондскоте. Кроме того, вводилась должность контролера⁴. В данном случае мы можем с уверенностью говорить о том, что регламентация, которую также следовало выработать по приказу императора, была создана и зафиксирована в городских статутах (1548 г.)⁵.

Тем не менее усилия, в очередной раз приложенные городскими властями для организации соответствующего производства (были построены и оборудованы красильные и суконные мастерские, привлечены ткачи, сукновалы, красильщики из других мест, в первую очередь того же Ондскота, которым было предоставлено жилье, и т.д.), не привели к длительному успеху. Спустя несколько лет, согласно данным городских счетов, производство резко упало (с 1276 штук сукна в 1532–1534 гг. до 344,25 штуки в 1534–1542 гг.). С середины 1540-х можно говорить о его затухании, вследствие чего ремесленники переселились в другие города,

³ Производство тканей существовало в Ондскоте со второй половины XIV в., но впервые было регламентировано лишь в период своего расцвета в 1534 г. *Recueil de documents... II partie*. Т. 2. Р. 346–360. No. 287.

⁴ *Ibid.* Т. 2. Р. 663–666. No. 382–383.

⁵ *Ibid.* Т. 2. Р. 667–668. No. 385.

вновь главным образом в гораздо более успешный Ондскот; в 1550-х – 1560-х гг. производство тканей окончательно утало, а созданные за 30 лет до этого мастерские были проданы (*aliénée*) городом в 1566 г.⁶

Пример Ло интересен не только раз за разом оказывавшимися тщетными попытками городских властей создать производство, а в 1530-е гг. и связанное с ним городское сообщество «с нуля». Опыт успешных соседей плохо приживался на местной почве, а сформированный «искусственно» цех оказался нежизнеспособным и перестал существовать. Но любопытно и то, какого рода сведения оказывались зафиксированы в источниках. В основном они содержат данные об организации производства и контроле над ним, но при этом практически ничего не сообщают нам о внутренней жизни созданного в 1530-е гг. цеха, хотя городские счета и содержат имена занятых в сукноделии ремесленников. Подобная ситуация характерна и для многих других ремесленных уставов ткачей и сукновалов в различных городах и городках Фландрии. Эта особенность источниковой базы привела к тому, что при значительном внимании к изучению организации и технологий сукноделия, форм торговли произведенными товарами в Исторических Нидерландах связанные с ним городские сообщества (в том случае, если они существовали, так как достаточно часто производство велось отдельными ремесленниками, не объединенными в сообщество, как, видимо, происходило в Ло в XV в.) практически не исследуются «изнутри». В особенности это относится к малым и средним городам, но и о жизни объединений ткачей, сукновалов, красильщиков, стригальщиков и представителей иных связанных с сукноделием профессий в крупных городах нам известно далеко не все.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СУКНОДЕЛЬЧЕСКИХ ЦЕХОВ

В том числе открытым остается вопрос о самом времени и механизмах формирования ремесленных корпораций. Эта проблема характерна не только для профессиональных

⁶ Recueil de documents... II-e partie. T. 2. P. 658, 659, 668–701. No 386.

объединений в сукноделии. Но в случае с сукнодельческими ремеслами стоит напомнить несколько хорошо известных фактов, в какой-то мере определявших специфику развития подобных цехов. Производство шедшего на экспорт сукна и его последующая отделка включали в себя множество операций, выполнявшихся ремесленниками разных профессий. Сырье, а зачастую и инструменты для производства для них поставляли купцы-суконщики, которые позднее обычно осуществляли и оптовую продажу полученной от ремесленников готовой продукции иностранным покупателям. Именно от суконщиков ремесленники получали плату за свой труд. Таким образом, работа ткачей, сукновалов, красильщиков, стригальщиков, прядильщиков и т.д. по своему характеру достаточно сильно отличалась от организации труда представителей тех профессий, которые осуществляли «производственный цикл» от начала до конца, затем самостоятельно продавая свою продукцию, или от тех, кто был занят в обеспечении товарами внутреннего рынка города⁷.

Численность ремесленников, занятых в сукноделии, в специализировавшихся на производстве тканей городах была достаточно высокой, а их благосостояние и положение в обществе — относительно низкими⁸. При этом торговцы и купцы, контролировавшие поставки сырья и сбыт продукции в сукноделии, являлись одной из наиболее богатых и привилегированных групп городского населения. Они входили в состав городского совета, формировали торговые гильдии (*gilde, ghilde*), обычно объединявшие купцов разных городов, импортировавших шерсть (в основном из Англии) и вывозивших сукно в первую очередь, на ярмарки в Шампани

⁷ Nicholas D. The Medieval Flanders. New York; London, 2013. P. 132.

⁸ Например, описывая знаменитую битву при Куртре (1302 г.), итальянский хронист Джованни Виллани называет ткачей и сукновалов, из которых в основном состояли победившие в сражении городские ополчения фламандцев, «самыми худородными людьми на свете». См.: Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции / Пер. с ит., вступит. ст. и примеч. М.А. Юсима. М., 1997. С. 247–248. Анализ других примеров уничижительного отношения к фламандским сукноделам, встречающихся в хрониках и литературных источниках в XII–XIV вв., см.: *Deploige J., Stabel P. Textile Entrepreneurs and Textile Workers in the Medieval City // Golden Times. Wealth and Status in the Middle Ages / Ed. by V. Lambert, P. Stabel. Tielt, 2016. P. 245–252.*

(до их упадка в конце XIII в.)⁹. Позднее, со сменой конъюнктуры рынка, экспорт тканей в основном осуществляли иностранные купцы, приезжавшие в Южные Нидерланды. Сделки с ними заключались с помощью брокеров или маклеров (фр. *courtiers*, нидерл. *lakensnijders*), в больших городах в XIV–XV вв. также формировавших свои профессиональные сообщества (в отличие от крупных купцов, исследователи обычно относят подобных брокеров к «среднему классу») ¹⁰.

Вместе с тем, до середины — конца XIII в. существование ремесленных корпораций (нидерл. *ambacht*, фр. *métier*) в целом, и связанных с сукноделием в частности не прослеживается в источниках на большей части территории Нидерландов, за исключением крайнего юга региона (городов графства Артуа, Валансьена) ¹¹. От этого периода также сохранилось относительно небольшое число документов, позволяющих, скорее, судить о том, как была организована работа отдельных ремесленников и их мастерских (в том числе контракты об обучении учеников), как регулировались отношения между купцами, мастерами и подмастерьями, чем выявить четкие признаки появления профессиональных сообществ ¹².

⁹ Оценка роли купеческих гильдий в развитии фламандских городов вызвала бурную дискуссию в историографии. См. главу «В поисках институционализации: городские сообщества и надгородские структуры исторических Нидерландов в современной историографии» в первой части данной монографии (С. 67–73).

¹⁰ *Nicholas D. The Metamorphosis of a Medieval City. Ghent in the Age of the Aertvelde, 1302–1390. Leiden, 1987. P. 138, 140–154.*

¹¹ *Haemers J. Artisans and Craft Guilds in the Medieval City // Golden Times... P. 213–216.*

¹² Например, см. регулирование в отношении резчиков ткани в Дуэ (1247 г.), а также заверенные эшевенами контракты об обучении различным ремеслам (в мастерских ткачей, красильщиков, сукновала, стригальщиков), договоры о совместном ведении дела (красильщики) и работе на заимодавца в погашение долга (сукновал) в Ипре в 1270-х — 1290-х гг.: *Documents relatifs à l'histoire de l'industrie et du commerce en France. I. Depuis le 1er siècle avant J.-C. jusqu'à la fin de XIIIe siècle / Pub. par G. Fagnier. Paris, 1898. No. 164 (Esgardeurs des draps tondus). P. 157–159; Recueil de documents relatifs à l'histoire de l'industrie drapière en Flandre: I-re partie: des origines à l'époque bourguignonne / Éd. par G. Espinas, H. Pirenne. Brussels,*

Тем не менее нарративные источники, описывающие бурные политические события этого периода, позволяют предположить, что неформальные объединения ремесленников в крупных городах Фландрии и Брабанта существовали уже тогда, хотя они и не были в большинстве случаев официально признаны городскими властями. Например, известно о восстании ткачей и сукновалов в Генте в 1252 г., а также о том, что они покинули город как организованная группа (подобные действия ремесленников могли являться формой протеста в случае недовольства политикой городских властей) в 1274 г.¹³ В Ипре в 1280 г. были введены новые уставы (первые сохранившиеся до нашего времени), регулировавшие торговлю, которую вели посредники-суконщики (*drapiers*), а также работу красильщиков («*tondeurs bourgeois de le vile d'Ypre*») и сукновалов (занимавшихся отделкой одного из нескольких видов тканей, производимых в городе, — «*maistres et... vallés foulons del mestier des estanfors*»). Они вызвали недовольство ремесленников, переросшее в восстание — так называемое *Cockerulle*¹⁴. Устав красильщиков этого времени упоминает о том, что, по решению эшевен и «трех цехов» (ткачей, сукновалов и красильщиков), различные платежи, причитавшиеся с этих ремесленников, трижды в год должны были собирать присяжные («*jureis*»), выбранные из лучших людей этого цеха («*de boine gent de leur mestier*»), что могло говорить об определенной автономии, которой обладали представители этих профессий, хотя соответствующие сборы и размер оплаты, которую

1906–1924. 4 vols. Т. 3. 1920 (далее — *Recueil de documents... I-e partie*. Т. 3). Р. 676, 686, 689, 690, 693, 694, 702. No. 846, 852, 854, 855, 858, 859, 867. Анализ этих и подобных документов (публикуемых в приложениях к статьям) см.: *Pelsmaecker P. de. Des formes d'association à Ypres au XIIIe siècle // Revue de droit international et de législation compare. Т. VI (1904). Р. 633–645; Mauvez G. des. L'apprentissage à Ypres à la fin du XIIIe siècle. Contribution à l'étude des origines corporatives en Flandre // Revue du Nord. 1911. No. 1. Р. 1–48.*

¹³ *Nicholas D. The Medieval Flanders... Р. 132.*

¹⁴ См. подробнее: Майзлиш А.А. Больше чем рынок: суконные ряды в политическом, экономическом и социальном пространстве городов Фландрии (на примере Ипра) // *Средние века*. 2019. В печати.

суконщики должны были выплачивать красильщикам за их работу, а мастера-красильщики — своим подмастерьям, устанавливались эшевенами¹⁵.

В двух других крупных городах Фландрии — Генте и Брюгге — появление первых дошедших до наших дней документов, относящихся к сукнодельческим цехам (уставов), связано с борьбой ремесленников против узких групп купцов и землевладельцев («патрициата»), доминировавших в городских советах в конце XIII — начале XIV в. Сложный клубок политических, социальных и экономических противоречий вылился в вооруженный конфликт с королем Франции Филиппом IV Красивым, в ходе которого поддерживавшие представителей графской династии ремесленники нанесли поражение французским войскам в битве при Куртре (1302 г.). Эти события показали, что при формальном отсутствии институционализации (признания в качестве корпораций со стороны магистратов) ремесленные цехи крупных городов были на тот момент достаточно хорошо организованными сообществами, у которых имелись и собственные вооруженные отряды, входившие в городское ополчение. Полученные в 1303–1305 гг. ткачами, сукновалами, стригальщиками, суконщиками, так же как и рядом несукнодельческих цехов Гента¹⁶, Брюгге и Ипра, уставы уже отражают цеховую автономию, о чем свидетельствует, например, сбор штрафов в пользу цеха, наличие старшин, советов, печатей¹⁷.

¹⁵ Recueil de documents... I partie. T. 3. P. 453–458. No. 750–752.

¹⁶ Горожанам Гента еще в ноябре 1301 г. удалось добиться от Филиппа IV роспуска т.н. «Совета XXXIX», контролировавшего управление городом и осуществление правосудия. Действия его членов вызывали возмущение, так как они часто закрывали глаза на преступления, совершавшиеся представителями знатных городских родов. Во многом благодаря этому большая часть жителей Гента не приняла участия в последующем франко-фламандском конфликте. Соответствующий королевский указ многократно переписывался в сборниках городских привилегий. См., например: Rijksarchief te Gent VZ4 — 171 (Fonds Gent No. 171). f. 14v–15r; Rijksarchief te Gent VZ4 — 223 (Fonds Gent No. 223). f. 65r–66r.

¹⁷ Nicholas D. The Medieval Flanders... P. 202–203.

СУКНОДЕЛЫ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ И В БОРЬБЕ С КОНКУРЕНЦИЕЙ

«Революционные» события 1302 г. также привели к тому, что представители ремесленных цехов, главную роль среди которых играли ткачи и сукновалы, добились участия в городском управлении¹⁸. Впрочем, даже в Генте и Брюгге, где сукнодельческие цехи заняли лидирующие позиции в магистратах, в отличие от Ипра, в городском совете которого (за исключением периодов крупных восстаний) продолжал доминировать «патрициат», обязательное соучастие ремесленников в управлении и «квоты», получаемые членами различных цехов, были закреплены лишь во второй половине XIV в.¹⁹ При этом современные исследователи зачастую склонны сомневаться в том, насколько представители профессиональных сообществ в магистратах отражали именно интересы ремесленников, а не использовались узким кругом наиболее могущественных семейств в качестве своих ставленников для проведения выгодных им политических решений²⁰.

¹⁸ Например, в Генте сообщества ремесленников, имевшие политические привилегии, делились на три части (так называемых «членов»): ткачей, сукновалов и «малые цехи» (профессиональные объединения, в основном занятые в обеспечении внутреннего рынка города), каждая из которых, по предположению изучавшего систему управления Гента в XIV в. Д. Николаса, до 1360-х гг. имела равное число представителей в магистрате. При этом число «малых цехов», впервые появляющихся в источниках как группа в 1317 г., менялось: в 1332 г. их было 63, в 1357 г. — 59. *Nicholas D. The van Arteveldes of Ghent. The Varieties of Vendetta and the Hero in History.* Leiden; New York; København; Köln, 1988. P. 5–6. См. также: *Dumolyn J. Guild Politics and Political Guilds in Fourteenth-Century Flanders // The Voices of the People in Late Medieval Europe: Communication and Popular Politics / Ed. by J. Dumolyn, J. Haemers, H.R. Oliva Herrer, V. Challet.* Turnhout, 2014. P. 15–48.

¹⁹ Об изменениях, происшедших в городском совете Гента в XIV в., также см. подробнее в главе «В поисках институционализации...». С. 73–77.

²⁰ *Stabel P. Guilds in Late Medieval Flanders: Myth and Realities of Guild Life in an Export-Oriented Environment // Journal of Medieval History.* 2004. Vol. 30. P. 190–191. Одним из примеров подобного рода могут служить события, предшествовавшие началу восстания 1379–1385 гг. в Генте, когда пользовавшийся большим влиянием

Отметим и то, что далеко не во всех случаях восстания ремесленников, весьма частые на рубеже XIII–XIV вв. не только во Фландрии, но и в значительной части Южных Нидерландов, позволяли представителям сформировавшихся или только возникавших профессиональных сообществ проникнуть в систему городского управления. Например, в городах Брабанта, где в конце XIII — начале XIV в. также происходили крупные восстания ремесленного населения, члены цехов в большинстве случаев не смогли добиться вхождения в состав магистратов. В результате восстания в Брюсселе они участвовали в городском управлении лишь несколько лет (1303–1306 гг.), после чего, как и в остальных городах Брабанта, контроль над управлением городом, и в том числе над работой ремесленников-сукноделов, вновь перешел там к городской знати, сохранявшей его до середины XIV — начала XV в.²¹

Более успешные представители ремесленных цехов Гента, Брюгге и Ипра использовали свою возросшую политическую роль и для того, чтобы добиться от правителей Фландрии привилегий, защищавших местные рынки и местных производителей. Они запрещали изготовление пользовавшихся наибольшим спросом тканей, производившихся в крупном городе, на расстоянии нескольких миль вокруг него в случае, если находившиеся там городки не имели собственных привилегий, исключаяющих их из-под действия монополии Гента, Брюгге и Ипра. Эти «протекционистские» меры затронули интересы ремесленников целого ряда средних и малых фламандских городов, население которых также в основном жило за счет сукноделия. Проблему

в гильдии корабельщиков клан Майхюсов, выражая интересы графа Фландрии Людовика Мальского, сумел добиться от членов этой корпорации согласия на введение невыгодной для них пошлины. См. подробнее: *Майзлиш А.А.* Гент 1379-го: к вопросу о городских самоорганизующихся структурах // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Выпуск 6 (50) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840001585-2-1> (дата обращения 01.08.2017). DOI: 10.18254/S0001585-2-1.

²¹ *Billen C., Kusman D.* Les villes du Brabant face à la crise des finances du duché de Jean II. La crise d'une société tout entière // *Histoire urbaine*. 2012. No. 1 (No. 33). P. 67–71.

усугубляло то, что производимые в этих городах ткани часто действительно являлись дешевой имитацией более дорогого и качественного сукна, которым славились крупные центры, что в определенной степени объясняло предпринимаемые Гентом, Ипром и Брюгге против конкурентов меры²². Контроль качества продукции являлся одной из задач, которые, по мнению властей крупных городов, должны были выполнять цехи, и в случае с дорогостоящими шедшими на экспорт тканями подобный контроль являлся достаточно жестким²³.

При этом положения, закрепленные в уставах, статутах или иных регулирующих работу сукнодельческих цехов документах, зачастую не отражали непосредственно интересов соответствующего профессионального сообщества, а представляли собой результат сложного компромисса,

²² См. подробнее: Майзлиш А.А. Такая разная Фландрия: монополия Гента, Брюгге и Ипра на производство тканей и её пределы (XIV — первая половина XV в.) // Средние века. 2016. Вып. 77 (1–2). С. 180–204.

²³ Такой довод («La fabrication en est surveillée dans les divers métiers, afin que les marchands ne soient pas trompés» — перевод на фр. нидерландского текста источника А. Пиренна и Ж. Эспина) приводился Ипром во время судебного разбирательства в 1373 г. в Совете графа Фландрии Людовика Мальского с соседним Поперинге, обвинявшимся в имитации ипрских тканей. Магистрат Ипра делал акцент на том, что его ремесленники объединены в цехи, работающие в соответствии с уставами и производящие продукцию, проходящую контроль качества, а городские власти соблюдают эти уставы, что позволяет членам цехов зарабатывать себе на жизнь («à Ypres des teinturiers, des teinturiers en bleu, des foulons, des tisserands et d'autres métiers régis par des ordonnances et des eswards. Et il importe que les magistrats fassent respecter les règlements qui permettent aux membres de ces métiers de gagner leur pain...»). Власти Поперинге, напротив, в ходе процесса не упоминали о существовавших в городе сообществах ремесленников. При этом они заявляли, что интересы населения малых городов страдают из-за соблюдения привилегий крупных: «Общие благо для Фландрии состоят в том, чтобы позволить маленьким городам свободно заниматься ткачеством, а не вынуждать их ремесленников уезжать за границу, как это происходит ежедневно, к большому ущербу для страны» («L'intérêt commun de la Flandre est de laisser draper librement les petites villes et de ne pas forcer leurs artisans, comme il arrive journellement, à émigrer à l'étranger au grand détriment du pays»). Recueil de documents... I partie. T. 3. P. 188, 209. No. 649.

достигнутого между самими ремесленниками, городскими властями, объединениями купцов и торговцев²⁴. Поэтому наиболее ярко интересы профессиональных сообществ чаще выражались не в подобного рода документах, а в ходе многочисленных восстаний, во время которых могла проявиться и «коллективная память» той или иной корпорации. Например, восставшие ткачи и сукновалы Ипра в 1359–1361 гг. сформировали вооруженные отряды, выступавшие под собственными знаменами, и требовали восстановить «постановления и ордонансы, которые у них были во времена... Якоба ван Артевелде»²⁵. А в Генте в ходе восстания 1379–1385 гг. ремесленники обратились к опыту событий начала XIV в. и возродили для защиты своих интересов вооруженные отряды так называемых «Белых колпаков», ставшие их основной ударной силой²⁶.

Именно к периодам восстаний относятся и наиболее настойчивые попытки Гента и Ипра добиться, в том числе силой оружия, соблюдения монополии на производство определенных видов тканей от соседних средних и малых городов. Например, в 1327 г., во время восстания в Приморской Фландрии, «Три Города» (Гент, Брюгге и Ипр) предписали ткачам Поперинге прекратить изготовление определенных типов сукна. Это повторилось и во времена Якоба ван Артевелде, в ходе Гентского восстания 1338–1346 гг., когда станки для суконного производства в Поперинге разрушались силами восставших, помимо всего прочего приславших в город своего бальи с небольшим отрядом, которые должны были наблюдать за соблюдением вынесенного решения и терроризировали жителей города²⁷. В мирные периоды возникавшие конфликты пытались разрешить с помощью арбитража графов Фландрии, прошений (в ряде случаев

²⁴ *Stabel P. Guilds in Late Medieval Flanders...* P. 205.

²⁵ *Recueil de documents... I partie. T. 3. P. 781–782. No. 896* ("...constitutions et ordenanches cum il avoient en dou temps... Jaque de Hartev-elle").

²⁶ *Oeuvres de Froissart. Chroniques / Pub. avec les variantes des divers manuscrits, par M. le baron Kervyn de Lettenhove. Vol. 9. Os-nabrück, 1967 (1-oe изд.: Bruxelles, 1867–1877). P. 168–170, 530–531.*

²⁷ *Recueil de documents... I partie. T. 3. P. 177–178, 196. No. 649.*

удовлетворенных²⁸) небольших городов к правителям даровать привилегии, выводившие их суконное производство из-под действия монополии крупных центров.

Связанные с конфликтами между городами-монополистами и нарушителями чужих привилегий источники середины — второй половины XIV в. показывают, что к этому моменту в ряде средних городов (Дендермонде, Поперинге, Слэйсе) у ремесленников-сукноделов уже существовали профессиональные сообщества (хотя их уставы далеко не всегда известны). Мы также знаем о противоречиях между ними, как, например, между ткачами и сукновалами в Дендермонде²⁹ (источники упоминают цехи ткачей, сукновалов и трепальщиков шерсти этого города, во главе которых стояли старшины³⁰). Тем не менее, чаще всего интересы ремесленников малых и средних городов обычно отстаивали не они сами, а городские власти, выступавшие от имени всей «коммуны» (*commune*) или «городской общины» (*ghemeente van der stede*), хотя могли быть и исключения³¹. Например, в Дендермонде сообщество торговцев-суконщиков («*le doien, lez jurés el lez drappiers communément de nostre ville de Tenremonde*») наряду с эшевенами и коммуной («*eschevens et communiet de nostre ville de Tenremonde*») участвовало в разрешении проблем с поиском

²⁸ Например, Лангемарк, ремесленники («*boines gens de la draperie de Longhemarke*») которого также пострадали от попыток ткачей Ипра («*les tisserans et ceuls de le draperie de nostre ville d'Ypre*») разрушить в этом городке суконное производство в ходе восстания 1338–1346 гг., получили от графа Людовика Мальского соответствующую привилегию, подтверждавшую их право заниматься сукноделием. Ibid. Т. 3. Р. 14–15. No. 602.

²⁹ De Rekeningen der Stad Gent Tijdvak van Jacob van Artevelde 1336–1349 / Door N. De Paw, J. Vuylsteke. Gent, 1880. Dl. 2. Р. 42; Recueil de documents... I partie. Т. 3. Р. 381–383. No. 728.

³⁰ Recueil de documents... I-re partie. Т. 3. Р. 130–135. No. 636 («*deiken van den weivers*», «*deiken van den vulres*», «*hoofman van den wulleslaren*»). В числе печатей, которые скрепляли этот документ 1344 г. (признание Поперинге, что его ремесленники не соблюдали привилегии Ипра и обещание соблюдать их в будущем), хранившийся в городском архиве Ипра до его разрушения во время Первой мировой войны, были печати цеха сукновалов и цеха трепальщиков шерсти.

³¹ См., например: Recueil de documents... I-re partie. Т. 3. Р. 122–126. No. 633; Р. 355–357. No. 715.

средств для строительства в городе новых суконных рядов³². В конце XIV–XVI в. появление сукнодельческих цехов в небольших городах, как в рассмотренном вначале примере Ло, было связано с инициативой властей, стремившихся поставить ремесленное производство под больший контроль. Вначале их внимание в основном привлекали центры, производившие сукно на экспорт, но со временем тенденция к регулированию производства, которое, впрочем, не обязательно обозначало именно объединение ремесленников в профессиональное сообщество, стала практически повсеместной, распространившись даже на сельские поселения³³.

Большая численность ремесленников-сукноделов и достаточно низкий уровень жизни многих из них являлись серьезным фактором нестабильности, сами же ремесленники представляли собой мощную военную силу. Это неоднократно проявлялось во время восстаний XIV–XV вв., когда крупным городам удавалось на протяжении нескольких лет успешно сопротивляться попыткам правителей вернуть контроль над своими мятежными подданными (наиболее яркие примеры — Гентские восстания 1338–1346, 1379–1385, 1449–1453 гг.). В тех городах, где представители цехов смогли добиться вхождения в магистраты, их вооруженные отряды были в составе городских ополчений (наряду с членами иных городских сообществ, в первую очередь стрелковых гильдий), обладали собственной эмблематикой, выступали под своими знаменами и т.д.³⁴ Но, вероятно, и в средних городах, где ремесленники не имели политического влияния,

³² Recueil de documents... I-re partie. T. 3. P. 358–359. No. 716.

³³ Эту тенденцию отмечал еще А.Н. Чистозвонов, отмечавший, что в отношении подобных центров следует говорить о корпорациях, статутах и протекционизме, отличавшихся от соответствующих реалий в старых центрах сукноделия. См.: Чистозвонов А.Н. Детерминанты технологии средневекового шерстоткачества (преимущественно на материалах Нидерландов) // Средние века. М., 1973. Вып. 36. С. 22–23.

³⁴ Подобная эмблематика сохранилась и в ряде материальных памятников. Например, на дошедших до нас лишь в прорисовках и частично фресках XIV в., запечатлевших торжественное шествие городского ополчения Гента, из часовни Лёгемете госпиталя св. Иоанна и св. Павла в Генте, в числе городских сообществ изображены и стригальщики сукна.

сукноделы могли сформировать достаточно большие вооруженные отряды. Например, во время событий упомянутого выше ипрского восстания *Sockerulle* конца XIII в. его лидеры, имевшие тесные связи с Поперинге, по словам опрошенных в ходе проведенного графом расследования свидетелей, наняли ткачей, сукновалов, резчиков и стригальщиков сукна из Поперинге и вооружили тех из них, у кого не было собственного оружия. После этого отряды из Поперинге приняли активное участие в событиях в Ипре, устроив шумные беспорядки³⁵. В тексте источника называются только имена и профессии ремесленников; вполне вероятно, что на тот момент у них еще не было организованных профессиональных сообществ и часть из них могла работать, выполняя заказы купцов из Ипра. Но, судя по событиям уже XIV в., во время конфликтов с Ипром сукнодельческие цехи Поперинге не сумели оказать какое-либо сопротивление силам восставшего Ипра и Гента, стремившихся остановить их производство, вероятно не имея и на тот момент собственной военной организации³⁶.

СОВСЕМ ИНЫЕ СООБЩЕСТВА: АРБАЛЕТЧИКИ И ЛУЧНИКИ

В крупных городах, несомненно, цехи сукноделов, как и другие профессиональные сообщества, не только входили в состав городского ополчения, но и принимали участие в различных торжественных церемониях и процессиях, хотя со временем их роль в подобных мероприятиях становилась все меньше. Отметим, что при этом ткачи и сукновалы (как и представители иных ремесленных цехов) в большинстве случаев сохраняли свои политические позиции в магистратах в XV–XVI вв. А в тех городах, где сукноделие сталкивалось с серьезным кризисом и изготовление тканей постоянно падало как например в Ипре, их

³⁵ *Recueil de documents... I partie*. Т. 3. Р. 102–109. No. 626.

³⁶ Еще одной причиной могло являться то, что часть магистрата Поперинге находилась на стороне восставших в Ипре, поэтому вооруженное сопротивление не пытались организовать и сами городские власти. Сама по себе эта задача являлась сложной для Поперинге, т.к. город не был обнесен стенами. *Ibid*. Т. 3. Р. 196. No. 649.

политические функции со временем стали даже более значимыми, чем функции, связанные с регулированием производства. Но в области городской культуры роль этих профессиональных сообществ, достаток членов которых в основном был весьма низким, никогда не была сопоставима с ролью представителей городской знати, купеческих гильдий и различного рода братств. В число подобных братств (формально религиозных, объединенных одним святым-покровителем) входили такие широко распространившиеся в конце XIV–XVI в. специфические сообщества как стрелковые гильдии (братства лучников и арбалетчиков). Помимо военных функций они выполняли также и «рекреативные» (т.е. связанные с развлечениями), речь о которых пойдет чуть ниже, и известны нам во многом именно благодаря последним. Кроме того, с XV столетия в культурной жизни и организации празднеств в Нидерландах активно участвовали палаты риториков (камеры редерейкеров) — сообщества, занимавшиеся поэтическим творчеством и постановкой различного рода театрализованных представлений³⁷.

Эти братства, гильдии и палаты в значительной степени отличались от сообществ ремесленников, зачастую объединяя представителей различных занятий (крупной знати, могущественных городских родов, разных ремесленников). Они не являлись и специфически городскими, появляясь также в деревнях, хотя в большей степени были характерны для городов, как крупных, так и малых. Сеть культурных связей внутри региона, которую на протяжении двух-трех столетий сформировали эти сообщества, охватила города Фландрии, Льежского епископства, Брабанта, Эно, Артуа, а позднее Голландии и Зеландии. Они организовывали престижный и популярный среди горожан вид развлечений — соревнования (в стрельбе и сочинении пьес и стихов), на которые приглашались «команды» из ближних и довольно далеких мест, в случае со стрелковыми гильдиями — и из-за пределов Нидерландов (например, из северной части Франции). Наиболее крупные из подобных состязаний собирали сотни участников и представляли собой весьма хорошо организованные зрелищные мероприятия, довольно длительные

³⁷ Stabel P. Guilds in Late Medieval Flanders... P. 190–192.

по времени (могли проходить на протяжении месяца и даже дольше), на проведение которых тратились значительные средства из городских бюджетов³⁸.

Здесь мы кратко остановимся лишь на одном из этих двух типов нидерландских сообществ, имевших «рекреативные» функции, — стрелковых гильдий³⁹. Стоит отметить, что источниковая база, позволяющая изучать их историю, достаточно широка и разнообразна. В ряде случаев сохранились и их уставы, и полученные от правителей привилегии, и списки членов гильдий, и приглашения, которые рассылал город-организатор соревнований, и достаточно подробные описания состязаний в нарративных источниках, и записи счетов гильдий, содержащие данные о тратах на организацию совместных торжественных трапез, и даже планы раскладки членов гильдий во время подобных пиров⁴⁰.

³⁸ Stein R. An Urban Network in the Medieval Low Countries. A Cultural Approach // Chapter II. Networks, Regions and Nations: Shaping Identities in the Low Countries, 1300–1650 / Ed. by R. Stein, J. Pollmann. Leiden; Boston, 2010. P. 60–61. См. также: *Lecuppre-Desjardins E. La ville des cérémonies. Essai sur la communication politique dans les villes des anciens Pays-Bas bourguignons*. Turnhout, 2004.

³⁹ Обзор истории палат риторики см. в: *Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Нидерландские камеры редерейкеров и их состязание в Генте в 1539 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Выпуск 6 (50) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001533-5-1> (дата обращения 09.08.2018). DOI: 10.18254/S0001533-5-1.

⁴⁰ В последнее десятилетие изучением различных аспектов истории фламандских стрелковых гильдий активно занималась британская исследовательница Лора Кромби, достаточно подробно проанализировавшая в своих статьях и обобщающей монографии многие из этих источников. См., например: *Crombie L. Defence, Honor and Community. The Military and Social Bonds of Dukes of Burgundy and Flemish Shooting Guilds* // *Journal of Medieval Military History*. 2011. Vol. IX. P. 76–96; *Eadem. Honor, Community and Hierarchy in the Feasts of the Archery and Crossbow Guilds of Bruges, 1445–81* // *Journal of Medieval History*. 2011. Vol. 37. No. 1. P. 102–113; *Eadem. French and Flemish Urban Festive Networks: Archery and Crossbow Competitions attended and Hosted by Tournai in the Fourteenth and Fifteenth Centuries* // *French History*. 2013. Vol. 27. No. 2. 2013. P. 157–175; *Eadem. Archery and Crossbow Guilds in Medieval Flanders, 1300–1500*. Woodbridge (UK), 2016.

Тем не менее, проследить процесс возникновения сообществ лучников и арбалетчиков, наиболее ранние из которых появляются в начале XIV в.⁴¹, также сложно, как и в случае с возникновением сукнодельческих цехов. Например, о гильдии св. Георгия в Генте, объединявшей арбалетчиков (лучники этого города входили в гильдию св. Себастьяна) впервые упоминается в городских счетах за 1314–1315 гг., но ее первый устав датируется лишь 1364 г.⁴² Исследователи предполагают, что появление стрелковых гильдий было непосредственно связано с основной и изначальной (нерекреативной) функцией этих сообществ, вероятно, выделившихся из городских ополчений, — обеспечением обороны своих городов, а также и своего княжества в целом. В процитированной в эпиграфе поэме «Об особенностях городов Фландрии» занятия жителей ряда центров, расположенных на юге графства, откуда, со стороны Франции, чаще всего исходила опасность нападения, связываются с военными, в том числе оборонительными функциями: «Метатели копья Лилля... / Лучники Дуэ... / Бойцы Касселя... / Часовые Грунинге⁴³...»⁴⁴ Лучники и арбалетчики обычно являлись относительно небольшой по численности, но важной частью городских ополчений и тех сил, которые города по требованию властей должны были отправлять для укрепления других районов, находившихся в опасности⁴⁵. При весьма сложных

⁴¹ Состязания стрелковых гильдий из разных городов в Нидерландах начали проводиться уже в 1320-е гг. Это говорит о том, что появление подобных сообществ, скорее всего, произошло несколько раньше, чем было зафиксировано в письменных источниках.

⁴² См. исследование средневекового периода истории этой гильдии, существующей в Генте и по сей день: *Boone M. De Sint-Jorisgilde van kruisboogschutters in Gent tijdens de middeleeuwen, militaire corps naar society club? // Gedenkboek 700 jaar Sint-Jorisgilde Gent: 1314–2014. Gent, 2014. P. 9–32.*

⁴³ Вероятно, небольшое местечко, где произошла битва при Куртре.

⁴⁴ *De properheden vanden steden van vlaenderen... P. 48 ("Speerbrekers van rijsele... / Scutters van douay... / Vechters van cassele... Wachters van Greueninghe...").*

⁴⁵ В подобной ситуации, возникшей летом 1388 г., наместник Фландрии Вильгельм Намюрский, по согласованию с герцогом Филиппом Храбрым и с представителями Гента, Брюгге, Ипра и Свободного

отношениях городов со своими правителями и друг с другом, политической нестабильности, характерной для большей части региона (оказавшегося в том числе вовлеченным в англо-французский конфликт в начале Столетней войны), необходимость организовывать защиту города могла быть весьма острой и вдали от пограничных областей. Это, несомненно, создавало почву для появления разного рода военизированных сообществ, в том числе возникавших как религиозные братства.

О масштабах распространения подобных гильдий свидетельствует и ряд «запретительных» указов правителей уже более позднего периода. Например, в 1385 г. герцог Бургундский Филипп Храбрый запретил знатым (*«noble et notable»*) жителям бальяжа Брюгге, а в 1397 г. — фламандских городов Лилля, Дуэ и Орши и их кастелянств набирать собственные отряды из разного рода людей (их членов можно было опознать по отличительным коттам и головным уборам)⁴⁶. В указах сообщается, что такие вооруженные формирования пытались замаскировать под братства, организуемые для участия в соревнованиях по стрельбе из арбалета и лука (*«soubz umbre de gieux de l'arbalestre et ars a main»*). Причиной же запретов послужило то, что во время многочисленных собраний, проводимых подобными братствами в различных местах, происходили серьезные беспорядки⁴⁷. Похожие ука-

Округа (фактически игравшими во Фландрии роль территориального представительства, которое должно было выражать интересы всех остальных городов и общин), обязал города Дуэ и Орши и их кастелянство отправить вооруженный отряд из 100 человек для защиты (вероятно, от ожидавшегося нападения англичан) расположенного на побережье Ньивпорта. При этом оговаривалось, что 1/8 часть из них должны составить арбалетчики. *Ordonnances de Philippe le Hardi, de Marguerite de Male et de Jean sans Peur. 1381-1419. T. 1. Ordonnances de Philippe le Hardi, de Marguerite de Male du 16 octobre 1381 au 31 décembre 1393 / Pub. sous la dir. de P. Bonenfant par J. Bartier et A. van Nieuwenhuysen. Bruxelles, 1965. P. 279-280. No. 188.*

⁴⁶ Исключение составляли лишь лица, находившиеся у них на службе, которым разрешалось носить соответствующую отличительную одежду.

⁴⁷ *Ordonnances de Philippe le Hardi... T. 1. P. 86-87. No. 68; Ordonnances de Philippe le Hardi, de Marguerite de Male et de Jean sans Peur. 1381-1419. T. 2. Ordonnances de Philippe le Hardi, de Margue-*

зы, направленные на обеспечение внутреннего порядка и за-
прещавшие формирование «ложных» стрелковых гильдий,
издавались и позднее. Например, в 1432 г. герцог Филипп До-
брый ввел соответствующий запрет для Эно (в этом случае
речь шла не об отдельных городах или территориях, а обо
всем графстве)⁴⁸.

При этом настоящие стрелковые гильдии, занимавшиеся
далеко не только подготовкой к состязаниям, но и, как уже
отмечалось, участвовавшие в организации обороны своего
города и княжества, являлись достаточно привилегирован-
ными сообществами, часто получавшими поддержку от го-
родских властей и правителей. Существование стрелковых
гильдий во многом способствовало укреплению престижа
города, так же как и проведение соревнований или участие
в них. Стоит отметить и тот факт, что, в отличие от уставов
фламандских сукнодельческих цехов, в большинстве сво-
ем содержащих информацию, связанную с регулировани-
ем рабочего процесса ремесленников и контролем качества
изготавливаемой ими продукции, уставы стрелковых гиль-
дий содержат значительно больше сведений о внутренней
жизни этих сообществ.

Уставы могли получать даже гильдии совсем небольших
местечек. Только во Фландрии за период правления первых
трех герцогов Бургундских уставы и привилегии получи-
ли около 40 городов, большинство которых можно отнести
к числу средних или малых. Такие документы сохрани-
лись как для крупных и небольших сукнодельческих цен-
тров, о которых шла речь выше (Гента, Ипра, Дендермонде,
Лангемарка, Ло и др.⁴⁹), так и для ряда городков, население

rite de Male du 17 janvier 1394 au 25 février 1405 / Pub. sous la dir. de
P. Bonenfant et J. Bartier par A. van Nieuwenhuysen. Bruxelles, 1974.
P. 240–242. No. 480. Возможно, именно из-за подобных беспоря-
дков уже имевшее свои статуты с 1383 г. братство арбалетчиков Дуз,
в 1393 г. получило привилегию на ношение в городе «ножей» (*sous-
teaux*) с оговоркой о том, что это не приведет ни к каким волнени-
ям. *Ordonnances de Philippe le Hardi*... T. 1. P. 568. No. 345.

⁴⁸ *Ordonnances de Philippe le Bon pour le Compté de Hainaut. 1425-
1467* / Pub. par J.-M. Cauchies. Bruxelles, 2010. P. 80–82. No. 46.

⁴⁹ Интересно, что подобного рода документы не сохранились
для Поперинге.

которых жило за счет иных занятий, в том числе приморских центров — Гравлина и Ньивпорта⁵⁰. Рассмотрим пример Ла Бассе (La Bassée) — маленького сеньориального городка, располагавшегося на юге Фландрии, в кастиелянстве Лилля. В 1389 г. его сеньор Валеран Люксембургский — один из наиболее могущественных представителей крупной нидерландской знати, несколькими годами позже выдавший свою дочь за среднего сына Филиппа Храброго, — получил от короля Франции Карла VI подтверждение устава из 14 пунктов, разработанного для братства арбалетчиков этого города с согласия членов самой гильдии. Они должны были поклясться соблюдать соответствующий ордонанс; вступив в братство, в установленный срок приобрести арбалет; носить отличительный головной убор. В случае если гильдия получала приглашение принять участие в состязании за получение какой-либо награды, проводившемся за пределами города, коннетабль (глава братства), выбирал наиболее достойных членов братства, которых отправляли на соревнование. При этом их расходы оплачивались за счет братства, но и приз, в случае если арбалетчики города выигрывали его, переходил в общее распоряжение всех членов гильдии. Устав также предусматривал сбор определенных средств, которые шли на обеспечение этих расходов, также как и для организации ежегодного праздника (*feste*), который устраивала гильдия.

Кроме того когда кто-то из членов братства женился, остальные должны были участвовать в свадебной процессии, а также преподнести ему в подарок серебряный сосуд. Также они обязывались участвовать в похоровах членов братства, а если умерший был слишком беден и некому было оплатить расходы на поминальную службу, эти траты возлагались на членов братства. Эта оговорка позволяет предположить, что в малых городах, также как и в крупных центрах, состав членов стрелковых гильдий был весьма разнородным, включая представителей самых небогатых горожан (хотя необходимость приобрести арбалет все же предполагала наличие у членов братства определенных средств, по крайней мере на момент вступления в него).

⁵⁰ Crombie L. Defence, Honor and Community... P. 93–96.

Устав предусматривал и несение членами гильдии службы по требованию коннетабля, а также их помощь в организации обороны города⁵¹.

Таким образом, устав братства арбалетчиков Ла Бассе включал в себя достаточно типичные для подобного рода источников положения, в том числе о важных для консолидации многих средневековых сообществ пирах, свадьбах, похоронах, предполагавших участие всех его членов. Отметим и то, что пункты, посвященные участию этой гильдии в соревнованиях, стоят в документе одними из первых, намного раньше тех, в которых речь идет о службе членов братства, — т.е. об их обязанностях участвовать в военных кампаниях своего сеньора или обороне города. Это свидетельствует о тенденции к тому, что, сохраняя свои военные функции, стрелковые гильдии уже в XIV столетии в большей степени рассматривались именно как «рекреационные» сообщества, важной задачей которых, прописываемой в уставах, полагалось участие в состязаниях. С другой стороны, при всей своей зрелищности (команды получали призы не только за стрельбу, но и, например, за лучший выход на поле) подобного рода состязания помогали членам гильдий оттачивать свое мастерство владения оружием, которое могло пригодиться во время настоящей войны.

Стоит заметить, что при достаточно серьезных отличиях, существовавших между двумя типами городских сообществ в Нидерландах, о которых шла речь в этой главе, — сукнодельческими цехами и стрелковыми гильдиями — между ними можно найти и важное сходство. И те, и другие в определенной степени определяли лицо своего города. Первые — обеспечивали изготовление качественных тканей (для чего и требовалось особое внимание к регулированию процессов производства и продажи), которыми мог славиться их город. В случае несоответствия качества необходимым стандартам сукноделов могло ждать суровое наказание — конфискация печатей, которые ставились на маркировавшие ткани пломбы, что делало невозможным продать свое сукно как ткань, изготовленную именно в этом городе. Вторые — представляли высокие навыки горожан в стрельбе,

⁵¹ Ordonnances de Philippe le Hardi... Т. 1. P. 323–326. No. 215.

что способствовало поддержанию престижа городской общины в целом, обеспечению ей достойного места среди других городов своего княжества или региона в целом. Возможно, именно поэтому стрелковые гильдии объединяли в своих рядах представителей столь разных групп городского населения. Сообщества сукноделов не сомневались в том, что именно они обеспечивают своим трудом богатство и процветание своих городов и земель. И их доводы (наряду с настойчивостью в отстаивании собственных интересов, в том числе и вооруженным путем) приносили свои плоды, где-то позволяя добиться участия в городском управлении или монополии на производство определенных видов сукна, где-то — получить необходимые экономические привилегии, чтобы начать или продолжать вести производство. Тем не менее, хотя в XIV–XVI вв. на ткачей и сукновалов, вероятно, уже не смотрели как на «самых худородных людей на свете», специфика их работы не способствовала тому, чтобы их сообщества рассматривались другими горожанами, а тем более знатью и правителями, как престижные. Стрелковые же гильдии обладали в этом отношении несомненным преимуществом — война продолжала рассматриваться в первую очередь как занятие знати. И хотя луки и арбалеты ассоциировались, скорее, с оружием горожан и наемников-профессионалов, даже герцоги Бургундские не считали зазорным состоять в наиболее известных городских стрелковых гильдиях Фландрии и Брабанта, в том числе в гентской гильдии Св. Георгия, и даже участвовать в их состязаниях, поддерживая таким образом связь со своими подданными-горожанами. Их примеру следовали и многие другие знатные сеньоры⁵².

⁵² Crombie L. Defence, Honor and Community... P. 88–92.

БРАТСТВО ЧЕРНОГОЛОВЫХ В ГОРОДАХ ЛИВОНИИ

Купеческое братство Черноголовых, существовавшее в городах Старой Ливонии, во многом служило тем же целям, что и прочие гильдии и конфрерии средневекового города. Оно отстаивало общие интересы своих членов, оказывало им поддержку, заказывало мессы, создавало гильдийные алтари, почитало своих святых, проводило похороны и поминки умерших братьев. Оно задавало также ритм городской жизни, достигавшей своей высшей точки в больших ежегодных праздниках. Но братства Черноголовых, существовавшие в городах Ливонии, отличались еще и тем, что объединяли лишь холостяков, не являвшихся гражданами данного города и принадлежавшими исключительно к немецкой нации. Среди их функций при этом превалировали военная и развлекательная (рекреационная).

Братства Черноголовых существовали почти в 20 ливонских городах, однако более или менее подробные документальные свидетельства о них сохранились лишь в Ревеле (Таллине), Риге, Дерпте (Тарту), Нарве. Наиболее ранним и наиболее известным было ревельское братство, о чьей долгой истории сохранилось больше всего источников (формально оно существовало с 1400 по 1940 г.).

Для историков XIX и XX столетий, в основном из числа остзейских немцев, изучение средневековых городских гильдий представляло собой занятие собственным прошлым. Однако обобщающей истории средневековых торговых организаций Ливонии написано не было. Небольшой обзор истории братства Черноголовых предваряет публикацию его устава, увидевшую свет в 1885 г.¹ В том же году Фридрих Амелунг опубликовал свою монографию об этом братстве².

¹ Nottbeck E., von. Die alten Schragen der Großen Gilde zu Reval. Reval, 1885. S. 9–39.

² Amelung F. Geschichte der Revaler Schwarzenhäupter von ihrem Ursprung bis auf die Gegenwart. Reval, 1885; Amelung F., Wrangell G. Geschichte der Revaler Schwarzenhäupter. Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Kaufmanns im Osten. Reval, 1930.

Оба издания сегодня в значительной степени устарели. Во время первого периода независимости балтийских республик между 1918 и 1940 гг. и последующего советского периода темы, касающиеся немецкого компонента местной истории, оставались в тени. С 1990-х годов проявился новый всплеск интереса к социальной истории городов средневековой Ливонии, который также содействовал исследованию городских гильдий. В немалой степени это совпало с восстановлением величественного здания братства Черноголовых в Риге (1999–2000); тогда же была завершена реставрация фасада ревальского здания братства на улице Пик. В 1999 г. появился сборник статей о ревальских Черноголовых³. В последние годы публикуется немало исследования об отдельных аспектах социальной жизни и материальной культуры гильдий⁴.

КАК ВОЗНИКЛО БРАТСТВО

В ганзейских городах доминирующую роль в муниципальном управлении играли объединения купцов, ведущих заморскую оптовую торговлю. Как правило, в таких городах складывались своеобразные «патрицианские гильдии», из которых в основном и рекрутировались ратманы — члены городского совета. В Ревеле, как и Риге, такую роль играла Большая гильдия (иногда ее называли Старшей гильдией) в отличие от гильдий, в которые входили ремесленники.

В Ревеле упоминания о Большой гильдии относятся к 1325 г., а в Риге к 1354-му, когда из общегородской гильдии Святого креста и Троицы выделилась гильдия Девы Марии, объединявшая уже исключительно купцов-оптовиков, и притом немцев.

В начале XV в. и в Ревеле, и в Риге появляются упоминания и о братстве Черноголовых, особым образом соотносящимся с Большой гильдией.

³ Tallinna Mustpead: Mustpeade vennaskonna ajaloost ja varadest = Revaler Schwarzenhäupter: Geschichte und Schätze der Bruderschaft der Schwarzenhäupter / Ed. J. Kreem, U. Oohup. Tallinn, 1999.

⁴ Mänd A. Pidustused keskaegse Liivimaa linnades 1350–1550. Tallinn, 2004; Idem. Urban Carnival: Festive Culture in the Hanseatic Cities of the Eastern Baltic, 1350–1550. Turnhout, 2005.

Первоначально в общество Черноголовых принимались молодые купцы из других городов, которые не могли вступить в Большую гильдию, например из-за отсутствия собственного дома в Риге или Ревеле. Поэтому неудивительно, что следы присутствия членов братства можно найти в других городах. В частности, известны Черноголовые из Штральзунда. Там члены братства Св. Анны, к которым принадлежали купцы, торгующие с Ригой (*Rigafahrer* — «ездоки в Ригу»), в документах 1465 и 1513 назывались Черноголовыми⁵. Кроме того, считается, что Черноголовые действовали в Висмаре, так как окно в доме местного Общества Попугая⁶ было украшено гербом Черноголовых⁷. Однако некоторые историки подвергают сомнению существование висмарских Черноголовых и считают декор окна всего лишь подарком рижских Черноголовых. На возможное присутствие Черноголовых в Новгороде указывают предписания для немецкого подворья от 1466 г.⁸

⁵ Brück T. Zur Geschichte der Stralsunder Rigafahrer von der Mitte des 14. bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts // Fernhandel und Handelspolitik der baltischen Städte in der Hansezeit / Hrsg. N. Angermann, P. Kegbein. Lüneburg, 2001. S. 97–136 (здесь 117).

⁶ Было образовано в 1379 г. как Обществом пивоваров г. Висмара. Играло важную роль при организации городских праздников. С 1792 г. организация стала именоваться Обществом купцов (*"Kaufmanns-Compagnie"*). Kempel G. Geographisch-statistisch-historisches Handbuch des Mecklenburger Landes. Güstrow 1837. Bd. 1. S. 84; Barthold F.W. Die Geschichte der deutschen Hanse. Paderborn, 1909. S. 151; Deutsches volksblatt: Eine Monatschrift für das Volk und seine Freunde. Leipzig, 1847. Bd. 3. S. 77–78.

⁷ Brück T. Bemerkungen zur Kaufmannschaft Rigas in der ersten Hälfte des 15. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Schwarzhäupter // "Kopet uns werk by tyden": Beiträge zur hansischen und preußischen Geschichte. Festschrift für Walter Stark zum 75. Geburtstag / Hrsg. N. Jörn, D. Kattinger, H. Wernicke. Schwerin, 1999. S. 113–130 (здесь 121).

⁸ "...Vortmer en sall neen swart hovel jungen holden..." (Liv-, est-, und kurländisches Urkundenbuch / Hrsg. Ph. Schwartz. Riga; Moskau, 1910. Bd. 12. S. 207. No. 379). Однако среди исследователей нет уверенности, что речь идет именно о братстве Черноголовых. Подробнее см.: Spiliet H. Geschichte des rigischen Neuen Hauses, des später sogenannten König Artus Hofes, des heutigen Schwarzhäupterhauses. Riga, 1934. S. 7; Mettig C. Weisse und Schwarzhäupter in Nowgorod // Sitzu-

Но в это братство также вступали и местные приказчики (факторы) городских купцов, не открывшие пока собственного дела. Постепенно все большую долю членов братства стали составлять сыновья купцов Большой гильдии, которые при этом уже сами вели торговлю или организовывали морские перевозки. С течением времени братство Черноголовых во все большей степени превращалось в своеобразный «подготовительный класс» перед вступлением в Большую гильдию. Аналоги подобному положению дел можно найти в других ганзейских городах, например, в Любеке, где первой ступенью перед вступлением в более важные купеческие объединения служило общество Гревераде⁹.

Братства Черноголовых в Ливонии имеют много общего с бюргерскими «домами короля Артура», возникшими в XIV и XV вв. в шести прусских городах, самые старые — в Ельбинге (Ельблонге) и Данциге (Гданьске)¹⁰. Основателями домов собраний бюргерства, освященных именем короля Артура, были, как правило, члены братств, объединявших представителей городской элиты (чаще всего это было братство Св. Георгия). Входящие в него представители городского патрициата, несмотря на свое купеческое происхождение,

ngsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1910. Riga, 1911. S. 80–82.

⁹ Общество Гревераде было основано около 1450 г. А. Грассман, полагает, что общество получило по имени Альфа Гревераде (Alf Greverade) в 1455 г. Было образовано для купцов, занимавшихся торговлей на дальние расстояния. Представляло собой общество молодых купцов, которые впоследствии вступали в более крупное общество, *Zirkelgesellschaft*. См.: *Graßmann A. Die Greveradenkompanie Greveradenkompanie: Zu den führenden Kaufleutegesellschaften in Lübeck um die Wende zum 16. Jahrhundert // Der hansische Sonderweg? Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse / Hrsg. S. Jenks, M. North. Köln; Wien, 1993. S. 109–134 (здесь 116). В 1489 г. общество насчитывало 33 человека. См.: *Archiv für Hansestadt Lübeck (AHL). Buch der Greveradenkompanie, fol 9v.: Zirkelgesellschaft. См.: Dünnebeil S. Die Lübecker Zirkel-Gesellschaft. Formen der Selbstrepräsentation einer städtischen Oberschicht. Diss. Kiel, 1995. S. 149, 153.**

¹⁰ *Selzer S. Artushöfe im Ostseeraum: Ritterlich-höfische Kultur in den Städten des Preußenlandes im 14. und 15. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1996 (Kieler Werkstücke. Reihe D, 8). S. 21–34. См. также: Czaja R. Patrician guild on the Baltic coast // Acta Poloniae Historica. 2005. Vol. 92. P. 31–53.*

подражали дворянскому образу жизни, украшая свои залы гербами, устраивая пышные застолья и турниры. Надо отметить, что турниры были одним из любимых занятий ливонских Черноголовых, в особенности во время празднования Масленицы¹¹. Кстати, здание, сегодня именуемое Домом Черноголовых в Риге, со второй половины XV в. называлось «Двором короля Артура» (*koningk Artushoff*), вероятнее всего, по прусскому образцу. И лишь значительно позже оно перешло к братству Черноголовых.

О названии братства Черноголовых по-прежнему спорят. Большинство историков сходятся в том, что стоит различать два разных типа организаций, обозначаемых этим термином. Более ранний, известный с XIV в., создали так называемые *Stallbrüder* («конюхи») — стражи и слуги в замках феодалов¹². Их порой называли черноголовыми, вероятнее всего, из-за их покровителя — Св. мученика Маврикия, предводителя Фиванского легиона. Средневековая традиция изображала его чернокожим африканцем, она же приписывала ему обладание Святым Копьем. Другой тип организации был представлен объединениями молодых купцов. Прямая преемственность между военными и купеческими братствами не доказана, однако Черноголовые такую версию культивировали. Так, по легенде, первым подвигом ревельских Черноголовых было активное участие в обороне города во время так называемого восстания Юрьевой ночи 1343–1345 гг., когда Ревель оставался единственным оплотом немцев-христиан, не захваченным мятежными эстами.

Этому нет документальных подтверждений, поскольку впервые о братстве Черноголовых Ревеля упоминается в его договоре с доминиканским монастырем 1400 г. Однако военные функции братств с течением времени выходили на первый план.

¹¹ Mänd A. Urban Carnival... P. 238–248.

¹² Russwurm C. Die Schwarzenhäupter auf den Schlössern Livlands // Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands. Bd. 2. 1876. S. 360–392; Stavenhagen O. Über die ländlichen Schwarzhäupter auf den livländischen Schlössern // Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus 1895. Riga, 1896. S. 27–29; Spliet H. Geschichte des rigischen Neuen Hauses, des später sogenannten König Artus Hofes, des heutigen Schwarzhäupterhauses. Riga, 1934. S. 2–5.

ЗАЩИТИТЬ ГОРОД ОТ ВТОРЖЕНИЙ

По уставу братства, в 1406 г. утвержденному ревельским магистратом («Большие права»), Черноголовые брали на себя обязанность защищать город от любого вражеского вторжения. Братство обеспечивало город конным подразделением. Всадники братства патрулировали городские стены, а шестеро конников ездили кругами по внутреннему периметру стен, когда городские ворота запирались после захода солнца. В следующем столетии к задачам ревельских Черноголовых добавились и функции пожарной охраны. В 1526 г. братство передало магистрату Ревеля 8 камнемётных машин, 20 пушечных лафетов и 66 орудий малого калибра. Было пожертвовано 50 золотых марок на изготовление пушек для Нарвы (возможно, для нарвского братства), причем оговаривалось, что на всех орудиях будет изображен герб Черноголовых.

Во время Ливонской войны члены ревельского братства Черноголовых участвовали во многих сражениях: одно из первых произошло в 1560 г. неподалеку от городских стен, у Пярнуской дороги. В память о своих погибших тогда собратьях Черноголовые воздвигли памятный крест и заказали доску с эпитафией, на которой павшие изображены на фоне городского пейзажа. Таллинские краеведы считают это первым изображением своего города. Черноголовые весьма успешно действовали и при обороне Ревеля в 1570–1571 и 1577 гг.

Братство Черноголовых непременно участвовало во всех торжествах и процессиях, религиозных и светских, с танцами, музыкой и факелами, на конях и пешими. Им предоставлялось право встречать почетных гостей в гавани или же перед городскими воротами и сопровождать их до отведенных им квартир.

Так, например, когда в 1536 г. новый ландмейстер Ливонского ордена Герман фон Брюггенос торжественно въезжал в Ревель, впереди двигались рыцари провинций Харриен и Вирланд (Северная Эстляндия), но сразу за ними следовала вооруженная свита, состоящая из ревельских Черноголовых. В тот же день на площади Ратуши состоялся турнир, на котором рыцарь сражался с представителем города. В тот день победа неожиданно досталась бюргеру. И это едва не вылилось в столкновение между горожанами Нижнего города и оскорбленными рыцарями — слишком много

накопилось взаимных обид. Хронист Бальтазар Рюссов отмечает особую роль бургомистра в улаживании конфликта: «...в 1536 г. на Сретение Господне, Герман фон Брюнгеней въехал в Ревель, в какое-то время в Ревеле ему и присягали. Когда же магистр находился в ратуше, едва не случилось большое несчастье между знатью и бюргерством, поскольку один рыцарь и один представитель купечества¹³ хотели в честь магистра дать на рынке турнир. И когда представитель купечества сбил рыцаря... в среде знати послышались недовольные речи, из-за чего поднялся шум между знатью, бюргерами и их сторонниками... Магистр с ратуши умирал крики рукою и словом... но ничего не помогло... Наконец, это смятение умирал Томас Фегезак, бургомистр, который был человек значительный...»¹⁴

Трудно представить, что «представителем купечества», настолько владевший искусством конного боя и турнирными приемам, был кто-то иной, а не представитель братства Черноголовых, учитывая указанное выше их увлечение турнирами. Надо отметить, что братство уделяло много внимания различного рода состязаниям, призванным укреплять боевые навыки; помимо верховой езды и турниров, устраивались стрелковые соревнования. В собрании серебра братства Черноголовых сохранилась фигурка попугая с рубиновыми глазами, сделанная в первой половине XVI в. Это был

¹³ Под термином «*kopgeselle*» подразумевается чаще всего «управляющий торговлей». См.: Burkhardt M. Der hansische Berghandel im Spätmittelalter. Handel—Kaufleute—Netzwerke. Köln; Weimar; Wien, 2009. S. 115.

¹⁴ «...Anno 1536. Op Lichtmissen Herman von Brügeneij tho Reuel angereden, op welckerer tijdt em tho Reuel gehüldiget morgen, ende alsoe de Meister op dem Rathuse tho gaste gewesen, hadde sick schijf ein groth ungelücke twischen den van Adel unde de Boergeschop thogetragen, wente einer van adel unde eine kopgeselle, de wolden dem Meister tho ehren ein Konnespel op dem Marckede duen, unde alsoe eine Kopgeselle den Eddelman herunter stack...hebben sick dertwegen vordretliche rede hören laten, daruth eine grote uneinicheit unde tumult twischen den Adel unde Börgern samt eren anhangen dermaten entstahn...de Meister op dem Rathuse, gebot frede mit hande und munde...und halp auest alles nicht...Endlick is disse Uploep dorch Herr Thomas Fegesack Borgemeister, welcher ein ansehnlicker man gewesen, gestillet worden...». Цит. по: Rüssow B. Chronica der Provinz Lyfflandt // Scriptores Rerum Livonicarum. Bd. 2. S. 35.

переходящий приз, который вручался победителю в соревнованиях по стрельбе из арбалета. Стрелковые гильдии или общества в городах того времени часто избирали попугая в качестве эмблемы. Вспомним висмарское Общество Попугая, чье окно было украшено гербом Черноголовых.

Ревельский казус 1536 г. показывает, что одной из важнейших функций братства Черноголовых была демонстрация элитарного, «квазифеодального» характера руководства общины, способного в какой-то мере соперничать с рыцарством, не уступая ему в ратных подвигах (вспомним легендарное участие братства в событиях «Юрьевой ночи»). Во всяком случае, среди горожан лишь Черноголовые имели право, подобно дворянам, носить в городе меч, а позже — шпагу.

ЭЛИТАРНОСТЬ «ВОСХОДЯЩИХ КУПЦОВ»

Но существовал и иной, не столь ярко выраженный «фронт социального противостояния». Братства Черноголовых появляются примерно через полвека после того, как в крупных ливонских городах организационно оформляется иерархическое разделение внутри городской общины.

Если появление в источниках Большой гильдии в Ревеле в 1325 г. мы лишь гипотетически можем связать с отделением купцов от представителей иных профессий, то в Риге в 1354 г. появление купеческой гильдии Девы Марии прямо было связано с отделением ее от общегородской гильдии Святого креста и Троицы. Название «Большая гильдия» не имело формального характера — считается, что оно указывало на размеры участка и возведенного на нем здания, поскольку купцы могли себе позволить построить дом для своих заседаний гораздо большего размера, чем ремесленники.

Гильдии ремесленников в Риге и Дерпте назывались «Малыми». В Ревеле же ситуация была немного иной: у ремесленников было две гильдии — Св. Канута (Кнута) и Св. Олая (Олафа). Их ранняя история в обоих случаях связана со скандинавским (датским и шведским) влиянием¹⁵. Гильдия

¹⁵ Margus A. Einleitung // Katalog des Stadtarchivs Tallinn. Bd. 4: Archiv der St. Kanutigilde. Tallinn, 1938. S. XVIII.

Св. Канута объединяла «лучшие» ремесленные цехи, требующие высокого мастерства и длительного обучения (ювелиры, кузнецы, портные, сапожники, пекари). Члены этих гильдий были преимущественно немцами, хотя, возможно, среди них сначала находились и люди не немецкой национальности¹⁶. Гильдия Св. Олая состояла из ремесленников менее престижных профессий (мясники, скорняки и бондари). Кроме того, там встречались и многие представители неквалифицированного труда, предполагающего скорее физическую силу, чем какие-либо умения и таланты, например, занятые в транспортировке грузов (носильщики, извозчики, лодочники). В то время как члены гильдии Св. Канута преимущественно были немцами, то к гильдии Св. Олая, как полагают, принадлежало много шведов и эстонцев. Члены трёх этих гильдий — Большой гильдии, гильдии Св. Канута и гильдии Св. Олая — образовывали бюргерство города¹⁷.

Открытых конфликтов Черноголовых с ремесленными гильдиями в Ревеле или с Малыми гильдиями в других городах не наблюдалось. Они вместе отмечали городские и церковные праздники, однако подчеркивали социальную дистанцию. Устав рижских Черноголовых в 1416 г. содержит запреты на прием наемных рабочих и «ненемцев». Подмастерьям ювелиров и капитанам судов, напротив, были рады¹⁸. Устав рижского «Двора короля Артура» 1477 г. уточнял, что его двери открыты для членов городского совета, бюргеров и всех немецких купцов и мореходов ("...de raedt, de borghere, de gemeyne Dutsche coppmanne unde alle zeevarende manne...")¹⁹.

Таким образом, братство способствовало дистанцированию купеческой элиты от ремесленников и тем более от жителей не немецкого происхождения. Ведь главный путь в члены городского совета лежал через членство в Большой

¹⁶ *Kapłinski K.* Tallinn — melstrite linn. Tallinn, 1995. Lk. 249.

¹⁷ *Mänd A.* Geselligkeit und soziale Karriere in den Revaler Gilden und der Schwarzhäupterbruderschaft // *Vereinskultur und Zivilgesellschaft in Nordosteuropa*. Wien; Köln; Weimar, 2012. S. 39–77.

¹⁸ *Stieda W., Mettig C.* Schragen der Gilden und Aemter der Stadt Riga bis 1621. Riga, 1896. S. 314.

¹⁹ *Stieda W., Mettig C.* Schragen der Gilden... S. 558.

гильдии, а в нее поступали почти исключительно выходцы из братства Черноголовых.

К концу XV в. обычной практикой было то, что после женитьбы Черноголовый переходил в Большую гильдию и давал клятву гражданина города. Положения Большой гильдии в Дерпте 1509 г. устанавливали, что «если один из Черноголовых намеревается измениться и берет себе жену, то он должен на следующей пирушке после свадьбы стать братом Большой гильдии»²⁰.

Крупные гильдии и братства в Ревеле принимали новых членов дважды в году, во время больших праздников — «пирушек» (*drunke*) — на Рождество и Масленицу.

В счетных книгах Большой гильдии имена новых членов всегда тщательно записывались²¹. Черноголовые же, как ни странно, не вели постоянных записей имен своих членов; критерием принадлежности к братству было участие в пирушках, которое, однако, строго фиксировалось. Практика, когда Черноголовый после дачи клятвы гражданина города становился членом Большой гильдии, сложилась еще до начала XVI в.²² Впрочем, возможен был и обратный порядок: бывший Черноголовый сначала становился членом гильдии, а затем давал клятву гражданина города.

Бывали и исключения. В некоторые периоды среди братства Черноголовых встречались женатые мужчины, а холостяки — среди членов гильдии. Тем не менее, в целом раздельная линия между двумя объединениями проходила по семейному положению, гражданству и профессии²³. Черноголовый в документах назывался *geselle*, в отличие от членов Большой гильдии, которые назывались *borgere*. Иное, иносказательное именование членов братства — «восходящие купцы».

²⁰ Mettig C. Der Schragen der Großen Gilde zu Dorpat aus dem 14. Jahrhundert in hochdeutscher Übersetzung. Riga, 1909. S. 15, 60, 62, 91; Tallinna Linnaarhiiv (TLA). 87-1-102, fol. 1r-2r.

²¹ TLA. 191-2-1, 191-2-15.

²² TLA. 87-1-20, 87-1-21a; также см.: Das Revaler Bürgerbuch 1409-1624 / Hrsg. O. Greiffenhagen. Tallinn, 1932.

²³ Amelung F., Wrangell G. Geschichte... S. 49, 56-59.

РИТМЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ БРАТСТВА

Типичная карьера ревельского купца выглядела следующим образом: в 18 лет он вступал в братство Черноголовых и оставался его членом до своей женитьбы²⁴. После этого он принимался в Большую гильдию, к которой принадлежал до смерти. Самым высоким социальным положением, которого он мог достичь, было положение члена городского совета, а если повезет, то и бургомистра. Как правило, купец в среднем пять лет принадлежал к братству Черноголовых, прежде чем он переходил в Большую гильдию. Хотя некоторые принадлежали к обществу холостяков свыше десяти лет.

Достаточно частой была практика наложения двух «ритуалов перехода» друг на друга. Член братства Черноголовых, праздновавший в кругу собратьев свою последнюю *drunke*, прямо на ней становился членом Большой гильдии²⁵. Это было вполне возможно, так как общее собрание, на котором в гильдию принимались новые члены, проводилось, как и пирушки Черноголовых, в конце двухнедельных праздников. К тому же до определенного момента Черноголовым разрешалось пировать в здании Большой гильдии.

Приблизительный размер объединений купцов можно оценить на основе списков *drunke* на Рождество и Масленицу. В первой половине XVI в. среднее количество участников праздников Черноголовых составляло примерно 100 человек, у Большой гильдии эта цифра колеблется между 100 и 140²⁶. Размер объединений колебался под воздействием ряда факторов (эпидемии, войны, изменение торговой конъюнктуры и т.д.).

Члены братства обычно разделялись на *Junioresn* (младших) и *Senioresn* (старших), или же «Старшую скамью», как их еще называли. Критерием служил не только возраст и «стаж» участия в пирушках, но и наличие самостоятельного дела в Ревеле.

Имя новичка вносилось в книгу братства, старейшина наставлял и поздравлял его, а вся братия при этом пила

²⁴ Kala T. Lübecki õiguse Tallinna koodeks 1282. Tallinn, 1998. Lk. 155.

²⁵ Mänd A. Geselligkeit... S. 57–58.

²⁶ Johansen P., Zur Mühlen H., von. Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen und frühneuzeitlichen Reval. Köln; Wien, 1973. S. 49, 275.

за здоровье нового собрата из высоких и тонких кубков — «козьих ног». В течение некоторого времени новые члены братства должны были прислуживать «старшим» братьям за столом и выполнять прочие обязанности

Организацию праздников поручали двум «шаферам» *Schaffer* (управляющим) или *Gerdeleute*. На шаферов помимо заботы о пиве и яствах была возложена обязанность подводить к дамам кавалеров во время танцев. У Черноголовых имелись и другие должности, которые распределялись между членами; они касались прежде всего финансовых вопросов и обязанностей во время праздников²⁷.

Речь не идет о повседневных или еженедельных встречах и застольях, коих было немало, но о больших праздниках, определявших ритм жизни не только братства и гильдии, но всего города. Неудивительно, что они приходились на холодное время года, когда навигация либо закончилась, либо еще не началась. Один из праздников приходился на первые две недели после Рождества, между 24 декабря и 10 января, а второй — на масленичную неделю. Торжества начинались с официальных заседаний, на которых улаживались организационные вопросы, а затем продолжались пирушками в сопровождении музыки и танцев. После празднование выплескивалось на улицы, подобно карнавальному шествию.

Сохранились упоминания, датированные 1441, 1442 и 1514 годами, о том, что братство Черноголовых устанавливало в пиршественном зале рождественскую ель. В последнюю ночь дерево переносили на Ратушную площадь, и члены братства устраивали вокруг него танцы²⁸. Бальтазар Рюссов писал в своей «Хронике» об установившейся в начале XVI в. традиции ставить большую ель, увешанную цветами, на площади Ратуши. Молодые люди сначала пели и водили вокруг дерева хоровод, затем зажигали его так, что в темноте оно ярко горело²⁹. Описание рождественского дерева, установленного братством Черноголовых в Риге в 1510 г., напоминает это описание праздника в Ревеле.

²⁷ *Amelung F., Wrangell G. Geschichte...* S. 93–96.

²⁸ *Ibidem.*

²⁹ *Рюссов Б. Ливонская хроника. Т. 2 // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. С. 330–331.*

Шаферы и старосты следили за соблюдением правил, регламентирующих отношения между братьями. Выругавшийся в адрес брата должен был уплатить штраф в 1 марку; штраф за удар в лицо или в ухо составлял 2 марки, а за повторный удар — 3 марки. Штрафы ужесточались при публичном оскорблении. Самый большой штраф — 5 фунтов белого воска — выплачивал тот, кто «вцепился другому в волосы или плеснул в лицо пивом». Уклонение от церемониальных пиршеств, шествий и церковных служб также наказывалось штрафами.

Следить за соблюдением приличий во время гуляния разгоряченной молодежи было очень важной задачей, но подобные меры преследовали не только дисциплинарные цели. Все средневековые конферии были призваны укреплять братскую христианскую любовь между своими членами. Воск, взимаемый в виде штрафов, шел на освещение патронируемой братством церкви и на изготовление огромной пудовой свечи, по праздникам горевшей перед алтарем, установленным в приделе, принадлежащем Черноголовым.

Вопросы организации корпоративного благочестия находились в ведении особых должностных лиц братства — *Altarvorstehern* (предстоятелей алтаря).

Несмотря на то что черной головой Св. Маврикия, их патрона, Черноголовые неизменно украшали не только порталы домов братства, но также свою мебель, посуду и оружие, более почитаемы были все же Св. Георгий (святой-воин) и, конечно же, Дева Мария — считавшаяся в ганзейских городах покровительницей купечества. Недаром первое упоминание братства содержится в их договоре от 28 марта 1400 г. с монастырем доминиканцев, по которому братство брало на себя обязанность украсить алтарь Девы Марии, пожертвованный братством храму Св. Катарины (Екатерины) при монастыре, а монахи должны были служить у него мессы, заказанные Черноголовыми³⁰. В том же договоре доминиканцы подтверждали права братства на церковную утварь, переданную на хранение в эту церковь. В дальнейшем Черноголовые регулярно дарили монахам деньги, бочки сельди и, главное, «штрафной» воск для изготовления свечей. Более

³⁰ Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Reval, 1859. Bd. 4. No. 1503.

ста лет Черноголовые соблюдали условия договора, не жалея средств на украшение алтаря Девы Марии. В 1495 г. из Брюгге в ревельскую церковь Св. Катарины был доставлен роскошный заалтарный образ (ретабло), заказанный братством в мастерской так называемого «мастера легенды Св. Лючия» (долгое время его авторство приписывалось Яну Мемлингу)³¹. На створках ретабло изображены тридцать коленопреклоненных мужчин — членов братства. Очевидно, многие из изображенных дожили до событий Реформации в Ревеле, когда монахи разбежались, а доминиканский монастырь пришел в запустение. И хотя братья, изображенные фламандским живописцем, давно уже должны были перейти в Большую гильдию, они сумели передать следующим за ними поколениям Черноголовых любовь к своему алтарю, прославляющему Царицу Небесную. Во всяком случае, в городе, охваченном реформационным брожением, братья не допустили иконоборчества, а заботливо перенесли заалтарный образ в главный зал братства, где он висел вплоть до XX в. и дошел до нашего времени.

В корпорации, членство в которой было заведомо не слишком долговечным, важной являлась проблема сохранения преемственности и передачи традиций. Немаловажным обстоятельством была обязанность членов «Старшей скамьи» братства Черноголовых регулярно присутствовать на заседаниях Большой гильдии, где они постигали секреты искусства торговли, знакомясь с последними новостями и обучаясь участию в городском управлении. У Черноголовых были свои здания, которые они арендовали у ревельских бюргеров, однако они любили собираться для проведения праздников в залах Большой гильдии.

Эта идиллическая картина была нарушена в 1540 г. Судя по жалобе, поданной братьями в Ратушу, гильдейские старосты начали притеснять Черноголовых, безжалостно штрафуя их за пьянство и нарушение порядка на их же больших

³¹ Maiste J. Die Renaissance in Tallinn. Ein neuer "Stil" in der alten Hansestadt // Finskt Museum. Mustasaari, 1994. No. 99. S. 33–38; Item. Tuldud teed tagasi. Tallinn, 2002. P. 148–152; Mänd A. The altarpiece of the Virgin Mary of the confraternity of the Black Heads in Tallin: Dating, Donors, and the Double Intersection // Acta Historiae Artium Balticae. Tallinn, 2007. No. 2. P. 35–53.

праздниках и свадьбах. Магистрат вынес тогда компромиссное решение, но, по-видимому, братство Черноголовых сочло такое положение недопустимым. Они приняли решение, что их члены, обзаведясь семьей и получив все права городского гражданства, могут не покидать ряды братства, оставаясь пожизненно его членами.³² Непонятно, могли ли они при этом состоять в Большой гильдии, но, судя по всему, в этом решении содержалась угроза разрыва отношений преемственности и иерархической соподчиненности между «восходящими купцами» и их старшими коллегами. Отныне Черноголовым запрещено было устраивать свои праздники в Большой гильдии.

Однако к тому времени братство уже завершило строительство своего собственного большого здания, купленного у одного из ратманов. Работы над его полной реконструкцией были начаты еще в 1531 г. Это было первое в Ревеле здание, выстроенное в новом стиле северного Ренессанса. Отныне здесь будут храниться все сокровища братства, здесь в последующие века будут собираться ценители искусства, устраиваться изысканные балы, в том числе и с участием коронованных особ. Считается, например, что дом Черноголовых посещали императоры Павел I и Александр I; во всяком случае, они были почетными членами Ревельского братства, давно уже превратившегося в аристократический клуб.

Инцидент 1540 года не имел сиюминутных последствий, во всяком случае, данных об усилении вражды двух элитарных корпораций не было. Однако неумолимый процесс существенного изменения социальных функций братства Черноголовых уже начался.

³² Amelung F., Wrangell G. Geschichte... S. 57.

ЧАСТЬ 3

СОЦИАЛЬНАЯ ТКАНЬ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДСКОГО ПРАВА СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НОТАРИАЛЬНЫХ АКТОВ ФЕРРАРЫ XIV ВЕКА)

Городское право несомненно является важнейшей стороной исследования средневекового города. В последнее время, в том числе в отечественной юриспруденции и социологии права, появляется все больше работ, рассматривающих право и правовую реальность как сложную, открытую, самоорганизующуюся систему¹. Это может свидетельствовать о том, что одним из самых востребованных сейчас методов исследования правовых феноменов является синергетический подход. Такие работы опираются на труды Л.И. Петражицкого, О. Эрлиха, Ф. Хайека, Н. Лумана и др. В них часто упоминаются идеи Л. Фридмана, и отправной точкой для анализа механизмов формирования и развития средневекового городского права Северной Италии может стать емкое и точное определение этим известным социологом и правоведом истоков становления и развития права: «Сердцем правовой системы является превращение запросов в решения»².

Представляется, что исследование механизмов «превращения запросов в решения» на основе анализа формулара

¹ Например: *Шундилов К.В.* Юридические явления в свете концепций самоорганизации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 3. С. 23–31; *Жидков П.С.* Правовая реальность в контексте синергетического подхода // *Вестник Тамбовского государственного университета*. 2011. Вып. 12 (104). С. 367–371; *Курзанов С.В.* Правовая реальность как сложная, открытая, самоорганизующаяся система // *Наука и школа*. 2017. № 1. С. 37–45; *Грунина В.А.* Синергетические основы правового регулирования: Автореф. дис. ... к.ю.н. Владимир, 2006; *Скоробогатов В.Ю.* Саморегулирование как свойство правовой системы: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2013.

² *Курзанов С.В.* Правовая реальность как сложная, открытая, самоорганизующаяся система... С. 37–45; *Friedman L.* The Legal System: A Social Science Perspectuyve. New York, 1975.

нотариальных актов Северной Италии XIV в. может обеспечить новый материал как для изучения самоорганизующихся структур средневекового города, так и для городского права.

Выигрышную основу в этом плане дает актовый материал Феррары, а именно комплекс документов родового архива известного в Ферраре и в Италии семейства Сакрати, хранящегося ныне в архивохранилищах Санкт-Петербурга³ и Модены⁴. Анализ формуляра актов Сакрати в сопоставлении со Статутом Феррары 1287 г. и с теми образцами составления актов, которые были разработаны юристами Болоньи, должен обеспечить ответ на вопросы о характере деятельности составителей актов — феррарских нотариев — о том, как рождается, изменяется и развивается правовая норма, в чем ее истоки и что первично — акт или статут.

НОТАРИАТ В ФЕРРАРЕ.

ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

Деятельность итальянских нотариев издавна вызывала восхищение, ей посвящены многие исследования⁵. Для приобретения нотариальным актом официальной силы достаточно было того, чтобы составивший его нотариус был

³ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН, Западноевропейская секция (далее ЗЕС). Коллекция 4 (Материалы по истории отдельных городов и областей Италии; далее — Колл. 4), картон 133–135.

⁴ Archivio di Stato di Modena, Archivio privato Fiaschi. Buste I–VI (далее — ASM).

⁵ Например: *Paoli C. Programma scolastico di paleografia latina e di diplomatica. III. Diplomatica. Firenze, 1898; Faccioli G. Della corporazione dei Notai di Verona e il suo Codice Statutario del 1268. Verona, 1953; La Rosa A. Il notariato ferrarese negli statuti comunali del 1287 e del 1534. Deputazione provinciale ferrarese di storia patria. Atti e memorie. Serie terza. Volume VIII. Ferrara, 1968. ; Consiglio nazionale del notariato. Atti e formule di Rolandino. Arnaldo Forni editore, 2000; Кононенко А.М. К вопросу о западноевропейском средневековом частном акте // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 3. Л., 1970. С. 350–360; Кононенко А.М. Нотариат Италии XIII в. (Трактат Роландина Пассажерия): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973.*

утвержден в своем звании (императором, папой или коммуной) и скрепил документ своим знаком⁶. Нотариальный знак представлял собой специальный знак или характерный рисунок, особый для каждого нотариуса, и играл роль печати нотариуса. Акт, скрепленный подписью нотариуса и его знаком, получал полную силу, он не нуждался ни в печатах, ни в подписях свидетелей, присутствовавших при заключении договора. Этим итальянские документы отличались от документов других стран.

Уже авторы XIII–XIV вв. отмечают эти особенности итальянского нотариата, отличая итальянские документы от документов Англии или Германии. Иоанн Болонский, написавший в конце XIII в. «Сумму об искусстве нотариусов, работающих в церковном суде», сопоставляет нотариальный знак и подпись итальянского нотариуса с городской печатью на документах Англии и говорит о них как о равных по значению для удостоверения документов. То же отмечено для Германии в труде анонима из Баугартенберга «*Formularius de modo prosandi*»⁷.

Такое положение безусловной надежности нотариальных актов сложилось не сразу. Бурное развитие экономики Северной Италии XII–XIII вв. сопровождалось ростом числа заключаемых сделок. Необходимо было обеспечить их надежность, придать им юридическую силу. Роландин Паскагерий, автор созданного в XIII столетии в Болонье трактата об искусстве нотариата («*Summa artis notariae*») писал о причинах, побудивших его к составлению трактата. В давние времена, писал он, для выполнения заключенной сделки было достаточно обещания, в знак чего давалась соломинка. Теперь, по свидетельству Роландина, нравы так изменились в худшую сторону, что обещания не исполняются даже тогда, когда будет дана даже телега соломы. Отсюда вывод: необходимость создания новой формы для заключения сделок. Это и было достигнуто в практике нотариусов XIII в.

⁶ Paoli C. Programma scolastico di paleografia latina e di diplomatica... P. 83; Vittani G. Diplomatica. Appunti dalle lezioni del prof. G. Vittani. Ristampa anastatica. Milano, 1972. P. 320.

⁷ Rockinger L. Brifsteller und Formelbücher des elften bis vierzehnten Jahrhunderts. München, 1863. S. 725–838. Цит. по: Кононенко А.М. К вопросу о западноевропейском средневековом частном акте... С. 350–360.

Нотарии должны были утверждаться в своем звании (императором, папой или коммуной). Начиная с XII в. организуются коллегии нотариесв, утверждавшие в звании новых коллег. Для утверждения необходимо было пройти практику, выдержать экзамен, принести присягу, после чего нотариальный знак и подпись нотариа вносились в особые списки, хранившиеся в городской канцелярии. Акты, составленные нотариями, не внесенными в такие списки, считались не имеющими юридической силы⁸.

Нотарии были обязаны сохранять копии своих актов в виде книги-протокола, или имбревиатур, куда записывали все нотариальные действия за год. В книгу имбревиатур заносились все акты с указанием даты, имен свидетелей и в сокращенном виде содержание сделки. По таким книгам при необходимости составлялись копии документов; на них ссылались при последующих сделках, их завещали другим нотариам. В статуте Феррары 1476 г. определен порядок передачи таких книг по наследству: в течение трех дней по смерти нотариа представитель властей, проконсул, должен был посетить жилище умершего и передать его книги другому нотарию⁹. Книга протоколов проверялась проконсулами, за нарушение правил налагались взыскания¹⁰. Зарегистрированный таким образом документ получал силу неоспоримого доказательства в суде.

Существуют различные точки зрения о происхождении итальянского нотариата; одна из распространенных

⁸ *Бернадская Е.В.* Феррара и ее сельский округ (по книге нотариа Беллино Прегостини) // *Итальянские коммуны XIV–XV вв.: Сборник документов из Архива ЛОИИ АН СССР* / Под ред. В.И. Рутенбурга. М.; Л., 1965. С. 237–256; *Скржинская Е.Ч.* Очерк из истории Кремоны (в связи с публикуемыми документами) // *Акты Кремоны XIII–XVI веков в собрании Академии Наук СССР* / Под ред. В.И. Рутенбурга, Е.Ч. Скржинской. М.; Л., 1961. С. 5–38; *Кононенко А.М.* К истории итальянского нотариата XI–XIII вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. 6. Л., 1974. С. 312–334; *La Rosa A.* Il notariato ferrarese...

⁹ *Statuta Ferrariae a. 1476*. P. 923. Цит. по: Книга-протокол нотариа Беллино Прегостини (1484–1486) / Публ. Е.В. Бернадской // *Итальянские коммуны XIV–XV вв.: Сборник документов из Архива ЛОИИ АН СССР* / Под ред. В.И. Рутенбурга. М.; Л., 1965. С. 252.

¹⁰ *Бернадская Е.В.* Феррара и ее сельский округ... С. 238–255.

предполагает, что нотариий — прямой наследник римских табеллионов¹¹. Сторонники другой точки зрения связывают происхождение итальянского нотариата с лангобардским нотариатом¹². Более убедительным представляется, однако, мнение о том, что итальянский средневековый нотариат ведет свое начало от института судей, так как до возникновения и распространения нотариата во второй половине XII — начале XIII в. именно судьи пользовались общественным доверием и подписанные ими документы получали необходимую надежность и силу¹³. Документы XI — начала XII в. нередко составлялись лицами, объединявшими в себе функции нотариия и судьи. Впоследствии полномочия нотариусов и судей разделяются, однако, на наш взгляд, более широкие, чем в других странах и в другие времена, полномочия нотариусов XIII–XV вв., разнообразные стороны их деятельности, постоянное взаимодействие судей и нотариусов — след происхождения итальянского нотариата от института судей.

Несмотря на разделение полномочий нотариия и судьи, происшедшее в XIII–XV вв., нотариусы постоянно осуществляли обязанности в суде, поскольку часть нотариусов высшей категории несли службу в официальных учреждениях итальянских локальных центров, в том числе в судах по уголовным и гражданским делам¹⁴. Для исследующего историю Италии по документальным источникам фигура нотариуса в этой

¹¹ *Paoli C. Programma scolastico di paleografia latina e di diplomatica...* P. 74.

¹² *La Rosa A. Il notariato ferrarese...* P. 14.

¹³ Этой точки зрения придерживалась А.М. Кононенко, опираясь на мнения Бресслау, Боюара и итальянской исследовательницы С. Руджеро-Мадзоне, особенно отчетливо сформулировавшей эту позицию. См.: *Bresslau H. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig, 1912; Bouard A. Manuel de diplomatique française et pontificale. II. L'acte privé. Paris, 1948; Ruggero-Mazzone S. Generalità del notariato nella storia civile ed economica dell'età di mezzo // Economia e storia. Anno XVII, fasc. 2, Aprile-Giugno. Milano, 1970. P. 208–216.*

¹⁴ *Бернадская Е.В. Феррара и ее сельский округ... С. 251–252. Аналогичное положение складывалось и в других центрах Северной Италии, например в Кремоне. См.: Скржинская Е.Ч. Очерк из истории Кремоны (в связи с публикуемыми документами) // Акты Кремоны XIII–XVI вв. М., Л., 1961. С. 5–38.*

сфере может даже заслонить фигуру судьи. Причина такого впечатления в том, что оформление судебных документов, придание им должной правовой формы и, наконец, скрепление их своей подписью и нотариальным знаком — дело нотариуса, который являлся коллегой судьи.

Еще более значимой роль нотариуса выступает при рассмотрении в суде дел, касавшихся ответственности обязанного договором лица за невыполнение обязательства. Акты такого рода оформляют обращение взыскания на имущество несостоятельного должника в судебном порядке. Рассмотрение имущественных споров в Ферраре XIII–XV вв. подлежало юрисдикции особой коллегии — *estimatores*, т.е. коллегии оценщиков имущества. Необходимость оценки имущества часто возникает в судебной практике при рассмотрении дел, относящихся к частному праву. Оценка требовалась для определения размеров причиненного ущерба, в спорах о наследстве, о приданом и, конечно же, при нарушении договоров, когда имущество несостоятельного должника присуждалось кредитору. Именно для таких задач и была создана в Ферраре коллегия *estimatores*. Время создания коллегии — XIII в., то время, когда в Ферраре устанавливается и укрепляется правление маркизов д'Эсте. Одним из источников по данной теме является статут Феррары 1287 г.¹⁵ Непременным членом коллегии оценщиков являлся нотариус.

Ход действий коллегии и роль в ней нотариуса можно достаточно ясно представить благодаря одному из судебных документов из архива Сакрати. Это *sententia iudicis estimatorum communis Ferrarie*, то есть приговор судьи коллегии оценщиков имущества феррарской коммуны от 27 мая 1307 г.¹⁶ Он представляет собой обращение взыскания на имущество несостоятельного должника, Пьетро Белото, в пользу кредитора, Уберто де Сакрато.

¹⁵ Statuta Ferrariae anno MCCLXXXVII. Ferrara, 1955.

¹⁶ ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 20. Опубликовано полностью: *Срединская Н.Б.* Ранние документы из архива графов Сакрати в собрании СПб филиала Института истории РАН // *Средние века*. 1995. Вып. 58 С. 193–195; о нем также см.: *Срединская Н.Б.* Феррарская коллегия оценщиков имущества (*aestimatores*) XIV–XV вв. // *Historia animata*. Памяти Ольги Игоревны Варьяш. Ч. 2. М., 2004. С. 20–27.

В данном документе фигурируют имена нескольких нотариев. Один из них, Пачето, упоминается в качестве составителя официального письменного предписания в адрес коллегии оценщиков, на основании которого была произведена оценка и наложено взыскание на имущество несостоятельного должника. Второй, нотариус Морандо, действуя по распоряжению главы коллегии оценщиков, судьи Франческо, сына г-на судьи Бонагоро, не только составил и подписал рассматриваемый нами акт¹⁷, заверив его своим нотариальным знаком, но и принимал непосредственное участие в оценке имущества на вилле Фосальта вместе с другим членом коллегии оценщиков при помощи сельского старосты. Вот один из примеров того, что деятельность нотариуса не ограничивалась лишь составлением и заверкой документов и была шире полномочий современных нотариусов.

Рассматриваемый документ указывает имя и третьего нотариуса, Андреа де Мандзиса. Он выступает в качестве поверенного (прокуратора) кредитора, Уберто де Сакрати, присутствует вместо него на суде, ведет его дело, представляя его интересы. Перед нами нотариус, занимающийся, по сути, адвокатской деятельностью. Указанный случай отнюдь не единичен. Имя Андреа де Мандзиса неоднократно встречается в актах архива Сакрати. Это в полном смысле слова доверенное лицо главы рода — Уберто де Сакрати. Нотариус Андреа де Мандзис занимается в Ферраре и ее округе частной практикой, составляет документы, оформляющие сделки в том числе и для семейства Сакрати. Для Сакрати им составлены четыре акта 1300–1308 гг.¹⁸; кроме того, на составленные им документы есть ссылки в пяти документах 1312 г.¹⁹ Одновременно, как мы видели на примере рассмотренного выше акта 1307 г., он ведет дела своих клиентов в суде, выступая в качестве прокуратора. После смерти Андреа де Мандзиса дела семейства Сакрати переходят в руки других нотариусов, исполнявших те же самые обязанности по составлению документов, защите дел в суде и др.

¹⁷ Ego Morandus notarius extimatorum fillius magistri Crisibene parolarii scripsi.

¹⁸ ASM. L. 2. No. 7, 18, 23, 59.

¹⁹ Ibid. No. 35–39.

Один из ярких аспектов деятельности нотариия касается тех нередких в практике Феррары XIII–XV вв. случаев, когда нотариий заменяет судью. Речь идет о том, что нотариий фактически берет на себя роль третейского судьи, он правомочен, не доводя дело до суда, решать спорные вопросы между кредитором и должником, неспособным в срок отдать долг. Это акты, оформляющие передачу имущества должника в возмещение долга, *datio in solutum* (букв. «передача в уплату»). Такие документы представляют собой оформление замены исполнения обязательства, т.е. должник, неспособный к уплате денежной суммы, суммы долга, вместо этой уплаты предлагает кредитору передачу на права собственности вещь, стоимость которой способна возместить затраты кредитора. Пример уже упоминавшегося здесь нотариия Андреа де Мандзиса, который в 1300 г. выступил в такой роли, обеспечив Уберто де Сакрато передачу земель из имущества должников на вилле Альбарета в возмещение долга²⁰, и многие другие документы рода Сакрати дают возможность рассмотреть такие аспекты деятельности нотарииев.

Более всего для данной темы важна основная обязанность нотарииев — составление документов. Нотариий составлял и скреплял своей подписью и нотариальным знаком документы, на основании которых судья, в случае возникновения конфликта, давал делу ход, предъявлял иск, начинал рассмотрение дела и выносил приговор. Как уже было отмечено, особенностью итальянского средневекового нотариата является то, что акт, скрепленный подписью нотариия и его знаком, получал полную силу, он не нуждался ни в каких печатях, ни в вислых, ни в прикладных, не нужны были подписи свидетелей, присутствовавших при заключении договора. Для вынесения судьей решения достаточным основанием являлось предъявление истцом договора, составленного и подписанного феррарским нотариием. Нотариальный акт получал силу неоспоримого доказательства в суде.

²⁰ ASM. L. 2. No. 7. Среди документов архива Сакрати имеется аналогичный документ 1316 г., также составленный Андреа де Мандзисом, о передаче дома в Ферраре в возмещение долга. См.: Ibid. No. 46.

ФЕРРАРА В XIII–XIV ВЕКАХ. ИСТОРИЯ ГОРОДА И НОТАРИАТ

Каким же образом нотариальный акт вел к «превращению запросов в решения»? Что явилось для Феррары точкой бифуркации, обеспечившей поворот в ее развитии? Поворотным моментом, по признанию большинства исследователей, явилось поражение Феррары в борьбе с Венецией в 1240 г., положившее конец ее промышленному и торговому процветанию, и обращение ее экономики к аграрной сфере.

Благосостояние города в первой половине XIII в. основывалось на выгодах от транзитной торговли. Феррара была последним крупным центром перед впадением реки По в Адриатическое море, и именно здесь перегружали товары с морских кораблей на речные суда для перевозки их в Ломбардию. Город стал крупным торговым центром, на ярмарки приезжали купцы не только из Италии, но из Франции и Германии; пошлины с транзитной торговли приносили большие доходы Феррарской коммуне. Это препятствовало интересам Венеции, поскольку от нее ускользала часть заморских и итальянских товаров, следовавших в Феррару на морских кораблях по реке, минуя Венецию²¹.

Поражение 1240 г. означало для Феррары конец ее торгового процветания, поскольку город потерял свое прежнее значение транзитного пункта между Северной Италией и Востоком и между Венецией и Ломбардией. В результате победы Венеция добилась для своих купцов отмены всех транзитных пошлин за товары, которые провозились по реке Помимо Феррары, и права беспошлинной торговли на многие товары; Ферраре было запрещено принимать в свои гавани корабли, идущие не из Венеции; всем купцам из Ломбардии отныне разрешалось направляться в Венецию, минуя Феррару, и др.²² Эти события связаны с установлением в Ферраре

²¹ Эти события отражены в Малой феррарской хронике Риккобальдо да Феррара — одном из самых ярких источников по истории города. Последнее издание вышло в 1983 г.: *Riccobaldo da Ferrara. Chronica parva ferrariensis*. Introduzione, edizione e note Gabriele Zanella // *Deputazione Provinciale Ferrarese di Storia Patria. Serie Monumenti*. Ferrara, 1983. P. 146–147.

²² *Бернадская Е.В. Феррара и ее сельский округ...* С. 239.

самой ранней и самой прочной из итальянских синьорий — синьории д'Эсте. Ремесло не получило в Ферраре того времени значительного развития, торговля была подкошена поражением 1240 г.

Дальнейшие события знаменуют все большее укрепление власти д'Эсте. Старые коммунальные учреждения и должности сохранялись, но над ними устанавливалась неограниченная власть синьора, что нашло отражение в статуте Феррары 1287 г.²³ Тем же статутом были запрещены цеховые организации²⁴.

Переход Феррары к аграрной сфере экономики подчеркивается и утверждается значением, которое было придано современниками событию времен правления Альберто д'Эсте (1388–1393) и сочтено важнейшим — получению буллы папы Бонифация VIII, согласно которой светским держателям церковных земель разрешалось свободно приобретать, продавать и арендовать земельные держания при уплате небольшого ценза²⁵. Эти положения были распространены и на светские земли. До сих пор мраморный портал феррарского собора украшает высеченный на нем тогда текст этой буллы, там же в нише находится статуя Альберто д'Эсте — так велика была благодарность жителей, чье благосостояние теперь в основном строилось на сфере землевладения и землепользования, за увеличение их прав в этой сфере.

Такой поворот, такие события не могли не сказаться и на отношениях в обществе, и, в свою очередь, отразились в нотариальных актах, определив ответ на запросы этого общества изменениями в праве.

Начало исследования поворота экономики в аграрную сферу и влияния этого поворота на развитие права должно быть положено анализом формуляров купли-продажи земли. XII и XIII века в Ферраре, как и в других локальных центрах Северной и Центральной Италии, — начало кардинальных

²³ Statuta Ferrariae anno MCCLXXXVII / Ed. W. Montorsi. Ferrara, 1955 (далее — Statuta Ferrariae).

²⁴ Chiappini L. Gli Estensi. Varese, 1970. P. 55.

²⁵ Текст буллы приведен полностью в кн.: Bocchi F. Uomini e terra nei borghi ferraresi. Il catasto parcellare del 1494. Ferrariae decus, 1976. P. 84–85. Сноска 362.

изменений во всех областях жизни, что связано с бурным ростом городской экономики²⁶. В поземельных отношениях это проявлялось в сосредоточении в руках состоятельных людей, знатных и незнатных, все большего количества недвижимости²⁷; свободная купля-продажа земли получала все большее распространение. Акты Сакрати могут предоставить достаточно полный материал для исследования формуляров актов купли-продажи земли и других документов, оформлявших сделки с недвижимостью. Основой богатства и возвышения этого семейства стало получение доходов в основном от разнообразных сделок с землей, и большинство актов в архиве Сакрати представляют операции с недвижимостью. Объектом сделок являлась земля, с постройками в городе; участки земли под пашней, виноградником, лугом, с садом, огородом, с домами и без них в округе.

Региональные особенности до сих пор заметны во всех сферах жизни Италии, а различия в региональной правовой

²⁶ Как утверждают исследователи Феррары, находившаяся в обращении земля была свободна от феодальной зависимости и население ее не несло феодальных повинностей. Об этом см.: *Бернадская Е.В. Феррара и ее сельский округ...* С. 247.

²⁷ Причина стремления к приобретению недвижимости, характерного не только для Феррары, кроется в том, что это и в те времена было надежным способом вложения средств с целью получения прибыли. Другая, не менее веская причина приобретения земель в округе убедительно раскрыта в работах И.А. Красновой, отметившей для второй половины XIV — XV в. возрастающую тенденцию инвестиций в земельную собственность за городом у представителей средних и низших слоев флорентийских граждан. Флорентийцы стремились к созданию компактных комплексов, что способствовало более рациональной организации использования приобретенной земли и эффективности управления хозяйством. Земли в округе, как доказывает И.А. Краснова, являлись источником припасов — хлеба, масла и вина, как необходимого ресурса выживания в условиях частых продовольственных кризисов. *Краснова И.А. Флорентийское общество во второй половине XIII—XIV вв.: гранды и пополены, «добрые» купцы и рыцари.* М.; СПб., 2018. С. 374–379; *Она же.* Мелкие и средние землевладения флорентийских граждан: значение «подере» и «вилл» в повседневной жизни // *История: Электронный научно-образовательный журнал.* 2017. Т. 8. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001915-5-1> (дата обращения 10.11.2017).

практике Средневековья в Италии были настолько серьезны, что, например, договоры эмфитевзиса или ливелла, оформленные в одно и то же время в различных локальных центрах Италии, следует отнести к различным видам контрактов²⁸.

Поэтому было бы, по крайней мере, неосторожно распространять выводы, полученные в результате этого исследования, основанного на актах Феррары XIV в., на городское право других локальных центров Севера Италии, несмотря на обеспеченное влиянием Болоньи сходство их актового материала. Тем не менее такое исследование может дать общее впечатление о развитии права и в этих регионах.

Для проведения операций с недвижимостью требовалось составить несколько документов: 1) основной договор о передаче покупателю прав на приобретаемую землю; 2) акт о вступлении покупателя во владение (фактическое обладание) приобретенной вещью *tenita*; 3) приказ властей города о совершении публичного оглашения сделки *crida*; 4) акт о произведенном оглашении; 5) акт об отказе родственников продавца от своих прав и привилегий, связанных с проданным имуществом.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА В НОТАРИАЛЬНЫХ АКТАХ. СОБСТВЕННОСТЬ

Приступая к анализу договоров купли-продажи, а затем других договоров из архива Сакрати, устанавливавших права на недвижимость, можно отметить, как достижение нотариата Северной Италии, и в частности нотариата Феррары XIII–XIV вв., наличие в составе формуляра таких актов понятий права собственности, владения и держания и различение этих понятий.

Право собственности в трудах юристов Древнего Рима, послужившего основой для формирования права средневековой Италии, обозначалось такими терминами, как *dominium* и *proprietas*. Выдающийся русский романист И.А. Покровский так формулирует его содержание: «Основное вещное

²⁸ Theisen F. Studien zur Emphyteuse in ausgewählten italienischen Regionen des 12. Jahrhunderts: Verrechtlichung des Alltags? Vittorio Klostermann. Frankfurt am Main, 2003; Среди́нская Н.Б. Феррара XIV века в отражении актов родового архива Сакрати. М., 2017. С. 78–99.

право есть право собственности: оно предоставляет собственнику в принципе полную власть над вещью. Собственник имеет право владеть вещью, пользоваться ею, как ему угодно (*ius utendi et abutendi*), и распоряжаться ею (*ius disponendi* — право продавать, закладывая и т.д.)²⁹. Классическая римская юриспруденция трактовала собственность как неограниченное и исключительное правовое господство лица над вещью, и к указанным выше правомочиям могло быть добавлено сколько угодно других прав на вещь.

Восприятие римского права и его терминологии в Северной Италии происходило, как известно, не напрямую, непосредственно, а через Болонский университет, где получали образование в том числе и феррарские нотариусы³⁰. Формулы феррарских актов купли-продажи построены на основе образца, данного нотариусам Северной Италии уже упоминавшимся здесь представителем Болонской школы юристов, Роландином Пассажерием, для составления договоров и документов. Термины «*dominium*» и «*proprietas*», однако, определявшие право собственности в римском праве, сравнительно редко встречаются в итальянских средневековых актах. Представляется, что понятие права собственности, предоставлявшееся покупателю недвижимости, у Роландина Пассажерия и в документах Феррары XIII–XIV вв. определяется термином «*iure proprio*»³¹. Во всех исследованных феррарских актах, предоставлявших покупателю наивысшую совокупность прав над вещью, как и у Роландина, такая формула присутствует: недвижимость приобретается *iure proprio in perpetuum* — по собственному праву, т.е. по праву собственности, навсегда (а не на какой-либо срок)³². Напротив, эта фор-

²⁹ Покровский И.А. История римского права. М., 2004. 1-е изд.: М., 1913. С. 334–335.

³⁰ О нотариате Феррары см.: La Rosa A. Il notariato ferrarese...; Бернадская Е.В. Феррара и ее сельский округ... С. 238–255; Кононенко А.М. К истории итальянского нотариата... С. 312–334.

³¹ Atti & formule di Rolandino. Consiglio Nazionale del notariato. Arnaldo Forni Editore, 2000. P. 45. Venditio simplex (далее — Atti & formule di Rolandino).

³² Формула «*iure proprio in perpetuum*» присутствует во всех 36 актах купли-продажи из архива Сакрати, устанавливавших право собственности на приобретаемую недвижимость. См.: ЗЭС. Колл.

мула полностью отсутствует в актах другого рода, например фиксирующих передачу земли в аренду, на основаниях ливелла или в эфитевзис, т.е. в документах, предоставляющих меньшие, чем право собственности, права на вещь.

Как уже было указано выше, в привлеченном к исследованию комплексе актов достаточно редко встречаются термины «*dominium*» и «*proprietas*», обозначающие собственность³³. Одно из исключений — документ 1308 г., хранящийся в Модене. В нем содержится следующая формулировка: «*iure proprio in perpetuum dederunt et vendiderunt ser Uber-to de Sacrato presenti et stipulanti proprietatem et dominium unius casamenti terre super quo est una domus de cuppis cum orto postposito*»³⁴ — «отдали и продали навечно по праву собственности присутствующему и стипулирующему сер Уберто де Сакрато собственность и господство над участком земли с расположенным на нем домом под черепичной крышей и садом»³⁵. Наличие в данном акте редко встречающихся, по крайней мере, в рассматриваемом комплексе документов терминов «*proprietas*»³⁶ и «*dominium*» не отменяет обычного и постоянного «*iure proprio*».

Напротив, как уже говорилось, договоры, даже названные составителями-нотариями «*venditio* — купля-продажа»,

4, картон 133, № 3, 4, 7, 13, 23–25, 27, 36; картон 134, № 6; ASM. L. 1. No. 53; L. 2. No. 16, 23, 26, 30, 33, 40, 50, 59, 60, 62, 72; L. 3. No. 18–21; L. 4. No. 3, 12, 15, 25–26, 41–42; L. 5. No. 1; L. 6. No. 27–28.

³³ Так, из 325 документов исследуемого комплекса термины «*dominium*» и «*proprietas*» содержат только 12: *dominium* — ASM. L. 2. No. 7; *dominium* в сочетании с *proprietas* — ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 29, 40; ASM. L. 2 № 59; L. 6. No. 26; *proprietas* — ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 9, 25; ASM. L. 1. No. 19, L. 5. No. 16, 22; L. 6. No. 30–31.

³⁴ Здесь и далее текст актов приводится в соответствии с орфографией подлинника.

³⁵ ASM. L. 2. No. 59.

³⁶ Иногда термин «*proprietas*» встречается как обозначение собственности церкви, предоставляемой жителям Феррары на правах аренды, эфитевзиса, ливелла и др. Например, в акте инвеституры по праву ливелла от знаменитого монастыря Сан-Витале в Равенне от 24 октября 1348 г. находим: «пашня и виноградник в вилле Скорнио, предоставляемые госпоже Альбертине де Сакрато, представляют собой *res proprietatis nostri monasterii* (имущество из числа собственности нашего монастыря)» (ASM. L. 5. No. 16).

но не устанавливающие права собственности, лишены этой формулы. Рассмотрим акт от 4 апреля 1294 г.: «*Manzolus... per se suosque filios et heredes hoc instrumento venditionis iure pacti in sexaginta annos advenientibus ad renovandum, dedit, vendidit, tradidit et concessit Vassallo carezatori... unam golenam salicatum...*» — Манзоло... за себя и своих сыновей и наследников этим актом продажи по праву, [установленному] пактом, который должен возобновляться каждые 60 лет, отдал, продал, передал и уступил возчику Вассалло... сухую часть русла, поросшую ивняком...»³⁷. Итак, в этом акте, по сути дела, долгосрочной аренды, где одна сторона остается собственником, а другая приобретает имущество в пользование, а не в собственность, на месте «*iure proprio*» стоит «*iure pacti*»³⁸.

³⁷ ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 14.

³⁸ Формула «*iure proprio*» отсутствует во всех случаях, когда речь не идет о передаче имущества в собственность, а о передаче или продаже иного права на вещь, например по праву *ius*. (*Ius usus* — см. ниже: бессрочное, наследуемое, отчуждаемое право пользования чужой землей за ежегодное вознаграждение; особый вид держания, известный только в Ферраре *Iohannes calegarius... et Bonsignore eius filius... dederunt, vendiderunt et tradiderunt Petro, Francischino et Salomono fratribus filiis quondam ser Uberti de Sacrato... omne suum ius et actionem... quod et quam ipsi venditores habent vel habere possent in quodam casalem cum domo superimposita... quod ipsi venditores tenebant ad usum a dicto quondam ser Uberto*» — «Джованни-сапожник... и его сын Бонсиньоре... отдали, продали и передали братьям Пьетро, Франческино и Саламоне, сыновьям ныне покойного сер Уберто де Сакрато... все свое право и право предъявления иска... каковое сами продавцы имеют или могли иметь на некий участок земли с домом... который сами продавцы держали на основании *ius* от упомянутого сер Уберто, ныне покойного». Акт от 1 мая 1342 г. фиксирует выкуп собственниками, братьями Пьетро, Франческино и Саламоне Сакрати, права пользования на основании *ius* их домом в вилле Баура у держателей. См.: ASM. L. 4. No. 33. Узус был правом отчуждаемым, т.е. право бессрочного наследуемого пользования чужой недвижимостью можно было как приобрести, так и продать. При желании узуария отказаться от пользования чужой недвижимостью преимущество принадлежало хозяину вещи; первым, согласно правилам, узнав о продаже, он мог выкупить у пользователя право на свое имущество. Акты Сакрати, однако, показывают, что собственники редко пользовались этим своим преимуществом и предпочитали сразу же передать имущество новому узуарию. Таким образом, акт 1342 г. представляет собой немалую редкость.

Представляется, что на основании вышеизложенного перевод и трактовка «*iure proprio*» как «по праву собственности», «в собственность» в данном контексте правомерны.

Право собственности утверждалось в актах не одной только формулой «*iure proprio*». В образце Роландина для договоров купли-продажи даны и другие формулы и клаузулы, утверждавшие покупателя в правах на приобретаемое имущество: «*Antonius dedit, vendidit et tradidit iure proprio in perpetuum Corrado unam peciam terrae... ad habendum, tenendum et possidendum, et quicquid ei et suis haeredibus deinceps placuerit faciendum, cum omnibus et singulis quae infra praedictos continentur confines... cum omnibus et singulis quae habet super se vel infra se seu intra se in integrum*» — «Антоний дал, продал и передал Конраду по праву собственности навсегда участок земли... для обладания, держания и владения и совершения всего, что будет угодно покупателю и затем его наследникам, со всем в целом и по отдельности, что заключено в его границах... со всем в целом и по отдельности, что [участок] содержит над собой, или под собой, либо внутри себя, полностью»³⁹.

Феррарские нотариусы расширяют данный Роландином список того, на что собственник приобретает права. Например, по акту 1229 г. имущество передается «*cum introitu et exitu suo et cum omnibus finibus et pertinentiis cum omnibus quoque fossatis, tramitibus, arboribus fructiferis et infructiferis et cum omnibus finibus et quoherentiis suis dicte rei vendite infra et circum pertinentibus usque ad viam publicam*» — «с его входом и выходом, и со всеми его границами и пространствами, и также со всеми рвами, дорогами, плодоносящими и неплодоносящими деревьями, и со всеми пределами и принадлежностями указанного проданного имущества, и со всем, что находится под ним и вокруг него, вплоть до общественной дороги»⁴⁰.

Представляется, что такая формула, повторяющаяся во всех актах исследуемого комплекса, построенная с учетом норм римского права в том виде, в каком они были изложены Роландином Пассагерием, соответствует современным представлениям о праве собственности. Сошлемся для примера на соответствующую статью Гражданского кодекса

³⁹ Atti & formule di Rolandino. P. 45. Venditio simplex.

⁴⁰ ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 3.

Российской Федерации: «Собственник земельного участка вправе использовать по своему усмотрению все, что находится «над и под» поверхностью этого участка, если иное не предусмотрено законами о недрах, об использовании воздушного пространства, иными законами и не нарушает прав других лиц»⁴¹.

Цитированный уже образец Роландина Пассагерия дополняет утверждаемое в актах право собственности еще одной формулировкой, фиксирующей состав правомочий покупателя на приобретенную им землю. Имущество приобретается ...«*ad habendum, tenendum et possidendum, et quicquid ei et suis haeredibus deinceps placuerit faciendum...*» — «...для обладания, держания и владения и совершения всего, что будет угодно покупателю и вслед за ним его наследникам...»⁴². Ранние феррарские акты практически точно следуют образцу: «*ad habendum, tenendum, possidendum et quicquid sibi suisque filiis et heredibus in perpetuum placuerit faciendum*» — «для обладания, держания, владения и совершения во все времена всего, что будет угодно покупателю, его детям и наследникам»⁴³. С течением времени и с развитием права формуляр актов купли-продажи, сохраняя все соответствие предписанным нормам, расширяет прежние и вводит новые клаузулы, укрепляющие права покупателя. Так, например, в более поздних актах расширяется и дополняется часть, определяющая состав правомочий покупателя на приобретаемую им вещь: имущество приобретается «*ad habendum, tenendum, possidendum, vendendum, donandum et quicquid sibi et suis heredibus perpetuo iure proprio placuerit faciendum*» — «для обладания, держания, владения, продажи, дарения и совершения всего, что будет угодно покупателю и его наследникам, навечно по праву собственности»⁴⁴. По сравнению с более ранними документами правомочия покупателя после вступления в права собственности дополнены возможностью «продажи и дарения» на основе права собственности «навечно». Право

⁴¹ ГК РФ. Ст. 261, п. 3.

⁴² Atti & formule di Rolandino. P. 45. Venditio simplex.

⁴³ Из акта 1229 г.: ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 14.

⁴⁴ ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 13 и др.

«продажи и дарения» конкретизирует и уточняет состав права распоряжения, одного из существенных элементов права собственности. Таким образом, представляется, что феррарские нотариальные акты предоставляли приобретателю всю полноту прав на недвижимость, которая характеризует право собственности.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА В НОТАРИАЛЬНЫХ АКТАХ: ВЛАДЕНИЕ И ДЕРЖАНИЕ

Исследование формуляров феррарских актов XIV в. не оставляет сомнений в отчетливом различении и даже противопоставлении ими понятий «собственность» и «владение»⁴⁵. Владение, как и в римском праве, обозначено в этих документах термином «*possessio*» и так или иначе присутствует во всех актах, устанавливающих права на вещь⁴⁶. Обоснование тезиса о противостоянии в праве средневековой Феррары собственности как права на вещь и владения

⁴⁵ Праву собственности (*dominium, proprietas*) в римском праве противостоит понятие владения (*possessio*). Если собственность определяется как право на вещь, владение характеризуется прежде всего как, фактическое обладание вещью. При этом следует подчеркнуть, что наличие владения не зависит от того, имеет ли обладатель право на вещь или нет (например, владение вора). Эта дихотомия отражена в известном определении Ульпиана: «*Nihil commune habet proprietas cum possessione*» — «Собственность не имеет ничего общего с владением» (Дигесты Юстиниана. D. 41. 2. 12). Владение (*possessio*) в римском праве определялось следующими необходимыми элементами: *corpus possessionis* (фактическое обладание вещью) и *animus possidendi* (владельческая воля; намерение владеть вещью для себя). *Corpus possessionis* предполагает наличие вещи в имуществе владельца, *animus possidendi* — непризнание владельцем ничьей власти над вещью, кроме своей собственной. Для приобретения владения необходимы оба эти элемента.

⁴⁶ Различные права на вещи устанавливались следующими видами контрактов: право собственности фиксировалось договорами купли-продажи, но также и в актах передачи имущества несостоятельного должника в пользу кредитора; путем мирового соглашения (*datio in solutum*) или судебным приговором (*sententia iudicis*). Долгосрочное право пользования чужой недвижимостью устанавливали акты эмпитевзиса, ливелла; бессрочное — *iusus*; краткосрочное — обычная аренда.

как фактического обладания вещью опирается на множество примеров, но прежде всего на порядок оформления прав на недвижимость. Переход недвижимости к новому владельцу (собственнику или держателю) требовал совершения следующих необходимых действий: во-первых, передачи права на недвижимость (т.е. передачи права собственности) и, во-вторых, после этого, отдельно, оформлявшегося другим документом (пусть написанного на одном листе с первым), вступления во владение.

Вступление во владение осуществлялось в тот же день или через некоторое время после совершения акта о передаче права на вещь от одного собственника другому. Несмотря на различия в содержании такого рода документов (различны объекты сделки, акты отличаются друг от друга некоторыми формулировками, деталями), они построены по сходной схеме. В качестве примера можно привести акт от 27 марта 1308 г.: «*Ser Ubertus de Sacrato animo possidendi deinceps intravit tenutam et corporalem possessionem unius casamenti terre cum una domo de cuppis cum orto postposito...*» — «Сер Уберто де Сакрато с намерением владеть [*animo possidendi*] с этих пор вступил в обладание и владение вещью [*corporalem possessionem*] — участком земли с домом, крытым черепицей и садом за ним...»⁴⁷. Уже начало акта показывает, что владение понималось средневековыми феррарскими нотариями в соответствии с доктриной римского права и приобреталось *animo* и *corpore*, как мы можем видеть из содержания актов такого рода. Формулы «*animus possidendi*» и «*corporalis possessio*» обязательно присутствуют во всех актах исследуемого нами комплекса, фиксирующих вступление во владение⁴⁸.

⁴⁷ ASM. L. 2. No. 59.

⁴⁸ ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 14, 15, 23, 24, 33; картон 134, № 5; ASM. L. 2. No. 6, 59, 62; L. 3. No. 19; L. 4. No. 6, 10, 36, 49; L. 5. No. 14. 1308–1353 гг. Вступление во владение было связано с обязательной торжественной процедурой: новый собственник должен был ступить на свою землю, пройти по ней туда и обратно, взять в руки горсть земли, траву, тронуть ветви деревьев «...ambulando pedes per ipsam rem et possessionem et accipiendo in manibus suis de terra et arboribus et herbis dicti casamenti...». Эти действия, идущие из глубин веков, фиксируются такими актами и являются одной из основных частей их формуляра. В актах также записывались слова, которые произносил вступающий во владение, осуществляя

«продажи и дарения» конкретизирует и уточняет состав права распоряжения, одного из существенных элементов права собственности. Таким образом, представляется, что феррарские нотариальные акты предоставляли приобретателю всю полноту прав на недвижимость, которая характеризует право собственности.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА В НОТАРИАЛЬНЫХ АКТАХ: ВЛАДЕНИЕ И ДЕРЖАНИЕ

Исследование формуляров феррарских актов XIV в. не оставляет сомнений в отчетливом различении и даже противопоставлении ими понятий «собственность» и «владение»⁴⁵. Владение, как и в римском праве, обозначено в этих документах термином «*possessio*» и так или иначе присутствует во всех актах, устанавливающих права на вещь⁴⁶. Обоснование тезиса о противостоянии в праве средневековой Феррары собственности как права на вещь и владения

⁴⁵ Праву собственности (*dominium, proprietas*) в римском праве противостоит понятие владения (*possessio*). Если собственность определяется как право на вещь, владение характеризуется прежде всего как, фактическое обладание вещью. При этом следует подчеркнуть, что наличие владения не зависит от того, имеет ли обладатель право на вещь или нет (например, владение вора). Эта дихотомия отражена в известном определении Ульпиана: «*Nihil commune habet proprietas cum possessione*» — «Собственность не имеет ничего общего с владением» (Дигесты Юстиниана. D. 41. 2. 12). Владение (*possessio*) в римском праве определялось следующими необходимыми элементами: *corpus possessionis* (фактическое обладание вещью) и *animus possidendi* (владельческая воля; намерение владеть вещью для себя). *Corpus possessionis* предполагает наличие вещи в имуществе владельца, *animus possidendi* — непризнание владельцем ничьей власти над вещью, кроме своей собственной. Для приобретения владения необходимы оба эти элемента.

⁴⁶ Различные права на вещи устанавливались следующими видами контрактов: право собственности фиксировалось договорами купли-продажи, но также и в актах передачи имущества несостоятельного должника в пользу кредитора; путем мирового соглашения (*datio in solutum*) или судебным приговором (*sententia iudicis*). Долгосрочное право пользования чужой недвижимостью устанавливали акты эмпитевзиса, ливелла; бессрочное — *iusus*; краткосрочное — обычная аренда.

как фактического обладания вещью опирается на множество примеров, но прежде всего на порядок оформления прав на недвижимость. Переход недвижимости к новому владельцу (собственнику или держателю) требовал совершения следующих необходимых действий: во-первых, передачи права на недвижимость (т.е. передачи права собственности) и, во-вторых, после этого, отдельно, оформлявшегося другим документом (пусть написанного на одном листе с первым), вступления во владение.

Вступление во владение осуществлялось в тот же день или через некоторое время после совершения акта о передаче права на вещь от одного собственника другому. Несмотря на различия в содержании такого рода документов (различны объекты сделки, акты отличаются друг от друга некоторыми формулировками, деталями), они построены по сходной схеме. В качестве примера можно привести акт от 27 марта 1308 г.: «*Ser Ubertus de Sacrato animo possidendi deinceps intravit tenutam et corporalem possessionem unius casamenti terre cum una domo de cuppis cum orto postposito...*» — «Сер Уберто де Сакрато с намерением владеть [*animo possidendi*] с этих пор вступил в обладание и владение вещью [*corporalem possessionem*] — участком земли с домом, крытым черепицей и садом за ним...»⁴⁷. Уже начало акта показывает, что владение понималось средневековыми феррарскими нотариумами в соответствии с доктриной римского права и приобреталось *animo* и *corpore*, как мы можем видеть из содержания актов такого рода. Формулы «*animus possidendi*» и «*corporalis possessio*» обязательно присутствуют во всех актах исследуемого нами комплекса, фиксирующих вступление во владение⁴⁸.

⁴⁷ ASM. L. 2. No. 59.

⁴⁸ ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 14, 15, 23, 24, 33; картон 134, № 5; ASM. L. 2. No. 6, 59, 62; L. 3. No. 19; L. 4. No. 6, 10, 36, 49; L. 5. No. 14. 1308–1353 гг. Вступление во владение было связано с обязательной торжественной процедурой: новый собственник должен был ступить на свою землю, пройти по ней туда и обратно, взять в руки горсть земли, траву, тронуть ветви деревьев «...ambulando pedes per ipsam rem et possessionem et accipiendo in manibus suis de terra et arboribus et herbis dicti casamenti...». Эти действия, идущие из глубин веков, фиксируются такими актами и являются одной из основных частей их формулы. В актах также записывались слова, которые произносил вступающий во владение, осуществляя

Таким образом, вначале устанавливалось право собственности, и уже затем новый собственник для окончательного утверждения в правах на вещь осуществлял вступление во владение как фактическое обладание вещью, совершал символические действия и произносил необходимые слова для демонстрации этого факта обладания вещью⁴⁹.

Несколько менее отчетливо, чем владение, предстает в текстах феррарских актов держание⁵⁰. В этих документах редко можно встретить термин «*detentio*»⁵¹, но понятие

необходимые действия: «*volo ipsam rem et possessionem per me et meos heredes de cetero possidere*» — «я хочу впредь владеть этим имуществом и владением для себя и своих наследников» (ASM. L. 2. No. 59).

⁴⁹ Уже сама существовавшая в Северной Италии периода Средневековья необходимость утвердиться не только в праве на вещь, но и вступить во владение *corpore* может убедить в различении и даже противопоставлении понятий «собственность» и «владение», но существуют и другие примеры этого. Например, в акте от 6 марта 1350 г. о публичном оглашении по поводу передачи имущества несостоятельного должника в пользу кредитора — Альбертины Сакрати — находим следующую формулировку: «*Et qui quicunque vult alliquid ius petere vel hostendere in dicta re seu aliqua eius parte tam in proprietate quam in possessione ipsius...*» — «И [если] кто, кто бы он ни был, хочет предъявить право или какой-либо иск к этой вещи или какой-либо ее части как в отношении собственности, так и в отношении владения...» (ASM. L. 5. No. 22).

⁵⁰ В энциклопедии М. Бартошека дано следующее определение этой категории вещного права: «*Detentio* — термин, обозначающий (в отличие от *possessio*) фактическую власть над вещью без намерения обладать ею исключительно для себя (терминами римского права были, в частности, *in possessione esse*; *naturaliter possidere*; *possessio naturalis*) и без интердиктной защиты. *Detentor*, у которого *animus possidendi* отсутствует (как правило, на основании договора), — это, например, *conductor* [наниматель, арендатор в договоре аренды (найма вещей) — *locatio-conductio rerum*], *commodatarius* [ссудополучатель в договоре ссуды — *commodatum*], *depositarius* [хранитель, поклажеприниматель в договоре хранения — *depositum*], *negotiorum gestor* [ведущий дело в договоре ведения чужих дел без поручения — *negotiorum gestio*]» (Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения / Пер. с чеш. Ю.В. Пресняков. М., 1989. С. 107). Таким образом, держание, фактическое обладание вещью, отличается от владения отсутствием *animus possidendi* — владельческой воли, намерением обладать вещью для себя и отсутствием самостоятельной защиты.

⁵¹ Один из немногих случаев употребления термина «*detentio*» в документах архива Сакрати находим в акте зюатики (аренды рабочего

держания, тем не менее, там постоянно присутствует, употребляемое в глагольной форме «*tenere*» — «держатъ» (это отмечается романистами в отношении источников римского права⁵²) и в производной от этого глагола форме «*tenuta*». Глагол «*tenere*» в различных его формах, характеризующий держание, встречается в текстах актов так же часто, как и термины «*possidere*», «*possessio*», обозначающие «владение», и нередко рядом с ними. Достаточно вспомнить состав правомочий, предоставляемых покупателю из приведенного выше образца Роландина Пассагерия. Недвижимость приобретает «*ad habendum, tenendum et possidendum*» — «для обладания, держания и владения»⁵³.

В данном контексте для демонстрации того, что держание воспринималось средневековыми юристами как самостоятельная категория, т.е. не служило простым дополнением к владению в указанном списке правомочий приобретателя вещи, следует рассмотреть договоры, которые устанавливали отношения между собственником земли и держателем, лишенным, согласно представлениям римского права, *animus possidendi*.

Акты Сакрати могут предоставить достаточно полный материал для такого исследования. Это договоры краткосрочной аренды (*locatio-conductio*), эфитевзиса и особого вида бессрочного

скота): «*non liceat dicto conductori vendere et alienare dictum bovem absque licentia et mandato dicte locatricis dominium, proprietatem et possessionem ipsius in se reservantis ut eum a detentione quolibet valoris vindicare*» — «упомянутому арендатору нельзя продавать и отчуждать указанного быка без разрешения и поручения упомянутой арендодательницы, сохраняющей над ним за собой власть, право собственности и владение, так чтобы он был продан из держания <держателем> за какую угодно <высокую> цену» (ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 29).

⁵² Савельев В.А. Владение в римском классическом праве и современное законодательство // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 87–95.

⁵³ Atti & formule di Rolandino. P. 45. Venditio simplex. Эта или более распространенная формула присутствует во всех исследованных документах, устанавливавших право собственности на приобретаемую недвижимость. См.: ЗЕС. Колл. 4, картон 133, No. 4, 7, 13, 23–25, 27, 36; картон 134, No. 6. ASM; L. 1 No. 53; L. 2. No. 16, 23, 26, 30, 33, 40, 50, 59, 60, 62, 72; L. 3. No. 18–21; L. 4. No. 3, 12, 15, 25–26, 41–42; L. 5. No. 1; L. 6. No. 27–28.

пользования чужой недвижимостью, держания по праву *usus* (узус). При рассмотрении договоров краткосрочной аренды употребление глагола «*tenere*» в искомом смысле не обнаруживается, там используются другие термины, но эмфитевзис и *usus* дают достаточно убедительный результат.

Что касается эмфитевзиса, то положение эмфитевта как держателя предстает чаще всего в расписках о получении ежегодной платы за пользование чужой недвижимостью и обозначается следующим образом: деньги получены «*pro pensione anni presenti terre et vinee quas tenet dictus ser Ubertus in fundo Fossalte et in villa Gradicie sive Gradiçole iure emphyteutico ab ecclesia Ravenne*» — «в качестве оплаты нынешнего года за земли и виноградники, которые *держит* указанный сер Уберто в Фоссальте и на вилле Градиции или Градидзолы по эмфитевтическому праву от церкви Равенны»⁵⁴. Или, например, плата «*pro quadam peciam terre sclapive, positam in districtu Ferrarie iuxta Padum et argerem ab ecclesia Sancti Laçari, quam dicta domina tenet ab ecclesia predicta iure emfictetotici*» — «за некий участок заболоченной земли в Феррарском дистретто, расположенный между рекой По и дамбой, от церкви Сан-Ладзаро, который госпожа Альбертина *держит* по праву эмфитевзиса от указанной церкви»⁵⁵. Примеры такого рода находятся в десяти актах эмфитевзиса с 1332 по 1365 г.⁵⁶

Usus (узус) — специфический вид держания, распространенный только в Ферраре: бессрочное, наследуемое, отчуждаемое право пользования чужой землей или чужим домом. Договоры, фиксирующие такого рода правоотношения, также представляют ряд примеров распространения в праве этого города понятия «держание», близкого по содержанию к тому, каким смыслом наполняло его римское право⁵⁷. Например, некий пользователь участок земли с домом «*tenebat ad usum ab*

⁵⁴ ASM. L. 4. No. 13. 14.03.1340 г.

ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 3. 03.03. 1353 г.

⁵⁶ ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 1, 3; ASM. L. 3. No. 45; L. 4. No. 13, 44; L. 5. No. 10, 17, 18, 59; L. 6. No. 37.

⁵⁷ Акты 1298–1359 гг., фиксирующие право узус, где для характеристики правомочий пользователя употребляется глагол *tenere*: ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 6; ASM. L. 1. No. 56; L. 2. No. 6; L. 3. No. 8; L. 4. No. 1, 5, 27, 35, 36, 39, 46; L. 5. No. 9, 12, 26, 58, 61, 63.

ipso domino Uberto» — «держал [на основании] узуса от самого господина Уберто»⁵⁸. В акте от 2 октября 1342 г. указывается, что виноградник в Когомаро «*ser Ubertus tenet ad usum a dicto monasterio Sancti Georgii*» — сер Уберто держит [на основании] узуса от указанного монастыря Сан-Джорджо»⁵⁹.

Таким образом, то, что в феррарских актах (эмфитевзис, узус), устанавливавших правоотношения, которые в римском праве характеризовались как держание, для утверждения правомочий пользователя недвижимостью не употребляются термины «*possessio*», «*possidere*» — «владение», «владеть», а используется глагол *tenere*, говорит о присутствии в праве средневековой Феррары такого понятия, как «держание», в его отличие от владения.

ЭМФИТЕВЗИС В АКТАХ ФЕРРАРЫ

С первых веков своего существования Феррара вошла в состав папской области, и многие ее земли стали церковной собственностью⁶⁰. Неудивительно поэтому, что там получают широкое распространение контракты, устанавливавшие долгосрочное пользование церковной землей. Отчуждение церковных земель было запрещено, и поэтому церкви, монастыри и другие церковные учреждения распоряжались своими обширными землями, предоставляя их на основаниях различных видов держания: в эмфитевзис, ливелл⁶¹. Причиной широкого распространения эмфитевзиса⁶²

⁵⁸ ASM. L. 4. No. 5.

ASM. L. 4. No. 27.

Бернадская Е.В. Феррара и ее сельский округ... С. 238.

Бернадская Е.В. Феррара и ее сельский округ... С. 238–255.

⁶² Эмфитевзис — долгосрочное, наследуемое, отчуждаемое право пользования чужой землей для ее сельскохозяйственной обработки за ежегодное вознаграждение (*canon, pensio*). Отношения эмфитевзиса надежно охраняли права пользователя чужой землей, вложившего немалый труд и средства в обработку этой земли; именно поэтому данное право является долгосрочным; как правило, договор заключался на 99 лет с правом его перезаключения. Именно поэтому эмфитевзис является наследуемым правом: необходимо, чтобы потомки, пришедшие на смену умершему эмфитевсте (за 99 лет

и ливелла⁶³ стала надежность таких видов права на чужую землю, возможность наиболее полного соблюдения баланса интересов сторон, интересов пользователя земли и собственника.

Эмфитевзис получает широкое развитие в Италии периода раннего Средневековья. Как доказала известный исследователь поземельных отношений Л.А. Котельникова, в VIII веке такие контракты, как ливелл и эмфитевзис, иногда оформляли вступление крестьянина в личную

проходит не одно поколение), не потеряли право на чужую землю, приобретенное предками за немалые для того времени средства. Это право являлось отчуждаемым, т.е. могло быть продано другому лицу, способному, не нарушая прав собственника, взять на себя те же обязанности, что и прежний пользователь. Преимущественным правом покупки (т.е. возможностью выкупить у эмфитевты право на пользование землей) обладал собственник земли, и о своем намерении реализовать свое право на отчуждение эмфитевта он был обязан предупредить собственника заранее. Существенным преимуществом эмфитевзиса для пользователя является неизменность размера ежегодного вознаграждения, т.е. новый эмфитевта платит собственнику земли точно столько, сколько платил прежний, и ни в каком случае в течение срока договора собственник не имел права повысить эту плату. При продаже земли, находящейся в пользовании эмфитевты, новый собственник обязан сохранять неизменными все права пользователя. См.: Дигесты Юстиниана — D.6,3. Кодекс — C.4,66,1.

⁶³ *Ливелл* — долгосрочное, наследуемое, отчуждаемое право пользования чужой землей за ежегодное вознаграждение. Между договорами эмфитевзиса и ливелла существует серьезное отличие в том, предоставляется ли имущество трем поколениям, как это обычно для эмфитевзиса, или — как в договоре ливелла, — только на 29 лет. Срок ливеллярного контракта с правом его возобновления через 29 лет должен был предотвратить возможность приобретения ливеллярием земли в собственность по сроку приобретательной давности (30 лет в юстиниановом праве). Еще одним отличием ливелла от эмфитевзиса является то, что в Древнем Риме такой вид права на чужую вещь распространен не был. Ученые, занимавшиеся ливеллом, указывают, что точное время и место появления этого вида соглашений неизвестны, хотя признают, что во всех основных своих чертах ливелл опирается на все то же наследие Рима — эмфитевзис и суперфиций. См.: Котельникова Л.А. *Итальянское крестьянство и город XI–XIV вв. М., 1967. С. 188–196; Муравьев А.Г. Emphyteuticario iure et libellario nomine. (Из истории земельных отношений в Средней Италии IX–XIII вв.). Казань, 1913. С. 4–8.*

зависимость⁶⁴. К XIII–XIV вв., как это показано в трудах той же Л.А. Котельниковой и в работах других исследователей, такие контракты проделали значительную эволюцию⁶⁵. Это было связано с освобождением крестьян от личной зависимости. И если сохранялись прежние названия (ливелл, эмфитевзис), то содержание договора становилось другим, иногда фиксируя, по сути, отношения краткосрочной аренды⁶⁶.

⁶⁴ Котельникова Л.А. Итальянское крестьянство... С. 188; Она же. Ливеллярии в Северной и Средней Италии в VIII–X вв. (К вопросу об образовании зависимого итальянского крестьянства) // Средние века. 1957. Вып. 10.

⁶⁵ Котельникова Л.А. Итальянское крестьянство... С. 187–231; eadem. Феодализм и город в Италии в VIII–XV веках. М., 1987. Бернадская Е.В. К истории аграрных отношений в Северной и Средней Италии XIV–XV вв.: (по материалам провинций Модены и Феррары) // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1956. С. 179–199.

⁶⁶ Например, издание «Акты Кремоны XIII–XVI вв. в собрании АН СССР. Под ред. В.И. Рутенбурга и Е.Ч. Скржинской. М.-Л., 1961») среди 90 опубликованных документов содержит четыре договора, имеющих название «эмфитевзис»: 1) № 68, от 4 апреля 1331 г. С. 165–167; 2) № 71, от 2 февраля 1340 г. С. 165–167; 3) № 81, от 24 июля 1351 г. С. 188–189; 4) № 83, от 20 мая 1369 г. С. 190–193. Все четыре документа определены издателями как *Locatio in emphyteosin ad fictum*. Акт 1331 г., определенный издателями как *Locatio in emphyteosin ad fictum*, представляет собой передачу епископом Кремоны представителям коммун Караваджо сроком на три года территории замка Модзаника с землями и постройками около него с обязательством уплаты по 60 ливр ежегодно. Акты 1340, 1351 и 1369 гг. — передачу епископом Кремоны сроком на девять лет права сбора церковной десятины представителям трех различных коммун кремонского диоцеза (коммуну Миксаво, коммуну Сан-Джованни ин Кроче, коммуну Туцценто) также за фикт, т.е. с обязательством ежегодной уплаты. Кремонские акты не воспринимают от эмфитевзиса, существовавшего в рамках и в понимании римского права, ничего, кроме названия. Срок договора краток — от трех до девяти лет; специально оговорено, что по истечении срока договора права представителей коммун прекращаются; и естественно, отсутствует упоминание о таком праве как об отчуждаемом. Термин «эмфитевзис» появляется в документах один раз, вначале, далее пользователи землями или правом сбора десятины обозначены в договоре так, как они обозначаются в классическом договоре краткосрочной аренды (*locatio-conductio*): *conductores* («арендаторы», «наниматели»), а сами устанавливаемые договором правоотношения именуются *locatio* («аренда», «договор найма»). Таким образом, рассмотренные нами выше акты Кремоны по сути представляют собой договор аренды, где фигурирует не имеющий никакого содержания термин «эмфитевзис».

Предоставление эмфитевтического права в Ферраре, напротив, характеризуется полным восприятием и развитием наследия Древнего Рима. Особенности развития Феррары обеспечили и особенности развития таких контрактов, как ливелл и эмфитевзис. Там в XIV и даже в XV в. условия подобных контрактов не меняют своего содержания, а даже уточняют и расширяют такие условия.

Исследование актов Сакрати показывает, что в эмфитевзис предоставлялась городская земля с постройками и сельские угодья в округе, в качестве собственника земель выступала как церковь, так и светские землевладельцы. В качестве примера рассмотрим акт от 12 мая 1351 г., устанавливающий эмфитевтическое право на принадлежавший монастырю Санта-Мария ин Вадо одноэтажный дом со стенами, крытый черепицей, в этой же контраде Санта-Мария ин Вадо⁶⁷. Данным актом сыновья и наследники Уберто де Сакрато, Франческино и Саламоне Сакрати, наделяются теми же правами, какими обладала госпожа Борга, вдова господина Джакопини, некогда прибывшего из Болоньи⁶⁸.

Акт передачи имущества на основании эмфитевзиса предоставляет братьям Сакрати право долгосрочное, наследуемое, отчуждаемое, с возможностью возобновления через 60 лет. Плата за возобновление договора — 10 малых венецианских сольди, ежегодный взнос — 4 малых венецианских сольди. Особо оговаривается порядок отчуждения прав на дом: если эмфитевты захотят продать свои права, они обязаны вначале обратиться к монастырю, который может выкупить права на дом на 5 процентов ниже покупной цены. Эмфитевты могут продать свои права другому лицу только с разрешения монастыря и только тому лицу, которое

⁶⁷ *Solum cuiusdam domus copate, plane et murate posite Ferrarie in contrata Sancte Marie de Vado (ASM. L. 5. No. 30).*

⁶⁸ «*Domina Borga uxor quondam domini Iacopini... qui fuit de Bononie*». В тексте данного документа нет слова «инвеститура», он содержит термин «*innovatio*» — «возобновление» прав на дом, но подробное перечисление условий эмфитевзиса, а также указание на то, что до братьев Сакрати дом на тех же правах принадлежал другой пользовательнице (возобновляются права, принадлежавшие именно ей, но уже для других лиц), делают его содержание именно таковым, какой и должна быть инвеститура, т.е. наделение определенными правами.

не может нанести ущерб его правам. Нельзя продать свои права святыни, высокопоставленному лицу, серву или рабыне⁶⁹. Если эmfитевты нарушают условия договора, они лишаются прав на дом⁷⁰.

Собственник земли также не свободен от обязательств по отношению к эmfитевтам. Это не только предоставление земли в беспрепятственное долгосрочное пользование, но и необходимость защиты их прав от посягательств третьих лиц. В рассматриваемом нами акте это выражено следующим образом: «*ab omni persona, collegio et universitate auctoricare et defensare*» — «выступать в суде и защищать от любого лица, коллегии и корпорации»⁷¹.

Рассмотрим подробнее правомочия, предоставляемые эmfитевтам на основании данного контракта. Имущество предоставляется «*ad habendum, tenendum, possidendum, usufructandum, semper meliorandum in sexaginta annis advenientibus ad renovandum et quicquid sibi suisque filiis legitimis et descendentibus iure predicto placuerit faciendum*» — «для обладания, держания, владения, пользования имуществом и его плодами, постоянного улучшения, для возобновления [прав] через шестьдесят грядущих лет и для совершения всего, что ему [эmfитевту], его законным сыновьям и потомкам угодно в рамках вышеуказанного права»⁷². Из всей полноты прав, предоставляемых пользователям данным контрактом (обладание, держание, владение, пользование имуществом и его плодами), следует остановиться на «*quicquid placuerit faciendum*» — праве совершения всего, что [эmfитевту] будет угодно (что означает возможность и право эmfитевта по своему желанию, скажем,

⁶⁹ «*Liceat idem ius suum dicte rei vendere cuilibet emere vellet salvo quam ulli venerabili loco, maiori persone, servo vel ancille et salvo iure dicti domini prioris in re*».

⁷⁰ ASM. L. 5. No. 30.

⁷¹ Ibidem. Сходную формулу предписывает Роландин Пассагери для составления акта эmfитевзиса: «*ipsam rem ei vel eius haeredibus ab omni homine et universitate legitime defendere et desbrigare*» — «это имущество для него или его наследников от любого человека или корпорации законным образом защищать и освободить от претензий» (Atti & formule di Rolandino. Instrumentum concessionis in emphiteosin factae a monasterio. P. 57).

⁷² ASM. L. 5. No. 30.

изменить характер землепользования, например на месте пашни посадить плодовые деревья). Эта последняя клаузула далеко не сразу появляется в формуляре актов эмфитевзиса и является достижением XII в., когда правовая практика Италии активно впитывала плоды изучения римского права. Как указывает Ф. Тайзен⁷³, эта формула начиная с 1116 г. использовалась в Болонье и приписывалась Ирнерию⁷⁴. Впрочем, Тайзен доказывает также, что предпосылки распространения данной формулы появляются в Ферраре и Равенне ранее, уже в XI в. Автор предполагает, что в изменение формуляра в Болонье внесло свой вклад развитие других городов и монастырей.

Акт 1351 г., хранящийся в Модене, не только предоставляет эмфитевтам широкие правомочия, но рядом с ними приводит и такие их обязанности, как необходимость улучшения используемого имущества, что служило интересам собственника земли. Данным актом имущество предоставляется «*ad... semper meliorandum*» — «для... постоянного улучшения». Ф. Тайзен отмечает эту клаузулу как важную и приводит акт 1140 г., где она появляется⁷⁵.

Тайзен, однако, считает, что клаузула, касающаяся улучшения (*melioratio*), применяется только в случае предоставления построек в городе. По его мнению, здесь играло роль улучшение городского земельного участка, т.е. эмфитевт должен был осуществлять определенные строительные и ремонтные работы. В этом пункте, как представляется, нельзя разделить убежденность Тайзена. К сожалению, относительно малое количество эмфитевтических контрактов среди актов Сакрати не позволяет обнаружить такой акт предоставления земли в эмфитевзис для ее сельскохозяйственной обработки, где употреблялся бы термин «*melioratio*» или глагол «*meliorare*»⁷⁶. Сомнения в утверждении Тайзена

⁷³ Theisen F. Studien zur Emphyteuse. S. 152–153.

⁷⁴ Irnerius, Wernerius, Guarnerio — Ирнерий, Вернерий, Гварнерио (ок. 1050–1130), основатель юридической школы в Болонье и школы глоссаторов.

⁷⁵ Theisen F. Studien zur Emphyteuse. S. 156.

⁷⁶ Актов о предоставлении имущества в эмфитевзис среди 325 исследуемых документов из семейного архива графов Сакрати срав-

о применении *meliorare* только для города вызывает следующее: по нормам римского права эфитевт, не сохраняющий или ухудшающий качество (т.е. плодородность) земельного участка, лишается права пользования им⁷⁷, а значит, улучшение подразумевается *ipso iure* — в силу самого этого права. Косвенным подтверждением того, что обязанность улучшения участка ложилась и на держателей сельских земель, является наличие клаузулы «*ad meliorandum*» во всех трех сохранившихся в архиве Сакрати актах инвеституры ливеллярным правом, где объектом сделки служит земля для ее сельскохозяйственной обработки⁷⁸. Такой аргумент (по крайней мере, для Феррары) представляется правомерным ввиду близости условий договоров ливелла и эфитевзиса. Таким образом, особенности развития Феррары оказали влияние на сохранение в формулярах актов эфитевзиса и ливелла всей полноты условий, способствовавших соблюдению баланса интересов сторон и даже появлению, по крайней мере в отношении сельских имуществ, редко применявшейся клаузулы «*ad meliorandum*».

Несмотря на полноту прав, предоставлявшихся пользователям ливеллом и эфитевзисом, в XIV–XV вв. этот вид правоотношений в Ферраре постепенно уходит из практики, даже для церковных земель. Явное уменьшение доли договоров, устанавливающих или продлевающих эфитевзис

нительно немного — всего 15 с 1198 по 1377 г., причем большинство из них — расписки о получении ежегодной платы за пользование землей (*canon, pensio*), что свидетельствует о давности приобретения этого права. Эфитевзис: ASM. L. 3. No. 45; L. 4. No. 13, 44; L. 5. No. 10, 17, 18, 30, 47, 59; L. 7. No. 22; ЗЕС. Колл. 4, картон 13, № 2, 5, 6; картон 134, № 1, 3.

Бартошек М. *Emphyteusis*. С. 119–120. У Бартошека даже указано, что по нормам греческого права, откуда и произошел эфитевзис, это «обязанность возделывать и улучшать земельный участок».

⁷⁸ Актом от 24 марта 1278 г. в ливелл предоставляется земля без построек в Ротондоло. См.: ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 11. Земля под пашней и виноградником в вилле Скорнио передается на основании ливелла актом от 24 октября 1348 г. См.: ASM. L. 5. No. 16. По ливеллярному праву актом от 10 января 1397 г. предоставляется пашенная земля в вилле Фоссанова феррарского дистрикта. См.: ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 19). Каждый из этих актов содержит формулу *ad meliorandum*.

и ливелл, отмечается исследователями как общее явление для Феррары и ее округа в XIV–XV вв.⁷⁹ Представляется небезосновательным предположить, что одной из основных причин сокращения числа актов эмфитевзиса в Ферраре, замены такого рода правоотношений в XIII–XIV вв. другими, более полно представляющими права пользователей, являются затруднения с сохранением эмфитевтического права на имущества в руках одного рода по наследству⁸⁰. Это, на наш взгляд, и является причиной появления и закрепления специфической, существовавшей только в Ферраре формы земельного держания — узуса (*usus*), — которая преодолевает указанные несовершенства старинных форм держания.

ОФОРМЛЕНИЕ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ

И «ОТКРЫТИЕ» ФЕРРАРСКИХ НОТАРИЕВ: *IUS USUS*

Исследуя источники, касающиеся такой насущной для Феррары темы, как поземельные отношения, невозможно не столкнуться с особым, достаточно часто встречающимся здесь видом держания — *ius usus*⁸¹. Это отмечает Франческа

⁷⁹ Bocchi F. Uomini e terra nei borghi ferraresi. Il catastro parcellare del 1494. Ferrariae decus, 1976. P. 77.

⁸⁰ В Ферраре, как и в других итальянских центрах, возникали судебные споры относительно возобновления эмфитевзиса, прежде всего тогда, когда наследники не были детьми или внуками, а принадлежали к другим степеням родства. В 1113 г. так произошло в суде Матильды Тосканской в Бавиане на слушании дела, в котором принимал участие также Ирнерий. См.: MGH DMath. No. 128. P. 321–322, Baviana, май 1113 г.

⁸¹ «*Ius usus*» буквально может быть переведено как «право пользования». При рассмотрении *usus* прежде всего встает вопрос о происхождении и значении слова, обозначающего эту форму держания, а также тесно связанный с ним другой вопрос: насколько происхождение *usus* связано с таким институтом римского права, как особый вид прав на чужую вещь, личный сервитут, обозначаемый тем же самым словом *usus*. Ответ на вопрос о наличии общих черт двух одноименных институтов римского и средневекового права отрицательный: ведь личный сервитут, разработанный римским правом, ограничивал права узуария на пользование чужой вещью сроком его жизни; важно также то, что римский узуарий не мог отчуждать свое право на чужую вещь и передавать

Бокки в исследовании, посвященном эстимо 1494 г. — налоговой описи земель феррарских предместий, в своей серьезнейшей, многогранной работе, основанной на сопоставлении статутот и других памятников права с земельным кадастром — источником, предоставляющим достоверные фактические сведения о землевладении и землепользовании в Ферраре этого времени. Из произведенного ею анализа следует, что из всех единиц кадастра, т.е. из всех участков земли феррарской округи, числящихся в описи, держаниями по праву *usuz* являлись 51,33 процента. Уже одна эта цифра говорит о значении вида держания для Феррары и ее округи, о необходимости изучения его особенностей и причин такого широкого его распространения. Ф. Бокки справедливо указывает, что достаточно открыть книгу имбревиатур любого феррарского нотариуса XV в., чтобы обнаружить там контракт, предоставляющий такое держание⁸². Тем не менее, кроме указанного исследования Бокки, в научной литературе автору данной работы не удалось обнаружить трудов, рассматривающих держание *iure usuz*. Фундаментальное исследование Т. Дина, посвященное роли поземельных отношений в укреплении власти синьоров д'Эсте в Ферраре, лишь указывает на этот вид держания как на специфически феррарскую его форму⁸³.

Ф. Бокки, справедливо отметив важность *usuz* для поземельных отношений Феррары, посвящает этому институту

его по наследству. См.: Покровский И. А. История римского права... С. 350. В отличие от этого, как уже было изложено выше, феррарский *usuz* представлял собой вечнонаследственное, отчуждаемое право пользования чужой землей. Таким образом, общим для этих двух институтов остается только слово «*usuz*», обозначающее их название, и некоторое сходство смысла. Из всего семантического многообразия этого слова («пользование», «обычай», «обыкновение», «давность», «опыт», «польза») и для того, и для другого случая, по нашему мнению, следует предпочесть его основное значение — «пользование». Что касается содержания права, то ближе всего узус как особая средневековая форма земельного держания в Ферраре стоит к таким институтам римского права, как *эмфитевзис* и *суперфиций*.

⁸² Bocchi F. Uomini e terra nei borghi ferraresi. Il catastro parcellare del 1494. Ferrariae decus, 1976. P. 77.

⁸³ Dean T. Land and Power in late medieval Ferrara: the rule of the Este, 1350–1450. Cambridge University Press, 2002. P. XI.

одну из семи глав своей книги об эстимо 1494 г. Этапы развития данной нормы определены ею на основании различных источников, среди которых установления коммуны, папские буллы и феррарские статуты. Самые ранние сведения об *usuz*, по определению итальянской исследовательницы, относятся к подложному документу второй половины XII в. — так называемым псевдовиталиановым привилегиям. Привилегии приписывались папе Виталиану, и, по признанию большинства специалистов, этот документ был сфальсифицирован: его форма датировки свидетельствуют против возможности его составления данным понтификом. Тем не менее этот документ, представляющий собой первый сборник обычаев и установлений Феррары, был действующим, имел силу и затем стал частью законодательства феррарской коммуны⁸⁴. Как прослеживает Ф. Бокки, уже здесь определены основные черты *usuz*. Это земельное держание в виде постоянного, бессрочного, наследуемого, отчуждаемого права держателя на землю собственника для ее использования по усмотрению держателя на условии внесения ежегодного платежа (*canon*, *pensio*); своевременная уплата этого взноса обуславливала сохранение права за держателем — узуарием. «А гражданам феррарским устанавливаем такой *usuz*, а также утверждаем такое правило об их землях и домах, дабы это не нарушалось, но всегда прочно соблюдалось. Если кто-либо предоставит свою пустую землю для обработки тому, кто возьмет это на себя и потом будет соблюдать, да не будет он когда-либо лишен владения. И тот, кто уплатил свои деньги, да не подвергнется никакой несправедливости, но пусть сам он и его наследники всегда спокойно и уверенно владеют и платят собственнику установленную плату, несмотря на изменение всяческих обстоятельств в ту или иную сторону»⁸⁵.

⁸⁴ Statuta Ferrariae anno MCCLXXXVII / Ed. W. Montorsi. Ferrara, 1955. P. X–XI; Ortalli G. Comune e vescovo a Ferrara nel secolo XII: dai "falsi ferraresi" agli statuti del 1173 // *Bullettino dell'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano*, 82 (1970). P. 271–328.

⁸⁵ «Civibus autem ferrariensibus, talem ponimus atque statuimus usum atque consuetudinem de terris et domibus suis ut non constringatur sed perpetuum firmum detineantur. Si quis terram suam vacuam dederit ad laborandum et qui suscipit inde servierit numquam

Псевдовиталиановы привилегии, предоставляя прочные гарантии прав собственнику, учитывают также права узуария (держателя, пользователя). Не только собственник имеет преимущества в том случае, когда узуарий хочет продать свое право *usuz* (вначале узуарий обязан предложить покупке этого права собственнику, и только в случае нежелания собственника он может продать узус кому хочет при условии незыблемого сохранения прав собственника его преемником). Также и собственник в случае продажи им земли, на которую распространяется право *usuz*, обязан предложить покупку прежде всего узуарию, и продажа третьему лицу может состояться только тогда, когда узуарий не хочет или не может купить эту землю в собственность. «И если собственник захочет продать свою землю, пусть он сначала спросит того, кто вносит ему ежегодную плату [за пользование этой землей], не хочет ли он ее купить, и пусть продаст ему [на условиях, определенных] суждением по оценке [коллегии] трех добропорядочных граждан, за вычетом, однако [стоимости] улучшений, которые были осуществлены на земле самим этим застройщиком, и пусть за вычетом [стоимости] произведенных улучшений [собственник земли] получит меньшую цену, чем он получил бы с другого покупателя. Если же застройщик не захочет или не сможет купить [землю], то пусть собственник продаст ее тому, кому хочет, причем пусть этим покупателем будут сохранены те условия, на которых застройщик был введен во владение собственником земли, и пусть этот покупатель платит установленную и обычную ежегодную плату. <...> И если собственник захочет продать землю, пусть он сначала спросит застройщика и продаст ее ему, если он захочет купить; при этом пусть продаст ее по цене, справедливо установленной общим суждением трех граждан, для того, чтобы было обеспечено возмещение улучшений, произведенных застройщиком на земле, и пусть с учетом этих улучшений

sibi possessio auferatur. Et qui suam dedit pecuniam nullam iniuriam patiatur, sed ipse et sui heredes, omni occasione et necessitate remota, securi et quieti semper possideant et statutam pensionem domino solvant». (ASM, Archivio Segreto Estense, serie Catastri delle investiture, registro No. 2B, 1782/44: De usibus antiquis civitatis Ferrariae. P. 127). Цит. по Bocchi F. Uomini e terra... P. 78-79.

[собственник земли] получит меньшую цену, чем он получил бы с другого покупателя»⁸⁶.

Важным моментом, который остается неизменным при развитии института *usuz*, является то, что ежегодный взнос за право пользования землей остается одним и тем же и для узуария при смене собственника земли, и для его преемника при продаже им права *usuz*. «...И пусть собственник получает от самого покупателя ту обычную [ежегодную] плату, которую он получал от своего застройщика, и при том, что будут сохранены [условия] ввода во владение, которыми собственник обеспечил своего застройщика»⁸⁷.

Кроме того, узус упорядочивает права узуария, построившего дом на предоставленной ему земле. В случае продажи им своего права пользования землей узуарий получает компенсацию за произведенные им улучшения и возведенные постройки. Оценка стоимости построек определяется совместным решением трех добропорядочных граждан. Ф. Бокки считает, что псевдовиталиановы привилегии свидетельствуют о том, что такие нормы уже к середине XII в. должны были быть проверены на опыте в течение долгого времени⁸⁸, и автор данной работы всецело разделяет эту точку зрения. Вот еще один аргумент к решению вопроса: что раньше — акт или статут?

⁸⁶ «Et si dominus ipsam terram voluerit vendere, prius inquirat suum pensionarius si voluerit emere, et vendat sibi arbitrio similiter trium bonorum virorum, cavendo tamen meliorationem que ab ipso hedificatore facta est super terram, et pro ipsa melioratione minore suscipiat pretium quam non accepit ab alio emptore. Hedificator autem si noluerit vel non potuerit emere, vendat dominus cuicunque voluerit, conservata tamen ab ipso emptore illa investitione quam hedificator suscepit a domino suo, et ille emptor statutam et solitam suscipiat pensionem». (*Bocchi F. Uomini e terra...* P. 129). «Et si dominus terram voluerit vendere, hedificatorem prius inquirat et vendat sibi si voluerit emere, iusto scilicet estimato pretio arbitrio trium comunium virorum, cavendo tamen meliorationem que facta est ab hedificatore super terram et pro ipsa melioratione minorem pretium suscipiat quod non acciperet ab altero emptore». (*Ibid.* P. 135). Цит. по *Bocchi F. Uomini e terra...* P. 78, 79.

⁸⁷ «De usibus antiquis civitatis Ferrarie. ...et suscipiat dominus ab ipso emptore pensionem illam solitam quam a suo hedificatore suscipiebat et conservata similiter sibi investitione illa quam dominus fecit suo hedificatore». (*Ibid.* P. 127–128). Цит. по *Bocchi F. Uomini e terra...* P. 78, 79.

⁸⁸ *Bocchi F. Uomini e terra...* P. 78.

Феррарское законодательство последующих времен сохранило далеко не все положения псевдовиталиановых привилегий, касавшихся прав узуария, оно, скорее, концентрировало свою направленность на охране прав собственника и обязанностях узуария по отношению к собственнику. Статут Салингуерры⁸⁹, введенный в 1195 г., вносит нечто существенно новое — им предусмотрен двойной размер ежегодного взноса в качестве штрафа за то, что владелец не заплатил в условленное время. Этот статут вошел без изменений в статут д'Эсте 1287 г.: «Статут господина Салингуерры в отношении платы и договоров о пользовании. ...В отношении *usuz* устанавливаем так: если не уплачено в установленное время, то пусть будет уплачено в двойном размере»⁹⁰. Ф. Бокки предполагает, что эта статья была введена для ограничения произвола собственников по отношению к узуарию. Собственники пытались использовать просрочку платежа для прекращения прав узуария на землю, что вело к возможности повышения размера ежегодного взноса при заключении нового контракта⁹¹.

Статут д'Эсте 1287 г. вводит еще одно новое положение, согласно которому узуарий, желающий продать свое право пользования и, как сказано выше, обязанный прежде всего предложить покупку этого права собственнику, теряет при продаже 5 процентов стоимости узуса в пользу собственника. «Об *usuz*. <...> И если узуарий или тот, кто имеет соглашение по праву *usuz*, хочет продать свое право, пусть продаст его собственнику так, например, что если (право) оценивается в десять имперских лир, пусть отдаст ему за девять с половиной...»⁹²

⁸⁹ Салингуэрра II, предводитель феррарских гибеллинов, противник д'Эсте, фактически управлял Феррарой с 1222 по 1240 г., до установления синьории д'Эсте.

⁹⁰ «Statutum domini Salinguerre in pensionibus et cartulis de usu. ...In usibus ita statuimus ut, si non solvat termino statuto, solvat duplicatam pensionem» (Statuta Ferrariae anno MCCLXXXVII / Ed. W. Montorsi. Ferrara, 1955. P. 217).

⁹¹ Bocchi F. Uomini e terra... P. 81.

⁹² Статут Феррары 1287 г. «De usu. ...Et si usuarius vel qui habet pactum secundum usum, velit suum ius vendere, vendat domino, ita quod si valet decem libras imperialium, det ei pro novem et dimidia...» (Ibid. P. 221).

Последним этапом в становлении института *iusus* стала знаменитая булла папы Бонифация IX от 13 февраля 1392 г., которая упорядочивала различные виды земельных держаний, относящихся к правам церквей, монастырей, церковных учреждений и организаций в Ферраре и, конечно, касалась *ius usus*. Булла окончательно закрепляла неизменность ежегодных взносов за пользование землей, ограничивала злоупотребления клириков против своих узуариев еще и в том, что отменяла потерю 5 процентов стоимости права *iusus* для узуария при продаже его собственнику, а также, определяя штраф за несвоевременную уплату ренты, сократила число контрактов по праву *iusus*, прекращенных за неуплату. Положения буллы получили подтверждение в статуте Борсо д'Эсте и распространялись также и на мирян⁹³.

Чем же отличается феррарский средневековый *iusus* от ливелла и эмфитевзиса и в чем причина такого широкого распространения именно *iusus* в Ферраре XIII–XV вв.? Для решения данной проблемы акты рода Сакрати могут служить репрезентативным и статистически достаточным источником, поскольку это семейство использовало различные виды держания и выступало как в качестве собственников земли, предоставляемой в держание, так и в качестве держателей земель от церковных и светских собственников.

Исследуя этот материал, целесообразно вначале представить данные о том, насколько широко в данном комплексе актов был распространен узус по сравнению с другими формами держаний. Из 325 актов родового архива Сакрати 71, т.е. более 20 процентов, относится к *iusus*. В числе последних — инвеститура и (или) отказ от права узус, покупка этого права или свидетельство об уплате ежегодного взноса — *pensio* за *ius usus*. Сорок четыре таких документа содержат предоставление земель светскими собственниками (40 — самими Сакрати)⁹⁴, в четырех случаях они, напротив,

⁹³ Bocchi F. Uomini e terra... P. 83–85.

⁹⁴ ASM. L. 2. No. 24, 45, 69; L. 3. No. 7, 8, 33, 34, 35, 42; L. 4. No. 1, 5, 22, 33, 34, 37, 47; L. V. No. 5, 26–28, 38, 63; L. 6. No. 8, 20, 21, 29, 40, 41, 57; L. 7. No. 2, 17, 30, 31; L. 8. No. 4; ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 28, 30, 38; картон 134, № 6, 16, 17, 24, 28, 29.

выступают как держатели⁹⁵, 18 — предоставление в *usuz* церковных земель⁹⁶. Один документ говорит одновременно и о церковном, и о светском держании⁹⁷.

Что же все-таки отличает *usuz* от традиционных форм держания — эфитевзиса и ливелла? Благодаря каким своим чертам он вытесняет их? Во-первых, как показывает рассмотрение актов архива Сакрати, узус всегда является постоянным, бессрочным правом на чужую недвижимость, что обеспечивает стабильность отношений между сторонами. Право узуария прекращается лишь в случае достаточно длительной неуплаты ежегодного взноса. Предоставление земли на условиях ливелла и эфитевзиса, напротив, характеризуется установлением того или иного, пусть достаточно длительного срока. Случаи непрерывного предоставления имущества в ливелл и эфитевзис редки. Кроме того в предыдущих разделах передача эфитевзиса и ливелла по наследству была достаточно жестко ограничена.

Вторым важным отличием является то, что узус всегда являлся отчуждаемым правом и, несмотря на то что права узуария с течением времени ограничивались, это также выделяет данную форму держания по сравнению с ливеллом и эфитевзисом.

Usuz, в отличие от других форм держания, всегда характеризуется предоставлением недвижимости без срока, в постоянное, наследуемое пользование; возможностью продать свое право пользования другому лицу, способному соблюдать те же условия (преимущественное право покупки остается за собственником); сохранением арендной платы неизменной при переходе держания к другому лицу. Рождение,

⁹⁵ Собственниками земли в Контрапо являлись Тото де Принцано из Флоренции (ASM. L. 5. No. 12), нотариий Джованни, сын нотариия Джиминьяно из контрасты Бучеканалиум в Ферраре (Ibid. No. 40), в Форминьяне — Симоне Биссоно из контрады Сан Романо в Ферраре (Ibid. No. 58) и Джованни де Гарофалис из той же контрады (ASM. L. 6. No. 52).

⁹⁶ ASM. L. 1. No. 56; L. 4. No. 5, 21, 27, 39, 46; L. 5. No. 9, 15, 46, 61; L. 6. No. 15, 45, 48 (этот документ содержит три акта, относящихся к разному имуществу, предоставляемому на правах *usuz* различными собственниками); L. 7. No. 11, 54; ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 8.

⁹⁷ ASM. L. 4. No. 5.

закрепление и широкое распространение исключительно в практике Феррары такого вида права на чужую вещь, как узус, наиболее продуктивно соблюдающего баланс интересов сторон в договоре, дает яркий пример значительного вклада феррарских нотариусов в развитие и усовершенствование права.

ОФОРМЛЕНИЕ АРЕНДЫ В НОТАРИАЛЬНЫХ АКТАХ ФЕРРАРЫ

Такой вклад становится еще более заметным при рассмотрении новых видов договоров, распространение которых обусловлено требованиями времени. В этом ряду прежде всего следует назвать договор аренды. Распространение договора краткосрочной аренды как одного из видов договора найма, развитие различных видов аренды свидетельствуют о значительном развитии экономики и права. Это в высшей степени характерно для Феррары XIV в. Здесь получает развитие не только обычный договор аренды земли, но и новый вид такого договора — *locatio ad laborandum* (*mezzadria*, «испольщина») — и различные договоры аренды скота — *zoatica*, *socida*, прочно установившиеся в практике Феррары этого времени. Это свидетельствует о потребности в распространении контрактов, закреплявших более мобильные, краткие сделки в условиях развивающихся рыночных отношений.

Акты краткосрочной аренды земли из архива Сакрати достаточно разнообразны, всего их тринадцать⁹⁹. Средневековой

⁹⁸ Исследователи неоднократно отмечали, что в Италии в XII–XIV вв. ливеллярные и эмфитевтические контракты сменяются краткосрочными арендными договорами *ad fictum et ad laborandum* См.: Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. II. М., 1895. С. 264–265; Бернадская Е.В. К истории аграрных отношений... С. 179–199; Она же. Из истории сельских коммун Моденской провинции // Средние века. Вып. 14. М., 1959. С. 28–46; Она же. Феррара и ее сельский округ...; Котельникова Л.А. Итальянское крестьянство и город в Италии XI–XIV вв. М., 1967.

⁹⁹ ASM. L. 3. No. 17; L. 4. No. 48; L. 5. No. 41, 66; L. 6. No. 5, 14, 27, 39; L. 7. No. 36; L. 8. No. 20; L. 9. No. 5; ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 9; картон 135, № 2. 1326–1450 гг.

договор краткосрочной аренды восходит к римскому договору найма вещей, *locatio-conductio rerum*, однако в учении болонских юристов и практике нотариев Северной Италии претерпевает определенные изменения. В первую очередь, это касается его названия. Формулярный договор аренды у Роландина Пассагерия озаглавлен «*concessio ad affectum*» — «предоставление в *affectum*», несмотря на то что этот «классический», в нашем понимании, арендный договор отнесен к разделу «*De locationibus et conductionibus*»¹⁰⁰. Термин «*affectus*» или «*fictus*» часто употребляется в североитальянских средневековых актах и обозначает прежде всего арендную, т.е. денежную или иную, плату, вносимую арендатором арендодателю за пользование его имуществом¹⁰¹, ежегодный взнос ливеллария¹⁰². Термином «*affectus*», однако, особенно часто в феррарских актах¹⁰³ обозначался одновременно и сам договор аренды. Это мы находим и в вышеприведенном названии договора у Роландина Пассагерия: «*concessio ad affectum*»¹⁰⁴. Несмотря на эти различия в названии договора, стороны в средневековых итальянских контрактах именуются так же, как в Древнем Риме: арендатор — *conductor*, арендодатель — *locator*.

Среди актов родового архива Сакрати, относящихся к XIV в., достаточно распространены договоры аренды

¹⁰⁰ Atti & formule di Rolandino. P. 76–79.

¹⁰¹ Например: «Et nomine *affecti* dicte rei iure predicto concessa dicti fratres dare et solvere promiserunt...» — «И в качестве *фикта* за обозначенное имущество, предоставленное на основании вышеуказанного права, указанные братья обещали передать и уплатить...» (ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 9).

¹⁰² Например: Акты Падуи. Документ 5, с. 25; Документ 9, с. 34.

¹⁰³ Это было отмечено Е.В. Бернадской в статье к публикации книги имбревиатур Беллино Прегостини. См.: Бернадская Е.В. Феррара и ее сельский округ... С. 244.

¹⁰⁴ В актах инвеституры из архива Сакрати мы находим следующие формулировки: «*concessit atque locavit ad affectum*» — предоставил и поместил в *аренду*» (ASM. L. 4 № 48; L. 5 №№ 41, 66; L. 6 № 14. 1345–1361 гг.) или «*iure affecti in novem annis advenientibus ad renovandum*» — «на основании аренды, возобновляемой каждые девять лет» (ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 9). На наш взгляд, несомненно происхождение итальянского слова «*affitto*» («аренда») от этого средневекового латинского термина.

на краткий срок¹⁰⁵. Типичным для документов, устанавливающих краткосрочную аренду, является документ от 5 августа 1369 г.; это акт отказа от имущества, предоставленного на основании аренды на девять лет; тем же актом осуществляется передача этого же имущества на этих же основаниях другим лицам¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Среди них три акта заключены на три года (ASM. L. 3. No. 17, L. 6. No. 5, L. 7. No. 36, 1326–1379 гг.), два акта на пять лет (ASM. L. 6. No. 14, L. 8. No. 20, 1361–1396 гг.), один акт на два года. Посредством последнего из названных актов, от 16 октября 1345 г., Паскуалино, сын покойного сер Туролы из Оккьобелло, получил на два года в аренду от Саламоне, Пьетро и Франческино, сыновей покойного Уберто Сакрати, участок для рыбоводческого хозяйства — *valle piscaricia*. См.: ASM. L. 4. No. 48. Актом от 15 июня 1326 г. братья Йокули передали в аренду на три года четверым жителям виллы Гварда, выступающим солидарно, свою неделимую собственность — луга и пастбища в вилле Гварда и Альбароне за шесть венецианских гроссов. См.: ASM. L. 3. No. 17. Краткосрочные договоры аренды использует и Церковь. Посредством такого акта Франческо, сын Франческино Сакрати, актом 1379 г. получил в аренду от феррарского епископата участок земли в Контрапо сроком на три года. См.: ASM. L. 7. No. 36. Как можно предположить, исходя из установившихся и относительно единообразных формул актов, большее закрепление в феррарской практике получили договоры на девять лет с правом возобновления в архиве Сакрати их четыре. См.: ASM. L. 5. No. 41, 66; L. 9. No. 5; ЗЕС. Колл. 4, картон 135, № 2; 1352–1450 гг.). Один из названных актов, от 26 ноября 1352 г., содержит предоставление синьором Франческино Сакрати также и от имени его брата Саламоне на правах аренды на девяти лет с правом возобновления, дома в контраде Санта-Мария ин Вадо ювелиру Джакопо, сыну покойного Луккезо за 3 болонских лиры в год. См.: ASM. L. 5. No. 41.

¹⁰⁶ Сер Антонио, плотник, сын покойного Бенсиньоре из контрады Сан-Томмазо («ser Anthonius marangonus filius quondam Ben-signori de contrata Sancti Thomasii»), отказывается от аренды земли под огород, расположенной в Борго Инфериоре, в контраде Сан-Лоренцо («in Burgo Inferiori civitatis Ferrarie in contrata Sancti Laurentii»), принадлежащей Джакопо де Гваленго, нотарию, из контрады Сант-Андреа («Iacobus de Gualengo notarius de contrata Sancti Andree»), с обязательством ежегодной уплаты 9 болонских сольди, с правом возобновления через девять лет; за каждое возобновление аренды 9 болонских сольди («iure affecti in novem annis advenientium ad renovandum, solvendo omni anno novem solidos bononien-sium et pro unaquaque innovatione novem solidos bononiensium»). Этим же документом Джакопо де Гваленго предоставляет этот участок земли на этих же основаниях Массино, корзинщику, и Феде-

Рассмотрим правомочия сторон, предоставляемые этим контрактом. Собственник предоставил арендаторам землю «*ad habendum, tenendum, possidendum, usufructandum et meliorandum et quidquid dictis fratribus suisque heredibus de cetero de dicta re iure predicto placuerit faciendum*» — «для обладания, держания, владения, пользования вещью и ее плодами, для улучшения и совершения всего, что угодно указанным братьям и их наследникам... в рамках вышеуказанного права». Таким образом, арендаторы получают право возобновляемое, наследуемое, с возможностью изменить характер землепользования¹⁰⁷. Положение арендаторов ограничено клаузулой *ad meliorandum*, обязывающей их к улучшению арендованной ими земли и дающей возможность собственнику при несоблюдении этого требования лишить их прав на его имущество.

Несмотря на сравнительную краткость срока договора, арендаторы получают право отчуждаемое, но с требованием соблюдать преимущество собственника и с ограничением круга лиц, которым их право может быть продано¹⁰⁸.

рико, изготовителю рогож, братьям и сыновьям покойного Джирардо де Бона («*Massinus cribelator et Federicus stararius fratres et filii quondam Gerardi de Bona cives et habitatores Ferrarie in contra-ta Sancti Thomasii*»). См.: ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 9.

¹⁰⁷ Это следует из клаузулы «*quicquid placuerit faciendum*» — права совершения всего, что угодно пользователю (что означает для него возможность по своему желанию изменить характер землепользования, например распахать землю, которая ранее была под виноградником, под посев зерновых культур).

¹⁰⁸ «*Et si dicti fratres ullo tempore vendere volluerint ius suum, quod habent in dicta re, primo teneantur requirere et appellari dictum Iacobum de emptionem dicte rei et eidem emere volenti dare teneatur pro duodecim imperialibus minus quam alteri persone. Et si dictus Iacobus ius dictorum fratrum emere nolluerit, tunc liceat ipsi fratribus vendere ius suum quicque volluerint, preterque ulli venerabili loco, maiori persone vel servo dummodo vendatur ius suum persone habilli et sufficienti ad solvendum predictum afflictum salvo semper iure dicti Iacobi*» — «И если указанные братья когда-либо захотят продать свое право, которым они обладают, на названное имущество, вначале они обязаны обратиться к указанному Джакомо и спросить его о покупке этого имущества, и при его желании купить они обязаны отдать его по цене на двенадцать имперских монет меньшей, чем другому лицу. И если указанный Джакомо не пожелает выкупить право указанных братьев, тогда следует самим братьям продать

Договор возлагает на собственника защиту прав арендаторов в суде от посягательств третьих лиц. «*Quam rem iure predicto concessam promisit dictus Iacobus dictis fratribus presentibus et stipulantibus legitime ab omni persona, communi, collegio et universitate auctorizare et defensare*» — «Это имущество, предоставленное на основании вышеуказанного права, названный Джакомо обещал названным братьям, присутствующим и стипулирующим, выступая в суде, защищать от любого лица, сообщества, коллегии и корпорации»¹⁰⁹. Сходную формулу предписывает Роландин Пассажерий для составления договора аренды и, как это было указано выше, для эмфитевзиса¹¹⁰.

По сравнению с тем, что представлено в формулярии договора аренды Роландина Пассажерия, арендатору в Ферраре предоставлялись значительно большие права. В отличие от рассмотренного нами феррарского контракта 1369 г., договор аренды у Роландина не предоставляет возобновляемого и отчуждаемого права на чужую недвижимость, а обязанности арендатора по отношению к имуществу арендодателя несравнимо большие.

Медзадрия (*locatio ad laborandum* — аренда за отработку) представляет собой договор, в соответствии с которым одна сторона, арендодатель, обязуется передать земельный участок другой стороне, арендатору (медзадро), в пользование на установленный договором срок, а также предоставить семена сельскохозяйственных культур и скот, тогда как арендатор обязуется вносить платежи в виде фиксированной денежной суммы и половины (или иной доли) урожая, а также осуществлять различные работы на арендуемом участке. Медзадрия, *locatio ad laborandum*, аренда за отработку, в самом названии договора, и по основной обязанности,

свое право, кому они захотят, за исключением какого-либо освящаемого религией места <церкви или монастыря>, высокопоставленному лицу или серву, но только пусть их право будет продано лицу, пригодному и способному к уплате вышеупомянутого фиска, всегда при условии нерушимого сохранения права указанного Джакомо» (ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 9).

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Atti & formule di Rolandino. De locationibus et conductionibus. Concessio ad afflictum. P. 76–79; Instrumentum concessionis in emphiteosin factae a monasterio. P. 57.

которая возлагается на арендатора, противопоставляется аренде за фикт — *locatio ad fictum*.

Оба вида этих договоров, однако, сближает то, что они получают распространение в XIV в., когда количество заключаемых контрактов такого типа резко возрастает¹¹¹. Договор медзадрии, как и договор аренды, является ограниченным по сроку. Как правило, он варьируется от одного года до десяти лет¹¹².

Самый ранний из пяти договоров медзадрии в архиве Сакрати, относящийся к 1294 г., присоединен в качестве пакта, дополнительного соглашения, к договору купли-продажи¹¹³. Мартино Дзагардо из Контрапо (*Martinus Zagardus de Contrapado*) продает господину Джордано, мяснику (*dominus Zordanus becarius de Sancto Silvestro*), два участка земли. В этот же день и в том же месте покупатель, господин Джордано, помещает купленную им землю в аренду на условиях исполщизны (*locavit ad laborandum, ad moderandum*) продавцу земли Мартино сроком на один год. Обязанности исполщизника определены кратко: добросовестно обрабатывать землю и ухаживать за ней (*bona fide laborare et colere*), следуя нормам статута; поднимать, окружать подпорками и подвязывать виноградные лозы (*levare, zingere et palmare*) дважды в год; мотыжить землю (*zapare*)¹¹⁴.

Гораздо более полно обрисованы обязанности исполщизников в акте аренды *ad laborandum* 1373 г.¹¹⁵. Саламоне, сын покойного господина Уберто де Сакрато (*Salamon filius quondam domini Uberti de Sacrato de contrata Sexti Sancti Romani civitatis Ferrarie*), от имени и по поручению своего брата Франческино

¹¹¹ Бернадская Е.В. К истории аграрных отношений... // Из истории трудящихся масс Италии. М. 1959. С. 179–199; Она же. Из истории сельских коммун Моденской провинции // Средние века. 1959. Вып. 14. С. 28–46; Она же. Феррара и ее сельский округ... Котельникова Л.А. Итальянское крестьянство... С. 258.

¹¹² Котельникова Л.А. Итальянское крестьянство... С. 274.

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 13.

¹¹⁴ К сожалению, плохая сохранность документа не позволяет хотя бы немного пополнить список обязанностей исполщизника — некоторые слова не читаются.

¹¹⁵ ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 12. Акт был полностью транскрибирован, изучен и подробно описан в статье Е.В. Бернадской. См.: Бернадская Е.В. К истории аграрных отношений... С. 179–199.

(*Franciscinus eius frater*) сдает в аренду для обработки исполу участок в Оцьобелло (*in fundo Oclobelli*) на пять лет братьям Джованни, Бенедетто и Доминико, сыновьям покойного сер Маттео де Викториис из Люнголы (*Iohannes, Benedictus et Dominicus fratres et filii quondam ser Mathei de Victorii de Lungola*), выступающим также от имени Антонио, сына вышеупомянутого Джованни и Синибальдо, сына вышеупомянутого Доминико (*Anthonijs filius dicti Iohannis et Sinibaldus filius dicti Domini*). Исполщики обязуются тщательно распахивать землю, хорошо ее обрабатывать и засеивать в указанное время своими и хозяйскими семенами. На свои средства исполщики обязаны свозить и передавать хозяевам половину урожая зерна; ухаживать за виноградниками и половину винограда также свозить хозяевам; в указанное время срезать ивняк и половину его отдавать хозяевам; насаждать ивняк вокруг имения и окапывать его; косить луга и половину сена свозить хозяевам. Исполщики имеют право держать в имении скот только от хозяев, должны рыть ежегодно не менее 30 пертик канав. Кроме того, за аренду земли, дома и двора следует к празднику Св. Михаила ежегодная плата 14 лир и 2 каплуна.

Таким образом, можно заключить, что договор медзадрии представлял собой передачу собственником земельного участка во временное пользование, как правило от одного года до десяти лет, арендатору на условиях предоставления им платы в виде половины урожая, а также осуществления предусмотренных договором работ. Спецификой договора является тот факт, что стороны в равной степени могли распределить между собой бремя несения расходов и получение прибыли. Говоря об этом договоре, в качестве специфической особенности медзадрии даже Л.А. Котельникова, скептически относившаяся к распространению медзадрии как к признаку кардинальных изменений в средневековом обществе, отмечала формальное закрепление равенства сторон этим контрактом, указывая на равное распределение бремени расходов между ними¹¹⁶. По-иному оценивала место медза-

¹¹⁶ Котельникова Л.А. Итальянское крестьянство... С. 258. Ни один из видов рассматриваемых в данной работе актов не вызывал столько дискуссий в отечественной и зарубежной медиевистике второй половины XX в., как медзадрия. Острота вопроса состояла в том, что появление в XIII в. и быстрое распространение исполщины как нового

дрии Е.В. Бернадская. Поддерживая ее точку зрения, следует указать как на свидетельство того, что этот договор служил установлению отношений нового типа, способствовал развитию рыночных отношений, на тот факт, что медзадрия до сих пор сохраняется¹¹⁷, правда, с введением некоторых изменений и положений, обеспечивающих социальную защиту медзадро, в современном праве Италии¹¹⁸. Отрадно видеть, что позиция Е.В. Бернадской находит поддержку в новейшей отечественной историографии¹¹⁹.

Следует еще раз отметить заслугу феррарских нотариес в детальной разработке и развитии формуляра также и этого контракта. Важен для раскрытия нашей основной темы тот факт, что акты медзадрии, с их разработанным и давно устоявшимся формуляром, при фиксации обязанностей арендаторов-медзадри указывают, что эти обязанности должны осуществляться в соответствии с установлениями

вида договора аренды земли с отработкой и с арендной платой в виде доли урожая воспринимались рядом авторов как переворот, как «переходная форма к капиталистическому хозяйству», «в значительно большей степени приближающаяся к нему, чем либеллярное держание» (*Канделоро Дж. История современной Италии. Истоки Рисорджименто 1770–1815 / Пер. с ит. М. 1958. С. 5*). Из отечественных ученых в дискуссии приняли участие Е.В. Бернадская (*Бернадская Е.В. К истории аграрных отношений. С. 179–199; Она же. Феррара и ее сельский округ. С. 238–255*), Т.П. Гусарова (*Гусарова Т.П. Город и деревня Италии на рубеже позднего средневековья. М., 1983*), Л.А. Котельникова (*Котельникова Л.А. Итальянское крестьянство...; Она же. Феодализм и город в Италии в VIII–XV веках. М., 1987*), А.Д. Ролова (*Ролова А.Д. Экономический строй Флоренции во второй половине XV и в XVI веке // Средние века. 1956. Вып. 8. С. 232–237*), В.И. Рутенбург (*Рутенбург В.И. Очерки истории Италии. М., 1959*).

¹¹⁷ Елена Викторовна Бернадская с удовольствием рассказывала об одном из ярких впечатлений от ее поездки в Италию — знакомстве с медзадро одной из ее подруг, проф. Душки Аврезе.

¹¹⁸ Mezzadria // *Enciclopedia del Diritto*. Garzanti. Garzanti Libri, 2001. P. 826.

¹¹⁹ «Распространение рыночных отношений в сельском хозяйстве некоторых стран, например, в Италии, вело к формированию двух больших классов: землевладельцев и наемных работников». (Юсим М.А. «Ренессансное государство» и социальные процессы // *Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. С. 733*).

(статутами) феррарской коммуны (*secundum formam statutorum communis Ferrarie*), но при этом в статуте 1287 г. крайне скудно отмечены отношения, определяемые договорами аренды (*affictum, locatio-conductio*), а о медзадрии нет упоминаний вообще. Представляется, что в этом мы находим путь к ответу на вопрос, что первично — акт или статут? Пример медзадрии показывает: первичен акт; истоки появления, изменения и развития правовой нормы — в практической деятельности нотариев.

Еще более убедительные примеры представляют договоры аренды скота. Рассмотрим один из них, договор аренды рабочего скота, или зоатика, как указано в самом документе и в дорсальной надписи¹²⁰. 1 сентября 1330 г. в Ферраре, в доме господина Уберто де Сакрато в Борго-Нуово, некто Таруффо, сын покойного сер Бенвенуто, который прибыл из Саббиончелло де Медо и теперь живет в вилле Градидзоле (*Tarufus, filius quondam ser Benvenuti sartoris, qui fuit de Sabloncello de Medio et nunc habitat in villa Gradiçole*), получает в аренду на основаниях зоатики (*ad conducendum ad çoaticam*) на один год рыжего быка¹²¹ с поднятыми рогами (*unum bovem rubeum cum cornibus levatis*) стоимостью 15 феррарских лир, из капитала, принадлежащего жене Уберто де Сакрато госпоже Альбертине (*bona parapherna* — из раздельного имущества супругов)¹²².

По условиям договора арендатор (*conductor*) должен пасти, охранять и кормить быка на свои средства (*tenere, salvare et custodire, pascere et nutrire omnibus suis expensis hinc ad dictum terminum*), а в уплату за аренду на праздник Св. Марии в августе

¹²⁰ ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 29. Опубликован полностью в ст.: Срединская Н.В. Договор об аренде рабочего скота (зоатика) из архива графов Сакрати // Средние века. 1994. Вып. 57. С. 274–278.

¹²¹ В средневековой и античной Италии для пахоты и других сельскохозяйственных работ служили быки (волы); лошадей прибегали для военных нужд. См.: Бернадская Е.В. Феррара и ее сельский округ... С. 238–255.

¹²² *de bonis paraphernalibus* — имущество *parapherna*, т.е. «кроме приданого», собственное имущество супруги, которым она свободно распоряжается. Очевидно, поэтому в документе ничего не говорится об обычном в таких случаях разрешении и согласии супруга на сделку, поскольку тем, что относилось к *bona parapherna*, женщина распоряжалась независимо от воли мужа.

доставить, опять же своими средствами, к дому арендодательницы (*locatrix*) 15 стайо¹²³ пшеницы. Неясно, из какой норы исходили контрагенты при определении количества зерна, которое должно было идти в уплату за наем быка, поскольку статут Феррары 1287 г., не упоминавший зоатику, не помогает нам в этом разобраться, а статут 1476 г. определял плату за зоатику из расчета $\frac{1}{2}$ стайо пшеницы за фунт веса животного¹²⁴, что тоже не позволяет нам понять происхождение цифры в 15 стайо. Как уже было упомянуто, образцом и основой для составления актов нотариам Северной Италии служила *Summa artis notariae* Роландина Пассагерия. В Сумме находим другой расчет арендной платы: четверть всех доходов, полученных арендатором с помощью рабочего скота. Ниже обозначено, что эта четверть должна быть выражена в 20 мерах доброй, чистой, прекрасной пшеницы¹²⁵.

Продуманность и полнота формулярия документа 1330 г. из архива Сакрати¹²⁶ могу привести к мысли, что такого рода правоотношения давно разработаны средневековыми юристами, и нотариий Бонматео де Ратальдис, составивший этот акт, опирается на устоявшийся образец. Надо отметить, однако, что Сумма Роландина Пассагерия в разделе под названием «*Instrumentum bouum datorum ad laborandum*» — «Акт предоставления быков для работы»¹²⁷ дает лишь основу для составления контракта такого рода, а в феррарских актах зоатики, составленных по схеме, представленной исследуемым актом 1330 г., эта основа существенно изменена и дополнена.

¹²³ Стайо (лат. *starium*) — в Ферраре единица измерения площади. 1 стайо = 1087 кв. м. Чаше (как в данном случае) этим же термином обозначалась мера сыпучих тел (зерна, бобовых) в Северной Италии. Каждый средневековый итальянский город использовал свои единицы измерения площади, объема и веса, отличавшиеся друг от друга. 1 стайо в Модене = 63 литра.

¹²⁴ *Statuta urbis Ferrariae* a 1476 L. II. P. 180; см. также Бернадская Е.В. Феррара и ее сельский округ... С. 243.

¹²⁵ *Rolandini Summa artis notarie. Caput V. De locationibus et conductionibus. Instrumentum bouum datorum ad laborandum. Lugduni 1537. F. XLIII–XLIX.*

¹²⁶ ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 29.

¹²⁷ *Rolandini Summa artis notarie. Caput V. De locationibus et conductionibus. Lugduni 1537. F. XLIX.*

Акт 1330 г. из архива Сакрати, напротив, дает полную картину всех обязательств арендатора по отношению к арендодательнице, Альбертине Сакрати. Кроме условий о плате пшеницей за аренду и подвозе ее в определенный срок к дому арендодательницы, о полном возмещении убытков в случае гибели животного, кроме обычных охранительных и заградительных формул, предписанных Суммой Роландина, этот акт содержит требование собственницы быка о необходимости предупредить ее, если арендатор будет держать его сверх условленного срока, об уплате зоатики за этот сверхсрочный период. Очень подробно рассматривается случай, если бык падет: если это случится по вине, злему умыслу или недосмотру арендатора или его родственников либо на сельскохозяйственных работах, то убыток возмещает арендатор (*«Et si dictus bos culpa, dolo vel mala custodia ipsius conductoris vel suorum familiarium aut propter rusticum laborem perderetur, devastaretur vel moriretur, promisit eidem locatrici stipulanti ipsam et eius heredes indemnes conservare et totum illud damnum in se retinere»*). Если же бык умрет естественной смертью, то расходы несет арендодательница (*«Si vero Dei iudicio sive morte naturali damnum aliquid evenierit, quod Deus avertat, illud totum locatrix in se suscipere promisit»*), но, чего в Сумме не предусмотрено, при том условии, что арендатор представит достойных доверия свидетелей (не из членов своей семьи), шкуру и рога быка и через три дня после того, как бык заболит, известит госпожу Альбертину (*«dummodo dictus conductor de iudicio et morte naturali eidem locatrici faciat plenam fidem per testes, fide dignos, qui non sint de ipsius familiaribus conductoris, et per presentia corii et carniū, et denunciēt eidem morbum ipsius bovis infra triduum postquam videntur infirmatur»*)¹²⁸.

В акте 1330 г. содержится пакт — дополнительное соглашение, присоединенное к договору: по окончании срока аренды или позже, как будет угодно собственнице, арендатор должен отвести быка на феррарский рынок и продать его так, чтобы вернуть ей сумму, в которую был оценен объект сделки. Оценим предусмотрительность дополнительного соглашения — арендатор заинтересован в бережном отношении к животному: тогда бык будет продан дороже и разницу

¹²⁸ ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 29.

между полученной суммой и оценочной стоимостью арендатор сможет взять себе. Необходимо подчеркнуть, однако, что без разрешения собственницы арендатору продавать быка запрещено: «*non liceat dicto conductori vendere et alienare dictum bovem absque licentia et mandato dicte locatricis dominium, proprietatem et possessionem ipsius in se reservantis*» — «упомянутому арендатору нельзя продавать и отчуждать указанного быка без разрешения и поручения упомянутой арендодательницы, сохраняющей над ним за собой власть, право собственности и владение»¹²⁹. Такой запрет обозначен и в Сумме Роландина Пассагерия.

Несмотря на полноту и разработанность формулярия акта 1330 г., представляется, однако, что в практике Феррары ко времени составления этого акта договоры зоатики и сочида появились не так давно. Новизна, недавнее появление и распространение таких договоров могут быть показаны не только указанием на отсутствие сведений о зоатике в Статуте 1287 г., но и обращением к самому раннему акту такого рода из архива Сакрати. Это акт от 23 ноября 1314 г. назван составителем сочида (*socida*)¹³⁰, но предоставленные арендатору на пять лет четыре коровы с четырьмя телятами из имуществ Уберто Сакрато предназначены не для получения приплода и продуктов животноводства, что является предметом сочида, а для пахотных и иных сельскохозяйственных работ, что характерно для зоатики. Арендатор должен использовать арендованный им скот только для распашки своих или хозяйских земель, но ни для кого другого без разрешения собственника или его наследников под угрозой штрафа 10 феррарских лир. Арендной платой служат ежегодно предоставляемые арендодателю 29 стайо пшеницы — плата производимым с применением рабочей силы животного зерном — обычная плата за зоатику в феррарских актах. Общее с сочидой в этом акте только то, что по окончании срока договора приплод разделяется между арендатором и арендодателем. Ни один из 20 актов зоатики и 18 сочида из архива Сакрати не имеет такого смешанного характера, скот предоставляется в аренду либо для сельскохозяйственных работ, либо с половины продуктов

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ ASM. L. 2. No. 48.

животноводства. Появление контракта, по сути являющегося зоатикой, но названного «сочида», и соединяющего в какой-то мере черты обоих договоров, свидетельствует о недавнем появлении и распространении таких правоотношений в практике Феррары. На это может указать то уже упоминавшееся обстоятельство, что феррарский статут 1287 г. содержит мало сведений о договорах такого типа (например, о сочиде в нем есть только одно косвенное упоминание¹³¹, зоатика же не упоминается совсем), тогда как в статуте Феррары 1476 г. они зафиксированы как норма этот статут дает полную картину условий, на которых заключались такие договоры.

В родовом архиве Сакрати 20 актов зоатики с 1314 по 1373 г.¹³² Три из них представляют собой продажу имущества арендаторов, не выполнивших условий договора, в возмещение долга (*datio in solutum*)¹³³. Во всех трех случаях имущество несостоятельных должников: участок частью пахотной, а частью луговой земли, три участка земли под застройками — получает Уберто де Сакрато.

Сочида, договор аренды скота, где арендной платой служит половина или другая определенная доля продуктов животноводства, контракт, близкий по содержанию к зоатике, получил распространение несколько ранее, чем этот последний договор аренды рабочего скота. Как уже было указано ранее, этот термин, в отличие от зоатики, упоминается, хотя и косвенно, в Статуте Феррары 1287 г.¹³⁴, а в Сумме Роландина Пассагерия дано несколько образцов составления актов сочида. Это *Instrumentum socidae ad salvum capitale*¹³⁵, где объектом сделки является крупный рогатый скот. *Instrumentum socidae pecudum sub alia forma*¹³⁶, имеющий свою

¹³¹ Statuta Ferrariae. P. 198.

¹³² ASM. L. 2. No. 48; L. 3. No. 23, 30, 40, 41; L. 4. No. 9, 10, 20, 31; L. 5. No. 7, 8, 13, 24, 25, 32, 49; L. 6. No. 34; ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 29; картон 134, № 2.

¹³³ ASM. L. 3, No. 30, 40; L. 4, No. 10.

Statuta Ferrariae. P. 198.

Atti & formule di Rolandino. P. 80.

¹³⁶ Rolandini Summa artis notarie. Caput V. De locationibus et conductionibus. Lugduni 1537. F. XLIX.

специфику, предназначен для передачи на основании сочиды овец и коз. Приближается по содержанию к этим контрактам, хотя и не названный *socida*, *Instrumentum locationis equorum ad equitandum* — предоставление на десять дней жеребца для нужд коневодства¹³⁷.

Виды договоров, предоставляющих скот на основании сочиды, из архива Сакрати намного шире и разнообразнее. В их числе, например, предоставление в сочиду четырех коров с телятами¹³⁸; или 120 овец¹³⁹ — предмет договора таких документов содержится в образцах Роландина Пассагерия. Но среди актов Сакрати находится документ о передаче Уберто Сакрати в сочиду на пять лет 21 лошади и четырех жеребят¹⁴⁰, а образцов составления такого рода документов Сумма Роландина уже не содержит. Нет там и образца документа, находящего место среди актов Сакрати, а именно предоставление Альбертиной Сакрати в сочиду на три года трех свиней. В условия договора входит обязанность арендатора через семь недель после каждого опороса продавать поросят, оставляя одну свинку для увеличения свиного поголовья. Половину вырученных денег получает арендодательница. По окончании срока договора арендатор должен вывести выращенных свиней на рыночную площадь, разделив стадо пополам. Затем арендодательница выбирает свою половину¹⁴¹.

В архиве Сакрати 18 таких актов с 1335 по 1370 г.¹⁴². Подробное описание одного из этих актов содержится в статье Е.В. Бернадской¹⁴³. Госпожа Альбертина, жена покойного

¹³⁷ Ibid. F. XLVII.

¹³⁸ Акт от 22 ноября 1337 г. См.: ASM. L. 4. No. 4.

Акт от 25 февраля 1335 г. См.: ASM. L. 3. No. 51.

¹⁴⁰ Акт от 12 июня 1339 г. См.: ASM. L. 4. No. 8. Арендатор не справился со своей задачей, и спор решался в суде. В судебных предписаниях этот акт сочиды назван *cavallatico* или *socida cavallatica*. См.: ASM. L. 4. No. 14, 16.

Акт от 6 января 1361 г. См.: ASM. L. 6. No. 10.

¹⁴² ASM. L. 3. No. 51; L. 4. No. 4, 8, 14, 17; L. 5. No. 31, 48, 54, 62, 64; L. 6. No. 4, 10, 11, 12, 58, 59; ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 40; картон 134, № 7.

¹⁴³ ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 7. Бернадская Е.В. К истории аграрных отношений. С. 187–188.

господина Уберто де Сакрато (*domina Albertina, uxor quondam ser Uberti de Sacrato de contrata Sexti Sancti Romani*), передает братьям Паче и Райнальдо, сыновьям покойного Джакомо де Лильцис из виллы Фурминьяна (*Pax et Raynaldus fratres, filii quondam Iacobi de Lilzis de vila Furmignane*), в аренду на условиях сочиды на пять лет 79 овец и одного барана. Раз в 15 дней арендаторы должны привезти к дому госпожи Альбертины 14 сыров и две рикотты (разновидность творога); овечек из приплода должны сохранять в стаде для приумножения, а баранов продавать на рынке и половину выручки отдавать госпоже Альбертине; в положенное время остригать овец и шерсть продавать на рынке, половину выручки также отдавать госпоже Альбертине. По окончании срока сочиды арендаторы должны разделить стадо пополам и предоставить госпоже Альбертине выбрать половину, оставшаяся половина остается арендаторам.

Большое число актов зоатики и сочиды, сохранившихся среди других документов архива Сакрати (сохранились, вне сомнения, не все свидетельства такого рода сделок), разработанность их формуляра и стремительное распространение таких правоотношений в Ферраре говорят о «запросах» общества Феррары, обусловленных распространением рыночных отношений в сельском хозяйстве и началом разделения населения феррарской округи на «землевладельцев и наемных работников»¹⁴⁴.

Механизмы появления новых норм права на севере Италии XIII–XIV вв., механизмы «превращения запросов в решения» обеспечивались каждодневной практикой нотарииев. Изменение, развитие и усовершенствование правовых норм вводились волей облеченных властью лиц, в судах, фиксировалось статутами и другими законодательными памятниками, но основа для введения таких изменений создавалась практической деятельностью итальянского нотариата.

¹⁴⁴ Юсим М.А. «Ренессансное государство» и социальные процессы. С. 732.

ТОПОГРАФИЯ ПАРИЖА
НАЧАЛА XVI ВЕКА
ГЛАЗАМИ НОТАРИУСА

Помимо тех многочисленных перспектив, которые нотариальные акты открывают перед историками, изучающими социальную жизнь прошлого, стоит указать и на возможность реконструкции особенностей восприятия пространства горожанами. Для современной урбанистики внимание к подобным ментальным картам, составляемым путем социологического анкетирования и психологических экспериментов, стало достаточно традиционным фактом¹. Но можно ли проделать такое исследование применительно к прошлым эпохам? Если для XIX–XX вв. источниками могут стать дневники, письма и периодическая печать², то с более удаленными эпохами все обстоит гораздо сложнее. Попытку изучить такие практики предпринял Андрей Лазарев. Проанализировав тексты XV — первой половины XVII в., он составил несколько ментальных карт, объясняющих восприятие городского пространства современниками³. Но используемые им источники носят преимущественно «внешний» характер: путеводители по Парижу, записки путешественников. Использовались, правда, и редкие дневники парижан (*livres de raison*), но эти памятники не предназначались для утилитарного, повседневного использования и могли отражать особенности восприятия пространства авторами, значительно отличавшимися друг от друга.

Нотариальные акты в этом отношении выгодно отличаются — их достаточно много для статистического анализа, и они содержат топографические привязки, отражавшие

¹ Lynch K. The Image of the City. Cambridge (Mass.), 1960.

² Jakle J.A. Cincinnati in the 1830's: A Cognitive Map of Travelers' Landscape Impressions // Environmental Review: ER. Vol. 3. 1979. No. 3. P. 2–10.

³ Лазарев А.В. Ментальные карты Парижа XVI в.: восприятие городского пространства // Средние века. М., 2009. Вып. 70. С. 63–94; Он же. Городское пространство Парижа XVI в. // Логос. М., 2008. № 3 (66). С. 148–183; Он же. Городское пространство Парижа XV — первой половины XVII в. глазами современников: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

не столько личные особенности «ментального пространства» нотариуса или его клиента, сколько наиболее употребительные способы описания того или иного локуса. Большую помощь в описании пространства оказывают разнообразные сделки, касающиеся имущества городских жителей и заключавшиеся в присутствии нотариуса. Парижанин XVI в. обращался к нотариусу при любых сделках, касавшихся недвижимости.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОТАРИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В ПАРИЖЕ

Парижане продают и покупают дома, сады и даже площадки и залы для игры в мяч. Дома часто сдают в аренду и продают с них ренту. Все эти соглашения требуют описания объектов сделки. В тексте акта следовало подробно объяснить, где именно находится тот или иной объект недвижимого имущества. Часто фиксируют местонахождение объекта городской недвижимости и другие сделки: завешания, свидетельства о смерти, свидетельства, предназначенные для судебных процессов, содержат описания недвижимости и их локализацию.

Для историка нотариальные акты интересны тем, что они сохранились в большом количестве. Немаловажно и то, что клиентами нотариуса чаще всего становились горожане, жившие неподалеку от конторы, — это дает возможность сосредоточиться на определенном районе города. Поэтому данное исследование основывается на материалах конторы одного нотариуса — Пьера Крозона, который практиковал на Левом берегу Сены, в самом сердце Латинского квартала. Почти все изучаемые акты были составлены между 1498 и 1530 гг. Первоначальный этап работы был выполнен с помощью публикации Эрнеста Куайака⁴. Этот архивист одним из первых обратил внимание на эвристический потенциал нотариальных актов и решился на частичную их публикацию. К сожалению, издание Куайака содержит

⁴ *Coyecque E. Recueil d'actes notaries relatifs à l'histoire de Paris et de ses environs au XVIe siècle. T. 1 (1498–1545). Paris, 1905. No. 1–3608.*

огромное количество сокращений, и потому его сложно назвать репрезентативным. Поэтому сведения публикатора были перепроверены и дополнены на основе оригиналов нотариальных актов, которые хранятся в Центральном хранилище нотариальных актов (*Minutier Central*) Национального архива Франции.

Для того, чтобы отличить нотариальную практику от принятой нормы, можно использовать учебники по нотариату⁵.

Изучение представлений о городском пространстве невозможно без его географических карт и планов. В данном исследовании в качестве основного используется план, называемый Базельским⁶, один из наиболее подробных и часто используемых, в том числе и в течение XVI в. Также существуют другие планы Парижа примерно того же периода: план Мюнстера (1550), Сен-Викторский план (1550), план Брауна и Огенберга (1572), план Бельфоре (1575)⁷.

Как показывают нотариальные акты, указание на место проживания француза XVI столетия было не менее важным, чем указание сословной характеристики. Поэтому нотариусы часто используют топографическую локализацию в качестве метода идентификации своего клиента. В первой части данного издания говорилось об основном социальном

⁵ *Theorique de l'art des notaires: pour cognoistre la nature de tous contrats... / Traduite du Latin en François et succinctement adaptée aux ordonnances royaux par Pardoux du Prat, docteur ès droict, et reveu et augmenté par ledit Aucteur. Lyon, 1571; Pratique de l'art des notaires, contenant les formes de minuter et grossoyer toutes fortes des Contracts, tant es matieres Ecclesiastiques que Temporelles... / Traduite du Latin en François et succinctement adaptée aux ordonnances royaux par par Pardoux du Prat, docteur ès droict, et reveu et augmenté par ledit Aucteur. Avec un Traicté de la Disposition judiciaire. Lyon, 1571; Protocolle: L'art et stille des tabellions notaries. Paris, 1550; Bredin le Cocu (Du Troncy B.). Formulaire fort récréatif de tous contracts, donations, testaments, codicilles et autres actes qui sont faits et passés pardevant notaries et tesmoins. Lyon, 1590.*

⁶ Le plan de Truschet et Hoyau. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://imagebase.ubvu.vu.nl/cdm/ref/collection/krt/id/1763> (дата обращения 02.12.2018).

⁷ *Franklin A. Les anciens plans de Paris: notices historiques et topographiques, t. 1. Paris, 1878.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k399040m> (дата обращения 02.12.2018).

маркере жителей сельской местности в виде их локализации по своему церковному приходу. В городе дело обстояло сложнее.

Существует несколько таких систем идентификации: по имени, родственным связям, а также по роду занятий (*métier*), статусу или «почетному эпитету» (*épithète d'honneur*). Нотариус не всегда указывает все вышеперечисленные характеристики клиента, особенно когда в тексте договора упоминается несколько человек, например, доверенные лица и члены семьи. Система идентификации по месту проживания оказывается среди этих характеристик одной из главных — наряду с именем и профессией. Что немаловажно, эта информация часто доступна исследователю. Если нотариус фиксирует данную информацию, и клиент с этим согласен, значит, эта информация важна для них.

Сказанное не относится к представителям знати, иерархам Церкви, высшим магистратам — видимо, они справедливо считались достаточно известными особами, чье местонахождение не требовало уточнений.

Среди клиентов нотариусов немало провинциалов, в основном жителей окрестных пригородов, и, соответственно, нотариус указывает места их проживания. Однако я сознательно ограничиваю выборку исключительно парижанами, ведь предлагаемое исследование сосредоточено на восприятии именно городского пространства.

Каким же образом нотариус описывает место проживания клиента? Эта информация может быть очень точной, но также и весьма размытой. Например, встречаются такие характеристики: «Жан Глан, пирожник с улицы Сен-Жак, и его жена Марион Шаво»⁸. Но можно встретить также и более точные характеристики: «Масе де Монже, каменщик, улица Сен-Жак, дом под знаком Трех Голубей»⁹.

Скорее всего, такая практика указания места проживания в качестве одной из характеристик идентификации личности имеет долгую традицию, так как уже первые учебники по нотариату приводят примерные формулы, которые

⁸ Archives Nationales de France. Minutier Central des notaires de Paris (далее — AN.MC.).ET/XXXIII/7; fol. 248.

⁹ AN.MC.ET/XXXIII/12; fol. 354.

содержат среди прочих информацию об улице, на которой проживает клиент. Впрочем, эта информация всегда не упорядочена, но даже по учебникам нотариусов возможно понять, насколько разными могли быть практики локализации дома в городском пространстве. Например, анонимный автор трактата «*Le protocole des notaires...*» предлагает описывать домовый знак при заключении акта о продаже дома¹⁰. Трактат под авторством Парду дю Пра, который представляет из себя перевод итальянского трактата, предлагает описывать объекты, соседствующие с домом, о котором идет речь в договоре¹¹. Парижские нотариусы принимают обе эти традиции и добавляют свои методы, создавая причудливые формы идентификации недвижимости.

Кроме идентификации клиента, понятие дома и описание его расположения часто появляются в инвентарях — описях имущества умерших родственников. Обязательно описывается расположение дома, в котором имущество находится (или несколько домов). Также отмечается, в каком доме скончался человек; это всегда очень важно.

Из этих документов можно узнать, что Марион Миньо, жена Мишеля Лаббе, кондитера (*pâtissier et oublier*), буржуа города Парижа, умерла от очень опасной болезни («*de malladie très dangereuze*») на улице Сен-Жак, дом под знаком Трех Серпов¹². Или что «Пьер Тиар, изготовитель сальных свечей, буржуа города Парижа, умер год назад на улице Сен-Жак, в доме под знаком Оленьего рога, принадлежащем коллежу Шоле»¹³.

Описания дома в актах, связанных со смертью, будь то свидетельства или инвентари, всегда скупы. 78 инвентарей содержат упоминания о доме, в котором скончался владелец имущества, и эти описания содержат только название

¹⁰ Protocole: L'art et stille des tabellions notaries. Paris, 1550. P. 115–116.

¹¹ Pratique de l'art des notaires, contenant les formes de minuter et grossoyer toutes fortes des Contracts, tant es matieres Ecclesiastiques que Temporelles... / Traduire du Latin en François et succinctement adaptée aux ordonnances royales par par Pardoux du Prat, docteur ès droict, et reveu et augmenté par ledit Aucteur. Avec un Traicté de la Disposition judiciaire. Lyon, 1571. P. 135.

¹² AN.MC.ET/XXXIII/10; fol. 242–251.

¹³ Ibid. fol. 125–138.

улицы и домовый знак. Однако только 28 из них описывают соседний объект, и только четыре упоминают более одного объекта по соседству. Видимо, если дом не являлся непосредственным объектом сделки, точная его локализация не считалась обязательной.

Текст соглашения гораздо подробнее описывает местонахождение дома в актах, посвященных продаже и аренде, а также в актах продажи ренты с дома. Я объединяю все эти договоры в единую группу, так как практики локализации дома схожи во всех этих типах договоров. Эти договоры отличаются от инвентарей по своим целям, способы их описания в пространстве — другие: пространственные характеристики в таких актах являются гораздо более детализированными. Очевидно, это необходимо для нотариуса и клиентов, чтобы не перепутать дом, о котором речь идет в договоре, с каким-либо другим домом. Если в инвентарях речь идет чаще всего только об улице и знаке дома, то во второй группе актов описываются дополнительно дома соседей, примечательные объекты по соседству и другие ориентиры. В общей сложности в совершённой выборке насчитывается 121 акт, который я отнесла ко второй группе.

Существует также ряд договоров, которые сложно выделить в отдельную категорию, так как они присутствуют в небольшом количестве: это акты, посвященные коммунальным работам, таким как чистка канав или уборка улиц, а также сделки по строительству домов или пристроек. Также описания пространства встречаются в некоторых свидетельствах (подтверждающих смерть или свидетельствах о преступлениях) и доверенностях.

Сегодня для того, чтобы определить местоположение здания в городе, обычно достаточно лишь названия улицы и номера здания. Однако в изучаемый период нумерация домов еще не существовала — первые попытки установить нумерацию домов в Париже фиксируются 1507 годом¹⁴, но они не носят сколько-нибудь систематического характера и не затрагивают Левый берег. Дома на улицах Парижа будут пронумерованы только в XVIII в. По этим причинам

¹⁴ Numérotage des maisons // *Fierro A. Histoire et dictionnaire de Paris*. Paris, 1996.

необходимы были другие способы ориентирования в городском пространстве. Нотариусы, в свою очередь, были заинтересованы в наиболее точном описании объекта сделки, поэтому историк может полагаться на их документы.

В материалах нотариальных актов можно выделить несколько практик локализации того или иного дома:

- 1) по улице, по соседним улицам и перекресткам;
- 2) по знаку;
- 3) по владельцу;
- 4) по соседним домам (их знакам и/или владельцам);
- 5) по примечательным объектам по соседству.

ДОМОВЫЕ ЗНАКИ

Итак, кроме названия улицы, которое фигурирует почти всегда, парижские нотариальные акты часто содержат упоминания о домовых знаках, которые прикреплены к домам: «дом... под знаком Великих Сил» (*«maison... à l'enseigne des Grandes Forces»*)¹⁵, «в доме, где в качестве знака висит золотой лев» (*«en la maison où pend pour l'enseigne le Lyon d'or»*)¹⁶. Иногда знак мог быть настолько выдающимся, что дальнейших разъяснений не требовалось. Однако во многих случаях необходимо было привести больше информации о соседних объектах.

Вопрос о парижских домовых знаках мало интересовал исследователей. Возможно, он казался слишком очевидным и простым. Кроме того, эту тему сложно проблематизировать, что заметно на примере редких современных работ о домовых знаках в других регионах¹⁷. Немаловажно и то, что домовых знаков XVI в. не сохранилось, наибольшее количество дошедших до нас знаков датируется XVIII и XIX веками. Домовый знак сам по себе не считался объектом, достойным

¹⁵ AN.MC.ET/XXXIII/13; fol. 46. Возможно, под «Великим Силами» понимался определенный чин ангельской иерархии, например «Силы», изображаемой в виде крылатых вооруженных воинов в доспехах. Впрочем, их латинское обозначение — *potestates* — чаще переводилось на французский словом «*puissances*».

¹⁶ AN.MC.ET/XXXIII/12; fol. 7.

¹⁷ Cailieux Ph. *L'enseigne rouennaise // Vivre au Moyen Âge. Archéologie du quotidien en Normandie, XIIIe–XVe siècles*. Milan, 2002. P. 115.

сохранения, и на улице, из-за погоды, они постепенно приходили в негодность, и хозяева их заменяли. Сама традиция домовых знаков сохранилась во французских городах до сих пор. Тем не менее некоторые исследования на тему парижских домовых знаков существуют¹⁸.

Конечно, нотариальные акты — удобный источник по изучению домовых знаков в Париже¹⁹. Официальные источники начинают говорить о домовых знаках не раньше 1667 г.²⁰ Парижские нотариальные акты содержат большое количество упоминаний о знаках: в общей выборке, состоящей из 266 описаний недвижимого имущества, домовые знаки упоминаются 121 раз. В актах, посвященных продаже и аренде (а это наиболее подробно описанные здания, в общем количестве 121), дома со знаками составляют почти 73% (88 домов со знаками).

Описания знаков в нотариальных актах очень лаконичны. Чаще всего они упоминают лишь общепринятое название знака, без сколько-нибудь подробного описания. Например, мы можем узнать, что дом находился «под знаком четырех сыновей Эймона» («*maison à l'enseigne des Quatre fils Aymon*»²¹) или «дом под знаком святого Евстафия» («*maison à l'enseigne de l'Image Saint Eustache*»)²². Иногда известно, что знак висит или прикреплен к стене: «дом, где в качестве знака висит Арбалет» («*une maison... où souloit pendre pour enseigne l'Arbalestre*»)²³; «дом, на котором в качестве знака на стене Агнец» («*une maison... en laquelle est pour enseigne, contre le mur, le Mouton*»)²⁴; «дом, на котором в качестве знака, на стене, образы свв. Петра и Павла» («*une maison... où est pour enseigne, contre le mur, les mages de messrs Saint Pierre et Saint Pol* »)²⁵, «где в качестве

¹⁸ Уваров П.Ю. Эмблематика и топография городского пространства. С. 121–135.

¹⁹ Некоторые из этих знаков хранятся в музее Карнавале в Париже. Уваров П.Ю. Эмблематика... С. 121–122.

AN.MC.ET/XXXIII/2; fol. 23–34.

AN.MC.ET/XXXIII/6; fol. 483–508.

AN.MC.ET/XXXIII/13; fol. 195.

AN.MC.ET/XXXIII/6; fol. 572–579.

²⁶ AN.MC.ET/XXXIII/1.

знака на стене висит образ Богородицы «*où souloyt estre pour enseigne contre mur l'Ymage Nostre Dame*»²⁶. Известно, что существовали вылепленные знаки²⁷.

Наиболее часто в качестве знаков использовались библейские персонажи и святые. Из 121 знака сразу 14 посвящены Богородице. Также часто встречаются изображения св. Николы (5 раз) и св. Мартина (4 раза). Присутствуют также образы св. Евстафия, св. Северена, св. Женевьевы, св. Иакова и других почитаемых в Париже святых. Есть и другие знаки, которые тоже можно отнести к религиозным, например, знак монастыря (*Moutier*), или невинно убиенных (*Innocents*), или уже упоминавшийся загадочный знак «*Великих Сил*» (*Grands Forces*). Все это наводит на мысль, что изображения религиозного характера были призваны защищать дом.

В качестве домовых знаков повсеместно использовались предметы быта и инструменты: Три Серпа (*les Trois Faucilles*), Оловянный Горшок (*le Pot d'étain*), Весы (*les Balances*), Прялка (*le Rouet*), Мешок (*la Gibecière*), Скребок (*la Doloire*), Бутылка (*la Bouteille*), Ложка (*la Cuillère*) и Деревянная Ложка (*la Cuillère de bois*), Красная Шапка (*le Chapeau Rouge*) и другие предметы. Непонятно также, идет ли речь о настоящих горшках и прялках, которые прикреплялись на стены домов, или об их изображениях.

Казалось бы, такие знаки могли сообщить нам о ремеслах, которыми занимались их обладатели. Однако в ходе исследования никакой корреляции между специализацией владельцев зданий и знаком обнаружено не было. Поэтому рассматривать такой тип домовых знаков как сорт рекламы, как предполагалось в литературе начала XX в.²⁸, мне кажется ошибочным. Несмотря на то, что корреляция не найдена, это не значит, что ее не было, — возможно, она существовала, но к XVI в. стала неочевидной.

Третью крупную группу изображений составляют различные геральдические символы; чаще других встречается Лилия

²⁶ AN.MC.ET/XXXIII/12; fol. 49.

²⁷ Уваров П.Ю. Эмблематика... С. 127.

²⁸ Grand-Carteret J. L'enseigne: son histoire, sa philosophie et ses particularités: les boutiques, les maisons, la rue, la réclame commerciale de Lyon. Grenoble, 1902. P. 466.

(*la Fleur de Lys*), эмблема короля Франции. Также в Латинском квартале встречаются Знамя Франции (*la Bannière de France*), Герб Франции (*l'Écu de France*), Знак короля Пипина (*l'Enseigne du Roi Pépin*). Присутствуют также эмблемы, связанные с другими регионами, такие как Герб Базеля (*l'Escu de Basle*), Миланский замок (*le Château de Milan*). Вероятно, знаки Зеленого (*la Croix Verte*) и Белого Креста (*la Croix Blanche*) и Полумесяца (*le Croissant*) также имели геральдический характер.

В большом количестве присутствуют изображения, связанные с животными: пять раз в качестве знака на домах висят олени рога (*cornes de cerf*), дважды рога лани (*des cornes de daim*). Самым популярным среди изображений животных можно назвать изображение Льва (6 раз). Другие животные встречаются в основном единично, как знаки Петуха, Быка или Павлина.

Знак не был неотъемлемой частью дома. Владельцы дома могут поменять знак, о чем мы тоже знаем из нотариальных актов. Например, договор, заключенный по поводу ренты с двух домов, свидетельствует, что один из этих домов, тот, что имеет в качестве знака Герб Базеля, имел ранее знак Печи. Второй дом имеет в качестве знака Рог Оленя, в то время как раньше в качестве знака имел Садик (*anciennement avait le Jardinnet pour l'enseigne*)²⁹. Непохоже, чтобы эти изменения были связаны с их профессией, — хозяева являются колпачниками, и это единственное, что о них известно. Это свидетельство дает возможность предположить, что на выбор домового знака напрямую влияли вкусы хозяев и их представления о прекрасном.

Знак не только меняется сам — он может изменить топографию города. Функция знака — делать дом узнаваемым, уникальным, стать ориентиром для навигации по городу. Наиболее запоминающиеся знаки дали названия улицам Парижа, среди которых, к примеру, улица Арфы или улица Четырех сыновей Эймона³⁰, а также знаменитая улица Кота-рыбака (*rue du Chat-qui-Pêche*)³¹.

Распространенность знаков в Париже связана также с размерами и населенностью города. Домовые знаки упоминаются

²⁹ AN.MC.ET/XXXIII/8; fol. 97.

Уваров П.Ю. Эмблематика... С. 133.

³¹ Lazare F. Dictionnaire administratif et historique des rues de Paris et de ses monuments. Paris, 1844. P. 131.

и для домов, расположенных в провинции. Но если для Парижа и его ближайших пригородов соотношение упоминаний о домах со знаками и о домах, таковых знаков не имеющих, составляет 3:5, то для провинции — только 1:7³².

История парижского домового знака еще не написана, а между тем было бы интересно посмотреть, какие предметы и иконографические сюжеты выбираются для знака в разное время и в разных районах города; в какой период использование знака в качестве ориентира становится необходимым; каким было отношение протестантов к знакам с изображениями святых, а также многие другие вопросы.

Важной точкой ориентации в пространстве для парижан являлось пересечение улиц или угол улиц. Дом часто описывают как находящийся на перекрестке, на углу улицы или вблизи перекрестка: «дом, находящийся на улице Сен-Жак, на углу улицы Бретоннери» (*«maison, sise rue Saint-Jacques, au coin de la rue de la Bretonnerie»*)³³; «дом, находящийся на улице Сен-Жак, неподалеку от улицы Полумесяца» (*«maison... sise grande rue Saint-Jacques, près celle du Croissant»*)³⁴.

Другой распространенной практикой было идентификация дома по отношению к домам соседей. Часто в таких случаях дом описывают как находящийся между двумя другими. Здесь нужно отметить два способа обозначения домов соседей: по домовому знаку и по личности владельца. Эти способы описывают разные типы восприятия пространства. Тот, кто хорошо знает соседей — владельцев дома и его арендаторов, показывает больше личных связей, более высокий уровень персонализации. Не исключено также, что владельцы таких домов, которых хорошо знали соседи, были людьми достаточно известными. Подобное описание выглядело следующим образом: «дом, примыкающий с одной стороны к Рено Шодьер, с другой стороны к Оноре Шевалье» (*«tenant d'un côté à Regnault Chaudière, d'autre côté à Honoré Chevalier»*)³⁵. Такие описания часто являются сложными и многосоставными: дом,

³² Уваров П. Ю. Эмблематика... С. 125.

AN.MC.ET/XXXIII/5; fol. 128v.

AN.MC.ET/XXXIII/6; fol. 253-258.

³⁵ AN.MC.ET/XXXIII/12; fol. 169.

примыкающий с одной стороны к Мари Ларше, с другой стороны частично к вдове и наследникам Эмона Маскота, из-за дома[унаследовавших дом] под знаком шахматной доски, граничащего с домом, который был сдан внаём Жаку Ферребуку Жаном Ле Крие (*«tenant d'une part à Marie Larcher, d'autre part aux veuve et héritiers de Hémon Mascot, à cause de la maison à l'enseigne de l'Echiquier, aboutissant à la maison louée par Jean Le Cirier à Jacques Ferrebouc»*)³⁶. Можно также предположить, что, если клиент описывает дома по их владельцам и арендаторам, это говорит об их укорененности в районе.

Многочислены примеры локализации дома по отношению к домам соседей, когда эти дома обозначаются домовыми знаками: «дом... на улице Старой мясной лавки, под знаком полосатого осла, между домом Троицы и домом Оловянного Горшка» (*«maison... rue de la Vieille Boucherie, à l'enseigne de l'Ane rayé, entre la maison de la Trinité et celle du Pot d'étain»*)³⁷; «между домом под знаком Св. Николая и домом под знаком петуха» (*«entre la maison à l'enseigne de l'Image Saint-Nicolas et la maison à l'enseigne de Cochets»*)³⁸. Две эти системы существуют одновременно.

Также в подобных описаниях фигурирует деталь, которая может рассказать об отношении парижан к прошлому. Иногда в договорах, как уже было сказано, упоминается о том, что домовый знак висел раньше на стене или дверях (видимо, позже был уничтожен), но он все так же остается ориентиром, о котором помнят. Часто, если знак был сменен другим, описываются оба знака, словно память о старом еще существует, и он все еще мог бы служить ориентиром: «дом под знаком образа св. Георгия, ранее под знаком подмостков» (*«l'Image Saint-Georges anciennement à celle du Tréteau»*)³⁹. Или например, дом, «где ранее висел в качестве знака образ св. Иоанна» (*«où anciennement souloit pendre pour enseigne l'Ymage Sainct Jehan»*)⁴⁰.

Это также касается прежних владельцев — в тексте акта бывают названы не только настоящие нынешние, но и прежние

³⁶ AN.MC.ET/XXXIII/13; fol. 273.

AN.MC.ET/XXXIII/1.

AN.MC.ET/XXXIII/12; fol. 49.

AN.MC.ET/XXXIII/8; fol. 434.

⁴⁰ AN.MC.ET/XXXIII/13; fol. 81.

владельцы дома, например: «дом, находящийся в клуатре Сен-Бенуа, некогда занятый Берtrandом Ле Карлье, и ранее Гийомом Дюшенем, доктором факультета теологии, кюре церкви св. Иоанна» (*«une maison, sise au cloître Saint-Benoît, jadis occupée par Bertrand Le Carlier et auparavant par Guillaume Duchesne, docteur régent en la Faculté de théologie, curé de Saint-Jean-en Grève»*)⁴¹.

Такая нестабильность знаков и владельцев приводит к тому, что дом не может ассоциироваться с каким-то исключительным образом или определенным владельцем. Дом на ментальной карте парижанина приобретает некоторую степень независимости.

ОРИЕНТИРЫ

Наконец, важнейшим способом локализации дома клиента в нотариальных актах было расположение по отношению к заметным ориентирам поблизости. Это церкви, коллежи, кладбища, городские стены и ворота, сады.

Местоположение объекта, по отношению к которому необходимо было расположить дом, могло быть определено несколькими способами. Часто дома находятся напротив, перед (*devant, en face de*) тем или иным объектом, но существовали также и более редкие варианты, например: «комната, имеющая вид на кладбище Сент-Илер» (*«une chambre... ayant vue sur le cimetière Saint-Hilaire»*)⁴².

Среди самых распространенных ориентиров — церкви и монастыри (11 актов из 266). Многие из них сегодня исчезли, однако исходя из того, какое внимание им уделялось современниками при ориентации в городе, мы можем проследить, каким было их влияние на окружающее пространство в XVI в.

Монастырь доминиканцев, который не сохранился до наших дней, находился на улице Сен-Жак, примыкая к стене Филиппа Августа. Именно благодаря названию улицы орден доминиканцев во Франции получил название яковинцев. Само здание монастыря было уничтожено в XVIII–XIX вв., но в XVI в. оно занимало важнейшее место на ментальной карте

⁴¹ AN.MC.ET/XXXIII/12; fol. 54.

⁴² Ibid. fol. 476.

Латинского квартала. По нотариальным актам прослеживается, что монастырь часто служил ориентиром для парижан XVI столетия. Он изображается на всех планах этой эпохи, часто служит ориентиром: «дом под знаком образа Св. Николая, недалеко от Якобинцев» (*«une maison à l'enseigne de l'Image Saint-Nicolas, près des Jacobins»*)⁴³; «дом под знаком герба Орлеана, на углу улицы Сен-Этьен де Грe, перед Якобинцами» (*«maison à l'enseigne de l'Écu d'Orléans, au coin de la rue Saint-Étienne-des-Grès, devant les Jacobins»*). Монастырь также часто именуется монастырем братьев-проповедников: *« maison... sise devant l'église des Frères Prêcheurs »*⁴⁴.

Проанализированные акты содержат упоминания других церквей и монастырей. Монастырь или собор не является независимым объектом — они конституируют вокруг себя особое пространство: принадлежащие им кладбища, тюрьмы, луга, которые также могли выступать в качестве независимых ориентиров.

Весьма красноречивыми являются и «фигуры умолчания». Всем известно, что приходы, на которые делилась территория Парижа, играли большую роль, являясь базой для сбора определенных налогов, выступая в роли ядра социальных связей. Однако нотариальные акты не содержат упоминаний о приходах, когда речь идет о домах в Париже. Приход становится важной топографической характеристикой только в том случае, когда речь идет о недвижимости, расположенной в сельской местности. Точно так же разделение на кварталы оказывается совершенно не важным, хотя именно квартал служит муниципальной единицей, там регулярно проходят выборы квартальных, организуется ночная стража, а позже и ополчение городской милиции⁴⁵.

Специфика данного района все же заключается в его связи с университетом. К концу Средних веков все более важными становятся здания университетских коллежей⁴⁶; тогда же

⁴³ AN.MC.ET/XXXIII/9; fol. 126v.

⁴⁴ AN.MC.ET/XXXIII/3; fol. 1–11.

⁴⁵ Descimon R. Les quartiers de Paris du Moyen-Age au XVIIIe siècle. Evolution d'un espace plurifonctionnel // Annales. 1979. Vol. 34. No. 5. P. 956–983.

⁴⁶ Verger J. Les universités au Moyen Âge. Paris, 1973. P. 22.

восточная часть улицы Сен-Жак становится университетским кварталом⁴⁷.

Данные нотариальных актов указывают на влияние коллегей в топографии города. Коллежи выступают в качестве ориентиров более 20 раз в изучаемой подборке из 266 актов. Кроме того, названия коллегей часто упоминаются как места проживания студентов и/или их преподавателей, составляющих нотариальные акты.

Наиболее часто упоминающийся коллеж — Сорбонна, находящаяся на улице Сорбонны. Он часто выступает в качестве ориентира: «между коллежем Сорбонна и домом, принадлежащим капитулу Сен-Бенуа» (*«entre le collège de Sorbonne et une maison appartenant également au chapitre de Saint-Benoît»*)⁴⁸; «...примыкающий с одной стороны к дому Солнца, а с другой к коллежу Сорбонна» (*«...contiguë d'un côté à la maison du Soleil et d'autre au collège de Sorbonne»*)⁴⁹.

По соседству находился коллеж Кальви, который называли «Малой Сорбонной»; этот коллеж принадлежал Сорбонне⁵⁰. Здания других коллегей (среди которых коллежи Камбре, Трегье, Шоле, Реймс, Монтегю, Мармутье) также служили для навигации в пространстве, хотя упоминаются реже, не более двух раз каждый. Все они находились близко друг к другу.

Стены и рвы также служили важнейшими ориентирами в городе и окрестностях. Известно, что парижане часто прогуливались вдоль рвов — планы Парижа XVI в. изображают фигурки фланирующих людей.

Только в качестве ориентиров в изучаемой выборке рвы упоминаются восемь раз: «дом, находящийся на парижских

⁴⁷ Hottin C. La constitution de l'espace universitaire parisien (XIIIe–XVIIIe siècle): jalons pour la redécouverte d'un patrimoine // [Электронный ресурс] Situ, 2010. No. 17. Режим доступа: <http://insitu.revues.org/11310>, свободный (дата обращения 02.09.2018).

⁴⁸ AN.MC.ET/XXXIII/4; fol. 9.

AN.MC.ET/XXXIII/8; fol. 434.

⁵⁰ Минута MC/ET/XXXIII/11; fol. 193 посвящена аренде коллежа Кальви Сорбонной. Кстати, никаких ориентиров для локализации самого коллежа Кальви в данном акте нет — настолько очевидно его местонахождение.

рвах, между воротами Сен-Виктор и Борделль, под знаком жертвоприношения Авраама» (*«une maison, sise sur les fossés de Paris, entre les portes Saint-Victor et Bordelle, à l'enseigne du Sacrifice d'Abraham»*)⁵¹ или «Дом, находящийся в пригороде Сен-Жак на королевской мостовой, на углу дороги, ведущей к воротам Борделль и достигающей городских рвов» (*«Une maison, sise aux faubourg Saint-Jacques, sur le pavé du Roi, au coin du chemin conduisant à la porte Bordelle, aboutissant sur les fossés de la ville»*)⁵².

Стены также могли служить для навигации в городском пространстве: «дом, находящийся на улице Мюр... примыкающий к стенам города» (*«une maison, sise rue des Murs ... aboutissant aux murs de la ville»*)⁵³, но упоминаются реже, чем рвы.

В контексте границ города также важным ориентиром являются ворота. Чаше других упоминаются ворота Сен-Жак, наиболее близкие к тому месту, где располагались конторы нотариусов Крозонов. Это ворота, которые соединяли пригород Сен-Жак с Парижем. Также упоминаются и другие ворота: «рента с дома, находящегося около ворот Сен-Жермен-де-Пре» (*«rente sur une maison près la porte Saint-Germain-des-Prés»*)⁵⁴, или «аренда дома, находящегося около ворот Сен-Мишель» (*«bail... d'une maison, sise près de la porte Saint-Michel»*)⁵⁵.

Между воротами иногда находились дома, в которых проживали люди. Мы можем почерпнуть эту информацию не только из планов, но и из нотариальных актов, в которых могло указываться, что человек жил «между двумя воротами Сен-Жак» (*«entre deux portes Saint-Jacques»*)⁵⁶. Следующее описание демонстрирует, как было устроено пространство между воротами: «Дом, находящийся между двумя воротами Сен-Жак, примыкающий к ложным воротам, ведущим в пригород» (*«Une maison sise entre les deux portes de la porte Saint-Jacques, joignant la fausse porte sortant sur les faubourg»*)⁵⁷.

⁵¹ Coyecque E. Recueil d'actes... P. 230.

AN.MC.ET/XXXIII/14; fol. 369.

AN.MC.ET/XXXIII/13; fol. 325.

Ibid. fol. 25.

AN.MC.ET/XXXIII/12; fol. 247v.

⁵⁶ AN.MC.ET/XXXIII/14; fol. 1–13.

⁵⁷ AN.MC.ET/XXXIII/3; fol. 167–172.

Наконец, авторам текста чрезвычайно важно знать, находится ли дом внутри городских стен или снаружи, за воротами. Это не только вопрос географической ориентации, но и юридический. Поэтому нотариусы уточняют, когда речь идет о недвижимости, находящейся вне городских границ, что недвижимость находится «за стенами» или «за воротами», например «дом, находящийся за воротами Сен-Жак» (*«sise hors la porte Saint-Jacques»*)⁵⁸.

Как ни странно, очень редко возникает в ментальной карте парижан XVI в. река Сена. В текстах изучаемых актов в качестве ориентира Сена упоминается лишь один раз для описания дома, который с одной стороны граничит с домом Орлеанского герба, а с другой — доходит до Сены (*«une maison... rue de la Calandre, à l'enseigne des Balances, contiguë d'un côté à la maison de l'Écu d'Orléans et aboutissant à la Seine»*)⁵⁹. Мост упомянут лишь однажды, да и то не в качестве ориентира: «дом на Малом мосту, неподалеку от Малого Шатле со стороны Отель-Дьё» (*«une maison sur le Petit-Pont, près du Petit Châtelet du côté de l'Hôtel-Dieu»*)⁶⁰.

Парадоксально, но факт: парижане начала XVI в. почти не замечают Сену и ее мосты. На материалах дневников парижан Андрей Лазарев приходит к похожим выводам, однако его анализ записок путешественников показывает, что Сена и ее мосты были очень важны для иностранцев⁶¹. Отсутствие Сены в актах первой половины XVI в. — яркий пример разрыва между реальной географической картой и картой ментальной.

Итак, к XVI столетию в Париже сложились особые способы восприятия городского пространства и ориентации в нем. Нотариальные акты часто содержат разного рода упоминания о пространстве. Во-первых, нотариус фиксировал место жительства парижанина XVI в., которое служило для идентификации личности наряду с именем, родом занятий и статусом. Во-вторых, для нотариуса была важной информация о том, где, в каком доме умер человек, что фиксируется

⁵⁸ AN.MC.ET/XXXIII/14; fol. 369.

AN.MC.ET/XXXIII/11; fol. 10.

AN.MC.ET/XXXIII/3; fol. 159–166.

⁶¹ Лазарев А. В. Ментальные карты... С. 75–76.

в посмертных описях имущества. Наконец, тексты многочисленных сделок, касающихся купли, продажи и аренды недвижимости, должны были фиксировать точное местонахождение этой недвижимости.

Чтобы точно локализовать дом, по поводу которого совершается соглашение, использовалось сразу несколько систем. Во-первых, обязательно называлась улица, на которой находился дом. Для того чтобы различить дом среди других, также использовались домовые знаки. Характер изображений был чрезвычайно разнообразным: от изображений сакрального характера до изображений животных, бытовых предметов и геральдических знаков. Нотариальные учебники требовали, чтобы в тексте сделки по поводу дома были названы соседние дома. Те, в свою очередь, могли быть идентифицированы либо по домовому знаку, либо по владельцу. На мой взгляд, система ориентации по владельцам указывает на более персональные отношения и, соответственно, на укорененность в городе. Наконец, дома локализуют по отношению к каким-либо элементам городского пространства неподалеку. Среди них наиболее часто парижане упоминают церкви и монастыри, коллежи, а также рвы и ворота.

Не менее любопытно обратить внимание на те городские элементы, о которых парижане вспоминают реже в текстах сделок. Так, Сена и ее мосты оказались практически выключенными из ментальной карты парижан. Также в нотариальных актах упоминаются и другие приходы и кварталы внутри городских границ. Все это может свидетельствовать о том, что восприятие города парижанами XVI в. являлось целостным — оно не замыкалось в рамках своего прихода, квартала и даже берега Сены. Парижане оказываются не склонными к делению города на части. Восприятие города в целом доминировало над восприятием своего прихода или квартала.

Несмотря на то что существовало сразу несколько систем локализации городских объектов, ни одна из них не была независимой. Для правильной локализации дома нотариус указывал название улицы, описывал знак дома, соседние дома, а также важные городские элементы неподалеку. Эти сложные, громоздкие описания мест расположения домов показывают работу нотариуса, который пытался втиснуть в рамки юридического письма богатство топографии средневекового города.

ОБЩИЕ СОБРАНИЯ РЕМЕСЛЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ В РЕЙМСЕ XV-XVIII ВЕКОВ

Возможность общего сбора всех мастеров — важная составляющая жизни профессионального сообщества и безусловная ценность для ремесленников и торговцев. Каждый мастер мог и должен был принимать в нем участие, высказывать и отстаивать свое мнение. Только общее собрание имело право принимать решения от имени всего сообщества и действовать, воплощая эти решения. Если ориентироваться на повседневные задачи и сложности, с которыми могли столкнуться отдельные мастера или все они вместе, то довольно трудно представить, насколько частыми и регулярными должны были быть общие сборы, чтобы не откладывая, а вовремя, когда возникала такая необходимость, решать возникающие проблемы. В тот «момент», когда правила проведения общих собраний становятся очевидными — т.е., фиксируются регламентами — речь идет о ежегодных собраниях, главным вопросом на которых были выборы должностных лиц, представлявших профессиональное сообщество и действовавших от его имени. Подобное представительство упрощало и ускоряло процедуру принятия решений и возможность действия и, вероятно, возникло еще на самых ранних этапах истории ремесленных и торговых корпораций. Однако ни момента его появления, утверждения и распространения, ни возможной аргументации за или против этого кажущегося таким разумным и естественным управленческого решения, документально не зафиксировано, и, какие бы предположения относительно ранней истории ремесленных и торговых корпораций ни высказывались, они во многом остаются логическими построениями. Однако, предполагая цельность института профессиональных сообществ, нельзя не воспользоваться данными, содержащимися в поздних регламентах и документах: в раннее Новое время общие собрания также проводились, и, соответствуя своей эпохе, они выполняли те же функции, что и более ранние собрания мастеров:

представление мнений всех членов сообщества, обмен мнениями, принятие согласованных решений, делегирование полномочий.

Статьи об общих собраниях есть почти во всех регламентах ремесленных и торговых корпораций Реймса раннего Нового времени. Именно в это время, в Реймсе — во второй половине — конце XVII в., в уставах впервые стали записывать конкретные рекомендации о том, как мастерам следовало вести себя на собрании, в каком порядке говорить, как подписывать общие решения и т.п. В целом же регламенты определяли время и место проведения собрания¹, которое нередко устраивали сразу после ежегодной торжественной мессы² или после ежегодной службы за упокой мастеров и мастериц³ (ее, в свою очередь, могли проводить на следующий день после торжественной мессы⁴). Собрание могло быть организовано и в другой день года. Так, у изготовителей шерстяной кисеи (1710) общая торжественная месса проводилась 8 июля, в день встречи Марии и Елизаветы (*le huitième jour de juillet, fête de la Visitation de Notre-Dame, leur protectrice*), поминальная служба по всем умершим мастерам и мастерицам — на следующий день⁵, а общее собрание и выборы присяжных — 1 сентября⁶. День 1 сентября был установлен для выборов присяжных еще в 1572 г.⁷, но в этом регламенте тогда не было статей об общих церковных службах и похоронах.

На собрании выбирали присяжных (если их не назначали по старшинству), клерка (помощника присяжных)

¹ Например, печатники Реймса (1623) должны были собираться в ризнице приходской церкви св. Этьена 8 мая в 2 часа пополудни, и не позднее (*Archives législatives de la ville de Reims / Publ. par P. Varin. Paris, 1847 (далее — AL). Pt. 2: Statuts. Vol. 2. P. 474. XVII ст.*).

² Как, например, у стригальщиков сукна (1603) (*Ibid. P. 401. XIII ст.*).

³ Например, у шляпников (1700): *Ibid. P. 205–206. II–IV ст.* У ножовщиков (1739): *Ibid. P. 1036. II ст.* У поваров (1757): *Ibid. Paris, 1852. Vol. 4. P. 498–499. I, IV ст.*

⁴ Как, например, у литейщиков (1701 и 1741 гг.): *Ibid. P. 351. II ст. Ibid. Vol. 2. P. 228. II–III ст.*

⁶ *Ibid. P. 229. VIII ст.*

⁷ *Ibid. P. 231. [II] ст.*

и счетовода (если он был у корпорации). При этом такой, например, существенный для каждого сообщества вопрос, как отчет о расходовании общих средств корпорации, не был прерогативой общего собрания — традиционно его заслушивали присяжные и/или специально назначенные представители корпорации. В XVIII в. на таком отчете почти всегда присутствовали представители городских властей⁸.

Свидетельство о том, что именно решение общего собрания могло стать основой для создания и утверждения устава — а по сути для создания и признания корпорации, — относится именно к раннему Новому времени.

Известен протокол такого собрания купцов-мерсье Реймса от 30 апреля 1639 г., который стал в итоге вводной частью регламента. В протоколе были указаны дата и место проведения собрания и даже время — около 4 часов пополудни⁹. Протокол зафиксировал принятые на собрании решения, последовательно перечислив действия, которые необходимо было предпринять четырем купцам, назначенным представителями всей корпорации, для утверждения регламента — именно так была обозначена главная цель собрания.

Регистрация решений, принятых на общих собраниях, всегда была важным корпоративным правилом. В первую очередь это касалось самого главного решения — о новых присяжных. В XVII–XVIII вв. записи решений и нередко хода обсуждения становятся более детальными.

«Объединенная корпорация изготовителей саржи, шерстяной кисеи, чесальщиков шерсти и сукноделов» Реймса (1664) настаивала на присутствии на общих собраниях двух нотариусов, «чтобы заслушивать мнения и письменно фиксировать то, что будет предложено большинством голосов, как это всегда делается»¹⁰. Портные и старьевщики (1716)

⁸ Например, регистры и счетная книга корпорации слесарей Реймса представляли фискальному прокурору ежегодно и всякий раз, когда возникала необходимость (1646 г.: Ibid. P. 597. [III] ст.; 1708 г.: Ibid. P. 592. III ст.). Присяжный, отвечавший за средства сообщества свечных мастеров (1733), отчитывался перед балли в присутствии фискального прокурора в течение двух недель после завершения его полномочий (Ibid. Vol. 4. P. 233. V ст.).

⁹ Ibid. Vol. 2. P. 560.

¹⁰ Ibid. P. 799. IX ст.

требовали составления актов «в регистрах сообщества о решениях, которые будут приняты на этих ассамблеях, каковые все мастера должны подписать»¹¹. Обязанность подписать принятое большинством голосов решение общего собрания была обозначена также каменщиками (1730)¹² и корзинщиками (1774)¹³.

Протокол собрания бочаров — хотя и не общего собрания этой насчитывавшей несколько сотен мастеров корпорации, а только их представителей — от 6 сентября 1738 г. зафиксировал место и время сбора; разрешение на него от наместника бальи; созыв, сделанный клерком корпорации Жаном Лемуаном, обстоятельства, единогласное голосование, решения и подписи присутствовавших¹⁴, и уже 12 сентября наместник бальи, получив согласие фискального прокурора, утвердил решения собрания, касавшиеся сборов с подмастерьев, ведения финансовой отчетности и организации похорон мастеров и мастериц¹⁵.

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ НА ОБЩИХ СОБРАНИЯХ

Столяры Реймса (1684) требовали от мастеров «вести себя благородно» на общем собрании. Штраф за нарушение этого правила составлял значительную сумму в 100 су¹⁶, в то время как за отсутствие на собрании без уважительной причины — всего 2 су 6 денье, как и за отсутствие на похоронах¹⁷. Подобное соотношение между суммами свидетельствует о «древности» штрафа за отсутствие и о необходимости дисциплинарного нововведения, связанной с «новыми» обстоятельствами корпоративной повседневности.

¹¹ Ibid. P. 526. XVIII ст.

Ibid. P. 485–486. VIII ст.

Ibid. P. 339. II ст.

Ibid. P. 416–417. Not. 6.

¹⁵ Ibid. P. 417. В мае 1739 г. это решение было зарегистрировано Парижским парламентом.

¹⁶ Ibid. P. 351. LVI ст.

¹⁷ Ibid. LVII ст.

у корзинщиков правила проведения общих собраний и правила принятия решений были записаны лишь в 1774 г. (первый устав этой корпорации датируется 1588 годом). На собраниях обязаны были присутствовать все мастера под угрозой штрафа в 20 су¹⁸; ход обсуждения должен был быть изложен в регистре и подписан всеми мастерами, умевшими писать, и, даже если кто-то из мастеров не умел писать, все обязательно должны были быть упомянуты. Штраф в 20 су угрожал и тем, кто отказывался подписывать, и тем, кто уходил с собрания, не подписав регистр¹⁹. Каждый мастер обязан был высказать свое мнение в соответствии со старшинством, без брани и крика²⁰.

В общем уставе цирюльников, парикмахеров, банщиков и парильщиков всего королевства (1725)²¹ было подробно написано, как и в каком порядке следовало сидеть на собрании, когда выступать: говорить можно было только по очереди, в строгом соответствии со своим рангом, когда назовет секретарь (*greffier*). Штраф за первое нарушение составлял 3 ливра, а за повторное могли навсегда лишить права присутствия²². Эти же правила были позднее (1767) воспроизведены в специальном постановлении для цирюльников, парикмахеров и банщиков Реймса, где повторялось требование говорить в свой черед, только когда вызовут (штраф 3 ливра), подчеркивался запрет прерывать собрание, вести оскорбительные речи или злословить, за что полагался штраф в 30 ливров, а за повторные нарушения порядка на собраниях лишали права присутствия, а также права исполнения должностей и получения жалованья²³. Все эти требования касались прежде всего должностных лиц, собрания которых представляли всю корпорацию.

¹⁸ Ibid. P. 339. I ст. Штраф такого же размера был установлен у свечных мастеров в 1733 г. (Ibid. Vol. 4. P. 233. IV ст.).

¹⁹ Ibid. Vol. 2. P. 339. II ст.

Ibid. III ст.

Он был зарегистрирован в реймском бальяже 13 июня 1733 г.

²² AL. Pt. 2. Vol. 4. P. 203–204. IX–X ст.

²³ Ibid. P. 199–202. Not. VI.

ПРАВО ИЛИ ОБЯЗАННОСТЬ ПРИСУТСТВИЯ

Присутствие на общем собрании было обязанностью всех мастеров, что подчеркивали старые ремесла (как стригальщики сукна)²⁴ и предписывали новые — как книгопечатники, переплетчики и книготорговцы Реймса (1623)²⁵ и Парижа (1619)²⁶, которые, вырабатывая свои традиции, посчитали нужным записать даже то, что собрания будут продолжаться из года в год и без оплаты, что вряд ли было необходимо, поскольку являлось общим для разных профессиональных сообществ обычаем.

При изменении уставов и утверждении новых их редакций штраф за отсутствие на собрании оставался постоянным²⁷. Единственное известное мне изменение такого штрафа в Реймсе принадлежит литейщикам, в первом регламенте которых (1701) штраф равнялся 10 су, а в 1741 г. его заменил штраф в 7 су 6 денье²⁸. Удивительно как само изменение этой традиционной и постоянной суммы, так и ее уменьшение, а не увеличение, что было бы логичнее. Возможно, что она была приведена в соответствие со штрафом за отсутствие мастера на мессе и заупокойной службе, составлявшем 7 су 6 денье²⁹.

И тем не менее вопрос о том, все ли мастера могли присутствовать на общих собраниях в раннее Новое время, заслуживает того, чтобы быть заданным.

²⁴ ...Et pour faire ladite élection lesdits maîtres seront tenus aux assemblées le lundi d'après la fête du Saint-Sacrement en l'église du couvent des Carmes dudit Reims, entre les sept à huit heure du matin, auquel lieu ladite élection sera faite par les maîtres qui s'y trouveront (Ibid. P. 392–393. II ст. Также: Archives Municipales et Communautaires de Reims. Fonds ancien. C. 678. Liasse 7. Suppl. II). Последняя часть статьи указывает, что решение примут те, кто придет на собрание в установленное место и в установленное время — те, кто не явится, не могут высказывать им претензии.

²⁵ ...Et continueront ladite assemblée d'année en année et sanz fraiz (AL. Pt. 2. Vol. 2. P. 474. XVII ст.).

²⁶ ...Et continueront ladite assemblée d'année en année, sans frais (RG. T. XVI. P. 121. XVII ст.).

²⁷ Как и за отсутствие на мессах и похоронах.

AL. Pt. 2. Vol. 4. P. 351. III ст.

²⁹ Ibid. P. 348–351. I–II ст.

С одной стороны, регламенты устанавливали штраф за отсутствие, а значит, каждый мастер должен был прийти на собрание. С другой, как известно из уставов колпачников (1706 и 1735 гг.), право присутствия признавалось только за полноправными мастерами, имевшими свои мастерские и работавшими на себя, а не на других. «Мастеров, не имеющих лавки», «мастеров, работающих для других мастеров» и сыновей мастера, не достигших 22 лет, не звали на общие собрания корпорации, а только на торжественные мессы, на заупокойные службы и похороны. Для сыновей мастера это объяснялось тем, что им не следовало терять время, отведенное на учебу, остальные же не должны были оставлять свою работу³⁰. Другой пример относится к многочисленной корпорации бочаров Реймса, в XVIII в. запретившей рядовым мастерам находиться на собраниях под угрозой штрафа (см. далее).

Присутствовали ли на общих собраниях вдовы, занимавшиеся ремеслом после смерти их мужей-мастеров?

Да. Исходя, во-первых, из того, что они становились членами корпорации, такими же, какими были их мужья. Во-вторых, из того, что вдовы мастеров и мастерицы есть в ряде списков мастеров, обращавшихся с прошениями к властям и перечисленных в преамбулах постановлений как «все мастера, занимающиеся этим ремеслом в городе Реймсе и его пригородах»: у колпачников в 1576 г.³¹, у изготовителей шерстяной кисеи в 1710 г.³² — и, соответственно, собравшихся для того, чтобы составить такое обращение.

Нет. На общем собрании купцов-мерсье, организованном для подготовки и утверждения их регламента, не было ни одной вдовы, как свидетельствует протокол этого собрания 1638 г.³³, однако в выборах должностных лиц 4 июня и 9 августа 1639 г.³⁴ участвовали четыре вдовы, а значит, они были полноправными членами этой корпорации. Имена их мужей не фигурировали в списке 1638 г., но все они были в списке купцов

³⁰ Afin que les uns ne quittent point leur travail, et les autres ne perdent point le tems des écoles et études (Ibid. Vol. 2. P. 288. XXIV ст.).

³¹ Ibid. P. 278–279.

Ibid. P. 226. Not. 1.

Ibid. P. 560.

³⁴ Ibid. P. 566. Not.

1626 г.³⁵ Хотя нельзя не предполагать ситуативных исключений — вдовы могли не присутствовать не из-за того, что их не допустили до участия, а из-за случайных обстоятельств.

КОНТРОЛЬ ЗА ПРОВЕДЕНИЕМ ОБЩИХ СОБРАНИЙ

В истории Реймса известно два законодательных запрета на проведение общих собраний.

В 1461 г. мясникам Реймса запретили собираться в количестве более девяти человек без разрешения, данного от имени короля, бальи Вермандуа, его наместника или ординарного судьи; запретили иметь братство и выбирать мастера (*«avoir ne eslire maistre»*, т.е. присяжного), иметь впредь общую кассу (в тот момент она была конфискована). Запрет исходил от королевского комиссара Кокийяра, назначенного в связи с «отвратительным волнением, недавно произошедшим в Реймсе и других местах в Шампани»³⁶. Начало волнениям, по всей вероятности, положило собрание мясников, подобное тем, которые они «имели обыкновение устраивать» изо дня в день «под предлогом общих дел ремесла и некоего братства»³⁷.

Уже в 1467 г. мясники добились у архиепископа Реймса и у короля утверждения для них устава, снимавшего установленные несколькими годами ранее запреты. В том числе им вернули и право на общие собрания.

Прежде всего, в уставе сказано о собраниях «мастеров мясников и прочих из их сообщества и братства» (*de leur société et confrérie*), которые было разрешено устраивать ежегодно накануне дня Тела Господня³⁸ для обсуждения того, что было связано

³⁵ Ibid. P. 570. Not. 1.

³⁶ ...La detestable commocion nagueres advenu à Rems et ailleurs ou pays de Champagne (Archives Municipales et Communautaires de Reims. Fonds ancien. C. 682. Liasse 7. Suppl. XI). П. Варен не упоминал об этой грамоте от 6 ноября 1461 г., однако современным французским исследователям она хорошо известна.

³⁷ Подробнее см.: Кириллова Е.Н. Ремесленные и торговые корпорации в раннее Новое время. Saarbrücken, 2011. С. 132–133.

³⁸ Праздник приходится на 61-й день после Пасхи, второй четверг после Пятидесятницы. Был учрежден папой Урбаном IV в 1264 г., во Франции празднуется с начала XIV в. и первоначально не сопровождался тор-

с традиционным участием мясников в торжественной процессии в день этого праздника и в организации его освещения³⁹ (каждая корпорация несла на процессии определенное число факелов⁴⁰).

Для решения же общих дел корпорации (*pour traiter de leurs affaires communes*) и выборов пяти присяжных устраивали другое общее собрание, для которого был назначен и другой день — Пепельная среда (начало Великого поста)⁴¹. Никаких правил проведения собрания этот регламент, в полном соответствии с традициями своего времени, еще не устанавливал.

В XVI в. запрет на проведение общих собраний, в том числе для выборов должностных лиц, был записан в регламенте булочников (1561): действующие присяжные должны были выбрать двух булочников, которые в пятницу накануне Великого поста «собирали» голоса всех остальных мастеров для выборов новых присяжных, а собрание сообщества не устраивалось⁴². При этом собрание мастеров было нежелательно только для выборов присяжных, а в других случаях общие сборы были обязательны. Клерк корпорации (помощник присяжных) должен был созывать мастеров на Пасху и в день св. Оноре (покровителя булочников), на похороны мастеров и на службы, а также для участия в религиозных процессиях⁴³.

В XVII–XVIII вв. усиливается контроль за общими собраниями корпораций со стороны городских властей: они зафиксировали для себя право разрешать или отказывать в возможности проведения собраний, чего ранее не требовалось (пример с мясниками в XV в. — это исключительный случай).

жественными процессиями, которые стали устраивать только с XVI в. Эта традиция была одобрена и рекомендована Тридентским собором.

AL. Vol. 1. P. 996. [X] ст.

⁴⁰ Порядок, в котором ремесленные и торговые корпорации Реймса шли во время процессии в день Тела Господня, был опубликован в 1778 г.: *Liste des Communautés, Arts et Métiers qui doivent faire porter des Flambeaux à la Procession Générale du Clergé de la ville de Reims, le jour de la Fête du Saint Sacrement, avec le nombre de Flambeaux qu'elles feront porter, suivant l'ordre qui sera observé dans la marche* (Archives Municipales et Communautaires de Reims. Fonds ancien. C. 680. Liasse 7. Suppl. VI).

AL. Vol. 1. P. 996. [XI] ст.

⁴² Ibid. Vol. 2. P. 146. [VII] ст.

⁴³ Ibid. P. 148. [XI] ст.

Слесари Реймса (1646) упомянули о письменном разрешении, которое бальи архиепископа давал при предоставлении соответствующей просьбы и с одобрения фискального прокурора⁴⁴. При утверждении изменений в регламенте портных (1749) было сказано, что не стоит собирать всех мастеров, кроме как для выборов присяжных и других должностных лиц корпорации, и по таким важным поводам, как «денежные займы и другие», когда бальи посчитает необходимым собрать все общество⁴⁵. О необходимости получать разрешение на проведение общего собрания говорилось также у токарей (1642)⁴⁶ и изготовителей колбасных изделий Реймса (1685)⁴⁷, цирюльников, парикмахеров всего королевства (1725)⁴⁸ и Реймса (1767)⁴⁹, свечных мастеров (1733)⁵⁰ и корзинщиков Реймса (1774)⁵¹.

ПРАВО ПРЕДСТАВЛЯТЬ КОРПОРАЦИЮ

Просьба о таком нововведении в корпорации бочаров в 1730 г., как представительство «шестнадцати» и «прежних» мастеров (*lesdits seize et anciens*)⁵² при выборах новых при-

⁴⁴ Ibid. P. 602–603.

Ibid. P. 529. Not.

Ibid. P. 584. [X] ст.

Ibid. P. 946. XXVIII ст.

⁴⁸ Ibid. Vol. 4. P. 203. VIII ст.

Ibid. P. 201. Not.

Ibid. P. 233. IV ст.

Ibid. Vol. 2. P. 339. I ст.

⁵² В этой корпорации было четверо присяжных, двое из которых ежегодно сменялись и двое оставались на следующий год. Мастера, ранее исполнявшие обязанности присяжных, назвались «прежними мастерами» (*les anciens maîtres de la communauté, ayant passé par les charges*) и, с ежегодным изменением состава, входили в число «шестнадцати» мастеров, которые выполняли важные представительские и управленческие функции. «Шестнадцать» мастеров подразделялись на «восемь прежних из шестнадцати», «восемь вошедших в шестнадцать», «восемь вышедших из шестнадцати». Соответственно: те, кто состоит в «шестнадцати» не первый год, первый год, и те, кто входил в категорию «шестнадцати» в прошлом году.

сяжных, на обычных и экстраординарных собраниях, была подписана 119 мастерами. Однако, несмотря на многочисленность подписей, бальи велел собрать «всех мастеров»⁵³, чтобы на их общем собрании определить мнение каждого по этому вопросу. Предписание оказалось нелишним, ибо в результате выяснилось, что 169 мастеров знали о прошении и согласились с ним; 15 — не согласились; четверо не пожелали высказать свое мнение, и еще 26 мастеров отсутствовали⁵⁴. Таким образом, в корпорации было почти на 100 человек больше, чем подписалось под прошением, — 214 мастера. И хотя в итоге оно было одобрено властями, потребовался еще целый ряд усилий, консультаций, исследований и предварительных постановлений, а вся процедура затянулась на три месяца — с конца июня по начало сентября 1730 г. Бальи привел пространное обоснование своего решения, самым тщательным и подробным образом расписав систему управления столь многочисленной корпорацией⁵⁵. Было подтверждено в том числе правило ежегодного составления присяжными полного списка мастеров: каждый год 15 июля его в напечатанном виде должны были представлять бальи, указывая, когда именно мастер исполнял какую-либо должность в корпорации.

Один из таких списков, от 1751 г., сохранился в архиве Реймса⁵⁶; мастера в нем перечислены в строгом соответствии с их статусом в корпорации, что позволяет оценить сложность системы управления и значение каждого статуса. Сначала были перечислены все 63 должностных лица, включая действующих и прежних присяжных, а также тех, кто ранее входил в число «прежних присяжных»; далее названы остальные мастера, проживавшие в девяти городских кварталах и в пригороде, и отдельно — восемь мастеров, принятых в сообщество

⁵³ Il a été ordonné que la communauté seront assemblée le lundi suivant, neuf heurs du matin, pour délibérer sur le contenu de ladite requête, enjoint à tous le maîtres de s'y trouver, hors le cas d'absence ou de légitime empêchement (AL. Pt. 2. Vol. 2. P. 418. Not.).

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Ibid. P. 418–421. Not.

⁵⁶ Rolle de la communauté des maistres tonneliers de la ville et faux-bourgs de Reims de l'année 1751 (Archives Municipales et Communales de Reims. Fonds ancien. C. 686. Liasse 7. Suppl. XVII).

последними. Всего в 1751 г. работали 170 мастеров, на сорок с лишним меньше, чем двадцатью годами ранее.

Указанные статусы были не только почетными, они позволяли создать систему, при которой общие собрания переставали быть нужными. Хорошо известная в Реймсе практика назначения присяжных по списку (т.е., по старшинству, в порядке вступления мастеров в корпорацию) тоже была одним из способов, позволяющих «безболезненно» отказаться от объединяющих мастеров собраний. Напомню и о такой известной в ремесленной и торговой среде (и не только в ней) традиции, как определение людей, обладавших особым — статусным — достоинством, с помощью указания на них как на «самую здоровую часть мастеров ремесла»⁵⁷, иногда — как на «наибольшую и самую здоровую»⁵⁸, предполагая здесь не количественное преимущество, но именно социальный вес.

В Реймсе раннего Нового времени многие корпорации вместо общего собрания созывали тех, кто был полномочен представлять всех остальных мастеров и решения которых могли иметь законную силу, как если бы собрание было полным: они принимали решения по текущим делам в период между общими собраниями, что в целом облегчало и ускоряло процесс принятия решений, но его легитимность производит впечатление не полностью признанной ремесленным и торговым сообществом, в то время как легитимность общих собраний мастеров никогда не вызывала никаких сомнений — ни у самих ремесленников или торговцев, ни у представителей власти.

Традиции представительства зависели от численности корпораций. Самой распространенной в Реймсе была норма в 12 представителей, а различия между корпорациями заключались в основном в том, входили присяжные в число этих двенадцати или нет.

⁵⁷ Сукноделы (1340): мастер (присяжный) «будет выбран из самой здоровой части» мастеров ремесла — «il sera esleu de la plus saine partie» (АА. Т. 2. Pt. 2. P. 847).

⁵⁸ Цирюльники-хирурги (1463): la plus grande et saine partie des dits maistres (AL. Pt. 2. Vol. 1. P. 985. [XVIII] ст.); сукноделы (1599): la plus grande et saine partie des ouvriers dudit mestier de drappiers drappans (Ibid. Vol. 2. P. 370); изготовители шелковых изделий (1618): la plus grande et saine partie de ceux dudit metier (Ibid. P. 392).

В уставе шляпников (1630) было записано: «То, что будет обсуждено и решено на этих собраниях относительно дел сообщества, будет признано и выполнено, хотя бы это собрание состояло из двенадцати мастеров, включая присяжных»⁵⁹. Литейщики (1701 и 1741 гг.), басонщики и пуговичники (1736) установили для собраний минимум в две трети мастеров, включая присяжных (их двое)⁶⁰. Апшретурщикам тканей (1704) достаточно было девяти мастеров, чтобы принимать решения от имени всей корпорации⁶¹. У свечных мастеров (1733): «То, что будет обсуждено и решено на собраниях по поводу дел сообщества, будет исполняться, если только собрание будет состоять из двенадцати мастеров, не считая присяжных»⁶².

Уже упомянутое сообщество бочаров в 1737 г. представляли «16 и 12 прежних присяжных, назначенных и выбранных бальи, генеральным наместником полиции города и пригородов Реймса»⁶³. Именно в таком составе и количестве они были созваны на собрание для того, чтобы решить возникшие перед корпорацией вопросы, обсудив которые они представили бальи свою просьбу о регламенте. В дальнейших решениях бальи это собрание именовалось как «ассамблея, представляющая сообщество мастеров-бочаров этого города и пригородов»⁶⁴. «12 и 16 прежних мастеров» представляли сообщество и на собрании в 1738 г., 16 человек и синдик расписались в конце протокола⁶⁵. Бочары ссылались на традицию, принятую другими столь же многочисленными корпорациями: суконщиками, купцами-мерсье, изготовителями саржи, бакалейщиками и др.; и указывали, что под угрозой штрафа всем остальным мастерам запрещено находиться на собраниях⁶⁶.

⁵⁹ Ibid. P. 206–207. VII ст.

⁶⁰ Ibid. Vol. 4. P. 352. IV ст. P. 297. VI ст.

⁶¹ Ibid. P. 125. VII ст.

⁶² Ibid. P. 233. VI ст.

⁶³ Ibid. Vol. 2. P. 414. Not. 5.

⁶⁴ Ibid. P. 415. Not.

⁶⁵ Ibid. P. 416–417. Not. 6.

⁶⁶ Ibid. P. 418. Not.

Изготовители саржи и шерстяной кисеи (1664) требовали присутствия на собрании 50 или более мастеров, тогда их решение имело такую же силу, как если бы собралась большая часть сообщества⁶⁷. А вот в мануфактурном регламенте сукноделов и изготовителей саржи (1666) было открыто заявлено, что представительство избранных позволяло исключить впредь общие собрания корпорации, кроме как для месс и похорон⁶⁸.

Характерное для раннего Нового времени развитие бюрократической процедуры, стремление прописать в уставах или зафиксировать в других документах (протоколах, нотариально оформленных соглашениях) казавшиеся прежде естественными и безусловными детали позволяют воочию увидеть многое из того, что ранее было скрыто в сфере очевидного и потому не требовавшего фиксации. Одновременно эти нормы видоизменяются. Таким образом можно рассматривать правила об обязательном присутствии мастера на общем собрании — в то время как ранее отсутствие казалось вообще невозможным, если только для этого не было объективных причин (болезнь, отъезд и т.п.). Теперь появляется даже такое наказание, как запрет участвовать в общих собраниях, если мастер вел себя на них не по правилам (как у цирюльников в середине XVIII в.). И если раньше запрещение уставать собрания было наказанием для всего профессионального сообщества, тяжело сказывавшемся на их делах, то в раннее Новое время ограничения общих сборов становятся нормой: для них требуется согласие городских должностных лиц, они заменяются представительством.

И несмотря на это, необходимость общих собраний мастеров, позволяющих каждому высказать свое мнение, а всем остальным — услышать их, признается и учитывается как самими мастерами, так и городскими властями (решение балли о собрании бочаров в 1730 г.). И именно свидетельство раннего Нового времени позволяет увидеть, как решение общего собрания организует профессиональное сообщество.

⁶⁷ Ibid. P. 804. XLIV ст.

⁶⁸ ...Et au moyen du present article, ne se feront plus à l'advenir aucunes assemblées de ladite communauté, si ce n'est aus assistance des prières le jour Saint-Blaise, et le lendemain, ainsy qu'il est dict cy-dessus, mesmes aux convoys et funérailles des décédez, ainsy qu'il sera dict cy-après (Ibid. Vol. 4. P. 852–861. IX ст.).

АДВОКАТЫ ВРЕМЕН АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ

Корпорации, конфрерии, гильдии, коммуны и прочие саморегулирующиеся сообщества возникли и укрепились на Западе в период если не полного «вакуума» центральной власти, то ее заметного ослабления. Как складывалась судьба этих сообществ, когда центральная власть вновь усиливалась? Византийский император Лев VI Мудрый (886–912) ликвидировал Синклит и провинциальные курии, а с ними и все сословие куриалов, поскольку теперь василевс «обо всем заботится и печется сам, и с Божьей помощью все дела направляются и решаются его попечением»¹. А ведь речь шла об институтах, унаследованных Византией от античного муниципия, на протяжении веков обеспечивавших соучастие в управлении столичных и провинциальных элит. Не пошли ли «новые монархии» Европы XVI–XVII вв. по тому же пути?²

Политическая реальность режимов, оформившихся в период раннего Нового времени, не походила на паровой коток, сокрушающий традиционные структуры и институты представительства. Но теоретическое оснащение сильных европейских монархий в этот период обновлялось, создавая абсолютистские идеологические и правовые системы, в рамках которых монарху отводилась роль главного и даже единственного источника права. Самым централизованным и в отношении абсолютистской идеологии самым «новым»

¹ Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство. М., 1977. С. 178.

² Внимание французской общественной мысли XVI–XVII вв. к византийскому опыту общеизвестно, хотя традиционным оставался конечный вывод, осуждавший автократов-схизматиков. См.: Копосов Н.Е. Идеологи французского абсолютизма о византийской автократии // Византийский временник. 1984. Т. 45. С. 102–120.

представлялось Французское королевство³. Для уяснения того, какое место отводилось саморегулирующимся сообществам в этой новой системе, логично будет обратиться к сочинениям французских адвокатов, творивших в эпоху последних Валуа и первых Вурбонов.

1. ЭТЬЕН ПАСКЬЕ

В предыдущем разделе мы уже встречались с Этьеном Паскье (1529–1615) — парижским адвокатом и автором сочинения «Разыскания о Франции»⁴, первое издание которого было опубликовано в 1560 г., а последнее прижизненное издание вышло в 1607 г. Паскье откликался на важнейшие события в жизни страны: в 1564 г. он представлял интересы Парижского университета на судебном процессе против иезуитов (его речь легла в основу французской антииезуитской полемической традиции), с приходом к власти в Париже Католической лиги (1588) переехал в Тур, где заседал роялистский «парламент в изгнании».

Как и многие адвокаты того времени, Паскье в судебных речах часто пускался в исторические экскурсы, поясняя происхождение тех или иных институтов, которые находились в центре интересов конфликтующих сторон. Его постоянно дополняемые «Разыскания...» многим обязаны этой стороне деятельности адвоката. Важно, что как исследователь прошлого Паскье принадлежал к новой генерации историков-эрудитов. Он был последовательным сторонником критического метода, основное внимание уделял работе с источниками. Это дало ему возможность выступить против многих исторических мифов и стереотипов. Несмотря на выводы,

³ Это стало общим местом в трудах авторов, творивших уже в начале XVI в. См.: *Seyssel Cl. De la Grande Monarchie de France*. Paris, 1519.

⁴ *Pasquier E. Les Recherches de France*. Paris, 1621. Андрей Дмитриевич Михайлов переводит название этого труда как «Ученые записки о Франции». См.: *Михайлов А. Д.* Проза второй половины XVI в. // *История всемирной литературы*. Т. 3. М., 1985. С. 267. Однако сам автор не кичился ученостью своего сочинения, подчеркивая, что главным его достоинством являются предпринятые поиски в различных архивах.

противоречившие порой общему мнению, его труды получили широкую известность. Важно помнить, что «Разыскания...» — не систематическое изложение истории Франции, а ряд экскурсов, посвященных тому или иному предмету, который привлек внимание автора, будь то учреждение, крылатая фраза, обычай, инсигнии и т.д. Интересно посмотреть, насколько часто внимание Паскье обращалось к темам, актуальным для нашего исследования?

УНИВЕРСИТЕТ

О Парижском университете Паскье писал много (об этом мы знаем из предыдущей части). Он развенчал миф о том, что основателем Парижского университета был Карл Великий, — тогда в этом было уверено большинство парижан. Эти аргументы Паскье были использованы его другом, адвокатом Антуаном Луазелем, на судебном процессе 1587 г., имевшем большой резонанс⁵. Подкрепляя сведениями из источников свой вывод, историк вполне определенно датирует начало известности парижских школ лишь XII веком, а формирование университета относит к правлению Филиппа II Августа. Проявляя последовательный историзм, Паскье демонстрирует длительность формирования университетских структур и относит завершение этого процесса к 1275 г. — ко времени реформы папского легата, кардинала Симона де Бриона (будущего папы римского Мартина IV). При этом университет *in corpore*, по мнению историка, скорее был объектом, а не субъектом этого процесса. Папские легаты регулировали университетскую жизнь, а короли жаловали университету привилегии.

Задаваясь вопросом о том, кто является главой университета, Паскье показывает, как возникла ректорская должность. Когда богословские школы остались на острове Сите, а школы искусств переехали на Левый берег, сгруппировавшись вокруг церкви Сен-Жюльен ле Повр, тот, кто управлял ими на этом новом месте, стал называться ректором.

⁵ Уваров П.Ю. Университет — дочь двух отцов? История как аргумент в суде и средство социальной консолидации (Париж, 1586) // Люди и тексты: Исторический альманах. 2013. Историческое знание в контексте книжной культуры. М., 2014. С. 183–226.

Поскольку факультетов канонического права и медицины в начале XIII в. еще не было, то глава факультета искусств и считался главой университета. Ректоров избирали на небольшой срок — от четырех до шести недель. Впоследствии в ходе реформы кардинала Симона де Бриона был зафиксирован трехмесячный срок ректорских полномочий. Ректор являлся главой университета, исходя из чисто арифметических расчетов, — факультет искусств не только был самым многочисленным, но и обладал на университетской ассамблее четырьмя голосами «наций» (французской, нормандской, пикардийской и немецкой) против трех голосов деканов высших факультетов — теологии, канонического права и медицины. Паскье достаточно подробно описывает почести, воздаваемые ректору, и его прерогативы (он принимал присягу на верность университету у студентов, утверждал на вакантные должности казначеев, писцов, педелей университета), рассказывает об университетской процессии, каждый год шествовавшей по городу, о месте в ней ректора, о его особых правах в отношении ярмарки в Ланди (между аббатством Сен-Дени и Парижем), раскрывает символику серебряной булавы, которую педели несли перед ректором. Но почести, воздаваемые ректору, по мнению Паскье, были обратной стороной эфемерности его власти.

Паскье сравнивает ректорскую должность с магистратурой римского диктатора, обладавшего неограниченными прерогативами, но лишь в течение одного семестра. Проводя это сравнение, Паскье называет университет «маленькой республикой»⁶. Это практически единственное упоминание о «республиканском» характере университета⁷. Конечно, Паскье знал, как работает университетское самоуправление, но не делал на нем акцента.

Для адвоката важнее было сопоставить власть ректора и канцлера. В университете царила уверенность, что его главой мог быть только ректор, а претензии канцлера на эту

⁶ *Pasquier E. Les Recherches...* P. 842.

⁷ В другом месте, рассказывая о борьбе за свободы Галликанской церкви, Паскье уподобляет Парижский университет народному трибуну в Риме. Но это лестное сравнение относится не к внутреннему устройству университета, а к его роли в общецерковных делах (См.: *Ibid.* P. 261).

роль квалифицировались как попытки узурпации. Причем так считали не только «артисты», но и теологи⁸. Паскье был убежден в обратном. Канцер, с его точки зрения, исторически и был тем самым каноником, которому было поручено руководить обучением в древней соборной школе: он выдавал лицензии магистрам еще в XII в., а после образования университета продолжал от своего имени присуждать *licentia docendi*, впрочем, уже не экзаменуя соискателей сам, а лишь утверждая результаты экзамена, который проводили доктора, делегированные факультетом⁹.

Паскье сравнивает этих ректора и канцлера с военачальниками разных рангов. Ректор подобен капитану: капитан набирает солдат и заносит их в списки, ректор тоже принимает присягу от поступивших студентов, заносит их в университетские списки и выдает свидетельства о том, что они принадлежат к университетской корпорации. Канцлера же можно уподобить тому полководцу, который сам назначает капитанов, поскольку канцлер, присутствуя на экзаменах, от своего имени присваивает степень. Не следовало забывать, что ректор осуществлял свои функции («магистратуру», по словам Паскье) всего три месяца, а канцлер — всю жизнь. Папы, направляя письма в адрес университета, неизменно адресовали их канцлерам и ни разу не обращались к ректору. Зато светские сеньоры, желавшие втянуть университет в политическую борьбу, обращались именно к ректору; так это случалось, например, во время борьбы бургиньонов и орлеанистов (арманьяков). Наш адвокат оценивал это как исключительно негативное явление, пагубно сказавшееся на престиже университета, как и любое вмешательство внешних сил в жизнь корпорации.

Паскье был категорически против того, чтобы университетские споры становились достоянием публики, поскольку

⁸ Уваров П.Ю. Коллизия в Парижском университете 1543 г. Сценарий и комментарии // Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2015. Вып. 76 (1/2). С. 161–190. Характерно, что университетские авторы двух последующих веков описывали подобные действия канцлера именно как узурпацию.

⁹ Присвоение степеней магистрам искусств осуществлялось при участии канцлера аббатства Сент-Женевьев, но Паскье намеренно игнорирует это обстоятельство.

это могло вводить в искушение простой народ. Называя факультет «духовным питомником, всегда отважно сражавшимся с противниками веры», Паскье завершает раздел следующим образом: «Только одного я желаю этой distinguished компании: чтобы они, как [один] человек, не разделились на партии, отвечая мнениям грандов, желаниям грандов, но всегда оставались бы самими собой, в единстве»¹⁰.

В памяти автора и его читателей еще свежи были события Парижской лиги, в которой факультет теологии Парижского университета в целом и в особенности отдельные его представители, так называемые «молодые доктора», сыграли важнейшую роль. Они обосновали легитимность восстания против «короля-тирана» Генриха III и потом сопротивления «королю-еретику» Генриху IV. И этот поворот парижских теологов не был случайным¹¹. Однако условиями умиротворения страны Генрихом IV и объявленной им амнистии были полное забвение недавних смут и запрет упоминаний о них.

«Верный сын университета», Паскье видел в этом учреждении главный интеллектуальный ресурс в борьбе за свободы Галликанской церкви, против посягательств Рима на права французской короны. Поэтому неблаговидную роль Парижского университета в событиях совсем недавнего прошлого адвокат списывал на излишнюю преданность отдельных докторов дому Гизов и кланам других мятежных принцев и, главное, на тлетворное влияние иезуитов на умы некоторых парижских теологов.

В своих филиппиках против иезуитов Паскье, как и следовало ожидать, доказывает злокозненность Общества Иисуса и превозносит заслуги университетских теологов в деле защиты веры. Но при этом он странным образом не упоминает о нарушении иезуитами прав университета: члены

¹⁰ «Un point seulement désiré ie en cette venerable compagnie, c'est que comme hommes ils ne se partialisent en brigues pour contenter l'opinion des grands, ainsi demeurent toujours en eux memes» (*Pasquier E. Recherches... P. 814*).

¹¹ *Amalou Th. Une Sorbonne régicide? Autorité, zèle et doctrine de la faculté de théologie pendant la Ligue (1588–1593) // Les universités en Europe (1450–1815): Actes du colloque de l'Association des historiens modernistes des universités françaises tenu le 23 janvier 2010. Paris, 2013. P. 77–116.*

Общества Иисуса пытались проникнуть в недра университетской корпорации, чтобы стать ее полноправными членами и подчинить своей воле.

В этом отношении королевский адвокат Батист Дюмениль на процессе 1564 г. оказался более привержен университетской традиции: в своем выступлении он подробно рассказал о борьбе университета с нищенствующими монахами в XIII в. и с уважением отозвался о секулярном теологе Гильоме де Сент-Амуре, который до конца отстаивал права университета и пострадал из-за интриг монахов. Тогда под давлением папы и короля университету пришлось уступить, но права орденов все-таки были ограничены, нищенствующим монахам не дали стать полноправными членами корпорации, коль скоро они отказывались приносить присягу университету¹².

Получается, что Паскье, при всем его позитивном отношении к университету, не склонен был обращать особое внимание на корпоративное, саморегулирующееся начало в его истории. Но при этом адвокат вполне отдает себе отчет как в его наличии, так и в возможности конфликта между отдельными частями ученого сообщества (спору между факультетами и землячествами).

КОНФЕРИИ

В экскурсах Паскье во французскую историю мы не найдем ни отсылок к борьбе городских коммун против сеньоров, ни анализа взаимоотношений ремесленных корпораций, купеческих гильдий и объединений подмастерьев — компаньонажей. О религиозных братствах, за которыми скрывались профессиональные объединения, Паскье, впрочем, в одном месте рассказывает. Внимание историка привлекли конфликт братства хирургов Свв. Космы и Дамиана с Парижским университетом и противостояние братства хирургов и братства парижских цирюльников.

«У хирургов есть старое негласное соглашение (*cabale*), согласно которому они приписывают учреждение своей

¹² Crevier J.-B.-L. Histoire de l'Université de Paris depuis son origine jusqu'en l'année 1600. Paris, 1761. T. VI. P. 193.

коллегии святому Людовику»¹³, — начинает Паскье и тут же переходит к опровержению данного тезиса. Он анализирует первое упоминание о коллегии парижских хирургов, содержащееся в эдикте Филиппа IV от 1311 г., а затем последовательно разбирает еще два подобных королевских эдикта — 1352 и 1366, в которых уточнялся порядок испытаний новых хирургов, обязанных после успешных экзаменов присягать королевскому прево Парижа¹⁴. Паскье обращает внимание на то, что при всей очевидной связи университетской медицины с хирургией об университете в эдиктах не упомянуто. Да и сам университет считал хирургию чем-то низшим, связанным с нечистотой, кровью, жестокостью.

Хирурги же «во искупление этой нечистоты посвятили свое искусство благочестию под именем братства во имя свв. Космы и Дамиана. Повелось, что в первый понедельник каждого месяца после завершения Божественной литургии в церкви Сен-Ком э Сен-Дамиан они обязуются бесплатно принимать всех приходящих туда бедных, нуждающихся в помощи»¹⁵. Потом Паскье приводит аргументы другой стороны — университета, показывая его связь с хирургами, которые практиковались в госпитале Отель-Дьё. Автор пускается в длительный экскурс, посвященный истории сосуществования медиков, хирургов и аптекарей. Для Паскье открытый конфликт медиков и хирургов — факт сравнительно недавней парижской истории. Университетские медики настаивали на том, что хирурги должны проводить операции лишь по их предписанию, тогда как хирурги, ссылаясь на королевские привилегии, настаивали на своей полной независимости. Паскье с иронией предлагает компромиссную формулировку, подчеркивающую связь конфликтующих сторон: «Замечу, что двоим все же легче отнести мертвеца в могилу, чем одному»¹⁶.

В целом автор выступает на стороне хирургов, хотя и с определенными оговорками. Они должны сохранять свою

¹³ *Pasquier E. Recherches...* P. 859.

Ibid. P. 862.

¹⁵ *Ibid.* P. 863.

¹⁶ *Ibid.* P. 868.

автономию и привилегии, но при этом координировать действия с факультетом медицины.

Меньше одобрения встречают у Паскье притязания цирюльников, получивших право лечить неопасные раны и ушибы и претендовавших на равенство с хирургами. Однако и для цирюльников он находит достаточное количество прецедентов, подтверждающих древность их коллегии. В борьбе с хирургами цирюльники стремились опереться на помощь университета, добиться права посещать отдельные лекции медиков и обеспечить участие последних в проведении вступительных испытаний в их коллессию. В дело вмешивался Парижский парламент, неоднократно устанавливавший правила сосуществования представителей двух смежных профессий. Добившись в 1613 г. подтверждения некоторых своих привилегий, цирюльники решили, что выиграли дело, и стали именовать себя цирюльниками-хирургами. Они оставили свое прежнее братство, располагавшееся в церкви Сен-Сепюлькр (Св. Гроба Господня), обрядились в мантии и квадратные колпаки, продемонстрировав таким образом, что считают теперь себя полноправными членами братства Свв. Космы и Дамиана, и явились на престольный праздник хирургов в их церковь. Этот демарш вызвал отчаянное сопротивление хирургов, которые возбудили новый процесс и добились в 1614 г. решения парламента о восстановлении прежнего порядка. Пришлось цирюльникам возвращаться в покинутую церковь Св. Гроба Господня... Но капелланы этой церкви заявили, что место цирюльников уже занято. Парижане шутили, что «цирюльникам рано стремиться во гроб, поскольку они еще живы. На это другие возражали, что они, проиграв свой процесс, стали подобны мертвецам, достойным могилы».

Паскье выражал надежду, что парламенту удастся положить конец дразгам. Пока же это судебное дело напоминало ему ткань Пенелопы: все, что соткано днем, распускалось затем ночью¹⁷. Идеалом для Паскье был компромисс, взаимовыгодное сотрудничество и разграничение полномочий между организациями медиков (членов факультета медицины), хирургов и цирюльников. За факультетом

¹⁷ *Pasquier E. Recherches...* P. 879.

и коллегиями-братствами признавалось автономное существование и право действовать самостоятельно. Любопытно, что истоком легитимности корпораций являлось не столько благочестие само по себе, сколько общественная польза: бесплатная помощь хирургов бедным, бесплатные услуги цирюльников, предоставляемые несколько дней в году. Адвокат-историк хотя и не делал на этом акцента, но все же отмечал важность корпоративных процессий и символических объектов как гарантий общих прав. В каком-то смысле лишиться своей часовни для профессионального братства действительно было равносильно смерти.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ

В своих «Разысканиях...» Паскье затронул и проблему представительства сословий на Генеральных штатах, хотя и уделил этому вопросу всего шесть страниц (тогда как университету посвящена почти сотня страниц). Для него, сражавшегося против антиабсолютистских нападок монархомахов (протестантских и католических), важным было разрушить миф об извечном характере народных собраний, избиравших франкских королей. По мнению Паскье, потребность в представительстве возникла лишь тогда, когда речь зашла о сборе налогов, а ни при Меровингах, ни при Каролингах, ни при большинстве королей династии Капетингов «таля, эды и субсидии не были распространены»¹⁸. Прежде короли жили доходами своего домена, пополняя ими казну. Талья и прочие сборы были строго ограничены обычаями. Когда Людовик Святой рекомендовал сыну не обременять народ тальями, это означало не собирать экстраординарные «помочи». Народ никогда не любил эти сборы, именуя их словом «*maltôts*» — «дурной обычай»; на тех, кто собирал эти деньги, всегда готов был излиться народный гнев.

Налоговый вопрос и страх мятежа стали, по мнению Паскье, отправными точками в становлении представительных органов: с целью избежать бунтов мудрецы, искушенные в мирских делах (*les sages mondaines*), предложили собирать

¹⁸ Ibid. P. 81.

деньги с возможной мягкостью, чтобы подсластить пилюлю народу и продемонстрировать таким образом некоторое уважение к нему.

«Короли стали созывать ассамблеи в каждом сенешальстве и бальяже, чтобы там духовенство, дворянство и обыватели из народа (*demeurant du peuple*), которых называли третьим сословием, давали советы о том, как способствовать требованиям войн, что велись тогда. Наговорившись друг с другом, они назначали бы каких-то лиц от каждого сословия (*ordre*), чтобы собраться вместе в городе, где будет проводиться ассамблея Генеральных штатов. На ней, как это происходит и сейчас, канцлер в присутствии короля убеждает в важности реформ государства и просит всех приложить к этому свой талант. И какие бы прекрасные ордонансы ни публиковались затем с целью реформирования государства, это лишь красивое покрывало, служащее для того, чтобы впечатлить потомков. Лишь налог, на который король получает согласие, имеет значение»¹⁹.

И очевидно, продолжает Паскье, если вопреки древним обычаям Франции простолюдины столь настойчиво призываются на эту ассамблею, то лишь потому, что на них падет основное бремя и груз расходов. Связав себя обещаниями и обязательствами, данными на ассамблее штатов, они не будут более иметь возможности отказываться или роптать. Паскье называет идею созыва представительных ассамблей «изобретением в высшей степени мудрым и политическим».

Народ, замечает Паскье, сам жаждет открытия таких собраний, где король своей милостью добивается больших успехов, чем требованиями, подкрепленными абсолютной властью. И в этом автор видит отличие Генеральных штатов от Вселенских соборов Церкви. Созыв соборов умаляет власть папы, в то время как «не бывает ассамблей Генеральных штатов Франции без того, чтобы финансы короля в итоге не увеличились, а богатство народа не уменьшилось»²⁰.

¹⁹ «En celieu quelques bonnes Ordonnances quel'on face pour la reformation generale, ces ont belles tapisseries, qui servant seulement de parade à une posterité. Cependant l'impost que l'on accorde au Roy, est fort bien mis a effect" (Ibid. P. 82).

²⁰ *Pasquier E. Recherches... P. 82.*

Далее историк кратко описывает процесс появления этого института в правление Филиппа IV Красивого. Войны во Фландрии вынудили короля вводить все новые и новые налоги, что становилось причиной мятежей. По наущению Ангеррана де Мариньи, советника короля, были созваны штаты, благодаря которым удалось собрать сумму, необходимую для продолжения войны, без взрыва народного недовольства.

Удача первых штатов способствовала тому, чтобы этот опыт превратился в обычай, закрепленный при первых королях династии Валуа. Карл V Мудрый потому и заслужил свое посмертное прозвище, что все, что он делал, было прочным и надежным, согласованным с мнением штатов или парламента, чего ранее за королями не водилось. В повествовании о штатах Паскье больше интересует не представительство сословий, а то, как вводились налоги, как рождались институты налогообложения — внешне санкционируемые и создаваемые штатами, но де-факто находившиеся под королевским контролем. На примере Великого мартовского ордонанса (1 марта 1357 г.) автор показывает, каким образом мера, вводимая как однократная, превращается вскоре в обычай, ибо «мы живем в королевстве прецедентов»²¹.

Бурные события, последовавшие после пленения Иоанна Доброго, продемонстрировали, по мнению Паскье, правило, которое должны помнить короли: — «никогда не созывать штаты при наличии принца, возглавляющего свою партию, окрыленного попутным ветром и популярного в народе». Речь шла о Карле Злом, короле Наваррском, оказавшем влияние на парижан во главе с Этьеном Марселем, парижским купеческим прево. В этих условиях «уступить штатам значило проиграть, и все же дофин Карл (будущий Карл V), подобно мудрому кормчему, ведущему корабль в бурю, который рубит мачты, чтобы сохранить корабль, пожертвовал своими советниками, выдав их на казнь»²², но в итоге добился согласия сословий на столь необходимые налоги.

Уже на штатах 1358 г., созданных в Компьене, дофин идет на создание должностей генералов финансов и элю — чиновники на эти должности назначались штатами, но подтверждались

²¹ "Royaume des consequences" (Ibid. P. 84).

²² Ibid. P. 85.

королем. Опять Карл уступает, но в результате окончательно получает право распоряжаться налогами.

Генеральные штаты — довольно важная вещь для Паскье и даже необходимый институт, но они интересуют историка, скорее, как объект королевской политики и как повод поговорить об истоках институтов и происхождении важнейших королевских финансовых должностей.

II. РАУЛЬ СПИФАМ

Если для Этьена Паскье, чей взгляд устремлен в прошлое, корпорации представляли собой нечто ценностнонейтральное, хотя и не слишком интересное, то второй адвокат — Рауль Спифам (1500–1563), реформатор-прожектор, был настроен к этим структурам откровенно враждебно.

Спифам — старший современник Паскье. В 1556 г. он нелегально издает сочинение «Дикзархия», чье полное название можно перевести как «Упражнение христианнейшего короля Генриха в хороших законах»²³. Это сборник постановлений, составленных от имени Генриха II и направленных на реформирование дел в судопроизводстве. Вместе с тем уже из латинского посвящения на первой странице следует, что «законь» записаны «галльским поэтом Родольфом Спифамом». Тираж «Дикзархии» по решению парламента был конфискован, но определенный резонанс книга имела. Так, например, в XVIII столетии Жан Офре, экономист и поклонник физиократов, опубликовал избранные постановления Рауля Спифама со своими комментариями и характерным названием: «Взгляды политика XVI века на законодательство своего времени, в равной мере подходящие для реформирования оного в наши дни»²⁴. Избранные «постановления» Офре не просто переиздал (подвергнув редактированию в соответствии с языком и стилем XVIII столетия), но и снабдил их небольшими ремарками, а также ссылками на аналогичные меры, прописанные в законодательстве других стран.

²³ *Spifame R. Dicaearchiae Henrici Regis christianissimi progymnasmata. Paris, 1556.*

²⁴ *Auffray J. Vues d'un politique du XVIe siècle sur la législation de son temps, également propres à réformer celle de nos jours. Amsterdam, 1775.*

Об удивительном даре пророчества Спифама немало писали и в XIX в.²⁵ Вот, например, высказывание одного из авторов, который изучал историю ночного освещения в Париже и в этом контексте упомянул соответствующее постановление «Дикэархии»: «Рауль Спифам опубликовал в 1556 г. книгу, содержащую смелые проекты реформ, которые почти все были осуществлены в последующие годы»²⁶.

Причина прозорливости Спифама отчасти состояла в том, что ему удалось уловить «дух законов» абсолютизма. Королевская власть укрепляется максимально, когда воображение законодателя свободно (или почти свободно) от традиций и препятствий. Важно, что и в фантазиях Спифама, и в преамбулах к вполне реальным эдиктам и ордонамсам монарх мотивировал свои меры острой необходимостью, порожденной военным временем.

ДИКТАТОРСКАЯ ПЕЧАТЬ И ИНСТИТУТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Сам автор «Дикэархии» главным назвал бы, наверное, свое *девятнадцатое постановление*. Суть его состоит в учреждении особой королевской печати и особой юстиции.

«Приказывает король, что отныне будет специальная печать для этой юстиции, которая будет называться имперской и диктаторской печатью. Исполнение писем, скрепленных этой печатью, будет зависеть лишь от воли короля, и никто не сможет противоречить или противостоять ей, заявляя протесты или подавая апелляции»²⁷. Проволочка или нерадивость может послужить поводом для обвинения в преступлении — оскорблении Величества третьей степени. Подача апелляции на это

²⁵ Fournier E. Le vieux-neuf: Histoire ancienne des inventions et découvertes modernes. Paris, 1859. T. 2. P. 398, note 4; Nys E. Raoul Spifame. Avocat au parlement de Paris // Revue de droit international et de législation comparée. 1890. T. 22. P. 481–519; Defrance E. Histoire de l'éclairage des rues de Paris. Paris, 1904. P. 22; Mathorez J. Un radical-socialiste sous Henri II: Raoul Spifame // Revue politique et parlementaire. 1914. T. 89. P. 538–559.

²⁶ Defrance E. Histoire de l'éclairage... P. 22.

²⁷ Spifame R. Dicaearchiae... Fol. 28.

решение будет считаться уже преступлением второй степени. Для должностного лица, ответственного за данное распоряжение, отказ незамедлительно исполнить его станет уже преступлением первой степени. Действия тех коллег, которые станут оказывать этим обвиняемым помощь, также будут расценены как преступное неуважение к своему государю.

Учреждая диктаторскую печать, хранителя которой он именует *диктатором*²⁸, Спифам видит ее смысл в незамедлительном исполнении королевской воли и исключении любого сопротивления. Диктаторская печать в экстренных случаях призвана экономить драгоценное время.

Но такая решительность противоречила практике даже зрелого французского абсолютизма. «Он возжелал того, чего наши короли никогда не желали»²⁹, — с удивлением комментирует это постановление Жан Офре, столь восторженно относившийся к прочим нововведениям Спифама.

Интересна преамбула этого постановления, излагающая общие вопросы политической теории. В рассуждениях о трех формах правления по Аристотелю, Спифам делает акцент на факторе времени. Из-за того что распоряжения монарха выполняются с большим промедлением, наилучший вид государства — монархия — «вырождается в иной вид, не столь достойный и весьма плачевный для народа. Ведь некогда народ, отправляя государственную власть в форме демократии и чувствуя себя при ней плохо, согласился на правление одного суверена, чтобы его благоразумные решения быстро исполнялись, чего не может быть при созыве народа или хотя бы наиболее видных его представителей, ибо сколько голов, столько и будет мнений». Правление аристократии, по определению Спифама, — господство многих знатных людей равного могущества, образует «безголовое мистическое тело». Правитель в этом случае является не более чем почетным служителем, который может быть смещен по воле своих

²⁸ В «Дикэархии» на должность хранителя этой печати назначается сам Рауль Спифам. По-видимому, Спифам (в отличие от Этьена Паскье) в термине «диктатор» придавал значение не столько кратковременности полномочий этого магистрата, сколько неограниченности этих полномочий.

²⁹ «Il veut ce que nos Rois n'ont jamais voulu» (Auffray J. Vues d'un politique du XVIe siècle... P. 238).

«со-властцев», а из-за интриг и заговоров принимаемые решения запаздывают еще больше. Это приводит к тяжким, часто непоправимым последствиям. Данной деформации подвержены монархии, подвластные решениям многих, без чьего согласия король не может ничего предпринять. «Так порой случалось и во Франции, когда король, желая свершить великие деяния для своей короны и укрепить полноту королевской власти над своими парламентскими куриями (в особенности над курией Парижского парламента), встречал сопротивление... что приводило к величайшим проволочкам». Но парламент не самое большое зло: «Еще хуже бывало, когда король намеревался выслушать мнение созванных штатов, которые, кроме того что весьма опасны и склонны к мятежу, создают неудобства дополнительными помехами и длительными проволочками, из-за чего хороший случай всегда бывает упущен. Даже если поначалу достигается согласие, по истечении времени и аристократия, и демократия, представленные указанными сборищами³⁰ парламентариев и ассамблеями штатов, возвращаются к своей изначальной природе, состоящей в том, чтобы сопротивляться королю, лишая его выгоды, заключенной в быстроте решений и скором их исполнении»³¹.

В оценке институтов представительства Спифам гораздо радикальнее, чем Паскье.

УНИВЕРСИТЕТ И МУНИЦИПАЛИТЕТ

Как и Паскье, Спифам немало места уделяет Парижскому университету. В «Дикэархии» король заботится об успехах наук и образованности, определяет порядок проведения экзаменационных богословских диспутов, регламентирует цвета докторских мантий и колпаков, утверждает распорядок работы коллегий. Но когда речь идет о корпоративном устройстве университета, тон «Дикэархии» меняется.

³⁰ *Consilluble* — уничижительный термин, применявшийся для характеристики различных самозванных и потому незаконных собраний, например соборов духовенства, собиравшихся без разрешения папской или светской власти.

³¹ *Spifame R. Dicacarchieae... Fol. 24v-25.*

Преамбула *семнадцатого постановления* начинается с указания на дурную славу тех интриг и склок, которые сопровождают выборы ректора и других должностных лиц — от прокуроров наций до педелей и университетских казначеев. Эти склоки не только затрудняют судопроизводство, поскольку время тратится на разбор мелочных дел, затягивают отчетность, но и губительно влияют на умы студентов, подавая им дурной пример³².

Действительно, частыми были стычки во время выборов, когда в церкви Сен-Жюльен ле Повр выбивали стекла и ломали скамьи. Неоднократные попытки оспорить результаты выборов подтверждаются многочисленными свидетельствами. Спифам от имени «короля» повелевает, что отныне ректоров будут избирать из двух лучших магистров искусств, «имеющих лицензии сверху и снизу, т.е. они должны быть выданы канцлерами Св. Женеьевы и Парижской церкви». Этот пассаж труден для перевода, он требует пояснений. Старый порядок, согласно которому ректором становился лишь магистр искусств, формально сохраняется. Но кандидату на пост ректора теперь надлежит иметь не только степень магистра (лиценциата) искусств, которую выдавал канцлер аббатства Сент-Женеьев, но еще и степень одного из высших факультетов, которую выдавал канцлер собора Нотр-Дам. Аббатство Сент-Женеьев по отношению к университету расположено на холме, т.е. «сверху», а собор Нотр-Дам — «снизу», на острове Сите. Таким образом, возрастной и образовательный ценз, предъявляемые к кандидатуре ректора, повышались помимо степени в «свободных искусствах», кандидат должен был обладать степенью теолога, декретиста или медика. Дополнительно Спифам предписывает более тщательно проводить расследования о нравах и происхождении кандидата. Он напоминает, что требования к соискателям разные: одни — для тех, кто завершает обучение и в дальнейшем будет довольствоваться лишь этой степенью, «полученной как знак достигнутого совершенства», а другие, более строгие, для тех, кто получает степень, чтобы продолжить продвижение на высших факультетах. К кандидатуре ректора следует подводить с более строгих позиций. Во всех остальных

³² Ibid. Fol. 21v.

случаях для занятия университетских должностей предпочтение должно отдаваться кандидатурам, имеющим больший стаж пребывания в составе корпорации.

Важно, что Спифам ставит выборы под строгий контроль королевского правосудия. Выборы должны проводиться не там, где велит обычай (в церкви Сен-Жюлен ле Повр), но в Парижском Шатле — в присутствии генерального лейтенанта парижского прево (хранителя королевских привилегий университета), советников парижского президиального суда. Вынесенное решение будет считаться окончательным и не подлежащим апелляции, «учитывая скромность самого дела и короткий срок отправления указанных должностей»³³. Университетские магистры могут присутствовать на выборах, самым видным из них надлежит выделить те места, где обычно сидят адвокаты Шатле. Сержанты Шатле должны стоять по периметру, чтобы «умерять отчаянность дерзостных смутьянов и арестовывать их, если это будет приказано судьей»³⁴. Общим принципом, согласно Спифаму, является сменяемость должностных лиц — все университетские должности должны занимать не более одного раза.

В этом постановлении Спифам, сохраняя выборы в университете, помещает их под жесткий королевский контроль. Однако позже адвокат возвращается к этому вопросу в *двести десятом постановлении*. «Король, видя, что невозможно положить конец сговорам, склокам и стычкам, сопровождающим выборы ректора в Парижском университете, чем пользуются злонамеренные сеятели смуты среди студентов, заключает, что попытки навести порядок в выборах, проводя их перед лицом правосудия», не возымели успеха. В связи с этим система меняется полностью. Королю «нет иного средства противостоять беспорядку, как назначать вышеуказанного ректора в качестве обладателя постоянной должности»³⁵. Король будет выбирать достойную персону, «в достаточной мере богобоязненную и любящую образованность, способную поддержать добрых студентов на всех факультетах этого университета, чтобы они расцветали и побеждали пуще

³³ *Spifame R. Dicaearchiae...* Fol. 22.

³⁴ *Ibid.* Fol. 22v.

³⁵ *Ibid.* Fol. 274.

прежнего во славу Божию и для защиты нашей святой матери Церкви и побуждения добрых умов к еще большим добродетелям». Назначенному ректору предписывалось жить по три месяца в каждой коллегии; устанавливался круг его должностных обязанностей.

Следующие за *семнадцатым и двести десятым постановлениями*, в которых речь идет о преобразовании системы выборов ректора университета, соответственно, *восемнадцатое и двести одиннадцатое постановления* рассматривают аналогичные меры по реформированию выборов в парижский муниципалитет. Взгляды Спифама по обоим вопросам предрекали схожую эволюцию.

Сначала предполагается изменить систему выборов в Париже, «чтобы избежать интриг, происков, монополий и склок, которые происходят на выборах купеческого прево и эшевенов города Парижа». Кандидаты не скупятся на подкуп, подарки и посулы, «что идет к великому ущербу для общего блага и общих денег указанной ратуши: ибо они делают это в надежде возместить себя с лихвой, когда будут отправлять указанные должности». При этом отстраняются самые богатые, самые известные буржуа, и «наименее здоровая часть народа преобладает над лучшей его частью»³⁶. По окончании полномочий должностные лица не могут отчитаться, долги переходят к их наследникам, растет общая задолженность муниципалитета.

В связи с этим «король» вносит изменения в порядок выборов. Купеческим прево Парижа может быть только уроженец города, имеющий опыт пребывания в должности эшевена, а до того — в должности квартального. Между отправлением должности эшевена и участием в выборах прево должно пройти не менее двух лет. Выборы следует проводить на конкурсной основе: «в соперничестве со многими эшевенами, претендующими на это превотство»³⁷. Новация заключается и в том, что «палата полиции» (особый королевский судебный орган, созданный фантазией Спифама для надзора за управлением города) заранее будет изучать предложенные кандидатуры: «и тот, кого найдут

³⁶ Ibid. Fol. 22v.

³⁷ *Spifame R. Dicaearchiae...* Fol. 23.

самым достойным, будет провозглашен избранным наиболее здоровой частью» горожан. Трудно сказать, сохраняются ли вообще выборы купеческого прево, избирает ли его «палата полиции» или только проверяет и утверждает результаты выборов. Но об эшевенах Спифам говорит более подробно: выборы «будут осуществляться по шарам для голосования в палате и в присутствии указанных судей полицейской палаты... тремя сотнями наиболее старых буржуа города». Их «древность» будет исчисляться со дня их свадьбы или от момента первого участия в налогообложении или в муниципальных займах. Но эти триста горожан избирают только одного эшевена из четырех. Через три дня уже другие триста выборщиков избирают второго эшевена. Новый корпус из шести сотен буржуа понадобится для выборов подобным образом двух новых эшевенов в следующем году. Перед каждым выбором уточняются списки голосующих: умершие, заболевшие или отсутствующие по иным причинам горожане вычеркиваются из списков выборщиков и заменяются другими. Результаты выборов утверждают судьи первой инстанции (по-видимому, все та же «палата полиции»); предполагается, что предпочтение будет отдаваться тем кандидатам, которые представят наибольший залог. Спифам называет такую систему «баллотировкой на венецианский манер»³⁸. И, действительно, в Париже, таким образом, укрепляется устойчивый олигархический режим, доказавший свою надежность в «республике Св. Марка».

Но как и в случае с университетом, ужесточение королевского контроля за выборами кажется Спифаму недостаточным, и в *двести одиннадцатом постановлении* он радикально меняет правила. «Король желает прекратить гражданские войны, мятежи, заговоры, интриги и происки, происходящие в ратуше во время выборов купеческого прево и эшевенов...»³⁹, видя в этом причину упадка и разорения города. «Отныне должность купеческого прево становится постоянной, несменяемой и невыборной. Государь будет назначать на нее человека достойного, мудрого, благоразумного, любимого всеми, хорошо известного в городе. Он должен быть богатым, вне

³⁸ Ibid. Fol. 23v.

³⁹ Ibid. Fol. 275.

подозрений в стяжательстве, способным вести переговоры и иметь большой опыт работы в муниципалитете»⁴⁰.

Ежегодно, по мысли Спифама, муниципалитет будет пополняться двумя эшевенами: одного из них будет назначать король из числа безупречных кандидатов, а второго все-таки будут избирать в соответствии с уже установленной процедурой.

Купеческий прево и эшеваны вместе с королевскими советниками войдут в «палату полиции» Парижа.

Помещенное немногим ранее *сто девяносто первое постановление*⁴¹ начинается с исторического экскурса. Автор рассказывает, как после мятежа в 1384 г. король полностью отменил муниципальное самоуправление в Париже — ликвидировал должности купеческого прево и эшеванов, которые были восстановлены лишь через пять лет. Никаких прямых выводов из этого рассказа не делается, в тексте постановления речь идет о форме и сроках предоставления отчетности прево и эшевенами, покидающими свои посты. Очевидно, что исторический пример призван был продемонстрировать права короля полностью менять распорядок работы муниципалитета.

ПОРЯДОК В ГОРОДЕ И КОРПОРАЦИИ

Муниципалитеты чрезвычайно важны для планов Спифама, на них возложено множество обязанностей: организация помощи бедным, финансирование задуманной «королем» реформы госпиталей, масштабное строительство новых мостов, набережных и портов, организация ночного освещения, очистка улиц и, конечно, расходы на укрепление обороны города.

В преамбуле *двести семьдесят второго постановления* Спифам приводит очередной исторический пример: 29 мая 1418 г. парижский эшевен Жан де Виллар, хранивший ключи от ворот, открыл их отрядам герцога Бургундского, после чего в Париже произошла страшная резня, были убиты коннетабль Бернард Арманьяк и канцлер Анри де Мерль. Чтобы

⁴⁰ Ibid. Fol. 275v.

⁴¹ Ibid. Fol. 249v.

избегать подобных эксцессов, «король» предписывал, чтобы ключи «по причине испорченности нравов» каждый вечер сдавались советникам Малого королевского совета⁴² в присутствии президентов «палаты полиции».

При этом именно жители Парижа — основная сила, способная поддерживать порядок и оборонять город. Об этом говорится в *двести девяносто первом постановлении*, где предписывается ускорить застройку пустующих районов города, чтобы люди чувствовали себя в безопасности благодаря соседской помощи. На концах вновь проложенных и застроенных улиц следует предусмотреть установку цепей, надежно перекрывающих путь врагам «к их полному смятению». «Даже если город осаждают 400 тысяч человек, можно будет обойтись и без укреплений⁴³, поскольку в населенном городе мужи служат лучшими стенами, а жены, вдохновленные мощью цепей, одни способны перебить большую армию»⁴⁴.

Муниципалитеты и городские сообщества нуждаются в строгом контроле, но без них невозможно обойтись.

Определенная роль в «Диказархии» отводится и приходским объединениям. Например, в *пятьдесят восьмом постановлении* Спифам решает превратить все городские храмы в приходские церкви⁴⁵. Это делается для того, чтобы избежать давки и толчеи в старых приходских церквях. Но перед «королем» стояла и более амбициозная задача — весь народ должен слушать хорошо подготовленные ученые проповеди по праздникам и наставления (*leçons*) по будням. Их на регулярной основе надлежит читать докторам теологии и канонического права. Тем самым автор «королевских постановлений» позаботился и о процветании университетов,

⁴² *Spifame R. Dicaearchiae...* Fol. 346.

⁴³ Хотя о городских укреплениях у Спифама говорится много, строительство и содержание стен и ворот являются главным условием получения городом привилегий. См.: *Ibid.* Fol. 79.

⁴⁴ *Ibid.* Fol. 359v. И вновь можно подивиться прозорливости Спифама. 12 мая 1588 г. в город будут введены швейцарские наемники для устрашения парижан. Встревоженные жители перекроют улицы цепями, а также большими винными бочками, набитыми землей. Женщины будут кидать в солдат черепицу. Армия окажется бессильной во время «дня баррикад».

⁴⁵ *Ibid.* Fol. 88–94

и об общей образованности. Как обычно, Спифам распоряжается и об оплате нововведений. Ее должны обеспечить церковные старосты, распорядители приходского имущества. Именно приходское имущество должно стать основой финансирования ученых проповедников. Если же средств у прихода будет недостаточно, надлежит произвести ревизию обитуариев — поминальных книг, в которые с давних пор заносились имена вкладчиков, оставивших доходы на вечный помин души. Из этих средств и следует выплачивать жалование лекторам-проповедникам, которые в начале и в конце своей проповеди будут устраивать коллективные моления за души давно усопших вкладчиков.

О ремесленных корпорациях Спифам упоминает редко. Они являются объектом преобразований (предписывается, например, объединить ремесло кровельщиков с ремеслом каменщиков), представителям некоторых ремесел предписывается перенести вредное производство за городскую черту. *Сто сорок седьмое постановление* посвящено корпорации мясников парижских боен. В преамбуле этого постановления в очередном историческом экскурсе Спифам вспоминает о том, как в 1411 г. в Париже начались волнения и мятежи, которые затем вспыхивали вновь и вновь к выгоде герцога Бургундского. Во главе смутьянов стояли парижские мясники под предводительством поставленного герцогом живодера Симона Кабоша. Затем без какого-либо логичного перехода в рассматриваемом постановлении объявляется о желании «короля» очистить город от зловонных отбросов живодерен и мясобоен, вечно угрожавших городу эпидемиями⁴⁶. Все бойни должны быть вынесены за черту города, ниже по течению Сены. Мясные лавки в Париже останутся, но торговать в них будут не мясники, а их жены. Причем они будут продавать мясо небольшими кусками — в лавках у них не должно быть больших разделочных ножей, «чтобы не принуждать жен к животной жестокости и дерзости, происходящей от обычая обходиться с мясом животных, который мог бы подтолкнуть их к зверству и жестокости по отношению к людям». Жестокость, считает Спифам, — обратная

⁴⁶ "Le roy voulant purger sa ville de Paris des ordures et infections puanteaux et perilz de la boucherie & escorcherie... qui ont autrefois esté cause de grande pestillence" (*Spifame* R. Dicæarchiae... Fol. 147).

сторона данного ремесла, неизбежный профессиональный риск. Обезоруженные торговки мясом без разделочных ножей должны быть спокойнее и любезнее.

Городское пространство должно быть чистым и от вредных веществ, и от вредных социальных элементов, а для этого оно должно быть легкодоступным и открытым. Повествуя о проекте устройства сточных канав и путей для вывоза мусора, Спифам предписывает, что в городе не должно оставаться недоступных мест, где скапливался бы мусор — источник болезней. Но тупики необходимо соединить с проезжими улицами и по другой причине: «чтобы в случае бунта или мятежа и восстания все районы города и пригороды были бы легкодоступны, чтобы там не скрывались воры»⁴⁷.

Спифам в своих постановлениях совершенствует систему контроля за территорией города со стороны королевского правосудия. *Постановления с десятого по двенадцатое* направлены на то, чтобы наложить более частую сеть судебных инстанций на большой и беспокойный город. Спифам разделяет Париж на полицейские округа, усиливает роль комиссаров полиции в парижских пригородах. И, наконец, обращается к низшему уровню парижского судопроизводства. В *семьдесят пятом постановлении* речь идет о контроле над «некоролевскими» и «вспомогательными» (*subalterne*) судебными органами, в частности городскими. Внимание Спифама привлекают их самые низовые ячейки на уровне парижских кварталов. К 1556 г. в Париже существовало 16 кварталов; в каждом из них был свой выборный квартальный (*quartenier*). Как мы помним, исполнение должности квартального было необходимо для того, чтобы претендовать на высшие должности в муниципалитете.

В каждом из кварталов Спифам вводит по две должности аудиторов (по гражданским и уголовным делам) с достаточным числом необходимого персонала, чтобы вершить в кварталах скорое правосудие, составлять первичные иски и вызывать в суд. При необходимости к этим чиновникам можно обратиться в любой час и днем и ночью, чтобы наложить арест на людей или на имущество. У каждого квартального аудитора и комиссара должны быть помощники (*adjoinet*) из числа буржуа данных кварталов, имеющие особые письма

⁴⁷ Ibid. Fol. 358v–359v.

в виде королевских патентов, заверенных парижским прево и зарегистрированных в Парижском Шатле. Эти помощники будут заседателями (ассессорами), исполняя роль заместителей указанных квартальных аудиторов.

Так на низовом уровне к поддержанию порядка привлекаются и жители кварталов. Правда, в изложении Спифама они получают свои функции не в силу избрания горожанами, а по воле короля, наделившего этих мелких городских чиновников полномочиями.

Итак, Спифам не доверял ни сословным собраниям, ни корпорациям, ни выборным городским властям. Но даже в рамках «абсолютистской утопии» королевская власть не могла контролировать население без помощи самоуправляющихся структур — кварталов, приходов, муниципалитета. В этом можно увидеть своеобразное «доказательство от противного» роли органов самоуправления при Старом порядке. Но если считать «Дикэархию» лабораторией абсолютизма, то Спифам демонстрирует путь, позволявший королевской власти присваивать авторитет старинных общинных традиций. Носители последних объявляются выразителями королевской воли и действуют по велению короля, который, таким образом, становится источником этих незапамятных прав.

В историографии одну из причин кризиса французской государственности в эпоху Религиозных войн многие видят в реакции традиционных структур общества на чрезмерно быстрое усиление центральной власти при двух первых королях из династии Валуа-Ангюлемов. Вдохновленный ими, подражатель Рауль Спифам забежал намного дальше. Однако при всем рвении Спифама в его «бюрократической утопии» все же остается место для традиционных саморегулирующихся структур. Он говорит о них нехотя, но совсем не упоминать не может. В этих базовых структурах, по мнению нашего адвоката, тоже хорошо было бы усилить роль королевского управления, например, ввести должности королевских финансовых чиновников для контроля над приходскими кассами, как это попытается сделать Генрих III. Но полностью уничтожить эти структуры не только практики, но и теоретики абсолютизма не могут, да и не хотят. И в описании прошлого, и в проектируемом будущем саморегулирующиеся структуры постоянно присутствуют, пусть и на заднем плане исторической сцены.

III. АНТУАН ЛУАЗЕЛЬ

Адвокат Антуан Луазель (1536–1617) уже знаком нам как друг Этьена Паскье. В своей речи о Парижском университете на процессе 1587 г. Паскье удачно использовал его идеи. Луазель прославился как знаток кутюмного права, его трактаты и сборники речей неоднократно переиздавались. Имя своего друга Луазель поместил в названии небольшого сочинения «Паскье, или Диалог адвокатов Парижского парламента»⁴⁸, составленного в стиле диалога Цицерона «Брут, или О знаменитых ораторах».

Появлению этого текста предшествовали следующие события.

10 мая 1602 г. дисциплинарная комиссия Парламента предписала строго исполнять статью 161 королевского ордонанса, изданного в Блуа в 1579 г. Согласно этой, зафиксированной ордонансом, но не исполняемой норме, адвокаты и прокуроры в конце каждого документа, составленного ими для клиентов, должны были указывать точную сумму, полученную в виде оплаты. Тех, кто не выполнял данного требования, следовало вычеркнуть из списков парламента и лишит права на адвокатскую практику. Инициатором этого постановления был Генрих IV, которому пожаловались на непомерные гонорары парижских адвокатов.

Вскоре 307 адвокатов, собравшихся в зале Консультаций, единогласно постановили отказаться от работы на таких условиях. Во главе со своим старостой (*bâtonnier*) Николя Дю Амелем они попарно входили в секретариат курии, сдавали свои колпаки и заявляли, что оставят профессию адвоката, дабы сохранить свою честь. С 21 мая деятельность парламента была парализована. Через две недели, 4 июня, в парламент поступило письмо короля, отложившее выполнение 161-й статьи ордонанса Блуа вплоть до особого распоряжения.

⁴⁸ Здесь и далее приводятся цитаты по изд.: *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats du Parlement de Paris / Éd. par A. Dupin. Paris, 1844.* «Диалог...» впервые был опубликован после смерти Луазеля в изд.: *Loisel A. Divers opuscules tirez des memoires de M. Antoine Loisel. Paris, 1659.* Это сочинение переведено на русский язык В.Ф. и Е.Ю. Бухарковыми и включено в антологию: *Профессия адвоката: Сборник работ о французской адвокатуре / Сост. А.В. Поляков. М., 2006. С. 62–142.*

Особого распоряжения так и не последовало. „Стачка” адвокатов увенчалась успехом.

Действие «Диалога адвокатов...» происходит в конце мая 1602 г., когда молодые и старые адвокаты Парижского парламента, пользуясь вынужденным досугом, вели домашние беседы о судьбах их «сословия» (*ordo*). Среди старших участников — сам Антуан Луазель, ведущий повествование от первого лица, Франсуа Питу и Этьен Паскье, который к тому времени занял должность королевского адвоката Палаты счетов, но имел полувековой стаж адвокатуры. Молодежь представлена двумя сыновьями и племянником Луазеля и двумя сыновьями Паскье. Обменявшись мнениями о причинах сложившейся ситуации, адвокаты обращаются к Паскье — не только старейшему адвокату, но и автору «Разысканий о Франции» — с просьбой поделиться знаниями по истории парижской адвокатуры (*barreau*⁴⁹). Паскье соглашается, но при условии, что не будет говорить о ныне живущих адвокатах. Его рассказ охватывает период с древнейших времен до конца XVI в. дополняемый репликами слушателей, он растягивается на три дня. Композиция повествования проста: Паскье и его собеседники одного за другим вспоминают своих предшественников, наделяя их краткими характеристиками. Порой, отталкиваясь от конкретных примеров, рассказчики пускаются в пространные рассуждения об особенностях адвокатской профессии. Понятно, что число упомянутых адвокатов (всего названо около двух сотен имен) стремительно нарастает к концу повествования. Весь последний день Паскье и его собеседники говорят только о тех адвокатах, кого они знали лично.

Луазель не выступал в роли стенографиста, но реплики «Диалога адвокатов...» выстроены вполне правдоподобно, с намеком на психологическую достоверность (молодые склонны громко возмущаться, старшие более рассудительны). В центре сочинения — судьба адвокатов Парижского парламента, рассмотренных в качестве особого *ordo* — «сословия», «чина».

⁴⁹ Термин «*barreau*» переводится словарями как «адвокатура», что верно лишь отчасти, хотя бы потому, что этим словом обозначали иногда и прокуроров. Первое значение этого слова — «барьер» (в виде перил с балясинами), за которым располагались скамьи адвокатов и прокуроров.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
«ДИАЛОГА АДВОКАТОВ...

Принадлежит ли *ordo advocatorum* к тем городским саморегулирующимся сообществам, которым посвящена наша книга?

Адвокаты Парижского парламента совместно с прокурорами образовывали братство Св. Николая. Каждый год 9 мая они устраивали в честь своего святого покровителя торжественную процессию, во главе которой шел староста — *батонье* (жезлоносец), он нес жезл или хоругвь Св. Николая. После прохождения процессии устраивался торжественный обед, и не явившимся на него грозили строгие кары. Братство имело свою кассу для организации церковных служб в честь святого-покровителя и свой «ящик для бедных»⁵⁰. Группа ориентировалась на постоянное взаимодействие: критерием успеха адвоката была репутация, основанная на мнении коллег. При этом парижские адвокаты вовсе не были так называемым безмолвствующим большинством. Некоторые члены этого сообщества писали трактаты юридического, политического и историко-литературного характера, многие публиковали свои судебные речи, большинство адвокатов даже в своих нотариальных актах (завещаниях, брачных контрактах, дарениях и др.) проявляли особое красноречие. Таким образом, источников для изучения их профессионального самосознания достаточно.

Но адвокаты не приносили взаимной присяги, не обладали юридическим лицом, у них не было своего устава, и даже внешние границы их общности очертить было непросто. В социально-культурном отношении они не слишком отличались от магистратов — владельцев судебных должностей — и до поры не противопоставляли себя им. Однако в конце XVI — начале XVII в. обстоятельства сложились так, что адвокаты были вынуждены всерьез задуматься о своем самоопределении, о своем месте в обществе.

«Стачка» адвокатов и текст сочинения Луазеля «Диалог адвокатов...» были в свое время подвергнуты анализу в работе

⁵⁰ Delachenal R. Histoire des avocats au Parlement de Paris, 1300–1600. Paris, 1885. P. 42–50.

Мириам Ярдени⁵¹. Будучи близка ко входившей тогда в силу «новой социальной истории», израильская исследовательница интерпретировала и сочинение Луазеля, и саму «стачку» как результат внезапного осознания адвокатами итогов процесса «большой длительности». Долгое время адвокатура была основным путем продвижения к судейским должностям. Чтобы занять должность советника парламента, королевского адвоката, королевского прокурора или президента одной из палат, требовалось не только юридическое образование, подкрепленное ученой степенью, но и адвокатский стаж. Адвокаты ежедневно посещали Дворец⁵², присутствовали на судебных заседаниях, обсуждали речи коллег, обменивались мнениями по вопросам процедуры и юриспруденции. В идеале успехи адвоката должны были обратить на него внимание монарха, и тот мог выбрать именно его на должность королевского прокурора или одного из королевских адвокатов. В любом случае, зарекомендовав себя выступлениями в суде или прославившись составлением ученых консультаций, адвокат рассчитывал на проникновение в мир должностных лиц — *officiers*, стать судьей либо в одной из палат парламента, либо в другой суверенной курии в столице, в крайнем случае в провинции. Кто-то так и оставался всю жизнь адвокатом, но до поры до времени это не рассматривалось как карьерный провал. При этом практика продажи должностей существовала давно. Все понимали, что должности либо получались в обмен на «ссуду», адресованную королю, либо отчуждались («резигнировались») — передавались по наследству или покупались у прежнего владельца⁵³. Однако об этом в парламентской среде предпочитали не говорить.

⁵¹ Yardeni M. L'Ordre des avocats et la grève du barreau Parisien en 1602 // Revue d'histoire économique et sociale. 1966. Vol. IV. P. 481–507. Позже текст этой статьи был включен автором в разные сборники, например: Yardeni M. Enquêtes sur l'identité de la "Nation France" de la Renaissance aux Lumières. Paris, 2004. P. 195–217.

⁵² Мы сегодня назвали бы его Дворцом правосудия, но для судейских эпохи позднего Средневековья он, по-видимому, оставался еще королевским дворцом.

⁵³ Алтухова Н.И. Продажа должностей во Франции в свете «Инвентаря квитанций на должности» 1578 г. // Средние века. 2008. Вып. 69 (2). С. 59–76.

До самого конца XVI в. новоиспеченный судья приносил присягу, в которой, помимо прочего, клялся в том, что не приобретал свою должность за деньги. Такой же «фигурой умолчания» оставались размеры гонораров адвокатов и прокуроров, хотя алчность судейских являлась давним сюжетом сатирических произведений. Напротив, сами адвокаты склонны были подчеркивать публичный характер своей деятельности. И в идеале, как считал, например, королевский адвокат Ги Фур де Пибрак, адвокатам стоило бы назначать государственное жалованье.

В XVI в. магистраты и адвокаты еще составляли единую социальную среду, связанную семейными узами, общностью культуры, образом жизни⁵⁴. Тем более нелюбимой стала открывшаяся истина: чтобы стать советником парламента, надо было либо приходиться владельцу должности сыном (племянником, зятем), либо быть настолько богатым, чтобы приобрести вакантную должность. Адвокатский стаж, который раньше был хоть и недостаточным, но все же необходимым атрибутом карьерного роста, превратился в пустую формальность.

Важным рубежом стал 1596 год, когда из текста клятвы при вступлении советника в должность были изъяты слова о том, что он не приобретал ее за деньги⁵⁵. Судьи на глазах становились «дворянством мантии», а адвокаты приближались к миру «механических профессий», к обслуживающему персоналу. Злополучное постановление 1602 г. потому и вызвало столь бурную реакцию, что затрагивало болезненный для адвокатов вопрос оплаты, сразу же переосмысленный как вопрос чести.

Антуан Луазель-младший с возмущением заявил, что уже многие из его товарищей твердо решили оставить адвокатуру, «откуда полностью изгнана честь. Разве это не позор, что нас принуждают поступать подобно сержантам, которые обязаны в своих отчетах (*exploits*) ставить сумму, полученную

⁵⁴ Особый социально-культурный облик этой группы в свое время был удачно показан в работе Дж. Хапперта. См.: Huppert G. Les bourgeois gentilshommes. An Essay on the Definition of Elites in Renaissance France. Chicago, 1977.

⁵⁵ Falconnet A. Essai sur le barreau grec, romain et françois et sur les moyens de donner du lustre à ce dernier. Paris, 1773. P. 190.

ими от участников процесса в виде платы (*salaire*), размеры которой определены ордонансами? Поскольку наша плата не ограничена... было бы стыдно не только писать, но даже говорить о ней. Размеры вознаграждения зависят у нас исключительно от щедрости сторон». Теперь же, по словам молодого адвоката, «судья-инспектор» (*rapporteur*) будет вызывать нас к себе в кабинет, чтобы присудить к возврату одного или двух экю, которые клиенты дадут сверх положенного. Лучше вообще не ходить во Дворец, чем терпеть такой позор⁵⁶. Дело было, конечно, не только в деньгах. Луазель-младший продолжает: «Где та честь, которой, как я слышал от вас, отец, мы были некогда окружены во Дворце, и где та благорасположенность, которую господа президенты в ваше время питали по отношению к молодым адвокатам, терпеливо выслушивая их, прощая им их ошибки и ободряя их поступать лучше? Теперь же им кажется, что мы по сравнению с ними сделаны из другого теста или из другой материи (*d'autre bois ou estoffe*) и что мы едва ли не полные ничтожества (*et quasi gens de néant*); нас прерывают и осаживают в любом месте, постоянно делают нам неуместные замечания». Более того, это делается по отношению не только к молодежи, но и к опытным адвокатам, которые иногда лучше судей разбирались в сути дела. «Нет, отец мой, нечего и надеяться на сохранение достоинства, которое прежде было у адвокатского сословия, во всяком случае, до тех пор, пока не отменят это пресловутое постановление»⁵⁷.

Несмотря на то что адвокаты добились отмены постановления, их положение продолжало ухудшаться. Изменение социальной конъюнктуры неминуемо вело к существенному снижению (*avilissement*) адвокатского статуса в эпоху Старого порядка. Интерпретация причин появления «Диалога адвокатов...», предложенная М. Ярдени полвека назад, не устарела. В XVII–XVIII вв. за адвокатами прочно закрепляется приставка «мэтр», указывающая на их принадлежность к миру городских профессионалов, а адвокатский почетный эпитет «благородный человек» (*noble homme*), бывший в такой чести в XV–XVI вв., станет для кольберовских комиссий

⁵⁶ Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 3.

⁵⁷ Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 4.

по «проверке дворянства» достаточным основанием для того, чтобы отрицать претензии потомков адвокатов на дворянский статус⁵⁸.

И все-таки трактовка М. Ярдени нуждается в уточнении. «Диалог адвокатов...» не только, а может быть, и не столько отражал интересы адвокатов как социальной группы, сколько конструировал идентичность этой группы. Строго говоря, существование *ordo advocatorum* именно как особой социальной группы вначале было неочевидно. Паскье, предприняв исторические разыскания, столкнулся с явными трудностями: адвокатов в старых текстах было много, но критерии, позволявшие отделить «своих» от «чужих», отсутствовали. Адвокаты не пытались обосновать свой особый статус по отношению к прочим судебским.

Историки так и не могут определить численность адвокатов. В единственном из дошедших до нас парламентских матрикулов 1524 г. записано 95 имен адвокатов. В «стачке» 1602 г., как мы знаем, приняли участие 307 адвокатов (причем, возможно, не все присоединились к этому демаршу). Самым длинным был список адвокатов 1562 г., когда в связи с началом Религиозных войн от всех судебных потребовалась присяга на верность католическому Символу веры. Среди присягнувших упомянуты 403 адвоката. Однако и этот список не полон — помимо неявившихся явных или тайных сторонников гугенотов, многие отсутствовали по непонятным причинам. Нет в этом списке, кстати, ни Этьена Паскье, ни Антуана Луазеля.

При этом сложно было и очертить внешние границы группы: часть адвокатов регулярно записывались в матрикулы парламента, активно выступали на процессах, часть выжидали, пока освободится место, часть просто числились адвокатами, приискивая себе основные заработки на стороне. Одни славились как ораторы, другие составляли развернутые ученые консультации, третьи негласно давали

⁵⁸ Croq L. Hiérarchie et mobilité collective dans la société Parisienne du XVIIe siècle // Dire et vivre l'ordre social en France sous l'Ancien Régime / Textes réunis par F. Cosandey. Paris, 2005. P. 151; Уваров П. Ю. Старый порядок социальных именовании во французских нотариальных актах: нобилитет и нотабли // Средние века. 2008. Вып. 69 (1). С. 66–67.

практические советы клиентам. И, наконец, получив должность, некоторые продолжали вести дела в качестве адвокатов и, что важнее, продолжали участвовать в неизменных адвокатских пересудах во Дворце правосудия.

В речах и текстах адвокатов XVI в. часто подчеркивался их высокий статус и особая роль в обществе, но осознавали ли они себя отдельной группой, противостоящей «чужим» и «другим»?

В ПОИСКАХ ПРЕДКОВ

Участники «Диалога адвокатов...» прежде всего попытались определить пункт отсчета истории адвокатов Парижского парламента, найти фигуру их «отца-основателя», столь важную для коллективной памяти любой группы. Паскье как историк, владеющий критическим мышлением, одну за другой отбрасывает возможности поиска «предков» у галлов, древних германцев, во времена Меровингов, Каролингов и первых Капетингов. Эпоха Филиппа II Августа (1179–1223) и, в особенности Людовика IX Святого (1226–1270) вызывает у участников «Диалога адвокатов...» больше внимания, но, хотя сам термин «адвокаты» встречается в хрониках того времени, адвокаты начала XVII в. отказываются считать их своими прямыми предшественниками. Резонно связав расцвет адвокатуры с упадком судебных поединков и прочих ордалий, собеседники приходят к выводу, что ключевым моментом является фиксация парламента в Париже, в королевском дворце, ставшим отныне Дворцом правосудия. Важнейшим моментом служит также составление первых регламентов парламентской курии. Поэтому время от Филиппа IV Красивого (1285–1314) до Филиппа VI Валуа (1328–1350) рассматривается с большой дотошностью. Автор устами Паскье характеризует знаменитых легистов начала XIV в. — Рауля де Преля, Гийома Ногаре, Пьера Дюбуа. Они были юристами, иногда исполняли функции адвокатов, но не были адвокатами парламента.

Первым, кого можно считать таковым, был, по мнению Луазеля, высказанному устами Паскье, — Пьер де Гиньер, который служил королю Филиппу Валуа «для защиты прав короля и баронов от посягательств духовенства». Чтобы

адвокатов...» не упоминается так много: в разных контекстах о нем говорится на двенадцати страницах⁶⁸. Несмотря на все его многочисленные должности — от главы парижского муниципалитета до канцлера дофина (будущего Карла VII), для собеседников он был в первую очередь их коллегой. «Господа, разве не может вселить в нас смелость Жан Жювенель: простой адвокат парламента, он достиг таких почестей и столь важных должностей и в памяти потомков так прославил свое имя, что адвокатский статус благодаря ему навсегда стал достойным уважения?»⁶⁹.

Подробный рассказ о карьере дез Юрсена, — помимо прочего, основателя прославленного рода (его сын станет канцлером и пэром Франции), — ведет к утверждению стоического идеала адвоката: человека, уверенного в своей правоте, способного переносить удары Фортуны, отстаивая правое дело. В жизни дез Юрсена бывали и клеветнические обвинения, и репрессии. Помимо потери всего своего немалого имущества в Париже, когда город был захвачен бургиньонами, он лишился и должности «канцлера господина Дофина, которому служил слишком хорошо, отказавшись поставить печать на грамоты, содержавшие слишком щедрые дарения. Но он переносил потери и невзгоды с той же силой духа, которую он продемонстрировал тогда, когда мгновенно собрал четыреста или пятьсот лошадей в Париже, чтобы помешать герцогу Бургундскому увезти короля с собой»⁷⁰.

Отметим несколько неожиданное качество «идеального адвоката» — способность защищать благо государства не только словом, но и делом, как и доблестный защитник королевства Пьер де Гиньер. Можно найти и другие примеры адвокатской доблести: «Во время Варфоломеевской ночи адвокат Таверни, исповедовавший реформированную религию, был убит. Полагают, что никто не защищался столь доблестно, как он. Запершись и забаррикадировавшись в своем доме, он и его клерк выстрелами из аркебуз сумели уложить многих, прежде чем погибли сами, и в том он показал себя достойным звания, которое носил, поскольку был генеральным

⁶⁸ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats...* P. 50–62.

Ibid. P. 60.

⁷⁰ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats...* P. 61–62.

Паскье: «Он не наш, но бретонец» — мог трактоваться не только как свидетельство этнополитической принадлежности (ко времени «Диалога адвокатов...» Бретань давно и прочно вошла в состав Французского королевства), но и как демонстрация отличия парламентских адвокатов, входивших в братство Св. Николая, от всех прочих, чтивших св. Ива.

Однако Луазель приводит интересное возражение: св. Ив в качестве адвоката вдов, сирот и прочих отверженных вел их дела не только в церковных судах и не только в Бретани, но также и в бальяжах, входящих в судебный округ Парижского парламента, доводя апелляционные процессы до парламентской курии. Целых три страницы Луазель посвящает разбору случая из адвокатской практики святого и в конце делает вывод: «Разве не заслуживает эта история того, чтобы быть здесь рассказанной и чтобы включить канонизированного св. Ива в число наших адвокатов?»⁶⁶

Возражений не последовало. Собеседники, возможно, не очень верили в чудеса святого, но адвокатское мастерство бретонского коллеги пришлось им по душе. Пропагандируя культ этого святого, Луазель уловил запросы своей среды — вскоре св. Ив станет покровителем всех адвокатов, а о росте его популярности будут свидетельствовать переиздания его житий⁶⁷.

Таким образом, «Диалог адвокатов...» давал коллегам возможность выбрать любого из трех «капитанов»: святого, папу римского и убежденного борца с папским произволом, пусть и оклеветанного церковниками. В любом случае у парижских адвокатов объявились такие родоначальники, которыми можно было гордиться.

ГЕРОИ И ЗЛОДЕИ

Помимо «отцов-основателей», образцом для подражания был назван Жан Жювенель дез Юрсен. Ни о ком в «Диалоге

⁶⁶ Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 34.

⁶⁷ Surius L., Le Masson J.-B., Marchand C. La vie de Saint Yves écrite par trois divers auteurs avec son pourtraict tel qu'il est au portail de son église à Paris. Paris, 1618; см. также перевод с бретонского: Vie de St. Yves = Buhez sant Eusen / Trad. P. de la Haye. Morlaix, 1623.

лейтенантом коннетабльского и маршальского правосудия Франции, хотя и не переставал вести дела во Дворце»⁷¹.

Не было ли в этих и других «проговорках» некоего подспудного стремления подчеркнуть равенство людей мантии, людей закона с «истинным» дворянством, дворянством шпаги?

Для молодых участников «Диалога адвокатов...» казус дез Юрсена стал поводом для очередной серии жалоб: «Не следует более ждать, что выбирать будут таких людей и что именно так будет идти продвижение по службе, — возражал младший сын Паскье, — по крайней мере до тех пор, пока будет продолжаться продажа должностей и должности будут дорожать, а вы видите, что все это разрастается день ото дня»⁷². Антуан Луазель-младший также смотрел на жизнь трезво: «Мы живем ныне не в то время, когда людей выбирали бы в соответствии с их заслугами и добродетелями. Ныне надо, чтобы они продвигались на должности сами, при помощи денег. Иначе они так и будут прозябать в пыли Дворца»⁷³. Но есть и иное мнение. Младший сын Луазеля, Ги, заявил, что почти жалеет, что стал советником, «ведь останься я простым адвокатом... больше бы служил общему благу (*plus servy au public*), чем обладая моей должностью»⁷⁴.

Термин «*publique*» любопытен в данном контексте, ведь традиционно именно советники считались блюстителями общественных интересов⁷⁵, адвокатуре же отводилась роль защитницы интересов частных лиц, если только речь не шла о королевских адвокатах.

⁷¹ «car il estoit aussi lieutenant général de la connestablie et maréchaussée de France» (Ibid. P. 114). Так назывался суд, ведавший обеспечением безопасности в сельской местности и на дорогах (предшественник современной французской жандармерии), борьбой с дезертирами и мародерами. Представители «маршальского» правосудия считались «судьями короткой робы», т.е. не столько гражданскими, сколько военными судьями.

⁷² Ibid. P. 60.

«...Autresment ils croupiront en la poussière du palais» (Ibidem).
Ibidem.

⁷⁵ Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV вв. М., 2012. С. 512–558.

Старшие, в особенности Паскье, разделяют подход Ги Луазеля, апологизируя адвокатское бескорыстие. «Надо лелеять добродетель ради нее самой, хотя часто это сопровождается событиями, которые мнение черни сочтет злой судьбой. Ведь невинность и добродетельная жизнь становятся известны всем и, в особенности, Богу, Который и есть справедливый судия наших поступков»⁷⁶.

Примечательно, что в образе «идеального адвоката» часто присутствуют мученические мотивы, образцовый адвокат готов страдать, исполняя свой долг, отстаивая общественные интересы. Статуе Пьера де Гиньера прижигают нос свечкой, Жювенель дез Юрсен лишился имущества, многие расстанутся с жизнью. Паскье знакомит своих собеседников с настоящим мартирологом адвокатов и судей, погибших во время парижских мятежей Этьена Марселя, кабошьенов, арманьякской резни 1418 г. и, конечно же, во время Варфоломеевской ночи. Но угроза может исходить не только от черни. Жан Десмар, имевший множество заслуг и поднявший свой голос в защиту королевских интересов во время малолетства Карла VI, «выступал так смело, что герцоги Анжуйский, Берри и Бургундский, почувствовав себя задетыми, сумели организовать против него процесс... и обезглавили его на Рынке»⁷⁷.

Уважение у беседующих адвокатов вызывают и те их коллеги, кто осмелился противостоять воле Людовика XI, желавшего отменить Прагматическую санкцию, и те, кто протестовал против регистрации Болонского конкордата в 1518 г. Тогда отличился адвокат Жан Бушар, который, отстаивая интересы Галликанской церкви и Парижского университета, «произнес свою речь столь смело, что был заключен в тюрьму Лувра, снискав великий почет, который его потомки ощущают по сей день»⁷⁸.

Но главный герой, чей образ завершает «Диалог адвокатов...» композиционно и логически, — это Барнабе Брисон,

⁷⁶ Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 63.

Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 46–47.

⁷⁸ Ibid. P. 67–68. Отметим еще раз галликанские симпатии Паскье и Луазеля — в первую очередь достойны похвалы те, кто отстаивал независимость Галликанской церкви и университета от Рима.

талантливый адвокат, ставший первым президентом Парижского парламента и казненный рыаными лигёрами в 1591 г.⁷⁹ Обычно сдержанный Паскье бросает яростную инвективу убийцам Брисона: «Палачи-заговорщики, вы были столь варварски жестоки, что подняли руку на священную особу (*la personne sacrée*) президента курии, светоч знания и образованности во Франции, жемчужину и украшение Европы, человека, обладавшего удивительной памятью, имевшего всегда верное суждение обо всех вещах, кроме той, которая привела его к его несчастью»⁸⁰.

Наличие пантеона образцовых адвокатов позволяет ожидать симметричного расположения сонма антигероев. Но симметрии не получается. Зло, как правило, исходит извне — от мятежников, вождей аристократических группировок. Безоговорочному осуждению подлежат лишь те из судейских, кто, преследуя своекорыстные цели, вступил в сговор с этими силами. «Адвокат Ролен, став канцлером герцога Бургундского, захватил себе столько добра, что его хозяин вынужден был сказать: «это уж слишком, Ролен»... Тот же самый Ролен повелел построить прекрасный госпиталь в Боне, который, по справедливому суду Божию, служит теперь пристанищем некоторым из его потомков, впадших в нужду и великую бедность»⁸¹.

Пространный портрет Ролена по своей цельности напоминает его же портреты кисти Яна ван Эйка и Рогира ван дер Вейдена, но этот «злодей» остается в «Диалоге адвокатов...» одинокой фигурой из давнего прошлого. Остальные же адвокаты, чьи имена называются в ходе беседы, имеют разные недостатки — у кого-то их больше, у кого-то меньше, но они никак не выглядят совершенными негодьями.

⁷⁹ Огибели Брисона см.: Barnavi E., Descimon R. La Sainte-Ligue, le juge et la potence. L'assassinat du president Brisson (15 novembre 1591). Paris, 1985.

⁸⁰ Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 138. Паскье намекает на роковой выбор Барнабе Брисона, решившего, что долг предписывает ему остаться в парижском парламенте, и не бежавшего в Тур к королю (подобно самому Паскье).

⁸¹ Ibid. P. 56. Мерилом адвокатского успеха Паскье и Луазель видят в хорошем продолжении рода. Антигерою же успешного потомства не полагается.

Любопытно, что Паскье и Луазель, решительно осуждавшие расправы над судебскими во время Варфоломеевской ночи и разгула Католической лиги, не выводят в качестве «показательных злодеев» ни радикальных католиков, ни лигёров из числа адвокатов, каковых имелось немало. Это могло объясняться как политическими соображениями, так и тем, что главной целью «Диалога адвокатов...» была консолидация всех адвокатов перед лицом общих трудностей.

КАРЬЕРЫ АДВОКАТОВ

Один из основателей Парижской лиги, Антуан Отман, оценивается Луазелем очень высоко: «Этот достойный человек происходил из знатной семьи, был сыном известного советника парламента и братом юрисконсульты, прославившегося своими сочинениями»⁸². По словам Луазеля, когда Отман сидел в зале молча, он походил на Силена, но, когда он брал слово, все бывали очарованы его красноречием. Он умер от легочной болезни (в 1596 г.), «и, предчувствуя смерть, нашел в себе силы посетить и попрощаться со своими товарищами (*compagnons*). Для меня было большой честью, что он пришел ко мне незадолго перед кончиной»⁸³.

Согласно Паскье, великолепным знатоком процессуального дела был рьяный католик-лигёр Пьер Версорис, способный найти выход из любой запутанной ситуации. Когда он консультировал не на дому, а во Дворце и принимал в Малом зале, то в Большом зале адвокаты, желавшие посоветоваться с ним, образовывали целую толпу. Большая слава пришла к нему в последние годы жизни, но и в молодости к нему обращались часто. Его, обладавшего красноречием и знакомого со всеми тонкостями законов, приглашали вести многие важные дела. Паскье вспоминает, как Версорис выступал в парламенте на стороне иезуитов-ответчиков, а сам Паскье

⁸² Ibid. P. 136. Речь идет о Франсуа Отмане — яром гугеноте, авторе самых известных тираноборческих трактатов. Характерно, что и об этом Луазель предпочитает умалчивать, равно как и о том, что их отец, Пьер Отман был одним из самых яростных гонителей протестантов.

⁸³ *Loysel A. Pasquier ou Dialogue des avocats...* P. 137.

защищал тогда интересы истца — Парижского университета. Для карьеры Паскье этот процесс 1564 г. был один из самых важных, но адвокат воздает должное своему оппоненту (который, кстати сказать, формально одержал победу в тот раз), предлагая ознакомиться с печатными текстами их речей. Единственным недостатком Версориса было то, что звук «а» он произносил, как «е», и наоборот. Паскье делает общий вывод: «Это был великий адвокат, который страстно вставал на сторону своих клиентов, прежде всего Гизов, чьим главным советником он был, и в итоге он скончался от горя через 4 или 5 часов после того, как узнал о том, что герцог де Гиз был убит в Блуа»⁸⁴.

Среди лингёров были и недостойные адвокаты, но они осуждаются в «Диалоге адвокатов...» вовсе не за свои религиозно-политические взгляды.

Если говорить о нареканиях, то чаще всего в сочинении Антуана Луазеля критикуются пути продвижения адвокатов в мир чиновников: «Сейчас часто бывает, что из посредственного адвоката получается хороший советник»⁸⁵. Вот, например, адвокат Аймон Бушра. «Многие полагали, что он не обладал ни красноречием, ни достаточными знаниями, чтобы рекомендовать его на должность королевского адвоката», но он хорошо знал рутину делопроизводства Дворца, а также входил «в круг советников дома Гизов, каковые, войдя в силу, захотели сделать королевским адвокатом своего человека»⁸⁶.

Паскье часто пишет, что получение судейской должности зависит от протекции сильных мира сего. Плохо, когда дорога открывается недостойным или когда это происходит слишком быстро. Однако в том, что адвокаты, ведущие дела принцев, пользуются их покровительством, нет особой беды, точнее, это неизбежное зло. «Среди пороков века, в котором мы живем, вполне извинительно адвокатам вмешиваться в дела... дома, которому они столь многим были обязаны»⁸⁷. Беда, скорее, в том,

⁸⁴ Схожим образом генеральный адвокат Жак дю Фай в 1589 г. умер от огорчения, узнав о бедах, постигших короля. См.: Ibid. P. 128.

⁸⁵ Ibid. P. 135.

⁸⁶ Ibid. P. 85–86.

⁸⁷ Ibid. P. 132.

что связь адвокатов и могущественных принцев ослабла. Луазель объясняет, что некогда «гранды» обращались к адвокатам, которые, именуясь то «канцлером», то главой частного совета того или иного принца, вели их дела как в парламенте, так и в других судах. Но затем магистраты сами оценили выгоды такой службы. Несмотря на ордонансы, запрещавшие советникам вести дела принцев⁸⁸, «сегодня нет ни одного из знатных сеньоров, в совете которого не заседал бы президент, мэтр прошений или советник парламента». Но последние, либо не обладая достаточным мастерством, либо не желая тратить свое время и силы, сами нанимают какого-нибудь адвоката за скромную плату. Луазель сравнивает таких адвокатов с рабами, «продающими себя за долю в барыше (*“ad pretium participandum”*)», и полагает, что именно они стали причиной упадка престижа адвокатского сословия. Паскье датирует начало такой практики 1554 годом, когда адвокат Пьер Сегье, став одним из президентов парламента, получил королевское разрешение остаться при этом в совете герцогини Феррарской, а заодно сохранил свое место и в других советах⁸⁹.

Помимо «фавора грандов», способствовавшего продвижению адвокатов, в «Диалоге адвокатов...» говорится и о «фаворе прокуроров». Прокуроры парламента вели для клиентов всю документальную часть процесса. Их социальный статус был явно ниже адвокатского. Если адвокат именовался «благородным человеком» (*noble homme*), то прокурор — лишь «почтенным человеком» (*honorable homme*), без малейших претензий на дворянский статус. Хотя прокуроры входили с адвокатами в общее братство Св. Николая и тоже считались членами *barreau* (вот почему этот термин не всегда можно переводить как «адвокатура»), их статус был «тупиковым»:

⁸⁸ Ordonnance générale rendue sur les plaints, doléances et remontrances des états assemblées à Orléans (Orléans, janvier 1560), Art. 44 // Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Ed. Fr.-A. Isambert et al. Paris, 1829. Vol. 14. P. 76; Ordonnance rendue sur les plaints et doléances des états généraux assemblées à Blois en novembre 1576, relativement à la police générale du royaume (Paris, mai 1579). Art. 112 // Ibid. P. 414.

⁸⁹ «Поскольку мы живем в королевстве прецедентов (*au royaume des conséquences*), часто добрые начинания подают плохой пример» (Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 7).

адвокат мог стать советником, королевским адвокатом, а после и президентом, прокурор — нет. Он мог стать лишь богатым прокурором, и только. От прокуроров не требовалось обязательного университетского образования, но они превосходно знали «практику», рутину делопроизводства. Даже самые красноречивые и популярные адвокаты зависели от прокуроров. Порой последние работали в устойчивой «связке» с адвокатом, особенно когда адвокаты женились на дочках и племянницах прокуроров.

Луи Деспорт был женат на племяннице прокурора Брюше. На этом примере Деспорта Паскье показывает, «на что могут надеяться адвокаты, которые не столь учены, как другие. Оставаясь некоторое время у прокурора, он стал таким искушенным практиком, что... его брат, сам бывший к тому времени адвокатом парламента, посоветовал ему изучать право в университете. Вернувшись во Дворец уже адвокатом, Деспорт повел дела столь хорошо, что основал процветающий дом и стал впоследствии королевским адвокатом». Но первым успехом, положившим начало его продвижению, он был обязан практике у прокурора Брюше. Паскье замечает, что своей славы многие адвокаты добились благодаря знакомствам и брачным союдами с семьями прокуроров, «и это более надежно, чем фавор советников, королевских людей или президентов, по крайней мере, если у самих адвокатов есть некоторые способности»⁹⁰.

Действительно, адвокаты во многом зависели от прокуроров. В XVII в. юрист Лоран Буше писал: «Мы знаем Дюмулена, Ребюсю, Дорена — адвокатов Парижского парламента, в котором прокуроры выставили их немymi идиотами, хотя их ученые писания вызывали затем восхищение всего мира»⁹¹. Но любопытно, что Паскье, превосходно понимая важность «практики» и «практиков», старается не слишком распространяться о них. Несмотря на общность целей и многочисленные личные связи, «адвокатскому сословию» важно было дистанцироваться от прокуроров, показывая, что они не уступают «дворянству мантии».

⁹⁰ Ibid. P. 115.

⁹¹ "Les procureurs les avoient rendu idiots et muets, bien que leurs doctes paroles escrites fussent admire par l'Univers" (*Bouchel L. La Bibliothèque ou Trésor du droit français. Paris, 1615. P. 125*).

О СКРЕПАХ

В рассуждениях о «своих» и «чужих» Паскье проводит и другую границу: между практикующими адвокатами и учеными юристами. Образование и эрудиция — несомненные козыри адвокатов, и их любовь к университетской альма-матер всячески подчеркивалась. Однако из университетских преподавателей получались плохие адвокаты. «Придя во Дворец, сколь бы учены они ни были, они не попадали в число лучших. Так, Жан Пужуаз был великолепен на своих занятиях, но вовсе не был таковым на судебных выступлениях, а порой выглядел даже смешным, что происходило, на мой взгляд, по двум причинам. Одна из них заключалась в том, что он всегда хотел показать свою ученость, в то время как лучше скрывать свою игру⁹². Другая же причина состояла в том, что, когда молодой человек начинает выступать в суде с речами, к нему относятся благосклонно, легко прощая сделанные им ошибки, но смеются над магистрами искусств, если они допустят хоть малейшую оплошность. Поэтому преподаватели часто уходят из адвокатов, видя, что тех, кто был их учеником, слушают лучше, чем их самих»⁹³.

Паскье и Луазель гордятся учеными юрисконсультами, но, хотя они и приносят честь и славу корпорации, адвокаты они не очень хорошие. Это относится и к Жану Бодену, и к Шарлю Дюмулену, «который, как всем известно, был среди современников наиболее сведущим в гражданском и кутюмном праве и все же был неумел в роли адвоката, особенно выступая на процессах; его деяния при жизни и близко не ценились так, как после смерти ценились его сочинения»⁹⁴.

Адвокат Луи Алельм был бы великим адвокатом, если бы чаще выступал в суде. Но он был «человеком книг и свободы»⁹⁵. Покинув Дворец, он предался красотам латинской поэзии,

⁹² "Qu'il faut cacher son jeu" — в другом месте Паскье говорил, что ученые цитаты надо умело прятать, демонстрировать публике свою ученость изредка и всегда к месту, не перегружая цитатами свое выступление.

⁹³ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats...* P. 130.

Ibid. P. 83.

⁹⁶ "Homme de livres et de liberté" (*Ibid.* P. 110).

достигнув ранга лучших поэтов своего века. Среди адвокатов было немало хороших латинистов и эллинистов, а королевский адвокат Жиль Бурден, помимо прочего, разбирался в ивритах, имея обыкновение читать авторов на языке оригинала, был хорошо образован в теологии, математике, медицине, в послеобеденных беседах удивлял адвокатов ссылками на Архимеда, Витрувия и Кассиодора, опубликовал греческий комментарий к комедиям Аристофана, хорошо играл на лютне и клавесине. Но наши беседующие о судьбах своего профессионального сообщества адвокаты не считали его примером для подражания⁹⁶.

Отвечая на вопрос о требованиях к адвокату, Паскье, сам принадлежавший к числу учнейших людей, предостерегает от излишней эрудиции. На первое место он ставит знание судебной практики, умение самостоятельно составлять юридические документы, соблюдать формальности, «уподобляя их по своей важности религиозным церемониям, обручам, которые удерживают вино в бочке, или цементу, на котором крепятся камни любого здания»⁹⁷.

Если говорить об *ordo advocatorum*, то в «Диалоге адвокатов...» роль такого цемента играют рассказы о примечательных чудаках, без чего ни одна социальная группа не становится реальной общностью.

Жан Давид — рьяный лигёр, он часто уснащал свою речь латынью, допуская при этом массу ошибок. Не заботясь о чести, он постоянно брался за «нехорошие процессы» (т.е. заведомо неправые дела) и столь часто подвергался штрафам, что его в шутку называли «королевским адвокатом», объясняя, что если король тратится на жалованье своим адвокатам, то Жан Давид, напротив, постоянно тратится на короля, уплачивая свои штрафы⁹⁸.

⁹⁶ Примечательно лишь то, что он умер во сне (что почиталось за счастье античными философами и поэтами, но было большим злом для христианина). См.: Ibid. P. 86–87.

⁹⁷ Ibid. P. 127–128.

⁹⁸ Ibid. P. 107–108. Жан Давид вполне мог бы стать не чудачком, а антигероем. Но в «Диалоге адвокатов...» лишь осторожно говорится, что он был мятежником и смутьяном, «поскольку именно он привез из Рима первые записки Лиги... что породило и породит столько зла во Франции». Жан Давид, сопровождавший епископа Парижского Пьера Гонди в Рим, умер при загадочных обстоятельствах на обрат-

Адвокат Фелибер Барио брал по 5 су за заполненный лист. Один нормандец, заплатив двойной дукат, посчитал, что переписанные тексты не стоят так дорого, и потребовал сдачи. Но адвокат не растерялся, сказав, что вспомнил один аргумент, который может стать решающим для всего дела, и тут же надиктовал клерку еще два листа, чтобы покрыть полученную сумму⁹⁹. Этот же Барио питал такую любовь к своим процессам, что, уже став советником, дома в одной из комнат развесил мешки с документами по каждому из прежних дел¹⁰⁰ и любил пересчитывать их с тем же чувством, с каким крестьянин пересчитывает своих овец¹⁰¹.

Паскье вспоминает, как во времена его молодости бедный, но пригожий на вид адвокат, поселившись возле дома одной женщины, имевшей дочку на выданье, каждый день шествовал у них под окнами во Дворец, причем его клерк нес за ним большой мешок, чтобы показать, какая у него богатая практика. План удался, и вскоре он женился. Когда же обман раскрылся и выяснилось, что практика у него не такая уж и обпирная, жена взяла на себя все его расходы, поскольку происходила из богатой семьи¹⁰².

Объектами насмешек были и старики из категории «вечных» адвокатов. «Я забыл упомянуть о Жане дю Буасле, в котором не было ничего достойного внимания, кроме силы и громкости голоса ... когда он произносил речь в Палате прошений, то было его слышно в капелле Дворца»¹⁰³. В конце своих дней он казался смешным, хотя в молодости его ценили.

ном пути. В его бумагах нашли генеалогическое сочинение, доказывающее, что Лотарингский дом Гизов обладает большими правами на французский престол, чем потомки Гуго Капета.

Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 119.

¹⁰⁰ Холщовые мешки играли роль современного скоросшивателя. Адвокаты и прокуроры вели опись хранившихся в них свитков и утром и вечером завязывали их, запечатывая тесемки своей печатью. По первому требованию они должны были представить властям их содержимое по описи.

¹⁰¹ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 119.*

¹⁰² *Ibid.* P. 116–117. Паскье поясняет, что рассказывает об этом, дабы показать, что в каждой профессии и в каждом сословии есть свои мошенники (*happetourdes*).

¹⁰³ *Ibid.* P. 101.

Когда Паскье только поступил во Дворец, одним из старейших адвокатов был уже известный нам Рауль Спифам. «Говорили, что некогда он был очень известен, принадлежал к одному из лучших семейств города, но к концу дней его слава закатилась, и он был примечателен лишь одним: желая воссоздать или поддержать древний знак чести адвокатов... на ежегодную присягу по случаю открытия сессии парламента, он являлся в алой мантии, чего никто, кроме него, не делал, хотя, как я вам уже говорил, на старинных церковных фресках адвокаты изображены в таких же одеяниях, что и советники»¹⁰⁴. Примечательно, что Паскье не считает Спифама своим союзником и не упоминает о его книге. Не считает он таковым и Шарля Дюмулена, всегда подчеркивавшего общественную пользу своих занятий. Возможно, это было вызвано их слишком нарочитым противопоставлением себя прочим адвокатам. Так, Дюмулен однажды ответил своему коллеге, который удивился, видя, что мэтр возвращается из Дворца в час дня: «Там адвокаты-консультанты, отошедшие от дел или не занятые процессами, ведут досужие беседы, и так проходит вся их жизнь», он же удаляется, дабы работать над книгами, поскольку его мир — это его кабинет. Спифам почти дословно совпадает с Дюмуленом в своем ответе приставу, огласившему ему запрет появляться во Дворце¹⁰⁵.

Эти яркие адвокаты, творившие в середине XVI в., ощутив уязвимость адвокатского статуса, старались выделить себя из общей массы людей в черных мантиях, но они не были склонны к конкретным действиям, направленным на сплочение *ordo advocatorum*. Паскье и Луазель, напротив, стремились укрепить самосознание адвокатов *in corpore*. Поэтому они старались по возможности загладить имевшиеся противоречия и обеспечить преемственность поколений ради выживания корпорации.

¹⁰⁴ Ibid. P. 102.

¹⁰⁵ «Одиночество подходит ему больше, нежели посещение сборища стряпчих, тратящих свой ум на бесплодные мелкие вопросы. Он не желает походить на них (тем более что большинство из них являются его учениками, впрочем, плохо усвоившими его уроки) и не хочет отвлекаться от важной работы во славу короля и общего блага» (*Spifame R. Dicaearchiae... Fol. 130v-131r*).

«Стачка» оказалась успешной, но тактическая победа адвокатов, согласно М. Ярдени, не избавила их от стратегического поражения. Через два года во Франции будет введена полета, де-юре закрепившая продажу должностей. Магистраты окончательно отделятся от адвокатов.

Но были ли адвокаты побежденными? Авторы «Диалога адвокатов...» и их единомышленники продемонстрировали пример успешного социального конструирования, сумев сплотить ранее аморфную социальную группу во вполне реальное объединение, наделенное корпоративным духом и осознанием общих целей. «Кто-нибудь продолжит список, начатый нашим старейшиной, и включит в него имена тех, кто живет сегодня и кто, как я считаю, ничем не уступает предшественникам... Вы же обязаны предпринять все усилия для сохранения за нашим сословием того ранга и тех почестей, которые своими трудами и заслугами завоевали наши предки, чтобы передать их вашим преемникам»¹⁰⁶, — заключает Луазель.

Как выяснилось, он сам вел такой список — наследники найдут его в бумагах. И в дальнейшем список будет продолжен, равно как и список всех батонье общины адвокатов Парижского парламента вплоть до середины XIX в. Эти данные приведены в издании Андре Дюпена 1844 г., причем сам издатель с гордостью именует себя бывшим батонье корпорации адвокатов Парижского парламента¹⁰⁷.

Список адвокатов двух последних веков Старого порядка не изобилует именами интеллектуалов первой величины, но это были люди, сформировавшие и отстаивавшие четкие представления о роли адвоката в обществе. Сегодня историки не считают, что именно адвокаты свершили Французскую революцию, но этот тезис слишком уж часто повторялся современниками, чтобы его полностью игнорировать. В период Реставрации и Июльской монархии французская адвокатура переживет свой золотой век. Для Дюпена Луазель — актуальный собеседник, затрагивающий «вечные

¹⁰⁶ Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 142–143.

¹⁰⁷ Dupin A. Noms par ordre chronologique des plus célèbres avocats de 1600 à 1790; Suite jusqu'en 1810; Batonniers de l'ordre des avocats // Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 151–166.

вопросы» адвокатской практики¹⁰⁸. Таким же актуальным «Диалог адвокатов...» становится для русской адвокатуры пореформенной России и для современных российских адвокатов. А это значит, что парижским адвокатам, беседовавшим во время вынужденных каникул 1602 г., выпала редкая удача — способствовать созданию корпорации, которая переживет века.

Редкая удача выпала и нам. Благодаря красноречию адвокатов мы видим, как конструируют сообщество. Авторы «Диалога адвокатов...» старательно выбирают святых патронов-покровителей и легендарных «отцов-основателей», очерчивают границы группы, отделяя себя как от «практиков»-прокуроров, так и от магистратов, стараются дистанцироваться от внешних влияний, от искусов политики, сознательно сглаживают противоречия внутри группы, набрасывая коллективный портрет сообщества адвокатов, скрепленного общими воспоминаниями о героях, чудаках и злодеях.

¹⁰⁸ Ibid. P. 180–203.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД. СЛОЖНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ

— Для чего живет человек на земле? Скажите!
— Да как же так сразу? — смутилась Федосья Ивановна. — И потом — где живет?.. Ежели у нас, в Смоленской губернии, это одно...
А ежели в Тамбовской — другое...

Г. Горин. Формула любви.

Работу историков нередко сравнивают с процессом сборки пазлов. Увлеченные этим занятием люди обычно ставят перед собой картинку-образец и высыпают детали на стол. Если их много — более пятисот — то к этой работе можно подключить всю семью. Сверяясь с образцом, начинают искать детали, образующие рамку. Остальное зависит от числа деталей, усидчивости участников, слаженности работы команды. Однако в последние годы на рынке пазлов появились новинки: например, *crazy shapes*, в которых и нарезка деталей «кривая», и главное — рамка отсутствует. Это очень близко к тому, с чем мы столкнулись. Только для полноты аналогии представим, что картинка-образец потеряна и каждый из сборщиков руководствуется собственной памятью.

И действительно, пока есть общее представление, какой должна получиться картина, и в какую рамку мы должны ее вписать, мы можем справиться с задачей, подобрав место и для общины английского монастырского города, и для парижской университетской корпорации, и для стрелковой гильдии, не говоря уже о реймских сапожниках и перчаточниках, соединив их через выявление взаимодополняющих и похожих свойств. К таковым могут быть отнесены наличие присяги, или установленная процедура выборов должностных лиц, или совместное почитание святого-покровителя. Но рамки нет, картинку убрали, а перед нами множество разнообразных объектов, и непонятно, как их состыковывать друг с другом. Только и остается доставать из коробки каждый по очереди, любуясь его уникальностью.

Но по мере знакомства с ними все более отчетливо проявляется некоторое общее свойство, которое выделяет изучаемые

сообщества в ряду множества других элементов социальной стратификации. Причем это свойство проявляют многие коллективы, которые не обозначены в текстах особым словом или термином. Нередко социальная группа существует вполне реально и даже различима в источниках, но «терминологическая определенность» приходит к ней задним числом. С другой стороны, есть множество социальных категорий, встречающихся в текстах законов или на страницах хроник, которые ни разу не проявили себя в качестве общности, сознающей свое единство и способной к организованному совместному действию. Поэтому наименование, маркирующее какую-то группу людей, важный, но не универсальный признак сообщества.

Единственное, чем мы можем уверенно оперировать, — сведения об организованной деятельности какой-либо группы. Причем это должно быть не единичное упоминание, а целая серия разновременных фактов. И такое общее свойство — способность к самоорганизации, свидетельства которой мы обнаруживаем в источниках.

Если имеющиеся у нас сведения образуют некую последовательность, то этого достаточно, чтобы доказать действительное существование сообщества и показать его эволюцию. При таком подходе ответ на вопрос о моменте возникновения сообщества теряет принципиальную важность. Ведь о нем долгое время шли споры в историографии. Некоторые историки считали, что подобные сообщества существовали постоянно со времен поздней античности. Другие указывали — и, возможно, небезосновательно — на истоки общностей в каролингской эпохе. А третьи намекали на происхождение гильдий от раннесредневековых союзов странствующих купцов, понимая при этом слово «гильдия» весьма широко. Возможно, что правы все и что раннесредневековое общество было наспиговано самоорганизующимися сообществами, однако они не оставили следов в источниках, и поэтому у нас нет возможности ни изучить их, ни даже представить убедительную обоснованную ретроспективную реконструкцию.

Сообщества, сколь бы разнообразными они ни были, возникают в поле зрения авторов средневековых текстов во второй половине XI в. и уже никуда не исчезают. Их становится все больше; сначала они появляются в темпе адажио, потом анданте, в XIII в. это уже аллегро, а в XIV и XV столетиях

наступает крещендо. А это значит, что организованных сообществ много, они разные, чаще всего они формализованы и, наконец, без них невозможно представить существование средневекового города.

Несмотря на многочисленные и глобальные перемены в социальном устройстве, происшедшие в постсредневековом мире, все же современные корпорации свой идеальный портрет копируют с тех лекал, которые возникли в Средние века. Иногда это вполне оправданно, как в случае с университетами и академическими структурами в целом. Их формы были найдены эмпирически магистрами и студентами в конце XII — начале XIII вв. Иногда это родство, скорее, фиктивное (транснациональные корпорации, профсоюзы и т.п.). Но важно другое — в большинстве случаев, когда возникает референция «средневековая корпорация», она имеет расширительное толкование: подразумевается вся, как минимум тысячелетняя, средневековая история, хотя в действительности речь идет лишь о периоде, который мы определили как крещендо, или о последних двух-трех веках Средневековья.

Итак, для нас важным критерием является «информационный шум», вернее, изменение его интенсивности, связанное с изучаемым сообществом. При этом не следует забывать о необходимости различения действующих организованных социальных групп и социальных категорий, присутствующих лишь в воображении хрониста или законодателя.

Мы предполагаем, что удобным критерием является оформление границ сообщества, как территориальных, так и иных. Создание территориальной границы — возведение стены, установка межевых знаков и ориентиров — одновременно формирует сообщество и зримо отделяет его от внешней среды. Через историю этих артефактов можно показать и становление сообщества.

Различные границы — социальные, юридические, символические, сакральные — оказываются в центре нашего исследования. Их редко удается изучать как раз и навсегда сформировавшийся объект, они существуют только в динамике и требуют постоянной верификации.

Как известно, кладом для археолога является помойка, а для историка кладом является скандал. В большинстве случаев именно в конфликтных ситуациях сообщества заявляют о себе в полный голос. Конфликты создают напряжение

нормы, выявляя отношения и коллизии, в рутине повседневной жизни скрытые от глаз наблюдателя.

Мы не будем говорить о структурных сдвигах, порождавших средневековые сообщества, хотя гипотез существует много. Для нас важнее отметить, что в Средние века сложилась определенная модель развития общности, предполагающая публичную фиксацию статуса в той или иной форме. Высшим достижением на этом пути стало получение письменно фиксированной привилегии или составление устава. Это, конечно, было обусловлено развитием соответствующих информационных возможностей. Прежде всего, появляются слова, которыми описываются интересующие нас объекты. Вопреки распространенному мнению это еще не термины с устоявшимся, строго определенным значением. Их смысл контекстуально обусловлен — он определяется широким спектром обстоятельств: от местных политических коллизий до кругозора и образования автора текста. Затем, с ростом частотности употребления, они обретают более четко очерченный круг значений. Этому способствовало быстрое и даже иногда взрывное развитие юридической мысли, как в форме нормативных текстов и трактатов, так и в форме интерпретации событий и фактов через формулы документов. Таким образом складывается насыщенная информационная среда. Университетам, капитулам, ремесленным корпорациям, возникавшим в последние столетия Средневековья, не нужно было долго искать формы своей организации — они могли воспользоваться уже существующими примерами. Это не приводило к тотальной унификации, каждое сообщество обладало достаточными возможностями для выражения собственной самобытности. Но эта богатая палитра возможностей имела не очень удобное для историка следствие. Нередки были случаи, когда в источниках фигурируют сообщества со всем необходимым набором признаков, которые оказывались либо «пустышкой» (вспомним неудачные попытки насадить организованное ремесло во фландрском городе Ло), либо «эмбрионом», как Университет в Кракове, основанный в 1364 г., но реально начавший свою деятельность с 1400 г.

Эта же информационная среда, по-видимому, повинна в том, что внутренне непротиворечивая классификация городских сообществ, построенная на функциональном принципе, вряд ли возможна. Вроде бы одни сообщества имели

ярко выраженные производственные функции, другие обладали каритативными функциями, третьи были призваны обеспечить порядок и оборону города. Многие сообщества имели характер свободного клятвенного союза, другие таковыми не являлись, как, например, церковный приход. Но все они, начиная с какого-то момента своего существования, играют по одинаковым правилам. То есть выбирают своих должностных лиц, почитают святого-патрона и обзаводятся различными реликвиями, помогают бедным, имеют общую кассу, являют себя городу во время праздничных шествий и, конечно же, собираются на совместные пиры, неизменно осуждаемые властями.

Иначе говоря, существует *gestalt*, и он позволяет нам, не забывая о разных типах вариативности, проследить определенные устойчивые последовательности. Например, мы можем увидеть сходство в деятельности фландрских стрелковых гильдий и ливонских братств Черноголовых, являвшихся одновременно и военной организацией, и рекреативной корпорацией, организующей «спортивные состязания» и городские праздники. В конце концов, это был один культурный ареал, один хронологический период и экономически единый регион, связанный северной морской торговлей и «прошитый» личными контактами. Достаточно вспомнить представителей ревельского братства Черноголовых. Они отправились в Брюгге заказывать ретабло для своей капеллы, а мастер среди прочего изобразил несколько десятков коленопреклоненных братьев, придав им индивидуальные черты, которые позволяют считать их портретами членов делегации. Однако вряд ли существовали интенсивные личные контакты между жителями ливонских и итальянских городов. Но североитальянские контрады — административно-территориальные и военные объединения местных жителей — демонстрируют ту же эволюцию: военные функции дополняются или даже вытесняются развлекательными. Достаточно вспомнить знаменитое сиенское Палио, до сих пор организуемое контрадами.

То, что мы подчеркиваем невозможность функциональной классификации городских сообществ, вовсе не означает, что мы отрицаем функциональную нагрузку этих сообществ, социальную обусловленность их возникновения и функционирования и прагматические резоны их существования.

Мы не ставили специальной задачи исследовать эти проблемы, исходя из того, что они неплохо разработаны в историографии. Однако проведенные исследования могут служить основой для последующих изысканий. Так, например, можно задаться вопросом о взаимосвязи эволюции систем родства и особенностях формирования городских сообществ. Первое, что бросается в глаза, — это хронологическое совпадение усиления социальной роли малой семьи (при соответственном ослаблении других родственных связей) и стремительный рост числа всевозможных сообществ. Некоторые из них вполне эксплицитно брали на себя роль новой «большой семьи». В других случаях родство подразумевается имплицитно, воплощаясь в различного рода метафорах — братской любви, братской взаимопомощи и т.д.

Конечно, значимость малой семьи в крупных городах росла очень постепенно; параллельно с этим сохранялась, а временами усиливалась роль патрицианских линияжей. Общеизвестна также роль консортерий в итальянских городах. Но любопытно, что и консортерии вели себя подобно другим городским сообществам (есть сведения об уставах и внутреннем правовом регулировании в консортериях), а патрицианские линияжи оказывались включенными в городские общности разных уровней и типов.

При этом вполне очевидно, что эволюция городских сообществ не должна рассматриваться отдельно от общего духовного климата и религиозных исканий в Западной Европе после Тысячного года. Сколь бы ни были сильны социальные, хозяйственные и даже социально-антропологические причины формирования городских сообществ, не следует забывать, что их неотъемлемой частью были поиски путей коллективного и индивидуального спасения. Тут мы можем наблюдать сходство логики развития средневековых монашеских и других церковных общин (вспомним о средневековой истории каноников) и городских сообществ. Декларируемая в подавляющем числе случаев братская любовь как основополагающий принцип отношений внутри общины/сообщества — это не только метафора реальных родственных отношений, но и отсылка к базовым христианским ценностям. И к этому же присоединяется непременно помощь бедным, совместная молитва в собственной часовне или капелле и формирование особых практик благочестия,

поминовение умерших членов сообщества («нерасторжимое сообщество живых и мертвых», исследованное О. Эксле). Важно подчеркнуть, что роль этих функций, вероятно весьма существенная в момент возникновения сообщества, с течением времени не ослабевала, а усиливалась, и иногда их начинали воспринимать как основные. Достаточно вспомнить укрепление культа святых-патронов, пресловутую «охоту за реликвиями», расцвет религиозных процессий. Не случайно в литературе возник термин «корпоративный католицизм». Коллективное благочестие представлялось залогом спасения души. Корпоративный католицизм достигает своего апогея в начале XVI в. и затем становится главной мишенью атак со стороны реформаторов разного толка. Мартин Лютер со свойственной ему резкостью суждений обвинил современные ему братства в том, что их цель — не спасение души, а организация бессмысленных попоек.

Городские самоорганизующиеся сообщества приспособились к новым условиям, обрели второе дыхание, сохранили, а иногда даже и приумножили свое социальное значение. Но это происходило уже в другую эпоху...

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белов Г., фон.** Городской строй и городская жизнь средневековой Германии / Пер. с нем. Е. Петрушевской; предисл. и ред. Д. Петрушевского. М., 1912.
- Бернадская Е.В.** Феррара и ее сельский округ (по книге нотариуса Беллино Прегостини) // Итальянские коммуны XIV–XV вв.: Сб. документов из Архива ЛОИИ АН СССР / Под ред. В.И. Рутенбурга. М.; Л., 1965. С. 237–256.
- Блокманс В.** Об условиях эффективности соучастия в политическом управлении при Старом порядке // Средние века. 2014. Вып. 75 (3/4). С. 43–65.
- Вебер М.** Город / Пер. с нем. М. Левиной; науч. ред. К. Левинсон. М., 2017.
- Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2: Жизнь города и деятельность горожан** / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999.
- Гофман И.** Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / Пер. с нем. Р. Бумачиной и др. М., 2003.
- Грацианский Н.П.** Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетии. Казань, 1911.
- Кириллова Е.Н.** Корпорации раннего Нового времени: ремесленники и торговцы Реймса в XVI–XVIII веках. М., 2007.
- Климанов Л.Г.** Венеция: социально-пространственная структура островного города и его опорные (базовые) магистратуры // Античная древность и Средние века. Екатеринбург, 2008. Вып. 38. С. 196–217.
- Кононенко А.М.** К истории итальянского нотариата XI–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Вып. 6. С. 312–334.
- Королев А.А.** Соборный капитул Лиона на пути к автономии (IX–XII вв.) // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2017. Т. 8. Вып. 8 (62). [Электронный ресурс; доступ для зарегистрированных пользователей]. URL: <https://history.jes.si/s207987840001976-2-1> (дата доступа 07.07.2018).
- Котельникова Л.А.** Итальянское крестьянство и город XI–XIV вв. М., 1967.
- Котельникова Л.А.** Феодализм и город в Италии в VIII–XV веках. М., 1987.
- Краснова И.А.** Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. М.; СПб., 2018.

- Лазарев А.В. Ментальные карты Парижа XVI в.: восприятие городского пространства // Средние века. М., 2009. Вып. 70. С. 63–94.
- Луман Н. Введение в системную теорию / Пер. с нем. К. Тимофеев, под ред. Д. Беккера. М., 2007.
- Луман Н. Мировое время и история систем. Об отношениях между временными структурами и социальными структурами общественных систем // Логос. 2004. № 5 (44). С. 131–167.
- Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–124.
- Неусыхин А.И. Социологическое исследование Макса Вебера о городе // Под знаменем марксизма. 1923. № 8/9.
- Общности и человек в средневековой Европе / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М.; Саратов, 1992.
- Общности и человек в средневековом мире: Материалы межреспубликанской конференции. М.; Саратов, 1992.
- Оттокар Р.П. Опыты по истории французских городов в Средние века. Пермь, 1919.
- Пиренн А. Средневековые города Бельгии / Пер. с фр. под ред. Е.А. Косминского. СПб., 2001 (репринт, 1-ое изд. 1937).
- Право в средневековом мире / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2009.
- Предваряя союзы. Наемные рабочие и коллективные действия в Европе 1300–1850 / Под ред. К. Лис, Я. Лукассена и Х. Соли. М., 1997.
- «Ради блага города»: Городские правовые сборники / Сост. А.А. Анисимова, Г.А. Попова. Приложение к журналу «Средние века». М., 2014. Вып. 8.
- Регистры ремесел и торговли города Парижа / Пер. с фр. Л.И. Киселевой; под ред. А.Д. Люблинской // Средние века. М., 1957. Вып. IX. С. 309–362; Средние века. М., 1958. Вып. X. С. 171–221.
- Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2.
- Сванидзе А.А. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции. М., 1967.
- Сванидзе А.А. Средневековый коммунизм как общественный феномен и историческая проблема // Средние века. М., 1993. Вып. 56. С. 5–32.
- Сванидзе А.А., Анисимова А.А. Город в средние века // Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012. С. 54–70.
- Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей. Человек в истории. 2001. М., 2001. С. 199–215.
- Срединская Н.Б. Феррара XIV века в отражении актов родового архива Сакрати. М., 2017.

- Уваров П.Ю. Эмблематика и топография городского пространства (Париж XVI века) // *Signum*. М., 2005. С. 121–135.
- Уваров П.Ю. XII век и секрет средневекового Запада: обретение форм // *Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени*. М., 2013. Вып. 74 (3/4). С. 42–59.
- Чистозвонов А.Н. Детерминанты технологии средневекового шерстоткачества (преимущественно на материалах Нидерландов) // *Средние века*. М., 1973. Вып. 36. С. 14–27.
- Эксле О.Г. Гильдия и коммуна. О возникновении «объединения» и «коммуны» как основных форм совместной жизни в Европе // *Эксле О.Г. Действительность и знание: Очерки социальной истории Средневековья* / Пер. с нем. Ю.Е. Арнаутовой. М., 2007. С. 136–156.
- Эксле О.Г. Средневековые гильдии: их самосознание и вклад в формирование социальных структур // *Эксле О.Г. Действительность и знание: Очерки социальной истории Средневековья*. М., 2007. С. 96–125.
- Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий: Сб. ст. / Пер. с англ. И. Пильщикова, под ред. Ф. Барта. М., 2006.
- Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке: Учеб. пособие. М., 1995.
- Amelung F. Geschichte der Revaler Schwarzenhäupter von ihrem Ursprung bis auf die Gegenwart*. Reval, 1885.
- Amelung F., Wrangell G. Geschichte der Revaler Schwarzenhäupter. Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Kaufmanns im Osten*. Reval, 1930.
- Archives législatives de la ville de Reims* / Publ. par P. Varin. 4 vols. Paris, 1840–1852.
- Baldwin J.W. Masters, Princes and Merchants: The Social Views of Peter the Chantre and his Circle*. 2 vols. Princenton, 1970.
- Barrero García A.M. El proceso de formación del derecho local medieval a través de sus textos: los fueros castellanos-leoneses* // *I Semana de Estudios Medievales, Nájera, del 6 al 11 de agosto de 1990* / Coord. por J.I. de la Iglesia Duarte. Logroño, 2001. P. 89–129.
- Barrero García A.M., Alonso Martín M.L. Textos de derecho local español en la Edad Media*. Madrid, 1989.
- Barrow J. Cathedrals, Provosts and Prebends: A Comparison of Twelfth-Century German and English Practice* // *Journal of Ecclesiastical History*. 1986. Vol. 37. P. 536–564.
- Barrow J. Chrodegang, His Rule and Its Successors: Review Article* // *Early Medieval Europe*. 2006. Vol. 14. P. 201–212.

- Barrow J.* The Clergy in the Medieval World: Secular Clerics, their Families and Careers in North-Western Europe, c. 800 – c. 1200. Cambridge, 2016 (1st ed. 2015).
- Billen C., Kusman D.* Les villes du Brabant face à la crise des finances du duché de Jean II. La crise d'une société tout entière // Histoire urbain. 2012. No. 1 (33). P. 63–80.
- Blickle P.* Kommunalismus. Skizzen einer gesellschaftlicher Organisationsform. München; Oldenbourg, 2000.
- Blockmans W.* Inclusiveness and Exclusion: Trust Networks at the Origins of European Cities // Theory and Society. 2010. Vol. 39. No. 3/4. P. 315–326.
- Blockmans W.* Metropolen aan de Noordzee. De geschiedenis van Nederland, 1110–1550. Amsterdam, 2010.
- Blockmans W.* Urbanisation in the European Middle Ages: Phases of Openness and Occlusion // Living in the City: Urban Institutions in the Low Countries, 1200–2010 / Ed. L. Lucassen, W. Willems. London; New York, 2012. P. 16–31.
- Bocchi F.* Uomini e terra nei borghi ferraresi. Il catastro parcellare del 1494. Ferrariae decus, 1976.
- Bonachía J.A.* El concejo como señorío (Castilla, siglos XIII–XV) // Concejos y ciudades en la Edad Media Hispánica: II Congreso de Estudios Medievales. Madrid, 1990. P. 429–463.
- Bonnerue P.* Le choix des modèles monastiques et canoniaux dans la législation religieuse du premier quart du IXe siècle // Écrire son histoire: Les communautés régulières face à leur passé / par Bouter. Saint-Étienne, 2006. P. 327–336.
- Boone M.* À la recherche d'une modernité civique. La société urbaine des anciens Pays-Bas au bas Moyen Age. Bruxelles, 2010.
- Bourlet C.* Le Livre des métiers dit d'Étienne Boilleau et la lente mise en place d'une législation écrite à Paris (fin XIIIe – début XIVe siècle) // Médiévales. 2015. 69. Travailler à Paris (XIIIe–XVIe siècles). P. 19–47.
- Burkhardt M.* Der hansische Berghandel im Spätmittelalter. Handel–Kaufleute–Netzwerke. Köln; Weimar; Wien, 2009.
- Carlé M.C.* Del concejo medieval castellano-leonés. Buenos Aires, 1968.
- Chartularium Universitatis Parisiensis* / Éd. par H. Denifle, A. Chatelain. 4 t. Paris, 1889–1897.
- Claussen M.A.* The Reform of the Frankish Church: Chrodegang of Metz and the Regula Canonicorum in the Eighth Century. Cambridge, 2004.
- Communauté d'habitants au Moyen Âge (XIe–XVe siècles)* / Dir. J. Morsel. Paris, 2018.
- Coornaert E.* Les corporations en France avant 1789. Paris, [1941].
- Coornaert E.* Des confréries carolingiennes aux gildes marchandes // Mélanges d'histoire sociale. 1942. Vol. 2. P. 5–21.

- Cowan I. B.* The organisation of Scottish secular cathedral chapters // Records of the Scottish Church History Society. 1960. Vol. 14. P. 19–47.
- Coyecque E.* Recueil d'actes notariés relatifs à l'histoire de Paris et de ses environs au XVIe siècle. T. 1 (1498–1545). Paris, 1905.
- Craft Guilds in the Early Modern Low Countries. Work, Power, and Representation* / Ed. M. Prak, C. Lis, J. Lucassen and H. Soly. Aldershot, 2006.
- Crevier J.-B.-L.* Histoire de l'Université de Paris depuis son origine jusqu'en l'année 1600. 7 vols. Paris, 1761.
- Crombie L.* Archery and Crossbow Guilds in Medieval Flanders, 1300–1500. Woodbridge (UK), 2016.
- Crog L.* Hiérarchie et mobilité collective dans la société Parisienne du XVIIe siècle // Dire et vivre l'ordre social en France sous l'Ancien Régime / Textes réunis par F. Cosandey. Paris, 2005.
- Czaja R.* Patrician guild on the Baltic coast // Acta Poloniae Historica. 2005. Vol. 92. P. 31–53.
- Daux C.* Les chapitres cathédraux de la France. Notices—costumes—sceaux—armoiries. Amiens; Paris, 1888.
- De Bono Communi.* The Discourse and Practice of the Common Good in the European City (13th–16th c.) / Ed. by E. Lecuppre-Desjardin, A.L. Van Bruaene. Turnhout, 2010.
- De Hemptinne T., Prevenier W.* Les acts urbains, témoins d'une conscience identitaire. Instruments de décision politique et de contrôle social en Flandre, à Gand en particulier (XIVe–XVe siècles) // Histoire urbaine. 2012. No. 3 (No. 35). P. 13–30.
- Dean T.* Commune and Despot: The Commune of Ferrara under Este Rule, 1300–1450 // City and Countryside in Late Medieval and Renaissance Italy. London, 1990. P. 183–197.
- Del Cantábrico al Duero: trece estudios sobre organización social del espacio en los siglos VIII a XIII* / Ed. J.A. García de Cortázar. Madrid, 1999.
- Delhay Ph.* L'organisation scolaire au XIIe siècle // Traditio. 1947. T. 5. P. 211–268.
- Dereine Ch.* Chanoines // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique. Paris, 1953. T. 12. Col. 373–404.
- Dereine Ch.* La "Vita apostolica" dans l'ordre canonial du IXe au XIe siècles // Revue Mabillon. 1961. T. 51. P. 47–53.
- Derville A.* Les villes de Flandre et d'Artois (900–1500). Villeneuve d'Ascq (Nord), 2002.
- Descimon R.* Les quartiers de Paris du Moyen-Age au XVIIIe siècle. Evolution d'un espace plurifonctionnel // Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. 1979. Vol. 34. No. 5. P. 956–983.
- Drechsler W.* The Contrade, the Palio and the Ben Comune: lessons from Siena // Trames. 2006. 10 (2).

- Du Boulay C. E. Historia Universitatis Parisiensis. Paris, 1665–1673. 6 vols.*
- Dumas A. I capitoli delle cattedrali // Storia della Chiesa / Ed. E. Amann, A. Dumas. T. 7: L'epoca feudale (888–1057). Torino, 1953. P. 265–280.*
- Dumolyn J. Guild Politics and Political Guilds in Fourteenth Century Flanders // The Voices of the People in Late Medieval Europe. Communication and Popular Politics / Ed. by J. Dumolyn, J. Haemers, H.R. Oliva Herrero, V. Challet. Turnhout, 2014. P. 15–48.*
- El libro de los Privilegios de Toledo / Ed. por R. Izquierdo Benito. Toledo, 2005.*
- Espinas G. Les origins de l'association. I: Les origins du droit d'association dans les villes de l'Artois et de la Flandre français jusqu'au début du XVIe siècle. Lille, 1942.*
- Estepa Díez C. El alfoz y las relaciones campo-ciudad en Castilla y León durante los siglos XII y XIII // Studia historica. Historia medieval. 1984. No. 2. P. 7–26.*
- Estepa Díez C. Estado actual de los estudios de las ciudades medievales castellano-leoneses // Historia medieval: cuestiones de metodología. Valladolid, 1982. P. 27–81.*
- Farnhill K. Guilds and the Parish Community in Late Medieval East Anglia, c. 1470–1550. York, 2001.*
- Ferruolo S.C. The Origins of the University: The Schools of Paris and their Critics, 1100–1215. Stanford, 1985.*
- Fossier R. Enfance de l'Europe, X^e–XIIe siècles. Aspects économiques et sociaux. Paris, 1982.*
- Fougères M. Entr'aide et pitié: Les associations urbaines au Moyen Âge // Mélanges d'histoire sociale. 1944. Vol. 5. P. 100–106.*
- Franklin A. Dictionnaire historique des arts, métiers et professions. Paris; Leipzig, 1906.*
- García Gallo A. Los fueros de Toledo // Anuario de Historia de Derecho Español. 1975. T. 45. P. 342–488.*
- Golden Times. Wealth and Status in the Middle Ages / Ed. V. Lambert, P. Stabel. Tiel, 2016.*
- González Palencia A. Los mozárabes de Toledo en los siglos XII–XIII. Vols. I–IV. Madrid, 1926–1930.*
- Gorochov N. Naissance de l'Université. Les écoles de Paris d'Innocent III à Thomas d'Aquin (1200–1245). Paris, 2012.*
- Gross C. The Guild Merchant: A Contribution to British Municipal History. 2 vols. Oxford, 1890.*
- Grundmann H. Vom Ursprung der Universität im Mittelalter. Berlin, 1957.*
- Haering S. Rechtsgrundlagen und Strukturen der Domkapitel des deutschen Sprachraumes. Ein vergleichender Überblick // Anali di studi religiosi. 2003. Vol. 4. P. 260–276.*

- Haskins Ch.* The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge, Mass.; London, 1971 (1st ed. 1929).
- Haverkamp A.* "Comunita" e "spazio" urbano nel Medioevo. Suggestioni dalla "Romania" transalpina e dalla Germania // *Quaderni Storici*. 2001. Vol. 107. No. 2. P. 573–593.
- Heim M.* Chorherren-Reformen im Früh- und Hochmittelalter // *Münchener Theologische Zeitschrift*. 1995. Bd. 46. S. 21–36.
- Hottin C.* La constitution de l'espace universitaire parisien (XIIIe–XVIIIe siècles): jalons pour la redécouverte d'un patrimoine // [Электронный ресурс] *Situ*, 2010. No. 17. Режим доступа: <http://insitu.revues.org/11310>
- Iogna-Prat D.* Cité de Dieu, cité des hommes. L'Église et l'architecture de la société. 1200–1500. Paris, 2016.
- Jehanno Ch.* Le travail au Moyen Âge, à Paris et ailleurs: retour sur l'histoire d'un modèle // *Médiévales*. 2015. No. 69. Travailler à Paris (XIIIe–XVIe siècles). P. 5–18.
- Journal of British Studies*. 1994. Vol. 33. No. 4. Vill, Guild, and Gentry: Forces of Community in Later Medieval England.
- Kümin B.* The Communal Age in Western Europe, 1100–1800. Towns, Villages and Parishes in Pre-Modern Society. Basingstoke, 2013.
- La Draperie ancienne de Pays-Bas: débouchés et stratégies de survie (XIVe–XVIe siècles) = Drapery Production in the Late Medieval Low Countries: Markets and Strategies for Survival (XIVth–XVIth Centuries).* Studies in Urban Social, Economic and Political History of the Medieval and Modern Low Countries / Ed. M. Boone, W. Prevenier. Leuven; Appeldorn, 1993.
- La Rosa A.* Il notariato ferrarese negli statuti comunali del 1287 e del 1534. Ferrara, 1968.
- Lauwers M.* Naissance du cimetière. Lieux sacrés et terre des morts dans l'Occident médiéval. Paris, 2005.
- Le Goff J.* Les intellectuels au Moyen Âge. Paris, 1957.
- Le Grand M.* Le chapitre cathédral de Langres: Son organisation et son fonctionnement, de la fin du XIIe siècle au concordat de 1516 // *Revue d'histoire de l'Église de France*. 1929. T. 15. P. 431–488; 1930. T. 16. P. 23–42, 240–264, 373–384, 502–532.
- Le Livre des métiers* / Publ. par R. de Lespinasse et Fr. Bonnardot. Paris, 1879. (Réimpr. Genève, 1980.)
- Leclercq H.* Chanoines // *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*. T. 3. Pt. 1. Paris, 1913. P. 223–248.
- Leclercq H.* Chapitre des cathédrales // *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*. T. 3. Pt. 1. Col. 495–507.
- Lepine D.* A Brotherhood of Canons Serving God: English Secular Cathedrals in the Later Middle Ages. Woodbridge, 1995.

- Les métiers et corporations de la ville de Paris, XIVe–XVIIIe siècles / Publ. par R. de Lespinasse. 3 vols. Paris, 1886–1897.
- Lesne É.* Évêché et abbaye: Les origines du bénéfice ecclésiastique // Revue d'histoire de l'Église de France. 1914. T. 5. P. 15–50.
- Lesne É.* Histoire de la propriété ecclésiastique en France. 6 t. Lille; Paris, 1910–1943.
- Lesne É.* L'origine des menses dans le temporel des églises et des monastères de France au IXe siècle. Lille; Paris, 1910.
- Lesne É.* Les origines de la prébende // Revue historique de droit français et étranger. Sér. 4. 1929. T. 8. P. 242–290.
- Levillain L.* Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque mérovingienne // Bibliothèque de l'École des chartes. 1921. T. 82. P. 5–116; 1925. T. 86. P. 5–99; 1926. T. 87. P. 20–97, 245–346; 1930. T. 91. P. 5–65, 264–300.
- Loisel A.* Pasquier ou Dialogue des avocats du Parlement de Paris / Éd. par A. Dupin. Paris, 1844.
- Maître C.* De Saint-Maurice d'Agaune à Saint-Denis-en-France: La louange ininterrompue, fruit d'une volonté politique? // Revue Mabillon. 2010. T. 82. P. 5–36.
- Mänd A.* Urban Carnival: Festive Culture in the Hanseatic Cities of the Eastern Baltic, 1350–1550. Turnhout, 2005.
- Marchal G. P.* Was war das weltliche Kanonikerinstitut im Mittelalter? Dom- und Kollegiatstifte: Eine Einführung und eine neue Perspektive // Revue d'histoire ecclésiastique. 1999. T. 94. P. 761–807; 2000. T. 95. P. 7–53.
- Marquer la ville.* Signes, traces, empreintes du pouvoir (XIIIe–XVIe siècles) / Sous la dir. de P. Boucheron, J.-Ph. Genet. Paris, 2014.
- Marshall J. D.* The Study of Local and Regional Communities: Some Problems and Possibilities // Northern history. 1981. Vol. 17. P. 203–230.
- Massoni A.* La vita apostolica, modèle de vie religieuse dans les communautés de chanoines séculiers (XIIe–XVe siècles) // Apprendre, produire, se conduire: Le modèle au Moyen Âge. Actes du XLVe Congrès de la SHMESP (Nancy–Metz, 22–25 mai 2014). Nancy, 2015. P. 87–98.
- Massoni A.* Un nouvel instrument de travail pour la communauté scientifique: Le répertoire des collégiales séculières de France à l'époque médiévale // Revue d'Histoire Ecclésiastique. 2007. T. 102. P. 915–939.
- Mauvez G. des.* L'apprentissage à Ypres à la fin du XIIIe siècle. Contribution à l'étude des origines corporatives en Flandre // Revue du Nord. 1911. No. 1. P. 1–48.
- Mazel F.* L'évêque et le territoire. L'invention médiévale de l'espace (V^e–XIIIe siècles). Paris, 2016.

- McKay D.** Urban Development and Civic Community: A Comparative Analysis // *British Journal of Political Science*. 1996. Vol. 26, No. 1. P. 1–23.
- Meijns B.** Chanoines et moines à Saint-Omer: Le dédoublement de l'abbaye de Sithiu par Fridogise (820–834) et l'interprétation de Folcuin (vers 962) // *Revue du Nord*. 2001. No. 342. P. 691–705.
- Meijns B.** Des basiliques rurales dans le nord de la France? Une étude critique de l'origine mérovingienne de quelques communautés de chanoines // *Sacris Erudiri*. 2002. Vol. 41. P. 301–340.
- Meijns B.** L'ordre canonial dans le comté de Flandre depuis l'époque mérovingienne jusqu'à 1155: Typologie, chronologie et constantes de l'histoire de fondation et de réforme // *Revue d'histoire ecclésiastique*. 2002. T. 97. P. 5–57.
- Meijns B.** Les chanoines séculiers: Histoire et fonctions dans la société (IXe–XIIe siècles) // *Les chapitres séculiers et leur culture: Vie canoniale, art et musique à Saint-Yrieix (VIe–XIIIe siècles)* / Éd. C. Andrault-Schmitt, Ph. Depreux. Limoges, 2014. P. 15–30.
- Michaud-Quantin P.** Universitas: Expressions du mouvement communautaire dans le Moyen Âge latin. Paris, 1970.
- Millet H.** Les chanoines du chapitre cathédral de Laon, 1272–1412. Rome, 1982.
- Mínguez Fernández J.M.** Feudalismo y concejos. Aproximación metodológica al análisis de las relaciones sociales en los concejos medievales castellano-leoneses // *En la España Medieval*. 1982. Vol. 3. P. 109–122.
- Molenat J.-P.** Les francs de Tolède aux XIIe et XIIIe siècle à travers les documents de la pratique // *Comprendre le XIIIe siècle: Mélanges offerts à M.-T. Lorcin*. Paris, 1995. P. 59–72.
- Monsalvo Antón J.M.** El sistema político concejil: el ejemplo del señorío medieval de Alba de Tormes y su concejo de villa y tierra. Salamanca, 1988.
- Monsalvo Antón J.M.** Frontera pionera, monarquía en expansión y formación de los concejos de villa y tierra. Relaciones de poder en el relengo concejil entre el Duero y el Tajo (c. 1072–1222) // *Arqueología e territorio medieval*. 2003. No. 10 (2). P. 45–126.
- Networks, Regions and Nations: Shaping Identities in the Low Countries, 1300–1650** / Ed. R. Stein, J. Pollmann. Leiden; Boston, 2010.
- Nicholas D.** The Medieval Flanders. New York; London, 2013.
- Nicholas D.** The Metamorphosis of a Medieval City. Ghent in the Age of the Artevelde, 1302–1390. Leiden, 1987.
- Nicholls K.W.** Mediaeval Irish cathedral chapters // *Archivium Hibernicum*. 1973. Vol. 31. P. 102–111.
- Noizet H.** La fabrique de la ville: Espaces et sociétés à Tours (IXe–XIIIe siècles). Paris, 2007.

- Noizet H. Les basiliques martyriales au VIe et au début du VIIe siècle // Revue d'histoire de l'Église de France. 2001. T. 87. P. 329–355.
- Olivier-Martin F. Précis d'histoire du droit français. Paris, 1945.
- Olivier-Martin F. L'organisation corporative de la France d'ancien régime. Paris, 1938.
- Ortalli G. Comune e vescovo a Ferrara nel secolo XII: dai "falsi ferraresi" agli statuti del 1173 // *Bulletino dell'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano*, 1970. Vol. 82. P. 271–328.
- Palliser D.M. Towns and Local Communities in Medieval and Early Modern England. Aldershot, 2006.
- Pasquier E. Les Recherches de France. Paris, 1621.
- Picard J.-Ch. Les origines des quartiers canoniaux // *Évêques, saints et cités en Italie et en Gaule: Études d'archéologie et d'histoire*. Rome, 1998. P. 451–466.
- Pirenne H. Les anciennes démocraties des Pays-Bas. Paris, 1911.
- Pirenne H. Les villes du Moyen-Age, essai d'histoire économique et sociale. Bruxelles, 1927.
- Poggiaspalla F. La vita comune del clero dalle origini alla riforma gregoriana. Roma, 1968.
- Post G. Alexander III, the "Licentia docendi" and the Rise of the Universities // *Anniversary Essays in Medieval History* / Ed. Ch.H. Taylor. Cambridge, 1929. P. 255–277.
- Prevenier W. Les sources de la pratique judiciaire en Flandre du XIIe au XVe siècle et leur mise en oeuvre par les historiens // *Pratiques sociales et politiques judiciaires dans les villes de l'Occident à la fin du Moyen Âge* / Éd. J. Chiffolleau, C. Gauvard, A. Zorzi. Rome, 2007. P. 105–123.
- Prévot F. La cathédrale et la ville en Gaule dans l'Antiquité tardive et le Haut Moyen Âge // *Histoire urbaine*. 2003. No. 7. P. 17–36.
- Règlements sur les arts et métiers de Paris, rédigés au XIIIe siècle et connus sous le nom du *Livre des métiers* d'Étienne Boileau / Publ. par G.-B. Depping. Paris, 1837.
- Renaissance and Renewal in the Twelfth Century / Ed. by R.L. Benson, G. Constable, C.D. Lanham. Cambridge, 1982.
- Reynolds S. Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300. Oxford, 1997.
- Reynolds S. The Idea of the Corporation in Western Christendom Before 1300 // *Law and Social Change in British History* / Ed. by J.A. Guy and H.G. Beale. London, 1984. P. 27–33.
- Ripart L. Saint-Maurice d'Agaune et la réforme canoniale (fin X^e – milieu du XIIe siècle) // *Autour de saint Maurice. Politique, société et construction identitaire* / Éd. N. Brocard et al. Saint-Maurice, 2012. P. 219–234.

- Robin G.** Le problème de la vie commune au chapitre de la cathédrale Saint-Maurice d'Angers du IXe au XIIe siècle // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1970. T. 13. P. 305–322.
- Roland E.** Les chanoines et les élections épiscopales du XIe au XIVe siècle. Aurillac, 1909.
- Rosenwein B.H.** *Negotiating Space. Power, Restraint, and Privileges of Immunity in Early Medieval Europe*. Ithaca, 1990.
- Rosser G.** *The Art of Solidarity in the Middle Ages: Guilds in England 1250–1550*. Oxford, 2015.
- Rubin M.** *Small Groups: Identity and Solidarity in the Late Middle Ages // Enterprise and Individuals in the Fifteenth-Century England* / Ed. by J. Kermode. Stroud, 1991. P. 132–150.
- Semmler J.** Mönche und Kanoniker in Frankenreich Pippins III. und Karls des Grossen // *Untersuchungen zu Kloster und Stadt*. Freiburg, 1980. S. 78–111.
- Semmler J.** Saint-Denis: Von der bischöflichen Coemeterialbasilika zur königlichen Benediktinerabtei // *La Neustrie. Les pays du nord de la Loire de 650 à 850* / Hrsg. H. Atsma (Beihefte der Francia, 16). Sigmaringen, 1989. P. 75–123.
- Sieglwart J.** Der gallo-fränkische Kanonikerbegriff // *Zeitschrift für schweizerische Kirchengeschichte*. 1967. Bd. 61. S. 193–244.
- Simiz S.** *Confréries urbaines et dévotions en Champagne. 1450–1830*. Villeneuve d'Ascq, 2002.
- Southern R.W.** *Scholastic Humanism and the Unification of Europe*. 2 vols. Oxford; Maiden, Mass., 1995–2001.
- Spifame R.** *Dicaearchiae Henrici Regis christianissimi progymnasmatia*. Paris, 1556.
- Stabel P.** *Dwarfs among Giants. The Flemish Urban Network in the Late Middle Ages*. Leuven; Apeldoorn, 1997.
- Stabel P.** *Guilds in Late Medieval Flanders: Myths and Realities of Guild Life in an Export-Oriented Environment* // *Journal of Medieval History*. 2004. Vol. 30. P. 187–212.
- The English Medieval Town: A Reader in English Urban History** / Ed. by R. Holt, G. Rosser. London and New York, 1990.
- Torquebiau P.** *Chanoines* // *Dictionnaire de droit canonique*. T. 3. Paris, 1942. Col. 477–482.
- Toubert P.** La vie commune des clercs aux XIe–XIIe siècles: Un questionnaire // *Revue historique*. 1964. T. 231. P. 11–26.
- Vaucelle E.-R.** *La collégiale de Saint-Martin de Tours des origines à l'avènement des Valois (397–1328)*. Paris, 1908.
- Verger J.** *Les universités au Moyen Âge*. Paris, 1973.
- Verger J.** Les ambiguïtés de la licentia docendi médiévale. Entre tutelle ecclésiastique et liberté universitaire // *Revue d'histoire des*

- facultés de droit et de la culture juridique, du monde des juristes et du livre juridique. 2009–2010. No. 29/30. P. 17–28.
- Vincent C. Les confréries médiévales dans le royaume de France. Paris, 1994.
- Vocabulaire des écoles et des méthodes d'enseignement au moyen âge. Actes du colloque (Rome, 21–22 octobre 1989) / Éd. O. Weijers. Turnhout, 1992.
- Weinbaum M. The Incorporation of Boroughs. Manchester, 1937.
- Wickham Ch. The «Feudal Revolution» and the Origins of Italian City // Transactions of the Royal Historical Society. 2014. Vol. 24. P. 29–55.
- Wilkin A. Fratres et canonici. Le problème de la dissolution de la vie commune des chanoines: Le cas de la cathédrale Saint-Lambert de Liège au Moyen Âge // Le Moyen Âge. 2005. T. 111. P. 41–58.
- Yardeni M. L'Ordre des avocats et la grève du barreau Parisien en 1602 // Revue d'histoire économique et sociale. 1966. Vol. IV. P. 481–507.
- Ypres and the Medieval Cloth Industry in Flanders: Archaeological and Historical Contributions = Ieper en de middeleeuwse laken-nijverheid in Vlaanderen: archeologische en historische bijdragen / Ed. M. Dewilde, A. Ervynck, A. Wielemans. Zellik, 1998.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Оригинал-макет *А. Старчеус*

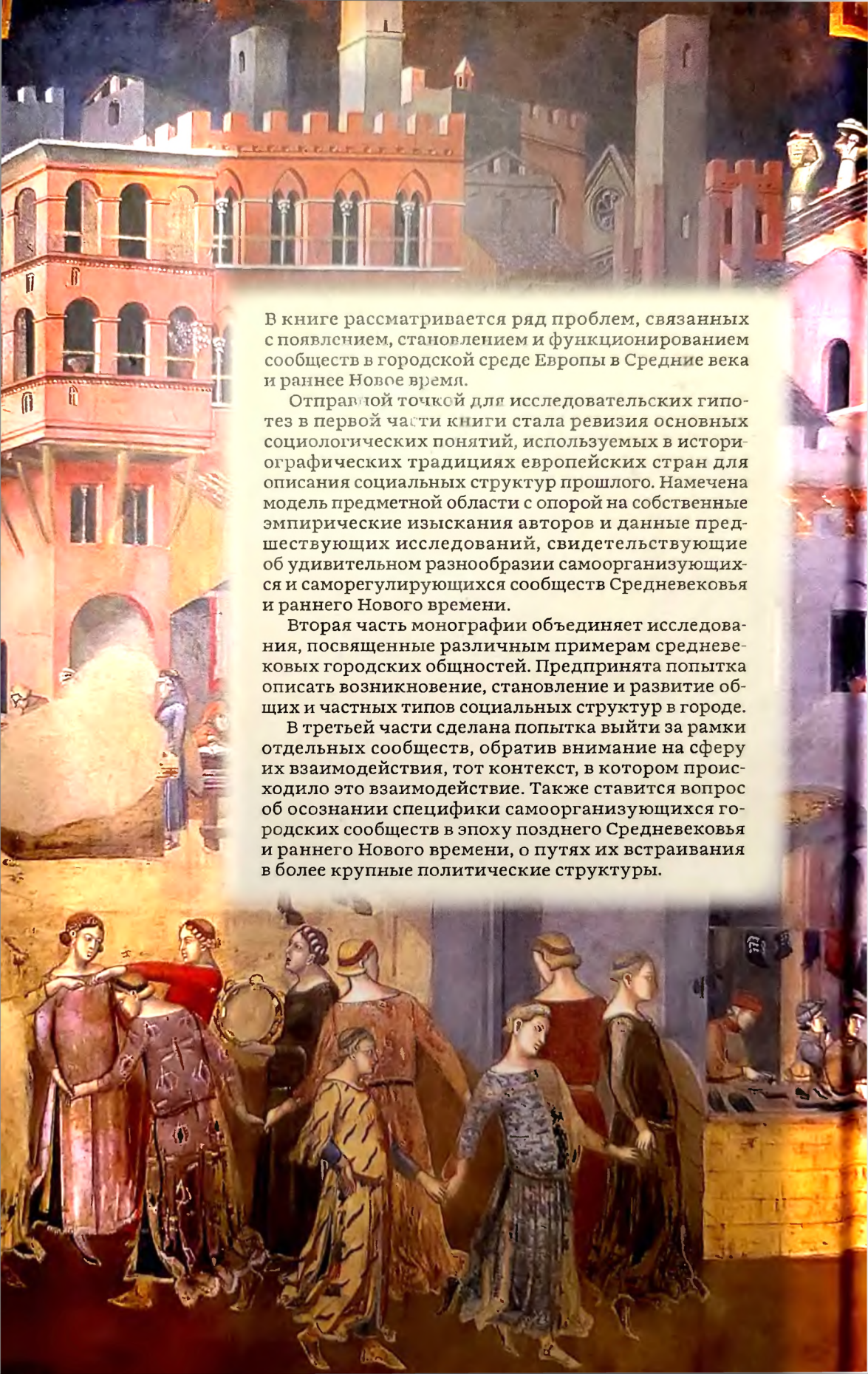
По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7(495)938-01-00
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by www.indrik.ru

**Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5**

**Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
35,0 п. л. Тираж 300 экз. Заказ 8237.**

**Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59**

В книге рассматривается ряд проблем, связанных с появлением, становлением и функционированием сообществ в городской среде Европы в Средние века и раннее Новое время.

Отправной точкой для исследовательских гипотез в первой части книги стала ревизия основных социологических понятий, используемых в историографических традициях европейских стран для описания социальных структур прошлого. Намечена модель предметной области с опорой на собственные эмпирические изыскания авторов и данные предшествующих исследований, свидетельствующие об удивительном разнообразии самоорганизующихся и саморегулирующихся сообществ Средневековья и раннего Нового времени.

Вторая часть монографии объединяет исследования, посвященные различным примерам средневековых городских общностей. Предпринята попытка описать возникновение, становление и развитие общих и частных типов социальных структур в городе.

В третьей части сделана попытка выйти за рамки отдельных сообществ, обратив внимание на сферу их взаимодействия, тот контекст, в котором происходило это взаимодействие. Также ставится вопрос об осознании специфики самоорганизующихся городских сообществ в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени, о путях их встраивания в более крупные политические структуры.